

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

НРЕЛЕДИЕ

ОТ АВТОРА ТРИЛОГИИ «ПРЕДВЕСТНИК»

— ВООРУЖЕННЫЕ СЛОВА —

Annotation

Чудовищная генетическая катастрофа захлестнула мир, в считанные годы погрузив цивилизацию в пучину хаоса. Под воздействием трансгенов Земля быстро превращается в ядовитую бесплодную пустыню. Последние клочки почвы заняты токсичными сорняками, некогда чистый воздух наполнен смертельно опасной пылью и канцерогенами, миллиарды людей превратились в уродливых инвалидов. На исходе третьего века черной летописи человечества мало кто верит, что миф, предрекший гибель всего живого, оставил реальный шанс на спасение. Русский ученый делает гениальное открытие: монастырское надгробие в Москве и таинственная могила в окрестностях Лос-Анджелеса скрывают артефакты, которые помогут найти драгоценное «Наследие». Собрав остатки техники, топлива и оружия, люди снаряжают экспедицию. Их миссия невыполнима: окружающая среда заражена, опасные земные твари всегда голодны, а мутанты яростно мстят тем, кто еще сохранил свой генотип «чистым». Кому достанутся драгоценные артефакты? Сумеет ли человечество использовать свой последний шанс? Об этом – в новом захватывающем романе Сергея Тармашева. Борьба за будущее продолжается!

- [Сергей Тармашев](#)
 - [От автора](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
-

Сергей Тармашев
Наследие

От автора

Дорогие читатели! Прежде чем вы познакомитесь с этой книгой, я бы хотел сказать о ней несколько слов. Первая ее часть может показаться перегруженной сложными научными данными. Однако я все же рекомендую отнестись к этим сведениям со всей серьезностью. Они достоверны и основываются на работах многих современных ученых – генетиков, биологов, вирусологов. Таково действительное положение дел в мире, и если мы не предпримем ничего, чтобы его изменить, фантастическая история второй и третьей частей может стать для наших потомков черной реальностью. Я посчитаю свой труд, и труд всех тех, кто помогал мне в сборе материалов для этой книги, не напрасным, если вы наберетесь терпения «пробиться» через научную аргументацию, не раздраженно ожидая ее завершения, но вдумчиво разобравшись в изложенных фактах.

Для удобства восприятия все величины в этой книге приведены в единой метрической системе, в том числе и в тех землях, где она традиционно не используется. Не стоит считать это ошибкой.

Автор благодарит за экспертные консультации и предоставленные материалы следующих научных специалистов: президента Общенациональной Ассоциации генетической безопасности (ОАГБ), кандидата биологических наук Баранова Александра Сергеевича; заслуженного работника культуры Российской Федерации, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора географических наук Горкина Александра Павловича; председателя совета директоров ЗАО «ОКЕАН-БАНК», кандидата экономических наук Гранкина Владимира Владимировича; директора московского представительства компании NAC INTERNATIONAL Синева Андрея Николаевича; доцента кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидата филологических наук Зеленину Елену Васильевну.

Автор выражает глубокое уважение всем российским ученым, самоотверженно продвигающим отечественную науку в условиях жалкого финансирования, не поддающимся соблазну обменять свою честь и безопасность страны на щедрый ливень зарубежных грантов и премий.

Пролог

Угличский Центр Сохранения Генетических Ресурсов,
200 км от Москвы, 23 ноября 2267 года,
11 часов 25 минут по времени Волжского Каскада

Седой человек в застиранном белом халате вздрогнул, словно пораженный электрическим разрядом, и замер, глядя на исцарапанный экран ноутбука. Электронная машина явно была долгожителем, ее внешняя крышка уже давно потеряла остатки краски, обнажив пластиковую поверхность, надколотую в нескольких местах. Для надежности на повреждения когда-то наклеили полосы широкого скотча, но под действием времени его края ссохлись, отлепились и закрутились в тоненькие трубочки, создавая сходство с берестой. При этом сей «берестяной» девайс ничем не выделялся на фоне интерьера знававшего лучшие времена тесного кабинета.

Грубые, наскоро выкрашенные серой краской стены, заставленные стеллажами с ворохом изрядно потрепанных книг, всевозможных бумаг и рваных картонных коробок, были практически не видны в тусклом освещении. Посреди грязного потолка, небрежно побеленного когда-то очень давно, а сейчас густо покрытого трещинами, одиноко торчал железный крюк, некогда предназначавшийся для крепления потолочной люстры. Скорее всего, таковая имелась в этом кабинете много лет назад, сейчас же ее место занимал кое-как привязанный к крюку прямо за электропровода обычный электрический патрон, в который был вкручен скудный источник света – мутная лампочка сорока ватт. В борьбе с мраком за господство над пространством кабинета сие потолочное светило безнадежно проигрывало. Тусклый свет почти не достигал обшарпанного пола, покрытого ныне затертым до-нельзя, но когда-то роскошным дубовым паркетом. Пара заваленных различным хламом выдавших виды столов, ютившихся в разрывах облепивших стены стеллажей, вкуче со сломанным креслом завершали общую картину убогого внутреннего убранства.

Хозяин кабинета еще несколько секунд не отрывал взгляда от

монитора, усыпанного открытыми окнами файлов, затем поднял очки на лоб и машинально потер переносицу пальцем.

– Я нашел ее! – самодовольно заявил он самому себе. – Никто не верил, никто! – Он победно усмехнулся. – А я нашел. Профаны! Ха!

Он вскочил со старенького стула, от чего тот жалобно заскрипел, и решительно направился к двери. Рядом с ней в темном углу обнаружился одежный шкаф, дверцы которого, судя по всему, давным-давно канули в Лету. Старик бережно снял истертый от времени белый халат и аккуратно повесил его на отдельную вешалку, особняком висящую в дальнем углу шкафа. После чего извлек из его темных дебрей огромных размеров бараний тулуп и принялся с кряхтеньем натягивать его, непрерывно бубня что-то себе под нос. Судя по вырывающимся из общего потока фраз возгласам: «Невежды!», «Профаны!» и «Они не верили мне! Как это типично!», старик адресовал свою обличительную речь неким давним оппонентам. Наконец, когда тулуп был побежден, к нему добавился такой же огромный толстый шарф и не менее огромная ушанка. Маленькая тщедушная фигурка, закутанная в тулуп, обмотанная шарфом в несколько витков и увенчанная шапкой с нелепо торчащими в разные стороны ушами, представляла собой крайне комичное зрелище.

Человек неуклюже подошел к столу и выдернул шнур питания из гнезда ноутбука. Тот жалобно пискнул предупреждающим сигналом, и на панели тотчас мигнул индикатор разряженной батареи. Старик сокрушенно покачал головой, аккумулятор давно уже не держал заряд, но заменить его возможности не было, а отдать в починку означало остаться без ноутбука, что было для старого ученого смерти подобно. Он осторожно закрыл ноутбук и засунул его за пазуху. Затем, окинув утопающий в сумраке кабинет победным взглядом, выдвинулся в коридор.

Узкий коридор был прямым и поистине бесконечным. Стены его через каждые несколько метров перемежались стандартными дверьми, а потолок – тусклыми осветительными плафонами. Откуда-то из-под потолка доносился монотонный гул насосов, закачивающих воздух из фильтровальных установок в вентиляционную систему. Каждые двадцать пять метров коридор разделяли вертикальные шлюзовые затворы, в отсутствие тревожного положения всегда открытые. Все это в совокупности, по мнению ученого, напоминало электричку времен XX века, только без пассажирских сидений. По крайней мере, именно так он себе ее представлял.

Коридор был практически безлюден, лишь один раз ему навстречу попался человек, закутанный в точно такие же необъятные зимние одежды.

Оба, не сбавляя шага, кивнули друг другу, даже не попытавшись встретиться взглядами. Преодолев метров сто коридора, старый ученый, тяжело дыша, уперся в бронеплиту выходного шлюза. Сидящий за толстым бронестеклом наблюдательного окна охранник лениво потянулся к пульта управления и ткнул пальцем в кнопку. Зажужжали сервоприводы, и дверной створ неторопливо полез вверх.

– Мне нужно срочно увидеть Президента! – старик, не дожидаясь полного открытия двери, неуклюже скрючился и прошмыгнул в открывшийся проход.

– Добрый день, господин профессор! – шепеляво захрипели изношенные динамики, укрепленные под потолком. – Я не могу выпустить вас наружу.

Профессор ошеломленно воззрился на дородного мужчину в униформе. Тот весело улыбался ученому через окно, выполненное в боковой стене шлюза, за которой располагалось помещение охраны.

– Что вы этим хотите сказать, милостивый государь?! – негодуя воскликнул профессор. – Это дело государственной важности! Немедленно отворяйте!

– Не имею права! – все так же весело улыбался охранник.

– Да как вы смее! – возмутился старик. – Я сделал столь важное открытие, что я не имею права вести его обсуждение никоим образом, кроме личного доклада! Сию же секунду отворяйте дверь! Мое открытие не просто важно, оно сверхважно!

– Бронежилет для почтовых голубей? – Охранник сделал круглые глаза.

– Что?! – Профессор задохнулся от возмущения. – Молодой человек! Вы так же далеки от науки, как наука от вас! Между прочим, тот проект имел глубокий смысл, но я не собираюсь вступать с вами в дискуссию! Немедленно отворяйте, либо я напишу на вас жалобу вышестоящему начальству, нет, лично Президенту! – грозно сверкнул глазами старик.

– Не имею права, – обреченно вздохнул охранник. – Не имею права выпустить вас наружу, дорогой профессор, в лабораторных тапочках. Такова инструкция. Там, кстати, минус тридцать семь. За Периметром пурга метет третьи сутки.

Ученый приподнял полы тулупа и обреченно устоял на свои ноги, обутое в разношенные матерчатые туфли.

– Вот незадача... – поник старик, представив путь до своего кабинета и обратно. Добравшись до шлюза, он изрядно взмок и порядком обессилел, и поэтому перспектива преодоления этой дистанции еще дважды полностью

выбила его из колеи.

Штурвал кремальерного затвора провернулся, открывая вход в помещение охраны, и на пороге появился охранник с парой огромных валенок в руке.

– Вот, наденьте мои, профессор! – сжалился над стариком человек в униформе. – Только при одном условии. – Он вновь весело улыбнулся, глядя на нелепую фигурку, утопающую в тулупе. – Пообещайте обязательно вернуть до конца смены!

– Что вы! – воскликнул профессор, обретая второе дыхание. – Разумеется! Верну в целости и сохранности! Премного вам благодарен! Вы прямо-таки мой спаситель!

Старик засуетился, пытаясь влезть в безразмерные валенки, что в его наряде сделать было не так-то просто. В конце концов, охранник, покачив головой, подошел к ученому и, присев на одно колено, обул его, словно ребенка.

– Вот так-то лучше! – одобрительно пробурчал здоровяк, окидывая отеческим взглядом ученого. – Теперь я могу выпустить вас со спокойной совестью.

Профессор забормотал слова благодарности, но охранник уже скрылся за мощной дверью и спустя пару секунд появился в окне за пультовым столом. Он коротко махнул старику рукой, давая понять, что процесс шлюзования начался.

На улице действительно было очень холодно. Едва профессор ступил наружу, как открытые нос и щеки доложили ему, что охранник не преувеличивал. Ледяной воздух защипал слизистые оболочки носовых пазух, и профессор привычно перешел на неглубокое дыхание. Он остановился, задрал голову, разглядывая поверхность Периметра, видневшуюся над верхними этажами гермокорпусов, и прислушался. Периметр неровно гудел под порывами бьющего в него снаружи ветра. Масштабная пирамидальная конструкция из стального каркаса и полупрозрачного полимера, подобно крыше деревенской избы из давно ушедших в небытие веков, накрывала собой площадь в двадцать пять квадратных километров. Она опиралась на мощные железобетонные стены и подпиралась в свою очередь настоящим лесом высотных корпусов, верхние плоскости которых служили основанием для крепления могучих подпорок. Спасение людей от смертельно опасной внешней среды и одновременно предмет их неустанных забот. Тридцать тысяч человек, штат ОКЦП, отдела контроля за целостностью Периметра, денно и нощно

сlediли за его состоянием вот уже двести лет. Кстати, а ведь согласно архивам, сто пятьдесят лет назад полимерные пластины внешнего слоя Периметра еще были совершенно прозрачными и даже не преломляли солнечных лучей, вспомнил старик. Но теперь изодранная многими десятилетиями ветров, словно наждаком, некогда идеально гладкая поверхность исцарапалась, полностью потеряла былую шлифовку и приобрела грязно-желтый оттенок.

Из-за сильной пурги солнечного пятна видно не было, и поэтому казалось, что мутная поверхность Периметра сама излучает свет. Старик попытался разглядеть, как на двадцатиметровой высоте ветер играет снежинками, гоняя их по наклонным поверхностям Периметра, но не смог и с грустью вспомнил, как в детстве в солнечные дни ему это удавалось. Он вздохнул, и холодный воздух, наполнив легкие, мгновенно вывел его из раздумий. Сейчас внутри Периметра даже холоднее, чем снаружи, стальные балки конструкций и железобетонные стены Периметра Центра Сохранения Генетических Ресурсов буквально раскалились от холода под действием ледяного ветра. Если так пойдет и дальше, то спустя пару дней внутри Периметра шкала термометра упадет ниже отметки в сорок градусов. Хоть Центр и выстроили возле ГЭС, отапливать полмиллиарда кубометров пространства было непозволительной роскошью. Как и охлаждать, если бы Периметр располагался в жарких широтах. Конструкция ЦСГР концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн» была стандартной по всему миру: квадрат пять на пять километров, обнесенный мощной железобетонной стеной двухметровой толщины в десять метров высотой, накрытый двухслойной прозрачной крышей, форма которой зависела от модификации. Внутри Периметра в строгом геометрическом порядке параллельно друг другу располагались цепочки герметических корпусов, разделенных между собой улицами и редкими перекрестками. Семь этажей под землей и от двух до пяти этажей над ней, в зависимости от удаленности от стен Периметра. Снаружи Периметр опоясывал так называемый «военизированный пояс», в просторечии ВП, – фортификационные сооружения, отвечающие за безопасность ЦСГР и отслеживающие зону отчуждения километровой ширины. Вот и вся география больших консервных банок, рассчитанных на один миллион человек каждая и призванных сохранить остатки человеческого генофонда до судного дня. Если, конечно, они исхитрятся до него дожить, прости невежественных внуков своих, Шаро Предрекшая!

Старик поежился и торопливо засеменил в сторону административного гермокорпуса. Протопать по лютomu холоду предстояло

почти километр. Опять же, если верить архивам, изначально по улицам ходил общественный транспорт, но когда сто лет назад численность населения упала до отметки в шестьсот тысяч человек, содержание его стало настолько убыточным, что администрация Угличского ЦСГР приняла решение о расформировании Отдела Общественного Транспорта и демонтаже его активов. Все пошло на запчасти. Что уж теперь-то говорить, когда в Центре и полумиллиона не осталось. Персональный транспорт положен только офицерскому составу, а об общественном помнят только легенды. Профессор остановился и перевел дух. Эх, а ведь когда-то он преодолевал вдвое большее расстояние от дома до выходного шлюза Периметра играючи. Годы, годы... Годы уже не те, и силы уже не те. Кому есть дело до мучений страдальца, сгибающегося под грузом прожитых лет, но спешащего открыть человечеству тайну его спасения? А ведь могли бы и оценить беспрецедентную важность его исследований, благодаря которым теперь у планеты появился шанс. Так ведь мало того, что не оценили, так еще и посмеивались втихомолку, называя за спиной псевдоученым. И кто в результате оказался прав? Мысль о долгожданной победе придавала ученому сил, и профессор припустил дальше с удвоенной скоростью.

Как и следовало ожидать, в такой мороз на улицах было немногочленно, и в этом был свой плюс. Не придется стоять в очереди перед входом в административный гермокорпус. Когда старик наконец-то достиг ближайшего шлюза, он уже окончательно выбился из сил. Ученый подошел к видеорегистрационной панели входа и надавил кнопку вызова, но так и не смог произнести ни слова. Несколько секунд он пытался восстановить дыхание. К счастью, кто-то из операторов систем видеонаблюдения узнал его, и на этот раз все обошлось без формальностей. В теплых помещениях гермокорпуса настроение старика значительно улучшилось, и в приемную Президента Угличского ЦСГР он вошел, будучи настроенным весьма решительно. Профессор хотел произвести серьезное впечатление на новую помощницу Президента, слухи о которой вот уже вторую неделю разносились по Центру.

– Здравствуйте, господин профессор! – Новая помощница Президента встретила его радушной улыбкой. – Чем могу помочь?

– Здравствуйте, Сашенька. Мне нужна срочная аудиенция! Это дело государственной важности, совершенно не терпящее отлагательств! – строго заявил профессор, поднимая вверх указательный палец, дабы подчеркнуть всю важность момента, и торопливо добавил: – Позволю себе напомнить вам, что у меня есть личное разрешение Президента на

внеочередную аудиенцию, если обсуждаемое дело подпадает под классификацию «государственная тайна». Это определено его личной резолюцией на моем заявлении от двенадцатого июня 2259 года под входящим номером...

– Конечно-конечно, господин профессор! – Сашенька была сама доброта. – Я осведомлена о ваших полномочиях! Не волнуйтесь, господин Президент сейчас проводит сеанс связи с Заволжским ЦСГР, и, как только он освободится, я немедленно доложу ему о вашем визите. Давайте, я вам по-могу!

Она вышла из-за стола и принялась помогать ученому снимать зимнее облачение, справиться с которым профессору никак не удавалось. Он уже извлек из дебрей тулупа свой ноутбук и теперь крепко прижимал его к груди, безуспешно пытаясь одной рукой размотать шарф. Сашенька ловко из-влекла седого ученого из вороха ушанок-шарфов-тулупов и усадила в гостевое кресло.

– Присаживайтесь, господин профессор! – Она сноровисто поместила профессорскую экипировку на вешалку. – Не желаете чая? На улице просто ужас что творится, такой холод!

– Не откажусь, – профессор поспешил сменить официальный тон на миролюбивый, – признаться, я изрядно замерз по дороге сюда...

– Одну секундочку! – Сашенька упорхнула в хозяйственную комнатку и тут же выглянула оттуда: – Вам с подсластителем?

– Разве еще есть лимит? – удивился профессор.

– Сегодня же холодно! – Сашенька вновь сверкнула улыбкой. – Посетителей было немного! Так я добавляю?

– Сделайте милость, голубушка, побалуйте старика, – ученый заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

Новая помощница Президента оказалась весьма милой девушкой, доброй и обаятельной. Впрочем, прежняя на первых порах тоже была сама кротость. Но так как должность помощницы Президента всегда совпадала с ролью его любовницы, все они довольно быстро осваивали привилегированное положение и столь же быстро входили во вкус. А по завершении данной метаморфозы житья от них не было никакого. Профессор напряг память, вспоминая всех женщин, которых ему довелось видеть сидящими за секретарским столом за свою долгую службу в научном аппарате Президента Угличского ЦСГР, и вынужден был признать, что почти никто из них не предлагал ему чая, и уж точно никто не тратил на это строго лимитированный подсластитель. И судя по скорости увеличения в размерах их «седалищного нерва», профессор

небезосновательно делал вывод об истинных причинах «вечной скудности» суточного продовольственного лимита, выделяемого канцелярии Президента на нужды официального этикета.

– Вот, угощайтесь на здоровье! – Сашенька подала ему на подносе большую дымящуюся кружку.

Помимо нее на подносе стояла небольшая вазочка из ажурного хрусталя, в которой лежал предмет, слишком сильно похожий на настоящий сладкий пряник. Профессор поморгал глазами. Пряник не исчезал. Тогда он позволил себе податься поближе к подносу и прищурился, напрягая ослабевшее с годами зрение. Пряник был абсолютно реален.

– Эмм... – Профессор никак не ожидал такого роскошного приема. – Сашенька, голубушка, вы меня ни с кем не спутали? – Он постарался произнести эту фразу как можно более осторожно.

– Ну что вы! – сверкнула зелеными глазами девушка. – Как можно! Вы – профессор Синицын Николай Федорович, наш главный историк и географ, я вас прекрасно помню, вы даже принимали у меня экзамен по истории четыре года назад.

Старик взгляделся в ее лицо, напрягая память, но так и не смог вспомнить. Уж больно много у нынешней молодежи схожих черт лица, слишком велик инбридинг в рамках небольших популяций, столетиями живущих обособленно друг от друга. Проводящийся обмен генетическими материалами между Центрами лишь немного замедлял этот процесс. За свою жизнь Синицын имел возможность пронаблюдать, как население Центра в силу демографических причин сократилось на сто тысяч...

– И что поставил? – автоматически осведомился профессор, протягивая руку к заветному прянику.

Последний раз откусать пряника ему доводилось лет десять назад, когда его возраст еще позволял находиться в списках неограниченно трудоспособного населения и соответственно иметь стандартный продовольственный паек.

– Двойку! – хихикнула Сашенька.

Старческая рука замерла на полпути к прянику.

– Да вы не волнуйтесь! – беззаботно заявила помощница Президента. – Я сама была виновата, не готовилась совсем. Вы потом заболели, и я пересдавала Елене Георгиевне.

Сашенька поставила поднос на столик у кресла и упорхнула к своему рабочему месту, продолжая что-то щебетать о том, что география была явно не ее стихией, зато литература всегда была ей по душе. Слушая ее вполуха, профессор принялся за пряник и сладкий чай. Горячая жидкость разлила

внутри приятное тепло, и старик почувствовал, как затихает гул в натруженных ходьбой ногах. Да пошлет этой милой девушке счастья Шаро Предрекшая! И заодно пусть проследит, чтобы ее не испортило высокое положение. Впервые старик испытывал искреннюю симпатию к помощнику Президента.

Профессор неторопливо оглядывал президентскую приемную. Бывать здесь ему доводилось нечасто, а не отстояв долгую запись, и вовсе никогда. Помещение еще хранило следы бывшего великолепия. Массивная деревянная мебель, витиеватые люстры ручной ковки, декоративные панели, скрывающие радиаторы отопления. Идеально ровные стены и потолок, покрытые краской без малейшего следа трещин, чисто отмытые, без единой пылинки. Тут даже воздух другой, свежий и бодрящий, сразу чувствуется, что на это помещение работает отдельная фильтровентиляционная установка. Да, государственный аппарат как-никак, высший эшелон власти.

На секретарском пульте звякнул колокольчик, и Сашенька скрылась за огромной дверью из настоящего дерева. Спустя пару минут она вернулась и сообщила:

– Проходите, господин профессор. Господин Президент ждет вас.

Ученый торопливо поднялся с кресла, неуклюже поправил на себе затертый пиджак, отчего его внешний вид только пострадал, и, бережно сжимая старенький ноутбук, решительно шагнул в двери президентского кабинета.

– И все же, уважаемый профессор, вы уверены, что ошибки быть не может? – В голосе Президента явно слышалось недоверие. – Ведь подобные открытия за последние двести лет делались неоднократно. Но никто так ничего и не нашел. Вы лучше меня знаете, что официальная наука считает «Наследие» Шаро Предрекшей не более чем мифом.

– Я полностью отдаю себе отчет в том, как выглядит мое заявление в свете официальной науки, – Синицын поправил съехавшие на нос очки, – но позволю себе напомнить, что занимаюсь этой проблемой всю свою научную карьеру! Я потратил сорок лет на поиски и исследование архивных данных, исторических и устных упоминаний о Шаро Предрекшей и ее жизни, и теперь абсолютно убежден, что правильно истолковал и эпитафию, и замысел Великой Шаро.

Профессор вновь зашуршал кипой распечаток, в который раз раскладывая их перед Президентом.

– Я повторю коротко, чтобы подчеркнуть самую суть! – с жаром

принялся объяснять старик. – Вот на этом документе основывается официальная научная позиция. – Он потыкал неровно обстриженным ногтем в одну из бумаг. – Шаро Предрекшая, в миру Алена Шаройкина, создатель и глава МАГБ, Международной Ассоциации Генетической Безопасности, умерла незадолго до наступления хаоса. Спустя десять лет, когда полностью оправдался ее первый прогноз и окружающая среда стала враждебной для генетически чистого человека, мировая общественность фактически причислила ее к лику святых, и церкви ничего не оставалось, как официально подтвердить этот статус. Последние годы своей жизни Шаро провела в Москве, на территории Новодевичьего монастыря, где располагался последний из ее приютов для лиц, имеющих генетическую инвалидность. Достоверно известно, что завешание покойной было исполнено в точности: ее тело кремировали, прах развеяли по воздуху с колокольни. В своем завещании Шаро сообщала, что не желает иметь могилу. Все свои средства, коих на момент смерти было немного, она завещала монастырю. Такова официальная версия, которая всем известна.

Синицын накрыл документ новым листом, стараясь случайным движением не стереть текст с целлулоидной поверхности многоцветной бумаги.

– А вот данные из закрытых архивов службы коммерческой безопасности «Сёрвайвинг Корпорэйшн» тех лет, из которых следует, что концерн вполне серьезно относился к слухам о некоей программе «Наследие», якобы тайно разрабатываемой МАГБ. Тысячи сотрудников были задействованы в поисках секретной лаборатории Великой Шаро, имеются многолетние регулярные отчеты о проделанной работе от руководителей американского, швейцарского, российского и даже китайского филиалов службы безопасности.

– Но ничего так и не нашли, – нахмурился Президент. – Почему вы считаете, что вам в одиночку удалось сделать то, что не смогла сделать служба безопасности крупнейшего в человеческой истории концерна, безгранично управляющего всем миром, в распоряжении которого имелись мощнейшие технологии того времени? Согласно Уставу российского отделения концерна, после вступления в должность Президента, я был обязан ознакомиться с основными разделами закрытых архивов, так что имею представление об этом деле. Насколько я помню, оно было закрыто еще до наступления хаоса.

Синицын украдкой бросил взгляд на Президента поверх очков. Похоже, тот еще не потерял терпение. Это было хорошим знаком. Надо отдать ему должное, Президент был сильным руководителем. Бывший

начальник службы безопасности Угличского ЦСГР, генерал Федотов недавно был избран на второй четырнадцатилетний президентский срок, причем на выборах у него не было ни одного конкурента. Что совсем неудивительно, учитывая при каких странных обстоятельствах погиб его предшественник. Но с избранием Федотова Центр буквально очнулся от спячки: новый Президент первым делом серьезно усилил службу безопасности, являвшуюся, по сути, армией, затем навел порядок среди чиновников и укротил бюрократию. Поначалу кое-кто был против его столь решительных действий, поползли даже слухи о вотуме недоверия, но после того как десяток человек был попросту выдворен за границу зоны отчуждения, все протесты прекратились сами собой. Тем временем новый Президент очистил окрестности от лигов, возобновил археологические рейды и захват рабов, что реанимировало промышленность Центра. Он вновь открыл летнее судоходство между Угличским и Рыбинским ЦСГР, восстановил взлетно-посадочную полосу и отремонтировал два самолета, наладив воздушное сообщение со всеми Центрами от Заволжского до Дивногорского. Предыдущий Президент был куда менее эффективен, совсем не чета Федотову, который, помимо прочего, обладает весьма редким для начальника его уровня качеством – умением выслушивать до конца предложения, не вызывающие у него энтузиазма. И, похоже, сейчас как раз такая ситуация.

– Именно в этом и есть ответ на ваш вопрос, господин Президент! – Синицын торопливо достал еще одну распечатку. – Дело было закрыто до наступления хаоса! Не стоит недооценивать МАГБ, Шаро Предрекшая имела в своем распоряжении те же самые технологии и немалые средства. Вот, обратите внимание, из материалов швейцарского отделения службы безопасности следует, что попытки обнаружить тайные счета МАГБ не увенчались успехом, и отследить финансовые потоки Ассоциации после запрещения ее политической деятельности тоже не удалось. Отсюда можно сделать вывод, что таковые все-таки имели место. Кроме того, российское отделение докладывало о наличии некой конфиденциальной части завещания Великой Шаро, содержание которой предназначалось только для руководства Новодевичьего монастыря. О чем там шла речь, выяснить не представилось возможным, хотя попытки надавить на монастырь предпринимались весьма серьезные. Информацию так и не добыли, что впоследствии и послужило основанием считать конфиденциальную часть завещания не существующей на самом деле. К тому времени МАГБ уже фактически распалась и не представляла угрозы для «Сёрвайвинг Корпорэйшн», в результате дело закрыли. Вскоре свершилось второе

предречение Шаро Предрекшей – мировая экономика рухнула, наступил хаос, и всем стало не до «Наследия». Оно осталось лишь в легендах лигов и, что примечательно, с течением столетий стало основной их религиозной фабулой.

Старик перевел дух и рискнул еще раз посмотреть на Федотова. Президент молча глядел на него, ожидая продолжения. Нехороший знак. Но отступать Синицын не собирался, дело всей его жизни лежало сейчас на президентском столе, нанесенное плохо сохнувшей краской на истрепанные листы целлулоида. Ученый глубоко вздохнул и продолжил:

– В ходе многолетних изысканий мне удалось найти упоминание об одном интересном факте, информация о котором относится к первым десятилетиям хаоса, когда лиги еще не везде были столь враждебны, как впоследствии. В те времена некоторым представителям ЦСГР удавалось совершать паломничество в Новодевичий монастырь, к месту последней прижизненной обители Великой Шаро. Так вот, в одном из отчетов прямо сказано, что на территории монастыря есть памятная плита с эпитафией, являющаяся для лигов, несомненно, весьма важной святыней. Место вокруг той плиты редко пустовало, якобы к ней приходили лиги, многие из которых шли издалека, а некоторых, не имевших возможности передвигаться самостоятельно, приносили на руках. Все они возносили у этой плиты молитву Шаро Предрекшей. Показательно, что текст на плите не имел никакой подписи и гласил:

«Здесь нет меня, нет праха, нет печали.
Хранит земля лишь след моей души,
В надежде на спасенье страждущего мира,
Слезы разбившейся хрустальную частицу».

На вопрос о том, в чем смысл эпитафии, лиги из монастыря уклончиво отвечали, что «след души» – место, где Великая Шаро любила поразмышлять в последние дни своей жизни. Я никогда не придавал этому значения, но сегодня наткнулся на один файл, который кардинально изменил все!

Синицын выхватил из кипы следующий кусок целлулоида.

– Это данные по истории, любезно предоставленные нам ЦСГР острова Русский. Семь лет назад, во время тестирования

работоспособности спутника связи, между нашими Центрами запускались различные информационные потоки. Для прогона тогда требовались файлы очень больших размеров, и поэтому использовались в основном архивные данные, так как...

– Я помню, как это происходило. – Федотов сделал жест рукой. – Не уходите в сторону, профессор.

– Да-да, конечно! – заторопился Синицын. – Так вот, многое из того архива, что отправляли нам из ЦСГР «Русский остров», оказалось на английском языке. Наиболее вероятно, что они сами получили эти данные при подобном же тестировании связи с одним из американских Центров и, судя по всему, довольно давно. К сожалению, у меня редко доходили руки до перевода, а указанный архив имеет колоссальную емкость. Но сегодня я обнаружил в архиве историческую справку, ссылающуюся на рассказ некоего очевидца. Документ датирован началом третьего десятилетия хаоса и описывает странный ритуал лигов, распространенный в окрестностях развалин американского города Лос-Анджелеса. Очевидец точно описывает место, где находится некая мемориальная плита, у которой как местные, так и пришлые лиги возносят молитвы Шаро Предрекшей. Очевидец сообщает, что под этой плитой якобы находится могила доктора Сэмюэля Уэйна, одного из ведущих генных инженеров концерна, широко известного своим предательским переходом из «Сёрвайвинг Корпорэйшн» в МАГБ. Историческая справка относит этот рассказ к разделу курьезов, питающих нынешнюю псевдорелигию лигов. Доподлинно известно, что Уэйн завершил свои дни среди лигов калифорнийского ареала. После смерти они выполнили его последнюю волю: тело доктора было сожжено на костре, прах развеян над морем. Так что могилы не существует.

Профессор позволил себе мгновение паузы, чтобы отдышаться.

– Теперь суть открытия. Надпись на той мемориальной плите в переводе на русский полностью идентична надписи на плите Новодевичьего монастыря! – Он победно посмотрел на Президента. – Вот видите! Все сходится, ошибки быть не может!

Президент продолжал молча разглядывать профессора. Пауза затягивалась. Наконец он покачал головой и произнес:

– Так что же все-таки сходится, господин Синицын? – Федотов нахмурился. – Я надеюсь, вы не хотите сказать, что под этими якобы существующими плитами и зарыто «Наследие» Великой Шаро?

Старик похолодел. Неужели ему не удалось убедить Президента? Заинтересовать хотя бы немного? Сорок лет жизни и кропотливой работы с десятками, сотнями километров архивных строк и давно забытых

исторических данных... Не может быть, чтобы все это оказалось никому не нужным именно сейчас, когда он разгадал величайшую тайну цивилизации, из последних сил пытающейся выжить? Профессор собрал волю в кулак и попытался придать своему голосу как можно более решительное звучание:

– Нет, господин Президент, «Наследия» там нет. Если верить легендам лигов, то «Наследие» должно быть чем-то поистине колоссальным, чем-то, что способно спасти наш обезображенный мутациями мир и избавить от страданий самих лигов. Но я глубоко убежден, что эти две одинаковые плиты появились не просто так. Равно как и два практически одинаковых и довольно экзотических для того времени способа упокоения. Люди, подобные Великой Шаро и доктору Уэйну, не стали бы ничего делать без всякого смысла. Я уверен, все это – символы. Некий ребус, предназначавшийся потомкам. Тем, кто с высоты прошедших лет окажется в состоянии увидеть главное, сумеет отринуть тщету борьбы за власть и деньги, приведшую мир к хаосу. Плиты лежат не зря. Недаром надписи на них в точности дублируют друг друга и красноречиво дают понять, что земля под ними хранит «след души» Шаро Предрекшей. Там, под ними, лежит ключ к «Наследию»! Возможно, указатель! Господин Президент, мы должны снарядить археологический рейд! Сейчас самое удобное время: зима, сильные холода, насекомые в спячке, концентрация пыльцы не столь высока, большая половина ее видов в замороженном состоянии, низкая активность канцерогенов и токсинов, лиги и мутафауна в малоподвижной фазе, многие из них спят...

– Подсолнухи никогда не спят! – отрезал Федотов. – Да вы вообще понимаете, что предлагаете? – Похоже, Президент был близок к взрыву. – Переход за две с половиной сотни километров в одно из самых опасных мест, какое только можно себе представить. А если рейд погибнет? Такое уже бывало. А финансовая сторона вопроса? Вы хоть представляете, уважаемый профессор, во сколько обойдется Центру это ваше путешествие?

– Только горячее... – испуганно забормотал старик.

– А оно, по-вашему, из воздуха возникает?! – Президент красноречиво рубанул ладонью воздух. – Вы даже понятия не имеете, во что нам обходится его приобретение. А какие сейчас морозы?! Если, да хранит нас от этого Шаро Предрекшая, что-то из техники встанет колом на марше на таком удалении от Центра? Мы потеряем боевую единицу и тем самым уроним военную мощь! И как вы собираетесь добираться до Москвы зимой? По компасу? Спутник проходит над нами раз в шесть часов. Об этом вы подумали?

– Теоретически мы сможем добраться... – промямлил бледный, как снег, профессор. – Я все просчитал... основываясь на аэрофотосъемке... вот данные, проложенный курс...

Он трясущейся рукой протянул Президенту оставшуюся кипу распечаток.

– Теоретически? – саркастически ухмыльнулся Федотов. – Положите на стол. – Он коротко ткнул подбородком в направлении пустого угла своего стола. – Вы свободны, господин профессор. Моя помощница сообщит вам о моем решении позже. Можете идти!

– Но... господин Президент, позвольте мне объяснить...

– Ступайте, господин Синицын! Меня ждут государственные дела!

Едва Федотов произнес последнюю фразу, как двери его кабинета открылись, и на пороге появилась Сашенька.

– Прошу вас, господин профессор, – она сделала приглашающий жест, – позвольте, я помогу вам одеться.

Профессор спешно покинул президентский кабинет. Он был подавлен, раздосадован и не переставал ругать себя за столь неубедительную речь. Зато Сашенька была сама доброта. Закутывая ученого в тулуп, она ласково успокаивала старика, мол, все будет хорошо, просто сейчас Президента ждут срочные дела, но позже он детально изучит все представленные ученым документы. Наконец процесс облачения профессора в зимние одежды был завершен, и Сашенька закрыла за ним массивные двери президентской приемной.

Как только шарканье профессора стихло, она вошла в кабинет Президента и, томно улыбаясь, обвила его шею руками.

– Подслушивала? – усмехнулся Федотов. – По глазам вижу!

– Да, милый, – созналась Сашенька, – просто было так интересно, у профессора в распечатках чуть ли не в каждом предложении упоминалась Шаро Предрекшая, я не смогла удержаться!

– Не ври, – весело хмыкнул милый, будучи старше своей новой пассии в два раза с небольшим. – Великая Шаро тут ни при чем, ты подслушиваешь все подряд.

– Я больше не буду! – пообещала Сашенька. – Дорогой, неужели тебе совсем не интересно узнать, что на самом деле под той плитой? – Она задержала дыхание от любопытства.

– Не интересно, – ответил Федотов. – Совсем.

– Значит, ты не пошлешь туда рейд? – погрустнела Сашенька.

– Пошлю.

– Правда?! – обрадовалась помощница. – Но ты же сказал, что тебе не

интересно!

– Мне — нет, — снисходительно улыбаясь, объяснил Федотов. — Но самое позднее к исходу завтрашнего дня о находке Синицына будет знать весь Центр. Рано или поздно об этом узнают и другие. Так что это уже политическое событие. И я должен разумно на него отреагировать. Заодно попробуем извлечь из всего этого выгоду. Проведем разведку местности за рекой Жабня на предмет технологических раскопок. И если от Новодевичьего монастыря остались хотя бы развалины, то там наверняка зимуют лиги, вряд ли много — уж больно голодно переживать морозы в развалинах, в лесах-то полегче будет. Но кто-то наверняка не захотел уходить с мест своих так называемых святынь, да и других можно будет насобирать на обратном пути. Так что отправим с рейдом «свинарник» и обзаведемся новыми рабами, их сейчас очень не хватает — многие издохли в такой холод.

К центральному выходному шлюзу Периметра Синицын явился за добрых полчаса до назначенного времени. За прошедшую неделю под действием сильного ветра температура внутри упала до минус сорока двух градусов, но, несмотря на жуткий холод, возле входа собралась солидная толпа провожающих. Последние пять дней весь Центр только и говорил о предстоящем рейде, любой разговор, начинавшийся по вполне обыденному поводу, менее чем через пять минут сводился к обсуждению готовящегося предприятия. Из-за непрекращающейся пурги отправление рейда откладывалось вот уже трижды, но сегодня с самого утра за Периметром стоял полный штиль, и было понятно, что выезд состоится. Проводить колонну пришли несколько тысяч человек, и сейчас закутанные в стандартные тулупы и ушанки люди переминались с ноги на ногу, не давая себе замерзнуть, из-за чего вся эта огромная масса народа напоминала профессору волнующееся рябью море.

Всю неделю Синицын находился в приподнятом расположении духа. Это был его звездный час, недаром его коллеги по ученому цеху, не скрывавшие своего пренебрежительного отношения к его историческим изысканиям, все как один, рассыпались в поздравлениях, едва канцелярия Президента объявила о его открытии и предстоящем рейде. Первые два дня профессор только тем и занимался, что отвечал на звонки и принимал заверения в крепкой и искренней дружбе. Потом началась тщательная подготовка к рейду, сопутствующие расчеты и уточнения, и стало не до лизоблюдов. Синицын до последнего не верил, что ему будет позволено войти в состав рейда, но Президент согласился удовлетворить его

прошение неожиданно легко. И вот теперь, облаченный в новенькую, прямо со склада, боевую экипировку, профессор гордо подходил к массивной громаде главного шлюза. Эмоциональный подъем был настолько велик, что старик забыл о своей одышке и шагал так бодро, будто на него не надели добрых пятнадцать килограмм снаряжения, но наоборот, сняли с плеч лет сорок. Люди, собравшиеся у входа, при виде человека в скафандре биологической защиты расступались, освобождая дорогу. Многие приветствовали его жестами, и хоть узнать кого-либо среди людей, затянутых в лицевые повязки, было проблематично для слабых старческих глаз, профессор старался отвечать всем легкими кивками и улыбкой. Увесистый гермошлем противогаза делал это занятие далеко не таким простым, каким оно могло бы показаться на первый взгляд. К тому моменту, когда Синицын вошел внутрь здания, его шея уже отказывалась повиноваться хозяину. Створ внутреннего шлюза за его спиной закрылся, и ученый остановился, в нерешительности оглядываясь вокруг.

– Профессор Синицын? – Звук шел откуда-то издалека, словно из глубокой бочки. – Николай Федорович?

Профессор развернулся на голос и вздрогнул от неожиданности. Прямо перед ним стоял крупный мужчина в военной форме с капитанскими погонами.

– Можете снять противогаз! – Он постучал пальцем по профессорскому лицевому щитку. – Он вам пригодится позже.

– Ах, да, – спохватился ученый, – разумеется! – Он суетливо завозил с креплениями гермошлема. – Совсем позабыл, совсем. Я от дома пешком шел, а в нем, знаете ли, гораздо теплее, термоконтур совсем новый, превосходно держит температуру...

Пальцы в перчатке из толстой армированной резины соскальзывали с креплений, и профессору никак не удавалось их расстегнуть. Капитан коротко улыбнулся и ловкими движениями сноровисто выполнил за ученого необходимую процедуру. Затем он аккуратно снял противогаз и вложил его старику в руки.

– Капитан Ермаков, – представился военный. – Я отвечаю за вашу безопасность, так что на время рейда мы будем неразлучны. – Он снова улыбнулся. – Давно не приходилось покидать Периметр?

– Да-да, мне говорили о вас на совещании! – закивал профессор. – Знаете, раньше я частенько бывал снаружи, мне довелось принимать участие в восьми археологических рейдах, но после достижения пенсионного возраста... – он виновато развел руками. – Потерял сноровку. Давно это было, уважаемый... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Михаил Владимирович. Можно просто Михаил.

– Весьма польщен! – ответил профессор. – Так вот, Миша, рассейте мои сомнения. За эти годы экипировка претерпела некоторые изменения или это память сыграла со стариком злую шутку?

– Все верно, – кивнул Ермаков, – изменения были, так что вашей памяти можно позавидовать. – Он взглядом показал на свое снаряжение: – Это девятая модификация зимнего СБЗ, скафандра биологической защиты, ее разработали семь лет назад в Дивногорском ЦСГР. Мы производим такие здесь уже лет пять. Очень удачная модификация. Фильтры стали долговечнее, рация мощнее, емкость автономного питания возросла почти втрое, усилили термоконтур, увеличили площадь лицевого щитка противогаса, изменили армирование, так что прочность скафандра стала намного выше. Доработали подвесную систему, теперь автомат из положения «за спину» в положение «на грудь» можно перевести одной рукой, система отвода отходов жизнедеятельности стала удобнее. Да много чего полезного, не зря поработали сибиряки. Я вам в дороге все подробно расскажу и покажу, путь предстоит неблизкий. – Капитан указал рукой в сторону коридора: – Пойдемте, господин профессор, через пятнадцать минут состоится смотр готовности личного состава рейда, затем погрузка. Технику уже подают к транспортному шлюзу.

Колонна покинула Периметр только в полдень, намного позже запланированного срока. Пока проводили смотр, пока устраняли недостатки, по большей части надуманные военным руководством, пока проводили смотр повторно-теряли время практически впустую. При каждой новой заминке командующий рейдом, полковник Потапов, мрачнел все сильнее. Даже Синицын, будучи человеком сугубо гражданским, стал замечать, как подчиненные прикладывали все силы к тому, чтобы не оказаться слишком близко к взбешенному командиру. Затем грузились в технику, герметизировались, обменивались докладами, слушали торжественное радиообращение Президента, выступившего с напутствием, после чего, браво ревя турбинами, проходили мимо толпы провожающих, – в общем, в результате часов пять утекло, словно вода сквозь пальцы. Наконец внешние ворота центрального шлюза закрылись за замыкающей колонну машиной, и рейд начался. Профессору определили посадочное место возле Ермакова в гермокунге гусеничного тягача, тащившего на прицепе «свинарник» – усиленную арматурой теплушку на колесах, специально предназначенную для транспортировки захваченных в рабство лигов. Помимо их двоих в кунге расположилось еще восемь бойцов из

подразделения Ермакова. В голове колонны шел танк, за ним БМП с десантом внутри, потом профессорский тягач со «свинарником», далее БМП полковника Потапова, за которой шел еще один тягач с солдатами в кунге. Только вместо «свинарника» к нему была прицеплена бронированная емкость с горючим. Замыкала колонну еще одна БМП.

Президент Федотов отправил в рейд серьезные силы – четыре единицы боевой техники и почти сорок человек десанта. С такой армией в успехе предприятия профессор не сомневался. Кто бы мог подумать, что на закате жизни ему посчастливится своими глазами увидеть Москву! Не иначе как сама Шаро Предрекшая ниспослала ему это вознаграждение за долгие годы, возложенные на алтарь науки. Вот только его спутник явно не понимал значимости момента. Ермаков в который уже раз посмотрел на часы и лишь покачал головой.

– Вас что-то тревожит, Миша? – поинтересовался Синицын.

– Полдня псу под хвост, – поморщился капитан. – Хорошо, если успеем до темноты пройти половину пути. Скверная ситуация, в опасное время в Москву попадаем.

– Полноте, молодой человек! – успокоил капитана старик. – В этом нет кардинальной разницы. Я лично рассчитывал маршрут. Наша колонна будет двигаться по данным аэрофотосъемки, это существенно упростит навигацию, ключевые точки будем уточнять по спутнику, как только он будет проходить над нами. Согласно проложенному курсу, до Москвы двести шестьдесят километров, это максимум двенадцать часов пути с учетом того, что через речные мосты техника будет проходить по очереди. До темноты еще шесть часов, так что мы успеваем организовать ночевку в пустынном месте. К тому же в морозные зимы и лиги, и мутафауна малоподвижны. Вам совершенно не о чем беспокоиться!

Однако Ермакова это не успокоило.

– Я не сомневаюсь в правильности ваших расчетов, профессор, но дело не только в них, – голос капитана в головных телефонах звучал хрипло и надтреснуто.

Внутренняя линия связи и энергии, к которой в целях экономии автономного энергоресурса подключались скафандры находящихся внутри техники людей, была такая же древняя и изношенная, как сама техника.

– До темноты мы пройдем половину пути, опять же если в дороге не случится ничего непредвиденного, – продолжал Ермаков. – Затем ночевка, двигаться ночью равносильно самоубийству: или заблудишься, или потеряешь технику в какой-нибудь засыпанной снегом яме. К восьми утра мы сможем продолжить движение. Стало быть, в лучшем случае в полдень

будем в Москве. Затем нам предстоит пройти через город. Никто не знает точно, что там сейчас творится. Последний раз успешный рейд ходил туда почти двадцать лет назад, а это очень давно. Двенадцать лет назад был еще один рейд, и никто не вернулся. Заволжский ЦСГР за последние семь лет дважды посылал туда рейды, из которых один так же пропал без вести, а второй повернул обратно, будучи в десятке километров от Священной МКАД. И они до сих пор благодарят Шаро Предрекшую за то, что ниспослала это чудесное спасение – им посчастливилось услышать в эфире переговоры подсолнухов, – он болезненно поморщился. – Сколько времени мы будем пробираться к этому вашему монастырю? И сколько времени мы будем рыться в снегу в поисках плиты? – Ермаков хмуро покачал головой. – А ведь надо еще наловить рабов и выбраться из города. Так что у нас есть все шансы встретить ночь на опасном удалении от Москвы.

– Несомненно, ваши доводы имеют веские основания, но, полагаю, в нашем случае все не так фатально, – возразил Синицын. – Сейчас зима, нет ни хлябей, ни мелких водных преград, передвижение облегчено. Наша техника укомплектована системами эхолокации и тепловидения, мы сможем избежать падения в крупные пустоты и заранее обнаруживать лигов. Место, в котором следует искать плиту, описано довольно точно, так что много времени это не займет. Единственная заминка может возникнуть как раз с отсутствием лигов, а не с их присутствием. Позволю себе напомнить вам, что все описанные вами неудачные рейды проводились летом. Нынешняя зима одна из самых холодных за прошедшее десятилетие, мы можем вообще не встретить лигов. Тогда президентская программа по захвату рабов может оказаться под угрозой срыва. Три года назад, если мне не изменяет память, в октябре, Рыбинский ЦСГР провел успешное исследование Москвы с дирижабля и произвел подробную аэрофотосъемку. За три дня наблюдений не было обнаружено никакой активности лигов. А сейчас холода не в пример осенним. Повторюсь, есть большая вероятность, что лиги либо покинули город, либо спят.

– Подсолнухи никогда не спят, – покачал головой Ермаков. – И увидеть их можно только тогда, когда они сами того захотят, но это будет последнее, что суждено тебе увидеть. Так что никакой дирижабль тут не поможет. А насчет того, что лиги покинули город, я вам вот что скажу. Прислушайтесь! – Он приложил указательный палец к лицевому щитку противогаза в районе губ, призывая к тишине. – Слышите? Взгляните сами.

Напрягать слух не пришлось – по мере движения колонны через военизированный пояс к зоне отчуждения все громче приближалось беспорядочное дробное уханье. Профессор подсел к триплексу наружного

обзора и покрутил рукояти-верньеры, настраивая резкость картинки под старческое зрение. Колонна проходила мимо позиций минометной батареи, ведущей огонь в сторону Углича.

– От наблюдателей с ГЭС пришло сообщение, что в городе снова зашевелились лиги, – прокомментировал капитан. – Минометчики с утра утюжат. Потом наши пойдут чистить дорогу до ГЭС, сегодня день смены недельной вахты. Рисковать нельзя, город между Центром и ГЭС, точно на пути вахтовых транспортов, в которых будет полно гражданских лиц.

Он меланхолично пожевал губами.

– За двести лет Углич превратился в руины, там давно уже нет ничего хоть сколь-нибудь ценного. Только лиги все равно упрямо туда возвращаются. Как видите, даже нынешняя зима им не указ. Я много времени провожу за Периметром и могу сказать: никто не знает, что ими движет. Некоторые из них, те, чьи страдания особенно тяжелы, специально выходят к рейду, чтобы попасть в рабство в надежде получить болеутоляющее. Но так поступают далеко не все. И в бойцов рейда летят не только камни, копья и стрелы. Иногда случается попадать в спланированные засады, устроенные с применением огнестрельного оружия, как было в Ярославле два месяца назад. Знаете, что я думаю, профессор? – Ермаков посмотрел в глаза ученому: – Я думаю, что те, кто составляет теории поведения лигов, довольно далеки от реальности. Им стоит хотя бы иногда бывать в боевых рейдах. – Его взгляд смягчился, и на губах появилась виноватая улыбка. – Вы не подумайте плохого, Николай Федорович, это я не вас имею в виду.

Чтобы не попасть под огонь своих минометов, колонна обошла Углич, двигаясь по самым его окраинам. Всю дорогу профессор провел, прильнув к перископу триплекса, изучая окружающую обстановку, однако увидеть даже одного лига ему не удалось. Вскоре заснеженные развалины города, сотрясаемые взрывами, остались позади, и колонна углубилась в лес. Унылое зрелище бесконечной череды узловатых, искореженных мутациями и покрытых зловонными наростами деревьев никакого научного интереса не представляло, и ученый заскучал. Он пробовал было продолжить разговор с Ермаковым, но военные выглядели обеспокоенно и не отрывались от перископов, ожидая нападения, и капитан отвечал односложно, рассеянно и часто вообще невпопад. Тогда Синицын принялся размышлять о сделанном открытии. Что же именно он найдет под заветной плитой? Как Великой Шаро удалось сохранить в тайне свое грандиозное творение? В том, что оно действительно грандиозное, ученый не

сомневался. И самый важный вопрос, мучивший его на протяжении всех этих лет, – что же это такое?

Механики-водители боевых машин хорошо знали эти места, но полковник Потапов предпочел двигаться осторожно, ежесекундно сверяя данные аэрофотосъемки с показаниями эхолокатора. Чахлая лесная растительность не представляла для тяжелых боевых машин серьезной преграды, больные деревца ломались под танковыми гусеницами словно спички. Но рисковать никто не хотел, и колонна двигалась медленно. Профессор не заметил, как заснул, убаюканный монотонной тряской тягача. В результате он чуть не врезался в стену от резкого наклона, в самый последний момент Ермаков успел подхватить профессора, уже оторвавшегося от сидения.

– Что происходит? – испуганно воскликнул ученый, пытаясь протереть глаза через лицевой щиток противогаза. – Нападение?!

– Пока еще нет, – улыбнулся капитан, – сходим с насыпи, просто большой угол наклона поверхности.

– Где мы сейчас? – Синицын глянул на часы.

Выходило, что он проспал почти два с половиной часа.

– Подходим к Калязину, – ответил капитан. – Со стороны железнодорожного моста через Жабню. Сам мост еще цел, я был здесь в рейде полгода назад. Но выдержит ли он тяжелую технику, это вопрос. По имеющимся данным, последний раз им пользовались двенадцать лет назад, во время пропавшего рейда, но тогда в его составе не было танков.

– Железнодорожные мосты строились на века, молодой человек, – назидательно заявил Синицын, – и рассчитывались на весьма и весьма тяжелые составы. По моим расчетам, все мосты на нашем пути еще достаточно надежны.

Ермаков пожал плечами:

– Я только буду рад, если практика не разойдется с вашей теорией. И если этим мостам никто не помог потерять расчетную надежность.

– Десанту – к машине! – радиоэфир ожил голосом полковника Потапова.

– Входим в город, – сказал профессору Ермаков и, обернувшись к своим людям, отдал команду.

Десантники отключились от внутренней сети тягача, и капитан провернул штурвал кремальерного запора. Над открывающимся люком вспыхнула облезлая лампочка сигнала биологической опасности. Бойцы выскочили наружу, и люк начал закрываться. Однако, не дойдя до конечного положения, остановился и задергался.

– Твою мать! – выругался Ермаков. – Опять гидравлика заедает!

Он подошел к люку и с размаху пнул его. Дергание прекратилось, но закрывать люк пришлось уже руками.

– Мы с вами останемся здесь, – он обернулся к профессору, – вы можете наблюдать за окружающей обстановкой через триплекс, я по мере сил попробую объяснить вам суть происходящего.

Профессор последовал совету капитана и с интересом разглядывал, как пешие бойцы, развернувшись в цепи, под прикрытием техники входили в мертвые развалины, две сотни лет назад бывшие небольшим, но очень уютным городком.

К мосту вышли быстро. В соответствии с планом рейда, весь личный состав, за исключением механиков-водителей, покинул технику для прохода через мост. Сначала на ту сторону отправилась разведгруппа из десятка бойцов. Спустя полчаса от них пришел доклад: мост не имел видимых серьезных разрушений, противник не обнаружен. Первым отправили тягач со «свинарником», потом второй, за ними прошли БМП и танк. Мост в некоторых местах злоеще скрипел, но нагрузку выдержал. Последними переправились люди. Бойцы Ермакова образовали кольцо, внутрь которого капитан поставил профессора, и в таком порядке следовали через мост непосредственно до люка в гермокунг тягача.

– Эта предосторожность была излишней, любезный Михаил Владимирович! – Старик, кряхтя, взобрался на подножку кунга. – Мои предположения оправдались, в это время в городах лигов нет.

– Предосторожности лишними не бывают. – Ермаков отрицательно мотнул головой, втискиваясь во входной люк вслед за Синицыным. – Вот через этот триплекс посмотрите.

Ученый взялся за указанный перископ.

– Прямо в пяти метрах от нас видите развалившееся здание из красного кирпича?

– Секунду, молодой человек... – старик завожился с верньерами резкости, – да, вижу. Но там пусто. В развалинах никого нет.

– Приглядитесь к левой стене, – настаивал капитан. – Видите, рядом с ней зараженное дерево? Между куском арматуры, что торчит возле стены, и этим деревом на высоте человеческого роста натянута веревка. Видите?

– Да-да, теперь вижу, – пригляделся профессор. – Весьма любопытно, веревка сохранила неплохое натяжение за столько лет. Довольно любопытно. Вероятно, дело тут в колебании температур за последнюю неделю...

– Ее натянули не так давно, – прервал его размышления Ермаков, –

когда колонна вышла к мосту, на ней висело одеяло, довольно большое, иначе бы мне не удалось разглядеть его в бинокль. Сейчас, как видите, веревка пуста. Мы спугнули кого-то, и этот кто-то, уходя, забрал свои вещи с собой.

– Но передовой отряд передавал об отсутствии лигов! – воскликнул профессор. – Какая невнимательность!

– Передовой отряд доложил об отсутствии противника, – поправил ученого Ермаков. – Лиги, живущие в этом доме, не собирались нападать. Они ушли при нашем приближении.

– Мне необходимо сейчас же осмотреть это место! – заявил Синицын. – Это может оказаться весьма продуктивным в научном плане!

– Это может оказаться весьма продуктивным в плане попадания в засаду, – ответил капитан и тоном, не допускавшим возражений, добавил: – Никаких экскурсий, Николай Федорович, у нас на счету каждая минута, три часа до темноты. И никто из нас не был на этой стороне реки дальше окраин городских руин.

В этот момент по внутренней радиосети пришел приказ полковника Потапова на отправление, и колонна тронулась в путь. Один из бойцов повернул выключатель, и под невысоким потолком кунга вспыхнула пара кварцевых ламп, предназначенных для первичной биологической дезинфекции. Одна из ламп тут же замигала и погасла. Боец протянул к ней руку и осторожно постучал пальцем по патрону. Лампа вспыхнула вновь. Боец криво усмехнулся и занял свое место.

До Поречья шли практически по прямой, через пустынную заснеженную равнину. Лишь однажды на пути им попались какие-то чахлые заросли, судя по всему, останки некогда цветущей здесь рощицы. К мосту через Нерль вышли менее чем за час, и операция по переходу на другой берег в точности повторилась. Недалеко от моста профессор увидел развалины церкви и невольно остановился, разглядывая покосившийся остов полуразвалившейся колокольни и ветхий дырявый купол, каким-то чудом еще удерживающийся на обломке здания.

– Пойдемте, профессор, пора отправляться! – поторопил его Ермаков. – На прогнившие дома в Москве посмотрите, там их побольше будет.

– Это не прогнивший дом, Миша! – Профессор, вздохнув, направился к тягачу. – Согласно старым картам, эта церковь имела колокольню выше, чем многие московские храмы! Раньше это был красивый памятник старины, с пятью синими куполами, с не дошедшими до наших дней...

– Нам надо спешить, Николай Федорович, пойдемте быстрее! –

Капитан бесцеремонно перебил ученого и, взяв его за руку, решительно повел за собой. – Весь мир не дошел до наших дней. Таких памятников тут на каждом шагу. Поменьше бы среди них находиться, если забьются фильтры – так в этом музее навсегда и останешься...

От Поречья началась самая сложная часть пути, и возможности воспользоваться триплексами профессору больше не представилось. Военные непрерывно вели наблюдение, сменяя друг друга. По их отрывочным фразам, время от времени звучащим в радиосети, Синицын не мог составить более или менее связное представление о происходящем. Но по характерной тряске тягача, преодолевающего незначительные препятствия, профессор сделал вывод, что колонна идет через лес, и под гусеницами хрустят стволы поваленных танками деревьев.

Полковник Потапов пытался придерживаться разработанного маршрута, составленного на основании данных аэрофотосъемки трехлетней давности, проведенной дирижаблем Рыбинского ЦСГР. Но движение приходилось осуществлять по компасу и теоретически рассчитанным азимутам, точно установить местоположение рейда можно будет через три часа, когда спутник вновь войдет в зону досягаемости.

Дважды наблюдатели замечали свежие следы на снегу, но определить, принадлежат они лигам или представителям мутировавшей фауны, на ходу не представлялось возможным. Ермаков глядел на часы все чаще и хмурился все сильнее, пока, наконец, колонна не вышла из леса на открытое пространство. Здесь военные заметно повеселели, и их спокойствие передалось профессору. Он вновь углубился в изучение аэрофотоснимков Новодевичьего монастыря, пытаясь определить местонахождение плиты Шаро Предрекшей как можно точнее. Из раздумий его вывела остановка колонны.

– Похоже, перед нами озеро, – ответил Ермаков на его немой вопрос. – А его на нашем маршруте быть не должно. Сегодня дальше не пойдем, скоро станет совсем темно. Надо ждать спутник.

Синицын некоторое время изучал карту местности с маршрутом рейда, но так и не смог уверенно ответить себе на вопрос, где именно они находятся и на какое озеро натолкнулись. Ермаков получил вызов от Потапова и убыл к нему на совещание. Спустя сорок минут он вернулся с навигационным планшетом и в скверном расположении духа.

– Только что появился спутник, – мрачно сказал капитан, обращаясь ко всем сразу. – Были уточнены наши координаты. Мы сбились с расчетного курса на двадцать километров к западу и движемся прямо на Солнечногорск. До него осталось шестьдесят километров.

Профессор буквально кожей почувствовал охвативший людей страх. Даже ему, человеку, уже фактически прожившему жизнь, стало не по себе. Солнечногорск... Ареал обитания подсолнухов – самых жутких из всех лигов, безжалостных и таинственных монстров, о которых толком ничего не известно. Двести с лишним лет назад в этом городке размещалось одно из самых грозных и боеспособных подразделений специального назначения ГРУ ГШ Министерства обороны России. Элитные бойцы. Вокруг столицы в ту пору было размещено множество различных подразделений, особенно полицейских сил, но потом обстановка в мире резко изменилась, и практически все они перестали существовать. Но солнечногорский спецназ расформировывать не стали. Наоборот, его поддерживали в боеспособном состоянии до последнего, используя в качестве заслона против враждебно настроенных лигов и тех, кто не захотел бросать своих родных с генетической инвалидностью. В архивах имеются свидетельства о кровопролитных боях, проходивших по всей Москве в первые дни хаоса, когда правительство срочно вывозило из города в ближайшие ЦСГР запасы продовольствия, медикаменты и все, что могло представлять ценность для выживания. Миллионы лигов и тысячи оставшихся в столице чистых были брошены на произвол судьбы. Но солнечногорскому спецназу не нашлось места в штатах ЦСГР – цены на жилье внутри спасительных периметров оказались им не по средствам. И в самый последний момент отряд просто бросили. В указанное время на базу отряда не прибыл транспорт для эвакуации, на запросы в радиоэфире ответом было лишь молчание да треск далеких помех. Спецназ остался без средств существования в городе со стремительно возрастающим уровнем биологического заражения и миллионами горящих ненавистью лигов. Бойцы попытались самостоятельно добраться до Завидовского ЦСГР, считавшегося убежищем правительства и государственной элиты, но служба безопасности Центра встретила их минометным огнем, и уцелевшие скрылись в неизвестном направлении, унося с собой убитых и раненых. По этой причине так и не удалось определить, кто выжил, и с того момента никаких официальных данных о солнечногорском спецназе в архивах концерна не было.

Лет через пять начала появляться информация о неизвестных лигах, ставших ужасом для всех окрестных ЦСГР. Кто они такие, откуда и как выглядят – никто так и не узнал. Обычные лиги, захваченные в рабство, ничего толком не знали, кроме того, что неизвестные называют себя подсолнухами, ведут борьбу с Центрами и оказывают помощь всем остальным. Поначалу особого значения этому не придавали. Затем стали

без вести пропадать рейды, высылаемые Центрами в Москву и близлежащие населенные пункты. Со временем потери рейдов увеличивались, особенно страдал Завидовский ЦСГР, находящийся ближе всех к столице. Дошло до того, что спустя двадцать лет завидовцы объявили о подготовке мощной боевой операции по поиску и уничтожению подсолнухов, не побоявшись направить крупные силы в обезображенную пожарами и эпидемиями столицу. Но карательный рейд до Москвы так и не дошел. Колонна вошла в Солнечногорск и из него так и не вышла. Назад не вернулось ни одного человека. О том, что там произошло, не сохранилось никаких документов, так как сам Завидовский ЦСГР не сохранился до наших дней. Ужасная трагедия произошла буквально через год, и ее обстоятельства также остались загадкой. Завидовский ЦСГР внезапно перестал выходить на связь. Торговый дирижабль завидовцев, находившийся в это время в Рыбинском Центре, срочно ушел домой и на следующий день вернулся обратно. Находившиеся в состоянии шока члены экипажа рассказывали жуткие вещи: весь Центр был объят ревушим пламенем, купол рухнул, наземные постройки выгорели дотла, огненные столбы вырывались уже из-под земли. Все изрыто огромными воронками, повсюду тела убитых, и ни одной живой души. Почти миллион человек был уничтожен за одну ночь. Как именно это случилось, так никто и не узнал. С тех пор слухи и жуткие байки прочно укрепили мнение, что это дело рук подсолнухов, и будто бы они не просто особо злобные лиги, а потомки бойцов расстрелянного правительственными минометами солнечногорского отряда спецназа ГРУ. Некоторые даже поговаривали, что это были сами расстрелянные спецназовцы, восставшие из мертвых, чтобы отомстить за предательство. Слухи ходили самые разные, от вполне правдоподобных до совершенно абсурдных. Как бы то ни было, но Москва и ее окрестности стали опасным местом. В поисках рабов и другой добычи близлежащие центры старались посылать рейды в менее опасные направления.

И вот сейчас их рейд совершил столь рискованное отклонение от маршрута.

– Что планирует предпринять полковник Потапов? – поинтересовался Синицын, стараясь выглядеть как можно более спокойным.

– Занимаем круговую оборону, – поморщился Ермаков. – Готовим лагерь к ночевке, выставляем наблюдателей у тепловизора. Затем ужинаем и спим, строго соблюдая светомаскировку. Что тут еще предпримешь, снаружи темень, хоть глаз выколи. Двигаться опасно, издали привлечь к себе внимание освещением – еще хуже. Так что ждем рассвета и

выдвигаемся с нужной поправкой на юго-запад.

Бойцы покинули кунг, и профессор остался один на один с тусклой лампочкой сигнала биологической опасности.

Ночь прошла беспокойно. Спать на узких жестких нарах было крайне неудобно, и профессор с непривычки постоянно бился гермошлемом о стену кунга. От глухого удара он просыпался, в первую секунду не понимая, что случилось, затем вновь забывался зыбким сном. За ночь дважды объявляли тревогу – наблюдатели замечали вдали одинокие движущиеся огни. Однако огни не приближались и довольно быстро пропадали. Других происшествий, к счастью, не случилось, но и без этого профессору два раза приснился один и тот же кошмар, в котором он пытался спастись бегством от жутких подсолнухов. Во сне он был моложе лет на сорок, и почему-то в своем лабораторном халате, без всяких средств защиты. Он бежал по объатым пламенем коридорам Центра, а за ним с хриплым ревом неслись с копьями и дубинами какие-то совершенно невообразимые существа, с головы до ног утыканные клыками и когтями.

Перед самым рассветом пошел густой снег, и видимость заметно ухудшилась. В результате продолжить движение стало возможным лишь к восьми утра. Это только добавило напряжения к всеобщему тревожному состоянию, люди стремились как можно скорее сойти с опасного направления. Вскоре стало понятно, что снег зарядил надолго и ждать улучшения видимости не приходится. Колонна тронулась на малой скорости, и Синицын подумал, что опасения Ермакова, возможно, далеко не так надуманны, как ему показалось изначально.

Военные непрерывно наблюдали за местностью, сменяя друг друга у триплексов, и, чтобы скоротать время с пользой, профессор принялся за сравнение географических карт. Теперь, когда их положение на местности было сверено со спутником, предстоящий маршрут выглядел гораздо понятней, но лишний раз уточнить детали не помешает. Тем более сейчас, когда дело пошло вразрез с предварительными расчетами. Карта двухсотлетней давности практически не имела ничего общего с недавней аэрофотосъемкой, но в сложившейся ситуации могут пригодиться любые ориентиры. Судя по старой карте, колонна должна будет пересечь две железные дороги. На новой карте ничего подобного видно не было. Видимо, насыпи были невысокими, и за двести лет их занесло землей под действием ветров. Весьма прискорбно, поморщился ученый, железнодорожное полотно могло быть отличным путеводителем. После двухчасового сличения обеих карт Синицын все же нашел решение. Если

следы первой железной дороги обнаружить было, судя по всему, нереально, то вторую можно попытаться отыскать. Когда-то это была широкая двухколейная дорога, вдоль которой стояли бетонные столбы, несущие на себе провода линии питания электропоездов, а по мере приближения к Москве по обе стороны путей все чаще располагались полустанки, перроны и небольшие населенные пункты. Некоторые следы этих строений можно было различить на аэрофотосъемке. Другой во-прос, будут ли они видны сейчас, под снегом.

Профессор попросил Ермакова организовать связь с полковником Потаповым и высказал свое предложение. Он считал самым правильным найти старую железную дорогу и дальнейшее движение продолжать по ней. Полковник пробурчал что-то про теоретиков, никогда не ломавших глаза в по-пытках отыскать что-то в условиях почти нулевой видимости, но корректировку курса колонны все же произвел. Ермаков воспринял идею Сеницына также без энтузиазма, разделив сомнения своего командира в успешности поисков в такую метель.

Однако на этот раз, волею Шаро Предрекшей, все обошлось. Спустя час головной танк буквально уперся в остов старой пассажирской платформы. Посредством эхолотатора и металлодетектора удалось довольно быстро найти железнодорожное полотно, и колонна по путям двинулась в сторону Москвы. Сквозь стену снегопада можно было различить развалины каких-то строений, тянувшихся вдоль бывшей дороги. Когда-то здесь был населенный пункт, возможно, даже небольшой город, но сейчас профессор затруднялся определить, где именно они находятся. Если судить по старой карте, колонна должна проходить то ли Пушкино, то ли Мытищи...

Снегопад все усиливался, вскоре видимость упала практически до нуля, а вместе с ней и скорость. Несколько раз путь перекрывали остовы железнодорожных вагонов со следами давнишних пожаров, их приходилось сдвигать в сторону, дважды колонна выходила к хлипким мостам через небольшие скованные льдом речушки. Оба раза полковник принимал решение переправляться по льду, не доверяя обветшалым бетонным конструкциям, простоявшим без ремонта больше двухсот лет. Его правота была очевидна, ведь в такие морозы неглубокие реки промерзали практически до самого дна. Примерно через час дорогу колонне преградили крупные обломки не то рухнувшего автомобильного моста, не то эстакады – разобраться точнее не представлялось возможным, слишком плотным был снегопад. Минут десять колонна стояла на месте, пока разведчики искали объездной путь, и профессор получил возможность

воспользоваться триплексом. Взгляд его уперся в практически сплошную стену падающего снега, и он впервые засомневался в состоятельности своей теории. Как в таких условиях наблюдатели умудрялись хоть что-то увидеть, ему было совершенно непонятно.

Между тем объездной путь был найден, и движение продолжилось. Завалы и перевернутые остовы разнообразной техники стали попадаться все чаще, руины зданий, проглядывающие сквозь снежную пелену, становились все ближе и крупнее, скорость движения колонны резко упала, следующий час они еле ползли. Внезапно движение прекратилось, Ермакова вызвали к полковнику, и он выскочил из кунга. Гидравлику люка снова заело, и один из бойцов уже знакомым профессору способом восстановил ее работоспособность. Ученый удивился вслух, почему никто из бойцов не пошел проводить капитана, на что ему ответили: волноваться, мол, не о чем, в такой снегопад лиги передвигаться не любят. Синецын посмотрел на часы: до прохода спутника еще четверть часа. Капитан не возвращался, радиосеть молчала. Кто-то из бойцов даже умудрился вздремнуть, воспользовавшись возможностью отдохнуть от бесконечной тряски.

Ермаков вернулся через полчаса. Он быстро влез в люк, машинально ударив рукой по тумблеру включения кварцевых ламп, и привычным движением воткнул разъем внутренней сети тягача в гнездо своего скафандра. Затем, окинув взглядом людей, коротко произнес:

– Прошел спутник. Мы в полукилометре от Ярославского вокзала. – Он перевел взгляд на Синецына: – Господин профессор, полковник ждет вас в своей БМП. Позвольте, я провожу.

Совещание вышло недолгим. Как выяснилось, колонна была уже практически в центре Москвы, неподалеку от места, обозначенного на старой карте как «Комсомольская площадь». Исходя из сравнения карты и аэрофотосъемки, приняли решение двигаться по Садовому кольцу до здания Счетной палаты – оттуда до монастыря вела прямая дорога. Но сначала необходимо было дожидаться окончания снегопада. Если он вскоре не прекратится, то ситуация начнет складываться угрожающе – ночь застигнет экспедицию посреди города.

Пока пережидали метель, провели дозаправку топливом и пообедали, но профессор так и не смог поесть. Эмоциональное напряжение было слишком велико, и синтетический пищевой концентрат не лез в глотку. В триплексах по-прежнему не было видно ничего, кроме нескончаемого снега, и Синецын погрузился в тягостное ожидание. К четырем часам ветер начал стихать, снегопад прекратился – наступил штиль. До темноты

оставалось не более двух часов, и рейд спешно двинулся через мертвый город.

Стрела ударила в обитый железом борт кунга и, звякнув, отлетела в снег.

– Третий раз за последние пять минут, – подсчитал профессор, – но я по-прежнему никого не вижу!

– Стреляют из развалин, – пояснил Ермаков, – не рискуют высовываться. И правильно, кому охота получить пулю?!

Расстояние в восемь километров, проложенное на карте, на местности преодолевали около часа. Весь десант двигался пешком, высылая вперед дозоры для разведки дороги и прикрываясь техникой от развалин, в кунге остались лишь Синицын с Ермаковым. Капитан наотрез отказался разрешить старому ученому двигаться пешком по городу вместе с бойцами, и теперь профессор не отрывался от перископа триплекса, разглядывая мрачные руины некогда великого города. Рейд двигался медленно, приходилось обходить то огромные завалы из обломков рухнувших мостов и зданий, то глубокие провалы обвалившихся подземных тоннелей. Даже сейчас, спустя многие десятки лет, город отчетливо хранил следы огромных по своей разрушительной мощи пожаров, многократно бушевавших тут когда-то. Обугленные остовы рухнувших многоэтажек, скелеты когда-то знаменитых высоток, и руины, руины, руины... Синицын вздохнул. Совсем не так он представлял себе легендарную столицу. Не было здесь никакого величия, пусть даже былого, лишь огромное кладбище истлевших в прах зданий. Все было подернуто копотью и плесенью, повсюду из-под развалин торчали засыпанные снегом деревья, одинаково кривые и чахлые, густо расползся ядовитый кустарник. Мутировавшая флора имела скудное видовое разнообразие, и если ты видел одно дерево, значит, ты видел их все.

Еще один глухой удар отвлек Синицына от размышлений. На этот раз это был камень, видимо выпущенный из пращи. Хотя кто их знает, этих лигов? Никто толком не изучал, во что превратил их плеiotропный эффект генетических мутаций за двести лет.

– Но почему стреляют именно в нас? – удивился ученый, оборачиваясь к Ермакову.

– Потому что это недееспособные лиги, – капитан сидел за триплексом другого борта и наблюдал за противоположной стороной дороги, – как вы помните, порядка шестидесяти процентов лигов рождаются умственно неполноценными. Они, конечно, опасны, но не настолько, как те, другие

сорок процентов. Два месяца назад мы проводили рейд в Ярославль, попали в засаду, потеряли одного человека убитым, еще трое получили ранения и были лишены статуса чистых. Еле ноги тогда унесли. Вот в этом самом кунге потом насчитали семнадцать пулевых отверстий, все стекла на триплексах побило. Их совсем недавно заменили, но стекло с антибликовым покрытием не нашлось, поэтому установили обычные. Теперь правый борт тягача на солнце сверкает двумя стеклами, и недееспособные лиги принимают их за глаза какого-то чудовища. Звук двигателя только подогревает их в этом заблуждении. Вот они и стараются.

Он улыбнулся, увидев пораженный взгляд профессора.

– Да вы не волнуйтесь, бронестекло стрелой или копьем не пробить, так что ничего страшного не произойдет. Это нам даже на пользу – лиги стремятся убить свое чудовище и отвлекаются от десанта.

Словно в подтверждение его слов из развалин вылетело кривое копье и угодило точно в стекло перископа, отчего у Синицына возникло ощущение, что копье ударило ему прямо в лицо. Он инстинктивно отдернулся и вновь приник к триплексу, ругая себя за излишнюю нервозность. Рука, запустившая копье, обладала недюжинной силой – ударившись о перископ, копье отлетело назад на добрый десяток метров. Ученый покрутил верньеры, приближая картинку, и с жадным любопытством разглядел примитивное оружие. Неровная деревянная палка, скорее всего, обломок строительного мусора, к одному из концов которой был неуклюже примотан грязной веревкой острый осколок металлической трубы. Тягач немного прибавил в скорости, и копье скрылось за границей обзора перископа. Право, весьма жаль, что он не может захватить это копье с собой для дальнейшего изучения. Это позволило бы узнать много интересного о текущем состоянии культуры деградировавших лигов.

Что-то мелькнуло среди развалин, и профессор поспешно завертел рукоятками перископа, пытаясь разглядеть, что это было. Небольшой представитель мутафауны прятался за углом обвалившегося дома и, осторожно высунув безобразную морду, разглядывал движущийся рейд.

– Миша, не считите за труд, взгляните сюда! – торопливо позвал Ермакова ученый. – Что это за существо? Вы не могли бы сказать?

Капитан прислонился к профессорскому триплексу.

– Не знаю, Николай Федорович, – пожал он плечами, – уж больно хорошо спрятался, стервец, не разглядеть толком. Но раньше я таких не видел. По размеру если судить, то собака это, наверное. Их довольно много в городах живет, ходят за лигами по пятам.

Он вернулся к своему перископу и задумчиво добавил:

– Что-то не похоже, чтобы зимний голод и холод мешали лигам заходить в город. Неужели все дело в этом монастыре? Ведь пока до Смоленской площади не дошли, тихо было...

В этот момент колонна остановилась, и бойцы стали занимать свои места в кунгах и десантных отделениях БМП.

– Профессор, впереди то, что вы назвали «Сквером Девичьего Поля», – раздался в головных телефонах раздраженный голос полковника Потапова, – не хочу вас огорчать, но дальше дороги нет, тут кругом настоящий лес, от развалин и до развалин. Так что держитесь крепче, у нас нет времени искать объезд. Скоро начнет темнеть.

Танк развернул башню стволом назад и двинулся напролом, пробивая просеку среди обезображенной мутациями растительности. Колонна пошла за ним, перемалывая гусеницами поваленные деревья, и ученому пришлось двумя руками ухватиться за поручни, чтобы не вылететь из сиденья от сильной тряски. А ведь если верить архивам, еще двести лет назад, до хаоса, видовое разнообразие растительного мира было поистине огромным. В частности, те же деревья были совершенно другими, гораздо более высокими и могучими, и вот так, как сейчас, проехать сквозь них, пусть даже и на танках, могло и не получиться.

Наконец хруст и скрежет за бортом стихли, колонна прошла еще метров шестьсот и остановилась. Ермаков встал, одним движением переместил автомат со спины на грудь и напряженно улыбнулся Синицыну:

– Ваш выход, профессор.

Развалины, у которых замерла колонна, мало чем напоминали величественный красавец-монастырь, гордо раскинувшийся на старом спутниковом снимке. Густая корявая растительность заполнила собой пространство возле остатков крепостной стены с уродливыми проломами и огрызками кирпича. Не было статной колокольни, высоко вознесшейся в прозрачно-синее небо. От храма, некогда сверкавшего в ярких солнечных лучах золотом пяти куполов, остались лишь обрушившиеся стены, заснеженным скелетом одиноко торчащие поверх окружавших монастырь остатков стены. Синицын печально вздохнул. Да простит Шаро Предрекая своих неразумных потомков и ослепленных жаждой власти и наживы современников, чьи души давно уже горят в самом раскаленном месте ада.

Профессор в окружении двух десятков солдат направился к огромному разлому в крепостной стене монастыря, зиявшему на месте ворот. Странно, но около этого импровизированного входа не росло ни одного

представителя небогатой мутафлоры. Когда отряд подошел к входу еще ближе, обнаружилось, что снег перед разломом был аккуратно расчищен и вглубь монастырской территории вела широкая тропа. Даже несмотря на недавно прошедший снегопад, было видно, что место это не пустует, наоборот, за ним исправно следили. Военные мгновенно насторожились, и в разлом был отправлен танк с разведчиками на броне. Через пару минут поступил доклад.

– Внутри пусто, тепловизор отметок не выдает, – зашипел помехами голос кого-то из танкистов.

– Это еще не значит, что там никого нет, – тихо пробурчал Ермаков, – холод от насквозь промерзших развалин может заглушить тепловую сигнатуру...

– Ермаков, вперед! – раздалась команда полковника, и капитан лишь пожал плечами, мол, приказ начальника – закон для подчиненного.

– Заходим, – сказал Сеницыну Ермаков и коротко кивнул своим бойцам.

Живое кольцо с ученым в центре вступило на территорию монастыря.

– Поторопитесь, профессор! – затрещал в эфире Потапов. – Уже смеркается, мы сильно опаздываем!

Однако искать мемориальную плиту не пришлось. Ведущая от входа тропа имела несколько ответвлений, но ее основная жила, петляя между развалин и обломков рухнувших монастырских построек, скрывалась в том направлении, где Сеницын рассчитывал начать поиски. Закончилась она широкой, тщательно расчищенной лужайкой, точно в центре которой виднелась вмурованная в землю невзрачная плита. Все пространство вокруг нее было густо вытоптано следами сотен ног. Сеницын подошел к плите. Кто-то совсем недавно заботливо убрал с нее снег, и было хорошо видно, что потемневший от времени гранит сохранил ту самую надпись. Архивы не вразили.

– Кто-то был здесь совсем недавно, – один из бойцов осматривал следы, – лиги, штук пять, никак не меньше.

– Вот тебе и пустой город, – огрызнулся второй, напряженно всматриваясь в развалины.

Профессор оглянулся на Ермакова и указал рукой на плиту:

– Это здесь. Прямо под плитой.

Капитан кивнул и отдал приказ. Бойцы, принесшие с собой кирки и лопаты, принялись долбить промерзший грунт вокруг плиты. Кто-то с размаху ударил киркой по плите.

– Пожалуйста, будьте осторожны! – попросил профессор. – Это место

является для лигов святыней! Нет нужды разрушать саму плиту!

– Может, прикажете еще расцеловать этих тварей? – огрызнулся боец. – У этого отродья нет ничего святого, кроме наркоты.

– Разговорчики! – подал голос Ермаков, и боец умолк.

Через десять минут стало ясно, что смерзшийся в многометровую толщу грунт можно долбить до утра с тем же успехом. К плите, петляя между развалинами, подошла БМП полковника. Потапов вылез из командирского люка и, бросив короткий взгляд на редкие комья смерзшейся земли, вылетающие из-под киров, приказал Ермакову:

– Взрывай!

– Но позвольте, господин полковник! – У Синицына расширились глаза. – Ведь это святыня! И не только для лигов! Вы не можете так поступить, это же ужасно!

– Ужасно будет заночевать возле этой вашей святыни! – зло отрезал Потапов. – Вы что, не видите? Город далеко не пуст! Через час вокруг будет тьма кромешная! И так бы успеть уйти. Капитан! – он сверкнул глазами на Ермакова. – Ты еще здесь?!

Через пять минут вокруг плиты заложили заряды, и люди поспешили отойти на безопасное расстояние.

– Давай! – скомандовал Ермаков.

Боец прокрутил рукоять подрывной машинки и вдавил кнопку. Через гермошлем противогаза грохот от взрыва прозвучал глухо и неубедительно. Куски расколовшейся надвое мемориальной плиты вперемешку с обледелой землей взлетели в воздух. Синицын бросился было собирать обломки, но Ермаков поймал его за локоть и настойчиво потащил за собой к неглубокой воронке.

– Перестаньте, профессор, сейчас не время для бессмысленных церемоний!

– Господин полковник, тут что-то есть! – Один из бойцов разгреб вывороченную землю. – Похоже, контейнер.

Он неуверенно ухватился за угол маленького серого цилиндра, на треть торчащего со дна воронки.

– Он каменный вроде, – удивился боец.

– Извлекь! – рывкнул Потапов. – Быстро! И уходим! – Он побежал к БМП, на ходу бросив Ермакову: – Даю на все про все пять минут!

Боец взял кирку и в несколько ударов отколол кусок ледяной почвы с вмержшим в него цилиндром от дна воронки. Он бросил инструмент и с видимым усилием поднял контейнер.

– Тяжелый, зараза! Куда его, господин капи...

Неожиданно боец дернулся, и его слова перешли в хрип. Он выронил цилиндр и, судорожно хватая ртом воздух, пытался дотянуться руками куда-то себе за спину. Затем его колени подогнулись, боец медленно осел на землю и рухнул на утоптаный снег лицом вниз. Синицын, словно загипнотизированный, не мог отвести взгляда от короткого ржавого куска металлической арматуры, торчащего из спины бойца. Из-под разодранных краев скафандра темной лужицей, опоясывающей вонзившуюся в человеческую плоть железку, быстро выступала кровь. Тонкая струйка лениво потекла по грязной резине скафандра, и на снег упали первые красные капли.

– Лиги! – Раздавшийся в эфире крик вывел ученого из оцепенения.

Синицын побежал к лежащему человеку, совсем не понимая, чем же он сможет тому помочь. Что-то маленькое и очень быстрое промелькнуло в воздухе совсем рядом, и сзади раздался крик боли.

– Ложись! – заорал Ермаков и одним прыжком подмял под себя профессора.

Разом загремели автоматные очереди, взревела техника.

– Не двигайтесь, профессор! – раздался голос Ермакова, и тут же: – Свет! Прожекторы на развалины!

Капитан придавил его собой, стремясь максимально закрыть от врага своим телом, и дышать стало тяжело. Синицын попытался пошевелить головой и посмотреть вокруг.

Отовсюду со стороны многочисленных развалин к ним неуклюже бежали замотанные в грязные лохмотья люди, быстро заполнявшие собой окружающее пространство. Раньше ему доводилось видеть живых лигов лишь во время археологических рейдов, когда солдаты подгоняли к месту раскопок «свинарник», и выпущенные оттуда лиги-рабы под конвоем разбирали завалы и грузили ценные находки. Оборванные, грязные, изуродованные генетическими мутациями существа, язык не поворачивался назвать их людьми, вызывали у профессора лишь чувство жалости и сострадания, смешанное с брезгливостью. Однако сейчас все было совершенно иначе. Десятки, возможно, даже сотни лигов ринулись на людей, пылая ненавистью. Большие и маленькие, горбатые и тощие, с чудовищными уродствами, непропорциональными телами, с недостатком и избытком конечностей, и даже внешне похожие на полноценных людей – огромная толпа жаждала крови чистых. Почти все прямоходящие лиги были вооружены примитивным оружием, те же из них, кто мог передвигаться лишь на четвереньках, просто рвались вцепиться в людей зубами. Посреди толпы мелькали лучники, профессор разглядел пару

арбалетчиков. Со всех сторон в солдат летели стрелы, копья и камни. Лучи танковых прожекторов, скользящие по развалинам в сгущавшихся сумерках, выхватывали все новые и новые потоки лигов, вылезающих из недр раскаленных от холода руин.

В первое мгновение Сеницыну показалось, что разъяренная толпа сметет людей в считанные секунды. Но автоматнo-пулеметный огонь рейда, меланхолическим треском глухо пробивавшийся через гермошлем противогаза, делал свое дело. Метрах в тридцати от людей лиги спотыкались и падали, неуклюже кувыркаясь. Некоторые из них, наиболее живучие, пробегали еще несколько шагов, истекая кровью, густыми фонтанчиками бьющей из разорванной пулями плоти. Но потом и они падали в быстро багровеющий снег. Гулко застучала автоматическая пушка БМП, и в самом центре беснующейся толпы легла цепочка разрывов, разбрасывая во все стороны грязь, кровь и несущий смерть металл. Со стороны входного пролома вспыхнул прожектор идущей на помощь боевой машины с десантом на броне, замерцали вспышки автоматных очередей, и спустя несколько секунд лиги оказались под перекрестным огнем. Неожиданно оглушительно громыхнул выстрелом танк, и на развалинах, кишачих лигами, расцвел оранжево-огненный цветок взрыва. В воздух полетели исковерканные тела вперемешку с землей и обломками кирпича. Вновь дробно застучали короткими очередями пушки БМП, перепаживая атакующую толпу, и треск автоматных очередей на секунду потонул в грохоте танкового выстрела. Наступление захлебнулось, и лиги отчаянно заметались в попытке укрыться от безжалостной смерти. Земля быстро покрывалась десятками неподвижных и бьющихся в агонии тел. В приглушенной гермошлемом какофонии боя стоны и крики умирающих были неслышны, и профессору казалось, что корчащиеся от боли лиги безмолвно открывают и закрывают рты, словно в жутком кошмарном сне. Старый ученый почувствовал, как по щекам текут слезы, и закрыл глаза.

– Отрезать их от развалин! – зычно прозвучала команда Потапова, перекрывая боевой радиообмен. – Прижать эту мразь к земле! Не давать подняться! Технике сосредоточить огонь на развалинах!

– Оставайтесь здесь, профессор! – услышал Сеницын голос Ермакова.

Капитан куда-то убежал, и дышать стало легче. Еще несколько минут ученый лежал, словно в забытии, потом грохот боя прекратился, сменившись какой-то возней. Возвращаться в реальность было омерзительно, но профессор усилием воли заставил себя открыть глаза и прислушался к радиоэфиру.

– ... «свинарник» правее! – Голос принадлежал полковнику Потапову. –

Шевелитесь, если не хотите остаться здесь на ночь! И повнимательнее, чтоб никаких дебилов!

Оказалось, что вся техника, за исключением одной БМП, уже была здесь, освещая прожекторами залитую кровью и заваленную телами территорию монастыря. Посреди двора, под дулами автоматов, прижавшись друг к другу, стояло десятка три лигов. Несколько бойцов выдергивали их из толпы поодиночке, наскоро осматривали и задавали короткий вопрос. Если лиг отвечал более или менее разумно, двое солдат хватили его и заталкивали в стоящий рядом «свинарник». Если же умственное состояние лига не соответствовало минимальным требованиям, его отталкивали в сторону автоматным стволом.

– Вы в порядке, Николай Федорович? – Ермаков подошел к профессору, все еще лежащему на земле. – Герметизация не нарушена?

– Да, Миша, в порядке, – ученый медленно поднялся на ноги, – если, конечно, это можно назвать порядком...

– Вот, возьмите, – капитан протянул Синицыну гранитный цилиндр. – Надо уходить, и чем скорее, тем лучше. – Он кивнул в сторону тягача и добавил: – Еще минут двадцать и будет совсем темно. Придется выходить из города на инфракрасных прожекторах. Хотя привлечь к себе внимание еще сильнее уже попросту невозможно.

Профессор двумя руками прижал к груди увесистый цилиндр и побрел к тягачу, стараясь не наступить на лежащие повсюду в пропитанном кровью снегу тела.

– Возвращаться назад будет гораздо проще, – машинально ответил он Ермакову, – дорога уже известна. Да и чего нам бояться? Вооруженных копьями инвалидов, терзаемых вечной болью...

– Эти инвалиды убили двух наших людей! – злобно зашипел эфир голосом Потапова. – И в городе полно этих кровожадных тварей! Внимание всем! Через пять минут уходим! Шевелитесь!

Синицын молча влез внутрь кунга, занял свое место и принялся разглядывать цилиндр. К чему бы ни привело то, что спрятано внутри, если оно может спасти этот изуродованный мир, корчащийся в муках боли, или хотя бы облегчить его страдания, оно должно быть найдено. Профессор смотрел на тщательно отполированную двести лет назад поверхность гранита, но перед глазами у него застыла картина монастырского двора, усеянного обезображенными мутациями телами, лежащими на густо залитом кровью снегу. Они просто хотели защитить свою святыню...

Тягач рванул с места неожиданно быстро, и профессор в который раз ударился гермошлемом о стену. Если бы не противогаз, уже давно бы

разбил себе голову, попытался пошутить сам с собой Синицын, но это не помогло. Тяжелый осадок на душе саднил, словно лопнувший нарыв. Колонна возвращалась по собственным следам, механики-водители держали максимально возможную среди городских руин скорость, пытаясь как можно быстрее покинуть город. Тягач трясло, словно он ехал по огромной стиральной доске со встроенной функцией вибромассажа. Профессор вцепился руками в поручни и уперся ногами в пол, но даже это не спасало от зубодробительной тряски. Сидящие рядом бойцы чувствовали себя не намного комфортней, каждый держался за что мог, стараясь не вылететь из сидения. Ставшее привычным за время рейда постоянное наблюдение за местностью через перископы не проводилось. Впрочем, снаружи сейчас крошечная тьма, полковник приказал погасить любые огни, включая габаритные, и путь освещался только инфракрасными прожекторами. Интересно, есть ли у триплексов инфракрасный режим?

Оказалось, что есть. Как только колонна вышла на железнодорожные пути у Ярославского вокзала, тряска существенно уменьшилась и Ермаков немедленно приказал возобновить круговое наблюдение.

– Николай Федорович, сколько еще до выхода из города? – спросил капитан спустя четверть часа.

– Полагаю, мы уже пересекли Священную МКАД, – профессор представил себе карту, – но там практически сразу Мытищи, так что всего до границы зоны развалин где-то километров тридцать будет, если верить аэрофотосъемке.

Ермаков хмуро кивнул. Он по-прежнему выглядел крайне обеспокоенным, и тревога капитана передалась профессору. Понимая, что просто так Ермаков нервничать не станет, Синицын спросил:

– Миша, вас что-то беспокоит?

Капитан собрался было ответить, как вдруг что-то звякнуло, и практически сразу звук повторился.

– Черт! – выругался один из наблюдателей.

Ермаков резко обернулся к нему.

– Триплекс разбился, – доложил боец.

– И мой... – Второй наблюдатель правого борта тоже отстранился от перископа.

Удивленный профессор уже открыл рот, чтобы спросить, как может разбиться бронестекло, да еще в двух триплексах сразу, но не успел. Снаружи раздался взрыв, потом еще, и тишина за бортом сменилась густым стрекотом пулеметных очередей. В следующее мгновение где-то совсем

рядом гроыхнуло, и тягач со всего размаху остановился и принялся крутиться вокруг своей оси на одном месте. Люди полетели на пол. Профессора сорвало с сиденья и вместе с цилиндром швырнуло куда-то в угол. Сверху на него упало чье-то тело, на лицевой щиток противогаза брызнула кровь.

– Подсолнухи!!! – Истошный вопль, словно ножом, вспорол эфир.

Тут же гроыхнуло снова, тягач вздрогнул и замер на месте, надрывно рыча двигателем и неровно подрагивая. Убитого сорвало с профессора и отшвырнуло в сторону. Рядом кто-то дико кричал от боли, крик одновременно пробивался через гермошлем и хрипел в головных телефонах, забивая радиоэфир близким сигналом. Профессор прижал цилиндр к животу и сжался в комок, плотнее забиваясь в угол. Он увидел, как кто-то из солдат открыл входной люк и попытался выскочить на улицу, но прямо в дверном проеме его швырнуло на крышку люка, тело неестественно поломалось и мешком вывалилось из кунга. Снаружи что-то ярко пылало, разбрасывая вокруг снопы искр и языки пламени, глухо гремели разрывы, прорезая темноту короткими вспышками. Эфир был заполнен паническими криками, обрывками команд, тонущих во всеобщей неразберихе, стонами и хрипами. Борта кунга мелко подрагивали, словно некто недовольный снаружи настойчиво стучал по ним кулаками, требуя впустить его внутрь, и стены прямо на глазах густо покрывались отверстиями. Сеницын почувствовал, как кто-то схватил его за руку. Это оказался Ермаков. Капитан, вжавшись в пол, знаками показывал, что необходимо выбираться наружу. Профессор кивнул, и Ермаков быстро пополз к люку, пробивая дорогу между лежащими мертвыми телами. Сеницын, прижимая к себе цилиндр, неуклюже карабкался за ним. Капитан, будто ящерица, выскользнул наружу и растворился в пылающей пожарами ночной тьме. Едва профессор дополз до дверного проема, как возникший из темноты Ермаков схватил его за подмышки, одним движением выдернул из кунга и, не отпуская, потащил к стоящему на прицепе «свинарнику». Они упали в снег, укрывшись за мощным колесом, и замерли. Капитан прислонил указательный палец к своему гермошлему на уровне рта, призывая сохранять тишину, и быстрым движением отключил встроенную в скафандр ученого рацию. Затем он ткнулся своим гермошлемом в гермошлем профессора, чтобы было слышно лучше, и сказал:

– Они прослушивают наш эфир. Говорим только напрямую. Готовьтесь, профессор, скоро надо будет бежать как можно быстрее!

Сеницын кивнул и огляделся. Вокруг была кромешная тьма, посреди

которой в свете мечущегося пламени замерла растерзанная колонна. Повсюду лежали трупы солдат. Головной танк был густо объят огнем, замыкающая колонну БМП и вовсе представляла собой один большой факел. Гигантские неровные тени скользили по снегу в безумной пляске перекрестных пожаров. У обоих тягачей были разорваны гусеницы, ведущие ролики все еще деловито вращались, подчиняясь работающим двигателям. Две уцелевшие БМП попытались укрыться за горящим танком и вели огонь, посылая штрихи очередей в темноту. Метрах в пятидесяти в развалинах вспыхивали взрывы. Ответного огня профессор не разглядел, а высовываться из своего укрытия ради выяснения обстановки он не рискнул.

– Почему в нас не стреляют? – спросил он Ермакова. – Вы их уничтожили?

Капитан криво ухмыльнулся:

– Мы их даже не видели. Броня наугад долбит. – Он достал какой-то прямоугольный предмет и что-то воткнул в его торцевую часть. – А не стреляют в нас потому, что не хотят зацепить «свинарник».

– Им нужны пленные? – догадался старик.

– Угу, – кивнул Ермаков, – и бочка с топливом. Но у меня есть для них сюрприз.

Он чем-то щелкнул, и на предмете в его руках загорелся тусклый огонек.

– Что это? – поинтересовался Сеницын.

– Прилипающая мина. Ждите здесь. – Он снова растворился в темноте.

Оставшись один, профессор сразу почувствовал страх. Ему казалось, что со всех сторон в него впились глазами сотни безжалостных кровожадных подсолнухов, которые только и ждут, когда он покинет спасительную тень «свинарника». Сеницын вжался в колесо и замер, стараясь слиться с местностью. Пытаясь не шевелиться, он всматривался в темноту, силясь обнаружить затаившихся врагов. В какой-то миг ему показалось, что он увидел, как белый силуэт, полностью сливающийся со снегом, стремительно и бесшумно промелькнул совсем рядом со «свинарником». Старик даже перестал дышать от охватившего его ужаса, но, присмотревшись, понял, что скорее всего это мечущиеся по снегу тени сыграли с ним злую шутку.

Рядом раздался тихий шорох, и Сеницын обмер. Из темноты появился Ермаков.

– Порядок, – сообщил он. – Теперь бежим. Вы готовы?

Ученый лишь судорожно закивал. Капитан забрал у него цилиндр и

помог подняться.

– Бегите за мной, как только можете, – он крепко взял профессора за локоть, – если повезет, успеем добежать до БМП, пока нас не пристрелят, или пока БМП не уйдут. Странно, что они до сих пор еще здесь.

С этими словами капитан рванул бегом, таща за собой ученого. Синицын побежал что есть силы, но уже через двадцать метров возраст беспощадно заявил о себе, и старик упал на снег, судорожно хватая ртом воздух. Ермаков взвалил его на себя и побежал, пытаясь пригнуться на ходу. Во-лею Шаро Предрекшей в них никто не стрелял, и болтающийся на капитанском плече Синицын успел даже подумать, а отчего же действительно БМП давным-давно не ушли отсюда куда подальше на полном ходу.

Они успели практически в последний момент. Едва Ермаков с профессором на плечах выскочил к БМП, его чуть не застрелили свои же. Человек десять бойцов залегли возле боевых машин в ожидании противника, пока двое танкистов, прижимаясь к броне, ковырялись с ходовым прожектором инфракрасного диапазона. Один из них развернулся к десанту и коротко махнул рукой. Солдаты тут же вскочили и быстро принялись грузиться в БМП. Синицына, не церемонясь, просто забросили в десантное отделение. Боевая машина вздрогнула и рванулась с места. Судя по доносившемуся сзади реву двигателя, вторая БМП шла за ней след в след.

– Чертовы твари, видимо, вели нас от самого вокзала! – произнес кто-то из бойцов, обращаясь к соседу.

– Сколько их было? – спросил второй.

– А кто их знает, – хмыкнул первый, – на тепловизоре, говорят, пять отметок мелькнуло...

– Повезло, – констатировал второй, – мало их было, вот мы и вырвались.

– Ничего, сейчас отсалютуем напоследок, – раздался голос Ермакова.

Капитан обнаружился возле десантного люка. В руках у него был пульт дистанционного управления подрывом. Ермаков нажал на кнопку, но грохота взрыва не последовало. Вместо этого на пульте загорелся красный огонек.

– Твою мать! – выругался Ермаков. – Они сняли заряд! Когда только успели... – Он еще пару раз нажал на кнопку, после чего отбросил бесполезный пульт и окинул выживших взглядом. – А ведь мы в рубашке родились. От подсолнухов живыми уйти...

Он замолчал, и в десантном отделении воцарилась тишина,

сопровождаемая нещадной тряской и глухим рокотом двигателей.

Президент Федотов обставил их возвращение с помпой. Пару обожженных БМП с измученными солдатами на борту встречали как героев, с транспарантами и торжественными речами. Погибшему Потапову посмертно присвоили генеральское звание, Ермаков вне очереди получил подполковника и потаповскую должность, все выжившие были отмечены наградами и повышенными продовольственными пайками. Даже родственникам погибших на целый месяц выписали полуторные нормы синтетического пищевого концентрата, чего обычно не делалось. Журналисты мгновенно выдали «на-гора» несколько очерков и статей, посвященных мужеству и героизму воинов Угличского ЦСГР, проявленному при разгроме подсолнухов. Одним словом, Президент лишний раз доказал свое полное соответствие занимаемой должности, эффективными действиями предупреждая волнения и недовольство среди населения, которые могли бы возникнуть, взгляни это самое население на происшедшее с другой стороны: Центр за одни сутки потерял убитыми три десятка бойцов, лишился четырех единиц техники и полторы тонны горючего. Федотов настолько искусно сманипулировал общественным мнением, что благодаря разгромленному рейду его популярность только повысилась.

Но главным героем похода стал профессор Синицын, которого теперь называли не иначе как отцом-вдохновителем великой миссии, обнаружившей ключ к «Наследию» Великой Шаро. Президент лично назвал его корифеем исторической науки и светилом мировой величины.

Спустя час после окончания торжественной встречи Президент со своим ближайшим окружением стоял в лаборатории Синицына, где под руководством профессора ассистенты проводили вскрытие цилиндра. Гранитную стенку аккуратно надпилили с нескольких сторон, после чего применили молоток. Цилиндр раскололся. Среди его обломков обнаружилась запаянная в хрусталь небольшая платиновая пластинка с короткой строкой выпуклых цифр. Пластинку бережно извлекли и положили под электронный микроскоп, но никаких данных или скрытых элементов ни на ней, ни внутри нее не нашли.

– Кроме этих цифр, тут больше ничего нет, – наконец сдался ассистент, вот уже двадцать минут колдовавший над микроскопом.

– Хм... – Федотов, склонив голову набок, разглядывал надпись: – Это похоже на угловые координаты. Тридцать один градус, десять минут, ноль-ноль секунд. М-да, не очень-то информативно... а эти две буквы

английские?

– Это северная широта! – заявил Синицын. – Это первая часть пары координат того места, где Шаро Предрекшая спрятала свое «Наследие». В этом нет никаких сомнений!

Президент поморщился:

– И вы полагаете, что недостающая часть координат находится под подобной плитой в развалинах Лос-Анджелеса?

– Совершенно верно! – Глаза профессора вспыхнули. – Это был гениальный план Великой Шаро и доктора Уэйна, части координат закладывались под плиты в разное время, с разрывом в два десятилетия! Все было рассчитано именно на последующие поколения! Современники не должны были даже догадываться о «Наследии»! Его тщательно скрывали от ищеек «Сёрвайвинг Корпорэйшн»!

– Хочу напомнить вам, уважаемый профессор, что мы все, и вы в том числе, и вообще все, кто еще борется в этом мире за будущее, являемся потомками людей, составлявших эту самую «Сёрвайвинг Корпорэйшн», и обязаны ей своим существованием! – официальным тоном изрек Президент.

Синицын счел разумным не напоминать в свою очередь, что именно из-за деятельности злополучного концерна всем им и приходится теперь бороться за жизнь. Вместо этого он выдержал паузу и торжественно заявил, обращаясь к Федотову:

– Мы должны разработать план и снарядить экспедицию за второй частью координат! Мы на пороге величайшего открытия! Возможно, мы на пороге всеобщего спасения в масштабах планеты!

– Экспедицию за океан? Это гораздо проще сказать, чем сделать! – скептически усмехнулся Президент. – Да и найденная широта проходит от нас уж больно далековато. Самим не добраться. Значит, придется делиться... – Он замолчал и задумался.

– Но мы же не можем бросить все это на полпути! – воскликнул профессор. – Особенно сейчас, когда уже потрачено столько усилий!

– Разумеется, уважаемый профессор! – ответил Федотов. – Гибель наших людей не была напрасной. Но этот вопрос крайне серьезен, мы должны изучить детали, обдумать все нюансы и подробно спланировать наши действия. На первом этапе поручаю вам разработать предложения. Я официально разрешаю вам внеочередную запись на президентскую аудиенцию по этому вопросу. А сейчас мне пора идти.

Федотов попрощался и вышел, сопровождаемый свитой, оставив Синицына получать поздравления от многочисленных завистников, в одну

минуту превратившихся в преданных друзей.

Вернувшись в свой кабинет, Президент вызвал начальника службы безопасности:

– Глаз со старика не спускать. – Федотов смотрел на силовика в упор так, что у того по спине побежали мурашки. – День и ночь, понял? Я должен знать о каждом его шаге, о каждой написанной им строчке, о каждом произнесенном слове.

– Слушаюсь, господин Президент! – Безопасник вытянулся в струнку.

– Табличку изъять и объявить государственной тайной. Выясни, кто успел запомнить цифры, и проследи, чтобы держали язык за зубами, на всякий случай.

– Есть!

Президент Федотов замолчал и принялся размышлять, глядя сквозь силовика невидящим взглядом.

– Ведь все равно узнают рано или поздно, – задумчиво пробормотал он с нотками досады в голосе. – Кто бы мог подумать, что все так обернется...

Федотов вновь поглядел на начальника службы безопасности:

– И организуй мне максимально закрытую линию связи с президентом ЦСГР «Русский Остров».

Часть первая

Москва, суббота, 28 сентября 2002 года, 22.45

Мобильник заверещал, как и положено, в самый неподходящий момент, когда какой-то нахальный тип на «Бэхе» нагло попытался вклиниться между ней и впереди идущим «Мерседесом».

– Вот урод, второй раз уже! – Алена раздраженно ткнула рукой в кнопку клаксона и нажала на педаль газа, отчего автомобиль стремительно рванул вперед.

Наглец испуганно шарахнулся в сторону, а она чуть было не догнала мерседесовский зад. Новенький «Порш Кайен» оказался очень резвой машинкой, и Алена еще не успела толком привыкнуть к его мощи. Пришлось срочно давить на тормоз, отчего автомобиль резко сбросил ход. Сзади немедленно зазвучали возмущенные трели сигналов, вплетаясь в переливы мелодии орущего мобильного.

– Вы что, сговорились все что ли? – поморщилась Алена, нащупывая рукой телефон, валяющийся где-то под сумочкой, брошенной на соседнее сидение.

Тип на «Бэхе» поравнялся с ней и принялся сверлить недовольным взглядом тонированное стекло, пытаясь выразить ей свое возмущение, одновременно с удивлением разглядывая незнакомую машину.

– Что уставился, болван? – усмехнулась Алена. – Машины не видел, что ли? – в этот момент мобильник все-таки нашелся, и она извлекла его на свет божий. – Через год насмотришься!

Она утопила педаль в пол, и «Кайен», взревев турбинами пятисотсильного двигателя, словно ураган, умчался вперед. Старенькая «Бэха» третьей модели осталась позади, словно и не двигалась вовсе.

– Тоже мне гонщик! – Алена бросила ленивый взгляд в зеркало заднего вида.

«Кайен» был подарком отца на ее недавний двадцать третий день рождения. В массовую продажу этот автомобиль поступит только в новом году, но как сказал отец, передавая ей ключи, избранное для избранных. Его друзья из «Порше» были счастливы посодействовать ему с организацией этого подарка. Ну еще бы, улыбнулась она, у отца влиятельные друзья по всему миру, и все неизменно становятся счастливы, когда им

представляется возможность угодить господину Рогожину. День рождения тогда удался на славу, отец, не изменяя своим правилам, сделал его еще шикарнее предыдущего.

Мобильник продолжал упрямо названивать, раздражая настойчивостью и отвлекая от приятных воспоминаний. Алена сбросила вызов, не глядя на определитель. Этот номер специально предназначался для того, чтобы давать его не особо нужным людям, и у нее сейчас не было желания разговаривать ни с кем из них. Она проехала мимо здания МИДа и перестроилась в правый ряд, готовясь повернуть на Новый Арбат. Мобильник зазвонил снова. Это было уже слишком. На ночь глядя мог названивать только кто-то из бесконечной массы поклонников, наперебой вылизывавших пятки наследнице огромного состояния. Для серьезных людей существовал совсем другой номер.

Ну что ж, дружок, тебе не повезло, многообещающе ухмыльнулась Алена, у меня сейчас очень, очень плохое настроение. Так что ты как раз вовремя. Она поднесла мобильник к уху, нажимая на кнопку ответа.

– Добрый вечер, Алена Викторовна, – давно знакомый и давно уже немолодой голос был, как всегда, невозмутим, – вы снова забыли свой телефон?

«М-да, – подумала Алена, – на этот раз стоило взглянуть на определитель».

– Ой, Виталий Федорович! – Спрашивать, откуда начальник службы безопасности отцовского Холдинга знает ее номер, было по меньшей мере несерьезно. Порой ей казалось, что старый отставной генерал ФСБ знал вообще все и обо всех. – Я не думала, что это вы! А разве мой телефон не со мной? Меня папа потерял?

– Виктор Александрович хотел напомнить вам о завтрашнем приеме в американском посольстве, но вы дважды не сняли трубку, – все так же спокойно отвечал генерал. – По моим данным, ваш телефон находится в офисе и за прошедшие сутки не покидал своего местоположения. – В голосе старика послышались веселые нотки.

– Спасибо, Виталий Федорович! – засмеялась Алена. – А я думала, чего мне сегодня с утра не хватает!

Положа руку на сердце, «с утра» – это, конечно, преувеличение. После вчерашней тусы она проснулась около трех часов пополудни, еще час валялась в кровати, потому что вставать было откровенно лень. Затем, сделав титаническое усилие, она все-таки встала и поехала в спа-салон, принадлежащий одной из многочисленных приятельниц, где вместе с ней и скоротала вечер, принимая всевозможные процедуры, после чего вернулась

домой. Стоило подобающе одеться для вечерней тусовки. И вот теперь, когда она уже выехала в клуб, выясняется, что она забыла свой телефон в офисе еще в пятницу днем. Алена разочарованно вздохнула, глядя на пылающие разноцветными волнами неона вывески, ярко освещающие ночной Арбат. Телефон надо забрать сейчас, пока она про него еще помнит. Иначе завтра отец снова ее не найдет. А это уже нехорошо, проявлять подобную некорректность по отношению друг к другу в их маленькой семье из двух человек считалось весьма дурным тоном. Алена нажала на газ, и притягивающий к себе со всех сторон завистливо-любопытные взгляды «Кайен», взвизгнув покрывками, сорвался с места, стремительно набирая скорость.

Виталий Федорович, как всегда, позаботился обо всем заранее. Двери подземного гаража уже были открыты, и около них ее машину встречал охранник. Алена подъехала к лифту чуть ли не в плотную и бросила автомобиль посреди пустой парковки, гордо прошествовав в открывающиеся двери под взором многочисленных видеокамер. Охранники ночной смены, дежурящие за мониторами системы видеонаблюдения, наверняка уже сломали себе все глаза, пялясь на нее. На такую ерунду она давно уже не обращала внимания, мужики до дыр истирали себе глаза о ее миниатюрную точеную фигуру повсеместно и ежесекундно. Тем более сейчас, когда она соответствующим образом подготовилась к предстоящей тусовке. Вчера так вообще был прямо-таки парад неудачников от эстрады, и продолжение не заставит себя долго ждать. Да, сегодняшняя ночь обещает быть интересной, в понедельник можно будет написать статью для своей колонки. Хотя нет, лучше в воскресенье, если удастся пораньше сбежать с этого нудного приема в американском посольстве. По горячим следам пишется намного веселее.

Лифт мелодично звякнул, сообщая о прибытии на восьмой этаж. Центральный офис крупнейшего в стране медиа-холдинга «Independent Media Group» полностью занимал огромное четырнадцатизэтажное здание в центре Москвы. Единственный действительно независимый конгломерат неподконтрольных правительству средств массовой информации, объединяющий радиостанции, прессу и интернет-ресурсы, созданный ее отцом. Это был подлинный оплот демократии в тоталитарной России, как часто отзывались о нем американские коллеги. В состав Холдинга входило почти два десятка медийных компаний, и с такой информационной мощностью приходилось считаться всем, включая правительство. Иметь в списке своих недругов самого Рогожина не улыбалось никому, и власть имущие

официально дружили с ним, хотя ни для кого не являлось секретом, что «Ай-Эм-Джи» для правящих кругов стала костью в горле. Но подобраться к медиамагнату было решительно невозможно, Рогожин слыл кристально честным человеком, принципиально не занимающимся ни политикой, ни сомнительными аферами. Его Холдинг освещал любые события беспристрастно и без купюр, за что и снискал уважение не только за рубежом, но и в кругах отечественных журналистов, не боящихся проводить дерзкие и отчаянные расследования. Каждый профессионал информационного поля знал, что «Ай-Эм-Джи» всегда опубликует материал, который на корню зарубит любой государственный или подконтрольный ему медиаресурс. Алена гордилась отцом, и имела на то все основания. Работать в Холдинге хотели бы тысячи, но такая возможность предоставлялась только лучшим специалистам в своем деле.

Окончив журфак МГУ, Алена вот уже год вела колонку гламурной хроники в популярной интернет-газете рунета «Мнение.ру», на правах рядовой журналистки. Так пожелал отец, он считал, что она должна узнать всю подноготную медиабизнеса, прежде чем занять руководящую должность. В общем-то, она была с ним согласна, да и работа не напрягала: тусишь весь уик-энд, после чего выдаешь едкую статью о том, как очередное ничтожество из бомонда в очередной раз опозорилось. С соответствующими комментариями. Это было даже весело. На следующий год Алена планировала стать главным редактором «Мнения», а через пару лет у нее накопится достаточно опыта, чтобы возглавить какую-нибудь более серьезную структуру Холдинга. Кстати, именно отец предложил ей в свое время взять фамилию матери, чтобы злопыхатели имели на одну возможность меньше, тыкая в нее их семейным родством. Мудрая мысль, к тому же «Алена Шаройкина» – неплохо смотрится в качестве авторской подписи. Папа распланировал все до мельчайших подробностей, и не было смысла не доверять его чутью. Рогожин, истинный гений бизнеса, никогда не ошибался, предпочитая медленному, но гарантированному движению вперед смелые и рискованные решения. Завистники в личине друзей всегда удивлялись его умению продвигать, казалось бы, абсолютно безнадежные проекты на уровень передовых продуктов, приносящих колоссальные прибыли. Каким образом он заранее был уверен, что проект найдет инвестиции и соберет единомышленников, не мог понять никто.

Двери лифта открылись, и она вошла в прихожую «Мнения», занимавшую на этаже почти все западное крыло. Дежурный охранник, увидев ее, подскочил и вежливо поздоровался. Алена кивнула в ответ и направилась к своему офису. В офисе горел свет, и она удивленно

огляделась, окидывая взглядом многочисленные столы, заставленные всевозможными компьютерами, принтерами, факсами, копирами и прочей оргтехникой. Трудоголик, вкалывающий в поте лица в полдвенадцатого ночи в субботу, обнаружился в самом углу. Сутулая фигурка в огромных очках ожесточенно долбила пальцами по клавишам, ни на секунду не отрывая взгляда от монитора.

– Стасик?! – удивилась Алена. – Ты-то что тут делаешь?

Кстати о лучших специалистах в своем деле. Стасик Орешников работал во «Мнении» вот уже два года, и Алена решительно не понимала, за какие такие заслуги он получил эту работу. Кажется, она что-то слышала про благотворительность Рогожина в отношении перспективных выпускников детских домов для детей с ограниченными физическими возможностями. Что-то там у Стасика было жутко не в порядке не то с сердцем, не то еще с чем-то. В любом случае особой перспективности за год она в Стасике так и не заметила, если не считать его абсолютной безотказности по отношению к коллегам. Маленький, хилый и лопоухий, в очках с вечно ободранной дешевой оправой, Орешников был законченным добряком и тьюфом. Любой сотрудник знал, что если тебе лень зависать после работы, чтобы откопировать или отсканировать пару-другую сотен страниц, или нет ни-какого желания переться куда-то по пробкам через весь город на какое-нибудь совершенно бестолковое интервью, то можно чисто по-дружески попросить Стасика о помощи, и тот с радостью сделает все за тебя. В результате Орешников вечно носился со всякой ерундой, словно самолет-неудачник. За что его все и любили, не упуская, правда, случая посмеяться над Стасиковым талантом журналиста. В этом плане Орешников был неповторим. Он специализировался строго на журналистских расследованиях, гремящих разоблачениями разнообразных негодяев вселенского масштаба. При виде его статей главред заранее хватался за голову, а весь офис замирал в предвкушении грандиозной хохмы. Одно только его расследование геноцида камчатских черепашек стало дежурным анекдотом на протяжении последних четырех месяцев.

– А?! Что?! – Стасик аж подпрыгнул от неожиданности. Стул перевернулся, и Орешников грохнулся на пол: – Ай, блин!

Алена не смогла удержаться и засмеялась.

– Алена! Ты меня так напугала! – Стасик выбрался из-под стула и поднялся на ноги.

– Что, страшно? – Орешников на глазах залился краской и стал похож на помидор. – Думал, что враги из очередного мирового заговора нашли тебя? – Она снисходительно рассматривала нелепую фигурку, мгновенно

съежившуюся под ее взглядом. – Что ты делаешь в офисе в субботнюю ночь, Стасик? Снова спасаешь мир? А может быть, у тебя просто проблемы с девушками?

– Зря смеешься, – обиделся Стасик, – дело очень серьезное! Это крупнейший мировой заговор со времен создания ФРС США! Масштабы просто грандиозны, это намного больше, чем даже убийство Кеннеди! Я наткнулся на него совершенно случайно!

– Ага, масоны, евреи и инопланетяне, – понимающе закивала Алена, направляясь к своему столу, – вновь над миром нависли тучи смертельной опасности! И только одинокий герой в ободренных очках способен спасти эту заблудшую планету!

Она принялась разбирать ворох бумаг на столе в поисках забытого моби́льника.

– Между прочим, Виктор Александрович лично дал мне добро заниматься этим делом, – с гордостью отвечивал Стасик, – в отличие от некоторых, он всегда видит скрытый потенциал каждого своего сотрудника.

– Ого! Ты был на приеме у отца?! – Алена сделала круглые глаза. – И тебя к нему пустили? Удивил, удивил... Не скрою... – ее «Верту» нашелся в#верхнем ящике стола, как ни странно, но аккумулятор сохранил еще почти половину заряда. – Стасик, ты растешь прямо на глазах! – Дисплей моби́льника был усыпан пиктограммами всевозможных пропущенных вызовов. – Что же такое ты ему сказал?

Стасик попытался заважничать, отчего стал выглядеть еще забавнее, чем обычно:

– Я нащупал мировой заговор некой тайной группы очень могущественных лиц, ставящих своей целью захват продовольственных рынков всего мира!

– О! Круто! – воскликнула Алена. – Ну и как, долго щупал? – Надо же, за те сутки, что телефон пролежал в столе, ей, похоже, успела позвонить вся Москва и часть Европы. Даже электронная почта пришла.

– Ты, как всегда, в своем репертуаре! – Похоже, Стасика ее выпад совершенно не задел. Он продолжал светиться сознанием собственной значимости. – А вот ты знаешь, к примеру, что такое ГМО?

Алена уселась в свое кресло и принялась разбираться с пропущенными вызовами:

– Ну, слышала что-то такое. Новые биотехнологии и прочее. Рекомендовано Институтом питания РАМН и так далее. Я не поклонник рекламных роликов. – Отец действительно звонил ей дважды, теперь перезванивать уже некрасиво, время позднее, но надо обязательно

отправить смс. – А что, злобные негодяи хотят вывести из страны чудо достижений нашей науки?

– Наоборот! – воодушевленно воскликнул Стасик, видимо, ему очень хотелось поговорить с кем-нибудь о своем намечающемся подвиге. – Это часть заговора! ГМО создано для установления контроля над миром! Я тебе потом расскажу подробности, ты ужаснешься! А сейчас мне надо вернуться к компу, у меня он-лайн с моим тайным источником! – Он бросился поднимать лежащий на боку стул.

– О, да! – скривилась Алена. – Два придурка нашли друг друга. – Среди пропущенных вызовов был звонок от Ксюши Собчак. Они еще в четверг договаривались, что встретятся сегодня в «Цепеллине», но из-за этой эпопеи с забытым телефоном придется опоздать. – В интернете каждый второй жирный извращенец либо прекрасная блондинка, либо свидетель заговоров. Ты поинтересуйся у своего источника, не похищали ли его инопланетяне? Возможно, он пострадал от их жестоких экспериментов. Сейчас у марсиан в моде, кажется, анальное зондирование?

– Зря ты так, Алена, – Орешников укоризненно покачал головой, – он дает весьма ценные сведения, и сильно рискует, связавшись с нами...

Стасик еще что-то бормотал, погрузившись в он-лайн, но Алена его уже не слушала. Первым делом надо было написать сообщение отцу. Он находился в деловой поездке в США, и на завтрашнем посольском приеме ей предстояло одной представлять «Ай-Эм-Джи». Алена быстро набрала текст: «Папочка, прости, что не ответила, забыла телефон. Завтра буду вовремя и во всеоружии. Люблю тебя и целую» и, вставив пару смайликов, нажала кнопку отправки. Несколько минут она просматривала пришедшую электронную почту и отправляла смски в ответ на пропущенные звонки, выбирая достойных адресатов.

– Алена! – смущенный голос Орешникова спас ее от тягостных размышлений на тему отвечать или не отвечать слишком назойливой подруге. – Можно мне воспользоваться твоим компьютером? Всего на одну минуту!

– А свой ты уже сломал?

– Двенадцать ночи, – Стасик виновато развел руками, – интернет отрубили. Круглосуточный доступ только у тебя и у главреда. Только его кабинет закрыт...

– И часто ты сидишь по ночам за моим столом?! – набросилась на него Алена.

– Нет-нет! Что ты! – съежился Стасик. – У тебя БИОС паролем заперт. А у главреда пароль все знают, да и кабинет у него всегда открыт, я даже не

знаю, как его закрыли, вчера вечером он открыт был, а сегодня у главреда выходной, на работе его не было, – тараторил он. – Прямо невезение какое-то! – Стасик умоляюще посмотрел на Алену. – Ну, пожалуйста, Аленочка, только на одну минутку! Мне надо хотя бы предупредить свой источник, что все в порядке, ведь меня выбросило из чата без всяких объяснений! Вдруг он испугается и больше не выйдет на связь! Я без него провалю расследование, а мне Виктор Александрович лично доверил! Аленочка, ну пожалуйста, я все, что хочешь, для тебя сделаю!

– Тебе придется встать в очередь, – отрезала Алена, – знаешь, сколько вас таких, желающих все для меня сделать! – Однако Стасик выглядел так жалобно, словно мокрый воробей, сжавшийся в комочек на подоконнике под холодным проливным дождем, что Алена смиловилась. – Ладно, работай, Шерлок Холмс-самоучка.

Она ткнула пальцем в кнопку запуска компьютера.

– Спасибо, Аленочка, я твой должник! – Стасик просиял и рванул за стулом. – Ты не представляешь, как меня выручила! Вот увидишь, это будет разгромный материал, Виктору Александровичу не придется жалеть о проявленном ко мне доверии!

Алена набрала пароль и с подозрением уставилась на огромный термос, который двумя руками тащил Стасик, пиная ногой офисный стул на колесиках в направлении ее стола.

– А это еще что? – поинтересовалась она, взглядом указывая на термос.

– Два литра крепкого горячего кофе! – отрапортовал Стасик. – Я заранее подготовился к сегодняшнему сеансу связи с источником! Даже специально выспался днем!

– К сеансу связи? – Алена хихикнула. – А вы не пробовали со своим источником пользоваться псевдонимами? Для повышения секретности? Ну, там, Юстас – Алексу, например?

– Разумеется, мы ими пользуемся! – не понял подколки Стасик. – Это же чрезвычайно опасное расследование, тут ни в коем случае нельзя засветиться, слишком могущественные силы вовлечены! Раздавят, и следа не останется. Гуру сообщил, что погибло уже очень много людей, так или иначе выходивших на след заговора! Он и со мной-то согласился работать только после того, как узнал, что я сотрудник Холдинга самого Виктора Рогожина. Если кто-то и решится опубликовать всю правду, то только Виктор Александрович. Все остальные либо слишком слабы, либо подконтрольны заговору!

– Кто-кто сообщил? – подняла брови Алена. – Гуру?!

– Ну да! – Компьютер загрузился, и Стасик водрузил термос на край ее стола, после чего влез в кресло и неуклюже придвинулся поближе к столу, с опаской потянув к себе клавиатуру. При этом он искоса поглядывал на Алену, словно ожидая подвоха. – Такой псевдоним у моего источника! Ты же понимаешь, он вынужден скрывать свою личность!

Стасик принялся заходить в приват-чат на одном из многочисленных почтовых серверов. Алена с любопытством пригляделась.

– О! – едко воскликнула она. – Да ты у нас Крепкий Орешек?!

Стасик густо покраснел еще быстрее, чем в первый раз.

– Ну... Я... Это... – Стасик окончательно смутился. – Я думал, что псевдоним должен быть созвучен фамилии и при этом отражать внутренние качества...

– Значит так, Крепкий Орешек! – засмеялась Алена. – Убирай свой термос со стола, и упаси тебя бог, если я завтра найду на своем столе хоть каплю беспорядка, я тебя убью раньше, чем до тебя доберутся злые Хитманы твоих заговорщиков!

– Так ведь завтра же воскресенье! – поправил Стасик, но тут же натолкнулся на ее взгляд, и термос со стола как ветром сдуло. – Все будет в идеальном порядке, Аленочка, я клянусь! – Он забарабанил по клавишам и облегченно вздохнул: – Слава богу, Гуру еще здесь!

Алена закатила глаза. Стасик был явно неисправим, одни только камчатские черепашки чего стоили, а вот теперь он добрался и до мирового заговора... Бедный главред!

В этот момент зазвонил забытый мобильник, и определитель номера выдал надпись «Ксюша Собчак».

– Алло! – сняла трубку Алена. – Привет, Ксю!

– Аленка, где тебя носит? – поинтересовалась Ксения. – Я уже в «Цепе», между прочим. Ты чего не берешь трубку?

– Я мобилку в офисе забыла, пришлось возвращаться, – Алена поднялась с кресла и пошла к выходу, – уже выезжаю к тебе.

– А я уж подумала, что ты шифруешься! – с ехидцей поддела ее Собчак. – Трубки не берешь, от Игоря своего все скрываешься!

– Ну уж нет! – заявила Алена. – Все, с Игорем покончено. Больше никаких самодовольных и самовлюбленных уродов, я начала новую жизнь из сплошных радостей!

– Давно пора! – одобрила Ксюша. – Давай подъезжай, не то пропустишь чего интересного. Тут уже шоу покемонов в разгаре.

Алена положила трубку и вышла. Закрывшаяся дверь заглушила drobные щелчки компьютерной клавиатуры. Охранник вызвал ей лифт и

пожелал доброй ночи. Внизу оказалось, что ее «Кайен» уже стоит мордой на выезд, а у входных ворот подземного гаража, как всегда, ждет охранник. Люди Виталия Федоровича свое дело знали. Алена села за руль и улыбнулась, вспомнив излюбленную отцовскую фразу: «избранное для избранных». Она нажала на педаль газа, и тишину ночного гаража разрезал оглушительный визг покрышек.

– На улице конец сентября, а ощущение такое, будто ноябрь заканчивается! – Алена сделала небольшой глоток мохито. – Плюс десять и дождь, просто замечательно.

– Не бархатный сезон, – согласилась Ксения.

Для разнообразия они решили на время покинуть свой столик в ВИП-зоне и теперь сидели за барной стойкой у танцпола, лениво обсуждая окружающую тусовку, словно сытые львицы, что в полудреме наблюдают за пасущимся неподалеку стадом антилоп. В качестве развлечения девушки наметанным глазом выцеливали в толпе наиболее нелепых персонажей и неторопливо разбирали их с головы до ног. Как всегда, спокойно поболтать более пяти минут не удавалось, ибо народная тропа к ним не зарастала. Множеству людей было прямо-таки жизненно необходимо хотя бы двумя словами, но перекинуться с дочерью влиятельного олигарха и ее не менее знаменитой подругой. Кто-то подходил просто поздороваться (но чаще – обратить на себя внимание), кто-то спешил засвидетельствовать свое почтение (но чаще – просто вылизать зад), и каждый второй стремился облить грязью предыдущего собеседника. Особенно бесили Алену «рублевские любовницы», в изобилии снующие по «Цеппелину», все как одна выраженные по одинаковой моде и шлепающие одинаковыми губами, перекачанными силиконом настолько, что порой у нее возникало ощущение, будто кто-то вывернул этим девицам губы наизнанку. Настроения общаться со всей этой нудной массой ненужных людей сегодня не было совсем, и Алена отвечала на одни и те же глупые вопросы неохотно и односложно. Зато Ксюха была в ударе, и неудачники отскакивали от них, словно теннисные мячики от ракетки. Иногда это получалось у нее настолько блестяще, что Алена не скрывала ироничной улыбки, глядя на очередную оконфузившуюся жертву. Вечер складывался превосходно, материал для колонки копился сам собой.

– Еще один! – усмехнулась Ксения, указывая взглядом на появившегося на горизонте парня. – О! Прямо-таки эксклюзивный вариант!

– Думаешь, к нам? – Алена разглядывала приближающегося модника, чувствуя, как внутри нее назревает бурный приступ хохота. – Что это у него

на ногах? Я вижу то же, что и ты, или у меня что-то со зрением не так?

Поглядеть было на что. К ним с чрезвычайно важным видом приближался мужчина лет тридцати в синих брендовых джинсах и модной рубашке, тщетно пытающейся скрыть объемистое брюшко. Откормленные щеки на плечах, нестриженная шевелюра в укладке – ничего необычного, стандартный вариант за одним небольшим исключением. На ногах у загадочного мистера красовались женские кроссовки ярко-золотого цвета.

– Хорошие башмачки, да? – улыбнулась в ответ Ксения. – Завидуешь?

– Обязательно бы завидовала, какой разговор! – Алена сделала серьезное лицо. – Только у меня уже есть точно такие же.

Тем временем сверхмодный дядечка уже был тут как тут и немедленно поразил подруг еще раз, обратившись к Алене на английском языке:

– Мисс Алена! Добрый вечер! Очень рад вас видеть! – расплылся в улыбке золотоногий. – Как здоровье господина Рогожина?

– Спасибо, все замечательно, – перешла на английский Алена, переглядываясь с подругой. – Простите, мы разве знакомы, мистер..?

– Арцибальд! Максимилиан Арцибальд! – важно представился золотоногий. – Но вы можете назвать меня просто Максимилиан, мы же договаривались, Алена, неужели вы не помните?

– Боюсь, что не припоминаю. – Акцент и ошибки в построении английских фраз начали ее веселить, и она подмигнула Ксении. – Будьте любезны, господин Арчибальд, освежите девичью память.

– Ар-тси-бальд! – наставительно поправил ее золотоногий. – Мы виделись с вами в Швейцарии, в прошлом году! Вы с вашим уважаемым отцом посещали мою всемирную выставку ювелирных изделий в Базеле!

– Вашу выставку! – подхватила разговор Ксюха, многообещающе улыбнувшись подруге. – Что вы говорите! Так это вы ее владелец? – Судя по ее виду, золотоногий только что подписал себе приговор. – О, это так интересно! – Она мгновенно стала само очарование. – Вы, наверное, очень богатый и знаменитый человек! – Тут Ксюха задумчиво наморщила лобик. – Странно, я регулярно слежу за новостями ювелирного цеха, но почему-то не могу вспомнить вашу фамилию среди учредителей Базельской выставки...

– Формально выставкой руководят другие люди, – заявил золотоногий, – на самом же деле все принадлежит мне. Это семейный бизнес, я – представитель древнего швейцарского королевского рода!

– Так вы – принц?! – Ксюха была сражена.

– Да, – скромно подтвердил золотоногий, – принц Арцибальд Швейцарский, к вашим услугам! – С этими словами он тут же потерял к

Ксюше всякий интерес и обратил все свое внимание на Алену. – Жаль, что вы так и не вспомнили наше знакомство, Алена, но мы могли бы исправить эту досадную ситуацию! Я предлагаю встретиться завтра! Позвольте пригласить вас на ужин, а после покажу вам макет каталога новейших ювелирных изделий. В настоящее время я создаю на рынке новый бренд и решил назвать его «Максимилиан», в свою честь. Я с удовольствием назову самое роскошное бриллиантовое кольцо из первой коллекции вашим именем! Позвольте, я запишу номер вашего телефона?

– К сожалению, завтра я приглашена на прием в посольство США, – с подчеркнутой досадой ответила Алена, титаническим усилием воли запрещая себе гомерический хохот. Сохранению спокойствия изрядно мешала школьная программа по географии, из которой следовало, что Швейцария с XVIII века является федеративной республикой, а до того момента и вовсе не имела центральных государственных органов. – А разве вы не приглашены на прием, Ваше Высочество?

Ксюха тайком скорчила ей рожицу, и сохранять спокойствие стало еще труднее.

– Я прилетел из Цюриха три часа назад! – мгновенно нашелся принц. – Вероятно, мой секретариат еще не известил посла США о моем приезде в Россию. – Золотоногий снова сделался важным. – Но я могу пойти на прием вместе с вами! Вы произведете фурор, появившись в посольстве с особой королевской крови!

Ксения неторопливо трижды хлопнула в ладоши, изображая аплодисменты, и сказала по-русски:

– Bravo! Такой попытки я еще не встречала. – Она снисходительно покачала головой. – А я думала, что Ксению Собчак уже ничем не удивишь...

– Вы знакомы с Ксенией Собчак? – Золотоногий обратил свой королевский взор на Ксюху. – Передавайте ей привет!

– Вот это номер! – У Ксюхи брови поползли на лоб, и она немедленно перешла на английский. – Так вы тоже с ней знакомы?

– Разумеется! – надменно ответил золотоногий. – Мы с Ксенией старые друзья! Знаем друг друга еще с детства!

– Так это все меняет! – Ксюха незаметно прищурилась, подавая подруге знак. – Ваше Высочество, позвольте мне скрасить ваш завтрашний вечер, пока мисс Шаройкина будет страдать от скуки в окружении чопорных дипломатов! – Она изобразила обольстительную улыбку и томным голосом добавила: – Я всегда мечтала о знакомстве с принцем! Я обещаю вам очень, очень теплый вечер! – Ксюха многообещающе

посмотрела на золотоногого: – Я очень темпераментная девушка! Вы покажете мне свой макет каталога? Я надеюсь, у вас очень большой... каталог! А позже к нам присоединится моя подруга Ксения Собчак, и мы втроем спасем нашу очаровательную Алену из лап официоза посольского приема! Позвольте, Ваше Высочество, я запишу номер вашего телефона?

– Какое восхитительное предложение! – светясь от восторга, воскликнула Алена.

– Разумеется, записывайте, – золотоногий поспешно засунул руки в карманы и стал демонстративно извлекать оттуда мобильные телефоны, – сейчас я найду нужный. К сожалению, я вынужден иметь множество телефонов, у меня бизнес по всему миру и приходится круглосуточно быть на связи... – Он выудил штук пять различных трубок и заявил: – Вот, это мой швейцарский номер, мисс...

– Анжелина! – с грудным придыханием ответила Ксюха, записывая под диктовку золотоногого цифры. – Ваше Высочество! Я буду с нетерпением ждать вас завтра в двадцать три часа на Поклонной горе у подножия величественной стелы! Это так романтично! Словно серенада о любви, исполненная под луной бродячим менестрелем!

– Вы любите музыку, мисс Анжелина? – заулыбался золотоногий. – У#меня дома отличное караоке, я с удовольствием исполню для вас несколько песен. У меня неподобный голос, когда я пою, мне завидуют профессиональные певцы!

– Вы просто кладезь талантов, Ваше Высочество! – Ксюха сделала большие глаза. – А сейчас, с вашего позволения, нам с Аленой необходимо продолжить нашу приватную беседу.

– Это весьма важный разговор! – подтвердила Алена. – Увидимся завтра, Ваше Высочество, желаю приятно провести ночь!

Золотоногий секунду помялся и отбыл восвояси.

– Я тебя ненавижу, Ксюха! – завистливо прошипела Алена. – Ты отбила у меня мечту любой девушки! Это же был настоящий швейцарский сыр! Фу, блин... Принц!!!

Приступ смеха удалось подавить только минут через пять, когда от непрерывного хохота уже начало сводить мышцы живота. С трудом переведя дух, Алена спросила подругу:

– Что теперь станет с наследником швейцарского престола?

– Не знаю еще! – Ксюха вытирала выступившие от смеха слезы. – Для начала продержу этого идиота на Поклонной часика четыре-пять, а там придумаю. Такой способ съема я встречаю впервые. Это ж надо, принц Арчибальд Швейцарский, с русским акцентом!

– Ар-тси-бальд! – поправила ее Алена, и подруги вновь залились смехом.

В воскресенье Алена проснулась поздно и до самого вечера готовилась к посольскому приему. Ее надежды на скорое окончание мероприятия не оправдались, более того, прием затянулся до поздней ночи. Попав, наконец, домой, она сама не могла понять, каким чудом ей удалось выдержать всю эту официальную тягомотину и не сойти с ума от скуки. И как только отец выносит все эти протокольные мероприятия? Ведь у него их в месяц десятки. Настроения тусить не было, и Алена решила остаться дома и посидеть над статьей. Воспоминания о вчерашнем вечере были настолько забавны, что вдохновение нахлынуло на нее само собой. Она прекратила работу уже под утро, когда глаза стали упрямо закрываться от усталости. Алена решила, что закончит материал завтра в офисе, и легла спать.

Разбудил ее звонок менеджера косметического салона, вежливо сообщившей о том, что Алена опаздывает к назначенному времени, и уточнившей, надо ли им ждать госпожу Шаройкину, или ей будет удобнее перенести визит. Алена посмотрела на часы... четверть четвертого. Поздновато, однако. Она отложила спа на час и поплелась в ванную. Сонливость покинула ее только через полчаса, но, приехав в салон, она вновь чуть не уснула во время процедур. Желание заниматься чем-либо решительно отсутствовало, она набрала Ксюху, но, телефон подруга выключила, и Алена заставила себя поехать в офис. Незаконченный материал надо было все же доделать, и она рассчитывала, что рабочая обстановка в вечно гудящей редакции вернет ее настроение в деловое русло. А большего трудового энтузиазма, чем в центральном офисе Холдинга, найти было невозможно. В «Ай-Эм-Джи» даже самые небольшие отделы закрывались довольно поздно, многие сотрудники работали сверхурочно, что не только поощрялось руководством, но и оплачивалось по выгодным ставкам.

На этот раз в помещениях «Мнения» было особенно многолюдно, но почему-то на удивление тихо. Алена, привычно кивая в ответ на приветствия, подошла к своему рабочему месту и уселась в кресло, придирчиво осматривая поверхность стола. Так и есть. В правом углу красовался засохший кофейный отпечаток, оставшийся от доньшка кружки. Ну, Стасик, тебе конец. Хорошо хоть клавиатуру не залил. Алена встала и решительно окинула взглядом офис. Орешникова нигде не видно, наверное, кто-то уже послал его куда-нибудь вместо себя. Ничего, это не спасет тебя от возмездия, Крепкий Орешек, блин! Алена поморщилась.

– Что-то потеряла, Алена? – Анна Федосеевна, немолодой уже журналист, занимала рабочее место слева от ее стола. Вид у нее, обычно бойкой и жизнерадостной, сегодня был невеселый. – Я могу тебе чем-то помочь?

С Анной Федосеевной у Алены как-то незаметно сложились хорошие отношения. Женщина принадлежала к тому типу людей, что умеют найти общий язык даже с немым папуасом. Поэтому видеть ее без улыбки на лице было несколько непривычно.

– А где Стасик? – спросила Алена, вдруг отмечая, что вообще никто вокруг не улыбается, более того, все выглядят хмурыми и угрюмыми.

При этих словах работа в офисе замерла, и окружающие, словно по команде, уставились на нее.

– Ты же еще не знаешь! – спохватилась Анна Федосеевна. Она грустно кивнула в сторону орешниковского угла. – Стасик погиб. Разбился на машине. Завтра похороны.

Только сейчас Алена обратила внимание, что на столе Стасика лежат две гвоздики и зажжена небольшая свеча, отбрасывающая крохотный блик на фото Орешникова в рамке с черной ленточкой через угол. На фото лопоухий Стасик застенчиво улыбался, словно фотограф запечатлел его в момент, когда кто-то вешал ему на уши лапшу о крепкой дружбе с целью спихнуть на бедолагу очередную рутину. Скорее всего, так и было.

– Как же это могло произойти? – Настроение резко упало. Стасика было чисто по-человечески жаль. – Его «Оку» даже велосипедисты обгоняли...

– Несчастный случай, – горестно покачала головой Анна Федосеевна, – заснул за рулем. Он в субботу вечером пришел в офис поработать и засиделся до четырех утра. А когда ехал домой... – она достала платочек и аккуратно промокнула уголки глаз, – в общем, милиция уже тут побывала, провела расследование. Стасик заснул за рулем, машина набрала скорость, и произошло столкновение с препятствием. Он умер еще до прибытия «скорой». – Она замолчала, вновь вытирая слезы, и тихо добавила: – Алена, мы тут собираем средства на похороны, Стасик же из детдома, родственников у него нет...

– Да-да, конечно... – Алена вышла из оцепенения, с трудом осмысливая услышанное. – Холдинг возьмет на себя все расходы, я сейчас же свяжусь с помощником отца и дам указания...

Отец прилетит только завтра вечером, но согласовывать с ним подобное решение не имело смысла, он однозначно одобрит ее действия. Алена набрала номер его помощника и распорядилась немедленно

организовать все необходимое.

Желание заниматься статьей пропало, и она некоторое время сидела, погрузившись в мысли. Взгляд сам собой возвращался к засохшему кофейному пятну. Да, Стасик, не помогли тебе твои два литра крепкого кофе. По мере раздумий Алена становилась все мрачнее. Выходило, что Стасик уснул за рулем именно из-за нее, ведь это она позволила ему просидеть в интернете до четырех утра. От подобных выводов ей стало совсем нехорошо. Она подошла к Анне Федосеевне и негромко спросила:

– А кто из милиции занимался делом Стасика? Есть такая информация?

– Да, один парень приезжал сюда и осматривал рабочее место Стасика, задал несколько вопросов. Сказал, что это необходимо для исключения версии о самоубийстве. – Анна Федосеевна сглотнула комок и тихо всхлипнула. – Он оставил свою визитку на всякий случай, – она протянула Алене небольшой картонный квадратик. – Приятный такой молодой человек.

Они еще немного обсудили обстоятельства этой ужасной трагедии, после чего Алена вернулась за свой стол и набрала номер с визитки. Трубку сняли практически сразу, и почти мальчишеский голос представился помощником следователя младшим лейтенантом Рукавишниковым. Алена назвалась коллегой погибшего Орешникова и милым голоском поинтересовалась, возможно ли ей поговорить с должностным лицом, ведущим его дело. Оказалось, что дело уже закрыто, и занимался им этот самый Рукавишников. Путем несложных манипуляций с неустойчивой к женскому полу подростковой психикой, Алена договорилась с помощником следователя о встрече на утро следующего дня и вновь погрузилась в невеселые мысли. Засохший кофейный отпечаток неприятно притягивал взгляд, словно некое живое существо, молчаливо, но настойчиво требующее внимания.

Утро вторника выдалось пасмурным, холодным и дождливым. Алена уже отъезжала от здания отдела милиции, когда с ней связался референт отца и сообщил, что господин Рогожин будет лишь завтра утром. В связи с тяжелыми метеоусловиями командир экипажа настоял на том, чтобы отложить вылет. Отец всегда отличался здравомыслием и прислушивался к мнению пилотов своего самолета. Уж если летчики такого уровня настаивали на задержке вылета, стало быть, причины на то были действительно веские. Значит, отец прилетит завтра утром. Это даже на руку, теперь у нее будет больше времени, чтобы обдумать предстоящий

разговор, а поговорить действительно было о чем.

Беседа с помощником следователя заняла почти три часа, первый из которых молодой человек с гордостью рассказывал о том, какой он сыщик-молодец. Он окончил милицейский вуз этой весной, но уже настолько поднатерел в следствии, что дело Орешникова вел самостоятельно, без помощи начальника, отчитываясь напрямую перед руководством. Жаль, что это всего лишь несчастный случай, он был готов справиться и с гораздо более серьезной задачей. Разумеется, это чисто риторическое заявление, сам он весьма сожалеет о постигшей Алену с коллегами утрате. Рукавишников буквально растаял при виде очаровательной брюнетки и болтал без умолку, Алене лишь оставалось направлять его рассказ в нужное русло. Вообще парнишка произвел на Алену вполне положительное впечатление. Пожалуй, слишком уж говорлив, а в остальном очень даже добросовестный молодой специалист. Несмотря на неоспоримые признаки несчастного случая, он тщательно провел все необходимые следственные действия. Опросил охранника, который последним видел Стасика в ту ночь, ближайших коллег и знакомых, квартирную хозяйку, сдававшую Орешникову угол где-то в Бибирево, досконально осмотрел место работы и жительства погибшего. Задавая вопросы, Алена удивленно хлопала глазками и демонстрировала сдержанное восхищение его профессионализмом, в результате чего тот позволил ей самой прочесть материалы крохотного дела, в том числе заключение патологоанатома. Алена осторожно удивилась, что вскрытие проведено столь оперативно, на что Рукавишников не без гордости ответил, что начальство делает на него ставку, как на перспективного сотрудника, и поэтому пошло ему навстречу. Даже при тщательном рассмотрении было ясно, что молодой помощник следователя провел это крохотное расследование предельно серьезно. Протоколы осмотра места происшествия, места жительства, рабочего места, фотоснимки, опрос лиц, так или иначе фигурировавших в деле, судмедэкспертиза, осмотр содержимого рабочего компьютера... Никаких предсмертных записок, ничего подозрительного в поведении. Все указывало на то, что Стасик сильно устал, в результате чего уснул за рулем и погиб. Тот факт, что никто не побеседовал с Аленой на предмет того, что она общалась с погибшим незадолго до трагедии, не вызвал у нее подозрений. Наверняка по указанию Виталия Федоровича дежуривший в ту ночь охранник просто скрыл факт их общения от милиции. Зачем было вмешивать Алену в столь печальную историю, это могло вызвать ненужную шумиху в прессе. Все сходилось. За исключением одной мелочи.

Нигде не упоминался орешниковский термос. Его словно никогда и не

существовало. Ни на работе, ни в разбитой в лепешку машине. Как не существовало и кофе в желудке трупа, и даже кружки в тщательно описанных ящиках его стола не значилось. Алена специально дважды перечитала заключение судмедэксперта. Выходило, что кофе Стасик в ту ночь не пил. Значит, термос в его руках ей привиделся? А кофейный отпечаток на столе возник сам собой. Что-то тут не сходилось. Она сильно сомневалась, что кто-то решился бы без разрешения хозяйничать за рабочим столом дочери Рогожина.

Алена посмотрела на часы. Похороны начнутся через час, и хоронить Стасика будут в закрытом гробу, он сильно пострадал в момент столкновения, а после еще обгорел. Она внезапно поняла, что не сможет вынести предстоящей церемонии, слишком жуткий осадок от всего этого лежал у нее на душе уже второй день. Алена развернула машину и поехала в офис.

В редакции было безлюдно: сотрудники либо на похоронах, либо под шумок улизнули по собственным делам. Это даже к лучшему, ей предстояло хорошенько подумать, и в данном случае уединенность только на пользу. Алена включила компьютер и по привычке бросила взгляд на правый угол своего стола. Пятна уже не было, видимо, уборщица вчера вечером протерла столешницу. Алена подошла к столу Стасика и на всякий случай осмотрела выдвижные ящики. Разумеется, ни термоса, ни кружки там не нашлось. Тогда она вернулась за свой стол и проделала те же операции у себя. Кружка пропала, стало быть, Стасик унес ее, когда закончил работу. Но в материалах дела она не значилась. Значит, кружка должна быть где-то здесь? Найти ободранную синюю кружку с облупившейся золотой надписью «Стас» в относительно небольшом помещении их отдела не представляло большого труда, однако преуспеть в поисках Алене так и не удалось. Кружки не было. Термоса тоже. Исчезнуть сами собой они не могли. Как бы фантастично это ни звучало, но вывод напрашивался только один: кто-то спрятал их еще до появления милиции. И делать это стоило лишь с одной целью – никто не должен был узнать, что Стасик выхлебал за четыре с небольшим часа два литра кофе. Но если все так, то мгновенно возникало огромное множество совершенно нереальных выводов. Выходит, это не несчастный случай? Авария была подстроена? Результаты судебной экспертизы сфальсифицированы? Все следы тщательно подчищены? Чуть ли не половина смены охраны, дежурившей в ту ночь, подкуплена? Или действовали супер-пупер ниндзя из голливудских кинофильмов, которых никто не заметил?

Сказать, что она в замешательстве, было бы явным преуменьшением.

Кому мог перейти дорогу такое безобидное существо, как Стасик Орешников?! Да еще так, что на его убийство затрачены столь грандиозные усилия! Врагам камчатских черепашек?!

Алена только покачала головой. Стасик был последним человеком на планете, кто мог бы кого-то разоблачить. Его ночной «пресс-релиз» о мировом заговоре, опутавшем всю планету, и мистический Гуру, поставлявший сверхсекретную информацию, лишний раз доказывали, что Стасику еще долго вырастать из детских штанишек. Но, тем не менее, Стасик погиб, и обстоятельства его смерти оказались очень и очень «невыясненными». В любом случае стоит переговорить с отцом, как только он вернется в Москву. Она запустила браузер и зашла на «Майл.ру», собираясь проверить почту. Страница авторизации была настроена сохранять логин и пароль, и Алена, по привычке ткнув мышкой в кнопку «Войти», запоздало поняла, что видит в поле логина незнакомые символы. Почтовый ящик открылся с приветствием пользователю Крепкий Орешек. Эх, Стасик, Стасик, вздохнула Алена, Орешек, блин...

Среди кучи различного спама и писем, в основной своей массе крайне бестолковых, переписку Стасика с загадочным Гуру она нашла довольно быстро. Собственно, письмо от Гуру было всего одно. В нем он призывал Орешникова к осторожности и настоятельно просил больше не входить в сеть под своим именем и обо всех изменениях в графике их сеансов связи сообщать на указанный здесь же почтовый ящик, после чего этот самый ящик Гуру незамедлительно заменит. Похоже, источник Стасика менял почтовые ящики после каждого полученного от Орешникова письма. В качестве аргумента Гуру заявлял, что подобная неосторожность уже стоила жизни некоему журналисту, Исмаилу Шамоеву, с которым он пытался установить контакт полгода назад, а самому ему пришлось долгое время заматывать следы. Алена еще раз перечитала письмо. Выглядело все как чистой воды параноидальный бред законченного сетевого психа. Только Стасик мог принять такое за чистую монету. Подобных спасителей мира было как селенок в банке на любом интернет-портале, объединяющем фанатов жутких мировых заговоров всех мастей. Странно только, что загадочный Гуру вполне конкретно указывал фамилию и имя якобы убитого врагами журналиста. Алена набрала в «Яндексе» данные и запустила поиск. К ее удивлению, запрос получил вполне конкретный ответ. Исмаил Шамоев действительно был сотрудником одной заштатной желтой областной газетенки. Ничем выдающимся не прославился. Чуть больше пяти месяцев назад погиб в результате несчастного случая, редакция газеты выражает соболезнования родным и близким покойного.

Ниже коротко указывалась причина смерти: парень возвращался ночью с рыбалки, заснул за рулем и разбился.

Алена откинулась на спинку кресла и потерла занывший висок. Дело принимало недобрый оборот.

– То есть, ты полагаешь, что Орешников был убит, а несчастный случай есть не что иное, как грамотная имитация?

Отец сидел в своем рабочем кресле и задумчиво крутил в руках золотой «Паркер», отделанный бриллиантами.

Кроме него, в кабинете присутствовал Виталий Федорович, как всегда, молчаливый и незаметный, словно погруженный в свои мысли. При этом старому генералу спецслужб не составит труда воспроизвести их разговор дословно и через месяц просто по памяти. И сейчас он слушал очень внимательно, ведь под подозрение попадали его люди.

– Это не просто грамотная имитация, папа! – Алена покачала головой. – Это очень дорогостоящая и профессиональная имитация. Наверное, можно проникнуть в напичканное охранниками и всякими тревожными системами здание незаметно, – она бросила на генерала вопросительный взгляд, – вроде бы такие спецы существуют?

– Это возможно в принципе, – кивнул Виктор Федорович, – но маловероятно на деле. Однако я предпочитаю рассматривать все варианты, как этот, так и возможность вовлечения в убийство кого-то из моих людей.

– Так вот, – продолжила Алена, – допустим, кто-то мог незаметно проникнуть в здание, почистить компьютер Стасика, а также унести с собой термос и кружку. – Она принялась загибать пальцы, подсчитывая свои аргументы. – Допустим, кто-то мог как-то испортить машину Стасика и устроить аварию. Допустим даже, что кто-то мог подделать заключение судмедэксперта о полном отсутствии следов кофе в желудке и крови погибшего, хотя лично я уже слабо представляю, как именно ему это удалось. Но сделать все сразу одному человеку просто не под силу. К тому же заключение патологоанатома мало просто подделать, надо было еще оперативно санкционировать само вскрытие. Никому не нужный Стасик Орешников не звезда бомонда и не сын политика. У него даже родственников нет. Такие, как он, в морги поступают десятками ежедневно. И несчастный случай один в один, как с Шамоевым. Я уверена, что Стасика убили. И убили его из-за того нелепого заговора, который он бросился расследовать со своим таинственным Гуру.

– Не такой уж он и нелепый, раз из-за него убивают людей, да еще столь изощренно, – нахмурился отец. – Что скажешь, Виталий

Федорович? – Он посмотрел на генерала.

Начальник службы безопасности Холдинга несколько мгновений обдумывал ситуацию, после чего ответил:

– Дело непростое. Не приходится сомневаться, что налицо работа высокопрофессиональной организации, располагающей серьезными средствами и не менее серьезными связями. Даже странно, что они до сих пор не отловили этого Гуру, видимо, тот тоже не просто мальчик с улицы, – неторопливо излагал генерал. – Наиболее вероятно, что они имеют своих людей в здании, скорее всего, в моей службе. Но просто прийти и поступить на работу в нашу службу безопасности невозможно. Мы принимаем только бывших сотрудников правоохранительных органов и только по рекомендациям. Поэтому я предполагаю подкуп, как наиболее простой вариант. Хотя нельзя полностью исключать и такой вероятности, что агент или агенты были внедрены к нам заблаговременно именно с целью предотвращения подобных расследований на самых начальных стадиях. Все-таки «Ай-Эм-Джи» не какая-то бульварная конторка, а медиалидер страны. Если данная организация настолько сильна, как мы сейчас предполагаем, они вполне могут себе это позволить.

После таких умозаключений Рогожин помрачнел еще сильнее, но ничего не сказал.

– Судя по тому, как они виртуозно обыграли ситуацию с несчастным случаем и вскрытием, – продолжал генерал, – своих людей они имеют не только у нас. Мы, конечно, можем воспользоваться нашими возможностями и предпринять определенные меры, например, на основании ваших, Алена Викторовна, показаний, добиться эксгумации тела и проведения повторной экспертизы. Но одних только ваших слов будет маловато. Без существенных доказательств дело пойдет не так быстро, как хотелось бы, и наши враги наверняка отреагируют на угрозу. Завербованных кротов можно отозвать, положить на дно, или, в крайнем случае, зачистить, тело из могилы выкрасть, контакты в государственных структурах предупредить, чтоб замели следы...

Он отрицательно качнул головой:

– Нет, так мы ничего не добьемся, только спугнем их. Тут надо действовать грамотно. С кем еще вы говорили об этом, Алена Викторовна?

– Ни с кем, – ответила Алена, – а смысл? Рассказывать молоденькому мальчику, третий месяц работающему в милиции, о таинственно пропавшем термосе?

– Хорошо, – одобрил генерал, – надо сохранить все это в тайне. Особенно сейчас, в первые дни после гибели Станислава Орешникова.

Несомненно, что противная нам сторона в настоящее время тщательно следит за обстановкой, анализируя степень успеха проведенной операции. И мы должны дать им иллюзию, что все прошло чисто, пусть они решат, что их существование по-прежнему остается нами незамеченным, и ослабят бдительность. Мы же, в свою очередь, должны собрать достаточную доказательную базу для того, чтобы иметь возможность действовать решительно и быстро. Нам необходимо получить конкретные факты, ведь мы толком ничего не знаем о том, что за интересы у этой организации. Чего именно они добиваются?

– Что-то связанное с генетикой, – пожалала плечами Алена, – какие-то операции с генно-модифицированными организмами. Стасик все порывался похвастаться своим грандиозным расследованием, но не успел, торопился на сеанс связи со своим Гуру...

– А вот это уже зацепка, – отметил генерал, – нам стоило бы связаться с Гуру. Он мог бы многое прояснить.

– Я еще вчера написала ему письмо, – поморщилась Алена, – но ответа до сих пор нет.

– Это было опрометчиво! – нахмурился Виталий Федорович. – Стоило сперва посоветоваться со мной или с Виктором Александровичем! Вы можете попасть в поле зрения их агентов.

– Не думаю, – отмахнулась Алена, – и так ясно, что эти самые агенты прогляпили тот факт, что Стасик в ту ночь работал с моего компьютера. Иначе его бы тоже почистили или испортили, если б не смогли взломать пароль. А Гуру этот явно не лыком шит, почтовые ящики меняет регулярно, честно говоря, я вообще не уверена, что он ответит. Может, того адреса уже не существует. – Она протянула генералу небольшой канцелярский стикер. – Вот, я записала для вас его адрес на всякий случай.

– Хорошо, я проверю его по своим каналам. – Виталий Федорович спрятал бумажку в карман. – А что именно вы написали в письме, Алена Викторовна?

– Да ничего особенного, в общем-то, – ответила Алена, – я подумала, что раз он такой продвинутый сетевой конспиратор, то наверняка следит за новостями в интернете, а значит, скорее всего, уже знает или скоро узнает о гибели Стасика. Я написала ему, кто я, что про него мне рассказывал Орешников и что Стасик погиб в результате несчастного случая. Что я изучила подробности и считаю аварию подстроенной. Что возмущена и собираюсь вывести всех на чистую воду, благо возможности для того у меня есть. Ну и предложила ему связаться со мной, если он захочет мне помочь. Вот и все.

– Что ж, это приемлемо, – согласился генерал, – и все же, на будущее, Алена Викторовна, постарайтесь сразу известить меня об этом Гуру, если он вдруг выйдет на связь.

Алена согласилась, и генерал, заявив о необходимости проведения тщательного и негласного внутреннего расследования в службе безопасности, оставил их с Рогожиным наедине. Она еще минут двадцать болтала с отцом о делах, недавнем посольском приеме и прочих мелочах, после чего он уехал на какую-то важную встречу, и Алена вернулась в офис.

Ответ от Гуру по-прежнему не пришел, зато прочей почты накопилось предостаточно, и Алена пару часов вела деловую переписку. На сегодня никаких других дел у нее не осталось, и можно было отправляться домой, однако мысли о деле Стасика никак не выходили из головы и, немного подумав, Алена вновь запустила браузер. Стоило все-таки получше понять, что вообще это такое – проблема ГМО, из-за которой убили Орешникова.

Она довольно долго изучала различные материалы на всевозможных сайтах, но копание в интернете не дало ничего конкретного, только ворох противоречивой информации. С одной стороны, область ГМО и интересы его производителей поддерживали довольно серьезные научные умы, возглавляющие далеко не самые последние государственные структуры, например, директор научного центра «Биотехнология» Российской Академии Наук академик Скрябин, директор Института Питания РАМН академик Тутельян, академик РАСХН Эрнст, главный санитарный врач России академик РАМН и РАЕН Онищенко... Весьма солидная когорта, одним словом.

Но, с другой стороны, им активно противостояли зеленые и ученые с не менее солидными послужными списками. Среди них были академик РАСХН Соколов, профессор института Общей Генетики имени Вавилова Животовский, директор Института Физиологии Растений Кузнецов, кандидаты биологических наук Баранов и Куликов из Института Биологии Развития РАН, ученые из Питерского Института Цитологии РАН, например, кандидат биологических наук Вонский...

Страсти кипели нешуточные, причем в проекции на весь мир ситуация выглядела довольно похоже. Однако разобраться в сути вопроса более конкретно не представлялось возможным в силу того, что споры велись на сугубо научном языке с применением таких терминов, понять которые обычному человеку, далекому от науки, было попросту нереально. Спустя три часа изучения материалов от всевозможных «плазмид», «эукариот» и «морфогенеза» голова у Алены пошла кругом. Кроме того, все это никак не

указывало на суть заговора или чего-то в подобном роде.

В конце концов стало ясно, что нужен другой способ уяснить суть столь спорного вопроса. Необходимо получить квалифицированную консультацию у кого-то из специалистов, способных перевести всю эту научную полемику на русский язык. Алена набросала небольшой список наиболее активных противников ГМО и принялась обзванивать научные учреждения, планируя добиться встречи с кем-нибудь из них. Рабочий день уже подошел к концу, и во многих институтах нужных людей уже не было на месте. Наконец ей удалось связаться с одним из ученых, попавших в ее список. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института Биологии Развития РАН Баранов Александр Сергеевич оказался еще на месте. Алена представилась и выразила желание задать ученому некоторое количество вопросов по проблематике генно-модифицированных организмов. Тот не возражал, и встречу назначили на следующий день.

Биолог Баранов оказался приятным и весьма энергичным человеком лет пятидесяти пяти, среднего роста и сухого телосложения, с внимательным взглядом голубых глаз. Именно так Алена и представляла себе настоящего ученого, окруженного пробирками и микроскопами. Его небольшой кабинетик в первом корпусе Института Биологии Развития имел и то, и другое, и еще много чего, неотделимого от образа российской науки: старенькие компьютеры, толстые научные книги и справочники в потертых переплетах, в изобилии стоящие на потемневших от времени стеллажах, кипы документации на столах и всевозможные пометки на различных распечатках, укрепленных прямо на стенах. Кабинет ученого, как впрочем и все здание института, евроремонтом не блистал, неся на себе стойкий отпечаток давно минувшего благополучия, судя по всему пришедшегося еще на советский период, что невольно навевало мысли о том, что отечественная наука переживает далеко не лучшие свои времена.

– Вы позволите? – Алена положила на столик небольшой диктофон.

– Как вам будет угодно, Алена Викторовна, – улыбнулся Баранов, – итак, что именно вас интересует?

– Видите ли, так сложилось, что этим вопросом у нас в газете занимался другой журналист, – ответила она, – но несколько дней назад он трагически погиб в автомобильной катастрофе.

– Весьма сожалею! – погрузился Баранов. – Полагаю, вы говорите о Станиславе Орешникове?

– Вы знакомы? – удивилась Алена.

– Нет, – ученый отрицательно кивнул, – но он связывался со мной по

телефону неделю назад, просил о встрече. К сожалению, я тогда уезжал в деловую поездку и не имел возможности с ним встретиться, а более он не звонил. Несколько дней назад я увидел статью о его гибели в интернете.

– Мы все очень опечалены этой трагедией, – сказала Алена, – Стасик, простите, Станислав был очень чутким и отзывчивым человеком, без него в офисе стало намного холоднее. Теперь его темой занимаюсь я, но до сегодняшнего момента мне не приходилось сталкиваться с этой областью. По-этому меня интересует все: что такое ГМО, в чем его плюсы и минусы, из-за чего вокруг него разгорелись столь нешуточные страсти.

Баранов слегка прищурился:

– Это будет довольно долгий разговор, Алена Викторовна! Суть данного вопроса нельзя рассказать в двух словах.

– Я знала, что так получится, – улыбнулась Алена, коснувшись диктофона, – поэтому подготовилась заранее. С удовольствием выслушаю все и постараюсь понять, только, пожалуйста, Александр Сергеевич, сделайте скидку на отсутствие у меня биологического образования.

– Разумеется! – кивнул ученый. – Но, даже несмотря на это, разговор получится непростой для восприятия. Вас ждет обилие научных сведений. Вы уверены, что ваших читателей это не вгонит в тоску и уныние?

– Знаете, Александр Сергеевич, я думала над этим, – призналась Алена. – И пришла к выводу, что умный, мыслящий читатель не поверит в ничем не подкрепленные сведения. Ему будет интересно и познавательно ознакомиться с подлинной сутью проблемы, он потребует доказательств. Ну, а недалекий в любом случае не осилит статью, будем ли мы называть вещи своими именами, или же попытаемся излагать упрощенно, результат будет один – прочесть такой материал ему мозгов не хватит. Таких примитивных людей в жизни не интересует ничего, кроме бездумной «развлекухи», и наша статья изначально не для них. Поэтому объясняйте все, как есть на самом деле!

– Ну, как знаете, Алена Викторовна, это ваша работа, и вам виднее. – Ученый устроился на стуле поудобнее. – Я постараюсь излагать доступным языком. Итак, ГМО – генетически модифицированные организмы, еще один термин – трансгенные культуры, или трансгеники. Это организмы, в которые встраивают чужеродные гены с целью получения хозяйственно-полезных свойств. Например, развитие у культурных растений устойчивости к пестицидам, увеличение сопротивляемости к вредителям, повышение урожайности.

Чужеродные гены внедряются в геном целевого организма разными способами, в том числе с помощью плазмид. Это – специальные

биологические конструкции, созданные из генетического материала некоторых организмов, подходящих для этих целей, например, вирусов. Донорами встраиваемых генов могут быть микроорганизмы, опять же вирусы, другие растения, животные и даже человек. Например, в ДНК морозоустойчивого помидора был встроен ген североамериканской морской камбалы, а устойчивая к засухе пшеница получила ген скорпиона.

Первые трансгенные растения были разработаны в США фирмой «Монсанто» в 1983 году, первые посадки трансгенных злаков были сделаны спустя пять лет, а в 1993 году в продаже появились первые продукты с генно-модифицированными компонентами. С тех пор трансгенная продукция интенсивно завоевывает продовольственные, сельскохозяйственные и фармацевтические мировые рынки, что вызвало немалое возмущение в научных кругах по всему миру, позицию которых разделяет и «Гринпис».

– Скажите, Александр Сергеевич, – у Алены сработала журналистская привычка наводящими вопросами задавать ход беседе, – почему же ГМО так быстро продвигаются на рынке? Чем вызвана их привлекательность?

– Как ни странно, обманом! Причем, обманом весьма грамотным! – усмехнулся Баранов. – Но об этом несколько позже. Сначала разберем так называемые плюсы трансгенных организмов. Основной и наиболее весомый аргумент производителей ГМО и их сторонников – экономическая выгода. ГМО дает производителям серьезную экономическую преференцию, ведь такое сырье позволяет делать тот же самый продукт при существенно меньших затратах. Посевы ГМ-культур не страдают от паразитов, например, ГМ-картофель, устойчивый к колорадскому жуку. Помимо этого, трансгеники легко переносят обработку полей гербицидами, уничтожающими сорняки, что многократно облегчает обработку полей и существенно экономит время и средства. Иными словами, производители обещают, что ГМ-семена дают повышенный в два-три раза урожай, устойчивы к вредителям и гербицидам, а также к токсинам и тяжелым металлам. К примеру, модифицированная соя может стоить в два-пять раз дешевле своих натуральных аналогов. Но прибыль производителя будет еще больше, например в колбасе, содержащей трансгенные продукты, их доля составляет порядка трех процентов, а себестоимость готовой продукции снижается на двадцать пять процентов. Это очень хорошая прибыль.

– То есть с экономической точки зрения ГМО – очень выгодное вложение средств? – уточнила Алена. – Ведь гораздо приятнее все лето отдыхать где-нибудь на теплом море, чем ежедневно с утра до ночи полоть

сорняки!

– Разумеется! Весьма выгодное! – улыбнулся Баранов. – Но только не для всех. Сверхприбыли получают лишь те, кто стоит за его созданием и столь агрессивным распространением. Это не просто состоятельные бизнесмены. Создание каждого нового вида ГМ-организма, по экспертным оценкам, стоит порядка трех миллионов долларов США, а ведь общее количество генно-модифицированных сортов и видов уже перевалило за тысячу. Подобные фокусы с природой под силу только крупным транснациональным корпорациям. И такие колоссальные затраты необходимо окупать. Около восьмидесяти процентов всех зарегистрированных ГМО принадлежат родоначальнице индустрии – компании «Монсанто», два следующих по величине игрока на рынке – швейцарская «Сингента» и немецкая «Байер». Эти фирмы зарабатывают продажей патентных прав на выращивание ГМО, семян ГМ-культур, сопутствующих пестицидов и сельскохозяйственной техники. Один только годовой оборот семян ГМ-культур, по экспертным оценкам «Гринпис», составляет порядка пятидесяти миллиардов евро, в данную величину не входят доходы от продаж пестицидов, патентных прав и прочего. Естественно, что за подобными деньгами стоят весьма влиятельные силы, способные создавать мощнейшие лобби. Наиболее крупной из них является «ГрупЛайф Америка», Ассоциация агропромышленных корпораций, в которую входят такие гиганты, как «БАСФ», «Байер ГрупСайенс», «Доу Агросайенсес», «Монсанто» и «Сингента». Но Ассоциация – это еще далеко не все сторонники ГМО. Свои интересы в данной области имеют и фармацевты, среди них американский фармацевтический гигант «Мерк», использующие в своих лекарствах продукты генной инженерии, и пищевики, с немалой выгодой продающие продукты, содержащие или произведенные из трансгенных культур.

И надо сразу отметить, что конфликт по поводу ГМО касается не науки, а власти, точнее, способности горстки корпораций, занимающихся торговлей семенами, пестицидами и тому подобным, диктовать свои условия мировому сельскому хозяйству. В этом и состоит смысл «Генной революции» – заставить местных фермеров по всему миру отказаться от традиционных сельскохозяйственных сортов и поставить их в абсолютную зависимость от собственных патентованных трансгенных продуктов и сопутствующих им пестицидов. Ведь все генные вставки, встраиваемые в геном растений для получения ГМО, являются объектом интеллектуальной собственности. Следовательно, их использование платно, и страна, выращивающая на своей территории семена трансгенных культур, которые

имеют запатентованную генетическую вставку, всегда будет платить компаниям-собственникам этой вставки лицензионные платежи, так называемые роялти. Иными словами, выращивание трансгенных культур приводит к возникновению узаконенной международным правом жесткой зависимости национального аграрного производства от биотехнологических корпораций, обладающих правами на возделываемые ГМ-культуры.

Но кроме регулярных платежей, которые должны платить фермеры компаниям-производителям за использование трансгенных семян, финансовые потери понесут и те, кто специально не выращивал ГМ-растения, в том числе и самые обыкновенные дачники. Ведь любое ГМ-зерно – это обычное семя, и когда оно вызреет во взрослое растение, его пыльца будет разлетаться и опылять традиционные виды.

– Такое действительно возможно? – заинтересовалась Алена, доставая блокнот и ручку. Беседа становилась все более интересной, и она начала делать для себя пометки в ключевых эпизодах. – Не могли бы вы остановиться на этом моменте подробнее?

– Такое не просто возможно, – ответил ученый, – это давно уже превратилось в настоящее бедствие, получившее в научном мире название «генетическое заражение». Однако давайте рассмотрим опасности, связанные с ГМО, чуть позже. Прежде необходимо уяснить еще один немаловажный коммерческий фактор.

Сейчас 80 процентов рынка сельскохозяйственных химикатов контролируют всего пять компаний, безусловным лидером среди которых является «Монсанто», и они же являются мировыми лидерами в создании и внедрении в производство трансгенных растений, устойчивых к производимым ими пестицидам, и разработчиками технологий возделывания данных трансгеников с использованием своих гербицидов. По сути, замкнутый круг. Можно с уверенностью предполагать, что задача этих компаний – жестко контролируемая глобализация мирового сельского хозяйства.

– Скажите, Александр Сергеевич, каким образом эти компании планируют реализовать свои планы? – Алена сделала еще одну пометку в блокноте.

– Я поясню, – согласился Баранов, – на примере реального положения дел. Компания «Монсанто», олицетворяющая собой растущее влияние крупного агробизнеса, в настоящее время контролирует 23 процента мирового рынка семян, а ее ГМО-разработки составляют, по разным данным, от 85 до 94 процентов трансгенных культур, выращиваемых в

мире. Именно она является главным сторонником запрета фермерам использовать полученный ГМО-урожай в качестве семенного фонда на будущее. Тем самым усиливается зависимость фермеров от компаний по производству семян. Более того, «Монсанто» в судебном порядке получила десятки миллионов долларов от фермеров, которых объявили виновными в незаконном использовании ГМО-семян даже в тех случаях, когда, скорее всего, ГМО-культуры появились на их полях случайно, в результате перекрестного опыления, которому больше подходит упомянутый термин «генетическое заражение».

Таким образом, когда Америка ввозит генетически модифицированную кукурузу, например, в Африку, под видом «продовольственной помощи» или продает трансгенный рис в Китай и другие азиатские страны, это не что иное, как мощение дорог к господству своих агрокорпораций на мировом продовольственном рынке в глобальном масштабе.

Первые ГМ-сорта растений компании «Монсанто» были созданы таким образом, чтобы не впитывать в себя самое прибыльное и запатентованное этой же компанией средство против сорняков – «Раундап», которым она торгует еще с 60-х годов прошлого века. Изначально цена на семена занижалась в убыток себестоимости ради привлечения покупателя. Но убытки были недолги – в ГМ-семена встроен ген саморазрушения, так называемые «терминаторные технологии». Он не дает возможности появиться второму поколению семян, и фермер каждый год вынужден покупать семена заново. Как мы уже сказали, полученные растения устойчивы к «Раундапу» – гербициду этой же компании, который призван уничтожать сорняки. Но на практике сорняки быстро приобретают устойчивость к данному гербициду, и, чтобы справиться с новыми сорняками, фермер вынужден ежегодно увеличивать объемы закупаемого «Раундапа». Где же обещанное снижение применения пестицидов, которое обещали нам создатели ГМ-культур?

Исследования Северо-Западного научного центра экологической политики США доказали, что создание устойчивых к гербицидам сортов ГМ-растений только увеличивает расходы химикатов и обостряет проблему химического загрязнения окружающей среды.

Китайские исследования показали, что использование пестицидов на полях с ГМ-хлопчатником не уменьшилось, но напротив, резко возросло из-за появления вторичных вредителей, к которым эта культура не устойчива.

В Аргентине, которая активно выращивает ГМ-культуры, устойчивые

к гербицидам, использование «Раундапа» по сравнению с 1992 годом возросло в 70 раз, с 1 миллиона тонн до 70 миллионов тонн за сезон!

Обстоятельный анализ данных статистики, опубликованных госорганами США, показывает, что с внедрением ГМ-культур употребление пестицидов в мировом агропроизводстве значительно увеличилось. Из-за чего в продуктах агропромышленного производства накапливаются серьезные количества химических токсикантов. Кроме того, обилие пестицидов вызывает существенные изменения в генетической структуре живых организмов аграрных биоценозов. Выражаясь проще, живущие в почве и на злаках бактерии и микроорганизмы мутируют.

За последние годы продажи «Раундапа» выросли более чем в семь раз. ГМО-технологии привели к тому, что фермеры стали покупать еще больше и семян, и химикатов.

– Вот и ответ на ваш вопрос, – улыбнулся ученый, – наибольшие прибыли получают компании, производящие ГМ-семена, которые затем загрязняют нашу планету «патентованной» пылью. Существует серьезное опасение, что человечество – будущие его поколения – станет заложником нескольких корпораций, которые будут иметь юридические права на снабжение продовольствием всего мира и на стороне которых будут выступать суды. В свое время компания «Монсанто» заявила, что через 10–15 лет все семена на планете будут трансгенными. В такой ситуации производители трансгенных семян могут устроить голод в любой точке мира, в том числе и в России, просто отказавшись продавать стране семена.

– Вы сказали – Америка, – поинтересовалась Алена, – значит ли это, что вы хотите сказать, что официальный Вашингтон причастен к ГМО-экспансии?

– Истинные кукловоды в мировой политике всегда остаются в тени, как вы понимаете, – улыбнулся Баранов, – и никто сейчас не назовет вам настоящих владельцев ни ФРС США, ни той же самой «ГрупЛайф Америка», хотя многие строят самые различные догадки. Я ученый и привык оперировать фактами, потому не буду разводить ничем не подкрепленных домыслов. Но тот факт, что лоббирование ГМО в США происходит на правительственном уровне, не подлежит сомнению.

Именно Соединенные Штаты Америки являются крупнейшим экспортером зерна в мире, и ГМ-культуры получили там широкое распространение практически сразу после появления. Правительство сертифицировало трансгенные культуры как безвредные для употребления в пищу и для окружающей среды. С тех пор США остаются лидером по возделыванию ГМО-культур. На них приходится почти половина всех

мировых площадей по выращиванию трансгенных культур, что составляет около 58 процентов американской пашни. Естественно, что экспорт ГМО-продукции приносит американским компаниям огромные деньги, и они ведут себя на рынке весьма агрессивно. Например, существует серьезное противостояние между Европейским Союзом и США по вопросам использования ингредиентов, полученных из ГМО, кормов и маркировки продуктов питания, которые США считают абсолютно безопасными. В этом их активно поддерживает ВТО – организация, в которой Штаты фактически доминируют. Европа, Австралия, страны Африки, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и страны СНГ считают безопасность ГМО недоказанной, в связи с чем активно принимают законодательные акты, регулирующие различные вопросы оборота ГМО. Это вызывает гнев в США.

Например, совсем недавно на сентябрьском Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге разгорелся настоящий скандал, связанный с отказом правительств Замбии и Зимбабве принять от США генетически модифицированную кукурузу в виде продовольственной помощи. Американские биотехнологические корпорации усиленно проталкивали свою ГМ-продукцию, рекламируя ее как спасение человечества от голода и болезней. На помощь корпорациям была призвана «тяжелая артиллерия» в виде Всемирной Торговой Организации, Продовольственной и Сельскохозяйственной организации ООН, Всемирной продовольственной программы и экономической комиссии ООН по Африке, которые в один голос заявляли, что ГМ-продукты абсолютно безопасны. Что их широкомасштабное применение никаких последствий для окружающей среды и здоровья человека не влечет. Как видите, биотехнологические корпорации основательно подготовились к саммиту.

После отказа африканцев от помощи, власти этих государств обвинялись чуть ли не в убийстве своих голодающих граждан. Однако министр информации Замбии, выступая на саммите, еще раз подтвердил принципиальную позицию правительства страны – отказаться от ГМО, одновременно заверив, что власти предпринимают все усилия для того, чтобы обеспечить граждан немодифицированной пищей. 135 африканских неправительственных организаций высказались в поддержку решения Замбии и Зимбабве. Кстати, чуть позже выяснилось, что американцы предлагали Замбии вовсе не помощь, а займ в 51 миллион долларов для покупки зерна в США, при этом еще и скрыв, что зерно генетически модифицировано. Решение отказаться от импорта кукурузы было вызвано

принципом предосторожности, чтобы обезопаситься от потенциально возможного генетического загрязнения местных видов, ведь законодательство в отношении ГМО в Замбии практически отсутствует.

Ученый коротко усмехнулся:

– Не трудно догадаться, что ГМ-лобби в США весьма сильно и influentially. Кстати, тезис о том, что ГМ-культуры решат проблему голода, сейчас очень популярен. Сегодня в мире от голода страдает почти один миллиард человек, более трехсот миллионов из которых проживают в Индии. Однако на самом деле в этом году Индия уничтожила около 60 миллионов тонн зерна, часть которого просто сгнила, остальное было сожжено. Дело в том, что покупательная способность населения настолько низка, что приобрести зерно попросту было некому. Корень зла не в отсутствии продовольствия, а в отсутствии доступа к материальным благам и ресурсам, и индийские эксперты серьезно сомневаются в том, что ГМО как-то изменит сложившуюся ситуацию.

К слову, фермеры все той же Зимбабве, чье правительство неоднократно отказывалось от трансгенной гуманитарной помощи, также не уверены в необходимости трансгеников для голодающих стран Африки. ГМ-кукуруза, которую упорно навязывают им международные организации под влиянием США, отстаивающих интересы своих корпораций, не нужна местному населению уже хотя бы потому, что кукуруза никогда не являлась традиционной для африканского континента культурой. Она не приспособлена ни для местного климата, ни для местных почв. Там издревле культивируют свои виды зерновых. Для Замбии, например, характерно выращивание маниока, сорго и проса. Это одна из беднейших стран Африки, но и там ежегодно гниют тонны невостребованного зерна, до трехсот тысяч тонн маниока в год, так как никто не может их купить. Вот где на самом деле кроется проблема голода. Я не слишком сложно объясняю? – улыбнулся Баранов.

– Нет, – улыбнулась Алена, – пока все очень доступно. – Она сделала очередную пометку и задала следующий вопрос: – Значит, США напрямую поддерживает действия своих агротехнических корпораций?

– Именно так, – подтвердил ученый, – и это не удивительно, если учитывать, что наибольшее количество посевных площадей ГМ-культур засеяно в США и большинство компаний-производителей трансгеников являются американскими. «Монсанто» для продвижения своих интересов использует различные рычаги давления, в том числе и ВТО, поэтому европейские власти могут пойти ей на уступки и без предоставления необходимых документов о безопасности ГМО. Но правительство США,

помимо продавливания интересов торговцев ГМО в Евросоюз, еще и пытается скрывать данные о неконтролируемом генетическом заражении.

Так, например, «Комиссия по сотрудничеству в области экологии Североамериканского соглашения о свободной торговле» подготовила отчет, составленный по требованию мексиканских местных жителей, экологических и фермерских организаций. Отчет подтверждает полученные ранее результаты независимых исследований, показывающих, что в Мексике, являющейся родиной кукурузы и хранилищем богатейшего в мире разнообразия ее видов, местные сорта кукурузы подвергаются заражению американскими ГМ-сортами, несмотря на действующий в Мексике запрет на коммерческое выращивание ГМО. Агропромышленные и биотехнические компании упорно отрицают этот факт, а вмешательство администрации США задержало публикацию данного отчета. Сейчас Штаты работают над тем, чтобы сделать эту задержку бессрочной. Однако выдержки из отчета просочились в ин-тернет, и правительство США в комментариях к отчету быстро свело все к одному вопросу: рекомендации отчета о немедленном перемалывании всех ввозимых из США партий кукурузы «являются существенным препятствием к торговле». Не сложно догадаться, что истинная их цель – захватить мексиканский рынок кукурузы в интересах американского агробизнеса, как это произошло с Канадой, которая уже находится в сильнейшей зависимости от ГМ-кукурузы и сои. Как говорится, выводы делайте сами. – Баранов сделал красноречивый жест.

Алена выдержала небольшую паузу, давая ученому возможность немного отдохнуть, и продолжила интервью:

– Александр Сергеевич, не могли бы вы более подробно рассказать о том, какие именно существуют трансгенные организмы, как сильно они уже распространены, кто и где занимается их выращиванием?

– Разумеется, – согласился ученый. – На сегодняшний день ГМО уже получили широкое распространение. В мире сельскохозяйственными ГМ-культурами занято 110 миллионов гектаров, и это количество ежегодно увеличивается на 10 миллионов гектаров. 98 процентов мирового производства трансгенных культур, таких как соя, кукуруза, рапс, хлопок, картофель, сосредоточено в США, Аргентине, Бразилии, Чили, Канаде и Китае. Лидером по выращиванию трансгеников, как мы уже отметили, является США, где одобрено использование 40 видов ГМ-растений. Это многие сорта сои, кукурузы, картофеля, томатов, сахарной свеклы, горчицы, фруктов. В Латинской Америке основная ГМ-культура – соя, далее следуют кукуруза и хлопчатник. Основная трансгенная культура

Китая и Индии – ГМ-хлопчатник, в Китае также широко выращивается ГМ-табак. В Австралии есть компании, выращивающие трансгенные голубые гвоздики, проходят испытания устойчивой к засухе ГМ-пшеницы с генами дрожжей и мха, ведутся работы по созданию кормовых ГМ-культур. В Европе разрешено использовать 21 разновидность трансгеников. Как я уже говорил, в мире выведено уже порядка тысячи ГМ-культур, из которых допущено к производству 136 линий ГМ-растений. Это соя, кукуруза, канولا (ГМ-рапс), хлопчатник, картофель, пшеница, ячмень, томаты, сахарная свекла, рис, лен, дыня, папайя, цикорий, гвоздика, кабачки, табак. Наиболее широко в мире распространены трансгенная соя, хлопок, кукуруза. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, к 2010 году доля ГМ-продовольствия в общем объеме мировой торговли сельскохозяйственной продукции достигнет 60 процентов. Так что шествие трансгенов по планете идет полным ходом! – Баранов невесело улыбнулся.

– Понятно, – Алена чиркнула ручкой в блокноте, – скажите, Александр Сергеевич, а что же в том плохого? Ну, идет на мировом рынке экспансия транснациональных биотехнических корпораций, проталкивающих везде свой продукт. Почему бы нет? Это ведь всего лишь бизнес, зачем науке вмешиваться в эту область?

– На первый взгляд так оно и есть, – кивнул Баранов, – и все вроде верно, если бы не одно обстоятельство: трансгены несут огромный вред, последствия которого, если не принять вовремя меры, очень быстро станут непоправимыми. Однако это мало заботит транснациональные корпорации, зарабатывающие на ГМО колоссальные деньги. Девиз «Монсанто» и других им подобных: «Накормим всех голодных». Производители трансгеников сулят уменьшение затрат и повышение урожаев. Но такой девиз уже звучал пятьдесят лет назад, когда начиналось массовое внедрение в сельское хозяйство пестицидов. За это время количество голодающих в мире только увеличилось, зато токсичные остатки пестицидов и связанные с ними тяжелые металлы и химикаты загрязнили Землю, делая ее все более опасной для человека. Например, во Франции сейчас закрываются многочисленные пляжи из-за огромных выбросов на берег морских водорослей, которые источают ядовитые испарения. Водоросли эти, по мнению ученых, появились в результате мутации под воздействием попадающих в море с сельхозугодий вод, несущих в себе огромные концентрации пестицидов. Но самое тяжелое последствие всепланетной пестицидизации заключается в том, что она на долгие годы отодвинула разработку альтернативных, природных экологических средств защиты земледелия. А ведь эти средства придуманы самой природой. Тот

же колорадский жук не пожирает картофель, если его выращивать по правильной, натуральной технологии. Личинка колорадского жука даже не выходит из так называемой «диапаузы», она просто спит в земле несколько лет. И урожай, получаемый таким способом, намного больше обычного. Но это не приносит прибыли агрокорпорациям. Пестицидная революция провалилась, теперь идет трансгенизация планеты.

– Скажите, – Алена пометила следующий вопрос, – в чем же конкретно выражается вред трансгенных организмов?

– Ну, на этом вопросе мы задержимся надолго, – улыбнулся Баранов, – может быть, хотите чаю или кофе?

– Кофе, пожалуйста, – согласилась она. – Но почему же надолго?

– Рисков, связанных с ГМО, очень много, и их перечисление займет много времени, – ученый включил кипятившийся старенький электрический чайник, – кроме того, я рискую запутать вас в дебрях научной терминологии. Давайте я расскажу вам о самых основных опасностях и попытаюсь изложить все доступным языком.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны, – улыбнулась Алена, – ведь ни у меня, ни у большинства наших читателей нет ученых степеней в биологии. А донести информацию до людей необходимо. Я думаю, в этом зачастую и заключается проблема взаимопонимания ученых и простых людей – некому перевести с ученого языка на русский!

Баранов негромко рассмеялся.

– Вы правы, Алена Викторовна. Я постараюсь быть предельно понятным. Но прежде чем мы начнем обсуждение угрозы, которую несут нам трансгеники, я хочу рассказать вам о, пожалуй, самом опасном аспекте из всех рисков генетической модификации, являющемся настоящей бомбой замедленного действия, последствия которой проявляются лишь в череде поколений, и их невозможно спрогнозировать. Это так называемый плейотропный эффект. Что же это такое?

В первую очередь необходимо отметить, что на сегодняшний день науке точно неизвестно, как функционирует геном, и даже до конца не понятно, что есть такое ген и зачем нужны многие его элементы. Например, так называемые «молчащие последовательности» – участки генома, никак не проявляющие себя в ходе онтогенеза. Зачем и для чего они нужны, за что отвечают – науке решительно неизвестно. А ведь геном эволюционировал многие миллионы лет, и было бы, по меньшей мере, наивно считать «генетическим мусором» то, чего мы понять пока еще не в силах. А исследование уже известных генных цепочек дает гораздо больше вопросов, чем ответов. Те же растения содержат в себе множество

органических соединений, чей синтез обусловлен их геномом, но для чего эти соединения образуются в растениях вообще – на сегодняшний день зачастую вообще не очень-то понятно. Например, зерна кофе содержат кофеин, и люди принимают это как факт. Но зачем кофеин в таком количестве растению, не известно. А ведь синтез кофеина не одностадийная реакция, это сложная цепочка.

Если мы рассмотрим схему получения ГМО, то увидим, что в плазмиду вставляется так называемый «целевой ген», точнее, даже некая конструкция, его включающая. На сегодняшний день не существует способа, с помощью которого можно было бы внедрить целевой ген в конкретное место генома, по желанию заказчика, например, исследователя или бизнесмена. Куда именно внедрится этот ген, зависит от случая, то есть чужой ген может внедриться и внутрь другого гена, может даже повредить его. Может он внедриться и внутрь «молчащих участков» генома.

Кстати, надо еще раз отметить, что встраиваемый ген не есть ген в чистом виде. Это некая генная конструкция, которая содержит несколько генов. Обычно, когда о какой-то культуре говорят, что она генетически модифицирована, что в ее геном внедрен определенный ген, то, как правило, имеют в виду, что внедрен один-единственный ген в одной-единственной копии. На самом деле это не так. Копий этого гена может быть много или несколько, а может быть и одна. Все зависит от случая. Невозможно сделать так, чтобы одна-единственная копия гена была перенесена в нужное место генома растения. Сколько этих копий будет содержаться в геноме после трансформации и куда именно они «воткнулись» – дело случая.

Так вот, когда в геном внедряется чужеродный ген, да еще неизвестно куда и в неизвестном количестве копий, может быть нарушена любая генная цепочка, в том числе и «молчащий участок». И если это произойдет, то не факт, что этот «молчащий» участок как-нибудь заговорит. Если реакция будет смертельной для самого организма, то трансформированная клетка не выживет и результата трансформации никто не увидит, то есть точная причина ее гибели так и останется неизвестной. Все будет списано на неудачи трансформации. Но может случиться и так, что чужеродный ген куда-то внедрится и трансформация произойдет. ГМ-организм будет создан, но никаких видимых повреждений не будет выявлено. В конечном итоге получается какое-то растение, содержащее вот этот самый ген, например, устойчивости к чему-либо. Цель достигнута.

Но стабильность созданного генома нарушена. Невозможно предугадать, как повлияет появление чужеродного гена, а точнее чужой

генной конструкции в составе генома на работу окружающих чужака генов и генных цепочек. Какие изменения это вызовет? Результат абсолютно непредсказуем и может быть практически любым. Собственно говоря, это и есть плейотропный эффект. Растение даст потомство, и генетическая мутация начнет усиливаться и распространяться, так как его геном нарушен. Причем трансформация вызывает нестабильность и изменение функционирования как измененного генома, так и внедренного гена, так как сам факт модификации есть ситуация, абсолютно чуждая для них обоих. В результате потомство, в отличие от родителя, может иметь уже совсем другие свойства. В какой степени и как именно выразятся эти нестабильности – опять-таки неизвестно, потому что фирмы-производители ГМ-растений таких исследований не ведут, поскольку это фундаментальная работа, не имеющая, с их точки зрения, немедленного коммерческого значения. А если такие работы и ведутся, то их результаты попросту не публикуются, что лишний раз вызывает настороженность.

В качестве одного из наиболее ярких примеров плейотропного эффекта могу привести следующее. Генетически модифицированная кукуруза MON 810 компании «Монсанто» имеет ген устойчивости к мотыльку. Действительно, мотылек не пожирает данную кукурузу. Но его место заменила тля, которая сожрала этой самой кукурузы еще больше. Как оказалось, тлю привлек сладкий запах трансгенного белка, того самого, что призван отпугивать мотылька. Возникновения этого сладкого запаха никто не планировал и предугадать не мог, он появился в результате сбоя в работе генетического аппарата. Плейотропный эффект налицо.

Причем необходимо особо подчеркнуть, что плейотропный эффект не прерогатива одних лишь растений. Ему подвержены абсолютно все геномы, когда-либо созданные природой, в том числе и геном человека.

Чайник закипел, и Баранов принялся колдовать над кофейными чашками.

– Так что же получается, – удивилась Алена, – если мы едим трансгенные продукты, мы со дня на день начнем мутировать?

– Нет, все далеко не так просто. – Ученый протянул ей дымящуюся чашечку с кофе.

– Не трансгенный? – Алена сделала большие глаза.

– Натуральный, – улыбнулся ученый, оценив шутку, – или, как принято в мировой терминологии, органический.

Он уселся на стул, взял свою чашку и продолжил:

– Как я уже сказал, плейотропный эффект поражает последующие поколения, но и для нас сегодняшних существует более чем достаточно

опасностей, напрямую связанных с трансгенами. Теперь самое время рассмотреть основные из них. – Ученый сделал небольшой глоток.

– Сама по себе технология получения ГМО не фатальна. В царстве бактерий перенос генов широко распространен и идет в природе постоянно. Он получил название «горизонтальный перенос генов», то есть способность бактерий обмениваться друг с другом участками генома. Другое дело, что генная инженерия позволяет преодолевать один из наиболее мощных эволюционных запретов – запрет на обмен генетической информацией между далеко отстоящими видами и, тем более, разными типами. Условно говоря, можно «скрестить» ужа с ежом, пшеницу со скорпионом, человека с растением – просто взять гены от одного и пересадить их другому, у которого такого гена и в помине не было на протяжении миллионов, а то и миллиардов лет эволюции. По всей видимости, подобные события в любом случае происходят на планете в процессе эволюции. Но для этого природе требуются как раз те самые миллионы лет. И тревожным является именно то, что человек преднамеренно вносит существенные изменения в устоявшиеся геномы в очень быстрый по историческим масштабам промежуток времени. Последствия этого практически непредсказуемы. К чему могут привести такие генетические манипуляции? Тем более, что сам человек не в силах контролировать распространение трансгенов в дикой природе! Трансгенные организмы имеют тенденцию распространяться «сами по себе», это уже известный факт. По мнению мирового научного сообщества, проблема генетического загрязнения и контроля за ним выходит сейчас на первое место.

Первые ГМ-культуры были высажены на открытых полях в США в 1995 году. Это стало началом «генетического загрязнения» природы, которое сейчас приняло глобальные масштабы. Новый тип загрязнения происходит в результате попадания искусственных генно-инженерных конструкций в геномы других растений, как культурных, так и представителей дикой природы. В процессе перекрестного опыления ГМ-пыльца этих культур, распространяемая ветром, насекомыми и человеком, стала «загрязнять» все вокруг на большие расстояния, оставляя нетронутыми ничтожно малые территории тепличного сельского хозяйства. Кроме того, заражение идет при смешении семян и кормов на этапе хранения и транспортировки урожая. И все это несмотря на многочисленные заявления сторонников ГМ-технологий о том, что такого никогда не произойдет. Сообщения о фактах заражения ежедневно приходят со всего мира.

Канадские фермеры утверждают, что посеяв однажды ГМ-зерновые, от них невозможно избавиться. Эти культуры рассеиваются из оставшихся на поле соломы и семян даже при очень тщательной обработке полей. И всходы ГМ-культур все равно заглушают новые посевы.

Независимые исследования, проведенные британскими учеными, выявили, что одни только пчелы переносят пыльцу ГМ-растений более чем на 26 километров, а выращенный однажды урожай ГМ-зерновых оставляет после себя загрязненную почву на 16 лет.

Калифорнийские ученые опубликовали в 2001 году разоблачительную статью в авторитетном издании «Nature». Они обнаружили в мексиканских сортах обычной кукурузы следы ГМ-сортов. Разразился небывалый скандал, поскольку Мексика славится в мире своей замечательной кукурузой, и правительство страны ради сохранения невозполнимой генетической наследственности приостановило выращивание трансгенных культур еще в 1998 году. Тем не менее, каким-то загадочным образом ГМ-кукуруза сумела скреститься с традиционными сортами, сводя на нет полувековые усилия мексиканских аграриев, которые лелеяли эту культуру, возведенную в ранг чуть ли не национального достояния. Такой агрессивности от растения-мутанта никто не ожидал. Мексика является центром происхождения порядка шестидесяти сортов маиса. Возникла опасность, что трансгены выживут уникальные местные сорта растений, как это произошло в Канаде. Ведь там фермеры, выращивавшие традиционный рапс, фактически лишились своего бизнеса, так как на территориях, где ГМ-культуры выращиваются уже несколько лет, генетического загрязнения избежать невозможно. А ведь в Мексике кукурузу начали выращивать около восьми тысяч лет назад.

В австралийской провинции Виммера фермер, выращивающий органический рапс, провел независимое тестирование и обнаружил на своих полях рапс трансгенных сортов. Зеленые предупреждают, что Австралию вскоре ожидает судьба Канады.

В Великобритании трехлетнее исследование в агроценозах, где выращивался ГМ-рапс и свекла, показало, что общее число диких видов растений сократилось в среднем на 30 процентов, а число семян и биомасса – упали в несколько раз.

Кстати, в той же Канаде ГМ-рапс переопылился с дикими близкородственными видами и, будучи устойчивым к гербицидам, превратился в «суперсорняк», на которого эти самые хваленые гербициды уже не действуют. И подобных «суперсорняков» в мире уже насчитывается более пятисот видов. В США, например, они занимают территорию в

сотни тысяч гектаров. И знаете, как та же «Монсанто» призывает фермеров бороться с ними? Использовать еще больше своего «Раундапа», а именно в количествах, в тысячу раз превышающих исходные. Или освобождаться от сорняков методом ручной прополки. Как вам эти «инновационные» технологии?

Мировое сообщество давно уже признает факт существования генетического загрязнения окружающего нас мира. При этом констатируется, что загрязнение нарастает из года в год. Американские ботаники даже сделали прогноз для двух Америк. По их мнению, там через пятьдесят лет не останется ни одного нетрансгенного растения. Таким образом, трансгены угрожающими темпами загрязняют собой окружающую среду, все быстрее уничтожая биологическое разнообразие. А ведь биологическое, а точнее, генетическое разнообразие, отвечает за устойчивость любой популяции к меняющимся условиям внешней среды. Какая-то популяция может быть очень хорошо приспособлена к неким конкретным условиям среды обитания, но стоит данным условиям резко измениться, и эта популяция вымрет целиком, если ее генетическое разнообразие недостаточно. А ГМО как раз его и сокращают. И все пресловутые технологии типа терминаторных, которые сейчас везде и всюду рекламируются, оказываются не очень-то совершенными и не могут гарантировать на все сто процентов от неконтролируемого «расползания» трансгенов. Например, тот факт, что уже сейчас американцы ездят к нам на Дальний Восток за дикой соей, говорит сам за себя.

Но это еще далеко не все «прелести» ГМО. Накапливается все больше фактов о губительном воздействии ГМ-культур на почву. Установлено, что если с полей не убраны ботва, солома или еще какие фрагменты трансгенных растений, то эти остатки не гниют в течение полутора-двух лет. Почвенные бактерии не могут утилизировать их, как обычные сорта. Почвообразующие микроорганизмы и беспозвоночные животные в большинстве случаев гибнут. Почва подвергается трансформации с последующей эрозией и быстро превращается в бесплодную пустыню.

Плейотропный эффект дает о себе знать через несколько поколений, отсроченно изменяя заявленные свойства растений, и вот уже у кукурузы, устойчивой к засухе, после нескольких лет культивирования неожиданно проявился признак растрескивания стебля. В результате весь урожай погиб прямо на полях. А картофель, устойчивый к колорадскому жуку, потерял устойчивость к патогенам при хранении и полностью сгнивает за два месяца лежания в хранилищах.

Трансгенный хлопок приводит к возникновению все более серьезных

экологических проблем. Например, в США сорняки, устойчивые к «Раундапу», все больше засоряют поля ГМ-хлопка и ГМ-сои. При этом трансгенная устойчивость такого хлопка и сои к вредителям через несколько лет массового использования данного сорта становится неэффективной, что и вовсе делает бессмысленным его дальнейшее культивирование.

Ведь каким образом ГМ-культура получает устойчивость к вредителям? Благодаря трансгенной вставке она начинает выделять токсин, приводящий этих вредителей к гибели. Но, по данным американских, российских и китайских ученых, уже через несколько поколений среди насекомых появляются устойчивые формы к используемым трансгенным токсинам, которые начинают пожирать растение в еще больших количествах. Естественный отбор еще никто не отменял!

Известия о появлении устойчивости к токсинам ГМ-растений у вредителей, которые должны бы погибать от этих самых токсинов, приходят все чаще. В результате неконтролируемого переноса трансгенных конструкций из ГМ-растений в обычные бактерии появляются новые патогенные штаммы фитовирусов, намного более опасных, чем их природные предшественники.

Кроме того, в природе, как известно, свято место пусто не бывает, и экологическую нишу основного вредителя, против которого введен трансгенный токсин, занимают другие вредители, на борьбу с которыми никто не рассчитывал. Тот же колорадский жук, уничтоженный в результате выращивания ГМ-картофеля, оказался заменен на совку, а в некоторых агроценозах – на тлю. И нашествие этих вторичных вредителей влечет за собой еще большие финансовые потери фермеров.

Зато полезные насекомые, исторически связанные с этими растениями и не планировавшиеся к истреблению, исчезают. В мире сейчас очень актуальна тема массовой гибели пчел в различных регионах мира в последние годы. Например, в Азербайджане она произошла в результате высевания ГМ-кукурузы и картофеля в некоторых районах. В научных кругах продолжаются дискуссии о том, что трансгенный токсин, который выделяют многие ГМ-растения, является причиной их гибели. Но чтобы это окончательно доказать, нужно проводить принципиально иные, по сравнению с существующими, эксперименты. А ведь резкое сокращение популяций медоносной пчелы несет серьезную угрозу не только сельскому хозяйству и индустрии производства меда, но и биосфере в целом, поскольку данное насекомое является одним из основных опылителей многих растений.

Распространяющиеся по всему миру ГМО вытесняют другие сорта и породы растений, животных, грибов и микроорганизмов, обитающих на полях, где выращиваются трансгеники, и вокруг них. Быстрорастущие виды ГМ-организмов вытесняют обычные виды из естественных экосистем. Например, ГМ-бактерия, созданная как переработчик растительных отходов, серьезно уменьшила популяцию полезных грибов.

Весьма показательны результаты опытов с божьими коровками, поедающими тлю. Эта тля питается на ГМ-растениях. Так вот, пожирая тлю, божьи коровки быстро становятся бесплодными и перестают размножаться. В результате птицы, питающиеся божьей коровкой, сначала получают в кишечник бактерии, содержащие ГМ-вставки, а потом теряют пищу и вынуждены мигрировать, разнося эти самые бактерии все дальше.

Кроме того, в природе у каждого вида есть естественные враги и паразиты, не позволяющие ему чрезмерно размножаться. Воздействие ГМ-токсиканов трансгенных растений на хищных и паразитических насекомых может привести к серьезным нарушениям этого равновесия, в том числе к неконтролируемым вспышкам численности одних видов и вымиранию других.

Не менее опасно выглядит ситуация и с ГМ-животными, которых в мире создан уже целый ряд, включая экономически значимые виды. Трансгенные аналоги имеют, например, уже более 15 разных видов рыбы, таких как лосось, теляпия, карп. Американские специалисты из университета Пердью в штате Индиана создали компьютерную модель популяции из 60 тысяч диких рыб, в которую проникли 60 трансгенных особей. Результат – через 40 поколений, а в природе это всего несколько лет, более крупные трансгенные особи вытеснили всю популяцию диких сородичей. И это не просто домыслы, ведь сейчас регулярно происходит убегание из рыбоводных садков трансгенных рыб, например, теляпии, в дикую природу. Это несет реальную угрозу водным экологическим системам и будет происходить повсеместно.

На Кубе проводились эксперименты с трансгенной теляпией, являющейся озерной рыбой, с целью получить крупные быстрорастущие особи. Очень скоро выяснилось, что рыба каким-то образом приобрела способность выживать в соленой воде, что еще раз демонстрирует действие плейотропного эффекта. Вместе со встроенным участком ДНК рыба получила свойства, которые не выявились сразу, и никто из специалистов не был способен это предвидеть.

Какими еще побочными свойствами обладают продукты генного манипулирования – одному Богу известно, ведь в природе тоже происходят

мутации, в том числе и с попадающими в дикий мир ГМ-вставками.

Биолог помешал ложечкой кофе и сделал глоток. Напиток уже остыл, и ученый лишь покачал головой.

– В качестве пищи для размышления хочу добавить небольшое уточнение, – продолжил Баранов, – как уже было сказано, в мире на сегодняшний день выведено около тысячи ГМ-организмов. Из них только сотня разрешена к промышленному производству, остальное не решились выпустить в мир даже сами производители. И это не случайно. У самих микробиологов и вирусологов, создающих трансгенные микроорганизмы, работа с ними приравнена к четвертому уровню опасности. Чтобы вы могли полнее оценить ситуацию, добавлю, что к этому же уровню опасности относятся такие болезни, как лихорадка Эбола, чума и сибирская язва.

– Все настолько серьезно? – удивилась Алена. – Человек может погибнуть от ГМО?

– Напрямую – нет, – успокоил ученый. – Вероятность встраивания трансгенной конструкции из растения в геном млекопитающих и человека ничтожно мала. Как вы, наверное, знаете, все живые организмы, в том числе и человек, клетки которых имеют ядра, называются эукариотами. Так вот, клетки высших эукариот имеют сразу несколько изолирующих барьеров, которые весьма эффективно препятствуют горизонтальному переносу генов. Мы все-таки не бактерии. А перенос трансгенной конструкции в половые клетки и вовсе невероятен, так как они имеют так называемый гематотестикулярный барьер, непроницаемый для крупных молекул. На первый взгляд, никакой опасности не существует. Но это только на первый взгляд.

Не следует забывать, что и человек, и животные имеют симбионтов, в частности, кишечную бактериальную флору. А ведь именно бактериям, как мы уже знаем, свойственен горизонтальный перенос генов. Именно они, наши симбионты, получают трансгенные вставки. И никто не может уверенно сказать, какие же свойства они получают в результате. Ведь, как уже было сказано, ГМО приобретают не только желаемые их создателями, но и непредсказуемые, зачастую неблагоприятные свойства и признаки. Продуктом мутировавших кишечных симбионтов могут стать токсичные, аллергенные, канцерогенные и мутагенные вещества, опасные для живых организмов.

Большинство сельскохозяйственных ГМ-культур помимо генов, придающих им нужные свойства, содержат гены устойчивости к антибиотикам в качестве маркеров, так называемый технологический

мусор. Существует опасность того, что они могут быть перенесены в болезнетворные микроорганизмы, что вызовет их устойчивость к антибиотикам. Или, например, встроенный в ГМ-растение ген может перейти в микрофлору кишечника, в результате чего она может стать нечувствительной к антибиотикам. Как следствие – распространение новых штаммов болезнетворных бактерий. То есть вылечить инфекцию может оказаться невозможно.

На сегодняшний день в Испании, Нидерландах и Великобритании устойчивость к группе антибиотиков, которые используются для лечения легочных инфекций, хламидиозов и инфекций мочевыводящих путей, достигла 82 процентов.

В Англии на полях с ГМ-сортами растений были найдены сорта, несущие гены устойчивости к канамицину, неомицину, ампицилину, амоксицилину и гидромицину, одним из наиболее распространенных и эффективных антибиотиков.

Американская компания «Эпицит» недавно сообщила о создании и испытаниях сорта ГМ-кукурузы, вырабатывающей человеческие антитела на поверхностные белки спермы. С помощью этого трансгеника они планируют получение противозачаточных препаратов. Можно представить, к каким серьезным демографическим последствиям может привести неконтролируемое переопыление такого сорта с пищевой кукурузой.

В то же самое время на рисовых полях Калифорнии прямо среди пищевых сортов риса проводятся открытые испытания сортов риса, несущего человеческие белки лактоферин и лизозим, используемые в фармакологии. Также разрабатывается и культивируется большое число сортов риса и кукурузы, несущих биологически активные вещества: вакцины, гормоны роста, факторы свертывания крови, человеческие антитела, индустриальные ферменты, подавляющие иммунитет цитокины и вызывающие аборт препараты. Все это призвано работать во благо фармакологии, но существует огромный риск неконтролируемого использования такой продукции. Это может быть как уже названное переопыление с пищевыми сортами, так и распространение их в природе из растительных остатков.

При сборе урожая любой пищевой культуры на полях остается огромная масса растительных остатков – листья, стеблей, корней. Вероятность прямого распространения трансгенных вакцин, входящих в состав этих трансгеников, в почвенных и поверхностных водах низка, однако все-таки не нулевая. Но значительно выше вероятность горизонтального переноса трансгенных конструкций в почвенные и другие

бактерии, и как следствие – неконтролируемая вакцинация птиц и млекопитающих, обитающих в данной местности. И если окажется, что трансгенные вакцины создавались против бактерий и вирусов, родственных человеческим болезнетворным бактериям и имеющих местных животных в качестве переносчиков, то такая вакцинация спровоцирует мощный естественный отбор среди этих патогенов, что приведет к формированию суперинфекций.

Не исключено появление трансгенных конструкций, которые будут «молчать» в растениях, но «заговорят» в кишечнике человека. Причем это может быть не какая-то новая инфекция, а патогенный штамм собственных кишечных бактерий-симбионтов.

Неконтролируемое распространение трансгенных вакцин в составе пищевых продуктов обладает не меньшим риском. В период беременности вместе с эмбрионом формируется и иммунная система человека. Она учится распознавать «свои» белки, не путая их в дальнейшем с «чужими». Если трансгенный белок вакцины попадет в это время в кровоток эмбриона, то иммунная система плода запомнит его как «свой», полезный белок. В результате родившийся ребенок не сможет вырабатывать иммунитет к данному заболеванию, всегда распознавая данную бактерию или вирус не как угрозу, а как безвредный для организма элемент.

К тому же детский организм остро реагирует на «чужие» белки, к которым не адаптирован, отсюда – особенно высокая чувствительность детей к аллергенам. Особенно рискуют дети до четырех лет, они меньше всего защищены от воздействия чужеродных генов. Вот почему крайне важна невозможность использовать ГМО в производстве детского питания.

Существует уже достаточно много доказательств аллергенного действия белков трансгенных растений. Частота пищевых заболеваний в США, где нет ограничений на использование ГМ – ингредиентов в пище и кормах, в 3–5 раз выше, чем в странах Скандинавии, где эти продукты не употребляются. В России, по данным ведущих аллергологов, до начала массового использования в пище и кормах ГМ – ингредиентов, уровень аллергических заболеваний, особенно у детей, был в 5–7 раз ниже, чем в США. Сейчас мы догнали США по этому показателю.

Более половины трансгенных белков, обеспечивающих устойчивость растений к насекомым, грибковым и бактериальным заболеваниям токсичны и аллергенны.

Например, использование альбумина – гена из ДНК бразильского ореха при создании сорта ГМ – сои привело к тому, что значительное количество людей пострадало от обострения аллергических заболеваний.

К тому же вещества, предназначенные для борьбы с насекомыми, могут блокировать работу пищеварительного тракта не только у насекомых, но и у человека, а также влияют на поджелудочную железу.

Ряд трансгенных сортов кукурузы, табака и помидоров, устойчивых к насекомым вредителям, вырабатывают лигнин – вещество, препятствующее поражению растений. Он может разлагаться на токсичные и мутагенные фенолы и метанол. Поэтому увеличение содержания лигнина в плодах и листьях растений опасно для человека.

Самым ярким примером токсичности ГМО стал случай с Японской Компанией Showa Denko К.К. ГМ-аминокислота, использованная при приготовлении лекарства – снотворного «Элтриптофан», привела в США к смерти 37 человек, еще около полутора тысяч остались инвалидами на всю жизнь. Компания, чтобы не допустить скандала, без лишнего шума выплатила пострадавшим компенсацию в два миллиарда долларов.

Помимо этого существует и опасность химического отравления. Ведь неуклонное возрастание объемов применения ядовитых пестицидов и гербицидов отражается на здоровье сельскохозяйственных работников и работников плантаций. Из США приходят данные о том, что люди, многие годы работающие на засеянных трансгениками полях или живущие вокруг них, стали находить у себя растущие на коже пучки жестких черных волос. И это не шутка.

ГМО могут стать мутагенными и канцерогенными за счет их способности накапливать гербициды, пестициды и продукты их разложения. Например, гербицид глифосат, используемый при возделывании трансгенных сахарной свеклы и хлопчатника, является сильным канцерогеном и может вызывать лимфому – рак крови.

Некоторые гербициды могут оказывать негативное влияние на выживаемость и здоровье человеческих эмбрионов, а также вызывать мутации.

В результате внутриклеточных процессов, в сортах ГМ табака и риса, отличающихся повышенной урожайностью, накапливаются биологически активные вещества, способные спровоцировать развитие рака.

Соответственно в ГМ-продуктах могут содержаться продукты распада гербицидов, которые при попадании в организм человека могут образовать новые ядовитые соединения.

И еще обязательно надо сказать несколько слов о кормах, поскольку это напрямую связано с нашей безопасностью. – Баранов поднял указательный палец, подчеркивая важность сказанного. – По моему мнению, ГМ-корма для наших сельскохозяйственных животных, а также

наших домашних любимцев – это вообще проблема проблем, поскольку у нас практически нет никакого контроля за ними. Все корма для животных, которые существуют на нашем рынке, – преимущественно корма, полученные из трансгенных культур и ввезенных к нам из-за рубежа. Мы неоднократно обнаруживали в наших лабораториях трансгенные компоненты, которые никак не обозначались поставщиками. Наши овечки, поросята, коровки, птички спокойно едят все это, а как оно влияет на их физиологическое состояние – никто вам не скажет. Как не скажет и того, как повлияют взятые от них мясо, молоко и яйца на наше с вами здоровье. А ведь если данные, полученные на крысах и мышах, экстраполировать на сельскую живность, то беда не за горами, она уже здесь.

Согласно утверждениям компаний, производящих ГМО, если коровы и козы питаются ГМ-кормами, то их молоко остается стопроцентно биологически чистым. Животное съедает корм, и ГМ-вставка в растении просто разрушается в процессе пищеварения. Однако, по данным ученых из Центра контроля за молочными продуктами Мюнхенского технологического университета, в коровьем молоке были выявлены следы ГМ-растений. Исследовалось молоко коров, которых кормили трансгенной соей и кукурузой.

К этому добавлю исследования норвежского специалиста, доктора Терджа Траавика, который проводил эксперименты на крысах. Им получены данные, что вирус мозаики цветной капусты, который используется в зерновых ГМ-растениях в качестве средства доставки чужого гена в геном модифицируемого растения, был найден в клетках тканей некоторых подопытных животных. Ранее считалось, что такое принципиально невозможно.

У нас в России был проведен уникальный эксперимент: беременных крыс кормили ГМ-соей. В результате более половины потомства погибло в первые недели жизни, а остальные оказались бесплодными. Помимо этого, крысята родились слабыми, болезненными, с множественными патологиями, фактически недееспособными.

А исследования крыс, питавшихся ГМ-картофелем, показали ухудшение состава крови, возникновение аномалий в размерах внутренних органов, множество животных погибло. Практически у всех погибших была выявлена патология тонкого и толстого кишечника.

На последнем Всемирном форуме производителей экологической и безопасной сельскохозяйственной продукции Терра Мадре (Terra Madre) в Италии, где собралось около восьми тысяч представителей со всех континентов, ученые из канадской делегации задали мне конкретный

вопрос: «Скажите, российские ученые исследовали влияние ГМ-кормов на сельскохозяйственных животных и ГМ-продуктов, полученных от таких животных, на человека?» Я ответил, что о таких работах в нашей стране мне не известно. На что канадцы заявили: «Это глобальная, мировая проблема! У нас в Канаде, где выращиваются в основном трансгенные культуры, мы обратили внимание на то, что потребление ГМ-корма совершенно очевидно влияет на плодовитость свиней. У них в помете стало меньше поросят почти в два раза. Причем поросята отличаются по размеру и состоянию здоровья, наблюдается большая смертность в первые недели жизни».

Баранов поставил остывший кофе на стол.

– Вы понимаете, Алена Викторовна, – продолжил ученый, – в Канаде есть озабоченность, поскольку они уже не гипотетически, а напрямую столкнулись с этой проблемой и их это заботит. У них на повестке дня уже стоит вопрос «А что будет с нашими женщинами, которые будут есть трансгенное мясо, и не произойдет ли с ними нечто подобное?» А мы по-прежнему продолжаем беззаботно употреблять ГМО, и нам все нипочем!

Подытоживая вышесказанное, остается добавить, что общий вывод ученых стран ЕС: введение ГМ-продуктов в пищевую цепочку человека может привести к непредсказуемому воздействию на его здоровье.

Полный комплекс исследований о влиянии ГМО на организм человека и животных еще не проведен. Оценка пищевых рисков от потребления ГМ-продуктов сейчас возможна на основании отрывочных данных и разрозненных научных фактов. Нам жизненно необходимы всеобъемлющие и, самое главное, независимые научные исследования под наблюдением общественных организаций и широким оповещением людей о ходе их проведения.

Баранов замолчал, и Алена несколько мгновений обдумывала услышанное.

– Жутковатая получается картина, – произнесла она, – а какова ситуация с ГМО у нас в России?

– О, в России экспансия прошла незаметно, – саркастически усмехнулся Баранов, – мы ежедневно потребляем ГМО на протяжении почти десяти лет.

– Что, вот так все просто? – удивилась Алена.

– В общем-то, да, – подтвердил ученый, – в России даже не существует внятного законодательства, которое бы регулировало использование ГМО. По закону в России нельзя выращивать ГМ-растения в промышленных масштабах, так что все ГМО в наших продуктах – импортные. Причем

такой запрет действует де-факто, поскольку нельзя в России выращивать не все ГМ-культуры, но лишь те, что не получили от Государственной экологической экспертизы заключения, подтверждающего их безопасность. Кстати, стоит подчеркнуть, что в нашей стране формально не существует законодательных актов, запрещающих выращивание любых трансгенов. Мы, по крайней мере официально, трансгены не выращиваем. Но в составе импортных продуктов употребляем их в огромных количествах, ведь эти трансгены одобрены Институтом Питания РАМН и утверждены главным санитарным врачом страны Онищенко. Эти господа считают их безопасными.

Первым ГМО, официально получившим прописку в России, стала соя производства компании «Монсанто», устойчивая к гербициду глифосат, он же «Раундап». Всего же на сегодняшний день в России официально зарегистрировано 16 линий ГМ-культур. Среди разрешенных организмов: по четыре сорта картофеля и сои, один сорт риса, два сорта сахарной свеклы и пять сортов кукурузы. Причем, два сорта картофеля произведены уже у нас, в Центре «Биоинженерия» РАН под руководством академика Скрыбина. Остальные ГМО принадлежат американской «Монсанто», швейцарской «Сингента» и немецкой «Байер».

– А как была доказана их безопасность? – Алена выделила этот вопрос в блокноте жирной линией, как один из наиболее важных.

– Фактически никак! – усмехнулся Баранов. – Как заявила заместитель директора Центра «Биоинженерия» РАН госпожа Камионская: «Наше дело создавать трансгены, а проверять их безопасность должны другие». Причем, кто же именно эти «другие», для всей страны остается загадкой. А ведь 16 линий отнюдь не мало. Данные ингредиенты используются практически во всех основных продуктах, таких как хлеб, кукурузные хлопья, кондитерские изделия, мясомолочная продукция, соки и даже детское питание. Чаще всего у нас в России трансгены встречаются в продуктах, содержащих сою, – в 17,7 процента мясных полуфабрикатов, в 16,7 процента хлебобулочных и мукомольно-крупяных изделий, в 16,4 процента соевых продуктов. В группу риска также входят шоколад, газировка, чипсы, детские молочные смеси.

Точных данных по трансгенным продуктам и прочим продуктам, содержащим ГМ-компоненты, поступающим на российские прилавки, нет. В мире этот список насчитывает несколько сот наименований, и все они могут импортироваться в Россию.

Например, по данным Минздрава, в России зарегистрировано 59 пищевых ГМ-продуктов, в том числе 11 напитков и коктейлей, 4

специализированных продуктов для спортсменов, 22 пищевые добавки, 3 вида мороженого, 3 вида вегетарианских гамбургеров и 16 других белковых продуктов.

Но по данным Института питания, трансгенные соя и кукуруза присутствовали в 61 продукте, а именно в муке, колбасах, напитках, пищевых добавках, детском питании.

По данным же российского отделения «Гринпис», все двенадцать крупнейших международных пищевых корпораций поставляют в Россию не менее 77 пищевых ГМ-продуктов, а это сотни наименований кондитерских и хлебобулочных изделий, жиров, приправ, напитков. Причем за последние три года импорт в Россию ГМО увеличился в сто раз. Более 50 процентов импортируемой в страну пищевой продукции и 80 процентов кормов содержат зерно или продукты переработки генно-модифицированных сои, кукурузы, рапса, а также некоторые виды плодов и овощей. В настоящее время, по оценкам экспертов, в реализации населению могут находиться содержащие ГМ-компоненты: 80 процентов соевых продуктов, 80 процентов овощных консервов, 70 процентов мясных продуктов, 70 процентов кондитерских изделий, 50 процентов фруктов и овощей, 15–20 процентов молочных продуктов и 90 процентов пищевых смесей для детей. Кроме того, на рынке России находятся ГМ-сорта томатов, кабачков, рапса, папайи, дыни и других, которые еще не прошли регистрацию в нашей стране.

В России существование ГМ-продуктов выгодно и производителям, и ритейлерам, поскольку никаких сколько-нибудь серьезных санкций за это не предусмотрено. ГМ-продукты привлекательны для розничной торговли. Например, генно-модифицированные овощи и фрукты стоят в 4–5 раз дешевле, чем их натуральные аналоги. Ритейлерам, работающим в низком и среднем ценовых сегментах, торговать ими очень выгодно. Так как сегодня никто в мире не может предоставить точных научных данных о том, что ГМО наносят ущерб здоровью человека, то пока нельзя юридически утверждать, что человечество травят трансгенными продуктами. А пока вред от ГМО не очевиден, отказываться от них продавцам не выгодно. Кстати, единственным ритейлером среднего ценового сегмента, открыто признавшим, что торгует ГМО, стала сеть гипермаркетов «Ашан». Да и то, заявление было сделано на страницах французских СМИ. Свою позицию руководство компании обосновало тем, что, отказавшись от ГМ-продуктов в России, сеть не сможет проводить нынешнюю ценовую политику.

– Но неужели у нас в стране нет специализированных лабораторий,

которые могли бы выявлять вредные ГМ-продукты? – Алена подчеркнула в блокноте очередной вопрос интервью. – Ведь кто-то должен следить за этим?

Баранов усмехнулся.

– Все разрешенные ГМО могут применяться в любом продукте, даже, повторюсь, в детском питании. Правда, производитель должен в таком случае указать на упаковке факт наличия ГМО, но на практике это условие зачастую обходится. Но дело даже не в экспертизах как таковых. Производители, которые хотят получить соответствующие сертификаты, приносят в лаборатории образцы продукции без ГМО. Сколько-нибудь объективная картина может появиться, только если проводить регулярные проверки.

Статистически достоверных и, тем более, подтвержденных фактов негативного влияния на здоровье человека ГМ-компонентов нигде в мире не существует, и таких исследований не проводилось. Имеющиеся в нашем распоряжении данные получены только на экспериментальных животных. К тому же и они зачастую противоречивы, так как выполняются разными учеными, часто – представителями фирм-создателей ГМО, и крайне редко – по госзаказу.

Производители трансгенов отказываются предоставлять ученым и экологами информацию о своих продуктах. В Европе дело доходит даже до судов. У нас с получением информации о трансгениках дело обстоит не лучше. Сторонники ГМО вообще отказываются признавать «Гринпис» авторитетом в области трансгенов и предоставлять экологами информацию по их первому требованию. Главный диетолог Минздрава, директор Института питания РАМН Виктор Тутельян однозначно заявил, что часть информации может быть конфиденциальной, и он не понимает, почему должен предоставлять ее общественной организации. Местный «Гринпис» даже судился с ними, кажется, без особых результатов. А тем временем, как мы уже сказали, институт уже провел 16 ГМО в государственную регистрацию.

Поймать же за руку производителей, протаскивающих на рынок неразрешенное ГМО, очень сложно. Существующие методы анализа выявляют только хорошо известные трансгены. Необходимо вводить новые, более эффективные технологии. Кроме того, данные отечественных лабораторий, определявших безопасность ГМО, внедряемых в России, вызывают сомнения как недостаточно полные. В настоящее время в стране катастрофически не хватает законодательно сертифицированных лабораторий в области определения ГМО. А лабораторий, способных

выявлять ГМО и достоверно определять их содержание, в России всего три.

Причем, если все лаборатории Госсанэпиднадзора, единственные административные учреждения, которые могут контролировать оборот ГМО, будут регулярно делать анализы продукции на их содержание, то они охватят всего два процента от необходимого объема пищевых продуктов и пищевого сельскохозяйственного сырья. Корма вообще не контролируются.

А самое главное, не существует надежных методов определения последствий распространения ГМО и их продуктов для природы и человека. Многие негативные эффекты ГМО, как я уже сказал, проявятся лишь в чреде поколений. Без систематического мониторинга отсутствие доказательств вреда совершенно не означает отсутствие самого вреда.

Все говорят примерно об одном и том же: о недостатке информации. И те, кто выступает против распространения трансгенов на рынке, и те, кто стремится активно продвигать ГМО «в массы».

Необходимость проведения срочных государственных научных исследований в этой области неоднократно подчеркивалась в различных выступлениях ученых, государственных деятелей, представителей общественных организаций. Проблема ГМО вызывает множество споров и разногласий, как в обществе, так и в научном мире, потому в этом вопросе не обойтись без публичных, независимых исследований. По-хорошему, подобные работы должны были вестись пару десятков лет до того, как продукты поступили на рынок.

Ситуацию усугубляет и тот факт, что единого законодательства об использовании ГМ-продукции сегодня нет ни в США, ни в Европе, поэтому точных данных относительно оборота такого товара не существует. В России также нет целевой юридической законодательной базы для обязательного контроля наличия ГМО в пищевых продуктах, сельскохозяйственном пищевом сырье и кормах, вследствие чего практически нет и самого контроля за их оборотом. Да и контроль за правильностью маркировки состава пищевых продуктов практически отсутствует, по сути, каждый может написать на своей упаковке что пожелает, – закончил ученый.

– Но почему нельзя решить эту проблему? – удивилась Алена. – Разве это так сложно? Привлечь больше исследовательских организаций, благо в России их немало, установить законодательную базу, выделить средства, в конце концов, это же в определенном аспекте безопасность страны!

– Совершенно верно! – согласился Баранов. – Я бы даже добавил, что с учетом того, что это достаточно долгая работа, было бы разумным и

логичным ввести в стране временный мораторий на использование трансгенов до появления официальных результатов исследований. Кстати, стоить это будет не так уж и дорого в масштабах страны. По нашим подсчетам, порядка полумиллиона долларов США. Вот только вы забываете про одно маленькое обстоятельство.

– Какое же? – подняла брови Алена.

– Мощное лобби сторонников ГМО. Ведь на карту поставлены огромные прибыли, исчисляющиеся миллиардами долларов в год. И компании-производители трансгенов не скупятся на формирование прочных рядов своих «единомышленников».

– Вы хотите сказать, что они покупают себе сторонников? – Алена отчеркнула этот вопрос как один из наиболее важных.

– Скандалы, связанные с подкупом чиновников биотехническими компаниями, уже не редкость, – ответил ученый. – Достоверно известно, что ради продвижения своих ГМ-культур на рынки целевых стран владельцы трансгенов подкупали различных должностных лиц в таких странах, как Индия, Индонезия, Шри-Ланка, также осуществлялись подобные попытки в странах Африки, и, судя по текущей ситуации, в ЮАР и Алжире им это удалось. Это единственные африканские страны, не отказавшиеся от ГМО.

– Скажите, Александр Сергеевич, – следующий вопрос закономерно вытекал из предыдущего, и не задать его Алена не могла, – а в нашей стране чиновники, ратующие за продвижение ГМО, тоже финансируются производителями трансгенов?

– Ну, подобной информации у нас нет, – улыбнулся Баранов, – и не думаю, что она есть у кого-то другого, иначе это был бы грандиозный скандал на всю страну и не только. Я могу говорить лишь о том, что известно наверняка. А наверняка известно о многочисленных грантах, выделяемых компаниями-производителями трансгенов некоторым нашим ученым.

– И вы можете привести примеры? – поинтересовалась Алена.

– Могу, отчего же нет. Секретом ни для кого это не является. Та же компания «Монсанто» грантовала академика Скрябина и возглавляемый им Центр «Биотехнология» РАН на исследование и создание ГМ-культур. В этих же целях опять же «Монсанто» неоднократно выделяла гранты Тимирязевской сельскохозяйственной академии, там вопросами ГМО занималась группа ученых, в том числе академик РАСХН Григорий Константинович Эрнст. Ну и конечно же получал гранты от «Монсанто» Институт Питания РАМН под руководством академика Тутельяна, в задачи

которого входило определить, несут ли ГМО опасность нашим гражданам или нет. Результаты этих грантов всем известны: 16 линий ГМО официально разрешены в России Институтом Питания, 2 из которых созданы Центром «Биотехнология», – Баранов развел руками.

– Остается только добавить, – усмехнулся он, – что по странному стечению обстоятельств, вызванному, разумеется, простым совпадением, именно эти ученые в настоящее время энергично поддерживают идею трансгенов и активно продвигают ГМО на российском рынке.

– Интересная картинка, – хмыкнула Алена, – накануне нашего интервью я просматривала в интернете информацию по вопросу ГМО. Там можно найти целую баталию из выступлений различных сторонников и противников трансгенов. К сторонникам ГМО, как я поняла, относится и главный санитарный врач России Онищенко?

– Да, он прямо заявляет о своей позиции поддержки трансгенных продуктов, – подтвердил Баранов, – и среди чиновников, ратующих за приход ГМО на российский рынок, он не одинок.

Алена улыбнулась и изобразила движение ручки по бумаге:

– Опять же – например?

– Будет вам пример, – кивнул ученый, – более того, это будет весьма интересный пример. В прошлом году я был включен в состав экспертной комиссии по ГМО Государственной Экологической Экспертизы при Министерстве природных ресурсов РФ. Комиссия эта действовала в соответствии с приказом министра МПР Артюхова от 26.04.2001 года за номером 363. Членами комиссии были серьезные ученые: четыре кандидата и один доктор биологических наук, представляющие основные научные учреждения страны в области биологии. Руководил комиссией член-корреспондент РАН. Как видите, случайных людей в комиссии не было. Эта экспертная комиссия должна была рассмотреть на предмет биологической безопасности два сорта ГМ-картофеля компании «Монсанто», которые эта фирма пыталась поставить на российский рынок. Был тщательно изучен большой объем информации, материалов и отчетов, сделанных по итогам полевой и экспериментальной проверок. Кстати, в ходе работы комиссии некоторые ее члены упоминали, что на них оказывается давление со стороны как представителей московского отделения «Монсанто», так и со стороны российских ученых, заинтересованных в продвижении ГМО, в частности, соответствующие телефонные звонки делал все тот же академик Скрыбин. Однако, несмотря на это, 1 февраля 2002 года, комиссия пришла к заключению, что биологическая безопасность трансгенных сортов картофеля не доказана, и

рекомендовала не допускать их на российский рынок.

Вскоре наша комиссия приказом министра МПР Артюхова была распущена. Как нам объявили, вследствие того, что функции свои она исполнила полностью, больше исследовать нечего и потому необходимость в комиссии отпала. На первый взгляд, все логично, вот только совсем недавно я узнал, что подобная комиссия только что создана вновь, приказом все того же Артюхова, но уже в другом составе. У меня сам собой возник простой вопрос: чем же министра не устроил старый состав? Уж не тем ли, случайно, что результатами нашей работы осталось недовольно российское ГМ-лобби?

– Действительно странно, – согласилась Алена, – а это точная информация? Ошибки быть не может?

– Исключено, – Баранов отрицательно качнул головой, – руководителем новой комиссии назначен серьезный ученый, академик Российской Академии Сельскохозяйственных Наук Михаил Сергеевич Соколов, с которым я знаком уже очень давно.

– Все это более чем странно, – повторила она, подчеркивая заметку в блокноте жирной чертой.

В этот момент диктофон издал предательский писк, сообщая о том, что его батарейки собрались в мир иной.

– Похоже, наше интервью окончено? – весело прищурился Баранов.

– Похоже так, – Алена виновато улыбнулась, – на самом деле полученной информации мне хватит надолго, я даже всерьез переживаю, чтобы не запутаться в ней по неопытности.

– Ничего страшного! – ободрил ее ученый. – Если возникнут вопросы, вы не стесняйтесь, звоните, приезжайте, я буду рад помочь.

Они попрощались, и Алена покинула скромный кабинет ученого.

На улице как всегда было холодно, на небе собирались подозрительно темные тучи, довольно прозрачно намекавшие на возможный дождь. Алена, пожившись, забралась в машину, но теплее от этого не стало, за время долгого интервью салон «Кайена» успел остыть до уличной температуры. Алена включила печку на полную мощность и откинулась на спинку сидения, ожидая результата. Ехать в холодной машине не хотелось. Пока салон прогревался, она достала блокнот и принялась изучать сделанные во время интервью пометки. Информации действительно оказалось слишком много, тут по одним тезисам не разберешься, а запасных батареек к диктофону, как назло, не оказалось. Надо будет заехать в магазин.

Стук пальцев по ветровому стеклу отвлек ее от раздумий. Она оторвала взгляд от блокнота и посмотрела в окно. Перед дверью стоял горбатый, донельзя замызганный бомж в каком-то немыслимом рванье, с лицом, наполовину заляпанным грязью, наполовину затянутым самодельной повязкой из остатков чуть ли не сгнившей лыжной шапочки с застарелыми следами крови. Общую картину довершали нелепые ободранные очки с обломанной дужкой и треснувшими стеклами, скрепленными грязной полоской скотча. Бомж что-то настойчиво требовал от нее.

– Дай мелочи, красавица! – хрипло донеслось из-за стекла. – Помоги голодному, подай на хлеб Христа ради!

Бомж прислонился ладонями и лицом к стеклу, отчего его чумазая физиономия заняла собою все окно.

– Сколько не жаль, дочка, не оставь в беде инвалида! – продолжал домогаться бомж, все сильнее прижимаясь к стеклу.

В какой-то момент Алене показалось, что она чувствует исходящую от него вонь прямо сквозь автомобильную дверь. Она торопливо нашарила кошелек и не глядя вытащила оттуда купюру. Банкнота оказалась тысячерублевой, но сейчас это значения не имело, Алене казалось, что бомж с минуты на минуту от усердия просто выдавит ей ветровое стекло. Она коротко нажала на кнопку электроподъемника, опуская дверное стекло буквально на сантиметр, и торопливо просунула в образовавшуюся щель купюру.

– Ай, спасибо! – расцвел бомж. – Не дала сирому инвалиду умереть голодной смертью! Дай бог тебе счастья, доченька, и мужа хорошего! – Он вдруг засуетился, шаря за пазухой, и извлек на свет белый жутко грязную тряпку. – А вот я тебе сейчас это, машину вымою, окошки, значит, протру!

Воображение живо нарисовало ей последствия этого процесса, и Алена пришла в ужас.

– Нет-нет! – воскликнула она, закрывая окно и судорожно нашаривая рукой рычаг автоматической коробки передач. – Не надо! Я уже уезжаю, я тороплюсь!

– Дык, я это, я быстренько! – успокоил ее бомж. – Семь секунд! – Он решительно принялся мусолить тряпкой по ветровому стеклу.

Окно моментально покрылось мутной пленкой какой-то грязи.

– Я уже уезжаю! Спасибо! Ничего не надо! Спасибо! – возопила Алена, чуть ли не в пол утапливая педаль газа.

«Кайен» взревел могучим движком, звук которого тут же заглушил визг резины бешено проворачивающихся колес. Автомобиль резко рванулся

назад, пронзительно запищал сигнал парктроника, и Алена машинально ударила по тормозам. Сзади раздался душераздирающий визг покрышек экстренно тормозящего автомобиля, возмущенный гудок клаксона и крепкая ругань. К счастью, столкновения не произошло, «Кайен» замер в каких-то сантиметрах от капота чужого автомобиля. Его водитель высунулся в окно чуть ли не по пояс и громогласно принялся рассказывать Алене и всем мимо проходившим собственную теорию о женщинах за рулем вообще и о таких молодых и сопливых, как она, в частности. Наблюдавший за всей этой картиной бомж виновато пожал плечами и, почесываясь по всему телу, побрел прочь, что-то бормоча себе под нос. Алена поспешила по-скорее покинуть место стоянки, чуть было не ставшее местом происшествия.

Первым делом пришлось заехать на мойку, чтобы отмыть грязь, налипшую от бомжа на дверь машины и ветровое стекло. Пока мойщики возвращали ее авто прежний вид, Алена понемногу пришла в себя, отходя от инцидента с бомжем. Вот ведь паразит, поморщилась она. «Поддай инвалиду, дочка!» Тоже мне, инвалид. Руки и ноги на месте, да и возраста явно не пенсионного. Если и инвалид, то только на голову, блин. Как он сказал? «Дочка»! Алена представила, что было бы, будь у нее такой вот эксклюзивно ароматизированный папочка, и невольно рассмеялась. Бывает же такое. Попала в приключение на ровном месте, хорошо еще, обошлось без аварии.

После мойки она решила сразу отправиться домой, работать с диктофонной записью в офисе, среди множества любопытных ушей, ей не хотелось, да и в сложившейся ситуации это будет не самым верным решением. Дома в одиночестве можно было обдумать всю полученную информацию гораздо спокойнее и продуктивнее. Она позвонила в офис и предупредила редактора, что сегодня ее не будет. Оставалось только купить батареек к диктофону.

Дома Алена четырежды прослушала запись, тщательно обдумывая каждую фразу Баранова. Ситуация с ГМО складывалась совсем не детская, это было видно сразу. Весь хоть сколько-нибудь заинтересованный в данном вопросе мир разделился на два противоборствующих лагеря, каждый из которых решительно отстаивал свои позиции. Власть, деньги и наука плотно перемешались друг с другом в тугом международном клубке противоречий. Однако все это не давало ответа на самый главный вопрос, интересовавший ее изначально. Кому и ради чего понадобилось убивать Стасика. Было крайне нереально, чтобы такой безобидный чудаковатый человек, как он, мог перевесить в какую-либо сторону чашу весов в этом бурлящем

страстями споре мировых титанов. Такое вот уже несколько лет не удавалось фигурам и покрупнее, причем намного. Да и зачем вообще надо было убивать Стасика? Гораздо проще было бы его купить, тем более что для ГМ-корпораций, судя по всему, это стало делом привычным, давно поставленным на поток. Конечно, существовала некая вероятность того, что Стасик окажется жутко принципиальным и неподкупным, однако дело до этого явно не дошло. Было ясно, что ему даже и не пытались дать такую возможность. Выходит, Орешников вдруг узнал нечто столь важное, что жизнь его обесценилась практически мгновенно. Но что именно?

Понять это при текущем уровне информированности не представлялось возможным. Алена включила компьютер и проверила почту. Ответа от Гуру так и не поступало, и она решила на некоторое время отложить эту проблему. Стоило закончить материал для своей колонки, все-таки среда через несколько часов заканчивается, скоро новый уик-энд, а она еще не опубликовала разбор полетов прошедшего. Алена открыла незаконченный текст, но следующие полчаса прошли практически впустую, мысль постоянно уходила в сторону от мира гламура и тусовок, возвращаясь к делу Стаси-ка. В конце концов Алена махнула на все рукой и выключила компьютер. Работа не пошла, выходить в свет не хотелось, и она, немного поразмыслив, решила сегодня лечь пораньше и отправилась в ванную.

Мобильный зазвенел, когда Алена уже собиралась ложиться спать. Звонили на ее приватный номер, но, судя по стандартной мелодии звонка, это не был кто-то из близких людей. Она поморщилась. Надо было заранее выключить телефон, что ли. Алена посмотрела на определитель. Номер не определен. Тоже мне, Джеймс Бонд нашелся, недовольно подумала она. Люди, пользующиеся антиопределителями, ее раздражали, но ответить все же придется, этот номер она не раздавала всем подряд.

– Алло! – с иронией заявила она в трубку. – Ну и кто же ты, таинственный незнакомец?

– Здравствуйте, Алена, – глухой мужской голос был явно ей не знаком. – Я Гуру. Я получил ваше письмо. Вы все еще хотите со мной связаться?

Такого поворота событий она не ожидала.

– Здравствуйте... – растерянно ответила она. – Как же вы меня нашли... откуда у вас этот номер?

– Это моя забота, – прозвучал ответ. – Так да или нет?

– Да-да, конечно! – спохватилась Алена, оправляясь от растерянности. – Когда вам будет удобно? Мы можем встретиться завтра,

например, в...

– Нет, – решительно прервал ее собеседник. – Прямо сейчас. Вы должны быть на улице через пять минут. Одна. Пешком. С собой берите только телефон.

– Но уже поздно! – возмутилась Алена. – На улице темно. Вам не кажется, что это уже слишком? Откуда я знаю, каковы ваши намерения?! Да и вообще, как я могу быть уверена в том, что вы тот, кем представились?!

– Никак, – ответил мужчина. – Вы можете поверить мне на слово и выйти на улицу, либо отказаться и просто не брать трубку. Я очень сильно рискую уже только тем, что разговариваю с вами сейчас. Выбирайте. Я перезвоню вам ровно через пять минут. Если вас не будет на улице, значит, этого разговора никогда не было. – Собеседник отключился.

Алена пару мгновений колебалась, после чего решительно принялась одеваться, попутно ругая себя за излишнюю доверчивость. Не хватало еще вляпаться в какую-нибудь аферу, в чей-то розыгрыш или чего похуже. Хотя розыгрышем это явно быть не могло, о ее попытке связаться с Гуру, как и о самом его существовании, кроме нее знали лишь отец да Виталий Федорович. А они бы так шутить не стали.

Она поставила личный рекорд по скорости одевания, но в указанные пять минут уложиться конечно же не смогла. Второй звонок застал ее на лестнице.

– Вас нет на улице, – сообщил Гуру, – наша встреча отменяется.

– Нет-нет! – заторопилась Алена. – Я уже иду! Мне просто идти далеко, правда! Я уже из подъезда выхожу!

– Вы кому-нибудь рассказали о нашей встрече? – хмуро поинтересовался собеседник.

– Когда?! – невольно вырвалось у нее. – То есть нет, я никого не предупреждала, – поправилась Алена, – вы мне совершенно не дали времени, я едва успела одеться!

– Сожалею, – сухо ответил Гуру, – но это единственный способ. Не вешайте трубку и поторопитесь.

– Да иду я, иду! – обиженно выдохнула Алена. – Уже на проходной!

Она зашла в маленький домик проходной, встроенной в стену окружающего квартал элитных домов кованого решетчатого забора, и, кивнув удивленному консьержу, торопливо вышла на улицу.

Снаружи, кроме ночи и темноты, никого не было.

– А где вы? – спросила она в телефон, оглядывая вокруг. – Я вас не вижу!

– Не волнуйтесь, я рядом и я вас вижу, – заявил собеседник. – Вы

стоите лицом к многоэтажке. Идите вдоль нее направо и поверните за угол. Не бойтесь, все в порядке.

– Что-то не очень в это верится... – пробурчала Алена, направляясь в указанную сторону. На улице было холодно, не выше ноля, изо рта при разговоре шел пар, и она почувствовала, что начинает мерзнуть. Алена торопливо прибавила шаг и повернула за угол, оказываясь во дворах. – Что теперь?

– Теперь налево.

Алена снисходительно усмехнулась и повернула в указанную сторону. Кажется, мальчик в детстве не наигрался в казаки-разбойники и сейчас наверстывает упущенное.

– Сейчас повесьте трубку и идите прямо по тротуару, – распорядился собеседник, – вы уже практически на месте.

Она отключилась и пошла по погруженному во тьму двору. Ей стало страшно. Кругом ни души и хоть глаз выколи, вот ведь здорово-то как...

– Еще раз здравствуйте, Алена, – прозвучало у нее над ухом прямо за спиной.

От неожиданности у нее перехватило дыхание. И очень вовремя, иначе она точно бы закричала с перепуга так, что проснулась бы вся префектура. Она резко развернулась. Позади нее стоял рослый худощавый мужчина в джинсах, черной кожаной куртке с поднятым воротником и натянутой на глаза кепке.

– Вы всегда так обходительны? – срывающимся от волнения пополам с возмущением голосом поинтересовалась она. – Вы меня напугали! Я чуть от страха не умерла! Это что, такой способ развлечься?

– Извините! – смутился мужчина. – Напугать я вас не хотел. Но я вынужден соблюдать максимальную конспирацию. – Он указал рукой куда-то в темноту: – Пройдемте в машину, тут холодно, к тому же нас могут увидеть.

Он указал рукой направление движения, приглашая следовать за собой. Алена пошла следом, сильно сомневаясь в том, что кто-то может увидеть их в этой темноте. Через несколько метров за очередным подъездом обнаружилась арка, в которой мордой на выезд стояла старенькая «Лада» седьмой модели, непонятного темного цвета.

– Сюда, пожалуйста, – Гуру открыл ей заднюю дверь.

Алена с трудом влезла внутрь утлой машины. «М-да», – мельком подумала она, оглядывая потертый салон, пропахший запахом бензина и табака, и покрытую царапинами самодельную тонировку на окнах. На таких дровах ей приходилось ездить впервые. Это даже было в какой-то

мере экзотично. Гуру с грохотом огромной консервной банки захлопнул за ней дверь и, обходя машину, направился к водительской двери. Алена оглядела салон. Старенько, но, в общем-то, чистенько. Ни грязи, ни мусора. Лишь большие мягкие игральные кубики – талисман, подвешенные под зеркалом заднего вида, да милицейская фуражка, лежащая на видном месте за сидениями под задним стеклом. Скорее всего, простая уловка против гаишников.

Гуру уселся на водительское сидение и обернулся к ней.

– Алена, пожалуйста, выключите мобильный, – попросил он и, видя, что она колеблется, терпеливо добавил: – Пожалуйста, сделайте, как я прошу. Это необходимо, поверьте.

Алена скептически пожала плечами и выключила телефон. Что-то в образе Гуру показалось ей смутно знакомым.

– Теперь отсоедините аккумулятор, – произнес Гуру и пояснил: – Иначе можно подслушать нас и даже вероятно вычислить местонахождение. Поэтому лучше перестраховаться.

Она выполнила и эту просьбу. Гуру удовлетворенно кивнул и завел мотор.

– Мы поговорим на ходу, – сообщил он, выезжая из подворотни, – так безопаснее.

– Как хотите, – согласилась Алена. Она уже начала привыкать к этой мании преследования. – Скажите, как вы меня нашли? Откуда вам известен мой личный номер? Его знают совсем не многие!

– Скажем так, это мой секрет, – уклонился от ответа собеседник, – но найти вас было не очень сложно, вы личность приметная.

И снова что-то знакомое мелькнуло в его ответе.

– Кто разговаривал со мной по телефону? – продолжала допытываться Алена. – У вас голос другой. Вы имеете сообщников?

– Сообщники у преступников! – обиделся Гуру. – А голос по телефону изменить не сложно, достаточно накрыть микрофон плотной тканью, не говоря уже о более совершенных способах. Вы хотели со мной поговорить?

– Хотела, – подтвердила она. – Я расследую убийство моего коллеги, Станислава Орешникова. Он упоминал, что работает с вами по некоему делу, связанному с ГМО. У меня есть основания полагать, что его гибель каким-то образом с этим связана.

– Не каким-то, а самым непосредственным! – немедленноотреагировал Гуру. – Его убило «Выживание».

– Что его убило?! – удивленно переспросила Алена.

– «Выживание», – подтвердил Гуру. – По-английски «Сёрвайвинг». Так

они себя называют.

– Нелепое какое-то название... – Алена скептически усмехнулась.

– У них под это дело целая философия подведена, – пожал плечами Гуру, – что-то вроде: «Что бы ни случилось с миром, мы всегда выживем». И они неуклонно следуют этому принципу.

Алена почувствовала, что вокруг с каждой минутой становится все больше загадок и все меньше ясности.

– Так все-таки, кто это – «они»? – спросила она. – И зачем им понадобилось убивать Стасика? То есть Орешникова? Я знала его достаточно хорошо, чтобы с уверенностью заявить, что он вряд ли был способен доставить кому-то даже минимальные проблемы.

– Думаю, будет лучше, если я расскажу все по порядку, – сказал Гуру, ведя машину по ночному городу, – тем более что надолго затягивать нашу встречу небезопасно.

– Хорошо, – согласилась Алена, доставая из кармана пальто диктофон.

Заметив движение, Гуру обернулся. В свете мелькающих мимо фонарей его лицо, почти полностью скрытое поднятым воротником и натянутой на глаза кепкой, стало видно намного лучше, но это ничем не помогло. Она явно никогда не видела его раньше.

– Нет! – заявил он. – Никаких записей. Я просто рассказываю, вы запоминаете. Только так! Устраивает?

– Но к чему такие сложности? – удивилась Алена, изо всех сил пытаясь понять, что же именно кажется ей знакомым в его образе.

– Я вам не доверяю, – просто ответил Гуру, отворачиваясь. Он свернул на развязку, меняя направления движения. – Вам придется продемонстрировать серьезность своих намерений, и только тогда я предоставлю вам доказательства.

– И каким же образом я должна это сделать? – нахмурилась она.

– Я скажу. Для вас это не будет сложно... Наверное. – Гуру немного помолчал и добавил: – Я хочу, чтобы вы опубликовали статью.

– Ну, вот это действительно совсем не сложно, – улыбнулась Алена, – это и есть моя работа.

– Вы не понимаете. – Гуру бросил на нее взгляд через зеркало заднего вида и покачал головой. – «Выживание» обладает практически безграничными возможностями. В их руках огромные деньги, купленные правительства, подконтрольные СМИ и госорганы. За рубежом мы не можем опубликовать эти данные уже два года. Кроме того, за нами идет непрерывная охота, мы вынуждены постоянно скрываться. И с каждым годом нас становится все меньше.

– Так все же, кто это – «мы», и кто – «Выживание»? И в чем проблема опубликовать материал? В конце концов, есть же интернет, выкладывай – не хочу, все, что душе угодно! – развела руками Алена.

– Все не так просто, – покачал головой Гуру. – «Выживание» способно контролировать все. Кто-то целиком принадлежит им, кого-то можно купить, на кого-то можно надавить. Но давайте по порядку.

«Выживание» – это транснациональная организация сверхсостоятельных людей, поставивших целью получить контроль над миром. Фактически они хотят мирового господства. Нити тянутся в США, мы полагаем, что это их основная база, но далеко не единственная. Одними американцами все не ограничивается. Членам «Выживания» принадлежат крупнейшие финансовые, сельскохозяйственные, продовольственные, фармацевтические и медийные организации по всему миру. Это, наверное, крупнейший заговор за всю историю человечества, длящийся, по нашим подсчетам, уже более ста лет. Заговор, передающийся внутри богатых семейств от отца к сыну. Направления атаки «Выживания» четко структурированы и тщательно продуманы. Это монополизация сфер финансов, продовольствия, медицины и землевладения. Члены «Выживания» постепенно подминают под себя ин-тересующие сферы. Надо захватить банк – устраивается банкротство, надо захватить финансовую систему – делается финансовый кризис, пора подмять под себя сельское хозяйство – в мире начинается очередная аграрная революция.

Лет сорок-пятьдесят назад «Выживание» пришло к простому выводу. Если ты контролируешь деньги, ты контролируешь правительства, но правительства могут быть переизбраны или свергнуты. Если ты контролируешь нефть и газ, ты контролируешь страны и экономику, но экономики могут рухнуть или, к примеру, перестроиться на другой вид топлива. Но если ты контролируешь еду, ты контролируешь все. Каждого человека, ведь людям не обойтись без еды. С тех пор «Выживание» активно захватывает продовольственный рынок. Они не размениваются по мелочам и не производят консервы, их цель глобальна – захват мирового сельского хозяйства и животноводства. Сначала мир наводнили «инновационные» технологии химической обработки полей при помощи пестицидов и гербицидов, но эта попытка оказалась неудачной. Мир стал сопротивляться химической заразе, резко окрепло движение «зеленых». И «Выживание» сделало выводы. Оно создало ГМО. В этом продукте организация учла все прошлые ошибки. ГМО выглядит дешевым и выгодным продуктом, привлекательным для бизнеса, а главное – оно защищено авторским

правом, то есть дает возможность захватить рынок при поддержке закона.

– Механизм распространения трансгенов мне понятен, – воспользовалась паузой Алена, – я изучила этот вопрос. – Она в который раз отметила, что их беседа ей что-то напоминает, но снова не смогла определить, что же именно. – Но в этом нет ничего убийственного. Это очень грязный большой бизнес, но не более. Почему же гибнут люди?

– Сейчас поймете. – Гуру продолжал петлять по городу. – За много лет развития заговора информация о нем неоднократно просачивалась в мир, но так и оставалась на уровне страшных слухов и нереальных баек. Это происходило потому, что участники «Выживания» досконально продумали систему конспирации. Многие могут догадываться, к кому тянутся нити управления, но никто не может это доказать. Члены организации не записывают на свое имя захваченный ими мир. Для этого используются сложные и запутанные юридические ходы, инвестиционные фонды, акционерные общества, оффшорные компании, разветвленная система дочерних предприятий, родственные связи между несколькими разными фамильными кланами. Вы никогда не узнаете, а тем более не докажете, кто на самом деле является владельцами, например, «Групп Лайф оф Америка», объединившей в себе крупную часть их компаний. Номинальные руководители зачастую и сами не знают, на кого работают. Их выбрали акционеры. Или учредители. Или просто нанял отдел кадров. Настоящие хозяева всегда в тени. И их можно понять. Если не с кем бороться – то нет и самой борьбы. Таким образом, они неприкасаемы и в безопасности.

Но есть одно «но». Можно гениально продумать любую юридическую цепочку и виртуозно организовать конспирацию. Можно все продумать до мелочей. Но одну вещь нельзя держать под контролем всегда и полностью. Это человеческий фактор. Богатые люди довольно беспомощны в обычной жизни, а сверхбогатые беспомощны вдвойне. Кто-то должен возить их на машинах и самолетах, открывать перед ними двери, готовить еду, подавать корреспонденцию, убираться в особняках и кабинетах, стричь лужайки и рыхлить клумбы. Кто-то должен изобретать ГМО или мыть пробирки. Любой миллионер окружен персоналом из обычных людей, и наши враги из «Выживания» не исключение. А у персонала есть уши и, что удивительно для самих толстосумов, иногда имеются и мозги. Люди слышат, видят и понимают. Конечно, текучесть кадров в таких местах крайне низка, но иногда людей увольняют, от услуг ученых отказываются, любовниц бросают. И тогда информация просачивается наружу. Если она не имеет под собой доказательств, «Выживание» реагирует очень тонко. В

СМИ появляются едкие заметки, высмеивающие очередного «борца с международным заговором». Очевидца быстро низводят в разряд аферистов и шарлатанов, а его информация пополняет собой бездонную копилку абсурдных слухов. А когда доказательства есть, «Выживание» не останавливается ни перед чем. И тогда гибнут люди. – Гуру неожиданно замолчал и пару секунд задумчиво вел машину.

– У вас имеются какие-то конкретные доказательства существования «Выживания» и их работы? – предположила Алена.

– К нам в руки попал один предельно секретный документ «Выживания». Месячный отчет, составленный для самой верхушки. Сорок семь страниц фактов, цифр и фамилий. Мировая сводка о захвате финансовых интересов влияния, сельхозземель, предприятий, рынков фармакологических препаратов и зерновой продукции. Там же были доклады из научных лабораторий их компаний, из которых можно многое понять.

– Например, что?

– Например, то, что ГМО, выбранное «Выживанием» в качестве основного оружия для захвата мирового продовольственного рынка, имеет «маленький побочный эффект». Оно калечит и убивает людей.

– Это серьезное обвинение. – Алена слегка качнула головой. – Тем более, что, насколько мне известно, на сегодняшний день ни у кого подобной информации нет.

– Такая информация есть, – возразил Гуру, – есть она и у них, и у нас.

– Как же это такая могущественная организация допустила столь грубую оплошность? Как произошла утечка конфиденциальных данных? – Алена разглядывала мягкую игрушку-талисман, подвешенную под зеркалом заднего обзора. Белые игральные кубики смешно трепыхались на поворотах и бились о лобовое стекло. При этом они были яркие и чистые, словно из магазина. Наверное, Гуру их регулярно стирает, не иначе. Она мысленно улыбнулась: а он сентиментален. – Или всему виной человеческий фактор, о котором вы упомянули? – добавила она вслух.

– Моя младшая сестра работала моделью, – задумчиво ответил Гуру, – она была красивой девушкой. – Он немного помолчал. – Два с половиной года назад ей предложили контракт в США. Предложение было заманчивое, и она согласилась. Лиза звонила мне каждую неделю. Штаты ей понравились. На одной квартире с ней жила модель-китаянка, они быстро сдружились, она набросала мне через интернет добрую сотню фотографий. Спустя четыре месяца она познакомилась с молодым человеком, американцем, из очень богатой и приличной семьи. Мне это

конечно же очень не понравилось, но сестра пребывала в восторге, а воспитывать двадцатилетнюю девчонку через океан по телефону было глупо. Ну как же, образованный, обходительный, эрудированный и совсем не бедный. Некто Питер Смитсон, на тот момент двадцати шести лет. Прямо американская мечта! – зло усмехнулся Гуру. – Все как в сказке, только одна досадная мелочь: мистер Америка любил потусить в элитных ночных клубах, где был не прочь сильно напиться. Она неоднократно рассказывала, что он сам жаловался на неприятности, возникающие у него из-за пристрастия к ночной жизни. Его отец относился к этой его привычке крайне негативно. Кстати, о своем отце этот тип рассказывал только будучи пьяным, и только совсем нереальные истории. Будто он связан с людьми настолько великими, что им не то принадлежит, не то почти принадлежит весь мир, при этом упоминал про какое-то «Выживание». Мы еще смеялись – хоть бы название придумал менее нелепое. – Гуру вновь замолчал на несколько мгновений.

– Как-то раз Лиза позвонила мне в неурочное время, прямо на работу. – Он в который раз сменил направление движения. – Ей было страшно. Она рассказала, что этот парень снова набрался в клубе до бесчувствия, и ей пришлось чуть ли не тащить его домой. Дома он не расставался с какой-то папкой, каждую минуту заявляя, что это сверхважные документы для очень серьезных людей, которые доверил ему отец. И что если отец узнает о том, что он привез их домой, то точно его приберет. Поэтому их надо обязательно запереть в сейф. Но по пьяни он не смог правильно запереть дверцу, и сейф остался открытым. Лиза из любопытства заглянула в папку и начала читать документ. За этим занятием ее застал случайно проснувшийся пьяный бойфренд, наорал на нее, заявив, что она засунула свой нос куда не надо и теперь ей конец, после чего вскоре снова уснул. И теперь она сидит в страхе рядом с ним и не знает, что делать, так как информация в документе была и вправду жуткая.

Гуру вновь замолчал, но на этот раз продолжил рассказ практически сразу:

– Я посоветовал ей не переживать из-за всякой ерунды, взять такси и ехать домой, а документ, раз уж он выглядит таким страшным, на всякий случай сфотографировать на камеру мобильного телефона и, если возникнут неприятности, немедленно обратиться в полицию. В тот момент я находился на службе и не мог долго разговаривать. Решили созвониться после того, как я закончу работу. Но больше она так и не позвонила. Ее телефон с тех пор не отвечал. Через два дня мне позвонили из МИДа и сообщили, что моя сестра и ее китайская подруга были найдены мертвыми

у себя в квартире. Причина смерти – передозировка наркотиков. И вроде даже нашлись свидетели из числа местных наркоманов, подтвердившие, что Лиза с подругой часто обращались к ним с просьбой помочь купить наркотики. – Гуру злобно скривился. – Но я знаю, что она не была наркоманкой. Лиза никогда в жизни не трогала эту дрянь. Да и не стала бы она от меня скрывать, у нас были очень доверительные отношения. Я бы все равно узнал по приезду, не было смысла скрывать. И с родственниками китаянки я связался, они тоже были в шоке, какие, к черту, наркотики! – Гуру задохнулся словами и сделал паузу, чтобы отдышаться.

Он успокоился быстро и закончил уже спокойным голосом:

– Лизу и ее подругу убили. И инсценировали самоубийство. Работали специалисты, все было сделано очень грамотно. Одно только они не смогли предотвратить. Через три недели после ее смерти я получил небольшую посылку из США. В утро своей смерти Лиза отправила мне документ и короткую записку. Оказывается, фотокамера на ее телефоне сломалась, и сфотографировать документ было невозможно. И она не придумала ничего лучше, как украсть его и выслать мне. – Он грустно покачал головой. – Не знаю, зачем она это сделала, видимо, бойфренд запугал ее слишком серьезно. Возможно, поэтому ее и убили, хотя, наверное, ее убили бы в любом случае, уже только за то, что она просто прочла этот отчет. Я не знаю. Но отчет попал ко мне, и я начал действовать.

– Жуткая история, – печально заметила Алена, – если я правильно поняла, вы, имея на руках подлинники неких компрометирующих документов, так и не смогли ничего сделать?

– Не смог, – хмуро подтвердил Гуру. – Более того. Я являлся сотрудником правоохранительных органов и первым делом обратился к начальству. Хорошо, что я по наитию сделал копию документа и отнес «наверх» именно ее. Копию забрали, пообещали разобраться. Несколько дней была тишина, а потом вдруг начальство без объяснений потребовало оригинал «для проведения расследования». Я попросил конкретных разъяснений и получил отказ. Тогда и я отказался отдавать оригинал. На следующий же день, пока я был на службе, мою квартиру перевернули вверх дном и буквально выпотрошили. Документ они не нашли, я хранил его в другом месте. Еще через день меня вызвали в службу внутренней безопасности и сообщили, что я временно отстранен от работы, так как на меня поступила информация об использовании служебного положения в корыстных целях. Вечером у подъезда меня встретили двое и прямо посоветовали отдать документ, пока еще не поздно. Я отказался и решил на завтра идти в прокуратуру. Но утром меня уже пришли арестовывать. Не

попался чисто случайно – мусоропровод забился, и пришлось выносить мусор в соседний двор, где мусорные баки на улице стоят. Возвращаюсь, а у подъезда уже спецмашины и группа захвата. Приехали, словно за бандой террористов. Так и ушел, в чем был. Позже узнал, что разыскиваюсь за торговлю наркотиками, якобы есть свидетели, что я давно дурью торгую и сестру свою на иглу посадил. В семь секунд объявили в международный розыск. С тех пор скрываюсь. – Гуру помолчал и добавил: – Мы все так живем.

Тут наконец-то Алену озарило, она вспомнила, кого напоминал ей Гуру.

– Скрываться вы умеете, тут не поспоришь! – оценила Алена.

Только сейчас она поняла, что Гуру не просто беспорядочно петляет по городу. Все это время он менял пустынные улицы на проспекты с оживленным движением и наоборот. Там, где на дороге были другие автомобили, он набирал скорость и старался обогнать как можно больше машин, держа такой ритм какое-то время. Затем он съезжал на пустую улицу и еле плелся по ней с черепашьей скоростью. Все верно, сначала надо оторваться от возможного хвоста, делать это лучше всего на оживленной трассе, а позже на пустой улице проверить, не едет ли кто за тобой, для чего держать низкую скорость. Хвост будет вынужден либо обнаружить себя, либо обогнать, после чего ты сможешь, например, изменить направление. Так рассказывал ей Виталий Федорович. Видимо, Гуру на службе не зря ел свой хлеб.

– Я с трудом вас узнала. Вы, между прочим, меня очень напугали, я тогда чуть не врезалась! – Алена укоризненно прищурилась. – Для чего было нужно переодеваться в бомжа? Мне потом пришлось машину мыть.

– Жить захочешь – еще не в то переоденешься! – жестко оборвал ее Гуру. – И я должен был убедиться, что вы та, за кого себя выдаете. Я так понимаю, вы опознали меня по присказке «семь секунд». Никак не могу от нее избавиться, – он недовольно поморщился.

– Судя по истории с Исмаилом Шамоевым, вы уже пытались опубликовать эти документы? – спросила Алена, мысленно отчитав себя за проявленную нетактичность.

– Так как меня сразу же объявили в розыск, ни в какую прокуратуру я уже не пошел. Я отправил туда копию документов, еще несколько таких же отослал в редакции крупных газет. Публикаций не последовало, никаких заявлений от прокуратуры тоже. Зато меня принялись интенсивно искать, дважды чуть было не накрыли. Пришлось действовать осторожнее. Я пробовал выкладывать документы в интернете. Вышло только хуже, на эти

ресурсы начинались хакерские атаки в совокупности с целым шквалом насмешек и упреков во лжи. Целые толпы комментировали это в том духе, что, мол, какой-то прыщавый малолетка неуклюже сфабриковал очередное доказательство «мирового заговора» и таким образом хочет привлечь к себе внимание. Видимо, на владельцев ресурсов тоже давили, потому что закрывали мои страницы очень быстро. Тогда я принялся искать единомышленников. И быстро выяснил, что «Выживание» тоже меня ищет. Несколько раз со мной под видом заинтересованных СМИ пытались выйти их люди, а также сотрудники правоохранительных органов. Пришлось надолго залечь на дно. Позже я решил попробовать опубликовать документы в желтой прессе. Я думал, что за подобными изданиями «Выживание» не следит. Но я ошибался. Там ситуация повторилась. Шамоев, который получил от меня копии нескольких страниц документа, разбился на машине буквально на третий день, а я вновь чуть не попался. Снова пришлось уходить на дно. В конце концов я решил пойти в «Ай-Эм-Джи», в качестве последнего шанса.

– Почему же последнего? – удивилась Алена. – Репутация господина Рогожина как независимого издателя широко известна. Мы не подконтрольны и ведем честный бизнес. Нам рот заткнуть не в силах никто. Поэтому нас не любят и боятся.

– Я очень на это надеюсь, – кивнул Гуру, – тем более что больше надеяться уже не на кого и идти некуда. Только будьте предельно осторожны, Алена. До Орешникова они добрались сразу же, как только я дал ему ссылку и пароль доступа к сайту, где храню копию. Мне отказали в хостинге без всяких объяснений в тот же день. У них возможности если не безграничные, то очень мощные.

– Не безграничные, и вскоре вы сможете сами в этом убедиться! – заявила Алена. – Вам стоило обратиться к нам сразу, это бы намного облегчило дело.

– Сразу я не пошел к вам потому, что на моей прежней службе ваш холдинг пользуется дурной репутацией.

– Да? – усмехнулась Алена. – И почему же? Уж не ставят ли нам в вину связи с «пресловутым Западом»?

– Точно так! – согласился Гуру. – Честно говоря, я побоялся, что если вы плотно сотрудничаете с американцами, то находитесь под контролем «Выживания».

– Спешу вас обрадовать, что это было неверное умозаключение, – ответила она. – Жаль, что Стасик решил сыграть в супермена и не привлечь к работе более опытных коллег. Сейчас все могло бы быть по-другому. Если

ваш материал настолько ценен, мы опубликуем его независимо от желаний правительства, «Выживания» или кого бы то ни было еще и здесь, и за рубежом. Кстати, вы пробовали связываться с зарубежными изданиями?

– За рубежом дела обстоят еще хуже, именно оттуда «Выживание» к нам и пришло. Мне с огромным трудом удалось связаться с несколькими такими же, как я. Теперь мы поддерживаем связь, и я имею довольно четкое представление о сложившейся там ситуации. Да и опыт работы с интернетом это подтверждает. Я ведь выкладывал свои данные на самых разных сайтах, в основном зарубежных.

– Вы сказали, «Выживание» пришло к нам? – уточнила Алена. Она жалела о том, что Гуру не дал ей воспользоваться диктофоном, надеяться только на память было несерьезно. – Этому есть документальные подтверждения?

– Данные по России в тех документах имеются, – кивнул Гуру, – к тому же с тех пор я делал все, что мог, дабы собрать максимальное количество информации. Ситуация складывается серьезная. «Выживание» ведет активную и очень опасную экспансию. В последние годы они через множество не связанных между собою зарубежных инвесторов приобрели огромное количество рынообразующих предприятий пищевой промышленности: сахарные и молочные заводы, элеваторы, комбинаты по производству хлебопродуктов, мясокомбинаты и подобные им предприятия. Кроме того, активно скупаются сельскохозяйственные угодья. На сегодняшний день в России 80 процентов обрабатываемой земли находится в частной собственности, и не известно, сколько из этого принадлежит марионеткам «Выживания». Для сравнения, в США сельхозугодия государство сдает в аренду, и даже под арендой их в частных руках не более 40 процентов.

– А какое это имеет отношение к ГМО и к захвату страны?

– Непосредственное. – Гуру хмуро поглядел на нее в зеркало. – Купленные предприятия перепрофилируются или ликвидируются. Они перестают производить продукты. В результате население покупает больше импорта. Купленные сельхозугодия засеиваются трансгенами, их уже 16 линий в России разрешено.

– Да, я в курсе, – вставила Алена, – но эти линии проходили проверку...

– Где? – перебил ее Гуру. – В научно-исследовательских учреждениях, которые финансируются производителями ГМО? Уж не в Институте ли Питания РАМН, например? А вы знаете, что рекламная брошюра, лежащая на стенде в каждом российском «Макдоналдсе», открывается словами Директора Института Питания РАМН, академика РАМН и главного

диетолога Минздрава России Виктора Тутельяна: «С позиции диетолога я хотел бы отметить, что „Макдоналдс“ обеспечивает разнообразие, доступность, возможность широкого выбора продуктов питания, а также полную информацию о пищевой и энергетической ценности предлагаемой продукции. Иными словами, в России „Макдоналдс“ интенсивно реализует идею здорового питания и быстрого обслуживания». – Гуру усмехнулся: – Я ничего не забыл? Ах, да, при этом он также является членом международного Консультационного совета по вопросам пропаганды сбалансированного образа жизни, учрежденного тем же «Макдоналдсом».

– А что, «Макдоналдс» тоже использует в своих продуктах ГМО? – спросила Алена.

– В каких продуктах, Алена? – поморщился Гуру. – Фактически у них нет своих продуктов, они ничего не выращивают, все компоненты для своего фастфуда «Макдоналдс» закупает. То же мясо. А, например, в США для откорма скота широко применяются корма на основе трансгенов. Не думаете же вы, что руководство «Макдоналдса» понятия не имеет, чем именно кормят кур и коров, из мяса которых они потом делают свои гамбургеры? Но дело даже не в этом. Как у нас должностное лицо, отвечающее за правильность питания целой страны, может иметь прямую связь с каким-то консультационным советом, учрежденным, а значит, и финансируемым коммерческой фирмой, и это ни у кого не вызывает вопросов?

– Ну... вероятно, в этом нет ничего такого... – осторожно предположила Алена. – И никакого вреда в «Макдоналдсе» действительно нет...

– Вы в этом так уверены? – посмотрел на нее Гуру. – Вы повторяете ошибку всех людей, которые регулярно едят эту дрянь из «Макдоналдса». Вы попросту не интересуетесь тем, что едите. Лишь бы было вкусно. А ведь данные о «пользе» «Макдоналдса» совсем не являются секретными. Кстати, это результаты исследований ученых США, не желающих идти на поводу у хапуг, набивающих свои карманы за счет здоровья людей. Я могу в двух словах рассказать вам суть, если хотите.

Американский исследователь Морган Спурлок провел эксперимент. Он ровно месяц питался только пищей из «Макдоналдса», находясь под строгим контролем врачей, которые специально отслеживали изменения, происходящие в его организме. За месяц «Макдиеты» он потолстел на 11 килограмм. И наши девушки, посещающие «Макдоналдс» пару раз в день, еще удивляются, обнаружив у себя целлюлит или лишний вес в 16 лет? – Гуру усмехнулся. – Но это еще не все. В течение диеты Морган регулярно испытывал головную боль, боли в груди, в животе, появилась одышка,

пропало сексуальное желание. Общее эмоциональное состояние он описывал как апатичное, депрессивное и раздраженное. По результатам медосмотра стало ясно, чем наградила Спурлока «Макдиета» помимо лишнего веса.

У него появилась гиперурикемия – состояние, приводящее к развитию подагры и мочекаменной болезни.

Головные боли были следствием гипертензии – повышенного кровяного давления и гипогликемии – низкого содержания сахара в крови.

Была нарушена функция обмена веществ щитовидной железы, так называемый гипотериоз – недостаточность гормонов щитовидки, именно он вызвал усталость, слабость, депрессию, эмоциональную раздражительность, затуманенность мозга.

Уровень холестерина возрос со 165 пунктов до 225.

Содержание триглицеридов составило 220 против 40 перед началом эксперимента.

Кроме того, у Спурлока было зафиксировано повышенное давление, чем он вообще ранее не страдал!

Состояние печени к концу эксперимента достигло стадии воспаления и появились симптомы, схожие с заражением вирусного гепатита А. Помимо этого был выявлен неалкогольный стеатогепатит – заболевание, обычно свойственное алкоголикам. После этого состояния часто наступает цирроз, а он необратим и потенциально летален. Кроме того, анализы крови выявили нарушение функции печени и по другим параметрам. Там научные детали, которых я не помню на память, но вы легко можете найти все эти данные в открытой печати! – Гуру бросил на нее взгляд. – Это вы называете «идеей здорового питания»? Неужели вы верите в то, что ученый такого ранга, как академик Тутельян, понятия не имеет об этих данных?

– Вы хорошо разбираетесь в сути вопроса, – осторожно прокомментировала Алена, – то есть вы считаете, что «Макдоналдс» имеет отношение к «Выживанию»?

– У меня нет доказательств этого, – поморщился Гуру, – но лично я уверен, что все это звенья одной цепи. Но об этом вам лучше поговорить с нашими американскими единомышленниками.

– Я с удовольствием побеседую с ними, – согласилась Алена, – как это можно сделать?

– В свое время узнаете, – уклончиво ответил Гуру, – пока же предлагаю вернуться к нашему разговору.

– Да-да, конечно! – спохватилась она. – Вы остановились на том, что наша страна подвергается ГМО-захвату.

– Именно так! – подтвердил он. – В последнее время сторонники ГМО у нас значительно окрепли, их лобби усилилось, они ведут активную работу по ослаблению российского законодательства в области биобезопасности. Делается все для того, чтобы транснациональные биотехнологические, фармакологические и продовольственные компании не испытывали сложностей в захвате нашего сельхозпроизводства и вытеснении наших медикаментов и продуктов питания.

Довольно странно, что министерство, отвечающее за здоровье населения, упорно не замечает существования проблемы ГМО. Ни Минсоцздрав, ни подведомственный ему Роспотребнадзор не владеют достаточной и полной информацией в области контроля и мониторинга за ГМО на территории России и не обеспечивают необходимый уровень биобезопасности страны. Если те же «зеленые», например, или другие заинтересованные лица обращаются к главному санитарному врачу России Геннадию Онищенко, то обращения эти зачастую просто остаются без ответа. – Гуру вновь взглянул на нее в зеркало. – Вам не кажется это странным? Законов, которые могли бы юридически регулировать оборот трансгенов, в стране нет, зато правительство предлагает вместо закона принять технические регламенты, устанавливающие требования к безопасности продуктов, в производстве которых используются ГМО. Непонятно, при чем здесь эти регламенты и почему они важнее закона? Уж не потому ли, что эти самые регламенты разрабатывали главные лоббисты продвижения ГМО на отечественный рынок – Зерновой Союз и Институт питания РАМН? А проект закона о биологической безопасности делали независимые эксперты Российской Академии Наук, Государственной и Московской городской думы, общественных организаций. – Гуру иронически усмехнулся. – Понятное дело, зачем марионеткам «Выживания» такой закон. И так ясно, что если этот проект закона, основывающийся на мировом опыте, и попадет на рассмотрение правительства, то от него ничего не останется. Его «дополняют» и «поправят» в нужных местах – и готово, заокеанские хозяева довольны. И присоединяться к так называемому «Картахенскому протоколу» – международному документу, ограничивающему оборот ГМО, мы тоже не спешим. А ведь его уже 141 государство подписало. – Он скривился: – Зато сейчас распространение ГМО в нашем сельском хозяйстве практически бесконтрольно. Если так пойдет дальше, скоро мы будем есть либо импорт, либо отечественные продукты, изготовленные с применением ГМО. Будем зависеть от «Выживания» целиком, да еще и платить им за права на интеллектуальную собственность как держателям патентов на трансгенные

вставки. И не надо никого завоевывать: перестал продавать продукты – сами на колени упадут. Или покончат с собой, что еще проще, – освободится земля, как в Индии.

– Что вы имеете в виду? – озадаченно спросила Алена. – «Выживание» захватывает земли в Индии?

– «Выживание» захватывает все и везде, где только может, – философски заметил Гуру. – Несколько лет назад «Монсанто» организовало массовую продажу семян ГМ-хлопчатника в Индии мелким фермерам. Кстати, когда фермеры покупают у компании ГМ-семена, они дают подписку, что не имеют права отдавать их на исследования. Так вот, очень часто семена не прорастали, и фермеры были вынуждены снова и снова закупать их у производителя. Уже через два года они не смогли получить новый урожай. Семена просто не прорастали. Бесплодность семян привела к резкому росту самоубийств среди фермеров в Индии, только в этом году их было зафиксировано около ста тысяч.

– Что? – У Алены расширились глаза.

– Сто тысяч трупов, вот что, – хмуро подтвердил Гуру. – Но это еще не все. Собственно, это и есть та самая возможность для вас продемонстрировать серьезность своих намерений. Дело в том, что в этом индийском деле как-то замешан господин Питер Смитсон, это связано со скупкой земель разорившихся фермеров. Я полагаю, что после случая с Лизой его отправили в Индию учиться уму-разуму. Он уже не пьет и не веселится, к нему не подберешься.

– Что необходимо сделать? – спросила Алена.

В этот момент часы на руке Гуру издали пару коротких трелей. Он посмотрел на циферблат.

– Нам пора заканчивать! – сообщил он. – Вам нужно вылететь в Дели как можно скорее. В аэропорту вас встретит господин Свами Венката, он один из нас. Именно ему удалось добыть документы, подтверждающие связь Смитсона с одним из банков-посредников, кредитующих фермеров под залог их земель. Он введет вас в курс дела и передаст документы. Венката тоже скрывается и не может рисковать, доверяясь почтовым отправлениям и другим традиционным способам. Получите у него документы, и когда они будут у вас, я предоставлю вам копию того, что имеется у меня. После выхода первой публикации я передам вам оригинал. Вот и все.

– Хорошо, – немного подумав, ответила Алена, – я сделаю так, как вы предлагаете. Завтра я забронирую ближайший рейс и сообщу вам. Как с вами связаться?

– Никак, – ответил Гуру, – я сам с вами свяжусь.

Он загнал машину в какой-то двор и остановился.

– Вам лучше выйти здесь. – Он обернулся к ней. – Сразу за углом стоянка такси, там всю ночь водители караулят. – Гуру показал направление рукой: – Идти пятнадцать метров. К сожалению, я не могу подвезти вас ближе, машину могут запомнить.

– Очаровательно! – вздохнула Алена. – Что ж, пятнадцать метров самостоятельно я пройти смогу. – Она открыла скрипящую дверь и вылезла из старенькой «семерки». – Всего вам доброго.

– И вам, – ответил Гуру. – Я надеюсь, что теперь у нас все получится.

Алена кивнула и захлопнула дверь. Гуру сразу же уехал. Она проводила его машину взглядом. «Семерка» оказалась вишневого цвета, чисто вымытая с донельзя заляпанным грязью задним номерным знаком. После рассказа Гуру его поведение уже не казалось паранойей. Тут впору задуматься о собственной безопасности. Алена поежилась, почувствовав, как ночной холод начинает пробираться через короткое пальто, и направилась к стоянке такси.

– Поверить не могу! – хмуро покачал головой Виталий Федорович. – Вы отправились на встречу с незнакомым человеком, посреди ночи, одна, никого не предупредив, по первому его требованию, просто поверив ему на слово?! – Старый генерал был обеспокоен не на шутку. – Нам всем очень повезло, что все обошлось.

Они с отцом переглянулись, и Рогожин сурово посмотрел на дочь:

– Ты проявила верх легкомыслия, Алена! – сухо произнес он. – Не ожидал от тебя подобной беспечности.

Отцовский взгляд был настолько пронзительным, что Алена виновато опустила глаза.

– Да ладно вам, – недовольно поморщилась она, – ничего же страшного не произошло. Да и потом, когда мне было предупреждать? Все произошло слишком быстро. Я же говорю, Гуру продумал нашу встречу заранее.

Ей удалось встретиться с отцом довольно быстро. Рабочий день Рогожина был всегда расписан на добрую неделю вперед, но, узнав, о чем именно пойдет речь, отец отменил встречу в министерстве. И вот теперь они с Виталием Федоровичем распекали ее, словно малолетку. Ей, видите ли, не стоило идти на встречу с Гуру в одиночку. О том, что она добыла громкий материал и ценного свидетеля, никто почему-то особо не упоминал. Алена вздохнула. Это было в манере отца, таким образом он

периодически напоминал ей, что для него она есть и всегда останется ребенком. С его позицией она ничего поделывать не могла, и это ее всегда немного задевало, провоцируя лишний раз доказывать ему обратное. Хотя бы даже из принципа. Но сегодня был другой случай. Хотя отец и был внешне, как всегда, невозмутим, в его глазах ясно читалось беспокойство за дочь, и Алена чувствовала свою вину.

– Вы могли бы перенести randevu на следующий день! – генерал продолжал упорствовать. – Надо было настоять на этом.

– Нет, – решительно качнула головой Алена, – он бы на это не пошел, и встреча бы попросту не состоялась. Он действительно скрывается чуть ли не от всего мира, это было хорошо видно по его поведению, манере езды. Гуру бы не решился откладывать разговор.

– А если бы он оказался психически нездоровым человеком? – возразил генерал. – Вы не хуже меня знаете, Алена, сколько по меньшей мере странных людей живет идеями всевозможных заговоров, окончательно потеряв ощущение реальности, и всерьез воспринимает разные бредни.

– Не стоит сгущать краски, – терпеливо ответила она, – я еще раз повторяю, он вполне адекватен и совсем не похож на психа. И говорит он вполне убедительно! – Она перевела взгляд на отца.

– Виталий Федорович прав, – отец укоризненно поджал губы, – ты подвергла себя необоснованному риску. Я прошу тебя впредь быть более благоразумной. Я очень беспокоюсь за тебя и меньше всего хочу, чтобы ты пострадала. Мы поняли друг друга?

– Обещаю больше так не делать, – виновато улыбнулась она и гордо добавила: – Но зато я достала сенсационный материал! Разве оно того не стоило?

– В сенсационности сведений твоего Гуру надо еще убедиться, – нахмурился отец, – пока мы имеем лишь слова и ни одного доказательства, а обвинения выдвинуты серьезные. Мы – авторитетный медиахолдинг, и не можем публиковать не подтвержденные фактами домыслы. Почему он сразу не принес свои документы на встречу? Мог бы захватить хотя бы копии.

– Думаю, он хотел меня проверить и в то же время не подставить под удар, как случилось с Шамоевым и Стасиком, – предположила Алена, – недаром же он сперва переделся в бомжа. Кстати, сыграл он идеально, ни за что бы не догадалась, что вижу маскарад.

– Да уж, этот Гуру не так прост, раз умудряется успешно скрываться от столь могущественных врагов уже третий год. – Рогожин многозначительно

посмотрел на генерала: – Что будем делать?

– Без сомнения, мы должны предложить ему убежище, – ответил Виталий Федорович, – он сильно рискует. Если с ним случится непоправимое, вся работа Орешникова и Алены пойдет насмарку. – Он посмотрел на Алену: – Предложите ему нашу защиту, мы сможем обеспечить его безопасность. А вам выдадим охрану.

– Нет уж, спасибо! – отмахнулась она. – Охрана не может обеспечить безопасность даже в офисе, как видно из дела Стасика. Я не хочу, чтобы за мной везде и всюду волочились бесполезные жлобы и пугали людей!

– Алена, не передергивай! – строго одернул ее отец. – От проникновения агентов недоброжелателей не застрахован никто! И наша охрана состоит из далеко не самых плохих сотрудников, эту проблему мы решим в кратчайшие сроки. А отпускать тебя одну по ночам на опасные встречи я более не намерен. Уже погибло два человека, и я считаю, что это более чем достаточные основания!

– Ну, папа, – взмолилась Алена. – Как я полечу в Индию с охраной?! Меня же за версту видно будет. А вдруг этот Свами Венката испугается и не придет на встречу? Они там боятся даже собственной тени!

– Алена Викторовна права, – генерал неожиданно встал на ее сторону. – Не стоит привлекать к себе внимание. – Он посмотрел на Рогожина: – Мы организуем ей в Москве скрытое сопровождение. Я поставлю на это дело лучших людей, которым доверяю лично. В Индию ей действительно лучше лететь одной. Порой хорошая конспирация надежнее самой квалифицированной охраны. К тому же много времени это не займет.

– Хорошо, будь по-вашему, – сдался отец, – лети одна. Но пожалуйста, Алена, будь предельно осторожна. При малейших подозрениях немедленно звони мне или Виталию Федоровичу.

– Разумеется, – согласилась она. – А про то, что мы могли бы предоставить защиту Гуру, я и сама уже думала. Я предложу ему, как только он позвонит.

Но Гуру не позвонил. Два дня Алена пыталась откопать хоть какую-то информацию, подтверждающую слова Гуру. Но бесконечные поиски в интернете и многочисленные звонки знакомым журналистам-международникам практически ничего не дали. Фамилия Смитсон была одной из наиболее распространенных в англосаксонских странах, и вариантов Питеров Смитсонов обнаружилось великое множество, при этом ничего конкретного по интересующей ее теме не значилось. Пришлось признать, что поиски зашли в тупик. Тогда она попробовала искать в

светской и скандальной хрониках, но и там людей с похожими данными оказалось предостаточно.

В конце концов, одна из знакомых тусовщиц, регулярно посещавших голливудские ночные клубы, вспомнила, что вроде подобный тип ей когда-то встречался, но было это давно и ничего конкретного она рассказать не может.

– Давно это было, уж года три прошло, Аленка! – голос в телефонной трубке тараторил так быстро, что у Алены защекотало в ухе. – Я плохо помню. Была туса закрытая, там мне его и показали. Забавный такой персонаж, в «Бриони» ручной работы с алмазными запонками и часами за сотню косарей, пьяный в дым и при этом пытающийся сохранять светские манеры. Клоун да и только, я тебе говорю! Мы тогда вволю посмеялись, наблюдая за ним. Знакомые говорили, де отец его фигура жутко влиятельная, по разным слухам связанная не то с Ротшильдами, не то с Рокфеллерами, не то с Морганам, не то со всеми сразу, не то ни с кем из них. Не разберешь! – Она захихикала. – Там ведь любят попонтить не меньше нашего! А зачем он тебе? – поинтересовалась подруга и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Ничего такого он собой не представлял, обычный мажор, сына бо-гатенького папы. Забей ты на него, я тебе говорю! Он тебя не стоит, на таких охотятся нищие крестьянки, мечтающие выползти из грязи в князи. Вокруг него постоянно вились какие-то тощие модельные чувихи в дешманских шмотках! – Было ясно, что любящую подругу не особо интересовало, что ее собеседница вот уже добрых пять минут молчит, не имея возможности вставить слово. Она была целиком увлечена самим процессом разговора. – Да и внешне там ничего особенного, я тебе говорю! Это точно, потому что я даже не помню, как он выглядит! Где ты его нашла? В Нью-Йорке или в Эл-Эй? Ты давно из Штатов? Как там сейчас погода? Я собираюсь слетать в Голливуд на следующей неделе! Там намечается отпадная туса, я знакома с организаторами. Ты не поверишь, кто там будет специально приглашенным гостем! Слушай...

Этот увлекательный разговор удалось прекратить только через четверть часа. Полученные сведения мало что давали. С одной стороны, эта информация могла косвенно подтверждать слова Гуру, с другой – это могло быть просто совпадением. Мало, что ли, богатых детей прожигает жизнь? А где деньги, там и модели. Да и сестра Гуру была никак не единственная модель на всю Америку. В общем, вопросов меньше не стало. Алена уже начала принимать это как неизбежную необходимость. Звонок мобильного прервал ее размышления. Звонили на приватный номер, и определитель

вновь оказался бесполезен.

– Алло? – ответила она.

– Мисс Алена, здравствуйте! – Мужской голос говорил по-английски с заметным акцентом. – Мое имя Свами Венката, один наш общий друг любезно сообщил мне ваш номер. Я буду ждать вас в аэропорту Дели-2 в воскресенье. Спасибо, что вы хотите нам помочь.

– Как я вас узнаю? – спросила было Алена, но в трубке уже раздавались гудки.

Да, к конспирации они относятся серьезно, ничего не скажешь. Алена вздохнула и набрала номер отца.

– Папа? Привет, извини за поздний звонок. В воскресенье мне надо быть в Дели.

Шестичасовой перелет в салоне первого класса прошел практически незаметно. Рейс вылетал вечером, и всю дорогу Алена проспала. Самолет стал заходить на посадку, и стюардесса вежливо разбудила ее, попросив привести спинку кресла в вертикальное положение. Алена нехотя разлепила веки и посмотрела на часы. Шесть утра по Москве, не удивительно, что не хочется просыпаться.

Самолет приземлился, и практически сразу к салону первого класса подали трап. Стюардессы, сияя улыбками, поблагодарили ее за полет, предложив для следующего своего путешествия вновь выбрать их авиакомпанию, и Алена шагнула на ступеньки трапа. Вокруг стояла теплая индийская ночь, заполненная звуками аэродрома. В воздухе витал немыслимый букет запахов, собранный из тропических ароматов вперемешку с авиационным топливом и выхлопными газами. Откуда-то налетел свежий ветерок, обдувая лицо, и Алена окончательно проснулась. Она осмотрелась и бросила взгляд на небо. После пасмурной и холодной Москвы даже ночной аэропорт Дели выглядел местом немного сказочным и не совсем реальным. С температурой в двадцать четыре градуса тепла и иссиня-черным, усыпанным звездами небесным сводом, теряющимся в ярких огнях недалекого аэровокзала.

В аэропорту, несмотря на глубокую ночь, было многолюдно, многомиллионный город ежечасно принимал и провожал тысячи людей. К удивлению Алены, ее никто не встречал. Она несколько раз прошла мимо встречающих, внимательно разглядывая надписи на табличках в их руках. Возможно, Свами Венката написал ее имя неправильно, и она не обратила внимания на такую надпись... Но вскоре стало ясно, что здесь ее персоной не интересуется никто, кроме таксистов.

Хорошенькое начало, подумала Алена. Немного поразмыслив, она решила ехать в отель и ждать звонка. В конце концов, господин Свами Венката мог опоздать или перепутать рейсы. Или еще что. Позвонить было некому, а дальше слоняться по аэровокзалу не имело смысла. Она вышла на улицу, подошла к стоящим такси и сразу же оказалась завалена предложениями ехать по «лучшей в Дели» цене.

– Мисс Алена? – Как-то незаметно около нее материализовался крепкий индус средних лет. – С прибытием. Я – Венката. Пойдемте, я отвезу вас в отель. Нам лучше поменьше находиться на открытом месте, нас могут заметить. У вас есть багаж?

– Только это, – она кивнула на небольшую дорожную сумку, – мы можем ехать прямо сейчас, меня ничто не задерживает.

– Отлично. Прошу вас, следуйте за мной. – Он взял у нее сумку и быстрым шагом направился в сторону множества припаркованных такси.

Они подошли к одному из них, и Венката, усадив Алену внутрь, сел за руль.

– Вы – таксист? – поинтересовалась Алена.

– Нет, это маскировка, – покачал головой Венката, – хороший способ встретить вас в аэропорту, не привлекая внимания. Теперь я безработный, а когда-то раньше был полицейским. В каком отеле вы остановитесь?

– У меня забронирован президентский люкс в отеле «Оберой», – ответила она. – Мы можем поговорить, пока едем?

– Да, конечно! – Он решительно тряхнул головой. – Мне надо многое вам рассказать.

– Вы не будете против? – Алена достала диктофон.

– Не буду. Записывайте, разговор будет долгим, – ответил Венката.

Алена включила диктофон:

– Итак, Гуру упоминал, что у вас есть важные документы, позволяющие пролить свет на махинации группы людей, именующих себя «Выживание». И вы намерены передать их нам для публикации в открытой печати. Это так?

– Так, – подтвердил Венката. – Я наткнулся на их след, когда по долгу службы проводил расследования многочисленных самоубийств наших фермеров.

Он завел двигатель, и такси тронулось с места, аккуратно объезжая неровно припаркованные автомобили и пропуская снующих туда-сюда людей.

– Многочисленных?

– Сейчас это уже приняло ужасающие масштабы, – Венката покачал

головой, – всему виной ГМ-хлопок, точнее, его хозяева, пусть небо пошлет им самые жестокие страдания!

– В чем конкретно была причина самоубийств?

– Самоубийств? – Венката усмехнулся. – Нет, это не просто самоубийства. Это многие десятки тысяч самоубийств, и я расследовал их ежемесячно сотнями. Причина – огромные убытки из-за выращивания ГМ-хлопка, который разорил уже сотни тысяч фермеров, и это не заканчивается. Компания «Монсанто» превратила Индию в полигон для испытания своего детища. При этом ведется агрессивная маркетинговая политика, причем власти поощряют новые биотехнологии. Содействуя внедрению ГМ-хлопка, традиционные сорта были запрещены во многих государственных банках семян. ГМ-торговцы и правительственные чиновники обещают фермерам, что это – «магические семена», которые не могут испортить паразиты и насекомые, и теперь не надо покупать дорогостоящие пестициды. В результате поля, засеянные трансгенным хлопком, удвоились буквально за два года. И теперь многие фермеры платят за это страшную цену.

Стоимость трансгенных семян просто чудовищна для простого крестьянина: на 10 фунтов стерлингов можно купить сто граммов ГМ-семян, когда за эти же деньги традиционных семян можно приобрести в тысячу раз больше. Но миф о «магических семенах» насаждается настолько активно, что фермеры целыми деревнями идут брать кредиты под грабительские проценты. И в залог они вынуждены оставлять единственную ценность, которая у них есть, – свою землю.

Однако на деле трансгенный хлопок оказался подвержен большому количеству болезней и фактически не дает никакого урожая. Сорт хлопка с устойчивостью к паразитам запросто уничтожается коробочным червем. К тому же ГМ-семена требуют удвоенного количества воды, а в последние два года дожди практически не выпадали. Многие трансгены просто высохли и погибли там, где выживали традиционные семена, и фермеры втянулись в огромные долги, не имея возможности их оплатить. Ведь они не могут использовать ГМ-семена повторно. При неурожаях в прошлом фермер мог спасти семена и высадить их на следующий год, но ГМ-семена содержат «терминаторные» технологии и не производят жизнеспособное потомство. В результате фермеры, не получившие урожая, вынуждены покупать новые семена по тем же грабительским ценам, и так каждый год. Долги растут, а оплачивать их нечем, ведь урожая нет, в результате люди попадают в огромные задолженности перед кредиторами.

Не в силах выплатить долг многие из них сознательно расстаются с

жизнью. За последний год совершило самоубийство 125 тысяч фермеров, многие пытаются продавать свои органы, чтобы расплатиться с долгами. У нас штат Махараштра даже получил название «пояс самоубийств». Я там работал и знаю, к чему привело людей ГМО. В маленьких крестьянских деревушках фермеры гибнут десятками, теряя свои земли. Зачастую их женщины следуют за ними. Даже по официальным данным министерства сельского хозяйства здесь ежемесячно совершают самоубийства более тысячи фермеров. Десятки тысяч детей ежегодно становятся сиротами и пополняют собой орды попрошаек.

– А что же официальные власти? – изумилась Алена. – Неужели ничего не предпринимается для решения такой жуткой проблемы?!

– Я сам был представителем этих «официальных властей», – угрюмо усмехнулся Венката, – составлял отчеты, докладывал начальству. Это ничего не меняет. Кто-то наверху очень заинтересован в продвижении ГМО. И там, высоко, эти «кто-то» очень далеки от голода и нищеты. И от проблем простых людей. Чиновники проводят «опросы», из которых следует, что фермеры обожают ГМО. «Независимые» эксперты утверждают, что всему виной алкоголизм и засуха. Та же «Монсанто» заявляет, что фермеры сами виноваты в своих бедах, якобы они нарушали технологию выращивания трансгенного хлопка. И вообще самоубийства всегда были частью сельской жизни в Индии. Да и семена их только в два раза дороже нетрансгенных семян. Хотя на самом деле разница составляет тысячу процентов. Но виноваты в этом некие «недобросовестные торговцы». Именно они продают больные семена. Ну и так далее.

Венката замолчал, сосредоточившись на управлении машиной. Алена обратила внимание, что он петляет между автомобилями, стараясь пролезть вперед при малейшем удобном случае. Знакомая манера, отметила она про себя, вспоминая ночной вояж с Гуру.

– Как вам удалось выйти на «Выживание»? – спросила она.

– Начальство как-то намекнуло мне, что я в своих рапортах слишком предвзято указываю на причину многих самоубийств вследствие распространения трансгенного хлопка. Но я упорствовал. Потом начались проблемы по службе. Я встретился в неслужебное время с одним мелким начальником, который любил выпить. Я щедро напоил его, и он проболтался, что моими рапортами недовольны «очень уважаемые люди». – При этих словах Венката саркастически усмехнулся. – Я начал копать и вышел на один банк, который кредитовал фермеров, то есть давал им деньги в долг под залог их земель. У них даже целая социальная программа подведена под это дело, прямо-таки действительно «очень

уважаемые люди». Их головной офис находится здесь, в Дели. Едва я заинтересовался этим банком, как практически сразу же меня обвинили во взяточничестве, хотя я этого никогда не делал. – Он грустно улыбнулся. – Но у них даже нашлись свидетели. Меня отстранили от службы, и началось расследование. Дело закончилось увольнением, и слава богу, что не тюрьмой. Но доброе имя было навсегда потеряно.

Тогда я решил, что просто так не сдамся. В том банке в охране работал мой старый сослуживец. Я переехал сюда, дал ему взятку и через него по поддельным документам устроился к ним охранником. Пришлось сбрить усы, перекрасить волосы и вставить контактные линзы. Там я продолжил копать. Подружился кое с кем из бухгалтерии, из отдела по работе с проблемной задолженностью, даже с секретаршей председателя правления банка, которая очень любила рестораны и не прочь была поболтать.

Сначала выяснилось то, что так или иначе было известно половине сотрудников. Основные свои оборотные средства банк получает в виде траншей от некоего международного Азиатского Аграрного банка. Это межбанковские кредиты под очень выгодный процент. Деньги выделяются с условием: наш банк обязан выдавать их в качестве кредитов только под закупку ГМ-семян и только под залог земель. Чем наш банк и занимается с удовольствием и немалой выгодой для себя, выдавая кредиты фермерам под грабительские проценты.

Далее выяснились более интересные вещи. Трансгенные семена быстро разоряют крестьян, и банк в судебном порядке получает залог – их земли. Теперь земли принадлежат банку. Но банк не засекает поля, ему нечего делать с этой землей, для банка она обуза, неликвид. Однако, оказывается, у нашего банка есть договор с какой-то фирмой – земельным брокером, обеспечивающим продажу залоговых земель. И работает эта фирма так хорошо, что еще ни разу за два года ни один земельный участок в банке не задержался. Земельный брокер работает сразу с несколькими Венчурными фондами, которые якобы инвестируют деньги в сельское хозяйство. На самом деле они скупают у банков залоговые земли и вновь сдают их в аренду фермерам. Только теперь эти земли уже принадлежат не крестьянам, а фондам. Причем банк продает им земли по цене ниже рыночной. Очень активный у нас этот земельный брокер, прямо чудо какое-то, любую землю пристраивает чуть ли не раньше, чем она появляется у банка!

Мне удалось кое-что узнать об этой фирме. В ней всего три человека! И никто их никогда не видел, они лишь подписывают бумажки. Причем вся деловая переписка между этой фирмой-брокером и нашим банком ведется

по каналам дипломатической почты. Как известно, она имеет дипломатическую неприкосновенность и не подлежит досмотру. Я работал охранником и часто встречал дипкурьеров. Какое отношение имеет банк или фирма из трех человек к дипломатической почте? Это невозможно! Я даже неоднократно следил за курьерами. Они доставляли почту в какое-то офисное здание в центре Дели, как я и думал, ни о какой дипломатической миссии или посольстве речь и не шла.

Я пробовал копать под все эти венчурные фонды и Азиатский Аграрный банк, тот, что дает нам такие выгодные деньги для кредитования фермеров. Но ничего не нашел. Все эти организации просто выполняют свои посреднические функции и вполне легально принадлежат хорошо известным крупнейшим международным банкам, а кто в свою очередь владеет ими – загадка.

Однако одну деталь мне все-таки удалось узнать. По вопросам кредитования и реализации земель руководство нашего банка выполняет указания какого-то Питера Смитсона. Выходило, что он координирует все. Я выяснил, что официальный статус этого человека – рядовой консультант в Азиатском Аграрном банке. Он прибыл в Индию из США два года назад, и почти сразу после того в наш банк пришел первый транш от ААБ. Почему же наш банк выполняет распоряжения какого-то мелкого клерка? Причем господин Смитсон никогда не появлялся у нас, наоборот, руководство само ездило к нему на переговоры, и где именно они проводились, мне выяснить не удалось. Я пытался найти на этого Смитсона хоть что-то, но все безрезультатно. Мне даже не удалось его увидеть.

Зато мистер Смитсон, похоже, был готов к тому, что кто-то может проявить к нему интерес. Едва я начал интересоваться его личностью, как тут же все и закончилось. Меня как-то вычислили, и с того дня все пошло кувырком. Прямо в квартире, где я жил, меня чуть не схватили какие-то неизвестные, мне чудом удалось спастись, помог тот самый сослуживец. Он успел позвонить и предупредить, а я вылез в окно, когда они ломали дверь. Взобрался на крышу по пожарной лестнице и убежал. На следующий день мой сослуживец умер якобы от сердечного приступа. Конечно же это ложь, у него никогда не было проблем с сердцем.

По телевизору передали, что я, подделав документы, под чужим именем устроился в охрану банка и украл крупную сумму денег. Меня начала искать полиция. Какие-то люди дежурили в машине возле моего дома, я так и не смог туда вернуться. Но я не стал просто сидеть сложа руки и ждать, когда меня найдут. Как охранник банка я знал некоторые рабочие графики. Мне удалось выследить дипкурьеров и совершить

вооруженное ограбление. Так в мои руки попал один важный документ. Это было письмо, подписанное тем самым господином Смитсоном. В документе содержались конкретные указания, сколько и в какие именно венчурные фонды надо продать земель, отобранных у разорившихся фермеров, и указания об изменении объемов кредитования по программе распространения ГМ-хлопка на следующий сезон. Еще одна интересная деталь: в письме есть прямое упоминание «Выживания» и несколько фамилий. Даже странно, как это они позволили себе такое. Наверное, уже уверовали в свою абсолютную неприкасаемость! В общем, это весьма интересный документ.

Венката пошевелился, разминая затекшую поясницу.

– С тех пор меня ищут и они, и полиция, и даже Интерпол. Я объявлен в международный розыск, – резюмировал он.

– А как вы познакомились с Гуру? – спросила Алена.

– Ваш отель, мисс Алена! – Венката кивнул на громаду здания, у которого притормаживало их такси. – Гуру вышел на меня через интернет, когда я безуспешно пытался предать огласке добытые документы.

К ним уже бежал швейцар в сопровождении носильщика, и Венката торопливо закончил:

– Ждите в номере, я вам позвоню. Документы спрятаны в надежном месте, и мне понадобится время, чтобы привезти их вам. Если успею проскочить дорогу до образования утренних пробок, то постараюсь быть у вас часа через четыре-пять. И, пожалуйста, мисс Алена, будьте осторожны! Ни-куда не выходите из отеля! Вот мой номер, сразу звоните, если заподозрите неладное! – Он протянул ей клочок бумаги.

Алена пообещала в точности следовать его советам, отметив для себя, что слышит подобную фразу уже второй раз за три дня, выключила диктофон и вышла из такси.

Она приняла душ с дороги, после чего разлеглась на огромной кровати и принялась прослушивать сделанную запись, обдумывая слова Венкаты. Если все, что рассказали ей он и Гуру, действительно можно подкрепить документальными фактами, то ее материал будет действительно разгромным. Видимо, пришла пора начинать карьеру политического журналиста. Заговор, на который так некстати для себя наткнулся Стасик, похоже, действительно имел глобальные масштабы. То, что ей удалось узнать, было только вершиной айсберга. Уже сейчас ясно, что за подобными махинациями должны стоять очень влиятельные люди, обладающие колоссальными возможностями. И они будут сопротивляться. Впрочем, ее отец никогда не боялся противостояния, наоборот, он будет

только рад, когда узнает, что именно она нашла. Это вызовет в нем охотничий азарт. Так что на этот раз «Выживание» встретило достойного противника. За этими раздумьями она не заметила, как уснула.

Проснувшись она от яркого солнечного света, бившего ей в лицо через огромное окно. Она чуть открыла глаза и таким образом некоторое время разглядывала небо. Да уж, это не октябрьская Москва. Тут ни облачка, и солнце такое сильное, что даже просто глядеть на небо долго не получится. Алена посмотрела на часы. Было уже за полдень. Она проверила телефон. Венката не звонил, вероятно, все-таки попал в пробку. Она решила не беспокоить человека без причины, привела себя в порядок и отправилась в ресторан отеля.

Прошел час, затем другой, третий, но Венката так и не появился. Алена забеспокоилась, он опаздывал от всех сроков уже на шесть часов. Она нашла бумажку, что дал ей Венката в такси. На ней кривым почерком, явно второпях, был записан ряд цифр, обозначающих номер телефона, и ничего больше. Она позвонила. Трубку сняли сразу.

– Алло? – ответил незнакомый мужской голос.

– Здравствуйте, – сказала Алена, – я бы хотела услышать господина Свами Венкату.

– К сожалению, это невозможно, – ответил мужчина, – с вами говорит лейтенант Джаядева Сингх, полиция Дели. Пожалуйста, представьтесь.

Такого поворота Алена не ожидала. С другой стороны, скрывать свое имя не было никакого смысла, она разговаривала с полицейским со своего личного мобильного, и полиция наверняка сможет установить ее личность и местонахождение рано или поздно. Она представилась. Оказалось, что с Венкатой несколько часов назад произошел несчастный случай. Полицейский спросил, кем она является Венкате, и Алена ответила, что она журналист и прилетела только что с целью взять у него интервью. Полицейский записал ее адрес и вежливо попросил не покидать отеля до приезда детективов, которые вскоре приедут и объяснят, в чем дело. Он повесил трубку, и Алена сразу же позвонила отцу. Рогожин велел содействовать полиции в рамках разумного, об истинной причине визита никому не рассказывать, сказал, что разберется с этим, и похвалил ее за своевременный звонок.

Полиция приехала через час. Детективы были обходительны и корректны. Они рассказали, что сегодня утром Свами Венкату сбила машина, когда он выходил из дома, где снимал комнату. От полученных травм потерпевший скончался на месте. Вполне заурядный несчастный случай, каких в Дели ежедневно происходит с десяток. Быстро выяснилось,

что такси числится в угоне, а погибший находится в розыске, но никаких бумаг и документов при нем не оказалось. Был только мобильный телефон, явно краденый, с новенькой сим-картой. Единственным, кто сделал звонок на этот номер, оказалась Алена. Вот и вся история.

В свою очередь их интересовало, каким образом она связана с погибшим. Алена коротко объяснила, что господин Венката связался с ней в интернете и предложил осветить проблему его несправедливого увольнения из полиции, мотивируя это низким уровнем демократии в Индии. Больше ни-чего ей не известно, и о том, что Венката является преступником, находящимся в розыске, она слышит впервые. Как ни странно, ее рассказ детективов вполне устроил, и они все так же вежливо откланялись. На следующий день ей позвонили из посольства и сообщили, что у полиции к госпоже Шаройкиной больше нет вопросов, и она может возвращаться домой.

Алена вернулась в Москву ближайшим рейсом. Москва встретила ее снегом и слякотью. Ее «Кайен» сиротливо ждал хозяйку на платной стоянке аэропорта, весь покрытый каплями воды, словно слезами. Погода и впрямь не вызывала радостных эмоций. Хмурое небо было затянуто мутной пеленой, превращавшей дневной свет в какую-то промозглую тоскливую серость, а небольшая плюсовая температура быстро делала из падающих снежинок грязную кашу, хлюпающую под ногами и разлетающуюся из-под колес. Алена смотрела на серый пейзаж, проносящийся за окном автомобиля, и вспоминала солнечный Дели. Получить зиму седьмого октября – не самое приятное событие, особенно сразу после того, как ты возвращаешься из Индии. На душе было так же грустно, как за окном, мысли о гибели Свами Венкаты только добавляли тяжелого осадка. «Выживание» не обращает внимания на такую мелочь, как жизнь отдельных людей, стоящих на ее пути. Тут счет идет на целые страны.

Она созвонилась с отцом еще в аэропорту, но Рогожин был предельно занят, и договориться о встрече удалось только на вторую половину дня. Алена приехала домой и занялась анализом той информации, что удалось собрать. К беседе с отцом стоило подготовиться основательно, чтобы не тратить время на уточнение мелочей, которые могли оказаться непонятны ей самой. Ближе к обеду заверещал мобильный. Звонил Баранов.

– Добрый день, Александр Сергеевич, – поздоровалась Алена, – очень рада вас слышать.

– Взаимно, Алена Викторовна, – ответил ученый, – я подумал, что вам будет небезынтересно узнать одну новость.

– Я с удовольствием послушаю, – ответила она, – а в чем, собственно, дело?

– Помните, при нашей встрече я упоминал про экспертную комиссию, в составе которой мы проводили выяснение безопасности ГМ-картофеля от компании «Монсанто»?

– Да, конечно! – Алена пододвинула к себе рабочие документы и быстро перелистала страницы, отыскав нужное место в записях. – «Монсанто» предложило два сорта трансгенного картофеля для использования в России. Ваша комиссия определила, что биологическая безопасность этих сортов не доказана, и их забраковали. Позже вашу комиссию расформировали, а недавно собрали вновь уже в другом составе.

– Совершенно верно! – подтвердил Баранов. – Приятно слышать, что вы отнеслись к этому серьезно. Так вот, Алена Викторовна, только что мне звонил академик Соколов Михаил Сергеевич.

– Да-да, я помню, – подхватила Алена, – это ваш коллега, именно он был назначен руководителем новой экспертной комиссии, так?

– Именно, – согласился ученый, – он сообщил мне любопытную информацию. Вчера состоялось организационное заседание этой комиссии, на котором ее участники должны были увидеть друг друга, познакомиться с предстоящей работой и так далее, в общем, стандартные приготовления. На этой встрече членам комиссии было сообщено, что официальное заседание состоится через неделю. И знаете, что станет объектом деятельности новой комиссии? – Баранов сделал красноречивую паузу. – Те самые документы, которые ранее рассматривали мы!

– Не может быть! – удивилась Алена. – Как такое возможно? Ведь решение уже было принято! Неужели кто-то столь нагло и неприкрыто пытается протащить эти трансгены на российский рынок?!

– Как видите, у нас возможно и такое, – ответил ученый. – Сдается мне, что тут все не так уж сложно. Хозяева поставили задачу и заплатили деньги, исполнители должны оправдать оказанное доверие!

– А кто распорядился о повторном рассмотрении этого картофеля? – спросила Алена.

– Министр природопользования Артюхов, как и в прошлый раз, – сообщил Баранов. – Только он имеет право подписать эти документы.

– Интересная ситуация, – задумчиво произнесла Алена, – когда, вы говорите, состоится официальное заседание экспертной комиссии?

– Через неделю, ориентировочно во вторник.

– Что ж, отлично. У нас достаточно времени, чтобы подготовиться! – решила она.

Баранов попрощался и повесил трубку. Алена задумалась. Похоже, ГМ-лобби в России намного мощнее, чем могло показаться на первый взгляд. У нас тут, конечно, не Индия, и в сказочку о «магических семенах» наши фермеры не поверят, но ведь есть и другие способы насадить в стране трансгенную отраву. Особенно, когда у заинтересованных лиц есть очень большие деньги. Сразу же появляется тьма сторонников... Многие из которых далеко не последние лица в государстве.

– Я согласен, это дело серьезное. – Рогожин только что закончил слушать запись ее разговора с Венкатой. Теперь просматривал аналитическую выборку, сделанную Аленой специально для него по итогам всех своих встреч и поездок. – И в несчастный случай с твоим индийским интервьюером мне тоже верится слабо. – Он поднял голову и посмотрел на нее: – Не пора ли передать дело профессионалам?

– Я справлюсь! – заявила Алена. – Даже и не думай забирать его у меня! И потом, это может напугать Гуру, а тогда мы не получим доказательств.

– Логично, – согласился отец, – без доказательств все это не более чем материал для какой-нибудь занюханной желтой газетенки.

Он замолчал, вновь углубившись в чтение. Алена терпеливо ждала, поглядывая то на него, то на сидящего в гостевом кресле Виталия Федоровича. Старый генерал, как всегда, был невозмутим, и его лицо ничем не выдавало ни его мысли, ни настроение. Наконец Рогожин отложил бумаги в сторону.

– Картина вырисовывается вполне понятная, – резюмировал он. – И#надо признать, что «Выживание» гениально продумало свою схему. Выдают людям деньги в долг для того, чтобы фермеры у них же покупали семена. Вариант беспроблемный. Либо крестьянин «подсаживается» на твои семена, либо разоряется, и ты получаешь его землю, которую потом сдаешь под культивирование опять-таки своих же семян. Блестяще придумано. И все это под видом социальных программ кредитования аграрного сектора. Прямо-таки благое дело делают. Святые люди, не иначе.

Отец немного помолчал и добавил:

– Однако опубликовать эту информацию сейчас мы не можем. Все это очень серьезно, и тут нельзя действовать без доказательств. А у нас на данный момент ничего нет. Этот Гуру, он с тобой не связывался? Его документы были бы сейчас весьма кстати. Мы смогли бы нанести по «Выживанию» первый удар.

– Нет, от него пока ничего нет, – погрустнела Алена, – я все жду его

звонка.

– Если он объявится, – вступил в разговор генерал, – Алена Викторовна, обязательно попросите у него какой-нибудь канал связи. Хотя бы для экстренных ситуаций, например, как в случае с его индийским товарищем. Даже если Гуру откажется от нашей защиты, у вас должна быть возможность предупредить его об опасности или сообщить о чем-то срочном или крайне важном. Он хороший конспиратор и обязательно найдет способ организовать такой канал.

– Хорошо, я скажу, – согласилась она, – как только он позвонит.

Гуру позвонил буквально спустя полчаса, когда она уже ехала на своей машине из офиса домой. Определитель на ее личном номере вновь не разгадал номера, и она схватила трубку:

– Алло? Я вас слушаю!

– Здравствуйте, Алена. – Это действительно был Гуру.

– Здравствуйте, – поздоровалась она. – Я боялась, что вы уже никогда не позвоните.

– У меня были трудности, – ответил он. – Видимо, они нашли какие-то следы в ноутбуке Венкаты. Быстро работают. Меня пытались найти сразу после того, как убили его.

– Вы уже знаете? – удивилась Алена.

– Да. Вы получили документ?

– Нет, – грустно ответила она, – Венката встретил меня в аэропорту и отвез в отель. Пока мы ехали, он рассказал мне все подробности, но документов у него с собой не было. Мы договорились, что я подожду в отеле, а он привезет бумаги. Но... он так и не приехал.

– Ясно, – ответил Гуру после недолгого молчания. – Эти документы мы потеряли.

– Но есть же ваши материалы! – воскликнула Алена. – Мы можем опубликовать их! Это будет не просто сенсация, это прогремит на весь мир!

– Видимо, так и надо сделать, – согласился Гуру, – но прямо сейчас я не могу передать их вам. Чтобы достать их из тайника и привезти в вашу редакцию, мне потребуется несколько дней, я все еще вынужден замечать следы.

– Мы организуем вашу защиту! – пообещала Алена. – Давайте встретимся прямо сейчас. Под нашей охраной вы будете в безопасности.

– Я привык больше полагаться на себя, – ответил он, – к тому же я сейчас не в Москве. Пока я доберусь до вас, пройдет время, а сейчас мы не можем терять ни секунды. Слушайте внимательно, Алена. Есть еще один комплект документов, содержащий информацию о грязных махинациях

«Выживания». И эта информация важнее той, что есть у меня. Вы должны получить ее, пока это еще возможно. «Выживание» вплотную подобралось к человеку, хранящему эти документы, поэтому надо действовать прямо сейчас. И сделать это будет не так просто.

– Что мне делать? – спросила Алена.

– Вылетайте в Пекин. Прямо сейчас. Одна.

– Сейчас?!

– Да, – коротко отрезал Гуру. – Вы успеваете на самолет, рейс вечерний. Помните, я рассказывал вам о подруге моей сестры, которую убили вместе с ней? В Пекине вас найдет ее брат. Его имя Хань.

– Мне ждать его в аэропорту? – поинтересовалась Алена.

– Нет, – ответил Гуру, – сходите на экскурсию в храм Юнхэгун. Это самый большой и известный ламаистский монастырь в Пекине. Будет очень интересно.

– Хорошо, – поняла Алена, – я сейчас же еду в аэропорт.

– И еще, – добавил Гуру, – Алена, я подозреваю, что за вами следят. Будьте очень осторожны. Я надеюсь, что у вас все получится. А сейчас нам пора заканчивать разговор.

– Как я могу связаться с вами в экстренном случае?! – торопливо воскликнула Алена, опасаясь, что он сейчас положит трубку. – Вдруг мне понадобится ваша помощь?

Гуру мгновение молчал, после чего произнес:

– Я пришлю на ваш мэйл номер телефона. Его можно будет использовать только один раз, имейте в виду. Мягкой посадки. – Гуру отключился.

– Спасибо, – ответила Алена самой себе и перестроилась в правый ряд, приближаясь к автодорожной развязке.

Кто-то из идущих рядом автомобилей недовольно просигналил, и она запоздало посмотрела в зеркало заднего вида. Какая-то машина шарахнулась в сторону, не ожидая ее неожиданного маневра. Ну, бывает, поморщилась Алена, разглядывая «пострадавшего» через зеркало, подумаешь, не включила поворотник. Ничего же страшного не произошло, с чего сигналить на всю Москву? В этот момент она заметила, как идущий за несколько машин от нее неприметный автомобиль аккуратно, но решительно пересек сразу две полосы и перестроился вслед за ней. Алена повернула на развязку, и незнакомый автомобиль повторил ее маневр. Следующие несколько километров пути она старалась оторваться от него, но серое авто неотрывно следовало за ней, сохраняя дистанцию. Алене стало не по себе. В памяти всплыли слова Гуру, и воображение

предательски немедленно принялось рисовать жуткие картины, одна страшнее другой. Она схватила телефон и торопливо набрала номер генерала.

– Здравствуйте, Алена Викторовна, – раздался в трубке невозмутимый голос.

– Виталий Федорович, кажется, за мной следят! – на одном дыхании выложила она.

– Старенький серый «Опель»?

– Да, – удивилась Алена, – так это ваши люди?

– Мои, – успокоил ее генерал, – они следуют за вами с самого утра. Это хорошие специалисты, с ними вам будет безопаснее, а мне спокойнее.

– Хорошо, – согласилась Алена, чувствуя, как с души сваливается огромный камень, – только я прямо сейчас еду в аэропорт, мне надо срочно вылететь в Пекин. Ближайшим рейсом. По нашему делу.

– Хм... – генерал был явно недоволен. – А Виктор Александрович в курсе? В Пекине я не смогу обеспечить вашу безопасность. Я обязан отправить с вами охрану!

– Не надо, – отказалась Алена. Сейчас, когда страхи перед кровожадными киллерами «Выживания» отступили, внезапно охвативший ее ужас казался чем-то несерьезным и почти детским, подобно боязни темноты в первом классе, – так мы только спугнем контакт. Я сама поговорю с отцом.

Она попрощалась и отключилась, после чего сразу же набрала номер Рогожина. Тот категорически не соглашался отпускать ее одну, но, услышав, что Алена уже подъезжает к аэропорту и он по сути поставлен перед фактом, сдался. Отец повесил трубку, и Алена подумала, что сегодня утром очень удачно забыла в машине дорожную сумку. Кто бы мог подумать, что, выйдя из самолета утром, ей придется вновь залезать в самолет вечером. Что ж, хотя бы не пришлось сломя голову нестись домой за вещами, и то хорошо. Теперь можно доехать до Шереметьево спокойно и без лишних нервов. Рейс на Пекин вылетал практически ночью, и она гарантированно успевала добраться. Хотя это радовало, потому что перспектива просидеть в кресле самолета почти десять часов подряд вряд ли могла хоть кого-то привести в восторг.

В Пекине Алена заказала себе такси на экскурсию в монастырь, как только добралась до отеля. Долгий перелет, уже второй за сутки, дался ей тяжело, и она чувствовала себя разбитой. Но откладывать встречу с человеком Гуру означало рисковать чужими жизнями, поэтому отдохнуть

после утомительного перелета она не стала, позволив себе потратить сорок минут на душ и чашку горячего кофе. Вскоре позвонили с ресепшн отеля и сообщили, что такси для госпожи Шаройкиной уже ожидает ее.

До монастыря, находившегося практически в центре Пекина, она добралась сравнительно быстро, несмотря на запрудившее улицы обилие транспорта, велосипедистов и пешеходов. Алена отпустила такси и вошла на территорию монастыря. Она огляделась. Вокруг, несмотря на пасмурное небо и градусов десять тепла от силы, было полно людей. Многочисленные туристы, монахи, работники туристического бизнеса, экскурсии, стайками бродившие следом за своими гидами, – вся эта разношерстная масса заполняла собой территорию монастыря, и было совершенно непонятно, где и как должна произойти встреча с Ханем. Немного подумав, Алена пристроилась к одной из туристических экскурсий и решила какое-то время бродить по монастырю вместе с ними. Она прислушалась к рассказу гида.

– Ламаистский храм Юнхэгун – это самый известный и самый крупный монастырь в Пекине, он расположен в северной части бывшего императорского города, – по-английски вещал гид под щелчки фотоаппаратов.

Его туристы, судя по раздутым избытком лишнего веса фигурам, явно американцы, активно фотографировали достопримечательности. Из-за пасмурной погоды на автоматических «мыльницах» срабатывали вспышки, и это неприятно било по глазам.

– Храм был построен в 1694 году как дворец императором Канси для своего сына Юнцинвана, – продолжал рассказ гид, – в 1746 году дворец был перестроен в придворный ламаистский монастырь. Император Цзянцзин первым провел здесь церемонию поминовения предков, с тех пор все китайские императоры ежегодно совершали здесь этот обряд. Как видите, Юнхэгун и в настоящее время является действующим монастырем. Это место активного паломничества религиозных людей, монастырь ежедневно посещают сотни монахов и простых верующих со всего Китая и не только. Храм достаточно велик и занимает площадь порядка 57 тысяч квадратных метров...

Непрекращающиеся фотовспышки стали действовать не только на глаза, но и на нервы, и Алена отошла от откормленной группы. Она решила побродить по монастырю в одиночку. Храм был красив. Резные ансамбли пагод в сочных красках, огромные небесно-синие таблички, заполненные иероглифическим письмом возрастом не в одну сотню лет, ярко-красные стены храмов, украшенные ажурной мозаикой. Посмотреть было на что. Алена неторопливо изучала монастырь, удивляясь тому, сколько сил и

труда было вложено целыми поколениями людей в его создание и сохранение. Самое большое здание монастыря обнаружилось в самом конце храма, и Алена направилась туда. Внутри было так много народа, что в первую секунду она даже не поняла, чем же это вызвано. Но стоило только поднять голову, как взгляду открылась действительно величественная картина. В центре просторного зала возвышалась грандиозная восемнадцатиметровая статуя, целиком вырезанная из огромного сандалового дерева. Взгляд не сразу охватывал всю перспективу творения давно забытых гениальных художников прошлого.

– Это Майтрея. Будда назначил его своим преемником и обязал прийти на Землю спустя пять тысяч лет после своей смерти, – раздался рядом негромкий голос. – Он грядущий учитель человечества, пребывающий на небесах в ожидании, пока не настанет благоприятное время для Спасения мира. Считается, что перед появлением второго Будды на Земле прекратятся войны, голод, болезни и смерть.

Алена оглянулась. Рядом с ней стоял рослый китаец в одеждах монаха. Его взгляд был направлен мимо нее, на статую будущего Будды.

– У вас древняя и очень красивая история, – вежливо ответила Алена.

– И всю свою историю Китай постоянно борется с различными захватчиками, стремящими поработить нашу огромную страну и подчинить ее своим алчным и меркантильным интересам, – неторопливо произнес монах и так же спокойно добавил: – Здравствуйте, мисс Алена. Я – Хань.

– Здравствуйте... – Она ждала встречи с ним уже более часа, но к такому его появлению оказалась не готова. – Гуру рассказывал о вашей сестре. Мне очень жаль... Правда. Это ужасно.

– Мне тоже жаль, – согласился Хань. – Мне было жаль настолько сильно, что я даже нашел возможность приехать в Нью-Йорк, а сделать это китайцу, поверьте, не так просто. Но мне удалось, и я пытался лично прояснить хоть что-то в этой темной истории, связанной с ее гибелью.

– В результате вы смогли получить доступ к документам «Выживания»? – предположила Алена.

– Я потратил на это расследование больше года. Мне удалось найти единомышленников. И в США есть честные, гордые и свободолюбивые люди, готовые бороться за правду до конца. Я вышел на некоторых из них.

– Как вам это удалось? – поинтересовалась Алена.

– Дорогой ценой, – угрюмо улыбнулся Хань, – полагаю, вы уже знакомы с методами работы «Выживания»? Поэтому вас не удивит тот факт, что вот уже год меня разыскивает Интерпол и ФБР за связь с «Триадой» и торговлю наркотиками. Мне удалось вернуться в Китай, но

они и здесь обложили меня со всех сторон. Теперь я монах, и добраться до меня в обители им слишком хлопотно. Проще оставить меня в покое. И караулить, словно зверя у выхода из норы. Но жизнь в обители дает мне духовные силы, это намного ценнее радостей мирской жизни, погрязшей в зависимости от денег и власти. Им никогда не понять этого. – Монах замолчал.

– Я могу помочь вам предать огласке планы и махинации «Выживания», – сказала Алена, – но для этого мне нужны факты.

– Факты, – неторопливо кивнул Хань, – факты нужны всем. Фактов боятся, ведь факты убивают. И «Выживание» ревностно хранит свои секреты. Почти все люди, с которыми я контактировал, либо погибли при загадочных обстоятельствах, либо внезапно изменили свою точку зрения, либо просто перестали отвечать на звонки и письма.

Он по-прежнему не смотрел на нее, и Алена последовала его примеру, стараясь не выдать постороннему наблюдателю факт их общения.

– Вы конечно же знаете, что официальных доказательств вредоносности ГМО не существует? – спросил Хань.

– Да, – подтвердила Алена, – я хорошо знакома с сутью вопроса.

– Так вот, – продолжил монах, – если разбираться тщательно, то выясняется, что исследования на безопасность ГМО проводятся в основном либо самими их создателями, либо в научных учреждениях, так или иначе с ними связанных. А чаще всего – транснациональными продовольственными корпорациями, имеющими научные отделы. Доказательства безопасности ГМО и продуктов из них, полученные в лабораториях, финансируемых производителями трансгенов, не вызывают доверия, поскольку практически все независимые от производителей ГМО исследования, проводившиеся в разных странах мира, как раз обнаруживают доказательства опасности ГМО. Лабораторные мыши, например, всего лишь треть рациона которых составляла ГМ-кукуруза компании «Монсанто», в третьем и четвертом поколении рожали гораздо меньше мышат, а само потомство было болезненным и слабым. Это показали опыты в Австрии. Влияние этой кукурузы на репродуктивность оказалось полнейшей неожиданностью, ведь она одобрена к употреблению в пищу во многих странах мира, в том числе и у вас в России. Иными словами, как только за эксперименты берутся независимые ученые, тут же выясняются факты отрицательного воздействия ГМО на кровь, почки, печень, эндокринную и половую систему. Но такие данные очень быстро «закрывают». «Выживание» делает все, чтобы защитить свое детище, прокладываящее для них путь к мировому господству. Их не интересует,

что станет с обычными людьми, их заботит лишь власть и деньги. И ради этого они готовы на все.

Хань на мгновение замолчал, разглядывая статую, после чего продолжил:

– Ученые, работающие на биотехнологические корпорации, обязаны хранить тайну. Условия контрактов не дают им свободы выбора. В качестве примера проще всего привести данные, которые были опубликованы в приложении «Higher Education» к британской газете «Times». Из пятисот ученых, работающих в компаниях-производителях ГМО, тридцать процентов сообщили, что были вынуждены изменить данные результатов своих исследований безопасности ГМО по требованию спонсоров. Семнадцать процентов из них согласились исказить свои данные, чтобы показать результат, предпочтительный для заказчика. Десять процентов заявили, что им пригрозили лишением дальнейших контрактов. Три процента сообщили, что вынуждены были внести изменения, делающие невозможными открытую публикацию работ. – Монах незаметно окинул взглядом стоящих рядом людей. – Это я вам рассказал, чтобы вы понимали реальное положение дел с отсутствием доказательств вреда от ГМО. Теперь по существу. Я организую вам встречу с ученым, который долгое время работал на «Выживание». Он принимал участие в разработке трансгенной сои. Он передаст вам конкретные данные, результаты исследований, внутреннюю информацию из лабораторий «Выживания». Возьмите это.

Алена почувствовала, как Хань коснулся ее руки, и в ее ладони остался небольшой прохладный предмет.

– Это серебряный доллар. Тот человек узнает эту монету и поймет, что вы от меня. Иначе он ничего не расскажет и ничего вам не отдаст. Из двух десятков людей, знавших об этих документах, за прошедшие полтора года бесследно пропали все, кроме нас двоих. Поэтому он вынужден скрываться, как и все мы. Так что не потеряйте монету, мисс Алена. Время и место мы вам сообщим.

– Это в Китае? – спросила Алена. – Мне ждать известий в отеле?

Хань не ответил, и Алена осторожно посмотрела в его сторону. Монаха рядом не было. Она огляделась, но Ханя не оказалось нигде. Алена вздохнула, положила монету в карман и принялась пробираться сквозь толпу к выходу.

Выйдя с территории монастыря, Алена направилась к стоящим такси. Но едва она подошла к дороге, как кто-то обнял ее за талию, прижавшись всем телом, словно старый знакомый, и что-то острое больно уперлось ей в бок.

– Иди тихо, а то зарежу! – на ужасном английском зловеще прошипел в ухо чей-то голос.

Алена испуганно оглянулась. Невысокий китаец с явно накладными усами и бородкой крепко держал ее за талию одной рукой. Ножа, который он приставил к ней другой рукой, не было видно под накиннутой на руку курткой. Со стороны вполне могло показаться, что они хорошо знают друг друга. От страха Алена растерялась, в этот момент около них быстро остановилась машина, задняя дверь автоматически распахнулась, и китаец втолкнул Алену внутрь. Алена влетела в салон, похититель запрыгнул следом, и машина стала быстро набирать скорость.

– Тихо! Зарежу! – злобно повторил человек с ножом и вырвал из рук Алены сумочку.

Он вытряхнул ее содержимое на сидение и принялся копаться в нем. Китаец схватил кошелек, ее золотой «Верту», диктофон и бросил их на переднее сидение, потом повторил свое «Тихо! Зарежу!» и сорвал с Алены золотую цепочку с кулоном, затем торопливо содрал с ее руки дорогие часы. Все это время он размахивал у нее перед лицом огромным кухонным ножом, и Алена в ужасе не сводила глаз с покрытого грязью и ржавчиной лезвия. Похититель что-то прокричал водителю по-китайски, и машина резко затормозила.

– Пошел вон! – заявил человек с ножом, грозно зыряка на Алену.

Алена судорожно нащупала рычажок, отпирающий дверь, и открыла ее, неловко толкая трясущимися от страха руками.

– Зарежу! Пошел вон! – вновь оскалился китаец с ножом.

Алена собралась с духом, сделала вид, что вылезает из машины, и в следующее мгновение быстро обернулась к похитителю, хватая лежащий на сидении паспорт. Китаец попытался отобрать документ, но она намертво вцепилась в красную книжицу. Тогда он разразился злобной руганью и ногами грубо вытолкнул ее наружу. Алена вылетела из машины и упала на асфальт, до крови разодрав руку у локтя. Автомобиль грабителей, визжа покрышками, скрылся за углом. Алена поднялась на ноги, держась за кровоточащий локоть, и оперлась спиной на стену стоящего рядом здания. Страх не проходил, тело била крупная дрожь, из глаз ручьем лились слезы. Кто-то из прохожих вызвал полицию, и через несколько минут возле нее остановилась патрульная машина, вскоре вслед за ней приехала «скорая».

Успокоиться Алене удалось только через час. К этому времени медики сделали ей перевязку и на всякий случай вкололи противостолбнячную сыворотку, после чего Аленой занялась полиция. У нее взяли показания и связались с российским посольством.

– Вам повезло, госпожа Шаройкина, – сказал ей между делом следователь. – Грабители были новичками и сами оказались напуганы не меньше вашего. – Он флегматично щелкал клавишами компьютера, записывая ее показания. – Иначе они сорвали бы с вас драгоценности, – он указал на ее уши, украшенные бриллиантовыми серьгами, подарком отца на позапрошлый день рождения. – А это очень больно и травматично.

– У меня волосы густые, – машинально ответила Алена, – сережек часто не заметно...

– Опытные грабители проверяют уши, – покачал головой следователь, – так что, повторяю, вам еще повезло. И за паспорт с вами не сцепились, а ведь могли бы и ножом полоснуть запросто.

Этой тирадой полицейский окончательно нагнал на нее жути, и Алена с трудом удержала себя в руках, чтобы не разреветься снова. Потом приехали из посольства, и дела пошли веселее. Дипломаты быстро закончили полицейскую рутину и любезно отвезли ее в отель, избавив от разбирательств с администрацией по поводу утери ключей от люкса. Первым делом Алена связалась с отцом, после чего остаток дня просидела в отеле, не выходя из номера. Всю ночь ей снились кошмары, наполненные бородатыми китайцами с ржавыми ножами в руках.

На следующий день из посольства привезли билет до Москвы на ее имя. Самолет вылетал практически через сутки, и весь день она провела в номере перед телевизором. Выходить куда-то не имело смысла – денег не было, особо не нагуляешься. По той же причине отменялись рестораны, так что эти сутки пришлось посидеть на воде. Ничего, разгрузочный день только на пользу, успокаивала себя Алена. Время до отлета тянулось бесконечно долго.

В Москве за прошедшие два дня стало еще холоднее – около нуля и сильный ветер. Самолет приземлился к четырем часам пополудни, и едва Алена сошла с борта, как ее прямо у трапа встретил один из помощников отца в сопровождении сотрудников пограничной службы. Алену без очереди провели через все формальности и чуть ли не на руках вынесли в ВИП-зал, где ее уже ожидала целая делегация. Отец прислал не только охрану и помощников, но даже их семейного врача. Под бдительным надзором всей этой компании ее доставили домой. По пути Алена связалась с отцом, тот задал пару общих вопросов, после чего потребовал передать трубку доктору. Убедившись, что с дочерью все в порядке, Рогожин велел ей ждать дома и никуда не выходить до его появления. Сопровождающие довели Алену до дверей квартиры и ушли, выставив на

лестничной площадке и перед домом многочисленную охрану.

Закончив приводить себя в порядок, она решила скоротать время за разбором накопившейся почты. Среди прочих писем в ящике обнаружилось свежее послание от неизвестного адресата. Алена открыла письмо. Короткая строчка гласила: «Воскресенье, 13 октября, Лос-Анджелес. Ждите дальнейших указаний по прибытию». Далее был указан номер телефона для экстренного контакта и подпись «Гуру». Алена откинулась на спинку стула. Лос-Анджелес! Она грустно вздохнула. Вновь самолет, и теперь уже двенадцатичасовой перелет. Скоро она станет жить в самолетах...

Вскоре приехал отец в сопровождении Виталия Федоровича. Они заставили Алену подробно рассказать о пекинской поездке, причем старый генерал был особенно дотошен и выискивал даже незначительные подробности. Его интересовало все, с момента прибытия до момента отлета. Виталий Федорович мучил ее вопросами больше часа, после чего, наконец, она смогла рассказать им о письме Гуру. Это известие не привело Рогожина в восторг. Коротко посоветовавшись, они пришли к выводу, что выбора нет, и лететь необходимо.

– Полетишь с охраной! – тоном, не допускающим возражений, заявил отец.

Алена не возражала. После Пекина собственная самодостаточность уже не казалась ей столь безграничной. От неприятных воспоминаний ободранный локоть болезненно заныл, и она осторожно потеряла руку. Впервые ей пришла в голову мысль, что с охраной действительно будет спокойнее. Алена вспомнила рассказы о ситуациях, когда девушек силой выбрасывали из дорогих авто. До этого момента она была свято уверена, что подобные случаи могут происходить с кем угодно, но только не с ней.

– Виза не просрочена? – поинтересовался Рогожин.

Алена пролистала заграничный паспорт:

– Еще полгода.

– Хорошо. Полетишь завтра вечером прямым рейсом. Я сам займусь твоим вылетом. До тех пор без серьезной причины из дома ни ногой, понятно? – Рогожин вопросительно посмотрел на нее.

Алена послушно кивнула.

– Надо будет куда-то выехать, предупреди Виталия Федоровича. За рулем сама пока ездить не будешь, твою машину отгонят в офисный гараж. В случае чего охрана тебя отвезет, у подъезда дежурят три машины. И, Алена! – отец бросил на дочь строгий взгляд. – Чтобы никаких детских выходок, вроде попыток сбежать от охраны или глупо пошутить!

– Я все понимаю, папа! – обиженно вздохнула Алена. – Не надо относиться ко мне, как к бестолковому ребенку. Я буду придерживаться правил, это в моих интересах.

– Радует, что мы поняли друг друга, – ее ответ удовлетворил отца, – вот, держи, – он протянул ей новенький «Верту» и пару кредитных карт, – мы восстановили твою «Америкэн Экспресс Центурион» и номер мобильного.

– Так быстро?! – удивилась Алена, забирая кредитки. – Всего два дня прошло!

– Обижаешь отца, – улыбнулся Рогожин. – Этого времени ровно в два раза больше, чем требовалось.

– Ты сразу заблокировал старую и заказал новую! Как только я тебе позвонила? – догадалась Алена.

– Не я, – отец снова улыбнулся, – Виталия Федоровича благодари, он сориентировался мгновенно.

– Спасибо большое! – Алена посмотрела на генерала.

– Всегда к вашим услугам, – невозмутимо ответил тот и вновь замолчал.

Алена улыбнулась ему и принялась разглядывать свой новый «Верту», припоминая, что, сколько она помнит Виталия Федоровича, старый генерал никогда не говорил лишних слов и не делал лишних движений. Однако в нужный момент всегда оказывался рядом с отцом, словно тень. Да, отметила про себя она, старик был профессионалом с большой буквы, закалки еще старой советской школы. Только теперь она начала понимать, почему рядом с отцом всегда и везде был именно он, а не кто-то более подходящий по должности, например, бухгалтер, экономист или менеджер. Этому факту часто удивлялась не только Алена, но и многие в «Ай-Эм-Джи».

– Спасибо, папа! – Новый «Верту» понравился ей больше предыдущего.

– Пользуйся на здоровье, – отмахнулся Рогожин, – и больше не ходи одна. Кстати, ты предлагала Гуру нашу защиту?

– Да, но он был далеко от Москвы и не успевал вернуться до моего отъезда, – ответила Алена, – я обязательно уговорю его, как только вернусь из Штатов с документами. Думаю, он согласится, ему становится все труднее уходить от убийц «Выживания».

– Это было бы разумно, – сказал Рогожин, – пора прекратить эти интриги, и я намерен сделать это как можно скорее.

В Лос-Анджелес Алена прилетела рано утром. В поездке ее сопровождали два дюжих охранника, Андрей и Роман, назначенные лично Виталием Федоровичем. В аэропорту их уже встречал бронированный лимузин, специально присланный для нее друзьями Рогожина, за которым неотрывно следовал автомобиль с местными секьюрити.

Всю дорогу до отеля Алена разглядывала проносящийся мимо пейзаж. В прошлый раз она была в Лос-Анджелесе месяца четыре назад, но с тех пор здесь ничего не изменилось. Все те же нефтяные вышки и пальмы, стоящие вдоль дороги от аэропорта до города. Однако двадцать пять градусов тепла не могли не радовать, и Алена подумала, что у нее уже входит в привычку раз в сутки менять промозглую холодную Москву на что-то более приятное.

Разместившись в отеле, она сразу же проверила почту, но от Гуру никаких сообщений не поступало. Ей пришлось коротать время в номере, проверяя почтовый ящик каждые полчаса. Она достала серебряную монету, что дал ей Хань, и принялась внимательно рассматривать ее. Было видно, что доллар побывал в передрыге. Монета была деформирована, почти через весь аверс проходила глубокая застарелая царапина, на реверсе, в самом низу, был выдавлен маленький неправильный треугольник. Действительно приметная вещица, подумала Алена, захочешь такое подделать, не сразу и поймешь, что же именно является тайным знаком.

Гуру объявился только к обеду. Как и раньше, письмо пришло с незнакомого адреса и было традиционно лаконично. В нем указывалось место расположения небольшого мотеля на загородном шоссе, время – 15.00 и короткая инструкция: «Покажите монету дежурному на стойке и спросите, не хочет ли он ее купить. Поторопитесь. Гуру».

Спустя пятнадцать минут Алена уже была в машине. Друзья отца любезно организовали для нее бронированный «Мерседес», за рулем которого сейчас сидел Андрей. Рядом с ним расположился Роман с картами Лос-Анджелеса и Калифорнии в руках.

– Маршрут несложный, на месте будем вовремя, – коротко доложил он Алене, – даже с запасом.

– Надо подъехать как-нибудь незаметно, – попросила она, – чтобы не спугнуть человека. Если его довели до состояния, когда пугаешься собственной тени, он может не выйти на встречу, если увидит, что я приехала не одна.

– Если он не дурак, то заранее позаботится о том, чтобы увидеть, как именно вы приедете, – возразил Роман, – и наши попытки скрыть свое присутствие только усилят его подозрения. Наоборот, мы подъедем вполне

демонстративно и подвезем вас к самой двери мотеля. После этого так же демонстративно отъедем как можно дальше и остановимся так, чтобы из мотеля нас было хорошо видно. Ему будет спокойнее, если он сможет наблюдать за нашими действиями, держа нас на расстоянии.

Алена согласилась, подумав, что Роману виднее. В конце концов, это его работа, и в своем деле он профессионал, не даром же Виталий Федорович выбрал для поездки именно этих людей. Спорить не было смысла.

К мотелю они подъехали за четверть часа до назначенной встречи. Не доезжая с полкилометра до места, Андрей притормозил, и Роман выскользнул из машины. Едва дверь за ним закрылась, Андрей поехал дальше.

– Куда он? – удивилась Алена.

– На всякий случай. Проверить кое-что, – туманно ответил Андрей и замолчал.

Алена решила, что сейчас не время задавать лишние вопросы, судя по всему, ее охрана знает, что делает. Через десять минут телефон Андрея зазвенел. Охранник взял трубку, прослушал короткую фразу и коротко произнес:

– Принято. – Он отключился и, посмотрев на Алену в зеркало заднего вида, сообщил: – Чисто. Теперь можно ехать.

Они подъехали к мотелю, и Андрей остановил «Мерседес» перед входом в холл. Он коснулся кнопки на приборной панели. Пассажирская дверь автоматически распахнулась, и Алена вышла из машины.

В холле мотеля было пусто, лишь пожилой администратор скучал за стойкой. Едва Алена направилась к нему, как взгляд американца метнулся куда-то за стойку и тут же вернулся обратно.

– Желаете снять номер, мисс? – поинтересовался он.

– Нет, – ответила Алена, – но, возможно, вы сможете мне помочь? – она протянула ему серебряный доллар Ханя, – вы не желаете купить у меня эту монету?

Американец взял у нее доллар и повертел в руках, рассматривая. Его взгляд снова упал куда-то вниз.

– Нет, мисс, – он вернул ей доллар, – мне это ни к чему. Однако у нас есть один постоялец, он занимается нумизматикой. Возможно, ваша монета вызовет у него интерес. Попробуйте с ним поговорить. Он остановился в номере 19.

– Как я могу туда пройти? – спросила Алена.

– Это вон там, – администратор повернулся к окну и указал рукой

направление.

Воспользовавшись случаем, Алена привстала на цыпочки и заглянула за стойку. За ней оказался небольшой столик с рабочими бумагами, на котором лежала ее фотография.

– Спасибо, – поблагодарила Алена, – я обязательно с ним поговорю.

Она вышла на улицу и направилась к девятнадцатому номеру, ища глазами «Мерседес». Андрей припарковался на противоположной стороне дороги от мотеля и из машины не выходил. Алена нашла нужную дверь и постучалась. Несколько мгновений было тихо, и она постучалась снова, на этот раз более настойчиво.

– Просуньте монету под дверь! – раздался из-за двери тихий шепот. – Быстрее!

Алена торопливо выполнила требование неизвестного. Какое-то время за дверью стояла тишина, после чего заскрежетал замок, и дверь открылась.

– Входите! – Невысокий сухопарый человек в возрасте приоткрыл дверь едва на треть, пропуская Алену внутрь. – Вы приехали одна? – Он осторожно выглянул наружу, с подозрением оглядел улицу и сразу же запер дверь на замок.

– Нет, меня привез охранник, – ответила Алена заранее заготовленную фразу, – он ждет меня в машине. Черный «Мерседес» на другой стороне дороги, вы можете увидеть его через окно.

– Я знаю! – заявил незнакомец. – Но осторожность не помешает. В моем положении нельзя доверять никому.

– «Выживание» охотится за вами, как за Гуру с Ханем? – спросила Алена.

– С Гуру я не имею чести быть знакомым лично, но смею предположить, что за мной охотятся на порядок усерднее, чем за ними обоими! – ответил он.

– Полагаю, вы знаете, зачем я здесь, мистер... – Алена вопросительно посмотрела на него.

– Смит! – болезненно улыбнулся человек. – Зовите меня мистер Смит. Да, я знаю о цели вашего визита и о репутации вашего отца. И должен признать, что рад вашему появлению. Впервые за четыре года у меня появилась реальная возможность рассказать миру о том, что творится в лабораториях «Выживания». Я устал скрываться, в моем возрасте это очень тяжело не только физически... – Смит замолчал.

– Вы тоже находитесь в международном розыске? – догадалась Алена.

– Как и все мы, полагаю, – печально пожал плечами Смит. –

«Выживание» редко действует грубо, только если нет другого выхода. Имея марионеток в самых высоких кругах власти, они предпочитают избавляться от нас посредством закона. – Он грустно улыбнулся. – В моей лаборатории, например, нашли оборудование для производства тяжелых синтетических наркотиков и сами наркотики. Разумеется, нашлись и свидетели, подтвердившие, что я массово изготавливал крэк. Это произошло буквально на следующий день после того, как я заявил о намерении разорвать контракт с одной из биотехнологических корпораций «Выживания» и отказался не предавать огласке данные, прямо свидетельствующие о вреде трансгеников для человека.

– Вы работали на «Выживание»? – уточнила Алена.

– Да, – коротко ответил Смит, – я молекулярный биолог, имею докторскую степень сразу в двух ее областях. Я работал на них почти десять лет. Сначала в области фаст-фуда, а после меня грантовали на исследования трансгенной сои.

– Фаст-фуда? – переспросила Алена. – Все-таки «Выживание» имеет к этому отношение?

– На самом деле крупнейшие транснациональные биотехнологические, продовольственные, фармацевтические, финансовые компании – все это щупальца одного спрута, носящего имя «Выживание»! – заявил Смит. – Кампания по подчинению себе мира идет уже давно и успешно сразу по всем основным направлениям человеческих потребностей. Знаете, чем я занимался для фаст-фуда? Вкусовыми добавками. То, что получило название «натуральный ароматизатор». Именно они отвечают за то, что в фаст-фуде все так вкусно. Над тем, чтобы сделать отраву «фаст-фуда» вкусной и ароматной, работают целые лаборатории. Ведь ароматизаторы – это сложные химические конструкции. Запах земляники, например, это порядка 350 химикатов. Усилители вкуса, имитирующие вкус мяса, особенно широко используются в фаст-фуде. Наиболее известными представителями этого класса являются глутамат натрия, а также смеси глутаматов, инозинатов и гуанилатов. Сначала я занимался глутаматом натрия. Считается, что он имеет низкую токсичность. Но из-за чрезвычайной популярности продуктов, его содержащих, люди, питающиеся в фаст-фудах, особенно дети, получают его в избытке. И это именно то, чего добивается «Выживание». Большие дозы глутамата натрия способны вызвать расстройства сознания и психо-эмоционального состояния, особенно у детей и подростков. Это способствует развитию у детей невнимательности, гиперактивности, импульсивности. Ребенок становится неусидчивым, капризным и плохо управляемым. И тогда

медики ставят ему диагноз «Синдром дефицита внимания и гиперактивности». Этот диагноз был специально изобретен фармакологами «Выживания». А лечить СДВГ рекомендуется одним из продуктов фармацевтических корпораций все того же «Выживания» – препаратами группы «Риталин» – он же метилфенидат. Так вот, диагноз СДВГ только в США имеют уже более 6 миллионов школьников, и лекарство успешно распространяется по миру.

Смит сделал паузу и посмотрел в окно, проверяя обстановку на улице.

– Вот только у препарата имеются побочные эффекты: зрительные галлюцинации, мысли о самоубийстве, психоз, агрессия и буйное поведение. Многие дети, принимающие «Риталин», заканчивают свою жизнь самоубийством, и количество таких случаев растет.

А еще ни животные, ни люди не чувствуют разницы между «Риталином» и кокаином. Более 15 миллионов американцев злоупотребляют препаратами этой группы больше, чем наркотиками. А подростки, подверженные такому «лечению», в 12 раз более предрасположены к употреблению героина, в 14 раз – экстази и в 21 раз – кокаина. Вот такая нехитрая цепочка: кормите своих детей нашим «фаст-фудом», а после приходите за нашим «Риталином». Это не напоминает вам ситуацию с ГМ-культурами и «Раундапом»?

Он взял со стола початую бутылочку воды, отвинтил крышечку и сделал глоток.

– Потом мне предложили заниматься исследованиями ГМ-сои. Гранты оказались более чем щедрыми, и я согласился. Эксперименты были явно незаконными, но их научная ценность оправдывала этот риск. Интерес и важность исследований состояли в том, что опыты проводились не на лабораторных животных, а на людях-добровольцах. Ими стали нелегальные эмигранты из стран третьего мира, зачастую малограмотные, и за большие деньги они без колебаний соглашались на что угодно. Спектр исследований оказался весьма широким, заказчик хотел знать, каких последствий можно было ожидать от широкомасштабного применения в пищу ГМ-сои. Ведь в геном обычной сои при модификации внедрялся не только целевой ген, например, устойчивости к «Раундапу», но и масса побочных отрывков цепочек ДНК. Официально считалось, что все это – «технологический генетический мусор», не выполняющий никаких функций. В нашу задачу входило подтвердить или опровергнуть это, а также выяснить многие другие моменты. Размах исследований по-настоящему поражал. Особые ставки мы делали на главный эксперимент: в течение полугода кормили подопытные пары только продуктами на основе

трансгенной сои. После чего эти пары зачинали ребенка, и мы отслеживали развитие эмбриона.

Еще до того, как появились первые новорожденные, мы получили настораживающие результаты. Либидо мужчин во всех парах понизилось на 70–80 процентов, у трети подопытных развилась импотенция. У всех пар наблюдались различные аллергические реакции, иногда нервные заболевания и почти всегда изменения в иммунной системе. Поначалу мы были склонны не относить это на счет ГМ-сои, так как сама по себе любая соя, прямо скажем, достаточно сильно вредна для человеческого организма вообще и мужского в частности. Дело в том, что в сое содержатся так называемые изофлавоноиды, которые по своей структуре близки к эстрогенам, женским половым гормонам. Поступая в организм, они могут нарушить работу системы гормональной регуляции половых функций, а также оказать определенное влияние как на мужской, так и на женский организм. Соя содержит в себе практически все нужные человеку белки, а также множество других полезных веществ, но, к сожалению, одновременно она содержит максимальное количество эстрогенов в сравнении с другими продуктами. Поэтому практически вся еда, при приготовлении которой используется соя, содержит эстрогены. Это касается и пиццы, и замороженных полуфабрикатов, в которые тоже практически всегда добавляется соя. А эффект эстрогенов, как я уже сказал, далеко не столь однозначен. Поэтому мы поначалу не стали делать ожидаемых выводов.

А с развитием эксперимента ситуация только ухудшилась. Оказалось, что чужеродная ДНК трансгенной пищи способна попадать в ядра клеток человеческих эмбрионов. Первые мутации были выявлены еще во время внутриутробного периода. Врожденные уродства были зафиксированы у половины подопытных эмбрионов, четыре процента из которых погибло еще до рождения. После появления на свет младенцев стало ясно, что положение дел еще ужаснее. Новорожденные рождались не только с внешними уродствами, у подавляющего большинства младенцев были зафиксированы тяжелые заболевания щитовидной железы и необратимые изменения в иммунной системе. Шестьдесят процентов новорожденных имели низкую активность головного мозга, связанную с катастрофическими нарушениями в его развитии, а также серьезные дефекты нервной системы. Иными словами, эти младенцы появились на свет умственно неполноценными и полностью недееспособными.

Смит снова приник к окну.

– У меня сегодня с самого утра недоброе предчувствие... – тихо

пробормотал он себе под нос.

На этот раз он осматривал улицу довольно долго, словно чувствовал некую беду. Со стороны пожилой ученый больше походил на загнанного дикого зверя, чем на доктора наук. Поразительно, что он все еще жив, подумала Алена. Так долго быть бомбой для «Выживания» и уцелеть – тут мало одной скрытности, требуется огромная доля удачи. Она терпеливо ждала, когда он убедится в своей безопасности. Однако сказанное Смитом настолько поразило ее, что она была вынуждена признаться себе, что не может заставить себя поверить ему на слово. Тут нужны не просто доказательства, тут требуются обоснованные научные данные...

Тем временем Смит немного успокоился и отошел от окна.

– Это... ужасно! – произнесла Алена, глядя на него. – Просто немыслимо! Мне сложно в это поверить...

– Ужасно не это, а будущее, которое ожидает наших детей и внуков! – жестко оборвал ее Смит. – И «Выживание» никогда не откажется от своих проектов, а значит, никогда не откроет данных об опасности их трансгенного детища. На их стороне деньги и власть, купленные чиновники, марионеточные правительства. Следующим шагом будет создание генного оружия. Разработки уже ведутся. Представьте себе генномодифицированный вирус или бактерию, устойчивую к современным средствам лечения, которая распространяется по миру и уничтожает людей со строго определенными генетическими признаками, например, блондинов с голубыми глазами. Или только арабов. Или только азиатов. Заражает их какой-нибудь неизлечимой болезнью. Теоретически это под силу генной инженерии, осталось лишь добиться успехов на практике. Несколько месяцев назад Экарт Уилмер из университета Стони Брук, расположенного в Нью-Йорке, опубликовал свои работы. Он успешно синтезировал вирус полиомиелита из кусочков молекул. Причем синтетический вирус по всем параметрам оказался неотличим от естественного: размер, поведение, заразность – все совпадает!

Ученый взял бутылку с водой и сделал еще пару глотков. Его руки заметно тряслись.

– Я располагаю доказательствами, – продолжил он, – что «Выживание» ведет исследования, направленные на создание трансгенных зерновых культур со скрытыми конструкциями, несущими гены токсинов, поражающих человека по генетическому признаку. Такие зерновые культуры могут быть вполне безвредно засеяны, выращены и проданы в любой стране. Так как конструкция будет создана на основе мобильного элемента, легко образующего экстрахромосомные копии, то она является

хорошим вектором для переноса в бактериальный геном, в том числе в бактерии кишечной флоры человека – кисломолочные, кишечную палочку и другие. Такая конструкция начнет убивать только после попадания в кишечную бактерию, которая обеспечивает «внутренний источник» поступления яда. И яд этот будет опознать чрезвычайно трудно, так как патогенами выступают нормальные бактерии – симбионты человека.

Смит посмотрел на нее в упор:

– Вы понимаете, о чем я говорю?

– Не очень, – призналась Алена. – Ваша последняя выкладка была слишком сложной. Боюсь, я не смогла...

– Никто не сможет понять, откуда пришла болезнь или смерть! – перебил ее Смит. – Вот что это значит! Потому что яд получится только после того, как вы съедите это зерно или продукты из него! Трансгенные конструкции в вашем кишечнике соединятся с геномом ваших же кишечных бактерий, и возникнет яд! Как на уроке химии, когда две безвредные жидкости, слитые в одну пробирку, вдруг начинают кипеть! Теперь понимаете?! Так «Выживание» планирует избавляться от тех, кто не пожелает покориться. Тихо и без лишних выстрелов. И никто не поймет, откуда пришла беда...

Внезапно у Алены зазвонил телефон, и Смит мгновенно насторожился.

– Не снимайте трубку! – воскликнул он. – Нас могут отследить по звонку!

Алена посмотрела на определитель. Звонил Роман, номера телефонов своих охранников она записала еще в Москве.

– Это свои, – успокоила Алена ученого, – это мой телохранитель. – Она нажала на кнопку ответа: – Алло?

– Алена Викторовна, к мотелю на большой скорости приближается колонна автомобилей ФБР! – скороговоркой сообщил Роман. – Они начинают блокировать периметр, надо срочно уходить! – Он отключился.

– В чем дело?! – вскинулся Смит. – Что он сказал?

– Сюда едет ФБР, они начали окружать отель! – растерянно сообщила ему Алена.

– Они все-таки добрались до меня, – неожиданно спокойно произнес ученый. – Что ж, рано или поздно это должно было произойти.

Он вскинул голову и посмотрел на Алену. Его глаза вспыхнули почти юношеским огнем.

– Но скоро они поймут, что слишком поспешили праздновать победу! – заявил он, мстительно улыбаясь.

Смит снял с шеи металлическую цепочку и протянул ее Алене.

– Возьмите! – Цепочка была продета через небольшой ключ. – Это ключ от камеры хранения в «Юнион Стэйшн». Там, внутри, вы найдете дипломат. В нем все: результаты экспериментов, видеозаписи, лабораторные журналы, жесткий диск с данными, рабочая документация. Опубликуйте это, и пусть «Выживание» подавится своей трансгенной отравой!

Он бросился к двери и принялся торопливо отпирать замок.

– Я их отвлеку, они не сразу поймут, что документы у вас. – Он на мгновение замер и посмотрел на нее: – Теперь это ваша ноша.

Смит выскочил на улицу и захлопнул дверь. Алена увидела, как он пробежал мимо окна и скрылся, довольно быстро для своего возраста. Спустя полминуты где-то недалеко раздался звук заводящегося автомобиля, сменившийся удаляющимся ревом мотора. Еще через несколько секунд по дороге вслед за ним промчалась целая кавалькада автомобилей с мигалками. Еще с десятков машин остановились перед мотелем, и из них начали выскакивать вооруженные люди в бронежилетах с аббревиатурой «ФБР». Алена сорвала с руки сумочку и принялась быстро копаться в ее содержимом. Она достала ключи от квартиры, сорвала с шейной цепочки ключ от камеры хранения, торопливо оторвала от него бирку с номером, и быстро прицепила ключ на кольцо домашней связки ключей. Спрятав ключи обратно в сумочку, Алена бросилась в ванную комнату, на ходу заучивая номер камеры хранения, выбитый на оторванной бирке. Она заперлась в ванной, бросила в унитаз бирку и цепочку и нажала на слив. Вода в унитазе забурлила, и Алена несколько секунд терпеливо ждала, чтобы убедиться в том, что никаких следов не осталось. На всякий случай она нажала на слив еще раз. После этого Алена вымыла руки и вышла из ванной. Едва она открыла дверь, как раздался вопль «Freeze!!!» и все вокруг заполнилось агентами ФБР.

Агенты принялись обыскивать номер, у Алены отобрали сумочку и вывели наружу. В конце улицы происходило целое столпотворение: сотрудники ФБР зажали своими автомобилями машину Смита со всех сторон и теперь вытаскивали его из авто. Ученый не сопротивлялся, лишь его взгляд мельком скользнул по Алене и тут же ушел в сторону. Никто из агентов этого не заметил. Алену провели к стоящей неподалеку служебной машине и усадили внутрь. Она осмотрелась, пытаясь через окна наблюдать за происходящим. Спустя минуту в стоящий рядом автомобиль посадили Смита, закованного в наручники, еще Алена успела заметить, что Андрей и администратор мотеля также арестованы. Только Романа нигде не было

видно. Вскоре большая часть агентов расселась по машинам, и ее повезли в город.

К тому моменту, когда Алену доставили в участок, там уже дожидались адвокаты. Как выяснилось позже, агентам ФБР найти Романа не удалось, и он оперативно предупредил о случившемся Рогожина. Тот сделал звонок, и знаменитая адвокатская контора, представляющая его интересы в Штатах, сработала раньше, чем ФБР успело среагировать. В присутствии адвоката Алена ответила на вопросы следователя, изложив уже привычную версию событий: она журналист и приехала к Смит, откликнувшись на его предложение дать некое сенсационное интервью. Ранее она со Смитом знакома не была, ничего о нем не слышала, его настоящего имени и рода занятий не знает. Ей поморочили голову вопросами еще час, после чего отпустили, попросив не покидать город без согласования с ФБР. Перед уходом ей вернули вещи, и Алена проверила содержимое сумочки. Ключ Смита был на месте, ее уловка сработала.

Всю дорогу до отеля у них на хвосте висел незнакомый автомобиль. Представитель адвокатской конторы объяснил, что это агенты ФБР, и они, скорее всего, не снимут с нее наблюдения до самого отъезда. А он еще неизвестно когда состоится. По прибытии в отель оказалось, что агенты в штатском дежурят в холле, даже не скрывая своего присутствия, и Алене пришлось отказаться от первоначального плана съездить на вокзал. Она вернулась в номер и некоторое время приводила себя в порядок, после чего позвонила Андрею и попросила зайти к себе. Когда охранник появился, она спросила, известно ли ему, что случилось с Романом. Оказалось, что тот ушел от агентов незамеченным и самостоятельно добрался до отеля. Это ее успокоило, и весь оставшийся вечер Алена обдумывала, как лучше добраться до камеры хранения.

Однако события приняли неожиданный оборот. На следующий день к ней явился адвокат и сообщил неприятные новости. Во-первых, ФБР не имеет к госпоже Шаройкиной никаких претензий, и она может быть совершенно свободной. Во-вторых, ей настоятельно рекомендуется покинуть Соединенные Штаты, иначе в дальнейшем у нее могут возникнуть серьезные проблемы с получением визы. От себя адвокат добавил, что это требование лучше выполнить как можно скорее, пока у следователей внезапно не возникли к ней новые вопросы по делу об аресте наркоторговца Смита. Адвокатская контора уже взяла ей и ее спутникам авиабилеты на завтрашний рейс до Москвы. И, в-третьих, как ему наметкнули из своих источников в ФБР, скрытое наблюдение за ней снято не

будет. Кое-кто в ФБР считает, что Алена все-таки связана со Смитом и может попытаться вывезти из Штатов что-либо незаконное. Скорее всего, досмотр в аэропорту перед вылетом будет проводиться с особым вниманием. Изложив известия, адвокат передал Алене авиабилеты и откланялся.

Алена вызвала охранников и коротко сообщила новости, после чего полдня проездила по магазинам. Хвост обнаружился практически сразу, агенты даже не пытались скрывать своего присутствия. Дважды сыщики менялись, но положение дел оставалось прежним – за ней неотступно следило не меньше двух автомобилей. К вечеру стало ясно, что в сложившейся ситуации попасть к камерам хранения незамеченной невозможно. Времени оставалось мало, надо было что-то делать, и делать быстро. За ужином она коротко рассказала охранникам о возникшей проблеме.

– Мне обязательно нужно попасть к этой камере хранения до отлета! – Алена досадно поморщилась. – Я должна привезти этот дипломат в Москву! Только как это сделать? Фэбээровцы отнимут его у меня прямо на вокзале!

Охранники переглянулись.

– Я могу забрать дипломат, – предложил Роман, – пока вы с Андреем будете водить их по городу перед отлетом, я съезжу на вокзал и вскрыю камеру, если вы не против.

– Но они следят за всеми нами! – отметила Алена. – Вас могут выследить, а мы не можем потерять дипломат, столько хороших людей уже погибло из-за всего этого!

– Ну, это не проблема, – коротко улыбнулся Роман, – избавиться от такого немудреного хвоста я смогу.

– Подтверждаю, – кивнул Андрей, – следят за нами больше для проформы. Уйти реально.

– А что потом? – пожала плечами Алена. – В аэропорту все равно нас будут ждать.

– Это решаемо, – ответил Роман, – билеты уже куплены, так? На нас всех?

Алена кивнула.

– Вот и хорошо, – продолжил он, – завтра в Москву идут два рейса. Я заберу дипломат и сразу же вылечу самым ранним. А вы полетите по расписанию. Мой билет не сдавайте, чтобы не привлекать внимания. Когда они опомнятся, я буду уже в воздухе. Ну а дома меня встретят.

Алене план понравился. Гора с плеч, подумала она, молодцы ребята,

стоило сразу ввести их в курс дела. Они обсудили детали и разошлись по номерам. Рано утром Алена отдала Роману ключ и записку с номером камеры хранения. Тот ушел, и ей оставалось только ждать результатов. До самого отъезда в аэропорт от Романа не было никаких известий, и Алена начала нервничать. Нервное напряжение усиливалось с каждым часом, и она пыталась успокоить себя мыслью, что в данный момент от нее ничего не зависит, вся надежда на Романа. На душе скреблись кошки, и витало ощущение чего-то не то забытого, не то недопонятого. Время вновь текло слишком медленно. Они уже ехали в аэропорт, когда мобильный Андрея коротко звякнул. Он прочел сообщение и посмотрел на Алену:

– Все в порядке. Он в самолете, дипломат с ним. Самолет уже начинает разгон.

Алена облегченно вздохнула. Слава богу, впервые с начала этого расследования все обошлось без трагедий. На душе сразу стало легко, тяжелые мысли отошли на второй план, и она принялась наблюдать за фэбээровцами, усердно сидящими у них на хвосте.

Агенты вели их до самой зоны предполетного контроля, но, вопреки ожиданиям, досмотр прошел как обычно, без каких-либо эксцессов. Никто не задал ей нестандартных вопросов и не проявил излишнего внимания. Видимо, враги поверили в то, что она не успела получить от Смита документы, и оставили ее в покое. Но окончательно успокоилась Алена только тогда, когда бортпроводники зарыли люки и самолет начал руление. Она испытывала почти детскую радость, понимая, что уже очень скоро «Выживание» столкнется с определенными проблемами с выживанием, и эта мысль ее особенно радовала. Настала пора заплатить за Стасика, за сестер Гуру и Ханя, за Свами, и за десятки тех, кого перемололи жернова алчущих власти «будущих хозяев мира». Она подумала, что отец наверняка найдет способ доказать невиновность Смита, и старому ученому не придется долго смотреть на небо через тюремную решетку.

Алена не выдержала и украдкой от стюардесс включила мобильный. Она нашла номер Гуру, выделенный ей для экстренной связи, и сделала звонок. Уж очень хотелось принести ему радостную весть. Автоответчик мобильного оператора вежливо оповестил ее, что «набранный вами номер не существует». Алена вздохнула. Ведь договаривались же, что до первого звонка номер будет работать. Что ж, ладно. Гуру, конечно, временами явно переигрывал с конспирацией, но его можно было понять, человек столько пережил...

В этот момент появилась стюардесса и застала ее с телефоном в руках. Пришлось извиниться и выключить мобильный. В целом настроение у нее

было приподнятое, к середине полета ей даже удалось заснуть, и тринадцатичасовой перелет прошел более или менее сносно.

Едва самолет коснулся посадочной полосы, Алена включила мобильный. Первым делом она на всякий случай повторила звонок Гуру, все так же безрезультатно, после чего позвонила отцу.

– Как долетела, путешественница? – поинтересовался Рогожин. – Ты уже ощущаешь самолет своим вторым домом?

– Да уж, – фыркнула Алена, – мне эти кресла уже ночью снятся. – Она услышала, как тихонько пискнул гудок второй линии. – Роман прилетел?

– Привыкай, такая наша доля – жить в самолетах, – философски изрек Рогожин, – дипломат у меня в целости и сохранности. Ты отлично справилась. Сейчас тебя отвезут домой, отдохни, позанимайся собой, вечером встретимся и все обсудим.

– Хорошо, – согласилась она, – тогда до вечера. Удачного дня!

Рогожин пошутил, что день практически уже весь вышел, и повесил трубку. Алена посмотрела на дисплей мобильного. Пока она разговаривала, пришло одно новое сообщение. Она нажала на кнопку. Сообщение с неизвестного номера гласило: «Поздравляю. Встречу в аэропорту. Гуру».

И как только он узнал? Алена была удивлена не меньше, чем во время своего первого разговора с Гуру. Впрочем, скоро он сам ей об этом расскажет. В этот момент подали трап, и Алена покинула борт самолета.

Но Гуру среди встречающих не оказалось. Алену встречала пара охранников из службы Виталия Федоровича, которые сообщили, что машина ждет и можно ехать. Она подумала, что Гуру мог попасть в пробку и опаздывает, и решила подождать. Но Гуру не появлялся. Тогда она попробовала позвонить по номеру, с которого пришла смс, но номер оказался недоступен. В голову пришла запоздалая мысль, и Алена посмотрела на время, которым была отмечена смс от Гуру. Выходило, что сообщение было принято почти четыре часа назад. Ерунда какая-то, подумала Алена, четыре ча-са назад она находилась в самолете. Опять родная сотовая связь тупит. В любом случае ждать неизвестно чего не имело смысла, и Алена распорядилась выезжать.

Сидя в машине, она смотрела на дорогу невидящим взглядом, думая о своем. Дело сделано, но почему-то настроение было совсем паршивое. Она даже не могла сама себе объяснить, почему именно. Какая-то тень смутно давила на подсознание, никак не желая приобретать конкретный образ. И вдобавок Гуру не вышел на связь. Теперь будет скрываться неизвестно сколько еще, даже не зная, что драгоценные доказательства уже лежат в офисе отца. И все-таки, почему он не приехал? Может, в пробке застрял

все-таки? Немудрено тут застрять! Пробка на встречном направлении движения действительно была огромной. Плотная масса машин еле двигалась, неторопливо перемешивая колесами падающий с хмурого неба снег.

– Давно так? – спросила она водителя, кивнув на встречную полосу.

– Давно, – ответил тот. – Сюда ехали, уже стояло. – Он вдохнул. – Это еще что, здесь хоть немного шевелится, а дальше вообще кошмар. Мы три часа добирались.

– А в чем дело? – удивилась Алена. – Вроде бы еще не время. Или авария?

– Угу, – хмуро кивнул водитель, – фура груженная в «Ладу» вошла на полном ходу. «Лада» – в лепешку. Месиво просто... – Он коротко ткнул в окно. – Да вот они стоят, не растащили до сих пор.

Алена проследила взглядом за его рукой и опустила залепленное мокрым грязным снегом дверное стекло. Поперек дороги, перегораживая собой почти все полосы, стояла огромная фура, прямо перед которой лежала искореженная груда металла вишневого цвета. Все вокруг было засыпано би-тым автомобильным стеклом и густо залито вытекшими маслами. Узнать в этой изувеченной железной лепешке старенькую «семерку» удалось не сразу. Прямо из нагромождения смятого железа как-то нереально, будто в последний момент добавленные неумелым художником на бездарное полотно, высывались висящие на веревочке пушистые игральные кубики – талисман. Некогда белая поверхность была густо пропитана чем-то красным и лениво шевелилась под порывами осеннего ветра.

Алена, словно во сне, провожала взглядом удаляющуюся картину.

– Алена Викторовна, может лучше зарыть окно? – осторожно предложил охранник, – а то продует вас...

Она молча нажала на кнопку электроподъемника и решительно сказала водителю:

– Везите меня к отцу.

– Виктор Александрович приказал домой... – начал было водитель.

– Я сказала – едем к отцу в офис, – срывающимся голосом повторила она.

– Но...

– Ты что, не понял?! – заорала Алена. – Вези меня немедленно к Рогожину, идиот, не то вылетишь с работы к чертовой матери прямо сейчас!

Водитель вздрогнул, не ожидав столь резкой перемены, и молча кивнул.

Алена буквально ворвалась в отцовскую приемную и решительно направилась к двери в его кабинет. Секретарша попыталась было протестовать, но Алена лишь злобно зашипела на нее и, не останавливаясь, вошла в кабинет. У Рогожина шло совещание.

– В чем дело? – недовольно посмотрел на нее отец. – Что ты себе позволяешь, Алена, где твои манеры?

– Скажи, зачем ты его убил? – флегматично поинтересовалась она. – Это было так необходимо? Ты ведь уже получил что хотел.

Рогожин окинул присутствующих злобным взглядом:

– Продолжим позже. Все свободны, – произнес он таким тоном, что кабинет опустел в считанные мгновения.

Рядом с отцом, как всегда незаметно, обнаружился Виталий Федорович.

– Он долгое время был занозой и все равно не прекратил бы свою бесполезную мышиную возню, – пожал плечами Рогожин, – и потом, воровать чужое нехорошо, разве ты не знаешь?

– А убивать десятки людей и травить миллионы трансгенной дрянью – это, по-твоему, хорошо? – саркастично усмехнулась она.

– Перестань, – поморщился отец, – ты уже не ребенок и должна прекрасно понимать, что эти самые миллионы – это ничто. «Все» – означает «никто». Толпа – это стадо. Причем тупое. И оно ничего не значит. – Рогожин брезгливо поморщился. – Лучше расскажи, как ты догадалась?

– Я звонила Гуру перед вылетом из Штатов, но его номер уже был заблокирован. А как приземлилась, получила смс от него о том, что он будет встречать меня в аэропорту. Вот только время получения там стояло странное, я в это время была в самолете. Я сперва решила, что это ошибка сотовой связи, – она печально улыбнулась. – Только ведь это не было ошибкой. Твои люди вскрыли мой почтовый ящик и узнали его номер, или просто вездесущий Виталий Федорович запомнил его еще тогда, вечером перед вылетом, в моей квартире? Вы связались с ним от моего имени и назначили встречу, он поверил и раскрылся. Тут-то вы его и убили. Тебе ведь именно для этого был нужен тот пекинский спектакль с ограблением? А я еще думала, повезло мне, что серьги вместе с ушами не вырвали. Вам потребовалась моя сим-карта и индивидуальный номер телефонной трубки, IMEI, ведь так? Вы сделали с сим-карты клон и отправили Гуру смс с моего телефона. Чтобы он ничего не заподозрил. Надо же было как-то его выманить! А что, уважаемый Виталий Федорович не нашел другого

способа? – Она насмешливо посмотрела на генерала.

Тот невозмутимо молчал.

– Этот способ был вполне приемлем, – ответил за него Рогожин, – к тому же твой Гуру был слишком осторожен и вдобавок, к нашему сожалению, имел богатый опыт работы в МВД. Опер, старший опер, затем управление «Р», потом управление «К» – в общем, с ним пришлось повозиться.

– А Стасик тебе чем не угодил? – все так же спокойно поинтересовалась Алена.

– Только такой наивный идеалист и дурачок, как Орешников, мог войти в доверие к Гуру и при этом не спугнуть его, – хмыкнул Рогожин. – К сожалению, он оказался слишком ретив, едва получил копии материалов, как тут же посреди ночи собрался везти их в типографию, сдавать в набор. Кстати, переполошил ночными звонками многих серьезных людей. Сам виноват.

– Значит, я тоже идеалистка и наивная идиотка, раз ты позволил мне вести его дело дальше? – наигранно обрадовалась Алена.

– Не паясничай, – поджал губы Рогожин, – ты сама взялась за это, я тебя не заставлял. К тому же кто мог подумать, что Гуру тебе поверит? Я даже предположить не мог, что у тебя есть свойство так легко входить в доверие к абсолютно посторонним людям! Ты далеко пойдешь! – Он улыбнулся. – А потом уже было поздно, коней на переправе не меняют.

– Понимаю, – покивала Алена, – тебе ведь даже не Гуру был нужен, ты искал Свами и Смита, ведь так? И люди, которые следили за мной в Лос-Анджелесе после задержания, были вовсе не из ФБР. И адвокат рассказывал мне сказки по твоему указанию.

– Я рад, что ты выросла умной девочкой, – одобрил Рогожин. – Но все немного не так. Гуру, китаец, индус – все это мелочь, которой мы дали возможность объединиться и почувствовать себя борцами за правду. Мы так иногда делаем, чтобы такие, как они, сами обнаруживали себя. Как мотыльки, которые начинают добровольно лететь в огонь, если ночью зажечь свечу. Китаец, правда, ушел. Если он и монах, то точно не в Пекине, но это уже не имеет значения. Наша цель достигнута, мы нашли Смита. Вот кто был по-настоящему опасен. Он со своими данными ежегодно обходился нам почти в миллиард. Это мешает бизнесу.

– А то, что из-за вашего ГМО через несколько поколений в мире начнут рождаться миллионы уродов, не мешает бизнесу? – воскликнула Алена.

– Алена, не надо торжественных речей, – отмахнулся Рогожин, –

неужели ты не понимаешь? Это ведь не просто бизнес, ежемесячно приносящий миллиарды. Это путь к власти. К неограниченной власти над миром. Кто-то же должен управлять всем этим безмозглым многомиллиардным стадом, пока оно не уничтожило само себя? И наша цель уже близка. План начинали еще наши предки, а закончат наши внуки. Твои дети, Алена, и дети таких, как ты, будут владеть этим миром.

– Скажи, а ты не боишься, что этим самым детям к тому времени уже будет нечем владеть? – усмехнулась Алена. – Ваша трансгенная дрянь пожрет природу, а мутации уничтожат человечество. Кем же они тогда будут управлять? Друг другом?

– Опять ты за свое! – недовольно скривился Рогожин. – Все не так фатально. На нас работают лучшие ученые, которым мы обеспечили лучшие условия. Со временем технологии станут менее непредсказуемыми. Как только глобальная цель будет достигнута, мы займемся выравниванием ситуации. Так или иначе все образуется, этим займутся наши дети, у нас же другие задачи. Мы близки к цели, и неразумно останавливаться на достигнутом. И я возлагаю на тебя большие надежды!

– О! Я польщена! – оценила Алена. – Избранное для избранных, да? Меня примут в ряды убийц, не разменивающихся на мелочи. Мы оперируем целыми поколениями! Ешьте, дети, ГМО, будете здоровы!

– Прекрати! – вспыхнул Рогожин. – Не будь столь глупа! Ты что, собираешься отказаться от моего предложения? И что ты сделаешь? Пойдешь организовывать борьбу против «Выживания»? Откроешь миру глаза, рассказывая жуткие сказки?

– Как знать, быть может, мои сказки и вправду откроют глаза людям? – усмехнулась она. – Или мне ты тоже устроишь несчастный случай? Интересно, если твои заграничные хозяева отдадут тебе такой приказ, ты подчинишься сразу или будешь колебаться еще минут пятнадцать?

– Зачем? – хмыкнул Рогожин. – Ты не в состоянии причинить нам вреда. Ты способна только сильно разочаровать меня лично.

– О! Я разочарую тебя еще сильнее, когда опубликую все, что мне известно! – воскликнула она.

– Где? – улыбнулся Рогожин. – В государственных изданиях? – Он покачал головой. – Не выйдет. Мы имеем рычаги на самых высоких уровнях, так что они не станут тебя публиковать. – Он с интересом посмотрел на нее. – Или же ты рассчитываешь на независимые издания? Тогда позволю себе напомнить: все они принадлежат нам. Неужели ты думаешь, что мы настолько беспечны, чтобы выпускать масс-медиа из-под надзора? Оглянись вокруг. Все независимые журналисты, откапывающие

что-то сенсационное, приходят сюда после того, как их пнут в остальных местах. – Рогожин улыбнулся. – Кстати, очень удобно. Не надо выискивать излишне ретивых и любопытных – они приползают ко мне сами и еще очень этому рады. – Он коротко развел руками, глядя на нее. – Так что максимум, что тебе светит, это третьеразрядная желтая газетенка. Только они готовы печатать любую чушь. Но без доказательств это ничто.

– Посмотрим! – заявила Алена. – Одно доказательство у меня все же есть. И очень скоро ты о нем узнаешь из газет!

– Не думаю, – вздохнул Рогожин. – Лучше не начинай толочь воду в ступе, неблагодарное это занятие. Денег не приносит, одни только шишки.

– У тебя слово «деньги» в каждой фразе! – презрительно поморщилась она. – Это все, что вас интересует. Ради денег вы готовы пожертвовать целыми поколениями! И даже будущим всех людей!

– Не ради денег, – терпеливо поправил ее Рогожин, – нас интересует власть, а деньги требуются для того, чтобы власть получить. Это очень долгий и кропотливый процесс. – Он встал из-за стола и сделал решительный жест: – Хватит играть в слова. Я в последний раз предлагаю тебе одуматься.

– Я уже одумалась, – брезгливо ответила Алена, – я не желаю участвовать в этой грязи и сделаю все, чтобы помешать вашему жуткому «Выживанию».

Она развернулась и направилась к двери.

– Учти, – донеслось ей вслед, – если ты сейчас выйдешь отсюда, ты выйдешь навсегда. У меня больше не будет дочери.

– Я учту! – не оборачиваясь, ответила Алена и вышла из кабинета.

К Институту Биологии Развития РАН она подъехала к шести часам вечера. Баранов еще был на рабочем месте, в своей крошечной лаборатории, и возился с бесчисленными пробирками.

– Добрый вечер, Алена Викторовна! – улыбнулся ей ученый. – Что-то вы припозднились сегодня.

– Вы тоже, Александр Сергеевич, домой не торопитесь, – улыбнулась в ответ Алена, – работа не отпускает?

– Я уже собираюсь уходить, – отмахнулся Баранов, указывая на лабораторный материал, – жду факс от моих коллег из американского «Гринписа», вот и решил скоротать время. Чем могу помочь? – Он придвинул ей старенький стул. – Угостить вас чаем или кофе?

– Нет, спасибо, – покачала головой Алена, – я по делу. Помните наш телефонный разговор насчет новой экспертной комиссии? Вы еще сказали,

что на ее рассмотрение будут представлены те же самые сорта ГМ-картофеля компании «Монсанто», которые запретил к обращению в России прежний состав комиссии?

– Разумеется, помню, – кивнул ученый.

– Заседание уже состоялось? – заторопилась Алена. – Документы уже выданы? Работы начались? Как я могу встретиться с членами комиссии?

Она достала ручку с блокнотом и решительно заявила:

– Я планирую опубликовать в открытой печати информацию о том, что должностные лица неприкрыто пытаются продвигать уже запрещенную ГМ-продукцию своих западных хозяев!

– К сожалению, Алена Викторовна, это невозможно, – покачал головой Баранов.

– Как?! – опешила Алена. – Почему?

– Заседание должно было состояться сегодня, – ответил ученый, – но, как нам сообщили из министерства природопользования, вчера в 19.00 компания «Монсанто» в срочном порядке отозвала свои документы.

С минуту Алена молчала, обдумывая услышанное. Значит, «Выживание» снова победило. Оно всегда побеждало и собиралось побеждать и дальше. Бороться с таким могущественным монстром одному человеку было не под силу. Но просто сидеть и молчаливо наблюдать, как оно повсюду запускает свои щупальца, она не собиралась.

– Александр Сергеевич, – сказала она ученому, – с этим надо что-то делать. Вряд ли можно остановить нашествие транснациональных корпораций усилиями разрозненных энтузиастов. Что вы скажете, если я предложу создать ассоциацию? Общенациональную ассоциацию, которая бы занималась генетической безопасностью страны и могла официально объединить всех, кому небезразлично наше будущее и судьба наших детей, внуков и последующих поколений?

– Я скажу, что это разумная мысль, – немного подумав, ответил Баранов, – и более чем своевременная. Я могу гарантировать, что вдвоем мы не останемся, в наши ряды встанут многие достойные ученые и просто заинтересованные люди. Это прекрасная идея.

– Тогда решено, – констатировала Алена, – я займусь подготовкой и сбором документов. Это будет общенациональная ассоциация генетической безопасности, которая должна официально бороться с ГМО и везде и всюду требовать его запрещения. Мы должны привлечь внимание широких масс, потому что, как я уже убедилась, самое действенное оружие биотехнологических корпораций – это человеческое безразличие! Никто ничем не интересуется, все слишком поглощены собой и не обращают

внимания на то, что происходит вокруг!

В этот момент старенький факс щелкнул и затрещал, распечатывая принимаемое сообщение. Баранов ловко оторвал листок с напечатанным текстом и пробежал по нему глазами.

– Вот, ознакомьтесь, – он протянул ей распечатку факса, – лишнее доказательство того, что работы у нас – непечатый край.

Алена взяла из рук ученого распечатку и внимательно прочитала сообщение. Текст гласил:

«По данным американского отделения „Гринпис“, в применении ГМО подозреваются компании:

Hershey's, Cadbury (Fruit & Nut), Mars (M&M, Snickers, Twix, Milky Way, рис Uncle Bens), Coca-Cola (Coca-Cola, Sprite), PepsiCo (Pepsi, 7-Up), Nestle (шоколадный напиток Nesquik, детское питание), Abbot Labs (детское питание Similac), Danon, Heinz, а также сухие завтраки Kellogg's, супы Campbell, соусы Knorr, печенье Parmalat, приправы к салату Hellman's.

Кроме того, продукт, скорее всего, содержит ГМО, если в его составе имеется растительный белок, либо растительные добавки:

3 #В рецептуре указано наличие сои или растительного белка.

3 ##Содержит кукурузу или муку из нее (кроме венгерской консервированной кукурузы, так как в Венгрии ГМО запрещены законом).

3 #Содержит заменители сахара аспартам (E951) или фенилаланин.

3 #Либо написано, что не содержит сахара, а на вкус – сладкий.

3 ##Содержит цикорий.

3 #Содержит рибофлавин (E101, E101 A) – добавляется в каши, безалкогольные напитки, детское питание, продукты для похудения.

3 #Содержит карамель (E150), ксантан (E415), лецитин (E322) – в шоколаде, детском питании.

3 #Также добавки E153, E160d, E161c, E308-9, E471, E472a, E473, E475, E476b, E477, E479a, E570, E572, E573, E620, E621, E622, E633, E624, E625 – особенно часто добавки этой группы содержит кетчуп».

Часть вторая

Нью-Йорк, 2 октября 2053 года, 12.45, время местное

Огромный «Кадиллак» подкатил к служебному входу в ресторан и плавно остановился. Водитель, как всегда, забыл оперативно нажать на кнопку разблокировки центрального замка, и Дэйву пришлось тратить лишнюю секунду на открытие двери. Каждый раз в такие минуты Дэйва посещала одна и та же мысль: Кинли делает это по глупости или специально, чтобы досадить ему? Дэйв недовольно покосился на водителя и быстро выскочил из машины, стремясь не заставлять босса долго ждать. Он в два шага оказался у задней двери и распахнул ее. Босс, кряхтя, принялся вытаскивать из машины свое тучное тело.

– Скверный сегодня день, Дэйв, – пожаловался он охраннику, потирая рукой поясницу, – не заладился с самого утра.

Пожилой толстяк едва доставал макушкой до плеча мускулистому темнокожему Дэйву.

– Сперва пришло известие о том, что у моей кузины Дженис дочь родила лига! Более дурных новостей я и представить себе не мог, – босс печально вздохнул, – потом эта утомительная пробка из-за идиотской забастовки, теперь вот поясницу ломит, словно всю ночь на стройке кирпичи клал, как в стародавние юные годы... Может заказать массажиста...

Босс замолчал, продолжая держаться за поясницу и болезненно морщась. Дэйв, видя, что тот еще не готов заходить внутрь, вежливо поддержал разговор:

– Да, сэр, так и есть: сегодня выдалось не самое лучшее начало дня. – Он коротко скривился: – «Заботливым» недостаточно своих страданий, им понадобилось помучить и тех, к кому господь был более благосклонен.

Сегодняшняя забастовка действительно потрепала нервы многим добропорядочным гражданам. На этот раз «заботливые» собрали гораздо больше народа, чем обычно, и перекрыли сразу несколько основных автомагистралей. В считанные минуты город и подъезды к нему утонули в гигантских пробках. Даже вмешательство полиции не сразу разрядило дорожную ситуацию – «заботливые» заблокировали дороги в самый час пик, когда множество людей спешило на работу. Машин скопилось настолько много, что даже после разгона пикетов пробки рассасывались

еще добрых пару часов. В результате в офис удалось попасть только к обеду.

– Твоя правда, сынок, – согласился босс и, все еще держась рукой за поясницу, направился к входу, – эх, возраст... С каких пор пять часов сидения в кресле авто стали даваться мне так непросто?

– Эй, мистер! – окликнул его хриплый и нечеткий голос. – Подайте на хлеб несчастному, ради господа нашего, всевидящего и вездесущего!

Босс оглянулся на звук, и лицо его исказила брезгливая гримаса. Дэйв резко развернулся к говорившему. В двух метрах от «Кадиллака» он увидел лига неопределенного возраста, медленно ковыляющего к боссу. Одетый в рваные обноски инвалид представлял собой крайне отвратительное зрелище. Правая половина его лица ото рта и до лба была густо покрыта каким-то гниющим наростом, оставляя для глаза лишь узкую, частично залитую жирным гноем щель, из деформированного рта густо торчали волосы, делая речь нечеткой и шепелявящей, левая нога была недоразвито тонкой и почти вдвое короче правой. Одной рукой лиг опирался на старый гнутый костыль, другую уже протянул ладонью вверх в просящем жесте.

– Подайте немного денег на еду, господь запомнит вам ваши благодеяния! – снова прошамкал лиг, приближаясь.

– О господи! – перекрестился босс. – Дэйв! Убери от меня это! – Он торопливо зашагал к двери, бормоча себе под нос. – Бедняжка Дженис, за что господь обошелся с ней так жестоко... врагу не пожелаешь такого... – Старик быстро скрылся за дверью.

Дэйв, ругая себя за то, что вовремя не заметил появления уроды, сделал широкий шаг и оказался между дверью и лигом, преграждая тому дорогу. При этом он старался держаться от лига на расстоянии.

– Убирайся отсюда, недоумок, здесь тебе не подадут! – суровым голосом произнес Дэйв, придавая своему лицу злобное выражение. – Уходи, тут тебе будет больно!

– Я не недоумок! – прошамкал лиг. – Я умственно полноценный индивид, у меня есть медицинское заключение федерального образца! – Он запустил руку в дебри своего вонючего рванья и извлек замызганную пластиковую карту-идентификатор. – Вот, читайте! – Лиг протянул карту Дэйву, делая еще шаг.

– Не надо! – торопливо отстранился Дэйв. – Я вам верю, гражданин! – Лиг и впрямь не был похож на психически неполноценного, уж больно складно строил фразы, не похоже на тупо заученный текст. Однако на этом его сходство с полноценностью и заканчивалось.

Дэйв усилием воли сдержал гримасу отвращения.

– Гражданин, вам необходимо покинуть это место. Это частное заведение, посторонним вход воспрещен!

– Мистер, подайте хоть немного! – шепеляво взмолился лиг. – Хотя бы несколько центов! Вам ведь не в тягость такая потеря, а я смогу поесть! Господь не забудет вашу доброту!

– Я на работе, у меня нет с собой денег! – сурово отрезал Дэйв. – Я ничем не могу вам помочь, гражданин. Немедленно уходите!

В этот момент у «Кадиллака» опустилось переднее стекло, и Кинли окликнул Дэйва:

– Эй, Дэйв! Вот, дай ему, пусть поест. – В окошко едва высунулась бледная веснушчатая рука водителя, сжимающая бумажный пакет с сэндвичем.

Дэйв поспешно забрал пакет и сунул его лигу, стараясь не дотронуться до покрытой гнойниками руки.

– Спасибо вам, добрые джентльмены, – прошепелявил тот, хватая пакет, – не дали пропасть несчастному! – Он зажал пакет под мышкой руки, сжимающей костыль, и судорожными движениями другой руки принялся разрывать его.

Добравшись до сэндвича, лиг жадно впился в него гнилыми зубами, и, жуя на ходу, заковылял прочь, бормоча слова благодарности.

– Зачем ты отдал ему свой обед? – Высокому Дэйву пришлось наклониться, чтобы увидеть Кинли в окне «Кадиллака».

– Пусть лучше так, зато он быстро отцепился, – скривился водитель, – тебе-то хорошо, ушел внутрь и дело с концом. А мне что делать? Он бы тут еще час ныл, в окна лез, машину бы загадил своим гноем и вонью. А так пусть подавится, но только не возле машины, где-нибудь не здесь.

Дэйв только хмуро покачал головой. Лиги вселяли в него отвращение, близкое к мыслям о насилии. Куда вообще смотрит правительство?! Давно пора уже сгонять их в резервации!

Кинли истолковал его хмурый жест по-своему:

– Да ты не переживай за меня, приятель! – Он весело улыбнулся. – Я голодным не останусь! На самом деле я отдал ему не свою еду. Я называю это «спасательный пакет», всегда вожу с собой несколько ради таких случаев. Нашему брату водителю приходится крутиться, чтобы выйти сухим из воды. Вон их, уродцев, сколько развелось, деваться некуда, и липнут к дорогим тачкам, словно мухи к клейкой бумаге! А так заехал в «Макдоналдс», купил самой дешевой жратвы, и можешь быть спокоен. Если уж лиг прицепится, всегда можно от него отделаться – отдал пакет и пусть жрет эту дрянь, ему один черт уже все равно!

Дэйв буркнул в ответ что-то вроде согласия и вошел в служебный вход. Дожили. Покупать лигам еду, чтобы иметь возможность пожить спокойно! Прямо-таки ненавязчивый рэкет. Ну уж нет, пусть Кинли выходит из положения подобным образом, если ему так удобно, а он, Дэйв, не потратил бы на эти отбросы и цента. На них на всех сэндвичей не напасешься! Лично он с большим удовольствием угостил бы лига дубинкой, а лучше шокером. Останавливало лишь то, что после подобного применения пришлось бы отмывать от гноя спецсредства. С этим лигом еще быстро все закончилось, чаще попадаются дебилы, с теми не договоришься, все равно соображают слабо. Да и дубинкой тоже особо не помашешь, не дай бог увидит кто, нервов потом не оберешься: стервятники-правозащитники из МАГБ всю душу из тебя вынут, таская по судам.

Он прошел в служебное крыло здания, где размещался офис босса, бухгалтерия и прочие вспомогательные службы ресторана. Пока старик занимался делами у себя в кабинете, Дэйв обычно ждал в приемной, специально для него напротив дивана для посетителей было установлено удобное кресло. Он лично выбирал место, куда его поставить, чтобы и в окнах обзор был хороший, а то всего второй этаж, мало ли что, и чтобы гости, если таковые сидели на диване, были на виду, ну и, тоже не помешает, чтобы телевизор было видно хорошо. Пришлось даже немного потеснить секретарский стол, к вящему неудовольствию секретарши. Старая стерва даже пожаловалась на Дэйва боссу, но старик неожиданно для всех встал на сторону Дэйва, заявив, что охраннику решать, откуда лучше вести наблюдение. В конце концов, безопасность прежде всего, ведь именно ради этого Дэйва и нанимали. Вообще босс был нормальный мужик, даром что белый, работать на него было вполне комфортно. Не то что на его прошлой работе.

Два года назад Дэйв работал в крупной охранной фирме, и среди охранников чернокожих парней там хватало, но не было среди начальства. А это самое начальство, улыбаясь в глаза, дышало ядом в спину и использовало малейшие возможности для всяческих придирок и претензий... М-да... Найти хорошую работу стало нелегко с тех самых пор, когда какой-то ученый умник выяснил, что люди, имеющие африканские и азиатские корни, почти в три раза более склонны рожать лигов. Так что своим теперешним местом Дэйв был вполне доволен.

Он зашел в приемную, холодно поздоровался с секретаршей, отдавая дань формальностям этикета, и уселся в свое кресло. Посетителей не было, и он бросил взгляд в телевизионную панель, вмонтированную под

потолком в стене напротив. Шли новости, в которых, как всегда, говорили что-то о лигах. Дэйв зло поморщился. Чертовы лиги, провалиться им всем в ад немедленно! Можно подумать, что от цвета кожи тут что-то зависит. Вон сколько их плодится, и у черных, и у белых, и у желтых. Весь мир воет от ужаса независимо от национальности, так кто вообще высчитал эту самую склонность?!! Это все яйцеголовые, натворили дел, а теперь не знают, как еще заморочить людям головы, чтобы не отвечать за свои грязные делишки. Шестьдесят лет кормили людей трансгенами, обещая спасти мир от голода и обеспечить всех дешевой и доступной едой, а что вместо этого?! Во всем мире уже не найти ни одного нетрансгенного растения, целые штаты, когда-то бывшие земледельческими, превращаются в пустыни, сожранные мутациями леса зарастают трехметровыми ядовитыми сорняками, кругом полно мутантов, и каждый ребенок знает, что такое плейотропный эффект! Господь разгневался на этот погрязший в пороках мир, не иначе...

На экране телевизора сменилась картинка, выдавая изображение очень старой леди в строгом костюме, сидящей в автоматическом инвалидном кресле. Кресло подъехало к трибуне, и старая леди с трудом поднялась на ноги. Она медленно, но решительно взошла на трибуну и приблизилась к микрофонам. Оператор дал крупный план, и Дэйв узнал мисс Шаройкину, президента Международной Ассоциации Генетической Безопасности. Камера быстро ушла назад и дала обзор огромного амфитеатра, выполненного полукольцевыми трибунами-столами, заполненными множеством людей в деловых костюмах. Задние ряды заполонила пресса, ежесекундно вспыхивали десятки фотовспышек. Шел репортаж с заседания ООН, и Дэйв прислушался.

– ...госпожа Шаройкина в очередной раз выступила с предложением полного и повсеместного запрещения генно-модифицированных организмов и продуктов, – вещал голос политического обозревателя за кадром, – она вновь указала на то, что именно ГМО послужили виной сотрясающих мир экологических бедствий и катастрофического всплеска рождаемости младенцев с генетической инвалидностью. В связи с этим, заявила госпожа Шаройкина, необходимо принимать решительные меры, а не тратить впустую деньги мирового сообщества на выведение так называемых «безопасных трансгенов».

Изображение Шаройкиной на экране сменилось на изображение старого, почти полностью облысевшего джентльмена, облаченного в ультрадорогой костюм. Смитсон, узнал старика Дэйв. Тем временем обозреватель продолжал:

– В ответ на выступление мисс Алены Шаройкиной, господин Питер Смитсон, глава всемирного концерна «Сёрвайвинг Корпорейшн», заявил, что ее слова не несут ничего нового, и в них отсутствуют по-настоящему дельные предложения. Мир признал свою ошибку еще пять лет назад, и сегодня важно не размахивать кулаками, но предлагать действенные меры для улучшения ситуации. Полный запрет ГМО невозможен не только в силу отсутствия в мире сколь-нибудь серьезного количества не зараженных трансгенами растений. Чистый генетический фонд, созданный МАГБ, по своему количественному составу не удовлетворит и десяти процентов мирового спроса. Такое кардинальное решение в первую очередь вызовет крах индустрии продовольствия и сельского хозяйства. Начнется голод во всем мире. Гораздо более разумным выглядит план «Сёрвайвинг Корпорейшн», проводящего интенсивные исследования в области создания генно-модифицированных продуктов, не несущих вреда для здоровья человека и его будущих поколений. За пять лет, прошедших со дня основания «Сёрвайвинг Корпорейшн», на рынок выпущено уже тридцать семь генетически безопасных линий продуктов, и это количество продолжает расти с каждым месяцем. Кроме того, стартовавшая три года назад беспрецедентная кампания концерна «СК» по строительству во всем мире сети Центров Сохранения Генетических Ресурсов уже вступила в стадию завершения. Вскоре концерн сможет предложить мировому сообществу уникальную возможность восстановить генетическую чистоту.

Обозреватель сменил тон и сделал небольшое отступление:

– Тут стоит напомнить нашим уважаемым зрителям, что МАГБ и «Сёрвайвинг Корпорейшн» являются непримиримыми оппонентами еще со дня основания «Комиссии ООН по проблеме генетической катастрофы», созданной пять лет назад, в состав которой они вошли наряду с «Гринпис» и «Международным Красным Крестом». С тех самых пор обе эти организации непрерывно борются друг с другом, причем МАГБ, являющаяся монополистом в области воспроизводства «чистого» генофонда, сильно ослабила свои позиции после того, как в рядах «Гринпис», ранее безоговорочно поддерживавшего ассоциацию, произошел раскол. Многих «зеленых» заинтересовал план «Сёрвайвинг Корпорейшн» по созданию Центров Сохранения Генетических ресурсов, и теперь госпожа Шаройкина осталась в меньшинстве. Концерн «СК», в который при создании вошли такие гиганты, как «ГруппЛайф оф Америка», Зерновой Союз России, Союз аграриев Китая и более четырех десятков других крупнейших субъектов мирового сельскохозяйственного, продовольственного, фармацевтического, финансового и даже медийного

бизнеса, в настоящее время находится на волне своей мировой популярности. Многочисленные опросы, проводящиеся среди дееспособного населения, уверенно доказывают это.

Обозреватель сделал короткую паузу, и телевизор показал пожилого китайца, сменившего Смитсона на все той же трибуне.

– Генеральный секретарь ООН не санкционировал рассмотрение Ассамблеей заявления госпожи Шаройкиной, мотивируя это тем, что не имеет смысла вносить в регламент вопросы, связанные с внутренними разногласиями среди членов «Комиссии по проблеме генетической катастрофы», и порекомендовал главе МАГБ впредь выступать с более конструктивными заявлениями. – Обозреватель завершил репортаж из зала заседаний ООН и перешел к национальным темам.

Дэйв переключил канал. Раньше надо было грызться друг с другом, недовольно подумал он. Сколько можно выяснять, кто прав, кто виноват? Может, пора уже заняться спасением тех, кто еще остался?! Эта старая стерва Шаройкина вечно пеняет на всевозможных виновных. Ее послушать, так «Сёрвайвинг Корпорэйшн» надо немедленно сжечь на костре в полном составе! А кормить нас кто будет? МАГБ? Может, сама Шаройкина и не против такого варианта, но лично он более доверяет Смитсону. Мало того, что органической пищи, которую производит МАГБ из своих генетически чистых предковых линий пород растений и животных, не хватает и на десятую долю населения мира. Она ведь еще и стоит в четыре-пять раз дороже обычной продукции «СК». А где простому человеку взять такие деньги? Не все в этом мире миллионеры, возглавляющие международные организации. Легко бороться с ГМО, когда твоя компания, какой бы она ни была, является владельцем чистой пищи. А что делать остальным? Дэйв скривился. Нет уж, пусть лучше Смитсон пошевеливается и разрабатывает побольше безвредных трансгенов. Тем более, что не понаслышке знаком с этой проблемой, у него пару лет назад родился внук лиг. И дед первым из всей семьи потребовал эвтаназии. Потом и родители ребенка дали согласие. Так что он пострадал от генетической катастрофы не меньше остальных, такой человек будет работать во благо настоящих людей, не то что эта старая ведьма. Всю жизнь воевала с ГМО и даже не удосужилась завести детей. Теперь вот возится с лигами, как с родными. Повсюду понаразвела целую тьму этих своих «Центров помощи лицам, имеющим генетическую инвалидность», кругом правозащитнички бегают, готовые растереть в порошок полноценного человека, лишь бы «оградить от дискриминации» этих малолетних уродов. Тьфу! Не то что смотреть, даже думать противно! Что

там, в ООН, совсем обалдели, что ли? Делом надо заниматься, людей спасать, а не древних маразматичек с трибун выслушивать! Какая теперь разница, кто виноват?! Виноватые жили полвека назад и давно уже померли. О нас надо думать, а не о своих амбициях!

Дэйв подумал, что, как только будет запущена сеть Центров Сохранения Генетических Ресурсов, он обязательно ознакомится с их предложениями. Жить в экологически чистом месте, вдали от лигов, иметь лучшее в мире медицинское обеспечение и питаться только генетически безопасными продуктами захочет если не каждый, то каждый второй уж точно. Интересно, по какой цене «Сёрвайвинг Корпорэйшн» собирается продавать жилые площади. Если истеричные выпады Шаройкиной оправдаются и цены окажутся заоблачными, то он даже и не знает, кому в этом мире верить. В конце концов, планы «СК» поддержали правительства всего мира, а это кое-что да значит. Намеки МАГБ на то, что правительства давно уже являются марионетками в руках «СК», выглядят, по меньшей мере, параноидально. Как вообще в ООН терпят эту старую ведьму?! Она только подливает масла в огонь! Лучше бы понизила цены на свою чистую еду...

Дэйв усилием воли подавил в себе возмущение и заставил себя думать о чем-нибудь другом. Спустя полчаса из своего кабинета вышел босс, пришло время отправляться на деловую встречу, и закипевшая работа отвлекла его от мрачных мыслей.

Домой Дэйв попал, когда уже стемнело. Сюзи уже вернулась с работы и вовсю суежилась на кухне.

– Дорогой, это ты? – донесся ее голос, едва Дэйв хлопнул входной дверью.

– А ты ждала кого-то еще? – шутливо обиделся он, заходя на кухню. – Вкусно пахнет! Что у нас на ужин?

– Запеченный карп! – торжественно провозгласила Сюзи. – Твоя любимая модификация, «Мистер Биг». Осилишь?

– Еще бы! – заявил Дэйв. – Я так голоден, что запросто могу съесть и его, и тебя!

– Ну, меня есть не обязательно! – Сюзи сверкнула жемчужной улыбкой. – Я могу пригодиться для чего-нибудь более интересного! – Она покосилась на коридор, ведущий в спальню.

– Тогда займемся изготовлением наследника! – Дэйв сгреб миниатюрную жену в объятия. – Ты же сама говоришь, что у нас слишком большая квартира для двух человек.

– Дэйв... – погрузилась Сюзи, – не надо... не начинай. Ты же знаешь, как я хочу ребенка! – Она мягко отстранилась от него.

– Ну так давай заведем его, нам уже давно пора! – воскликнул он. – Мы женаты шестой год!

– Мне страшно! – почти выкрикнула она. – Ты что, совсем не понимаешь? Страшно!!! У всех рождаются эти жуткие уроды! Все мои подружки родили лигов! Ни у одной не появилось нормального младенца, слышишь?! Ни у одной!!! – Из ее глаз брызнули слезы. – Мне страшно, Дэйв...

Дэйв бережно обнял всхлипывающую жену.

– Не плачь, детка, все будет хорошо, – он погладил ее по роскошным, черным как смоль, волосам, – у нас обязательно получится! Наш ребенок будет самым здоровым на свете, это будет очаровательная девочка, как две капли воды похожая на тебя!

– Я боюсь, Дэйв, – тихо произнесла Сюзи, вытирая слезы, – я не хочу, чтобы у меня родился лиг! Как можно своими руками отправить своего ребенка на эвтаназию?! Я бы не смогла сделать такое... Но едва я подумаю, что наш ребенок будет расти этим жутким уродом, то у меня кровь стынет в жилах. Я чувствую себя, словно в аду... – Она тихо заплакала.

– Даже не думай об этом, – Дэйв прижал ее к себе, – даже не думай. У нас все будет хорошо, все будет хорошо... – убаюкивал жену Дэйв, не понимая, кого он пытается успокоить больше, ее или себя.

Они с Сюзи сошлись еще на выпускном балу колледжа. Весь маленький городок, в котором они тогда жили, следил за развитием их романа. Еще бы, лучший футболист школьной команды и самая красивая болельщица из чирлидеров, прямо-таки классика любовного жанра. Огромный мускулистый Дэйв и миниатюрная, словно выточенная из черного обсидиана Сюзи, они были отличной парой, и на выпускном балу никто даже и не сомневался в том, кого именно выберут королем и королевой. Свадьбу сыграли через неделю после выпускного, весь городок пришел поздравить молодоженов.

Ребенка они решили завести сразу, решив, что молодым родителям будет намного легче понимать своих детей. В планах были девочка и мальчик, а может, даже и два мальчика, почему бы нет? Однако первые полгода Сюзи так и не удалось забеременеть. Врач лишь пожимал плечами, оба родителя были здоровы, надо продолжать пытаться, а остальное приложится. Да и вообще, в их городке такая проблема не редкость. Раньше неподалеку выращивали ГМО для нужд фармацевтики, что-то там не то мутировало и переопылилось, не то переопылилось, а затем мутировало,

только на месте тех полей уже с десятков лет стоят практически непроходимые заросли каких-то совершенно непонятных растений, находиться возле которых долго зачастую оказывается вредным для здоровья. Поначалу поля пробовали выжигать, но безрезультатно, мутанты отрастали очень быстро и еще в большем количестве – ветер разносил пепел с семенами на большие расстояния. В конце концов, поля просто забросили. Тут вся планета подверглась генетическому заражению, не до такой ерунды. Возиться с каждым непокорным полем было дорого, да и некому. Вот пыльца оттуда ветром иногда заносится в городок, есть у нее контрацептивное действие среди всяких побочных эффектов. В общем-то, это не страшно, со временем ребенок все равно появится.

Позже Сюзи ездила в Нью-Йорк, к докторам из МАГБ, на консультацию. Те наговорили ей жутких вещей про эту пыльцу и развивающееся от ее воздействия бесплодие. Сюзи вернулась домой в шоке. Дэйв был в ярости от такой глупости и бестактности медиков МАГБ. Это же надо, до такой степени запугать девушку, тем более когда эксперты «СК», ученые с мировым именем, уже доказали, что старые, недоработанные ГМО, не несут вреда живущим людям, только будущим поколениям. С тех пор он перестал доверять МАГБ.

Ситуация разрешилась неожиданно: Дэйва пригласили играть в крупный нью-йоркский клуб. Сюзи была в восторге, после посещения врачей из МАГБ она мечтала уехать из их городка. На новом месте обустроились довольно прилично, у Дэйва были неплохие перспективы, и все обещало быть очень хорошо. Даже эти недоумки из МАГБ уже не пытались запугать Сюзи, прогнозируя зачатие ребенка максимум в течение года.

И тут разразилась генетическая катастрофа. В мире повсеместно стали рождаться уроды с чудовищными генетическими мутациями. Вообще-то инвалиды рождались и раньше, вот уже лет пятнадцать в ходу был термин «лица, имеющие генетическую инвалидность», но до сих пор это были какие-то проценты на фоне всеобщей рождаемости, теперь же масштабы трагедии были поистине угрожающими. Только каждый десятый младенец появлялся на свет здоровым и генетически полноценным. Остальные дети имели различные генетические мутации, в девяноста процентах случаев делавшие их инвалидами, нетрудоспособными в будущем. Более половины из них, порядка шестидесяти процентов, были умственно неполноценными, многие из детей-мутантов оказывались нежизнеспособными и впоследствии умирали.

Катастрофа захлестнула мир неожиданно, начавшись везде

практически одновременно. Буквально за полгода рождаемость мутантов возросла до немыслимых величин, и с тех пор вот уже пять лет ситуация не менялась, несмотря на все усилия мирового сообщества. Ученые МАГБ немедленно заявили, что в насыщении человеческих организмов трансгенами была пройдена некая критическая точка, и теперь катастрофу уже не остановить обычными средствами. Надо срочно запрещать ГМО и переходить на органическую пищу. Которую продает МАГБ.

Дэйв с ненавистью стиснул зубы. Эти стервятники Шаройкиной пытались извлечь выгоду из человеческого горя. Люди тратили последние сбережения, чтобы покупать жутко дорогие продукты МАГБ, но мутанты рождаться не прекращали. Старая ведьма лишь заявляла, что производство чистых продуктов имеет весьма дорогую себестоимость, так как выращивать зерновые и скот приходится в герметичных тепличных хозяйствах, которых, к тому же, во всем мире единицы, и призывала покупать еще больше своей еды. Но и этого ей оказалось мало. Она добилась от ООН для своей организации членства в составе «Комиссии по проблеме генетической катастрофы» и с тех пор непрерывно требует у мирового сообщества в целом и различных правительств в частности выделения баснословных средств на развитие этих своих теплиц. Мол, человечество кормили трансгенами пол-века, теперь надо кормить органической пищей как минимум столько же, особенно детей.

От злобы у Дэйва непроизвольно сжались кулаки. Как можно так беспардонно зарабатывать на человеческом горе? Ведь столько людей поверило в ее басни и понесло последние центы в ее магазины. А дети все так и рождаются мутантами. Многие пары теперь просто боятся завести ребенка! С тех пор как началась катастрофа, Сюзи помешалась на контрацепции. А после того, как у четверых ее подруг, решившихся на беременность, родились лиги, она и вовсе чуть не помешалась.

– Дэйв, мне больно! – пожаловалась Сюзи. – Ты сжал меня слишком сильно!

– Прости, дорогая, – Дэйв расслабил сведенные злобой мышцы, – я не хотел, это получилось само собой, – он нежно поцеловал жену в щеку.

– Ты сердишься на меня? – Она подняла на него заплаканные глаза.

– Нет, что ты! – возмутился Дэйв. – Как ты могла такое подумать?! Я никогда на тебя не сержусь, я очень тебя люблю! Хочешь, вместе сходим к врачу?

– Не надо, дорогой, – она покачала головой, – это ничего не изменит. Я регулярно наблюдаюсь в клинике «СК», доктор говорит, что все в порядке, проблема психологическая, и мне нужно время... Я справлюсь, обещаю.

Только будь со мной, обещаешь? – Она посмотрела ему в глаза.

– Конечно! – воскликнул он. – О чем ты вообще говоришь! Я всегда с тобой, мы подождем столько, сколько будет нужно. У нас все будет хорошо, мы же идеальная семья, ты забыла? – улыбнулся он.

– Спасибо, любимый, – Сюзи прижалась к мужу, – когда ты рядом мне сразу становится легче.

Дэйв с любовью посмотрел на жену. Последнее время ей стало заметно лучше, теперь она успокаивалась и приходила в норму намного быстрее. В последнее время Сюзи вообще стала чувствовать себя увереннее. Спасибо докторам из медицинской клиники «СК», там работают хорошие специалисты не только в области биологии, но и грамотные психологи. Вообще этот Смитсон – мировой дед. Дэйв так и не понял, откуда тот возник, но, слава богу, появился он вовремя. Мир был погружен в панику, когда он создал эту свою «Сёрвайвинг Корпорэйшн». И сразу принялся за дело. Концерн развернул по всему миру сеть клиник, в которых обслуживали всех, но прерогатива всегда отдавалась «чистым». Ведь многим в наши времена больше требуется психологическая, а не медицинская помощь. Практически сразу «СК» занялась созданием генетически безопасных продуктов, и вскоре они уже появились в магазинах, причем на порядок более доступные, чем «чистая» еда МАГБ. Вот и Сюзи «СК» тоже помогло. Вскоре она оправится, и они смогут завести ребенка, и даже двух или трех, как планировалось. Они сдавали массу дорогостоящих анализов, и Дэйв лично беседовал с доктором из клиники «СК». Тот заверил его, что абсолютно все показатели у них в норме, бояться нечего, ничто не указывает на то, что ребенок может родиться с отклонениями. Дэйв решительно тряхнул головой. Надо запретить Сюзи смотреть выступления этой старой ведьмы, и все станет гораздо лучше.

– Так что, хозяйка, будешь кормить ужином усталого и голодного мужа? – улыбнулся он.

– Конечно! – расцвела Сюзи. – И не только ужином! – она развернулась к Дэйву спиной и, выгнув спину, потерлась об него попой, – но сначала все-таки поешь!

Она упорхнула к плите и завозила с духовым шкафом. Дэйв обожаяще посмотрел ей вслед и направился в ванную.

– Господин капитан, сэр! Вас ожидают в штабе флота! – с иголки одетый лейтенант вытянулся по струнке, – машина у подъезда.

– Я буду внизу через десять минут, – Уилкинсон бросил взгляд на

часы, – подождите меня в машине.

– Слушаюсь, сэр! – Лейтенант козырнул и вышел.

– Уже уезжаешь? – Маргарет печально посмотрела на мужа.

– Пора, – лаконично ответил Уилкинсон.

– За столько лет я так и не смогла привыкнуть, – грустно вздохнула Маргарет, – каждое твое боевое дежурство для меня словно наказание.

– Перестань, – мягко ответил Уилкинсон, бережно поглаживая жену по руке, – тебе вредно волноваться, испугаешь ребенка.

Маргарет была уже на восьмом месяце, и они оба с нетерпением ожидали появления на свет первенца. За прошедшие десять лет брака им так и не удалось завести ребенка. Возможно, долгие годы службы на атомоходах сыграли свою роль, либо болезнь, перенесенная Марго незадолго до замужества, или ужасающая экология планеты с этим чертовым генетическим заражением усугубили дело, но врачи долгое время ничем не могли им помочь. Прибегать же к искусственному оплодотворению от стороннего донора Марго и Ричард категорически не хотели. Поэтому известие о том, что Марго беременна, прозвучавшее как гром среди ясного неба, явилось для них поистине подарком судьбы.

Уилкинсон хорошо помнил те дни. Он только что вернулся с очередного боевого дежурства, и его возвращение совпало с днем рождения Маргарет. Они тогда бросили все и на целую неделю укатили в Ниццу, ее пляжи тогда как раз расчистили от ядовитых водорослей, и сезон был в разгаре. А через два месяца, глядя в кабинете семейного врача на экран системы УЗИ, они не сразу поверили своим глазам. С тех пор счастливее Маргарет не было женщины во всем мире. И хоть беременность проходила тяжело, доктора в один голос заявляли, что плод по всем показателям и анализам развивается идеально и беспокоиться не о чем.

– Ребенок появится на свет абсолютно здоровым. Не стоит обращать слишком много внимания на заявления специалистов из МАГБ, со всех страниц и экранов кричащих о том, что выявить факт генетической мутации на стадии беременности со стопроцентной вероятностью невозможно, – заявил после одного из плановых осмотров их семейный врач, – стопроцентную вероятность может дать только господь бог, а никак не МАГБ или кто-то еще. Поэтому лишний раз тревожиться о том, чего мы не выявили, – это лишнее эмоциональное потрясение для Маргарет и развивающегося плода. У вас все идет замечательно.

Дай-то бог, в который раз подумал Уилкинсон, глядя на жену. В последние годы они уже и не надеялись на чудо. Этот ребенок теперь все для них, особенно для Марго. Она и минуты не может не говорить о сыне.

Когда доктор определил, что родится мальчик, жена немедленно заявила, что они назовут его Ричардом, в честь отца и никак иначе. С тех пор он подшучивал над ней, интересуясь, не будет ли она путаться в своих мужчинах.

– Чувствуешь? – Маргарет взяла его ладонь и приложила к своему животу. – Он шевелится! – Она, улыбаясь, поморщилась. – Кажется, он толкает меня ножкой! Недоволен тем, что отец покидает нас перед его рождением!

– Боевое дежурство длится всего три месяца, ты же знаешь, – ласково нахмурился Уилкинсон, – зато я вернусь к самому Рождеству и следующие полгода проведу с вами.

– Целых три месяца! – поправила его Маргарет. – Знаешь, как мне будет тебя не хватать? – Она сделала жалобное лицо и протянула: – Милый, ну пожалуйста, позволь мне остаться до родов дома? Я так не хочу ложиться в клинику... и потом, я же буду тут не одна, у нас есть горничная, я найму няню... Доктор Робинсон будет регулярно меня навещать...

– Мы это уже обсуждали, Марго, – решительно прекратил ее мольбы Уилкинсон, – я не собираюсь доверять твое здоровье и здоровье нашего сына на попечение каких-то горничных и нянечек. В клинике ты будешь находиться под круглосуточным наблюдением высококвалифицированных специалистов, это одна из лучших больниц Лондона. Беременность в твоём возрасте – это уже само по себе подвиг, и я хочу, чтобы все прошло идеально. Завтра за тобой приедут из клиники, так что будь умницей. Мы договорились? – Он вопросительно посмотрел на жену.

– Договорились, – покорно вздохнула Маргарет, – тебе пора уходить?

Уилкинсон кивнул. Она взяла его ладонь обеими руками и прижалась к ней щекой.

– Я знаю, что ты всегда осторожен, что от тебя зависит безопасность страны и жизни двухсот человек экипажа, я вообще все знаю! – Марго посмотрела ему в глаза. – Но все же, пообещай мне, что ты будешь осторожен!

– Обещаю, – улыбнулся он, – я буду осторожен. – Он осторожно обнял жену и поцеловал ее. – Ведите себя хорошо! Оба! – Уилкинсон хитро подмигнул жене. – Увидимся через три месяца. И помните – я вас люблю!

– Мы тебя тоже любим, – из глаз Маргарет покатались слезинки, но она продолжала улыбаться, – и будем тебя с нетерпением ждать!

Уилкинсон развернулся и быстрым шагом вышел из гостиной, смотреть на слезы Марго в момент проводов он не любил. Три месяца боевого дежурства – это сложное и важное занятие, но все-таки не война, и

не стоит провожать его туда каждый раз, словно в последний.

Выйдя из дома, капитан сел в машину.

– В штаб флота, – коротко скомандовал он.

Предстоял заключительный брифинг и уяснение задачи. Через семь часов его атомный ракетоносец «Великая Британия», новейший образец оружейных систем последнего поколения королевского подводного флота, должен будет покинуть военно-морскую базу в Портсмуте и взять курс в открытое море согласно полученному приказу.

Пока ехали в штаб, Уилкинсон никак не мог заставить себя переключиться с мысли о жене на мысли о службе. Маргарет была сильно напугана, хоть и не подавала вида. Да он и сам понимал, что испытывает ничуть не меньший страх. Повсюду рождались генетические инвалиды, процент здоровых младенцев, появившихся на свет, был ужасающе низок. ООН официально узаконило добровольное прерывание беременности, в случае выявления генетических отклонений в развитии плода, и добровольную эвтаназию, если ребенок все-таки родился с инвалидностью. А это говорило о многом, в частности о том, что в заявлениях МАГБ есть доля правды, и факт генетических мутаций не всегда может быть установлен до родов. Да и после родов не всегда. Уилкинсон хорошо помнил, как у командира акустиков два года назад родился «чистый» ребенок. Его тогда поздравляли всей лодкой, носили на руках и обливали шампанским... Только через год выяснилось, что ребенок психически нездоров, и это расстройство необратимо. А ведь по всем показателям младенец был в норме! Ричард так и не рассказал жене про этот случай, Марго по прежнему уверена, что дитя растет здоровым и счастливым. Командир акустиков получил такой шок, что не мог оправиться от горя несколько месяцев. В результате его списали на берег, как ненадежного члена экипажа...

Уилкинсон взглянул на маленькую иконку, прикрепленную в углу приборной панели автомобиля. Видимо, водитель был человеком набожным. Капитан молча прочел короткую молитву и перекрестился, осознавая, что все это совсем не принесло ему душевного спокойствия. Какое тут спокойствие, если после принятия Ассамблеей ООН директив о добровольных абортах и эвтаназии святая церковь выразила возмущение сугубо для проформы. Недолго попеняв ООН за принятые решения, официальное христианство и мусульманство быстро переключились на проповеди типа: «господь посылает нам испытания», «мы должны быть стойкими», «терпимость – это добродетель» и тому подобное. Даже церкви нечего предложить людям в условиях этой жуткой катастрофы, кроме разве

что речей ни о чем. Да, священники и МАГБ довольно оперативно создали массу центров помощи семьям, в которых родились дети-лиги, и это, наверное, облегчило их страдания, но сама проблема не решена, и ясно, что никто не знает ее решения. И если раньше все это касалось Уилкинсона постольку-поскольку, то последние восемь месяцев он просто не находил себе места, едва начинал думать об этом.

Автомобиль остановился перед зданием штаба флота, и капитан усилием воли отогнал все не связанные со служебными вопросами мысли. На боевое дежурство нельзя уходить с тяжелым сердцем. Все проблемы должно оставить за бортом подлодки.

Дверь кабинета открылась, и босс вышел в приемную. Толстая секретарша мгновенно перестала жевать и сосредоточилась на работе. Дэйв пренебрежительно усмехнулся. Жрать надо меньше, а работать – больше. Будь его воля, он давно бы уже уволил эту противную тетку, целыми днями бьющую баклуши на рабочем месте.

– Ну что, сынок, приступим? – риторически спросил босс, глядя на Дэйва.

– Да, сэр! – подтвердил тот и, в два шага преодолев расстояние до двери, открыл ее: – Прошу вас, сэр!

Старик с видом старого, но еще бодрого хищника, потер руки и вышел. Дэйв немедленно пристроился за ним, и обход начался.

Босс имел правило – ежедневно тратить два часа времени на личное ознакомление со всеми делами ресторана. К слову сказать, ресторан был не то чтобы очень велик и совсем не пафосен, цены у старика были вполне доступны. Днем в обеденном зале подавали дешевый фаст-фуд, к вечеру зал вычищался, на столы стлали скатерти, раскладывали столовые приборы, и заведение начинало работать в режиме недорогого пивного ресторанчика.

К проведению обхода босс подходил основательно. Он лично проверял чистоту столов в обеденном зале, качество мытья посуды в посудомоечном цехе, работу поваров, положение дел в каждой подсобке и кладовке, соблюдение условий хранения продуктов на складе. Дэйв следовал за ним неотступно, лишний раз укрепляя производственную дисциплину одним только видом своей мощной фигуры, молчаливо нависавшей над невысоким боссом. В общем-то, львиную долю обхода Дэйв был не нужен. Его работа начиналась, когда старик добирался до обеденного зала. И хотя в самом зале всегда дежурила пара крепких парней, без эксцессов обходилось редко.

Дешевый фаст-фуд привлекал малоимущих, в основном это были семьи-родители лигов. Забота о малолетних инвалидах зачастую не позволяла работать обоим родителям, а если родитель был одиночкой, то дело и вовсе дрянь. Поэтому основным дневным контингентом ресторанчика последние пару лет были именно такие родители, часто приходившие поесть вместе со своими малолетними мутантами, ведь оставить их порой было просто негде. Охранники, конечно, отшивали прямо на входе нищих, бомжей и лигов-дебилов, но и без них проблем хватало. Часто, увидев владельца ресторана, кто-то из завсегдатаев бросался к нему с мольбами о помощи, о деньгах, бесплатной еде, жилье и тому подобном. Пару раз даже просили усыновить ребенка-лига. Получив отказ, не все реагировали адекватно, кое-кто, бывало, пытался бросаться на старика не только с проклятиями, но и с кулаками. В эти моменты Дэйву приходилось вмешиваться весьма оперативно.

В последнее время лавинообразная рождаемость лигов вызвала всплеск нищеты и попрошайничества, зачастую довольно агрессивного, и многие состоятельные люди посчитали разумным обзавестись охраной. В какой-то мере это облегчило Дэйву жизнь в тот момент, когда жестокая травма колена поставила крест на его карьере футболиста спустя всего год после ее начала. Дэйв очень тяжело переживал это известие, и кто знает, что стало бы с ним, если бы не Сюзи, окружившая мужа заботой и теплом буквально со всех сторон. Именно она и нашла объявление крупной охранной фирмы об открывшемся найме сотрудников, и Дэйву не пришлось долго быть безработным. В новом бизнесе он освоился довольно быстро, а позже удачно подвернулась и работа у владельца ресторана.

Босс закончил обход, и они вышли из обеденного зала. Дэйв облегченно вздохнул. На этот раз обошлось без происшествий. Возиться с лигами или их родителями он не любил, мутанты были ему крайне отвратительны, и эта неприязнь поневоле распространялась и на их родителей. В конце концов, они сами сделали свой выбор, ведь можно было еще в день родов подать прошение об эвтаназии...

Вечером старик посетовал на недомогание и закончил работу раньше обычного. В результате Дэйв оказался дома к пяти часам. Сюзи возвращалась в шесть, она работала мастером маникюра в салоне красоты неподалеку от дома, и он решил сделать ей сюрприз, приготовив что-нибудь вкусное к ее появлению. Однако вернувшись домой, Дэйв нашел Сюзи в гостиной. Она сидела в кресле, забравшись с ногами, укутанная пледом, со стаканом воды в руках. Рядом стоял флакончик с таблетками успокоительного, ее глаза были мокры от слез, она тихонько вздрагивала.

– Сюзи! – Дэйв, не разуваясь, опрометью кинулся к ней с порога, – что с тобой, дорогая? Что случилось? Тебя кто-то обидел?!!

– Дэйв, это ужасно! – Она бросилась к нему на шею и, прижавшись к груди, зарыдала. – Как такое может быть, неужели господу угодно подобное... – всхлипывала она.

– Сюзи, милая, – Дэйв вытирал катящиеся по лицу жены слезы, – расскажи, что случилось? – Он поднес к ее губам стакан с водой: – Вот, выпей воды, тебе станет легче!

Сюзи сделала несколько судорожных глотков.

– Успокоилась? Можешь говорить?

Она кивнула.

– Я была на работе... К нам пришла женщина с ребенком-лигом лет пяти... – сбивчиво начала рассказ Сюзи, – жуткий такой ребенок, с выпирающими челюстями и недоразвитой рукой... – она снова всхлипнула, – Мари делала ей педикюр... его матери... а этот ребенок... он сначала сидел спокойно на стульчике и смотрел... а потом... – тут Сюзи снова зарыдала.

Дэйву пришлось немного повозиться, успокаивая жену, после чего та смогла продолжить:

– Он... он слез со стула и подошел к Мари... А Мари носит на пальце перстень, блестящий, с искусственным камнем, но смотрится он неплохо... и он взялся за этот перстень рукой и стал тянуть его к себе и что-то мычать... – Сюзи затрясло, но она взяла себя в руки. – Его мать еще сказала, что ребенку перстень понравился... Мари осторожно вырвалась... и тогда... это маленькое чудовище... оно вцепилось ей в палец зубами! Никто даже не успел ничего сделать, ребенок откусил Мари палец в мгновение ока! Кровью забрызгало все вокруг... Мари кричит от боли, а это маленькое чудовище достало изо рта палец, смотрит на перстень и улыбается...

Сюзи передернуло, и она вцепилась в руку мужа.

– А потом оно вдруг пошло к Мари опять! Мари как увидела, схватила вазу и ударила это по голове. Ваза вдребезги, мамаша в крик, кругом стекла и кровь, ребенок упал и лежит, глаза закрыты, в руке откусанный палец, на губах улыбка и кровь, к уголку рта прилип кусочек кожи Мари... Я думала, что схожу с ума... – Она уткнулась Дэйву в грудь, и он обнял ее, прижимая к себе.

– Потом приехала скорая, полиция... ребенка увезли, Мари тоже... офицер задал мне какие-то вопросы, и меня отпустили домой... Дэйв, милый, что же это происходит? Неужели они все теперь будут рождаться такими? – Она затряслась в рыданиях.

Дэйв успокаивал жену часа два, наконец ему удалось ее убаюкать. Напившись успокоительного, Сюзи уснула. Он бережно укрыл ее и пошел на кухню, надо было приготовить чего-нибудь перекусить. Дэйв включил телевизионную панель и принялся возиться с полуфабрикатами. Рассказ Сюзи прочно засел в голове, и он не переставал ужасаться произошедшему. Если пятилетний мутант способен на такое, что же будет дальше? Ведь пока что среди взрослых людей лигов не более пяти процентов, но те, что рождаются сейчас, рано или поздно вырастут, и их станет гораздо больше...

Занятый мыслями Дэйв чуть было не пропустил вечерние новости. Услышав знакомый звук телевизионного анонса, он повернулся к телепанели и сделал звук погромче.

– Военные подтвердили информацию о вспышке эпидемии на авиабазе в Тусоне, штат Аризона, – сообщил диктор горячую новость дня, – пока у нас нет информации, какая именно болезнь поразила базу, насколько она заразна и опасна для окружающих. В настоящее время на базе объявлен карантин, все полеты приостановлены, Пентагон направил туда проверяющую комиссию, в состав которой вошла группа военных медиков. На данный момент это вся информация, которая у нас есть. Напомним, что первая информация о вспышке болезни появилась два дня назад, когда во время учебного полета по невыясненным причинам разбился самолет. Летчик погиб. Проведенная по приказу руководства авиабазы сразу после этой трагедии внеочередная медицинская комиссия неожиданно запретила вылеты сразу семнадцати военным летчикам. Пилоты были помещены в карантин, дальнейшей информации о состоянии их здоровья не поступало. А теперь к другим новостям. Президент Соединенных Штатов, находящийся с официальным дружественным визитом в Канаде, на состоявшейся пресс-конференции выразил сожаление по поводу разразившейся вчера в Торонто трагедии. Как мы уже сообщали ранее, группа неизвестных совершила вооруженное нападение на медицинский центр помощи лицам, имеющим генетическую инвалидность, принадлежащий МАГБ. В результате этой кровавой бойни погибло четырнадцать детей-инвалидов, еще шестеро получили ранения средней степени тяжести. Трое сотрудников центра госпитализированы с многочисленными черепно-мозговыми травмами. Их состояние внушает врачам серьезные опасения...

Дэйв переключил канал на музыкальную программу и достал из шкафчика початую бутылку виски. Слишком много ужасов для обычного дня, надо хоть немного отвлечься.

Индикатор входящего вызова призывно замигал красным цветом, и наушник, настроенный на автоматический прием сообщений, мелодично звякнул, переходя в активное положение.

– Дежурному системному администратору срочно явиться в центральную пультовую защитных систем, – раздался голос диспетчера, – повторяю...

– Курт Брюгге, старший сисадмин, вызов принял, – ответил Курт согласно установленному протоколу и обернулся к коллеге: – Герр Мюллер, примите наблюдение!

Курт щелкнул кнопкой на пульте системы контроля доступа и повернул к вспыхнувшему сенсору личную электронную карту. Его сменщик проделал те же операции, подтверждая принятие дежурства.

– Наблюдение принято! – сообщил Мюллер.

Служебный протокол соблюдался на заводе неукоснительно, и это было не просто блажью излишне требовательного менеджмента. Химическое производство не прощает ошибок, и в случае серьезной аварии весь город погибнет в считанные минуты. Небольшой немецкий городок Биттерфельд с населением менее 30 тысяч человек был центром химической промышленности целого региона, и комбинат, на котором работал Курт, был самым крупным из всех городских химических предприятий. Малейшая оплошность могла послужить причиной колоссальной трагедии, и соблюдение регламента и рабочего протокола жестко контролировалось не только начальством, но и простыми работниками. В собственной безопасности был заинтересован каждый. Автоматические системы контроля и управления доступом фиксировали каждый шаг любого человека, находящегося на территории завода. Каждая дверь имела электронный замок, открыть который, не имея личной карты, было невозможно. Но даже имея карту, побродить по заводу можно было далеко не везде. Разный персонал имел доступ в разные части предприятия, согласно своим зонам ответственности. Неограниченный доступ имело только начальство, охрана и служба системных администраторов, в которой Курт занимал должность старшего специалиста.

Курт вошел в лифт и нажал кнопку. Он всегда был доволен своей профессией. Без сисадмина в наши дни никуда. Ты можешь нанять самых квалифицированных рабочих, установить новейшее оборудование, заплатить гениальным ученым, перекупить лучших менеджеров – все это пойдет прахом, если некому будет справиться с простым системным сбоем в работе какого-нибудь главного конвейера или центрального компьютера. Электроника сейчас управляет всем, и самым важным человеком на заводе

зачастую оказывается не тот, кто раздает указания, а тот, кто с этой самой электроникой на короткой ноге. Что бы вы делали сейчас без герра Брюгге? Курт улыбнулся своим мыслям и вышел из лифта, энергично направившись в самый конец длинного коридора.

Автоматические системы защиты производственного процесса занимали отдельное помещение, имевшее тщательное экранирование, собственных операторов и отдельную охрану. Однако программное обеспечение серверов системы было настолько сложным в настройке и управлении, что досконально разбираться во всех мелочах мог далеко не каждый даже очень квалифицированный специалист. Вот и сейчас, когда Курт вошел в помещение, дежурный оператор с выражением тоски на лице ломал голову над возникшей проблемой, стоя перед индикаторной панелью, переливающейся звуковыми трелями и световыми сигналами тревоги.

– Добрый день, герр Брюгге! – При виде Курта лицо оператора сразу просветлело. – Я рад, что мне выпала именно ваша смена!

– Система сигнализации выдает ложные сигналы тревоги? – Курт сразу узнал знакомую «болезнь» этой версии программного обеспечения.

– Именно так! – пожаловался оператор. – Программа обращается к датчикам, но почему-то не видит их! Никакой опасности нет, но у меня тут целое светопреставление! И это уже второй раз! Мы связывались с разработчиками и устанавливали отдельный пакет с исправлениями, но, как видите, проблема возникла опять.

– Исправлениями тут не поможешь. Вы позволите? – Курт уселся за клавиатуру. – На самом деле, это даже не болезнь. – Он энергично защелкал клавишами. – Просто новое программное обеспечение не рассчитано на устаревшие системы. Из-за этого иногда возникают проблемы коммутации сигнала. У нас в хранилище хлора стоят именно такие старые датчики. Как это ни странно, но они – лучшее, что было создано в этой области. Работают, может, и не с любым современным ПО, но зато выгодно отличаются среди прочих своей надежностью и долговечностью.

Он открыл удаленный доступ к своей рабочей машине и принялся искать нужную директорию, с фантастической скоростью перебирая папки.

– Сейчас я загружу в систему небольшую программку, – успокоил оператора Курт, – я сам ее написал и протестировал. Специально для таких случаев. Программа будет сама определять потерю сигнала с датчиков и автоматически перезагружать их драйвера, а также выполнять кое-какую сопутствующую калибровку.

– А это безопасно? – насторожился оператор. – Ведь это не

лицензионное программное обеспечение!

– Очень даже лицензионное! – улыбнулся Курт. – Просто лицензия принадлежит мне! – Он покровительственно посмотрел на оператора. – Не беспокойтесь, коллега, все законно и работать будет в лучшем виде. Я уже делал такое в ртутном цехе. – Он нажал кнопку ввода. – Вот, собственно, и все! Наслаждайтесь! – добавил он по-английски.

Оператор оценил шутку и улыбнулся:

– Премного вам благодарен, герр Брюгге! Вы лишили меня серьезной головной боли! – Он устало вздохнул. – Мне и без того приходится вторую смену работать за двоих, голова уже идет кругом!

– Что-то случилось с вашим напарником? Он болен? – предположил Курт.

– Взял трехдневный отпуск. Но все гораздо хуже, – печально покачал головой оператор, – у него родился ребенок. У малыша обнаружили генетическую инвалидность. – Он скорбным жестом потер подбородок. – Как жутко!

– Действительно, – согласился Курт, – весьма прискорбно! – Он заторопился, вставая с кресла. – Однако мне пора идти, я должен вернуться на рабочее место. В случае чего, я всегда к вашим услугам, уважаемый коллега! – Курт быстро пошел к выходу.

– Да-да, конечно! – донеслось ему в спину. – Не смею задерживать! Еще раз спасибо за вашу столь своевременную помощь...

Курт вышел из помещения, и автоматика закрыла за ним двери. Он направился к лифтам и раздраженно скривился. Снова лиги! Неужели уже невозможно обойтись без упоминания о них хотя бы в течение дня?! Настроение, приподнятое с самого утра, теперь было безнадежно испорчено. Еще одному грешнику воздалось по заслугам, и жалеть его Курт не собирался. На все воля божия, и просто так у богобоязненного человека лиги бы не рождались. Это наказание, лично он в этом абсолютно уверен. Терпение господ лопнуло, и вот теперь он карает грешников. А уж их-то вокруг развелось бесконечное множество! Курт удивлялся, как это мир не может понять, откуда пришла катастрофа. Они не зрят очевидного. А ведь достаточно просто посмотреть вокруг: коррупция, наркомания, преступность, однополые браки, проституция – какой еще реакции вы ожидали от господ нашего? Ведь сказано же – господь видит все!

Курт вошел в помещение сисадминов и застал Мюллера смотрящим новости с небольшого мобильного телевизора. Он узнал изображение старой фройляйн Шаройкиной и прислушался к голосу диктора:

– ...в очередной раз выступила с критикой плана «Сёрвайвинг

Корпорэйшн» и потребовала от ООН решительных мер, таких как полное запрещение ГМО и прочих, составляющих основную позицию МАГБ. Госпожа Шаройкина вновь напомнила, что данных, подтверждающих безопасность нового поколения ГМО для человека, еще нет, и заявила, что вводимые в скором времени в эксплуатацию Центры Сохранения Генетических Ресурсов, являющиеся детищем и собственностью «СК», не способны решить проблему генетической катастрофы. В частности, она сказала:

Динамики карманного телевизора заговорили голосом Шаройкиной:

– От этой катастрофы не скрыться в национальных парках и заповедниках. Она настигнет вас повсюду. Генетическое заражение уже поразило окраины всех заповедных зон, считающихся экологически чистыми. Да, возможно, что в глубине этих территорий влияние мутаций не столь заметно, как в обычном мире, но заражение придет и туда. Это лишь вопрос времени, причем совсем непродолжительного времени. По подсчетам наших специалистов – не более десяти-пятнадцати лет. Вторжение человека в последние естественные экосистемы лишь ускорит их гибель.

На этом цитирование Шаройкиной прервалось, и на экране появилось изображение Питера Смитсона. Диктор коротко прокомментировал его слова:

– Глава «Сёрвайвинг Корпорэйшн» и извечный оппонент госпожи Шаройкиной, господин Смитсон уже отреагировал на заявление президента МАГБ. Он назвал его «неуклюжей попыткой удержать выскальзывающийся из рук источник доходов».

Изображение Смитсона ожило, и Курт услышал его голос:

– Госпожа Шаройкина просто обеспокоена той перспективой, что люди перестанут покупать ее органические продукты. Все мы хорошо знаем, какую цену вынуждены выкладывать за них простые люди. Именно поэтому «СК» ни на минуту не прекращает разработку биологически безопасных ГМО, стараясь как можно быстрее обеспечить всех доступной и чистой пищей. Кстати, безопасность нового поколения трансгенов для человека хоть и не доказана экспериментально-для этого прошло недостаточно времени, но опыты на лабораторных животных дали блестящие результаты, и в МАГБ знают об этом. Вскоре мы предоставим и результаты исследований, проводящихся в данный момент на добровольцах. И смею вас заверить, они будут столь же благоприятными. В совокупности со скорым запуском нашей глобальной сети ЦСГР это послужит надежным средством защиты от бушующей катастрофы. МАГБ

прекрасно понимает, что очень скоро окажется никому не нужной, и это не может их не беспокоить».

Курт иронично усмехнулся. Делите власть и доходы? Ну, делите-делите. Ни красивые слова, ни толстые кошельки не спасут грешников от наказания господнего. Только истинные верующие спасутся, и это факт, в котором у него нет никаких сомнений. Более того, этому есть отличное доказательство, и доказательство это – он сам. У Курта уже двое детей, мальчик двенадцати лет и девочка шести. Оба ребенка абсолютно нормальны, как и было сказано, господь создал их по своему образу и подобию. И Курту противно смотреть на перекошенные от ужаса лица грешников, у которых родились лиги. Половина завода уже поплатилась за свои грехи, из всех его соседей добропорядочными людьми оказалось только двое. Курт с превеликим удовольствием прервал все контакты с неугодными богу носителями греха и не видел никакого смысла в общении с им подобными на работе, за исключением сугубо делового. У Курта в жизни все было превосходно: его сын ходил в нормальную школу, а они с женой по выходным после воскресной молитвы собирались с уважаемыми соседями за кружкой доброго немецкого пива. Правда, дочь пришлось забрать из детского сада после того, как там в младшие группы понабрали лигов, и жена была вынуждена бросить работу, но его доходов вполне хватало, чтобы содержать семью.

Курт уселся в кресло и принял наблюдение, подумав, что после работы стоит заехать в церковь и вознести хвалу господу.

В этот день Дэйв вернулся домой позже обычного. Малолетние лиги устроили драку из-за куска гамбургера прямо в обеденном зале ресторана, и в потасовку быстро оказались вовлечены их родители. Парни из охраны вмешались и попытались было погасить конфликт, но тут один из этих малолетних мутантов вцепился зубами кому-то из них в ногу, да так сильно, что выдрал кусок плоти. Обезумевший от боли охранник применил электрошок, и тут началось. Половина зала вступилась за ребенка, другая – за пострадавшего охранника, короче, они чуть было не разорвали друг друга на мелкие куски. Пришлось Дэйву вмешаться. Он расшвырял дерущихся по углам, как котят, при этом кого-то больно приложило об стену, и потом пришлось долго и нудно отвечать на вопросы полиции. В результате домой Дэйв попал уже затемно.

– Дорогой, почему так поздно? – Сюзи встречала его у дверей. – Я жутко волнуюсь! Почему ты не берешь трубку?

– Так не было звонков, – ответил Дэйв, – ах, да... – он запоздало

спохватился, – я же выключил звук, когда приехала полиция... наверное, не слышал просто.

– Полиция? – озабоченно воскликнула Сюзи. – Почему? Что случилось? Тебя ранили?! – Она бросилась осматривать мужа с ног до головы.

– Нет-нет, я в порядке! – улыбнулся он, заключая жену в объятия. – Я не пострадал. В ресторане затеяли драку, пришлось всех успокаивать.

– Надеюсь, ты никого не успокоил навсегда? – подозрительно поглядела на него Сюзи.

– До этого не дошло, – улыбнулся Дэйв, – просто кто-то там слишком сильно ударился головой о стену. – Он недовольно поморщился. – Бывает.

– Знаю я это твое «бывает»! – заявила Сюзи. – Рыжий Клайв на выпускном из-за этого был в гипсе!

– Вспомнила! – фыркнул Дэйв. – Когда это было?! Да и потом, рыжий был сам виноват. Не стоило замахиваться на меня битой. Думаю, тот урок пошел ему только на пользу.

– Вам, мужикам, лишь бы кулаками помахать! – разоблачительно провозгласила Сюзи. – Знаю я вас!

– И вовсе нет, – обиделся Дэйв, – я просто защищался. С каких это пор добропорядочный американец не имеет права на самозащиту?

– Вот как? – подняла брови жена. – И от кого же ты самозащищался сегодня, да еще так, что людей в стены впечатывало?

– Да неожиданно как-то все случилось, – нехотя ответил Дэйв, – какой-то ребенок-мутант выгрыз кусок мяса охраннику из ноги, тот ударил его электрошоком, а вокруг было полно народу... Ну, все и закрутилось.

– Кошмар! – Сюзи пришла в ужас. – Что творится на свете! Как господь допускает такое?!

Дэйв подумал, что это только ему одному и известно, но ничего не сказал, не желая расстраивать жену еще сильнее. Тем временем погрузневшая Сюзи прижалась к мужу и сообщила:

– Помнишь, на прошлой неделе я рассказывала тебе про случай на работе?

– Это когда твоей подруге лиг откусил палец из-за перстня? – припомнил Дэйв. – Конечно, помню. Ты потом сутки была сама не своя. А что?

– Тот маленький лиг умер в больнице, – грустно вздохнула Сюзи. – Мари ударила его слишком сильно. Сегодня за ней приезжала полиция прямо на работу. Они надели на нее наручники и зачитали права. Теперь ее ждет суд. Ужас какой...

Она немного помолчала и добавила:

– Полицейский сказал: «Закон есть закон»... Видно было, что он и сам не рад ее арестовывать.

– Это его работа, тут ничего не поделаешь, – ответил Дэйв, – хотя ты права, вокруг творится какая-то чертовщина. В ресторан уже прибегали правозащитники из МАГБ вперемешку с журналистами. Одни произносили громкие слова о борьбе с дискриминацией, другие просто искали, чем поживиться. И совершенно никого не волновало, что парень попал в больницу и получил десяток уколов от укуса этого маленького чудовища. От бешеных собак хлопот меньше!

Из столовой донеслась знакомая мелодия телевизионной заставки, и Сюзи потянула его за собой:

– Девятичасовые новости! Пойдем, посмотришь, а я тебя покормлю.

Дэйв сбросил обувь и проследовал за женой.

– С авиабазы в Тусоне приходят все более тревожные известия! – Телепанель показывала лишь фотографию журналиста, видео картинки не было. – В связи с запретом проведения съемок на военном объекте, наш собственный корреспондент освещает события по телефону. Вы в эфире, Джон! Есть ли какие-нибудь новости относительно эпидемии?

– Здравствуй, Ларс, здравствуйте, дорогие зрители! – раздался голос корреспондента, слегка подпорченный помехами. – Да, действительно, новости есть, и они неутешительные! Как мне только что удалось выяснить, военные пытаются скрыть от общественности тот факт, что абсолютно весь личный состав авиабазы подвергся заражению. Территория базы окружена плотным кольцом заградительных сооружений, охраняемых солдатами. Никто не сможет выйти оттуда, и никто не сможет туда попасть, за исключением военных вирусологов, которые, как мне хорошо видно отсюда, работают в костюмах биологической защиты высшей категории. Но это еще не все, что мне удалось выяснить. Военные медики регулярно берут пробы воды и воздуха в разных районах Тусона, в том числе и на промышленных предприятиях. Мэр города пока никак не прокомментировал это, отказавшись от общения с прессой, а его пресс-атташе заявил, что действия военных вирусологов – это не более чем обязательная формальность, предусмотренная законом в подобных случаях. Однако по сообщению источника, пожелавшего остаться неизвестным, в инфекционное отделение больницы, в которой он работает, недавно поступило двое больных с симптомами, весьма сходными с теми, что наблюдаются у подвергшегося заражению персонала базы. Кроме того, нам по-прежнему ничего не известно о состоянии больных военнослужащих

авиабазы. Военные отказываются давать какие-либо комментарии на этот счет. Это пока все, я буду держать вас в курсе событий! Ларс?

– Спасибо, Джон, отличная работа! – похвалил коллегу журналист и продолжил: – А теперь к зарубежным новостям. В борьбе с эпидемией гриппа, получившего неофициальное название «желтый», шестой месяц свирепствующей на большей части территории Китая и Индии, похоже, достигнут определенный прогресс. Концерн «Сёрвайвинг Корпорэйшн» предложил новый препарат, испытания которого уже показали поистине блестящий результат – стопроцентное излечение от болезни. «СК» пообещало выпустить свой препарат в продажу уже на следующей неделе. В настоящее время производственные мощности концерна срочно переоборудуются под массовый выпуск этого лекарства, названного своим создателем, ведущим генетиком «Сёрвайвинг Корпорэйшн», нобелевским лауреатом доктором Сэмюэлем Уэйном, «Панацеей». Мы надеемся, что данный препарат оправдывает свое название и действительно окажется панацеей от ужасной болезни, унесшей на сегодняшний день жизни уже более тридцати трех миллионов человек в Китае и порядка двух миллионов в Индии...

Дэйв мрачно покачал головой и пошел мыть руки. Слушать новости с каждым разом становилось все тяжелее.

Невысокий худощавый мужчина лет сорока пяти, облаченный в тонкий белый стерильный скафандр, отстранился от окуляров электронного микроскопа и посмотрел на панель видеофона.

– Ну, что там еще? – недовольно спросил он.

– Доктор Уэйн, сэр! – Испуганное лицо ассистента выражало крайнюю степень неуверенности. – Простите, что отвлекаю вас от важных исследований...

– Короче, юноша! Короче! – скривился Уэйн. – Экономьте мое и свое время!

– Вас вызывает мистер Стражински! – с перепуга выпалил ассистент. – Он требует срочной связи!

– Так переключите вызов прямо сюда! – закатил к потолку глаза ученый. – Помилуйте, юноша, нельзя быть настолько бестолковым!

Ассистент поспешил убраться с глаз долой, и его изображение на экране видеофона сменилось изображением пожилого толстяка с бакенбардами.

– Доктор Уэйн, профессор! Приветствую вас! – чопорно изрек толстяк.

– Я тоже рад вас видеть, – без всякого энтузиазма ответил ученый.

Всякого рода номенклатурные функционеры, менеджеры высшего звена и прочие бездельники его раздражали, но Стражински являлся одним из помощников Смитсона, и проигнорировать его не было возможности. Именно через этого неприятного толстяка заказчик обычно связывался с Уэйном. Однако лишний раз дать самовлюбленному Стражински понять, кто есть кто, профессор никогда не забывал.

– Прошу прощения, что вынужден принимать ваш звонок в таком виде, – доктор Уэйн обвел руками огромную лабораторию, оборудованную последними достижениями науки в области электроники, научной техники и приборостроения, – но у меня слишком много дел. Чем могу быть полезен?

Стражински намек понял, но вида не подал, лишь в сальных глазах на мгновение мелькнул огонек давней неприязни.

– Господин Смитсон передает вам свои поздравления по поводу успешно пройденных испытаний вашей «Панацеи». Мы все рады за ваш успех и удачу...

– Еще бы вы были не рады, – недовольно оборвал его Уэйн, – ведь она принесет вам миллиарды. И не надо рассказывать МНЕ об удаче. Лекарство работает и по-другому быть не могло: согласно вашему заказу я создал препарат против созданной мною же болезни. Это все, ради чего вы решили отвлечь меня от работы?

Злобный огонек в глазах собеседника вспыхнул вновь, но внешне Стражински никак не отреагировал на выпад своенравного ученого. Он был слишком опытным и слишком хорошим руководителем, чтобы обращать внимания на такие мелочи. Эти нобелевские лауреаты такие капризные! К тому же доктор Уэйн был орудием производства высочайшего класса, приносящим «Сёрвайвинг Корпорэйшн» огромные прибыли. Это автоматически означало, что небольшие издержки можно было и потерпеть. Ради корпоративного блага вообще и собственного в частности. Поэтому Стражински все так же невозмутимо продолжил:

– И все же, профессор, вы скромничаете. Ваш успех лишний раз доказывает ваш высокий уровень компетентности. Господин Смитсон желал бы узнать, когда будут закончены работы над проектом «Арабика»? Вы выбиваетесь из оговоренных сроков!

– Я же направлял вам письмо! – недовольно сжал губы ученый. – Мне требуются еще полмиллиарда долларов и не менее восьми месяцев дополнительного времени! Генетическая модификация – это очень тонкая и кропотливая работа. Это вам не бизнес-планчики строчить. Синтезирование болезни, имеющей целевую направленность на

представителей монголоидной расы, и создание конструкции, определяющей арабский генотип, имеют в своих механизмах далеко не всегда сходные процессы! Если выпустить рис «Арабика» сейчас, мы не сможем гарантировать безопасность некоторых других генетически схожих этнических групп, например, евреев! – Он раздраженно посмотрел на изображение Стражински. – Я все это вам писал! Почему вы не довели мои требования до заказчика? Или мне все надо делать самому? Тогда запишите меня на прием к мистеру Смитсону, а еще лучше, к кому-нибудь из его хозяев. Я сам все объясню!

Уэйн окончательно потерял терпение и выключил видеопанель, прервав связь. Этот идиот Стражински временами его просто бесил. Ведь он имеет всю информацию, почему вовремя не передал заказчику все необходимое? Снова плетут свои, одним им понятные интриги, словно пауки в банке. Не иначе толстяк специально затянул передачу его письма Смитсону, наверняка дожидался успешного дебюта «Панацеи». Теперь он может доложить о срыве сроков и требовании дополнительного финансирования, не боясь услышать обвинения в том, что только просит денег и не имеет результатов. Трусливый и никчемный прохиндей, наверняка вылизал себе дорогу в высшее руководство!

Подобных Стражински Уэйн не любил. Ученый добился научного признания и миллионных гонораров своим талантом и трудолюбием. В двадцать семь лет он уже защитил свою вторую докторскую и сейчас по праву считался одним из лучших мировых специалистов в генетике, по результатам его работ созывались научные семинары, на которые съезжались не последние умы со всего мира. Кстати, скоро в Женеве состоится один из них, и неплохо было бы к этому времени запустить в серию проект «Арабика». В том, что «СК» выделит ему дополнительные средства, он не сомневался. Проект концерна по созданию во всем мире сети ЦСГР перед самым завершением неожиданно забуксовал сразу чуть ли не в половине арабского мира. Марионеточные правительства, давно уже принадлежащие «СК» с потрохами, не препятствовали строительству, но вот общественное мнение и церковь почему-то не везде восприняли проект концерна так, как ожидалось. Так что теперь «СК» срочно нужен этот рис. Жуткая эпидемия заставит людей по-другому взглянуть на вещи. А единственное лекарство, способное противостоять этому гриппу, его «Панацея», принадлежит «Сёрвайвинг Корпорэйшн». И она не замедлит прийти на помощь страждущим, чем только укрепит свои позиции. Надежный сценарий, отлично показавший себя сначала в Китае, а после в Индии.

Кстати об эпидемии. Завтра надо будет заняться образцами, доставленными из Тусона. Там явно появилось нечто любопытное, возможно, это окажется полезной основой для дальнейших разработок. Все-таки с природой соревноваться на равных непросто, в ее распоряжении вся база данных многих миллиардов лет эволюции. Но в наши времена эволюция на планете давно встала. Исчезла главная движущаяся сила эволюции – естественный отбор. Люди понаделали кучу законов, прав человека, моралей, стереотипов – и давным-давно уже выживает не сильнейший или умнейший, а все подряд. Каждый имеет право на жизнь. Все! Едва прозвучала эта фраза, как естественный отбор прекратился, и эволюция умерла, а человечество превратилось в стадо безмозглых, страдающих от ожирения жрущих животных, управляемых горсткой умных, расчетливых и прозорливых людей.

Но есть еще последняя линия обороны. Эта линия – он, доктор Уэйн. Он давно уже взял на себя тяжкое бремя естественного отбора, раз больше некому. В работе над созданием ГМО для нужд «СК» его прельстили не только огромные деньги. Он, со своим блестящим умом, мог заработать их в любом случае. Не здесь, так в другом месте. Гораздо больше его прельстила возможность вернуть естественный ход эволюции на круги своя. Если в лесу волки отвечают за уничтожение больных и неудачных особей животного мира, то в мире людей за это будут отвечать ГМО. То, что трансгены несут человеку смертельную опасность, он понял сразу. И занялся этой областью с удовольствием по простой причине: многие поняли то же самое и стали выступать за отказ от ГМО. Но еще большей части людей на это было наплевать. Они готовы были, словно животные, набивать брюхо любой отравой, не заботясь о том, что ждет их или их детей. Вот эту часть общества Уэйн и называл стадом. Именно она должна уничтожить сама себя, просто употребляя в пищу трансгены. Ничто не могло справиться с проблемой лучше. Даже волки, преследуя стадо оленей и пожирая слабых и плохо приспособленных, убивали лишь следствие. ГМО же боролось с самой сутью проблемы – уничтожала стадо по генетическому принципу. Ты не хочешь заботиться о себе и будущем своих детей? Тебе наплевать, что происходит с планетой и какая экология тебя окружает? Тебя не интересует, что ты ешь, пьешь, вдыхаешь? У тебя не хватает мозгов заработать достаточно денег на покупку чистой пищи в магазинах МАГБ? Тогда ГМО для тебя, добро пожаловать в фаст-фуд. Ешь на здоровье, и природа вздохнет спокойно – твои дети родятся нежизнеспособными и не дадут потомства. После твоей смерти уже никто не передаст следующему поколению твои гены тупоумия и недалекости.

Вот что такое естественный отбор по Уэйну! Да будет так, и так будет!

Ученый вернулся к микроскопу и нажал кнопку на панели управления, выводя изображения с прибора на огромный экран компьютера. Двухметровая матрица монитора мгновенно заполнилась изображениями генома какого-то организма, и ученый углубился в работу, часто переходя от компьютера к микроскопу и обратно. Время от времени он отдавал распоряжения помощникам и снова погружался в раздумья. Сигнал видефона прозвучал, как всегда, совершенно не к месту.

– Господин профессор, вам звонит ваша дочь! – запинаясь от страха, выпалил ассистент и мгновенно исчез, переключая вызов.

– Здравствуй, папочка! – Лиз устало улыбнулась. – Я звоню мешать тебе работать!

– Здравствуй, милая! – обрадовался Уэйн. – Ты не можешь мне помешать, я всегда рад тебя видеть. – Он пригляделся к изображению дочери. – Ты очень бледна! Как ты себя чувствуешь?

– Тошнит весь день, – призналась Лиз, поглаживая округлившийся животик, – а так в порядке. Мне скучно. – Она виновато улыбнулась.

– А где твой муженек? – нахмурился Уэйн. – Снова болтается где-то?

– Папа, мы же договаривались! – обиженно воскликнула Лиз. – Я знаю, что вы не любите друг друга, и не заставляю вас обниматься! Но вот только не надо при мне всего этого, хорошо?!

– Хорошо-хорошо, – примирительно произнес ученый, – просто мне не хотелось бы видеть тебя одну в такой период. Мать бы со мной согласилась.

– Мама бы одобрила мой выбор! – не согласилась Лиз. – Она всегда говорила, что я должна выбирать себе мужа сердцем, а не глазами. Главное, что нам хорошо вместе!

– Что-то я не вижу вас вместе! – проворчал Уэйн.

– Папа, не начинай! – Лиз погрозила ему пальчиком. – Ты же знаешь, Майкл полицейский, и у него непростая работа. Ну, конечно, не такая сложная, как у тебя! – Она весело улыбнулась. – Но ты же у меня гениальный ученый, которому мы все мешаем работать! – Лиз хихикнула.

– Последнее замечание – суть чистая правда! – заметил Уэйн, улыбаясь.

– Все-все, я уже оставляю тебя в покое! – замахала руками Лиз. – Но сначала обещай мне одну вещь!

– Все, что в моих силах, малышка! – Уэйн отрицательным жестом отправил от себя подошедшего было помощника с какими-то бумагами в руках. – Я разговариваю с дочерью! Сколько еще раз мне объявить, что

никто не имеет права беспокоить меня в это время? – Он посмотрел на несчастного помощника так, что того буквально ветром сдуло, и вернулся к разговору с дочерью. – Чего ты хочешь от меня, маленькая вымогательница?

– Майкл сегодня на сутках, и я сижу дома одна, – пожаловалась Лиз, – обещай, что обязательно приедешь вечером на ужин! И я сразу же отключусь! – снова улыбнулась она.

– Обещаю с превеликим удовольствием! – ласково улыбнулся ученый. – Жди меня к восьми часам, и предупреждаю, я приеду очень голодный!

Лиз просияла и отключилась. Уэйн отвернулся от погасшего видефона и жестом дал понять перепуганному помощнику, что теперь тот может подойти.

Дэйв смотрел в окно на лениво проползающие мимо «Кадиллака» нью-йоркские небоскребы и время от времени украдкой поглядывал на босса в зеркало заднего вида. Старик был с самого утра мрачнее тучи. Все лето дела в ресторане шли не самым лучшим образом, и Дэйв все реже видел босса в веселом расположении духа. Но сегодня старик был угрюм как никогда.

– Мистер Кинли, эта пробка никогда не закончится? – тоскливо поинтересовался босс.

– Сожалею, сэр! – отрапортовал водитель. – Я делаю все, что могу, сэр! Но движение действительно слишком плотное, не могу найти ни одного просвета!

– Проклятая забастовка! – буркнул старик и вновь погрузился в свои мрачные мысли.

Дэйв мысленно поморщился. Он бы добавил – проклятые «заботливые». Понарожали лигов и требуют теперь от государства денег на содержание своих мутантов. Ну так и требовали бы себе где-нибудь в Вашингтоне, перед Белым Домом! Почему из-за их проблем должны страдать обычные люди?! Нет, недаром излюбленным средством протеста «заботливых» стало устройство пикетов прямо посреди автомобильных дорог. Не иначе как им доставляет удовольствие видеть, что плохо не только им и их вырождакам, но и вообще всем вокруг! Правозащитнички из МАГБ на каждом углу кричат о правах человека. Черт возьми, он тоже человек, и у него тоже есть права! В частности, право спокойно проехать по своему городу!

– Мистер Кинли, остановите здесь! – вдруг заявил босс.

Кинли и Дэйв недоуменно переглянулись. Такого требования никто не ожидал, старик никогда не останавливался в этом районе.

– Простите, сэр? – на всякий случай уточнил Кинли.

– Это ведь «Клирхилл», так? – босс ткнул рукой в окно на здание ресторана.

– Да, сэр, – кивнул Кинли, – так и есть.

– Давайте туда! – распорядился старик.

– Слушаюсь, сэр! – ответил водитель и принялся перестраиваться в правый ряд, что было не так-то просто сделать в медленно ползущем скопище автомобилей.

Наконец ему удалось припарковаться, и Дэйв, привычно нажав кнопку дверного замка, энергично выскочил наружу. Он открыл старику дверь, и босс, крихтя, вылез из машины.

– Пойдем-ка, перекусим, сынок! – задумчиво произнес он, глядя на двери «Клирхилла».

Дэйв промолчал, скрывая свое удивление. За более чем два года работы на его памяти старик ни разу не обедал в чужих заведениях, всегда предпочитая собственную кухню всем остальным, даже дорогим и престижным. Он, как положено, проследовал за боссом к дверям ресторана.

– Сегодня тут спокойно, как я погляжу, – старик оглядел пространство перед входом, – это хорошо...

Вокруг и вправду было пусто, что для ресторанов сети «Клирхилл» в последние годы было редкостью. «Клирхилл» прославился тем, что три года назад отказался обслуживать лигов. Ни мутантов, ни посетителей, пришедших в заведение с детьми-лигами, внутрь ресторанов категорически не пускали. Поначалу это вызвало небывалый скандал, на руководство «Клирхилла» набросились газетчики, правозащитники, адвокаты, политики, почуявшие хорошую возможность сделать карьеру на скандале, и вообще все, кому не лень. Им даже пытались вчинить судебный иск. Но сеть твердо стояла на своем, откопав какую-то лазейку в законе о частной собственности. В конце концов, так ничего и не добившись, стервятники оставили «Клирхилл» в покое, и только «заботливые» до сих пор пикетировали у входов в рестораны. Как ни странно, дела у сети после скандала пошли только лучше. Многие были не прочь посетить заведение, свободное от мутантов.

Дэйв довел босса до обеденного зала и направился было в холл, где обычно посетителей ресторана ожидала их охрана, но старик остановил его.

– Пойдем со мной, сынок, сегодня я угощаю, – поманил он его за

собой.

– Но, сэр, – вежливо запротестовал Дэйв, – я не могу так поступить. Это непрофессионально.

Старик только махнул рукой.

– Сегодня можно. Мне нужна компания. Считай это требованием клиента! – Он развернулся и направился к столикам.

Пока ждали заказ, босс молчал, хмуро разглядывая окружающий интерьер и сидящих за столиками посетителей. Наконец он невесело произнес:

– Да, с ними не потягаешься...

– Простите, сэр? – не понял Дэйв. – А разве вам необходимо соперничать с «Клирхиллом»?

Босс печально вздохнул:

– Ресторан умирает, сынок. Вот уже полгода в вечерние часы мы работаем в убыток. Раньше еще удавалось выходить «в ноль», но последние месяцы дела пошли из рук вон плохо. У простых людей все меньше денег с этой чертовой катастрофой. А те, что ходят сюда, – он кивнул в сторону столиков, – к нам не пойдут, для них это не тот уровень.

Он замолчал, увидев подходящего официанта. Принесли заказ, и старик отрезал кусок дымящегося стэйка.

– Недурно, – резюмировал он, закончив жевать, – очень недурно. Получше нашего будет, это факт...

Старик не торопясь расправился с стэйком и продолжил:

– Если бы не дневной фаст-фуд, я давно уже был бы вынужден продать ресторан. Только дневные часы приносят хорошую выручку, Дэйв. И знаешь, кто наш основной контингент? – Он невесело хмыкнул. – «Заботливые» и их маленькие лиги. Впрочем, и не маленькие тоже частенько захаживают.

Босс тоскливо поглядел по сторонам и, болезненно сморщившись, сообщил:

– Я принял решение упразднить вечерний ресторан. – Он печально покивал сам себе. – Да, упразднить. Иначе мне просто нечем будет оплачивать кредиты. Отныне мы станем дешевой забегаловкой для лигов и их родителей, продающей фаст-фуд с утра до вечера. Это привлечет клиентов и поднимет выручку.

Дэйв молчал, но старик и не ждал ответа. Ему просто надо было с кем-то поговорить. Его жена умерла еще лет десять назад, взрослые дети жили где-то в Калифорнии, и босс фактически жил одиночкой, с утра до вечера пропадая в своем ресторанчике.

– Видит бог, это далось мне очень тяжело, – старик смотрел куда-то сквозь Дэйва, – но выбора у меня нет. С каким превеликим удовольствием я не делал бы этого, будь у меня хоть один шанс!

Босс покачал головой.

– Я стар и привык видеть вокруг себя совсем других детей, Дэйв. Настоящих, с руками и ногами, не изуродованными этими жуткими мутациями, с нормальными улыбающимися лицами, а не перекошенными образинами! Детей, заливающих звонким веселым смехом, а не шипящих от вечной боли покореженными голосовыми связками! Мне дико видеть, как падают столетние деревья, сожранные какой-то мутировавшей гнилью, и слышать в новостях о том, как миллионы китайцев умирают от неизвестной болезни! Как хорошо, что Кимберли не застала всего этого. – Старик перекрестился.

Он несколько минут молчал, после чего вдруг вяло улыбнулся Дэйву:

– Ладно, сынок, не обращай внимания на брюзжащего старика, потихоньку выживающего из ума. Давай лучше выпьем. Я знаю, что тебе нельзя на службе, но ты просто поддержи компанию!

Босс налил Дэйву воды и поднял рюмку с водкой.

– За мой ресторан, светлая ему память! Покойся с миром, старый друг... – Старик одним движением проглотил содержимое рюмки.

Громада атомного ракетносца подошла к причальной стенке практически вплотную и замерла, слабо покачиваясь на свежей волне.

– Стоп машина! – приказал Уилкинсон. – Свистать всех наверх!

Трехмесячный поход был окончен. Предстояло торжественное построение экипажа, доклад в штабе флота, и все, домой, к жене и ребенку. Капитан ракетносца улыбнулся своим мыслям. Сынишке сегодня ровно двадцать дней, своего рода круглая дата. Интересно, на кого из родителей он похож больше? У него наверняка глаза Марго. Большие умные глазищи нежно-голубого цвета. А овал лица конечно же отцовский, благородные черты потомственного джентльмена.

За время автономного плавания Уилкинсон каким только не представлял себе сына и давно уже был уверен, что перебрал все варианты и обязательно узнает его, едва только увидит. Жаль, что режим строжайшей секретности не позволял ему, находясь в море, ни пообщаться с семьей, ни получить хотя бы фото ребенка. Единственной поблажкой, которую сделало ему командование, была короткая приписка к очередной шифровке из штаба флота: «Капитана Ричарда Уилкинсона поздравляем с рождением сына».

Содержание этого дополнения к сверхсекретному приказу стало известно всему экипажу подлодки практически мгновенно. Уилкинсон так и не узнал, кто именно из его подчиненных нагло разгласил военную тайну, но спустя пять минут после получения этого известия весь личный состав уже поздравлял своего капитана всеми доступными способами. Поздравления передавались не только лично, но звучали по внутренней связи со всех боевых постов. Вечером кок подал праздничный ужин всему экипажу. С того дня Уилкинсон мысленно уже был с женой и ребенком.

Торжественные ритуалы и прочие неизбежные формальности, связанные с возвращением лодки с боевого дежурства, прошли для него словно во сне. Никогда еще время не тянулось так долго. Даже адмирал Степлтон, лично проводивший брифинг в штабе флота, всегда лаконичный и педантичный, на этот раз, казалось, специально тянет резину. Наконец адмирал объявил совещание оконченным, и Уилкинсон счастливо вздохнул. Все служебные дела остались позади. Теперь – домой. Он почти бегом направился к выходу, обгоняя впереди идущих офицеров, провожающих его хмурыми взглядами.

Едва Уилкинсон вышел к лифтам, к нему подошли четверо офицеров со знаками различия службы безопасности флота. Двое из них тут же ненавязчиво зашли ему за спину.

– Капитан Ричард Уилкинсон, командир «Великой Британии»? – согласно протоколу поинтересовался старший из них, с погонами майора.

– Да, – подтвердил Уилкинсон, рассерженно глядя на него, – в чем дело, майор?

И так ясно, что раз офицеры пришли к нему, то досконально изучили его фото заранее. Но что бы ни привело их, сейчас для этого было явно не самое лучшее время.

– Сэр, прошу вас пройти с нами, – уклончиво ответил тот, указывая на одну из открытых дверей, – нам необходимо побеседовать.

– При всем моем уважении к службе безопасности флота, – Уилкинсон сдержал возмущение, – не может ли наша беседа подождать? Я тороплюсь к жене и новорожденному ребенку. И хотел бы успеть купить им подарки к Рождеству.

– К моему глубокому сожалению, это невозможно, – хмуро ответил майор, – нам надо поговорить сейчас. Потом... потом мы отвезем вас домой.

– Хорошо, – сдался Уилкинсон, – только прошу вас не тратить время зря!

Он прошел в указанный кабинет. Внутри посредине стоял стол с двумя

креслами напротив друг друга, на столе лежала папка с документами. Больше в помещении не было ничего, кроме голых стен.

– Присаживайтесь, сэр, – майор указал Уилкинсону на кресло.

Уилкинсон повиновался. Майор обошел стол и сел в кресло напротив. Офицеры безопасности замерли по углам.

– Итак, чем я могу быть полезен? – опередил безопасника Уилкинсон. – Во время боевого дежурства на моей лодке не было проблем с секретностью.

– Дело не в секретности, – ответил майор и неожиданно замялся, – я... то есть мне... – Он быстро взял себя в руки и на одном дыхании доложил: – Господин капитан, командование поручило мне сообщить вам тяжелое известие. Ваша жена и ребенок погибли при трагических обстоятельствах. Мне очень жаль, сэр!

Майор умолк, словно его внезапно лишили дара речи. Уилкинсон почувствовал, как его сознание погружается в грязно-серый туман, сквозь который эхо от слов майора гремело, словно набат, раскаленными волнами прокатываясь через мозг. Несколько минут он молча сидел, не шевелясь, словно окаменел от услышанного.

– Капитан Уилкинсон? Сэр? – осторожно позвал его майор. – Вы меня слышите? – Он обернулся к одному из офицеров и коротко кивнул.

Офицер шагнул к Уилкинсону, на ходу доставая из кармана ампулу с нашатырным спиртом. Но капитан жестом остановил его.

– Как это произошло? – деревянным голосом спросил Уилкинсон.

– Самоубийство, – ответил майор.

– Конкретнее, – лишенный эмоций голос подводника ничего не выражал.

– Ваша супруга с младенцем на руках выбросилась с девятого этажа медицинской клиники, где произошли роды, – немного помедлив, ответил майор.

Уилкинсон мгновение помолчал и столь же безразличным тоном уточнил:

– Ребенок родился неполноценным?

Майор болезненно прикрыл глаза, ему самому этот разговор давался с большим трудом. Он молча протянул Уилкинсону лежащую на столе папку и только потом заставил себя ответить:

– Это данные медицинского освидетельствования.

Уилкинсон не глядя забрал папку и все так же спокойно спросил:

– Я посмотрю позже. Что с ним, майор? Что было с моим сыном?

– Тяжелые мутации, сэр. Недостаток двух хромосом. Ребенок родился

без глаз... совсем... Вашей супруге предложили подписать прошение об эвтаназии, но она... никто не ожидал... – Майор замолчал.

– Я вас понял, майор. – Уилкинсон, сжимая в руках папку, поднялся на ноги. – Спасибо, что взяли на себя эту тяжелую ношу. Теперь я могу идти?

– Да, конечно, сэр... – Майор внимательно посмотрел на него. – Мы можем отвезти вас домой, сэр.

– Лучше на кладбище, майор. Я хочу навестить семью.

Уилкинсон вышел из кабинета в сопровождении офицеров безопасности. Краем глаза он заметил какое-то движение и услышал негромкий голос майора:

– Куда?

– Я должен вручить капитану Уилкинсону приказ о предоставляемом ему отпуске, а также приказ о последующем прохождении психологического тестирования, – раздался шепот в ответ, и подводник узнал голос адъютанта адмирала Степлтона.

Уилкинсон стиснул зубы. Сейчас он хотел только одного – увидеть могилы своей семьи.

– Не сейчас, – так же тихо прозвучал шепот майора, – давайте сюда. Я сам вручу ему приказы. Позже.

Дэйв стоял в обеденном зале ресторана у входа в производственный сектор, дожидаясь возвращения босса, который что-то там выяснял с кем-то из персонала. Пока старик не вернулся, он разглядывал изменившийся ресторан. Дюжина добротных деревянных столов, столь любимых немногочисленными завсегдатаями вечерних часов, исчезли, уступив место почти четырем десяткам маленьких пластиковых столиков, убогим и дешевым конструкциям скелетного типа. Исчезли скатерти, искусственные розовые кусты в массивных напольных горшках, витые торшеры – все было пожертвовано в угоду пространству. Для фаст-фуда не нужны накрахмаленные скатерти, не нужны красивые столовые приборы, не нужен даже шеф-повар. Нужно лишь с удовольствием жрущее всю эту дрянь стадо и побольше посадочных мест.

Дэйв не был настолько богат, чтобы покупать чистую еду в специализированных магазинах МАГБ, но они с Сюзи лучше сэкономят на новых тряпках или на дополнительных каналах телевидения, чем станут есть фаст-фуд. Эта пища производилась для наиболее малоимущих слоев населения из трансгенных продуктов еще самых первых модификаций. Прямой путь в родители лигов. Он окинул взглядом обеденный зал. Часы показывали полдень, и ресторан был заполнен битком, в ушах стоял

непрерывный гвалт. Дэйв поморщился. Одни малоимущие и даже просто нищие. Более половины с детьми. Из детей младше шести лет нет ни одного нормального. Он вдруг понял, что раньше не отдавал себе отчет, насколько много стало вокруг малолетних лигов. Лиги постарше встречались на порядок реже, но абсолютно все малыши имели генетическую инвалидность. За пять лет развития генетической катастрофы он так и не смог привыкнуть к изувеченным мутациями детским телам и лицам. Большинство маленьких лигов постоянно испытывало боль, кто-то тихо хныкал, кто-то пытался орать во весь голос, заставляя родителей то жалеть их, то отвешивать им подзатыльники.

Долго наблюдать эту картину ему было не под силу. Отвращение взяло верх, и Дэйв отвернулся, принявшись разглядывать дверь в подсобку. К счастью, вскоре появился босс.

– Жуткое зрелище, да, сынок? – Старик окинул ресторан печальным взглядом. – А помнишь, как уютно здесь было раньше... Я купил это помещение тридцать лет назад, и мы с Кимберли организовали маленький ресторанчик. Счастливее нас тогда в Нью-Йорке пары не было...

Он еще немного постоял, разглядывая то, во что превратился ресторан, и бормоча себе под нос что-то о прелестях давно ушедших лет, после чего отправился в свой кабинет.

Когда Дэйв вернулся с работы, было уже поздно. Сюзи, как обычно, встречала его у дверей.

– Привет, дорогая, – обнял жену Дэйв, – как ты?

– Ты не представляешь, что сегодня произошло! – заявила Сюзи. – Это просто возмутительно!

– Что такое? – насторожился Дэйв. – Кого-то снова покусал лиг?

– Сегодня был заключительный день суда над Мари! – ответила жена. – Я же тебе говорила вчера!

– Ах, да, – спохватился он, – прости, я совсем забыл. На работе теперь сплошной дурдом, немудрено забыть. – Он ласково взлохматил ей волосы. – Как тебе быть свидетелем защиты?

– Отвратительно! – воскликнула Сюзи. – Зачем нужна такая защита, если ее все равно признали виновной!

– То есть как? – опешил Дэйв. – Присяжные решили, что она виновна?

– Именно! – Возмущению жены не было предела. – Теперь адвокат Мари будет подавать апелляцию! Иначе ее упрячут за решетку на двенадцать лет!

– Но как такое возможно? – недоумевал Дэйв. – Она же защищалась! Этот чертов лиг был бешеный!

– Поговаривают, что суд испытывал сильное давление со стороны МАГБ, – поморщилась Сюзи. – Очень может быть, потому что «заботливые» разбили возле здания суда целый палаточный городок. Представитель МАГБ, наоборот, заявил, что они не вмешивались в процесс, и даже журналист от них был всего один. Говорит, что это «Сёрвайвинг Корпорэйшн» так подстроила, будто им выгодно подогреть ажиотаж, чтобы люди охотнее покупали жилые площади в их ЦСГР, как только они запустят программу.

– Ну, в этом вопросе верить нельзя ни тем, ни другим, – философски заметил Дэйв, – эти конторы ненавидят друг друга и все что угодно скажут, чтобы облить грязью своего давнего врага.

– Не знаю, – пожала плечами Сюзи, – только все это действительно очень странно. Состав присяжных определяется беспристрастным выбором компьютера, так?

– Вроде да, а что?

– А то, что больше половины присяжных имеет родственников-лигов, а двое – даже являются их родителями, – возмутилась она, – странный какой-то был выбор компьютера на этот раз.

– Сюзи, крошка, компьютер никогда не ошибается, – отмахнулся Дэйв, – это же основы американской судебной системы, в нашей стране все честно. Не расстраивайся, адвокат подаст апелляцию, все еще образуется. А сейчас – ужинать!

Он, смеясь, подхватил ее на руки и понес в столовую. Пока Сюзи возилась с тарелками, Дэйв включил телепанель. Было уже девять, и он не хотел пропустить новости. Выпуск открылся экстренным сообщением из Тусона.

– Срочное сообщение из Тусона, штат Аризона. Как мы уже сообщали ранее, нам так и не удалось восстановить связь с нашим корреспондентом, после того как во время прошлого своего репортажа он сослался на недомогание. Наша новая съемочная группа, в срочном порядке выехавшая на место событий, не смогла попасть в город. Тусон оцеплен войсками, любые передвижения строжайше запрещены, связи с городом нет. По сообщениям официальных источников, все население городской агломерации подверглось инфекции, включая большое количество медицинских работников и спасателей, прибывших для оказания помощи. Глава «Федерального Агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях» (ФЕМА) сделал официальное заявление:

На экране возникло изображение пресс-конференции, и оператор дал крупный план седовласого джентльмена.

– Я хочу еще раз подчеркнуть, что положение дел в агломерации Тусона крайне серьезное! – За спиной чиновника на огромном экране вспыхивали диаграммы и цифры, подтверждая его слова фактами. – В городе бушует суперинфекция, ни остановить, ни замедлить которую мы пока не в силах. Нашим эпидемиологам удалось установить, что возбудителем болезни является бактерия кишечной палочки, подвергшаяся неизвестной мутации, произошедшей в результате неконтролируемого переноса трансгенных конструкций, предположительно фармакологической модификации. Новая бактерия получила свойства, ранее для этого вида не характерные. Она иммунна ко всем известным антибиотикам, способна передаваться воздушно-капельным путем и переноситься по воздуху на очень большие расстояния и обладает высокой живучестью во внешней среде. Попадая в организм человека, она проникает в кровеносную систему, где начинает размножаться с огромной скоростью, вызывая сепсис, что приводит к летальному исходу. Наши специалисты круглосуточно работают над поиском лекарства, но до тех пор, пока оно не будет получено, Тусонская агломерация будет оставаться в абсолютном карантине. Кроме того, учитывая розу ветров в районе города, мы настоятельно рекомендуем жителям Аризоны и Калифорнии до урегулирования ситуации не выходить из домов без средств защиты органов дыхания. Губернаторы этих штатов уже готовят соответствующие указы, а концерн «Сёрвайвинг Корпорэйшн» уже выразил готовность обеспечить население лицевыми фильтрующими повязками...

Изображение пресс-конференции сменилось лицом обозревателя.

– Это пока все новости о ситуации в Тусоне. Мы будем держать вас в курсе событий. А теперь к другим новостям...

– Дэйв! – Глаза Сюзи были расширены от ужаса. – Мы должны купить лицевые повязки! Ты слышал? Эта гадость разносится ветром!

– Ну, не все так страшно, – успокоил жену Дэйв, – не паникуй. Аризона отсюда очень далеко. Никакой ветер оттуда сюда не дойдет. К тому же власти обязательно найдут решение, вон и «СК» уже подключилась. Не бойся, все будет хорошо!

– Надеюсь, что ты прав, – вздохнула Сюзи, – но повязки я все-таки куплю. На всякий случай. Пусть лучше лежат дома, под рукой. Мало ли что...

Уэйн стоял на набережной Женевского озера и смотрел на знаменитый фонтан Же До. Сверкающая жемчужным блеском стасорокаметровая струя воды завораживала своим видом не меньше, чем величественная картина

заснеженного Монблана, распростершаяся напротив. Уэйн любил это место и каждый раз, приезжая в Женеву, в первый же день приходил сюда и подолгу бродил по просторной набережной, погруженный в свои мысли.

Конгресс генетиков, посвященный текущим вопросам усовершенствования и развития новых методик генной модификации организмов, шел уже третий день. Буквально через час ему предстояло выступить с докладом, который вот уже третий месяц ожидали в научном мире. По сути, его выступление являлось самым значимым событием конгресса, и многие приехали в Женеву только ради него. Споры и обсуждения, вспыхнувшие после того, как Уэйн еще летом опубликовал в интернете некоторые тезисы из будущего выступления, не утихали до самого начала конгресса. И сейчас от него ждали не просто многого, а более чем многого, ведь в какой-то мере его доклад, подготовленный по результатам трехлетней работы, ознаменовывал следующий шаг в развитии генной инженерии.

Но сложнейшие научные выкладки сотен кропотливых экспериментов и структура десятков новых геномов, возникших в их результате, описаниями которых ему предстояло оперировать уже через час перед сотнями известных всему научному миру умов, не заботили сейчас Уэйна. В своем деле равных ему не было, и прочесть доклад Уэйн смог бы даже при условии, что его разбудят посреди ночи и поставят на трибуну. Сейчас у него были другие приоритеты. Лиз должна будет родить менее чем через месяц, и именно это событие занимало все его мысли последние недели. Он лично следил за тем, как протекает беременность дочери, он провел множество тестов, совершенно загоняв молодых родителей в первые дни, и продолжал наблюдение в течение всего периода. Все данные и результаты многочисленных анализов говорили о том, что ребенок появится на свет здоровым и абсолютно полноценным.

Но определенная обеспокоенность не покидала Уэйна. Он как никто другой понимал, что не все можно узнать и определить с помощью тестов. Генетика – это сложнейший эволюционный инструмент природы, предусмотреть все возможные вариации действий которого был не в силах никто, ни гениальный ум, ни теория вероятностей. На разных стадиях развития плода в работу включались все более и более сложные цепочки генов, полный механизм действия которых современной науке был подчас непонятен, а часто и вовсе неизвестен. Как сработает наследственность? Вот вопрос, не дававший покоя Уэйну.

За свои гены он был спокоен и не без гордости мог смело называть себя «чистым». Муж Лиз, к которому Уэйн питал неприязнь с самого

первого дня их знакомства, также оказался вполне здоров. Ученый тщательно проверил и мать Лиз, давно уже живущую отдельно, и даже родителей мужа дочери, к счастью еще находящихся в добром здравии и трезвом уме. Они не просто не стали сопротивляться его идее, но наоборот, с энтузиазмом приняли его предложение о геномном тестировании. Бушующая вокруг генетическая катастрофа, заполнившая мир малолетними мутантами, заставила многих людей смотреть на вещи совсем иначе...

И все же Уэйн опасался. Даже несмотря на то, что никаких конкретных предпосылок к этому не было. Он списывал беспокойство на простые отцовские чувства, но от понимания этого легче не становилось. И мысли эти звучали в голове тем тревожнее, чем ближе становился день родов, мешая ученому сосредоточиться на работе. Именно поэтому он пришел сюда, на набережную, уехав с конгресса и пропустив выступления именитых коллег. Ему требовалось спокойствие и умиротворение, которые всегда нисходили на него в этом месте. Однако сегодня впервые это проверенное годами средство не помогало.

Мобильный разразился требовательной дробью сигнала будильника. Уэйн вздохнул. Пора возвращаться. Ученый ткнул в кнопку телефона, сбрасывая сигнал, и направился в сторону парковки, где его ожидал автомобиль. Двое крепких мужчин, прогуливающих метрах в двадцати позади, по-вернули за ним. Поначалу, когда Стражински приставил к нему охрану, Уэйн был вне себя от негодования, но теперь, после многих весьма неприятных эксцессов, связанных с выходками «заботливых», был даже рад ей. Она изрядно сэкономила ему время, ограждая от всего этого жрущего стада, способного лишь на бесконечное нытье о собственном несчастье и попрошайничество. Он криво усмехнулся. «Заботливые»! Это ж надо было так назваться! Уэйн всегда считал, что им более подошло бы определение «беззаботные» или «пострадавшие от собственной безмозглости». Долго, но зато как метко! Сначала их не заботил свой образ жизни, в результате они нарожали мутантов, а теперь требуют, чтобы кто-то еще и заботился об их детях вместо них, так как самим не хватает возможностей, ограниченных скудными умственными способностями. Просто великолепно!

Едва Уэйн приблизился к машине, охрана уже была рядом, и один из телохранителей предусмотрительно распахнул перед ученым дверь. До места проведения конгресса доехали быстро, он успел не торопясь приготовить необходимые для доклада материалы и даже немного послушал предыдущего оратора. Наконец председатель конгресса объявил:

– Дамы и господа, уважаемые коллеги! Я счастлив пригласить на трибуну нобелевского лауреата, доктора Сэмюэла Уэйна, ведущего специалиста «Сёрвайвинг Корпорэйшн» в области генетики, выступления которого мы все с таким нетерпением ожидали последние три месяца. Прошу вас, доктор Уэйн!

Огромный зал разразился аплодисментами, под грохот которых Уэйн прошествовал на трибуну. Он не торопясь воткнул в кафедральный компьютер электронный носитель с подготовленной презентацией и поздоровался с аудиторией.

– По многочисленным просьбам уважаемых коллег, – произнес он, – я начну с обзора создания последней разработки «Сёрвайвинг Корпорэйшн», препарата «Панацея», успешно борющегося сейчас с эпидемией «желтого» гриппа...

– Скажите, доктор, вам не бывает страшно? – Внезапно прозвучавший в полной тишине женский голос, усиленный громкоговорителями, заставил многих вздрогнуть от неожиданности.

Зал немедленно обернулся к выходу. На одном из балконов, расположенных над ним, в окружении помощников, в механическом инвалидном кресле сидела старая женщина в строгом костюме.

– Госпожа Шаройкина! – иронично улыбнулся Уэйн. – Признаюсь, удивлен увидеть вас здесь. У вас не возникает мысли, что вы несколько неудачно выбрали место для пропаганды запрета ГМО? Если вы не обратили внимания, тут собрались почти все его разработчики!

По залу прокатился смех.

– Я знаю, кто тут собрался, – спокойно ответила Шаройкина, – я лишь хотела задать вопрос вам, доктор Уэйн. Вам лично. Детища ваших предшественников начали убивать человеческий вид еще полвека назад, а вы и ваши коллеги усердно продолжаете их почин. Возможно, вам не жаль людей, ни тех, что уже страдают, ни тех, что еще будут страдать. Но скажите, доктор, ведь у вас скоро родится внук. Вы спокойно спите? Вам не страшно?

Уэйн почувствовал, как внутри него закипает раздражение. Старая ведьма, нашла-таки больное место! За свою желчную жизнь она изрядно поднатерела в словесных баталиях.

– Я абсолютно спокоен! – широко улыбнулся Уэйн. – Более того, спешу вас заверить, что вся моя семья добросовестно покупает продукты только в магазинах МАГБ!

Зал взорвался хохотом. Вот тебе один-один, ученый посмотрел на давнюю оппонентку с пренебрежительной усмешкой, не тебе меня учить,

змея.

– В таком случае я рада за вас, доктор, – спокойно ответила Шаройкина, дождавшись, когда стихнет смех, – я буду очень счастлива, если в мире станет больше на одного маленького настоящего человечка.

Она окинула взглядом зал.

– Но в ваших руках, и в руках здесь присутствующих, остановить распространение трансгенной заразы. Неужели вы не хотите сделать так, чтобы каждый имел возможность есть чистую пищу, жить в чистой среде, дышать чистым воздухом? Ведь...

– Госпожа Шаройкина, – с усмешкой перебил ее Уэйн, – вы что, предлагаете мне работу? Боюсь, неустойка по расторжению текущего контракта будет для меня непосильной!

Зал вновь разразился хохотом.

– Воспринимайте и так, если хотите, – устало ответила Шаройкина, – апеллировать к вашему мозгу бесполезно, доктор. Это была попытка достучаться до вашего сердца.

– Боюсь, что наш высокоинформативный диалог может продолжаться еще очень долго! – поморщился Уэйн. – Но вряд ли регламент этого конгресса располагает лишним временем. Посему не будете ли вы так любезны позволить мне продолжить доклад?

Старая женщина мгновение смотрела на Уэйна, после чего тихо произнесла:

– Храни вас бог, доктор. – С этими словами она покинула конференц-зал.

Босс вышел из дома, и Дэйв привычным движением открыл перед ним заднюю дверь «Кадиллака».

– Доброе утро, сэр.

– Здравствуй, сынок! – Старик стянул с руки перчатку и протянул Дэйву ладонь для рукопожатия.

Дэйв заторопился, снимая свою перчатку.

– Чертова перчатка! – в сердцах проворчал он. – Никак не могу привыкнуть...

– Ничего, пару лишних секунд я могу подождать! – улыбнулся босс. – Береженного бог бережет, не так ли?

Они пожали друг другу руки, старик надел перчатку и задумчиво уставился на ее тонкий материал из биополимера.

– Как быстро меняется мир... – тихо произнес он, – и в не лучшую сторону... Будущее выглядит совсем не так, как мы представляли его себе в

молодости... – Он поднял голову и посмотрел на Дэйва: – Слыхал, сынок, они рекомендуют избегать рукопожатий в общественных местах! Все смеются над этим, но знаешь, что я тебе скажу? Это не надолго. Очень скоро мы все будем здороваться, не снимая перчаток. Человеческий страх велик.

Старик сел в машину, и Дэйв закрыл за ним дверь. Он быстро занял свое место, и автомобиль тронулся с места, держа путь в ресторан. Босс молча глядел в окно, задумавшись о чем-то своем, и Дэйв смог спокойно натянуть на свою мощную руку тонкую непослушную перчатку. Пусть он еще не привык к этому, но нарушать рекомендации Федерального Агентства по Управлению в Чрезвычайных Ситуациях не собирался. FEMA выпустило это постановление не на пустом месте. Целая городская агломерация превратилась в кладбище! И никто не смог ничего сделать. Ученые до сих пор ищут способ защититься от мутировавшей бактерии, полностью уничтожившей население в полтора миллиона человек. И пока безуспешно, ей все нипочем. Остается только благодарить бога, что тусонская бактерия, как ее прозвали газетчики, появилась не здесь, а где-то далеко в Аризоне. Но ученые уже заявили, что формирование суперинфекции, не поддающейся существующим методам лечения, возможно где угодно. И единственный способ защититься от подобной трагедии, существующий на данный момент, – это строго соблюдать меры предосторожности.

Тусон и прилегающие к нему территории объявлены запретной зоной максимальной степени опасности, и теперь охраняются войсками. Река Санта-Крус, на которой стоит Тусон, оказалась заражена настолько, что смертельную бактерию-мутанта обнаружили даже в водах Гилы, притоком которой она является. К счастью, FEMA сработала оперативно, заранее прекратив весь водозабор из попадающих под угрозу заражения водных бассейнов. Финикс не пострадал, и распространения инфекции удалось избежать. Пока. Ведь никто не знает, как далеко смогла проникнуть эта зараза. Власти в срочном порядке выявляют и обследуют всех, кто находился в том районе хотя бы секунду за последний год, по телевидению ежедневно призывают всех, кто имел контакт с такими лицами, добровольно пройти обследования в специально развернутых медицинских пунктах FEMA. По всей стране срочно проводятся всевозможные тесты, берутся пробы, а населению рекомендовано избегать появления в общественных местах без специальных перчаток, срочно выпущенных в продажу «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Тусонская бактерия любит грязь...

Дэйв угрюмо смотрел в окно. Страна оделась в перчатки за считанные

часы. На улицах теперь не редкость встретить человека с фильтрующей повязкой на лице. Многие стали носить их добровольно после того, как выяснилось, что бактерия-мутант распространяется по воздуху и передается воздушно-капельным путем. Хоть Аризона и далеко, а умирать не хочет никто. Некоторые стали кипятить даже бутилированную воду, благо тусонская бактерия гибнет в кипящей воде. Он тяжело вздохнул. Слабое утешение, сам себя не прокипятишь. Сюзи, всегда болезненно воспринимающая все, что касается здоровья, теперь всюду ходит в повязке, снимая ее и перчатки, только возвращаясь домой. Так недалеко и до фобии.

В этот момент по радио начались новости, и босс прибавил громкости.

– ...что способа противостоять тусонской бактерии пока не найдено. Однако он сообщил, что правительство планирует уже к концу этой недели закончить с руководством «Сёрвайвинг Корпорэйшн» обсуждение условий государственного заказа на разработку подобного лекарства. Как известно, созданный под руководством доктора Уэйна препарат «Панацея» успешно борется с «желтым гриппом», а стартовавший на прошлой неделе всемирный проект сети Центров Сохранения Генетических Ресурсов успешно набирает обороты. Глава Международной Ассоциации Генетической Безопасности, госпожа Шаройкина, с первых дней выступавшая яркой противницей идеи ЦСГР, находится сейчас в одном из китайских монастырей по неофициальному приглашению настоятеля Цзы, с которым их связывает давняя дружба. Вот что мисс Шаройкина ответила на вопрос нашего журналиста.

– Мисс Шаройкина, – послышался голос другого репортера, – как известно, противников идеи ЦСГР упрекают в том, что они не могут предложить взамен ничего более дельного. В связи с этим многие оценивают слухи о некоем проекте под названием «Наследие», готовящемся вашей ассоциацией, как ответ на программу ЦСГР. Как вы можете прокомментировать это?

– Я еще раз хочу подчеркнуть, – раздался в ответ старческий женский голос, – что никакой программы «Наследие» МАГБ не ведет. Все это досужие сплетни и слухи, распускаемые тем, кому нечего делать. Я уже неоднократно заявляла...

Внезапно где-то снаружи раздался треск, водитель резко ударил по тормозам, и «Каддилак» встал, словно вкопанный. Инерция чуть не выбросила босса из глубокого сиденья, а Дэйв в последний миг успел подставить руки навстречу стремительно приближающемуся лобовому стеклу. С улицы донесся грохот, визг множества тормозов и надрывные гудки клаксонов.

– Снова дерево, мистер Кинли? – Босс поправил съехавший набок галстук.

– Да, сэр! – отрапортовал водитель. – Еле успел затормозить, сэр! Упало в десяти ярдах от нас, сэр! Придавило пару машин! Повезло нам, сэр!

Босс опустил оконное стекло и высунулся посмотреть.

– Когда же это закончится?! – возмущенно заворчал старик, закрывая окно. – Куда смотрит муниципалитет? Если эта мутирующая дрянь пожирает деревья, так не пора ли их спилить прежде, чем они рухнут на голову добропорядочному налогоплательщику?!!

Дэйв через лобовое стекло разглядывал произошедшую впереди аварию. Дерево упало точно поперек дороги, промяв крыши двум автомобилям. Их водители и пассажиры сейчас вылезали из машин, испуганно крестясь. По счастливой случайности никто не пострадал. Так хорошо падение деревьев заканчивалось далеко не всегда. На прошлой неделе где-то на окраинах города дерево рухнуло вот точно так же. Оно продавило крышу автомобиля и нанесло травму водителю. Тот потерял управление, и его машина ушла в сторону, столкнувшись с автобусом. В результате в аварию попало не то семь, не то восемь автомобилей, кого-то даже увезли в больницу в тяжелом состоянии. Так что Кинли был абсолютно прав, когда сказал, что им повезло.

Тем временем старик еще немного побурчал на власти города, после чего набросился на водителя:

– Мистер Кинли! Нельзя ли действовать более решительно? Или вы планируете стоять в образовавшейся пробке вечно?

– Нет, сэр, – поспешно ответил Кинли, – уже выезжаю, сэр!

– Вот и отлично! – Босс уселся поудобнее и заявил: – Мистер Кинли, у нас изменение маршрута. Отыщите ближайший к ресторану офис «Сёрвайвинг Корпорэйшн», где занимаются этими самыми ЦСГР. Я хочу послушать тамошних консультантов.

– Слушаюсь, сэр! – ответил Кинли и принялся одним пальцем вбивать запрос в систему навигации.

Ближайший офис обнаружился относительно недалеко, и спустя полчаса «Кадиллак» уже парковался у огромного здания. Все ближайшие к входу места были плотно заставлены машинами, поэтому метров сто пришлось пройти пешком. По мере приближения к дверям стало ясно, чем это вызвано. Прямо перед въездом на внутреннюю парковку здания собралась толпа «заботливых» человек из тридцати, перекрывших проезд. Некоторые держали на руках своих малолетних детей-лигов, другие

сжимали самодельные транспаранты с надписями в духе «Вам не скрыться от катастрофы» и «Наши дети тоже имеют право на чистую экологию». Из-за пикета на выезде с парковки уже собралась приличная пробка из гневно сигнализирующих автомобилей, те же, кто только подъезжал к зданию, предпочли бросить свои машины прямо на улице.

Дэйв, держась практически вплотную к боссу, вежливо, но настойчиво проложил путь через толпу, не обращая внимания на провокационные выкрики, упрёки и прочую агитацию, и они зашли в здание.

В офисе, сверкая улыбками, их встретили менеджеры «СК». Дэйву сунули в руки рекламный буклет, тут же предложили кофе, журнал и удобное кресло, а босса, к тому моменту уже окруженного целым океаном внимания, немедленно увели в один из многочисленных кабинетов.

Уэйн в белом халате беспомощно мерил шагами пространство перед дверьми в операционную. Лучшие акушеры «СК» занимались сейчас Лиз, и он ничем не мог помочь им, мог только зря путаться под ногами. Здесь была не его стихия, и все, что ему оставалось, лишь томительное ожидание на взвинченных до предела нервах. Роды проходили крайне тяжело. Обильное кровотечение, острые боли, судороги, частые потери сознания. Время от времени в операционную доставляли все новые и новые пакеты с донорской кровью. Ребенок не выходил уже три часа, и все это время Лиз делали непрерывное переливание крови. Все шло совсем не так, как должно было быть, и с каждой минутой ощущение чего-то ужасного давило на сознание Уэйна все сильнее.

Из операционной вышла медсестра и подошла к нему.

– Доктор Уэйн, доктор Джонсон просит вас зайти, – тревожно сообщила она.

Уэйн надел на лицо повязку и зашел в операционную. Джонсон, взмокший насквозь, стоял в углу, ему торопливо меняли халат. Лиз была без сознания, вокруг нее суеилось еще пятеро медиков. Уэйн взглянул на показания диагностов и быстро подошел к Джонсону.

– Состояние ухудшилось? – Акушером он не был, но ученый его уровня знал и понимал многое.

Джонсон устало кивнул.

– И продолжает ухудшаться. Долго ее сердце не выдержит, и мы не можем остановить кровотечение. Я не могу установить, что является причиной таких осложнений. Надо решаться на кесарево сечение, или мы потеряем мать. Но ребенок лежит крайне неудобно, опасность того, что он пострадает при разрезе, очень велика. Необходимо принимать решение. И

как можно скорее. Вы посоветуетесь с отцом ребенка?

Уэйн зло скривился.

– Отец ребенка, как обычно, на дежурстве. Видимо, у него есть дела поважнее. Обойдемся без него.

– Доктор Джонсон! – Один из медиков повернулся в их сторону. – Она пришла в сознание!

Джонсон и Уэйн одновременно бросились к Лиз. Уэйн склонился над дочерью и нежно взял ее за руку.

– Милая, как ты себя чувствуешь?

– Больно... – Лиз слабо пошевелила обескровленными губами, – и страшно... Майкл не пришел?

– Он здесь, за стенкой, – соврал Уэйн, – доктор Джонс не пускает сюда никого. Мне пришлось воспользоваться служебным положением, чтобы прорваться к тебе!

– Врешь... – Уэйн не сразу узнал в искажившей лицо дочери гримасе улыбку. – У тебя это всегда получалось плохо... – Она издала стон и продолжила: – Не уходи, пожалуйста... побудь со мной, мне страшно...

Ее тело вдруг изогнулось, зрачки резко расширились, и Лиз дико закричала от нестерпимой боли.

– Спазм! – воскликнул доктор Джонс, и медицинская бригада закипела обилием действий.

– Пульс нитевидный! Давление падает! – тревожно вскрикнул ассистент.

– Доктор Уэйн! – Джонсон бросил на него требовательный взгляд, не отрываясь от работы. – Решение! Немедленно!

– Папа... – прохрипела Лиз, судорожно сжимая ему руку, и ее глаза закатились.

– Потеря сознания! – доложил ассистент.

Уэйн обернулся к Джонсону:

– Начинайте!

Он смотрел за действиями Джонсона и понимал, что сейчас тот делает даже больше, чем все возможное. Джонсу удалось провести рассечение матки, минимально задев ребенка. Всего два небольших пореза, не имеющих опасности для его здоровья. Но даже ювелирное мастерство специалиста высочайшего класса оказалось бессильно. Едва молчащему малышу перерезали пуповину, как Лиз вновь скрутило сильнейшими судорогами.

– Спазм!

– Ничего не понимаю! – Ассистент изумленно смотрел на данные

диагноста. – Интоксикация растет в геометрической прогрессии!

– Ребенок не дышит! – воскликнул кто-то из медиков.

– Реанимацию! Срочно! – крикнул Джонс и вновь склонился над Лиз. – Релаксант!

Но ее тело уже безвольно обмякло.

– Остановка сердца! – Вскрик ассистента ударил Уэйну по голове, словно многотонный молот.

– Переводим на искусственное жизнеобеспечение! – словно в замедленном фильме услышал он голос Джонсона.

Распахнулись двери, и в операционную ворвалась реанимационная бригада. Уэйна решительно отодвинули от Лиз, и дальнейшие события слились для него в один бесконечный бурлящий поток врачебных манипуляций. Он тихо отошел в угол и молча стоял там, без движения, стараясь не мешать врачам делать свою работу, не сводя глаз с безжизненного тела дочери.

Лиз умерла спустя два часа. Суэта медиков вокруг нее вдруг прекратилась, реанимационная бригада разом замерла и опустила руки. Доктор Джонсон несколько мгновений беспомощно смотрел на тело, после чего обернулся и медленно пошел к Уэйну. Уэйн жестом остановил его и тоскливо закрыл глаза. Он понял все еще полчаса назад, но до последней секунды надеялся, что реаниматологам удастся совершить невозможное. Некоторое время Уэйн не шевелился, после чего подошел к телу Лиз и сжал ее ладонь в своей руке. Несколько секунд он смотрел на ее бледное лицо, сохранившее отпечаток боли, после чего глухо спросил:

– Что с ребенком?

– Он умер сразу же, – ответил кто-то из реаниматологов, – мне очень жаль, доктор...

– Причина?

– Предположительно генетическая мутация. Малыш родился, но так и не смог сделать первый вдох. Нам не удалось заставить его легкие сокращаться. Точнее сейчас сказать сложно, необходимо произвести вскрытие.

– Я сам займусь этим, – сказал Уэйн, – отправьте тела в мой центр. – Он не сводил глаз с Лиз. – А сейчас оставьте нас. Нам нужно побыть вдвоем.

Медицинская бригада переглянулась, и доктор Джонсон коротко кивнул. Врачи вышли из операционной, и последний выходящий плотно затворил за собой дверь.

– Дорогая, что с тобой? – Дэйв шагнул на порог квартиры и остановился, пристально глядя на Сюзи.

Обычно встречающая его жемчужной улыбкой жена на этот раз была печальна, и он всерьез опасался, что причиной этому снова стало что-то, имеющее отношение к лигам. Последние месяцы эта тема стала для Сюзи слишком болезненной. Каждый раз, когда она видела маленького лига, из глаз ее начинали течь слезы, и следующий час все разговоры были только об одном: как страшно рожать ребенка в наши дни. Дэйв даже нашел у нее таблетки с антидепрессантами, по поводу чего у них возникла ссора, что вообще случалось довольно редко.

– Меня увольняют, – грустно вздохнула Сюзи.

– Как увольняют? За что?! – возмутился Дэйв.

– Салон закрывается, – ответила она, – дорабатываем неделю и все. Хозяева уже договорились о продаже помещения. Говорят, новые владельцы собираются открыть там специализированный магазин для лигов...

Дэйв хмуро покачал головой. Опять лиги. Скоро в этом мире не останется ничего, что было бы не связано с этими мутантами. Он прошел в ванную и уже оттуда спросил:

– А почему так внезапно? Упали продажи?

– Там вообще целая история! – появилась в дверях Сюзи. – У владельцев салона дочь родила двойню. Один лиг, а один нормальный, представляешь?!

– Представляю, – Дэйв закрыл кран и потянулся за полотенцем, – не повезло людям, ничего не скажешь.

– Я думаю, что им как раз еще повезло! – воскликнула Сюзи. – Один ребенок родился полноценным! Мало кому сейчас господь посылает такое счастье!

– А при чем тут салон?

– Так слушай! – возмутилась Сюзи. – Ты же не даешь мне рассказать! У ребенка, который родился с инвалидностью, по семь пальцев на руках и ногах! И все! Они проходили тщательное обследование, других мутаций не выявлено! Доктора говорят, что можно сделать серию дорогостоящих операций, удалить лишние пальцы и подкорректировать те, что должны быть. И ребенок сможет жить полноценной жизнью! Представляешь?!

Похоже, Сюзи была так рада за владельцев салона, что уже забыла о том, что через пару дней станет безработной.

– Но это еще не все! – продолжила она. – Они продают салон не только потому, что собирают деньги на лечение. Они продают всю свою

недвижимость, потому что решили купить жилье в программе ЦСГР и переехать туда насовсем! Говорят, там вообще не будет лигов!

– Что-то такое я тоже слышал, – ответил Дэйв.

Он сгрёб жену в охапку и понес в столовую.

– Раздавишь ведь! – смеялась Сюзи. – Осторожнее! А то кто будет тебя кормить? Будешь есть в своем ресторане фаст-фуд, вот тогда пожалеешь!

– Я буду очень и очень осторожен! – улыбнулся Дэйв, бережно ставя жену на ноги, – ты же знаешь, я без тебя никак!

– Это точно! – хихикнула Сюзи, возясь с тарелками. – Такой огромный, а беспомощный, словно ребенок. Ты хоть помнишь, как делается сэндвич?

– Нет! – Дэйв гордо выпятил грудь. – А зачем?

– Совсем я тебя разбаловала! – Жена, улыбаясь, поставила перед ним тарелку с едой. – Как дела на работе? Как твой старик?

– Брюзжит иногда, а так все о'кей! – Дэйв вгрызся в дымящийся ароматный сэндвич. – Кстати, мы тут как-то заезжали в офис продаж «СК», боссу было любопытно узнать про эти самые ЦСГР. Я краем уха слышал, что концерн гарантирует отсутствие лигов и что-то еще... не припомню уже, там было столько всего. Мне всучили какой-то буклет, он так и лежит в кармане пиджака, в нем наверняка написано. Надо посмотреть!

Он отложил сэндвич и собрался встать из-за стола, но Сюзи остановила его.

– Прекрати читать во время еды! – возмущенно заявила она. – Сколько раз тебе говорить?! Ешь, я сама посмотрю!

Она выпорхнула из столовой, и вскоре из комнаты раздался ее довольный возглас:

– Нашла!

Сюзи вернулась с рекламной брошюрой в руках, уселась рядом с Дэйвом и принялась читать блистающий дорогим гляncем буклет.

– Так, посмотрим... Беспрецедентная общемировая программа концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн»... так... – она скользила взглядом по абзацам, – ...в условиях чудовищной катастрофы, бушующей во всем мире... понятно... призвана сохранить самое ценное, что есть у человеческого вида... бла-бла-бла... уникальный генофонд... это все вода... где же данные...

Сюзи перелистывала страницы в поисках конкретной информации.

– А! Вот, наша! – удовлетворенно воскликнула она. – Центры сохранения генетических ресурсов, представляющие собой закрытые жилые зоны в экологически чистых природных районах, развернуты

«Сёрвайвинг Корпорэйшн» по всему миру. Типовой центр – это многомиллионный мегаполис со всей инфраструктурой, но не вознесшийся к затянутому удушливым смогом небу небоскребами из стекла и бетона. Уютные домики, выстроенные из экологически чистых материалов в архитектурных стилях девятнадцатого столетия, незаметно расположились среди вековых лесов и на берегах озер заповедников, тщательно подготовленных нашими специалистами для комфортного проживания. Вы не будете иметь проблем с насекомыми, грызунами, хищными зверьми, автомобильными выхлопами или аллергенами. Мы исключили все, что может потревожить счастливое существование наших клиентов! Жителям Соединенных Штатов концерн счастлив предложить комфортабельные жилые площади, оборудованные по последнему слову техники, расположенные в любом из пяти ЦСГР, созданных на живописных территориях лучших национальных парков страны, таких как: Йеллоустонский, Йосемитский, Олимпик, Грейт-Смоки-Маунтинс. Для состоятельных граждан нами специально создан Ви-Ай-Пи центр на острове Айл-Рояйл... Это все давно известно... – Она замолчала, принявшись за следующую страницу.

Спустя минуту Сюзи продолжила:

– Так... вот тут, кажется, больше толковой информации... Жилые площади в Центрах подлежат продаже исключительно лицам, не имеющим генетической инвалидности, которые должны для подтверждения этого предоставить соответствующую медицинскую документацию. Семьи, имеющие в своем составе лиц, имеющих генетическую инвалидность, допускаются к приобретению жилых площадей в ЦСГР только в том случае, если они дадут официальное согласие на проживание в центрах без вышеуказанных генетически неполноценных лиц. Проживание, нахождение, а также временное посещение центров лицами, имеющими генетическую инвалидность, категорически исключается.

Дэйв хмыкнул:

– Интересно, как их не сожрали со всеми потрохами правозащитники и прочие любители уродцев из МАГБ?

– Проект ЦСГР был одобрен Ассамблеей ООН, – напомнила Сюзи. – Помнишь, года три назад была целая эпопея по этому вопросу?

– Нет, – признался Дэйв, – как-то этот момент прошел мимо меня. Наверное, в ту пору были заботы поважнее, чем слушать споры богатеев в высоких креслах. Судя по тому, что ты держишь сейчас в руках, «СК» добилось своего.

– Да, после того, как их поддержал Ватикан, решение приняли в их

пользу довольно быстро, – ответила Сюзи.

– Мистер Смитсон хваткий старикан, такой своего добьется! – подытожил Дэйв. – Но как по мне, так лучше бы он организовывал резервации не для нормальных людей, а для лигов. А то дожили – «чистых» граждан собираются прятать от мутантов за заборами, словно диких зверей в зоопарках!

– Дорогой, ты преувеличиваешь, – покачала головой Сюзи, – по-моему, эти центры очень хорошая идея! В детстве мы с родителями были в Грейт-Смоки-Маунтинс парке. Там просто изумительные места, волшебная красота и воздух такой чистый, словно сделан из хрусталя! Кстати, из всех центров он ближе всех к Нью-Йорку.

Она перевернула страничку.

– Смотри, что они пишут! «Сёрвайвинг Корпорэйшн» гарантирует всем гражданам-участникам программы ЦСГР самую современную медицинскую помощь, полная стоимость которой входит в пакет услуг центра. Кроме того, по отдельному соглашению, заключаемому по воле клиента, концерн может оказать помощь с трудоустройством тем гражданам, которые лишились работы в связи с приобретением жилья в ЦСГР и последовавшей вследствие этого сменой места жительства. Специально для этих целей руководство «Сёрвайвинг Корпорэйшн» организывает дополнительные рабочие места на своих объектах по всему миру.

Она оторвалась от чтения и посмотрела на мужа.

– Дэйв, это же просто сказка!

– А там написано, сколько эта сказка стоит? – усмехнулся Дэйв. – А то мой босс уехал из офиса «СК» очень задумчивым.

– Нет, – Сюзи пробежалась глазами по строчкам буклета, – тут сказано, что за более подробной информацией надо обращаться в офисы продаж, где высококвалифицированные менеджеры подберут доступный продукт для любого, кто изъявит желание жить в ЦСГР.

– Чего-то подобного я и ожидал, – философски заметил Дэйв, – бесплатный сыр только в мышеловке. – Он увидел, как моментально погрузнела Сюзи, и поспешно добавил: – Но на всякий случай я заеду к ним в офис, поразузнаю, что к чему. Надо только выбрать время.

Брифинг закончился, и офицеры стали покидать зал совещаний. Уилкинсон аккуратно сложил документы в небольшой бронированный дипломат и, приложив большой палец к дактилоскопическому считывателю, запер замок. Приказ на боевое дежурство был получен, и до

выхода в море оставалось менее семи часов. Вполне достаточно времени для завершающей проверки готовности ракетноносца, все системы которого уже и без того были проверены с десятков раз. Уилкинсон встал и направился к дверям.

– Капитан Уилкинсон! – послышался сзади голос адмирала Степлтона. – Задержитесь.

Уилкинсон четко развернулся и доложил:

– Да, сэр!

Командующий флотом подошел к нему вплотную и негромко сказал:

– Я рад, что вы смогли сохранить самообладание в столь трагической ситуации, – он покровительственно посмотрел на Уилкинсона, – многие из старших офицеров флота не верили в вас, считая, что вам не оправиться от такого удара.

«В том числе и ты, – мысленно усмехнулся Уилкинсон, – думаешь, я не знаю? Это же королевские ВМС, у нас о настроениях начальства слухи распространяются быстро!»

– Но я был уверен, – продолжал адмирал, – что такой опытный офицер флота Ее Величества, как вы, стойко перенесет тяжелое испытание, посланное ему господом.

– Спасибо за доверие, сэр! – спокойно отрапортовал Уилкинсон.

– Я лично ознакомился с результатами вашей медицинской комиссии, – адмирал одобрительно покивал головой, – у вас очень устойчивая психика, капитан Уилкинсон. Врачи констатируют, что вы быстро оправились от этой травм... трагедии. Собственно, у вас не было найдено психологической травмы.

«Конечно, у меня нет травмы, – почти весело отметил про себя Уилкинсон, – вот уже полгода как мне нечего травмировать. Все умерло в тот момент, когда я стоял у двух могил. Одна из них была совсем крохотной...»

– У вас железная выдержка и стоическое самообладание, капитан. Именно такие командиры и составляют стержень королевского флота! На всех нас лежит громадная ответственность за безопасность страны, и я спокоен за нее, когда вы и такие, как вы, несут боевое дежурство!

«Интересно, с чего это ты так разошелся? – Уилкинсон, стоя по стойке „смирно“, разглядывал адмирала с почти научным интересом. – Или это такая финальная проверка? Перед выходом в море. Решил лично убедиться, что я в порядке? А то вдруг медицинская комиссия из дюжины спецов пропустила то, что заметит бдительное адмиральское око?» – Он оценил комичность ситуации, вдруг поняв, что все это очень напоминает ему ту

финальную проверку, которую он сам всегда устраивал на ракетноносце перед выходом в море. Проверку, по сути, лишнюю, так как все уже и без того многократно проверено. Но для собственной уверенности так было спокойнее.

– Я не подведу вас и впредь, господин адмирал! – абсолютно уравновешенно ответил Уилкинсон.

– Я в этом не сомневаюсь, капитан! – чопорно ответил Степлтон. – Я просто хочу лично выразить вам свои соболезнования, как офицер офицеру, глаза в глаза! Мне было очень тяжело скрывать от вас горькую правду, пока вы были в море, но вы знаете правила, капитан! – Он картинно приложил руку к голове, козыряя Уилкинсону, и торжественно заявил: – Я хочу, чтобы вы знали, капитан, ваша боль — это и наша боль тоже! Моя и всего королевского флота! Мы с вами, капитан!

«Хм, интересно, – заинтересовался Уилкинсон, – моя боль – твоя боль? Может, тогда тоже пройдешь медкомиссию? На всякий случай. Мало ли что! А то тебе было так больно, что сообщить мне о гибели семьи ты отправил четырех громил из службы безопасности, а вдогонку выслал своего адъютанта с приказом об отпуске, фактически означавшим отстранение от должности. Ты ведь списал меня на берег еще до моего возвращения, мерзавец, точно такие же, как ты, заранее списали моего сына, сунув Маргарет для подписи бумагу с прошением об эвтаназии».

– Я весьма ценю это, господин адмирал! – Уилкинсон тоже взял под козырек. – И никогда не забуду! Разрешите готовиться к выходу на боевое дежурство?

– Разрешаю! – церемониальным тоном объявил Степлтон. – Идите, Ричард, Великобритания надеется на вас!

Уилкинсон, словно на параде, развернулся и покинул помещение, на ходу усиленно напрягая память, пытаясь вспомнить, когда же именно они с адмиралом пили на брудершафт и в какой момент он успел стать для Степлтона просто Ричардом.

Прибыв на ракетноносец, он, не изменяя своим привычкам, немедленно провел финальную проверку. Сегодня этот процесс доставлял ему особое удовольствие, вызывая забавные аналогии с адмиральским спичем. Стиснутая ежовыми рукавицами Уилкинсона, команда подлодки смогла вздохнуть спокойно лишь после того, как ракетноносец покинул военноморскую базу Портсмута, когда капитан неожиданно сменил гнев на милость и оставил подчиненных в относительном покое. Уилкинсон объявил старпому, что оставляет за собой ночную вахту, и убыл в свою каюту, где и пробыл до самой ночи, приказав докладывать себе только в

случае крайней необходимости.

В назначенное время он прибыл на мостик, принял доклады и проверил состав ночной вахты. Все было в норме.

– Объявляю вводную! – совершенно неожиданно скомандовал Уилкинсон. – Столкновение с подводной лодкой противника! Повреждение жесткого корпуса! Пожар в отсеках номер... пробойны в отсеках номер... взрывом выведен из строя экипаж в отсеках номер... – Он спокойно перечислял ошарашенным подчиненным номера отсеков, согласно задуманному плану. – Экипажу к борьбе за живучесть приступать!

Взревели баззеры тревоги, срывая спящий личный состав с коек, и подчиненные рванулись спасать полумертвый ракетоносец. Уилкинсон меланхолично наблюдал, как люди спешно покидают мостик. Он специально рассчитал вводную так, чтобы на мостике помимо него осталась лишь пара человек. Когда отсек опустел, он обернулся к оставшимся и коротко приказал:

– Даю вводную! Смежные отсеки подверглись затоплению! Бортовая электросеть повреждена! Задраить люки! Мостику перейти на автономное энергопитание!

Подчиненные бросились выполнять приказ. Уилкинсон дождался завершения их действий, после чего засунул руку за отворот кителя и достал пистолет. Он неторопливо поднял оружие и открыл огонь. Звук выстрелов утонул в реве сирен тревоги. Первая же пуля размозжила затылок одному из офицеров, и мозговая ткань вперемешку с кровью и осколками черепа брызнула на переборку. Второй подводник бросился на капитана, но не успел буквально на пару шагов. Две пули подряд ударили его в грудь, сбивая с ног, еще две, пробив сердце, пригвоздили офицера к полу навсегда.

Уилкинсон аккуратно перешагнул через тело, убирая пистолет, и подошел к капитанскому сейфу. Он ввел личный код и прислонил палец к датчику ДНК-анализатора. Легкий укол возвестил о взятии образца на анализ, и спустя секунду красный индикатор замка сменился на зеленый, сообщая о том, что доступ разрешен. Уилкинсон открыл сейф и достал красный конверт с инструкциями капитану о действиях в чрезвычайный период. Он неторопливо вскрыл пакет, извлек пусковые коды и пару секунд беспристрастно смотрел на них. Потом Уилкинсон достал из кармана две фотографии, на одной была сфотографирована Маргарет в подвенечном платье в день их свадьбы, другую он сделал сам полгода назад на кладбище. Две рядом стоящие могилы, припорошенные свежим снегом. Одна обычная, одна совсем маленькая. На эту фотографию капитан

смотрел значительно дольше. Наконец он оторвался от изображения, засунул руку в карман, и у него на ладони появилась маленькая пластинка носителя информации, содержимое которой он тщательно готовил последние три месяца. Уилкинсон равнодушно скользнул по ней взглядом и, крепко сжимая фото в руке, подошел к пульта управления огнем крылатых ракет с ядерными боеголовками.

Дэйв сидел в своем рабочем кресле в приемной, ожидая босса, и хмуро разглядывал секретаршу. Весь день толстуха молчаливо злорадствовала, даже не пытаясь спрятать довольный оскал на своей откормленной физиономии. Сегодня утром старик объявил, что переезжает на постоянное место жительства в ЦСГР и рестораном теперь будет заведовать специально нанятый для этих целей управляющий. Соответствующий кандидат зашел на собеседование к боссу два часа назад и до сих пор не выходил. Видимо, его кандидатура старика устроила, и теперь они обсуждают детали, иначе зачем держать человека без толку.

Значит, пора подыскивать себе работу, думал Дэйв, ловя на себе очередной взгляд торжествующей толстухи. Найти хорошее место в наши дни непросто. Но он молод, силен и с головой на плечах, а такие парни никогда не останутся не у дел. И у него есть преимущество – у него нет детей-лигов, что уже само по себе станет хорошей рекомендацией. Отыщется вакансия, никуда не денется. Хотя, конечно, первое время им с Сюзи придется нелегко...

Дверь кабинета открылась, и из нее вышел будущий управляющий. Толстая секретарша одарила его ангельским взглядом, и Дэйв подумал, что она явно переоценивает свои возможности. Мужчина попрощался с ней, вежливо кивнул Дэйву и ушел, глядя прямо перед собой каким-то тоскливым и неподвижным взглядом. Дэйву показалось, что где-то он уже видел такой взгляд, хотя мужчина был ему незнаком. Так и не вспомнив ничего подходящего, Дэйв продолжил свое ожидание, демонстративно уставившись на секретаршу, чтобы дать толстухе понять, насколько он равнодушен к ее триумфу.

Босс вышел из кабинета только под вечер, когда настала пора возвращаться домой.

– Поехали домой, сынок, – обратился он к Дэйву, – по дороге поговорим.

– Когда мне брать расчет, сэр? – спросил Дэйв, когда они сели в машину.

Старик лишь покачал головой в ответ.

– Ты хороший парень, Дэйв, честный и надежный, каким и подобает быть настоящему американцу, – босс тепло посмотрел на него, – я успел привязаться к тебе за эти годы и потому не хочу, чтобы ты потерял работу.

Он посмотрел в окно, провожая печальным взглядом женщину, несущую в ранце на груди маленького ребенка. Даже из проезжающего автомобиля было видно, что вместо ног у малыша болтаются две недоразвитые культы разной длины.

– Но жить в этом кошмаре я больше не хочу, – продолжил старик, – я слишком стар, мне уже не привыкнуть ко всему этому. Я хочу прожить свои последние годы вместе с внуками где-нибудь вдали от мутантов, ядовитых лопухов и рассыпающихся в прах деревьев.

Босс поднес к глазам руки в защитных перчатках и тяжело вздохнул:

– И умереть я хочу спокойно, от старости, лежа в своей постели, а не от какой-нибудь «тусонской» бактерии, корчась в муках на больничной койке в переполненном такими же несчастными госпитале.

Старик опустил руки, закрыл глаза и, улыбнувшись своим мыслям, продолжил:

– Мы с детьми скинулись деньжатами и купили жилые площади в ЦСГР. «СК», конечно, ободрало нас как липку, но зато остаток дней своих я проведу в кругу большой семьи в уютном и просторном доме в Йосемитском парке, среди гигантских секвой и альпийских лугов, дыша чистым воздухом! О чем еще мечтать старику?

Он посмотрел на Дэйва:

– Я знаю, сынок, парню твоего уровня не пристало работать простым вышибалой в забегаловке для лигов. Но ты можешь работать там, пока не найдешь себе достойное место. Я уезжаю в конце месяца, до того момента все остается так, как было. Ну, а после выйдешь работать в зал. Новому управляющему я оставлю все указания, он парень неплохой и глянулся мне сразу. А я дурных людей за милую душу...

Босс грустно покачал головой:

– Даже не знаю, за какие такие грехи господь обошелся с ним так сурово... – Старик на мгновение умолк и тихо добавил: – В последние годы он слишком суров со многими, прости меня, господи, – перекрестился он, – знаю, что пути твои неисповедимы, но все-таки...

Тут Дэйв понял, что в глазах нового управляющего показалось ему знакомым. Такой же затравленный взгляд был у родителей, каждый день приводивших в ресторан своих детей-лигов. Даже когда они улыбались малышам или смеялись вместе с ними, их взгляд оставался одинаково тоскливым и заполненным безысходностью.

– Его ребенок имеет генетическую инвалидность? – спросил Дэйв.

– Первый лиг родился у него пять лет назад, – негромко ответил старик, – они отказались от эвтаназии, не позволив убить своего ребенка. Через два года решили попытать счастья снова, уповая на господ. Малыш тоже родился лигом. Сейчас его жена на седьмом месяце, и обследование уже выявило у плода отклонения. Они отказались прерывать беременность. Будут воспитывать троих лигов до конца.

Старик помолчал и заявил:

– Я мало встречал за свою жизнь людей подобного мужества!

«Или глупости, – подумал Дэйв, – идиотов за свою жизнь я видел немало».

Он промолчал, и оставшаяся часть пути прошла в тишине.

Домой Дэйв вернулся не в лучшем расположении духа. Сюзи восприняла известия стоически, заявив, что до тех пор, пока они вместе, ей ничего не страшно. Чтобы разрядить обстановку, она перевела разговор на шутку, и они весело смеялись в тот момент, когда телевизионное вещание прервал экстренный выпуск новостей.

– Внимание! Мы прерываем трансляцию для экстренного сообщения! – заявил диктор, и изображение тут же сменилось на вид огромного ночного пожара, полыхающего над развалинами прибрежного города. Съемка велась сразу с нескольких камер, со спутника и с поверхности земли с большого расстояния. Ночная темнота, разрываемая факелами пожаров и вспышками взрывов, не давала возможности как следует разглядеть происходящее, но в небе над руинами города смутно угадывалось огромное пылевое облако грибовидной формы.

– Двадцать минут назад, в двадцать три часа по Лондонскому времени, Великобритания подверглась ядерной атаке неизвестного противника! Удар был настолько внезапным, что засечь приближающиеся ракеты удалось уже в непосредственной близости от границ Соединенного Королевства. Силам ПРО не удалось защитить город Портсмут, получивший прямое попадание ядерного боеприпаса, предполагаемая мощность которого сейчас уточняется. Количество возможных жертв пока не известно, город лежит в руинах и охвачен пожарами, связи с ним нет. К месту бедствия в экстренном режиме брошены спасательные силы. Еще четыре ракеты удалось перехватить, целью, по крайней мере, одной из них являлся Лондон. Ее удалось уничтожить буквально в последние секунды в небе над городом. В процессе разрушения ядерного заряда некоторые районы Лондона подверглись радиоактивному заражению, в эти минуты ведется срочная эвакуация жителей...

Картинка сменилась изображением ночных лондонских улиц, заполненных перепуганными людьми, спасателями, полицейскими и военными. То и дело в разных местах вспыхивала паника, и начинались давки. Правоохранительным органам с большим трудом удавалось удерживать ситуацию под контролем.

– Ситуация осложнена ночным временем суток и нехваткой спасательных сил и средств. Правительство Великобритании уже обратилось к мировому сообществу за помощью.

На экране вновь возникло изображение пылающих развалин Портсмута, и диктор продолжил:

– На данный момент неизвестно, кто же атаковал Соединенное Королевство, Министерства Обороны США и Великобритании в срочном порядке проверяют информацию со всех спутников, имевших возможность засечь пуски, госсекретарь уже обратился к НАСА с просьбой оказать максимальное содействие. Правительства России и Китая уже заявили о своей полной непричастности к атаке...

Дэйв, затаив дыхание, не сводил глаз с телепанели, где гигантские языки пламени плясали над руинами, еще недавно бывшими домами, в которых мирно спали обычные люди. Для них сегодняшняя теплая июньская ночь стала последней. А ведь в каком-то из этих домов, в маленькой уютной квартирке вполне могли жить такие же Дэйв и Сюзи. А город мог бы оказаться и Нью-Йорком. Он со страхом подумал, что этот мир покатился в ад.

Программа издала мелодичный сигнал, и экран компьютера густо заполнился очередной порцией цифр и символов. Доктор Уэйн пробежал глазами полученные результаты и проворно ткнул затянутым в перчатку скафандра пальцем в клавиатуру, начиная передачу архивного массива на удаленный сервер. После чего ученый уселся в кресло, откинулся на спинку и задумался. Все было почти готово, осталось лишь дожидаться окончания передачи последнего из его архивов. Они ничего не найдут, он позаботился обо всем заранее. Все самые важные материалы его работы надежно спрятаны на сервере, затерянном в одной из десятков учебных лабораторий института, в котором преподает его старый товарищ, давний приятель еще по аспирантуре. Сразу после окончания загрузки он выключит компьютер и перешлет жесткие диски по указанному адресу до востребования.

Уэйн закрыл глаза и вновь оказался в заполненной акушерами операционной. Он снова был рядом с бьющейся в судорогах Лиз,

сжимающей его руку. И вновь ничего не мог сделать. Ничего. Ученый усилием воли отогнал рвущие на куски сердце воспоминания и окинул взглядом безлюдную лабораторию. Еще вчера он позаботился о том, чтобы никто не помешал ему даже случайно. Уэйн объявил сегодня день траура в память о погибших при трагедии в Портсмуте и дал всем сотрудникам выходной. На фоне всеобщей истерии, последовавшей за ядерным ударом лишившегося рассудка капитана подводной лодки, никто не увидел в этом ничего подозрительного. Руководство «Сёрвайвинг Корпорэйшн» в эти дни занято собой, им сейчас ни до чего. Поговаривают, что в результате радиоактивного заражения части Лондона пострадал кто-то из истинных хозяев мистера Смитсона, имевший родовое поместье где-то в тех районах. Что ж, это только на руку. Уэйн не испытывал жалости к пострадавшим, он уже на собственном опыте понял, что жалость ничем не помогает и никак не облегчает боль утраты. Надо что-то делать.

Две недели, прошедшие после смерти дочери и ребенка, Уэйн практически не выходил из лаборатории и не ездил домой, оставаясь ночевать в гостевых покоях своего исследовательского центра. Он фанатично искал причины их гибели, круглые сутки проводя скрупулезные исследования генетического материала ребенка, образцов крови Лиз, взятых у нее сразу после смерти, и записи показаний диагностического оборудования операционной. Он поднял все свои базы данных и связался со всеми коллегами, имеющими хоть сколь-нибудь полезные банки образцов.

И он нашел. Сразу две генетические мутации сидели в молчащих цепочках ДНК, полученной Лиз от матери. Было уже невозможно определить, какая именно трансгенная вставка из продуктов прошлых лет была ответственна за это, но два поколения мутации ничем не обнаруживали себя. И вот сейчас плейотропный эффект сработал на стадии развития эмбриона, обрекая новорожденного на мучительную смерть. В результате мутации легкие малыша изначально не имели возможности сокращаться. Младенец родился, открыл глаза и увидел белый свет, но он не смог сделать вдох и умер от удушья, в молчаливых мучениях.

Вторая генетическая бомба сработала, едва начались роды. В кровь Лиз начал поступать токсин, вызывавший судороги и нервные спазмы. Уэйн все проверил не единожды. Чем дольше длились роды, тем сильнее страдала она от боли. Момент, когда ребенку перерезали пуповину, явился пусковым. Выброс токсина стал ураганным, и мозг Лиз погиб за считанные мгновения. Даже если бы у реаниматологов, теоретически, был антидот, они бы ничего не смогли сделать. Не хватило бы времени.

Уэйн криво усмехнулся, вспоминая, как в день похорон ему позвонил лично Смитсон и выразил соболезнования в связи с тяжелой утратой. Он-де понимает, как это тяжело, у него внук родился с генетической инвалидностью, и ему самому пришлось принимать скорбное решение об эвтаназии. Забавно. Эвтаназия. Теперь это слово, без сомнения, станет самым популярным в мире. Как там написал в предсмертной записке тот безумный капитан-подводник? Господь велел ему подвергнуть эвтаназии весь мир? А ведь это был очень сильный характером индивид, иначе как целая медицинская комиссия флота не смогла распознать абсолютно безумного человека... Этим вопросом сейчас задается весь мир. Кроме «СК», разумеется. Концерну эта ядерная бойня – счастье. И хозяева Смитсона не преминут извлечь из нее свою выгоду. Продажи жилых площадей в этой грандиозной афере с ЦСГР уже резко пошли вверх по всему миру. Всем в одночасье захотелось жить подальше от городов. И это только начало. Скоро концерн запустит в массовое производство проект «Арабика». Рис, созданный им, Уэйном. И очередной «желтый» грипп вспыхнет теперь уже в арабских странах. И вновь на помощь несчастным придет «Сёрвайвинг Корпорэйшн», увеличивая свой авторитет среди простых людей. В операции по захвату мирового господства началась завершающая стадия – битва за сознание рядовых граждан. Они должны добровольно отдать себя в рабство «СК» в обмен на «чистое» жилье. Правительства, религиозные конфессии и прочие основные мировые механизмы давно уже принадлежат концерну. Осталось лишь немного подправить общественное мнение. Чтобы простые люди искали виновных в своих многочисленных бедах в другом месте. А бед много. Например, когда твоя дочь умирает в муках, рожая ребенка-мутанта, также обреченного на мучительную смерть. А все из-за того, что группа предприимчивых толстосумов полвека кормила мир трансгенами, в погоне за собственными целями совершенно не заботясь о будущем последующих поколений.

Компьютер возвестил об окончании передачи массива данных, и Уэйн встал с кресла. Он подошел к центральному компьютеру лаборатории и набрал команду на удаление баз данных. Конечно, компьютерщики «СК» восстановят большую их часть, но не все, да и не сразу. Главного им не найти уже никогда. Ученый дождался сообщения об успешном удалении и удовлетворенно кивнул. Он имел ко всему этому кошмару непосредственное отношение, пусть и не он все это начал. Ему и расхлебывать. Раз больше некому. Впрочем...

Уэйн еще раз убедился, что все важные базы данных уничтожены, и

решительно направился к коробкам с натрием, которые он загодя велел доставить в лабораторию якобы под проект «Арабика».

Когда спустя два часа в здании крупнейшего из научно-исследовательских центров, принадлежащих «Сёрвайвинг Корпорэйшн», вспыхнул пожар и автоматическая система пожаротушения стала подавать через потолочные распылители водную смесь в заполненную кусками натрия лабораторию, доктор Уэйн был уже далеко. Он остановил машину на одной из загородных заправок и попросил у оператора телефон. Ученый достал из кармана старую затертую визитку и набрал номер.

– Алло? С вами говорит доктор Сэмюэль Уэйн, нобелевский лауреат в области генетики, концерн «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Вы понимаете, кто я?

Ему что-то ответили, и он продолжил:

– Превосходно. Соедините меня с госпожой Шаройкиной. Это срочно и не терпит отлагательств.

Некоторое время в трубке стояла тишина, после чего старческий женский голос произнес:

– Я слушаю вас, доктор Уэйн.

Уэйн удовлетворенно кивнул, узнав собеседника, и сказал:

– Мисс Шаройкина, ваше предложение еще в силе?

Воскресная проповедь закончилась, и Курт вышел из здания церкви. Сегодняшняя проповедь не принесла ему ни облегчения, ни тем более умиротворения. Наоборот, возмущение кипело у него в жилах. Сначала пастор вознес господу молитву во спасение душ безвинно убиенных, сгинувших в ядерном кошмаре, поглотившем Портсмут, после чего до самого окончания проповеди призывал к смирению, покорности и терпимости. Господь посылает нам испытания, и мы должны достойно принять их! Курт только усмехнулся, услышав такую ерунду из уст святого отца. Интересно, кто вообще экзаменовал этого неуча на выпускных в духовной семинарии?!

Курт вернулся в пустой дом, и его негодование только усилилось. Два дня назад эти мерзкие богопротивные твари набросились на его старшего сына и чуть было не загрызли его! Парнишке уже тринадцать лет, он вполне самостоятелен и весьма смышлен, и родители часто доверяли ему прогулки с младшей дочерью. Так было и в тот день, только тогда дети не успели отойти от дома и до середины улицы. Им навстречу попала какая-то женщина, за грехи свои наказанная господом двумя детьми-лигами лет пяти-шести, никак не старше. Увидев в руке у его дочери леденец, один из

мерзких мутантов схватил ее за руку и захотел отобрать лакомство. А когда старший сын заступился за сестру, оба маленьких выродка набросились на него! Два малолетних чудовища, которых назвать детьми у нормального человека не повернулся бы язык, вцепились зубами в руку сына, словно дикие звери! Двоим взрослым мужчинам, прибежавшим на крики о помощи, с трудом удалось оттащить кровожадных выродков от ребенка!

Курт в ярости мерил шагами опустевший дом. Малолетние зверьки перегрызли сыну две мышцы на руке практически пополам. Пол-улицы было залито кровью. Ребенку срочно потребовалась операция, и жена, бросив все, увезла его в Берлин. Дочку ей пришлось забрать с собой, ведь Курт сутками был занят на работе. Не оставлять же маленького ребенка целыми днями одного в пустом доме, окруженном лигами! На их улице уже практически не осталось нормальных семей, везде расплодилось эта мерзкая дрянь! Вчера вечером Курт разговаривал с женой по телефону. Руку сыну удалось спасти, врачи сказали, что ребенка привезли на операционный стол буквально в последний момент. Еще бы несколько часов, и полностью восстановить все функции кисти без протезирования было бы уже невозможно! Но для полного выздоровления придется провести несколько операций. Семья пробудет в Берлине не меньше месяца.

Он подошел к иконе и истово перекрестился. Спасибо господу, это его волею ребенка удалось довести до врачей вовремя, не иначе. Господь заботится об истинно верующих детях своих. Курт снова вспомнил о пасторе и презрительно усмехнулся. Откуда взялся этот неуч? Прошлый пастор был намного умнее. Он не скрывал правды от прихожан, прямо объясняя, что лиги – это отродие сатаны, посланное миру за грехи его. Видимо, поэтому его и поспешили убрать. Хорошо знакомая многострадальной Германии ситуация – истинно верующие в господа не впервые терпели гонения за правду свою. А взамен прислали этого бездаря, призывающего к терпимости. Курт закатил глаза к потолку. Подумать только, что он несет! «Господь ниспослал тяжелое испытание жителям Портсмута». Нет, ну каков идиот... Он, Курт, истинно верует в господа всю жизнь свою и в деяниях его понимает поболее, чем семинарист-недоучка. Испытание! Шел бы лучше в мусорщики, а не в пасторы, если не можешь понять очевидного. Не было никакого испытания. Эта была кара божия!

Курт прошел в кухню, включил телепанель, выбрав новостной канал, и открыл холодильник, собираясь сообразить себе что-нибудь перекусить.

Он хорошо изучил всю эту историю с ядерным ударом, грамотно отсеял всю ложь, которой обильно приправили ее правительства, и теперь

четко понимал, как все произошло на самом деле. Портсмут был грешен, и разгневался господь, и покарал их огнем испепеляющим. На то была воля его, и исполнилась она, и никто не в силах был помешать этому. Приспешники сатаны теперь пытаются сокрыть от честных верующих греховность Портсмута, обвиняя во всем капитана Уилкинсона. Он де покончил с собой к тому моменту, когда удалось вскрыть люки на мостик. Оставил предсмертную записку со словами: «Господь подверг этот мир эвтаназии и повелел мне быть орудием своим». И вообще эксперты до сих пор ломают головы над тем, как Уилкинсону удалось в одиночку произвести перенацеливание ракет и пуски, да еще так быстро.

Курт гневно воззрился в окно, увидев на улице лига на костылях, ковыляющего по дороге мимо дома. Эксперты, видать, от лукавого, вот потому и ломают головы до сих пор. А ему все очень даже понятно, ибо для истинно верующего в этом деле ослепительным светом сияет рука господа. И никому не скрыть этого! Капитан покончил с собой, как же! Черта с два! Прости меня, господи! Наверняка они убили его поскорее, чтобы попытаться скрыть волю Божию. И записка Уилкинсона прогремела на весь мир лишь потому, что господь велел тому оставить ее в интернете, иначе слуги сатаны утаили бы ее от общественности. Они пытаются объявить его сумасшедшим! Но даже им приходится признать, что медкомиссия не нашла в психике никаких серьезных отклонений. Они все не могут понять, как он в одиночку осуществил задуманное, а Портсмут тем временем давно лежит в руинах. Капитана направлял господь, и это не подлежит сомнению! Греховный город заплатил за грехи свои, вот что это было, а никакое не испытание!

Курт достал булку хлеба, аккуратно отрезал пару ломтиков и поместил их в тостер, после чего принялся варить кофе.

Только тому, кто истинно верует, доступно понять знаки господни. Портсмут должен был умереть, и он умер. Это кара. Испытание же выглядит по-другому. Вот в Тусоне было испытание. Несколько месяцев эпидемия разрасталась, пока не охватила весь город. Что бы там ни говорили слуги сатаны в газетах и по телевидению, а выжившие были. Господь специально дал время всем верным детям своим покинуть город, после чего уничтожил приспешников сатаны. Вот их-то настигла уже кара! Ведь не случайно справиться с эпидемией не смог даже великий доктор Уэйн, победитель «желтого» гриппа! Господь не хотел, чтобы эпидемия прекращалась, и она не прекратилась. Так же как ему было угодно, чтобы Уэйн нашел вакцину против «желтого» гриппа, и тот нашел ее. Все просто. Господь хотел покарать греховный Портсмут, и город сгорел в одно

мгновение. После этого господь послал испытание Лондону, и ракету успели перехватить. На все воля божия – как пожелал он, так и сбылось.

Его взгляд, блуждающий через окно по улице, снова выхватил лигов. На этот раз по улице шли две женщины, катящие перед собой коляски. Даже отсюда были хорошо видны генетические уродства, поразившие их детей. Почему-то именно в этот момент Курту вспомнился разговор с приятелем из заводского отдела кадров. Тот упомянул, что на заводе детей-лигов имеют более полутысячи человек. Почти две трети сотрудников! Это происки сатаны, не иначе. В нашем маленьком городке стало слишком много лигов. Скоро нормальному человеку нельзя будет спокойно выходить из дома, эти звери уже бросаются на детей! Руки Курта непроизвольно сжались в кулаки. Ненавистные мутанты, порази их, Господи, карающим огнем своим!

Внезапно совсем рядом раздался оглушительный щелчок электрического разряда, и Курт буквально отпрыгнул в сторону. Телепанель вырубилась, индикаторы холодильника погасли, из тостера валил едкий дым. Короткое замыкание, понял Курт. Что-то там произошло с тостером. Он осторожно подошел к нему, быстро выдернул шнур электропитания из розетки и осмотрел прибор. Одна из его пластиковых поверхностей расплавилась буквально за секунду. Тостеру пришел конец, и Курт швырнул его в раковину под струю воды, стараясь потушить тлеющий пластик, обильно выделяющий дым. Кухня быстро наполнилась едкой удушливой вонью. Надо открыть окно, а то недолго и задохнуться, подумал Курт. Он взялся было за рукоять, собираясь распахнуть оконную створку, как вдруг замер, пораженный внезапным откровением.

Секунду он стоял неподвижно, осознавая все величие возложенной на него миссии, после чего решительно распахнул окно. Капитан Ричард Уилкинсон был прав. На все воля Господа, и рука его ведет верных слуг своих в бой с приспешниками дьявола. Свежий воздух ворвался в дом, обдувая Курту лицо, и он умиротворенно улыбнулся. Теперь Курт Брюгге точно знал, что должен сделать.

Маленький лиг истошно заорал, перекрывая гвалт ресторана, и Дэйв нехотя развернулся на крик. Судя по всему, малолетнему мутанту в очередной раз свело судорогой его безобразную искривленную ногу с лишним коленным суставом. Лиг вывалился из детской коляски и катался по полу, схватившись за ногу руками и пронзительно визжа. Толстая мамаша срочно вылезала из-за стола, пытаясь прийти на помощь своему чаду.

Дэйв скривился и отошел поглубже в угол. Тут он ничем помочь не мог, и это его весьма радовало. Приближаться к мерзкому мутанту, а тем более прикасаться, ему совсем не хотелось.

Он работал в обеденном зале всего третий день, но уже к концу первого стало ясно, что это место он ненавидит. Но другой работы пока не попадалось. После гибели Портсмута босс покинул Нью-Йорк на неделю раньше запланированного срока, и Дэйву ничего не оставалось, как выйти на работу в зал. В общем-то, исполняемые им обязанности были донельзя примитивны. Стой себе в углу, переглядывайся с напарником из угла напротив да слушай плеер. Время от времени в зале возникали потасовки то между малолетними лигами, то между их родителями, и тогда приходилось вмешиваться: успокаивать дерущихся, либо выбрасывать их на улицу. Единственной головной болью были часто появлявшиеся «хвататели». Так сотрудники ресторана называли посетителей, пришедших в ресторан без денег. Они пытались выхватить что-нибудь съестное прямо с чьего-нибудь подноса и сразу же съесть, мгновенно ретируясь. Среди таких были не только лиги, хватало и просто нищих, зачастую вполне прилично одетых. В последние месяцы множество людей осталось без работы, и количество голодающих резко выросло, причем распознать «хватателей» в толпе посетителей удавалось далеко не всегда.

В наушниках плеера, работающего в режиме радиоприемника, зазвучала музыкальная заставка программы новостей, и Дэйв прислушался. Новых катастроф в мире, к счастью, не произошло. Продолжаются поиски доктора Сэмюэля Уэйна, пропавшего среди бела дня из своей лаборатории в сверхсекретном и тщательно охраняемом исследовательском центре, принадлежащем «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Доктор устроил в лаборатории жуткий пожар, с которым не смогла справиться штатная система пожаротушения, и целая армия пожарных расчетов тушила охваченный пламенем этаж. Причиненный ущерб уже оценен в сумму, от которой у обычного человека волосы встают дыбом. Поговаривают, что доктор, прежде чем сбежать, что-то там наколдовал с компьютерами исследовательского центра, в результате чего у «СК» возникли проблемы с некоторыми базами данных. В итоге ущерб оказался сопоставим с десятком сгоревших лабораторий...

И никто толком не может понять, зачем доктору Уэйну понадобилось делать все это. Сам доктор никаких записок не оставлял, на связь не выходил, и напасть на его след пока никому не удалось. Журналисты ломают голову, выдвигая множество версий, одна замысловатее другой. В качестве основной рассматривается вариант развития событий,

предложенный одним популярным телеканалом. Как удалось выяснить репортерам, за несколько недель до исчезновения и пожара у доктора Уэйна при родах умерла дочь, а ребенок родился мертвым. Ходят слухи, что виною этому послужили загадочные генетические мутации, вызванные ГМО, которые возникли не то у самого доктора Уэйна, не то у родителей мужа скончавшейся при родах дочери. И теперь у доктора, являющегося одним из наиболее авторитетных в научном мире создателей ГМО, развился так называемый «синдром Уилкинсона», как окрестил его известный телевизионный ведущий. Мистер Уэйн мог возненавидеть свою работу или же работодателя – производителя трансгенов концерн «СК». Таким образом, пожар – это его протест, своего рода маленький Портсмут, в результате которого, к счастью, ни-кто не пострадал. Представители «Сёрвайвинг Корпорэйшн» выступили с опровержением слухов о преднамеренном поджоге лаборатории и диверсии в базах данных и причастности ко всему этому доктора Уэйна. Полиция рассматривает две основных версии: одна связана с действиями агрессивно настроенных «заботливых», другая – похищение человека с целью получения выкупа.

Дэйв недовольно покачал головой. Ну что за люди, везде грязь найдут. Произошла беда, человек пропал, хорошо хоть в огне никто не погиб, а они уже и синдром какой-то выдумали, и пожар в лаборатории с ядерной трагедией сопоставили...

Второй темой выпуска новостей были сводки из Портсмута. Спасательные бригады со всего мира продолжают вести раскопки города и извлечение из-под завалов выживших и тел погибших. На данный момент общее число погибших в результате этой чудовищной трагедии уже превысило двести тысяч человек, и это число продолжает расти. По-прежнему списки пропавших без вести насчитывают более ста десяти тысяч имен. Спасательные работы сильно усложняются непрекращающимися пожарами в арсеналах военно-морской базы и высоким уровнем радиоактивного заражения в районах, находившихся в эпицентре взрыва. ООН направило в зону трагедии очередную группу специалистов...

Кто-то из лигов неподалеку снова забился в громких рыданиях, и Дэйву пришлось сделать звук плеера громче. Чертовы мутанты, пошли мне, господи, работу без этих уродливых тварей! Их вопли способны заглушить звуки даже в наушниках. В последнее время послушать новости ему удавалось только на работе. Сюзи никак не удавалось решить проблему с трудоустройством, и она практически постоянно сидела дома, опасаясь выходить лишний раз на улицу даже в лицевой повязке и защитных

перчатках. Смотреть при ней репортажи с мест трагедий было совершенно невозможно – у Сюзи начиналась истерика, справиться с которой удавалось только с помощью сильных антидепрессантов. Она все чаще и чаще стала говорить о том, что хочет уехать из Нью-Йорка куда-нибудь подальше от лигов, грязной пищи и прочих опасностей, в такое место, где она смогла бы спокойно родить полноценного ребенка. Поначалу Дэйв лишь невесело усмехался в ответ, справедливо заявляя, что такие места остались только в ЦСГР, а таких денег у них нет. Но в конце концов это стало у Сюзи единственной темой для разговора, и обстановка в их маленькой семье становилась все более напряженной.

Новости закончились, и Дэйв решил сделать звук потише.

– Хорошие известия от «Сёрвайвинг Корпорэйшн»! – счастливым женским голосом возвестил рекламный ролик. – Теперь ЦСГР стало ближе! Наш концерн, идя на уступки миллионам людей по всему миру, начинает беспрецедентную акцию! Теперь жилые площади в центрах можно приобрести в долгосрочный кредит, выдаваемый в банках-участниках программы! Подробную информацию узнавайте в офисах продаж «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Чистое будущее — это не мечта, это реальность!

Дэйв подумал, что, пожалуй, стоит позвонить в «СК» и уточнить детали, как вдруг в кармане настойчиво зажужжал поставленный на вибровывоз мобильный. Он достал телефон. Звонила Сюзи.

– Дэйв, милый! «СК» начинает продажу жилья в ЦСГР в кредит! – выпалила она. – Я уже позвонила в ближайший офис продаж и записалась на прием! Нам назначено на завтра, на шесть вечера! Как замечательно, что они работают круглосуточно!

– Хорошо, милая, так и сделаем, – вздохнул Дэйв, – после работы обсудим. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю! – счастливо заявила Сюзи и отключилась.

Дэйв убрал телефон, отмечая, что уже давно не слышал в голосе жены такого восторга. Придется съездить в «СК». А впрочем, может, оно и к лучшему. Чего сейчас гадать, завтра вечером все станет ясно.

– Герр Брюгге, без вас – как без рук! – Начальник производства Кляйнер сверился с данными системы управления производственными процессами и удовлетворенно кивнул: – Замечательно! Вы действительно виртуоз своего дела! Я слышал, вам даже принадлежит несколько патентов?

– Двадцать пять лет назад господь волею своей направил мои стопы в

нужный университет, – скромно улыбнулся Курт, – с тех пор я старался не разочаровать его, в меру своих скромных сил и способностей.

– Вы явно занижаете свои достоинства! – отмахнулся Кляйнер. – Справиться с системным сбоем, полностью парализовавшим работу всего комбината, менее чем за двадцать минут – это самое наглядное подтверждение высочайшей квалификации из тех, что мне когда-либо доводилось видеть!

Он извлек из кармана форменного халата платок и промокнул выступившую на лбу испарину.

– Как вообще такое могло произойти, просто непостижимо! – Он гневно нахмурился. – И это называется новейшее программное обеспечение максимальной степени надежности! Какой-то, извините, глюк в одно мгновение поставил под угрозу жизни полутора тысяч сотрудников!

Начальник производства возмущенно скомкал платок в кулаке и потряс им в воздухе.

– Да что там завод! Метановый цех чуть было не взлетел на воздух! Мы даже вызвали спасателей! Только что бы это изменило? Если б такое произошло, завод вспыхнул бы, словно спичка! А у нас тут хлор, ртуть, формальдегид, кислоты! А если пожар перекинется на соседние предприятия?!!

Кляйнер схватил Курта за руку и горячо пожал ее.

– Вы настоящий герой, герр Брюгге! – заявил он. – Очень вероятно, что за эти двадцать минут вы спасли от мучительной смерти не только всех нас, но и весь этот городок! Даже Чехия обязана сказать вам спасибо!

Он оставил руку Курта в покое и обернулся к своему помощнику:

– Начальников цехов ко мне, немедленно! Объявляю экстренное совещание. Всем иметь с собой сводки по вверенным цехам о последствиях отказа электроники! – Кляйнер посмотрел на Курта и торжественно добавил: – Я лично сообщу в Берлин, генеральному директору, о вашем подвиге, не побоюсь этого слова, герр Брюгге, и потребую для вас достойного поощрения! И лично проконтролирую выставление иска разработчику программного обеспечения! Они заплатят нам сторицей за каждую из этих девятнадцати с половиной минут, которые стоили мне пары лет жизни!

Курт застенчиво поблагодарил Кляйнера и откланялся, сославшись на рабочую смену, до окончания которой оставалось еще два часа. Начальник производства восхитился скромностью и бескорыстностью героя и отправился разбираться с последствиями системного сбоя.

Курт вернулся в дежурку сисадминов и уселся за свое рабочее место.

– Мои поздравления, герр Брюгге! – устало произнес Мюллер, приветствуя успех коллеги. – Двадцать минут! Это поразительно! – Он оторвался от компьютера. – Я так и не смог определить, что же послужило причиной отказа электроники... Никогда раньше не видел ничего подобного. Как вам это удалось?!

– На все воля божия, – ответил Курт, – и неисповедимы пути его! – загадочно добавил он.

Брюгге закрыл глаза и заново прокрутил в голове все этапы своего плана. Все идет, как велел ему господь, и двадцатиминутный системный сбой только что это подтвердил. Курт мог бы справиться с ним и быстрее, но тогда это выглядело бы слишком подозрительно. Мюллер и так уже задается вопросами. Но устроить сбой было единственной возможностью загрузить в нужные элементы системы свои скрипты. Брюгге потратил на их написание всю ночь, и практически вся смена ушла на взлом системы. Программная оболочка была сделана чертовски хорошо, незаметно преодолеть встроенный разработчиками механизм защиты Курту так и не удалось. Пришлось пойти на риск и грубо обвалить систему, только так оказалось возможным воткнуть в ее ядро свой программный код. Завод, конечно, выставит разработчику претензию и, возможно, даже вчинит иск, после чего те пришлют сюда своих экспертов. Им не составит труда докопаться до сути, только все это уже не важно.

Оставшееся до окончания рабочей смены время тянулось так медленно, словно сам дьявол обеими руками пытался удерживать истекающие секунды, превращая их в часы.

Выйдя из ворот заводской проходной, Брюгге прошел на парковку и сел в свою машину. Все необходимое он погрузил в нее еще с вечера. Курт завел автомобиль и повел его к выезду из города. Он не смотрел в зеркало заднего вида – в остающемся за спиной царстве сатаны не было ничего, на что ему хотелось бы бросить прощальный взгляд. Курт выехал на загородное шоссе, и вскоре Биттерфельд остался позади.

Наконец Брюгге решил, что время пришло, и остановил автомобиль. Он вышел из машины, достал мобильный и убедился, что находится в зоне уверенного покрытия сотовой сети. Курт вошел в интернет, подключился к заводской сети и ввел личный пароль, проникая в ядро автоматизированной программы управления химическим производством. Брюгге набрал пусковую фразу «Воля господа да свершится» и нажал клавишу ввода.

Пару минут ничего не происходило. Затем грязно-оранжевая вспышка где-то за горизонтом осветила сгущающиеся июльские сумерки. Звук мощного взрыва пришел много позже. Курт Брюгге еще некоторое время

смотрел на разгорающееся вдали зарево, после чего с чувством выполненного долга вернулся в машину.

Пространство возле входа в здание офиса продаж «СК» было густо заполнено людьми. Дэйв обнял Сюзи сзади за плечи и принялся решительно протискиваться сквозь толпу. Второй раз уже, отметил он про себя, вспоминая свой прошлый визит сюда вместе с боссом. Только теперь народа раз в пять больше, и не видно ни одного «заботливого». Говорят, сразу после первых сообщений из Биттерфельда сотни «чистых» устремились к офисам продаж «Сёрвайвинг Корпорэйшн» и пикеты «заботливых» были буквально сметены разъяренной толпой. Вмешавшаяся полиция сообщала о многочисленных пострадавших и даже отдельных жертвах среди малолетних лигов, погибших в возникшей давке.

Дэйву с трудом удалось добраться до входных дверей. В центре одной из широких стеклянных дверных створок зияла огромная дыра, другая была обильно покрыта серьезными трещинами. На входе в офис стояла вооруженная охрана, усиленная нарядом полиции. Рядом с ними, за наскоро установленным пластиковым столом, сидел усталый сотрудник, обложенный кипами бумаг. Едва Дэйв и Сюзи приблизились к дверям, как двое охранников перегородили им дорогу.

– Простите, сэр, нам назначено! – Дэйв представился и показал свою карточку социального страхования.

Измученный сотрудник молча сверился с документами и вяло кивнул:

– Добро пожаловать, мистер и миссис Джонсон. Проходите сразу на второй этаж, вас там встретят. – Он сделал знак охраннику и что-то сказал в гарнитуру портативной рации, сообщая в офис о прибытии визитеров.

Внутри офиса народа было немногим меньше, чем снаружи. Гостевых кресел и диванов не хватало, и в ожидании приема люди сидели где придется: на подоконниках, ступеньках лестницы и просто на полу. Дэйв с женой поднялся на второй этаж и остановился, пытаясь понять, куда идти дальше.

– Мистер и миссис Джонсон? – Из другого угла помещения, где наскоро было сооружено нечто вроде секретариата и регистрации одновременно, к ним торопился заполошенный молодой человек с воспаленными от усталости глазами. – Меня зовут Барнс. Я знаю, вам назначено, но придется немного подождать, мы с самого утра испытываем колоссальный наплыв посетителей, на который наш офис не рассчитан. Обещаю, что долго ждать вам не придется, мы делаем все возможное! – Он выпалил эту фразу на одном дыхании и не меняя интонации, словно

повторял ее уже не первую сотню раз, и тут же удалился прочь.

– Сколько тут людей, Дэйв! – прошептала Сюзи. – И все хотят получить жилье в центрах! Надо было раньше сюда приехать, – она бросила на мужа тревожный взгляд, – вдруг нам не хватит места!

– Раньше «СК» не продавала в кредит, – хмуро ответил Дэйв, – посмотри вокруг. Большинство этих людей пришли за кредитным жильем. У них, как и у нас, нет денег на моментальную покупку. Наверняка в концерне знали, что затевают и сколько возникнет желающих. Так что места хватит.

– Но они не знали, что случится с Биттерфельдом! – сердито зашипела на мужа Сюзи. – Ты же сам слышал, что сказал этот менеджер! Их офис с самого утра осаждает огромная толпа! Ты мог бы уйти с работы пораньше!

– Сюзи, перестань! – Дэйв старался говорить как можно мягче, чтобы не вызвать очередной истерический припадок. – Если я уйду с работы раньше времени, меня уволят. Чем тогда мы будем выплачивать кредит за это самое жилье в ЦСГР?

– Если нам теперь его вообще дадут! – зло отрезала Сюзи.

Она отвернулась от него и направилась к огромной телевизионной панели в углу. Дэйв поспешил за ней.

– ...значительная часть Германии уже объявлена зоной экологической катастрофы, – по телевидению передавали очередной репортаж из окрестностей Биттерфельда, – масштабы которой поистине огромны!

На экране крупным планом шло изображение затаенного в костюме химической защиты репортера на фоне пылающего вдали города. Вокруг репортера обширное пространство было заполнено солдатами в таком же снаряжении, стояла разнообразная техника, были разбиты походные склады и палаточный городок.

– В район Биттерфельда стянуты практически все противохимические части бундесвера, все административные округа направили сюда значительную часть имеющихся в их распоряжении пожарных подразделений, кроме того, Германия в срочном порядке отзывает своих спасателей из Портсмута.

Камера отошла от репортера, и оператор, насколько позволяло удаление, дал изображение горящего города.

– Снимать в городе нам строжайше запретили, – голос ведущего звучал уже за кадром, – там сейчас зона максимальной степени химической опасности. Напомню, что чудовищная трагедия разразилась вчера вечером, когда на крупнейшем химическом комбинате Биттерфельда, принадлежащем концерну «Сёрвайвинг Корпорэйшн», произошел

серьезный сбой в работе электроники, что послужило причиной мощнейших взрывов сразу в нескольких производственных цехах и хранилищах. Вспыхнувшие пожары огромной силы быстро распространились на соседние химические предприятия, в результате чего весь город менее чем за полчаса оказался объят пламенем и утонул в химическом облаке. Ситуация осложняется сильным ветром, мешающим тушению пожара и обильно разносящим химическое заражение в глубь территории Германии.

Изображение пылающего города сменилось кадрами из походного госпиталя. Репортер стоял в углу, стараясь не мешать медикам, оказывающим первую помощь чудовищно обезображенным химическими ожогами людям, лежащим прямо на полу. Каждую минуту солдаты доставляли в госпиталь новых пострадавших.

– Мы находимся в одном из перевалочных госпиталей, которых вокруг наветренной стороны Биттерфельда развернуто уже более двух десятков. Все они забиты пострадавшими, и, как видите, раненые продолжают поступать непрерывным потоком. По имеющимся у нас на текущий час данным, подтверждена гибель уже более десяти тысяч человек, еще порядка двадцати пяти тысяч числятся пропавшими без вести. Военные и спасатели продолжают осмотр прилегающих к городу населенных пунктов и эвакуацию пострадавших. Особенно сильно пострадали районы, лежащие в подветренной стороне, их накрыло химическим облаком в считанные минуты...

– Мистер Джонсон! – Дэйв обернулся на голос. Барнс махал ему зажатой в кулаке пачкой документов. – Мистер Джонсон, сэр! Старший менеджер готов принять вас!

Дэйв потянул Сюзи за руку:

– Пойдем, дорогая, нас уже ждут.

Сюзи оторвала взгляд от телепанели и прижалась к нему.

– Как страшно...

Они направились к указанному Барнсом кабинету.

– Как мы уже сообщали ранее, – сзади донесся голос репортера, – первоначальной причиной трагедии считался сбой в работе программного обеспечения. В поддержку этой версии говорил тот факт, что подобный сбой случился на комбинате буквально за три часа до роковой минуты. Тогда с ним удалось справиться специалистам предприятия. Однако позже версия была изменена на диверсию. Основанием для этого послужило сообщение неизвестного, выложенное на форуме пользующегося сейчас популярностью сайта «Уилкинсон.ком», в котором человек, не назвавший

себя, объявил Биттерфельд греховным и заявил, что город постигнет кара господня. Сообщение было выложено менее чем за час до трагедии, и указанное в нем время полностью совпадает с зафиксированным временем взрыва. Известие о повторении «синдрома Уилкинсона» мгновенно вызвало истерию по всему миру...

Дэйв с женой вошли в кабинет, где совершенно измученный человек в помятом костюме поднялся им навстречу.

– Чак Кэрри, старший менеджер, – он протянул руку Дэйву, затем Сюзи и жестом указал им на кресла, – прошу вас, присаживайтесь. Сразу хочу от лица «Сёрвайвинг Корпорэйшн» принести вам извинения за вынужденное ожидание, но сами видите, что у нас творится! – Он горестно вздохнул. – Из-за этой ужасной трагедии в Биттерфельде все словно с ума посходили! Сейчас уже стало легче. Видели бы вы, что творилось здесь утром! Люди буквально брали офис штурмом!

– Их можно понять, мистер Кэрри! – заявила Сюзи. – Сначала Тусон, потом Портсмут, теперь Биттерфельд, – Какой следующий? В городах стало опасно жить! Если тебя не угробит какой-нибудь псих, то покалечат эти жуткие малолетние мутанты, готовые чуть ли не насмерть загрызть человека, или их чокнутые родители, или чертова бактерия, или что-то еще!

Дэйв взял Сюзи за руку и осторожно сжал ее ладонь.

– Успокойся, дорогая, мы ведь потому и пришли сюда! – Он обернулся к менеджеру: – Мистер Кэрри, мы с женой хотели бы покинуть Нью-Йорк и переселиться в один из ЦСГР. Но люди мы не богатые, в силу чего крайне стеснены в средствах. Не могли бы вы подробнее рассказать о программе кредитования «СК»? Можем ли мы на что-либо рассчитывать?

– С удовольствием! – уверенно заявил Кэрри. – Созданная «Сёрвайвинг Корпорэйшн» программа кредитования поистине беспрецедентна! Я уверен, что смогу помочь вам, если вы подойдете по обязательным требованиям. Поэтому в первую очередь я должен задать вам несколько вопросов.

– И что это за требования? – снова дернулась Сюзи.

– Есть ли у вас родственники, имеющие генетическую инвалидность? Если да, то я обязан предупредить вас, что они не смогут проживать...

– Нет! – воскликнула Сюзи. – У нас нет лигов! Наша семья состоит из двух человек, и она вся перед вами!

Дэйв снова сжал ей ладонь, пытаясь успокоить накаляющиеся эмоции.

– Превосходно! – широко улыбнулся Кэрри, словно не замечая состояния Сюзи. Похоже, он насмотрелся и не такого. – Тогда вопрос второй и последний! Готовы ли вы подписать документ о том, что в случае

рождения в вашей семье лица, имеющего генетическую инвалидность, вы обязуетесь любыми средствами не допустить его проживания на территории ЦСГР?

Дэйв хотел было опередить жену, но было уже поздно.

– Как вы смеете! – взорвалась Сюзи. – Как вы смеете говорить мне такое! У меня никогда, слышите, никогда не родится лиг! – Дэйв сгреб забившуюся в истерике жену в охапку и усадил ее себе на колени.

– У меня будет нормальный ребенок! – всхлипывала она. – Самый лучший в этом поганом мире! Как вы смеете...

– Да, да, конечно, – убаюкивал жену Дэйв, – у нас родится полноценный и очаровательный малыш, мистер Кэрри именно это и имел в виду.

– Так вы подпишете документ? – как ни в чем не бывало продолжал улыбаться Кэрри.

– Да, конечно! – ответил Дэйв, вытирая жене слезы.

– Мне требуется согласие обоих родителей! – Улыбка Кэрри застекленела. – Миссис Джонсон?

– Да! – всхлипнула Сюзи. – Мы подпишем вашу чертову бумагу! – Она снова дернулась в руках Дэйва. – У меня будет нормальный ребенок! Слышите?! Нормальный! Запомните это!

– Разумеется! – залился неподдельным счастьем Кэрри. – Ведь именно для этого «Сёрвайвинг Корпорэйшн» и создало сеть центров сохранения генетических ресурсов! Чтобы счастливые полноценные семьи, такие как ваша, могли жить в экологически чистых условиях, питаться органической пищей и рожать здоровых малышей! За вами – будущее этого мира!

– Мистер Кэрри, – Дэйв терпеливо дослушал его пламенную речь, – давайте теперь поговорим о том, сколько это будет стоить.

– О, тут все просто! – беззаботно махнул рукой Кэрри. – Я сверился с данными, предоставленными вашей супругой по телефону в момент записи на прием. – Он пододвинул к себе какой-то бланк. – Из них следует, что вы оба являетесь квалифицированными специалистами. Если это так, то «Сёрвайвинг Корпорэйшн» берет на себя ваше трудоустройство на своих рабочих местах! Вы можете подтвердить свою квалификацию?

– Да, но... – осторожно произнес Дэйв, – у нас несколько нестандартные специальности... Моя жена дипломированный специалист по женскому маникюру, а я профессиональный охранник, имею лицензию...

– Отлично! – обрадовался Кэрри. – С чего вы взяли, что ваши специальности хуже, чем какие-либо другие? На них есть вакансии! Наш концерн с удовольствием предоставит вам работу!

– Это радует, – согласился Дэйв, – но как это соотносится со схемой кредитования?

– Самым непосредственным образом! – ответил Кэрри. – Как только вы подписываете бумаги, «СК» принимает вас на работу и предоставляет кредит на срок от тридцати до пятидесяти лет в зависимости от размеров первоначального взноса, который вы сможете внести в течение пяти календарных дней. Если вы не имеете средств на взнос, то кредит будет выдан вам на максимальный срок. На стоимость этого кредита концерн выделяет вам жилую площадь в одном из центров, в вашем случае это ЦСГР национального парка Грейт-Смоки-Маунтинс. Полное медицинское обеспечение входит в состав предлагаемого нами пакета услуг.

Он протянул Сюзи большой буклет альбомного размера:

– Вот, взгляните! Это снимки центра, вы можете увидеть, что мы вам предлагаем. На страницах с пятнадцатой по тридцать вторую вы найдете варианты предлагаемых апартаментов. «Сёрвайвинг Корпорэйшн» дает возможность своим клиентам выбрать жилье по вкусу!

Пейзажи национального парка, среди величественных лесов которого раскинулся центр, настолько впечатлили Сюзи, что ее истерика улетучилась практически мгновенно. Она долго рассматривала фотографии, восторженно ахая, пока, наконец, не выбрала два варианта апартаментов, заявив, что более точно сможет сказать, только увидев все своими глазами.

– Нет проблем! – заявил Кэрри. – По прибытии в ЦСГР вас встретят наши сотрудники. Они покажут вам все и помогут сделать окончательный выбор!

– Скажите, а как быстро можно переехать туда жить? – спросила Сюзи.

Ее глаза горели почти маниакальным огнем. Дэйв посмотрел на жену и понял, что одной ногой она уже где-то там, в изображенном на фото раю.

– С момента подписания всех документов вы можете отправиться в центр в любое время своими силами, но предупреждаю вас, что внутри центра вы не имеете права иметь личный транспорт, не сертифицированный «СК». Намного удобнее заранее продать ваш автомобиль и воспользоваться нашей службой доставки. Автокараван совершает поездки в центр каждую среду.

– Мы готовы! – с жаром заявила Сюзи. Она обернулась к Дэйву и возбужденно спросила: – Правда, дорогой? Нас ведь ничто здесь не держит! Авто у нас в кредит, квартира съемная. Расторгнем кредит и аренду квартиры, упакуем вещи – это всего пара дней! Чего ждать?

– Хорошо, – согласился Дэйв, глядя на сияющую Сюзи, – что нужно сделать?

– Согласовать размер первоначального взноса, выбрать кредитный план, подписать бумаги и указать день, время и адрес, по которому за вами заедет наша служба доставки! – широко улыбнулся Кэрри. – Вот и все действия. Если желаете, мы можем сделать все прямо сейчас!

Дэйв не успел даже открыть рот.

– Желаем! – воскликнула Сюзи. – Доставайте бумаги!

Кэрри, не переставая улыбаться, открыл одну из лежащих на столе папок и извлек кучу всевозможных бланков и договоров.

– Перед тем как начать, – произнес он, – я должен предупредить вас об ответственности, наступающей в случае нарушения вами Особого Положения договора. А именно: если в семье, проживающей в ЦСГР, рождается лицо, имеющее генетическую инвалидность, то данная семья обязана в течение двадцати четырех часов своими силами и за свой счет выдворить родившегося лига за территорию центра. В случае отказа семьи выполнить данное условие, договор считается расторгнутым по вине семьи. Семья лишается жилых площадей и подлежит немедленному выселению, с ее счетов происходит автоматическое списание денежных средств в счет оплаты полученных за время проживания в центре услуг в полном объеме, включая невыплаченные проценты по кредиту, если таковые имеются. В случае отсутствия на счетах данной суммы, счета арестовываются до момента полного погашения задолженности. Подробности вы можете прочесть вот тут! – Кэрри протянул им бумагу.

– Нас это не касается! – зашипела на него Сюзи. – У меня будет нормальный ребенок! – Она вырвала бумагу у него из рук, нервно скомкала и швырнула куда-то в угол. – Самый нормальный из всех, кто когда-нибудь родился в этом вашем расчудесном центре! Вы поняли меня?!

– Разумеется, мэм! – с готовностью согласился Кэрри. – Это всего лишь пустая формальность, не более того! По инструкции я обязан предупреждать всех.

– К черту ваши инструкции! – кипела Сюзи. – Мой малыш будет лучше всех! Что надо подписать? – Она посмотрела на мужа. – Дэйв! Не молчи! Что ты сидишь, как столб?!

– Мы понимаем всю ответственность и согласны с вашими условиями, – вздохнул Дэйв, – давайте приступим к подписанию...

– Превосходно! – констатировал Кэрри. – Тогда начнем с выбора кредитного плана.

Небольшое озерцо, затерявшееся среди вековых деревьев, нежилось в теплых солнечных лучах. Дэйв лежал на мельчайшем, словно соль,

золотистом песке, устилавшем маленький пляж, и наблюдал за Сюзи, барахтающейся в прозрачной воде. С берега в озеро выходил небольшой понтонный мостик, и Сюзи, весело повизгивая, с разбега бросалась с него в воду, подымая фонтаны брызг. Сперва Дэйв пытался считать прыжки, но потом сбился со счета и принялся лениво нажимать кнопки мобильного телевизора, листая программы.

Как обычно, вести были одна мрачнее другой. Количество жертв трагедии в Портсмуте выросло еще на сто тысяч человек. В Германии Биттерфельдская катастрофа сделала опасной для жизни добрую четверть страны, и люди продолжают умирать от ее последствий. В Индии зарегистрирована новая суперинфекция, сформировавшаяся в результате трансгенной мутации, и снова медицина оказалась бессильна. В Палестине нашли какой-то новый вирус гриппа, чем-то похожий на «желтый», и вроде бы специалисты «СК» уже заявили, что готовы прийти на помощь, но для этого потребуется время. В России появился очередной последователь Уилкинсона, офицер какой-то ракетной базы. Причем на этот раз уже не один, а с целой группой помощников. Они хотели произвести пуски ядерных ракет, но их планы вовремя были раскрыты, и запуск предотвращен. Тогда эти психи умудрились в последний момент инициировать взрыв ядерной боеголовки прямо в шахте. Теперь в России стало на одну запретную зону больше. Впрочем, кто их там считает? ООН собирает внеочередную ассамблею по вопросу набирающей обороты угрозы «синдрома Уилкинсона»...

Дэйв выключил радио. В мире по-прежнему творилось черт знает что, но теперь все это было где-то очень далеко и совсем не казалось таким жутким и безысходным, каким виделось с экрана телепанели в их маленькой нью-йоркской квартире. Здесь, в центре, стояло полнейшее спокойствие и умиротворение, и Дэйв чувствовал, что ему решительно наплевать на эпидемии, взрывы, МАГБ с ее опостылевшей возней с этими уродливыми лигами и, самое главное, на защитные перчатки и фильтрационные повязки. Он поднял ладони, закрываясь ими от слепящего глаза солнца, и посмотрел на свои руки.

– Скучаешь по перчаткам? – Сюзи со смехом плюхнулась на него.

– Ай! – дернулся Дэйв. – Ты холодная!

– Зато ты горячий! – Она томно прижалась к нему. – Может, пойдем в дом? – Она хитро посмотрела на мужа. – Пока еще не поздно!

– Пойдем, – улыбнулся он, – а то наши соседи, очень степенная семья, могут оказаться в шоке!

Они подхватили полотенца и направились по тропинке, уходящей от

озера в лес. Их дом находился метрах в пятидесяти дальше по тропе. Все дома в центре были выстроены на небольших аккуратных полянках, окруженных деревьями. По дорогам, теряющимся в тени деревьев, ездили только небольшие электрокары, которые любая семья могла получить в пользование в счет несущественного удорожания основного кредита.

В каждом доме располагались апартаменты на несколько семей, в зависимости от размера строения. В их доме помимо Дэйва и Сюзи проживала только одна семья, остальные площади пока пустовали. Их соседями оказалась супружеская пара из Вашингтона лет около сорока с двумя приятными десятилетними близнецами. Время от времени Дэйв сталкивался с отцом семейства, выходя на работу, и мужчины обменивались парой-другой слов. Оба они сходились во мнении, что идея ЦСГР еще не оценена по достоинству мировой общественностью, ведь тот, кто хотя бы день прожил здесь, уже никогда не вернется в город.

Дэйв и Сюзи переехали в центр полмесяца назад, и с тех пор он ни разу не пожалел о принятом решении. Такой счастливой Сюзи не была со дня их свадьбы, и это решительно стоило такой мелочи, как все их пятилетние сбережения, уплаченные в счет первоначального взноса, и взятый у «СК» тридцатилетний кредит. Все их опасения оказались напрасными. Центр имел шикарную инфраструктуру, во многом превосходящую привычную нью-йоркскую. «СК» блестяще выстроила отдельный город в лесах национального парка. Сюзи получила работу даже раньше Дэйва, буквально на второй после прибытия день. Еще через пару дней Дэйву предложили место в службе безопасности ЦСГР, и он согласился. Работа оказалась в высшей степени непыльной, так как все жильцы центра проходили проверку еще на этапе подписания контрактов на жительство. Поэтому люди подбирались вполне адекватные. Но самое главное, в центре действительно не было ни одного лига. Это правило соблюдалось «СК» очень жестко. Более того, все подъезды к национальному парку охранялись и патрулировались полицией, и даже приблизиться к ЦСГР постороннему человеку было невозможно.

Он вспомнил, как автокараван, доставивший их с Сюзи в центр, проезжал контрольно-пропускные пункты, укомплектованные солдатами национальной гвардии. У границ парка стоял целый палаточный городок, разбитый «заботливыми» и прочими прихвостнями МАГБ, повсюду висели плакаты, на чем свет поносящие ЦСГР, оградившиеся от лигов и их проблем. Дэйв презрительно ухмыльнулся. Да сгорите вы в аду вместе со своими уродливыми выродками-мутантами и сердобольными идеями МАГБ. Он, Дэйв, хочет для своей семьи спокойной и счастливой жизни

вдали от отбросов человеческого общества.

Сюзи буквально протащила Дэйва через дом в спальню и толкнула на кровать.

– Ого, – улыбнулся он, – ты сегодня настроена решительно!

– Именно! – вспыхнула жемчужной улыбкой Сюзи, стаскивая с себя купальник. – Сейчас я тебе задам! – Она притворно зарычала, словно дикая кошка, и бросилась на него.

Через час ее энергия немного поутихла, и Сюзи взяла передышку, распластавшись на его широкой груди.

– Милый! – промурлыкала она, обвивая его руками за шею. – Я хотела тебе сказать, что записала нас на генетическое обследование на послезавтра. Ты ведь сможешь отпроситься с работы?

– Послезавтра у меня выходной, – автоматически ответил Дэйв, – я завтра на сутках. А что случилось? – не сразу понял он.

– Ничего! – радостно заявила Сюзи. – Это тест на генетическое здоровье будущего ребенка! Если врачи разрешат, то мы заведем малыша!

– Не может быть! – Дэйв аж поднялся от неожиданности. – Ты решилась?!

– Да! – ответила Сюзи. – Дэйв, милый, посмотри вокруг! Как здесь хорошо! Тут не только воздух, тут даже солнце другое, тут вообще другой мир! Я чувствую себя, словно на крыльях! Как когда-то в детстве! – Она заглянула ему в глаза: – Ты рад?

– Что за вопрос! – воскликнул он. – Конечно да! Ты же знаешь, как я хочу дочку! С такой же упругой попкой, как у тебя!

– Балбес! – Она толкнула его на кровать и нарочито сердито погрозила мужу кулачком. – Ты можешь хоть немного быть серьезным или у тебя только одно на уме?

Сюзи притворно нахмурилась и вдруг расцвела озорной улыбкой, не давая ему возразить в ответ:

– Значит, хочешь дочку?! – Она хищно прищурилась, подбираясь к мужу поближе. – Тогда будем тренироваться! И не проси о пощаде!

Сюзи забеременела спустя два месяца. Это радостное известие Дэйв получил прямо на пороге дома, когда вернулся со смены. Едва он подошел к входной двери, как та распахнулась, и из нее буквально вылетела Сюзи, повисая у него на шее.

– Дэйв, милый, я беременна! – счастливо заявила она. – У нас будет ребенок! Я весь день провела в клинике, врачи говорят, что эмбрион развивается идеально!

– Это же замечательно! – Дэйв подхватил жену на руки и закружил по комнате. – А кто у нас будет, мальчик или девочка?

– Да ты что? – засмеялась Сюзи. – Ему всего шесть недель! Рано еще, никак не определить. Подожди хотя бы месяц!

– Так это знаменательный день, и мы обязаны его отметить! – заявил Дэйв. – Сегодня вечером я приглашаю тебя на романтический ужин со свечами в лучшем ресторане центра!

– Как в самый первый день нашего знакомства! – ахнула Сюзи. – Как романтично! Милый, ты просто прелесть! – Она тут же спохватилась: – Что же я надену?!

С этим риторическим вопросом она умчалась в гардероб. Дэйв улыбнулся ей вслед и прошел в комнату.

– Сегодня нашему счастью будет завидовать весь центр! – Он растянулся на диване. – Мы будем праздновать назло этой старой ведьме!

– Назло кому? – донесся из гардероба голос жены. – Я не поняла, Дэйв, что ты сказал?

– Я говорю, повеселимся назло старухе Шаройкиной! – повысил голос Дэйв.

– А она-то тут при чем? – Сюзи появилась на пороге комнаты с двумя висящими на плечиках платьями в руках. – Это? Или это? – Она поочередно приложила наряды к себе.

– Лучше второе, – изложил свое мнение Дэйв, – ну, я имею в виду ее сегодняшнее заявление. Совсем выжила из ума, желчная бабка! – Он сурово покачал головой.

– Точно второе? – Сюзи наморщила лоб. – Что-то я не уверена... А что за заявление?

– Как! Ты не в курсе?! – Дэйв округлил глаза от удивления. – Да об этом весь центр с самого полудня только и говорит! Старая ведьма потребовала запретить ЦСГР! Да ты лучше сама послушай, об этом по всем новостям трезвонят без перерыва!

Он включил телепанель на новостной канал. И действительно, в эфире шло повторение дневного репортажа из зала заседаний Ассамблеи ООН.

– ...было практически сорвано в связи с грандиозным скандалом, разгоревшимся после заявления главы МАГБ Алены Шаройкиной. Ее весьма эмоциональное выступление длилось более часа. В частности, госпожа Шаройкина сказала...

На экране появилось изображение президента МАГБ. Выражение лица старой женщины было усталым, но решительным. Она твердо чеканила фразы, словно выстреливая их в собравшуюся аудиторию.

– Я хочу обратить внимание объединенных наций на результаты, полученные нами в ходе моделирования дальнейших перспектив мирового развития, рассчитанных специалистами МАГБ. Эти прогнозы неутешительны. Некоторые из них я хочу выделить особо.

Первое: враждебность окружающей среды. Согласно нашим расчетам, максимум через пятнадцать лет биосфера планеты станет окончательно враждебной для генетически чистого человека. Неконтролируемые мутации на основе трансгенов станут повсеместными, формирование суперинфекций, не поддающихся лечению пандемий, переносящихся по воздуху аллергенов, канцерогенов и ядов будет происходить повсеместно. Человек не сможет находиться вне герметичных пространств без средств защиты.

Второе: коллапс мировой экономики. Через двадцать лет лавинообразная рождаемость лиц, имеющих генетическую инвалидность, приведет к тому, что среди молодежи в возрасте до двадцати пяти лет носителей чистого генотипа останется не более десяти процентов. И даже это – при условии, что имеющаяся на сегодняшний день динамика не ухудшится. Остальные будут являться генетическими инвалидами. Порядка девяноста процентов из них в силу высокой степени тяжести своей инвалидности не будут полноценно трудоспособными, а более шестидесяти процентов – не будут являться психически полноценными. Острая нехватка трудоспособного населения в конечном итоге вызовет коллапс мировой экономики. В силу отсутствия достаточного количества рабочей силы рухнет сначала высокотехнологичное производство, затем индустрия и сельское хозяйство.

Третье: наступление хаоса. Отсутствие работоспособного населения приведет к падению государственности. Некому будет служить в армии и полиции, некому будет кормить многомиллионные массы инвалидов. Государства рухнут, остатки цивилизации сосредоточатся вокруг еще действующих источников энергии и продовольствия. Эти группы людей быстро станут разрозненными, подобно городам-государствам древности. Многие из них быстро падут под натиском одичавших и голодающих масс генетических мутантов, как из числа хомо сапиенс, так и представителей мутировавшей биосферы планеты.

Четвертое: вырождение человечества. Генетические мутации, вызванные трансгенами, не являются жизнеспособными. Первое поколение мутантов бесплодно в пятидесяти процентах случаев, второе — в восьмидесяти, третье не дает потомства. Их численность будет серьезно падать от поколения к поколению. Мы учли, что среди лиц, имеющих

генетическую инвалидность, будут жить их «чистые» родные, не пожелавшие бросить своих беспомощных близких на произвол судьбы. Тем самым они частично увеличат процент рождаемости. Но даже с учетом этого я обязана заявить: через триста лет на Земле умрет последний представитель мутировавшего мира. Остатки «чистых», окруженные со всех сторон враждебной средой и лишенные притока свежей крови, также обречены на вырождение и, скорее всего, исчезнут еще раньше.

И пятое: гибель планеты. Чуждость мутантов естественной эволюции свойственна не только человеческому виду. Мутировавшая биосфера планеты не надолго переживет человека. Менее чем через четыреста лет Земля превратится в безжизненную пустыню. Планета погибнет.

Мисс Шаройкина тяжелым взглядом посмотрела прямо в камеру, отчего у Дэйва возникло ощущение, будто она смотрит прямо на него. Он невольно поежился, хотя смотрел ее выступление уже не в первый раз.

– В связи с этим мировое сообщество должно принять решительные и неотложные меры с целью спасения человеческого вида и планеты в целом. Международная Ассоциация Генетической Безопасности разработала перечень мер, необходимых к принятию в ближайшее время. Эти документы разосланы всем представителям стран-участниц ООН. Вкратце объявлю самые важные из них.

ГМО и все изделия, их содержащие, должны быть запрещены и уничтожены. Разработка и производство трансгенов должны быть приравнены к преступлению против человечества, все коммерческие и промышленные исследования в этой области необходимо заморозить до момента успешной ликвидации генетической катастрофы и ее последствий.

Все сельскохозяйственные и иные угодья, использующиеся или использовавшиеся ранее для выращивания или разведения ГМО, а также земли, подверженные генетическому заражению, должны быть подвергнуты тотальной термообработке и проведению последующих операций, гарантирующих полное уничтожение трансгенного заражения. Мы отдаем себе отчет в том, что это – практически вся территория планеты. Но другого выхода не существует.

До завершения очистки поверхности планеты все мировое сообщество должно перейти на теплично-герметичное земледелие и животноводство, чтобы обеспечить население чистой органической пищей. МАГБ готова предоставить всем нуждающимся свои методики и генетические банки, а также оказать необходимую экспертную помощь.

Программу концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн» по созданию ЦСГР необходимо запретить, сами центры немедленно ликвидировать! Создание

ЦСГР не только способствует гибели последних очагов здоровой экологии на планете. Идея центров катастрофически усугубляет раскол в обществе. Деление на «чистых» и «мутантов» приведет к стремительному ускорению отчуждения от общества лиц, имеющих генетическую инвалидность. Это ускорит наступление голода и падение мировой экономики. Вместо этого МАГБ предлагает утвердить мировую программу по социальной адаптации в обществе психически полноценных инвалидов. Мы должны предоставить им возможность трудиться в меру своих сил, что позволит мировому сообществу отсрочить коллапс экономики, вызванный отсутствием рабочей силы, и выиграть время для борьбы с катастрофой...

– Полный текст выступления госпожи Шаройкиной вы сможете найти в наших печатных и электронных версиях. – Трансляция выступления главы МАГБ была закончена, и на экране вновь возникло изображение ведущего. – Как мы уже говорили ранее, это заявление вызвало небывалый взрыв страстей и эмоций. Глава «Сёрвайвинг Корпорэйшн» мистер Питер Смитсон уже заявил резкий протест и выразил возмущение...

Телепанель неожиданно выключилась, и Дэйв удивленно подскочил на диване. Он увидел в руках у Сюзи пульт управления.

– Я не желаю больше ни видеть, ни слышать эту гнусную ведьму никогда! – гневно заявила она. – Старая дрянь! Запретить центры?! Она хочет, чтобы мой ребенок родился и рос в этой трансгенной грязи, окруженный мерзкими кровожадными мутантами?! Да я лично выцарапаю ей ее поганые глаза, если увижу!

Дэйв поспешно обнял жену и привлек ее к себе.

– Все хорошо, дорогая, все хорошо! Никто не позволит ей запретить центры, даже не сомневайся! Есть ведь общественное мнение, правительства, да и наш Смитсон парень не промах! – Он старался говорить весело, беспечно улыбаясь, чтобы не дай бог не вызвать у жены нового нервного срыва. С момента переселения в центр Сюзи пошла на поправку, и он не допустит, чтобы все началось заново. – Тебе теперь нельзя нервничать, ты помнишь? – Он заглянул ей в глаза. – Наш малыш родится и вырастет здесь, и никто не сможет этому помешать, так и знай! А сейчас мы идем праздновать!

– Прямо сейчас? – переключилась на новую тему Сюзи. – Ты же сказал, вечером!

– А чего ждать? Прямо сейчас – и до вечера! А если захотим, то и до утра! – Он ласково поцеловал жену. – А теперь иди, собирайся! А то провозишься как раз до вечера...

– Ну-ну, скажешь тоже! – надула губки Сюзи. – Через час я буду

готова.

Она развернулась к телепанели и показала ей средний палец.

– Сдохни, желчная сука! – прошипела она и, развернувшись, с довольной улыбкой убежала в гардероб. – Я думаю, что открытое платье все-таки будет лучше! – донеслось оттуда. – На улице еще тепло!

– Так, парни! На выход! – Старший охранник Браун появился в дверях дежурки. – Начальство хочет нашего присутствия в седьмом районе! – Он бросил на Дэйва короткий взгляд: – Джонсон! Ты остаешься! Остальные, пошевеливайтесь!

Помещение опустело, и Дэйв остался один. За последние четыре месяца службы его не брали на служебный выезд уже в шестой раз. Каждый раз причина не называлась, а сослуживцы в ответ на вопросы лишь пожимали плечами, мол, обычный выезд, ничего больше. Но он и без того понимал, почему его оставляли в дежурке. Должностная инструкция службы безопасности ЦСГР запрещала привлекать сотрудников, имеющих беременных жен или дочерей, к операциям по выселению, если выселение производилось вследствие нарушения особых пунктов Договора о проживании. Простыми словами это означало лишь одно: если у кого-то родился лиг и этот кто-то отказался передать ребенка в центр эвтаназии либо немедленно выдворить за пределы центра, то семью этих бедолаг выселяли из ЦСГР, и если надо – применяли силу. И коль ты охранник и у тебя беременна жена, дочь или другая родственница, проживающая в центре, то тебя на такие операции брать запрещено. Чтобы лишний раз зря не будоражить воображение.

Только Дэйву все равно становилось не по себе каждый раз, как только происходил такой случай и он оставался в дежурке один. Беременность Сюзи протекала отлично, врачи наперебой хвалили прилежную маму и будущего малыша, и не было причин волноваться. Но все-таки страх был. Он прятался где-то в глубине души, липким холодом напоминая о себе в такие вот моменты. Дэйв сразу же вспомнил одно из интервью Шаройкиной, в котором один известный журнал задал ей вопрос, что она думает по поводу новейшей методики выявления мутаций на ранней стадии беременности, разработанной «СК». Старая женщина тогда заявила, что далеко не все мутации можно распознать на ранних стадиях, и специалистам «СК» это прекрасно известно. Многие изменения начинают происходить гораздо позже. Если б все было так просто, мутанты не рождались бы вокруг, несмотря на все усилия медиков...

Дэйв выбросил тот журнал от греха подальше, пока Сюзи случайно не

нашла. Он даже не хотел себе представить, что тогда бы началось! Впрочем, принимать всерьез все, что говорит Шаройкина, тоже не стоит. Старуха явно выжила из ума или недалеко от этого. После того, как ее «пророческий» доклад в ООН был отвергнут большинством голосов, она стала бросаться на всех и каждого. Один только ее комментарий к решению ООН о запрещении ядерных вооружений чего стоил. Когда на прошлой неделе специально собранная Ассамблея единогласно приняла решение о запрещении ядерного оружия, снятии его с боевого дежурства и немедленного демонтажа модулей инициации ядерной реакции, весь мир ликовав от счастья. Кроме Шаройкиной. Она едко высказалась в том духе, что «Сёрвайвинг Корпорэйшн» уже надежно держит в своих руках весь мир и не собирается воевать сама с собой. Так что ядерный арсенал стал не нужен, более того, теперь это для «СК» лишняя головная боль в свете стремительно расползающегося по миру «синдрома Уилкинсона». Поэтому «СК» дернуло за ниточки, и марионетки дружно проголосовали за то, что еще сорок лет назад было невозможно даже представить.

Дэйв хмуро покачал головой. Что за мания во всем видеть только дурное?! Похоже, Смитсон прав, программа ЦСГР выбила почву из-под ног МАГБ и дорогостоящая «чистая» пища Шаройкиной быстро становится никому не нужной. Вот она и бесится. В том репортаже журналист еще попросил ее прокомментировать настойчивые слухи о некоем секретном проекте МАГБ под названием «Наследие», якобы призванным спасти планету от генетической катастрофы. А также связи МАГБ с доктором Уэйном, разыскиваемым спецслужбами всего мира по обвинению в массовом геноциде более тридцати миллионов китайцев, погибших от созданной им болезни. «СК» удалось разоблачить безумного ученого, благо победить болезнь было возможным на основе его же работ. А ведь доктор Уэйн так и не был найден. Шаройкина тогда заявила, что все это досужие сплетни и вымысел.

Дэйв покачал головой. Может, оно и так, но ведь дыма без огня не бывает... Да и вообще старухе давно уже пора на покой. У нее вроде давняя дружба с настоятелем какого-то китайского монастыря или что там у них? – Дэйв плохо разбирался в том, что не являлось Соединенными Штатами. – Вот пусть и поселится у него в обители, поближе к господу. Глядишь, поболеет на старости лет. А вот Уэйна надо отыскать! Этот монстр в человеческом облике уже натворил дел и может совершить новое злодеяние. Хотя куда уж больше! Это ж надо, погубить тридцать шесть миллионов человек из чисто лабораторного интереса! Если МАГБ действительно укрывает его, то это уже переходит всякие границы. Правительство должно

принять серьезные меры и, если потребуется, надавить на ООН, пока эта парочка не явила миру нечто жуткое...

Все произошло так, как он и подозревал. МАГБ вывели на чистую воду буквально за неделю до Рождества. Дэйв и Сюзи как раз сидели за составлением списка всего того, что понадобится им для праздника, когда телевизионная программа прервалась на внеочередной выпуск новостей с сенсационными заголовками: «Доказана связь МАГБ и доктора Уэйна! Разоблачена подрывная деятельность МАГБ в отношении „Сёрвайвинг Корпорэйшн“! Функционирование МАГБ приостановлено до завершения расследования! Шаройкиной запрещено покидать Женеву!»

Сюзи первая схватила пульт и прибавила телепанели громкости. На экране одно за другим транслировались выступления главы «СК» Смитсона, представителей Интерпола, правительства Китая, генерального секретаря ООН... Голос диктора за кадром едва успевал комментировать происходящее. Оказывается, Интерпол вычислил Уэйна, и хотя тому в последний момент удалось уйти, теперь уже совершенно ясно, что именно МАГБ скрывала доктора-маньяка. Господин Смитсон заявил, что проведенное концерном «СК» собственное расследование доказало, что никакого проекта «Наследие», слухи о котором активно муссируются в обществе, МАГБ не ведет. Это всего лишь пиар-кампания, задуманная ради исправления пошатнувшихся позиций ассоциации. Никто и не собирался спасать мир. Более того, МАГБ повсеместно ведет подрывную деятельность против программы ЦСГР, не только отказывая концерну в продаже чистого генофонда, но и всячески призывая людей бойкотировать центры. Оказывается, именно МАГБ финансировала забастовки «заботливых» и их нападения на продуктовые магазины и точки быстрого питания, принадлежащие «СК», стремясь увеличить продажи собственных пищевых продуктов.

На этом моменте Дэйв иронически хмыкнул. Об этом-то можно было догадаться сразу, стоило ли тратить столько времени на поиски доказательств?

Далее репортер сообщил, что в настоящий момент проводится расследование степени причастности МАГБ к преступлениям доктора Уэйна. На это время деятельность ассоциации приостановлена, а госпоже Шаройкиной предписано не покидать Женевы. Сама Шаройкина встретила эти известия очень спокойно. Она заявила атаковавшим ее журналистам, что давно ожидала чего-то подобного от «СК» и ее марионеток, туманно объясняя это тем, что проводимую на протяжении многих десятков лет

группой «Выживание» кампанию по захвату мирового господства можно считать успешно завершённой. Мисс Шаройкина также в очередной раз попросила СМИ не верить слухам о «Наследии». Ни о каком подобном проекте ассоциация никогда не заявляла, все сплетни на эту тему являются чистой воды вымыслом.

Она также заявила, что проект ЦСГР есть не что иное, как грандиозное мошенничество. Лишенные герметичности центры рано или поздно подвергнутся генетическому заражению. Именно поэтому «Сёрвайвинг Корпорэйшн» в режиме строжайшей тайны приступила к строительству по всему миру изолированных от внешней среды населённых пунктов, находящихся в непосредственной близости от гидроэлектростанций. Это не заявленная программа реконструкции ГЭС, это обустройство реальных убежищ, обеспеченных надёжным источником электроэнергии. И места в них предназначены исключительно «для своих».

Глава «Сёрвайвинг Корпорэйшн» мистер Питер Смитсон уже опроверг это заявление, назвав его грязной ложью и «попыткой беззубой кобры укусить напоследок». Генеральный секретарь ООН также выступил с обращением в поддержку «СК», заявив, что подобная клевета уже переходит всякие границы. Как всем хорошо известно, «Сёрвайвинг Корпорэйшн» добровольно и безвозмездно открыла программу реконструкции крупнейших мировых ГЭС, в связи с участившимися в последние годы авариями. Если дело пойдёт так и дальше, госпоже Шаройкиной грозит иск по обвинению в оскорблении чести и достоинства «СК»! Мы будем следить за дальнейшим развитием событий, а теперь к другим новостям...

Диктор переключился на менее важные события, и Сюзи включила музыкальный канал.

– Я всегда была уверена, что эта старая стерва далеко не такой ангел, какого из себя строит! – победно заявила она. – Давно пора было заткнуть ее ядовитый рот! Подумать только, добиваться запрещения центров ради увеличения продаж своей четырежды дорогой жратвы! – Сюзи разошлась не на шутку, казалось, еще немного, и ее глаза начнут метать молнии. – Ей что, не хватало денег?! Да у нее их куры не клюют!! Но нет, такие, как она, никогда не успокоятся! Им всегда мало! И из-за нее моя девочка должна была жить среди всего этого мутировавшего кошмара?! За одну только попытку лишить моего ребенка достойной жизни в центре эту старую суку надо повесить на центральной площади прямо там, в Женеве!

– Тише, тише, дорогая! – Дэйв обнял жену, успокаивая. – Ты напугаешь нашу малышку! Ты же слышала, все уже позади, теперь никто

не помешает нам жить спокойно и счастливо. Давай, успокаивайся, крошка! Лучше вернемся к списку покупок. В конце концов, нам предстоит особенное рождество, ведь это будет последняя рождественская ночь, которую мы встречаем вдвоем! К следующему рождеству нашей малышке будет уже семь месяцев!

– Да... – ласково прошептала Сюзи, бережно поглаживая свой живот. – Слышишь, малышка? Мама и папа тебя ждут! Осталось всего семнадцать недель... – Она посмотрела на мужа: – Дэйв, любимый, ты не представляешь, как я хочу, чтобы поскорее наступил апрель!

Схватки у Сюзи начались на три дня раньше ожидаемого срока. Дэйв был на смене, когда с ним связался врач скорой помощи, коротко сообщил, что Сюзи уже на пути в клинику. Дэйв только и успел услышать стоны жены и уверение доктора в том, что все идет хорошо. Он тут же бросился к начальству, надеясь убедить дать ему отгул по случаю рождения ребенка. Но никого уговаривать не пришлось. Как оказалось, начальство уже было в курсе, медицинская бригада сообщила им эту новость даже раньше, чем будущему отцу. Едва Дэйв вошел в приемную секретариата седьмого отряда службы безопасности, к которому был причислен, как ему сообщили, что заместитель начальника отдела по работе с персоналом ожидает его. Дэйв даже не успел удивиться, как ему предоставили выходной, пожелали удачи и предложили немедленно отправляться в клинику акушерства.

К Сюзи его не пустили. Медики наотрез отказались позволить ему быть рядом с женой во время родов, сославшись на повышенные меры предосторожности, действующие в клинике в целях профилактики заболеваний новорожденных. Его усадили в кресло в комнате ожидания, включили телепанель и выдали кружку горячего кофе. Дэйву оставалось только ждать, и занятие это оказалось довольно непростым. От волнения кофе не лез в горло, а внимание не сосредотачивалось, и он так толком и не понял, о чем говорят на экране. Постепенно комната ожидания стала наполняться крепкими молодыми людьми в белых халатах медперсонала. Они заходили в помещение по одному с промежутком в пару минут, садились на диваны и в кресла и с интересом смотрели телепередачу. Поначалу Дэйв не обращал на них внимания, все его мысли были заняты тем, что происходило сейчас в родильной палате. Но после того как уже второй из вошедших не захотел поддержать с ним разговор на тему предстоящего отцовства, Дэйв начал ощущать какое-то смутное беспокойство. Ему вдруг показалось, что все шестеро уж слишком

внимательно не сводят глаз с телепанели и слишком прилежно стараются не смотреть на него. Он списал все это на взвинченные нервы и еще полчаса не находил себе места, меряя шагами небольшое помещение.

– Мистер Джонсон? – В дверях комнаты ожидания стояло трое немолодых мужчин в белых халатах.

Один из них наверняка был врачом, второй, самый старший, судя по манере держаться, явно большой начальник, был ему незнаком, в третьем он узнал замдиректора своего отряда.

– Да, – автоматически подтвердил Дэйв, – в чем дело? Что-то случилось с моей женой? – Он резко развернулся к стоящей в дверях троице: – Выкладывайте, не тяните!

Шестеро «медбратьев», словно по команде, разом встали со своих мест, и Дэйв только сейчас понял, что окружен со всех сторон.

– Нет, с миссис Джонсон все в порядке. – Главный сделал короткий жест, приказывая «медбратьям» выждать. – Но нам с вами необходимо поговорить. – Он указал ему на кресло: – Присаживайтесь, мистер Джонсон, разговор предстоит нелегкий.

– Да что случилось?.. – растерянно повторил Дэйв, послушно усаживаясь в кресло. Он все еще ничего не понимал. – Сюзи в порядке? Как проходят роды, доктор? – Его взгляд переместился на врача: – Возникли какие-то проблемы?..

Главный дождался, пока Дэйв сядет, но сам остался стоять, как и его спутники.

– Доктор, – он бросил врачу короткий взгляд. – Изложите суть.

Врач обреченно вздохнул и произнес:

– Мистер Джонсон, я должен сообщить вам, что роды прошли успешно, и ваша супруга родила дочь.

В первое мгновение Дэйв почувствовал огромное облегчение. Он уже собирался начать благодарить врача, но тот не дал ему возможности говорить.

– Рожденный ребенок имеет генетическую инвалидность. В тяжелой неоперабельной форме, – доктор не выдержал и опустил взгляд, – это было невозможно определить на стадии беременности... мне очень жаль...

– Достаточно, доктор, – коротко прервал его главный, – теперь позвольте продолжить мне.

Дэйв почувствовал, как гулко стучит в ушах кровь. В первую секунду ему казалось, что все это дурной сон, он просто заснул в комнате ожидания и теперь не может проснуться. Он обвел взглядом наполненную людьми комнату, но перед глазами все плыло, и сосредоточиться на происходящем

никак не удавалось.

– Мистер Джонсон, – продолжил главный, – мое имя Грин, я главный менеджер этого центра по работе с кризисными ситуациями. В мои обязанности входит напомнить вам об Особом Положении договора и потребовать от вас его исполнения. В противном случае договор проживания, заключенный между «Сёрвайвинг Корпорэйшн» и мистером и миссис Джонсон, подлежит расторжению, все сопутствующие издержки, согласно закону, ложатся на виновников расторжения, в данном случае на вас. – Грин закончил цитировать юридическую формулу и деловито уточнил: – Помните ли вы содержание Особого Положения, или мне зачитать его немедленно?

– Нет, – словно откуда-то очень издалека услышал Дэйв собственный голос, – я помню...

– Хорошо, – кивнул Грин и посмотрел на врача: – Доктор?

– А? – вздрогнул доктор, поднимая испуганный взгляд на Грина. – Да-да, разумеется... – спохватился он и, стараясь не глядеть на Дэйва, спросил:

– Мистер Джонсон, как отец ребенка, родившегося с генетической инвалидностью, желаете ли вы подать прошение об эвтаназии?

– Что? – переспросил Дэйв, чувствуя, как холодеет все внутри. – Что вы сказали, доктор?

Врач замялся, и за него продолжил Грин, бросив на медика презрительный взгляд:

– Мистер Джонсон, вы имеете право подать прошение об эвтаназии или выполнить условия Особого Положения. В противном случае я буду вынужден начать процедуру расторжения контракта с последующим взысканием с вас всех убытков. Сразу хочу заметить, что все ваше имущество и содержимое банковских счетов уйдет на погашение издержек и оплату процентов за уже прожитое на территории ЦСГР время. Вы должны принять решение, мистер Джонсон, и сделать это необходимо сейчас. Если вам требуется время, вы можете оставаться здесь, в этой комнате. Наши люди обеспечат вас всем необходимым. Но я обязан напомнить вам, что на исполнение условий Особого Положения у вас есть ровно двадцать четыре часа.

Дэйв посмотрел на замершую в ожидании его ответа тройцу, на изготовившихся к броску «медбратьев» с электророшокерами в руках и вновь с тоской подумал, что все это не может быть реальностью. Это не может происходить с ним, просто не может...

– Мне надо посоветоваться с женой... – хрипло выдавил он.

– Как хотите, – пожал плечами Грин, – но, боюсь, решение вам все-

таки придется принимать одному. У вашей жены тяжелый нервный срыв, и в настоящее время она ведет себя крайне неадекватно. Ей сейчас оказывается помощь.

– Что с ней? – подскочил Дэйв, и «медбратья» мгновенно напряглись. – Где она? Я должен ее увидеть! Отведите меня к ней!

– Хорошо, – согласился Грин, – как только врачам удастся привести ее в норму, я пришлю за вами. А пока вам придется оставаться здесь. Во избежание ненужных эксцессов я настоятельно рекомендую вам соблюдать спокойствие и сохранять трезвый рассудок. Сядьте, мистер Джонсон.

Дэйв сел на место, чувствуя, как дрожат руки. Он одновременно чувствовал себя беспомощным и готовым броситься на Грина, словно именно он был виновен во всех его бедах.

– Вот и хорошо, мистер Джонсон, – удовлетворенно одобрил Грин его покладистость, – сейчас мы должны идти. Вас проводят к жене, как только это станет возможным. А пока эта комната в вашем распоряжении. Все необходимое вы можете получить у наших сотрудников. Мы вернемся к нашему разговору позже, как только вы посоветуетесь с женой.

Грин сделал знак, и все, кроме Дэйва, покинули помещение. Троица скрылась из вида в коридорах клиники, а шестерка «медбратьев» осталась дежурить под дверью. Дэйв неподвижно сидел в кресле, глядя невидящим взглядом куда-то в стену. Время для него словно остановилось.

Сюзи с ребенком он увидел спустя четыре часа, когда его фактически под конвоем привели в отдельную палату, подобную тем, что устраивают в клиниках для психически больных пациентов. Пол, стены и потолок в палате были полностью обиты толстым мягким покрытием, которое не только не позволяло бьющемуся в истерике человеку повредить себя, но и не пропускало звук. Перед дверью дежурила медсестра и пара дюжих санитаров. Вместе с провожатыми Дэйва охранников скопилось почти с десяток.

Дэйв вошел внутрь. Сюзи с младенцем на руках сидела на полу, забившись в угол. Едва он вошел, она дико оскалилась в злобной гримасе, и ее глаза сверкнули безумным огнем. Но, узнав мужа, Сюзи немного успокоилась.

– Дэйв! Где ты был?! – зашипела она на него. – Они хотят отобрать у меня ребенка! – Она заговорщицки оглядела пустую палату. – Сначала они не хотели отдавать мне дочь, а теперь хотят отобрать! Ты должен что-нибудь сделать, слышишь? Они где-то тут, совсем рядом! Я иногда слышу их голоса! Они выжидают удобного момента! Надеются подобраться к нашему малышу, пока я буду спать! Но не тут-то было! – Она победно

улыбнулась. – Теперь нас двое, и мы можем спать по очереди!

Дэйв подошел к ней и сел рядом, не сводя глаз с младенца.

– Как она? – осторожно спросил он жену.

– Тише! – вновь зашипела Сюзи. – Разбудишь! Малышка спит, я только что ее покормила.

– Сюзи, – Дэйв посмотрел на жену, – она не спит. У нее глазки открыты.

Он почувствовал, что все тело становится словно ватным. Маленькая темнокожая кроха была само очарование. Глаза – копия мать, а нос и губки – точно его, Дэйва, один в один. Младенец, словно игрушечный, неподвижно смотрел куда-то прямо перед собой.

– Да? – Она посмотрела на ребенка. – Наверное, ты ее разбудил! Ты слишком шумишь! – набросилась на него жена. – Разговаривай тише! К счастью, наша девочка совсем не капризная и очень спокойная! Совсем не плачет!

Сюзи бережно прижала к себе младенца и принялась убаюкивать его.

– Сюзи, – Дэйв обнял жену за плечи, – она нас не слышит. И не видит. Я говорил с врачами. Ее глаза не реагируют на свет, а уши – на звук. Она не может заплакать. У нее нет языка и атрофированы голосовые связки... – Он почувствовал, как против его воли из глаз хлынули слезы, и уткнулся лицом жене в спину.

Она замолчала и перестала раскачиваться.

– Я не позволю им убить мою дочь, – произнесла она неожиданно разумным тоном, – слышишь, Дэйв? Это мой ребенок, и он абсолютно нормальный! Если они хотят отнять его у меня, то сначала им придется убить меня!

– Нас выселят из центра меньше чем через двадцать часов, – тихо произнес Дэйв, – нам некуда идти, мы окажемся на улице.

– Ну и что? – Сюзи пошевелила плечами, освобождаясь от его объятий, и повернулась к нему, поднося ребенка к его глазам. – Посмотри, какая она красавица! Она вылитая ты, только глазки мои! Неужели какой-то центр стоит этого, Дэйв?

Он посмотрел на дочь, на Сюзи, на обитые мягкой обшивкой стены и закрыл глаза.

Служебный микроавтобус с логотипом Грейт-Смоки-Маунтинс ЦСГР на бортах в сопровождении двух джипов, набитых охранниками, вышел из ворот центра и направился к северной границе национального парка. Дэйв и Сюзи с ребенком на руках, словно преступники, сидели в отгороженном

пуленепробиваемым стеклом отделении автобуса. Сюзи что-то тихо рассказывала дочке, замершей безразличным поленом, а Дэйв смотрел через окно на окружающие узкую ленту дороги заснеженные деревья. Середина апреля, холода будут стоять еще долго, а у них вещей всего пара дорожных сумок... И денег меньше трехсот долларов – все, что было из наличных на момент выселения. Хватило бы на дорогу до Нью-Йорка. А что потом? Может, стоит вернуться домой, в их маленький убогий городишко? Но до него еще дальше, а значит, еще дороже...

Их вывезли за полицейский кордон и высадили прямо на дороге. Охрана не сводила с них оружия, пока Дэйв выходил из авто и доставал сумки. Потом машины уехали, и маленькая семья осталась одиноко стоять посреди заснеженного подлеска. Дэйв оглянулся, осматриваясь.

На подступах к национальному парку жестокая реальность генетического заражения властвовала безраздельно. Повсюду лежали рухнувшие древесные стволы, подточенные грибком-мутантом, давно превратившим некогда стройный лес в кладбище деревьев, обильно заполняющееся какой-то чахлой, кривой растительностью. Не было слышно птиц, почти не встречалось звериных следов. И даже снег уже не казался таким белым, как в лесу возле их бывшего дома...

Территория национального парка, некогда бывшего самым популярным и посещаемым местом отдыха в восточной части страны, с началом проекта «Сёрвайвинг Корпорэйшн» была обнесена многометровыми заграждениями, а немногочисленные пропускные пункты охранялись полицейскими кордонами. Метрах в ста от полицейских позиций виднелось поселение «заботливых», которое Дэйв заметил еще в день приезда в центр. Что ж, по крайней мере, они не одиноки в этом лесу за множество километров от цивилизации. Пешком с грудным ребенком на руках далеко не уйдешь... Дэйв подхватил сумки, и они с Сюзи направились к поселку, состоящему из нескольких десятков старых палаток и неуклюже выкопанных землянок.

Их появление не осталось незамеченным, и на входе в поселок маленькую семью уже встречал немолодой обросший щетиной человек в сильно поношенной зимней одежде.

– Что, благодетели вышвырнули на улицу из-за неправильного ребенка? – без всякого приветствия поинтересовался он. – Я Хэйни, местный врач, – он протянул Дэйву руку, – вы можете звать меня просто док.

– У меня самый лучший ребенок! – мечтательно протянула Сюзи, не сводя глаз с дочери. – Самый правильный в мире! – Она даже не

посмотрела на Хэйни – окружающее ее совершенно не интересовало.

Док понимающе кивнул и перевел взгляд на Дэйва.

– Здравствуйте, док, – Дэйв пожал протянутую руку, – нам бы попасть в Нью-Йорк или, в крайнем случае, в ближайший город...

– Ближайший город перед тобой, сынок! – невесело ухмыльнулся док. – До следующего почти сутки ходьбы. Единственный транспорт, приходящий сюда, это автокараваны «СК», снабжающие ЦСГР, а они пассажиров не берут.

– Но у вас же есть машины, – Дэйв кивнул на старый покосившийся пикап, стоящий неподалеку. Изрядно потрепанный трейлер с занавешенной одеялом дырой вместо двери, лишенный колес, одной стороной опирался прямо ему на кузов. – Или они не на ходу? – Он запоздало заметил, что колеса пикапа давно уже вросли в землю. – Может, у кого-то еще есть машина? – Он достал из кармана смятую банкноту. – Я заплачу, у меня есть деньги!

– От денег сейчас не много пользы, сынок, – покачал головой док, – некоторые машины еще на ходу, только горючего нет. Оно у нас сейчас главная ценность, дороже только лекарства.

Он бросил взгляд на ребенка в руках Сюзи.

– Пешком ты с ребенком до города не доберешься. И вообще, вам бы надо в тепло поскорее, хотя бы от ветра укрыться. Пойдем! – он поманил их за собой. – Есть тут неплохая землянка, разместитесь пока там, в ней и поговорим.

Док направился в лагерь и, проходя мимо трейлера, пару раз ударил ладонью по борту:

– Джей Ти, сынок! – позвал он на ходу.

Дверной полог откинулся, и из трейлера показалась голова мальчишки лет четырнадцати.

– Принеси дров в бывшую землянку О’Брайенов, – велел ему док, – и захвати пару одеял и кастрюлю побольше!

Парнишка скрылся в трейлере, и они пошли через лагерь, петляя между палаток. Лагерь представлял собой навевающее уныние убогое зрелище. Рвань, грязь, вонь, антисанитария. Иногда им навстречу попадались люди. Взрослые были, как правило, нормальны, дети же поголовно были лигами. Дэйв растерянно озибался по сторонам, уже не понимая, как реагировать на все это. Единственным желанием сейчас было поскорее покинуть это место.

– А как вы попадаете в город? – спросил он дока. – Ведь где-то же вы берете продукты, медикаменты?

– Пока эти сволочи не приостановили деятельность МАГБ, сюда ежедневно приходил автобус ассоциации. Привозили продукты и медикаменты, увозили заболевших в свои больницы. Все это было бесплатно, что бы там ни трезвонили подлецы из «СК». Теперь МАГБ запрещено работать, и мы остались тут фактически на осадном положении. С тех пор как «СК» прибрала к рукам национальные парки, здесь нет больше ни заправок, ни придорожных мотелей! – Док не глядя ткнул рукой в сторону полицейского кордона. – Начиная от этих рядов колючки на много миль вокруг нет ни-чего, кроме сожранных мутациями пустошей, которые летом заполняются сорняками в человеческий рост! – Он с ненавистью сплюнул в снег. – Концерн хорошо позаботился о сохранности своего товара, бизнес прежде всего!

Он мимоходом поздоровался с женщиной, сидящей на коленях у входа в одну из палаток. Женщина рубила топором замерзшую собачью тушку.

– Как сын, Хелен? – поинтересовался док.

– Спасибо, док! – Женщина на мгновение отложила топор и, приложив руку козырьком к бровям, принялась рассматривать новеньких. – Он пошел на поправку!

– Вот и прекрасно! – не останавливаясь, заявил Хэйни. – Очень хорошо!

– Она собирается это есть? – ужаснулся Дэйв негромким шепотом.

– И не только она! – хмыкнул док. – Благодаря «СК» мы теперь фактически на подножном корме. Без помощи МАГБ нам долго не протянуть. Если ассоциацию запретят навсегда, такие лагеря, как наш, быстро исчезнут. Концерн пытается одним выстрелом убить сразу нескольких зайцев, это они любят.

Он завел их в убогую землянку, отрытую на окраине поселка. Это был земляной мешок размером четыре на четыре метра с парой старых матрасов в одном углу и проржавевшей походной печкой в другом. Стены землянки были обшиты картоном от упаковочных коробок, печной угол закрывала неуклюжая каменная кладка. Камни, пошедшие на ее изготовление, явно были просто подобраны где-то на улице. Отверстие под дымоход являло собой и вентиляцию, и источник освещения. Ободраный пластиковый общепитовский столик и такой же стул, с наскоро перемотанной веревкой треснутой ножкой, завершали убогое убранство помещения.

– Условия, конечно, не президентские, но все лучше, чем на улице, – заявил док, – жить-то где-то надо. Да вы не смотрите, что тут не райский сад, эту землянку с любовью копали, она тепло хорошо держит!

Сюзи немедленно уселась на стул, словно не замечая окружающей обстановки, и принялась убаюкивать ребенка, что-то ласково ему напевая. Хэйни покосился на нее, но ничего не сказал. В этот момент в землянку спустился Джей Ти с охапкой дров в руках. Дэйв обратил внимание на сильно недоразвитую ногу мальчишки, убранный в добротный сделанный, но явно самодельный протез. Судя по ловкости, с которой парнишка обращался с ним, он живет так уже многие годы.

– Вам придется пожить здесь несколько дней, пока кто-нибудь не приедет сюда из города, – продолжил старик, – сейчас холода и снега, к нам редко приезжает кто-то добровольно. Да и зачем? В парк все равно не попасть, денег у «заботливых» нет, бизнес не построишь... Вот потеплеет, тогда, может, кто и заглянет из торговых агентов.

Джей Ти ловко развел огонь в печке и посмотрел на Хэйни:

– Пап, может, воды натаскать? – Парнишка указал глазами на грудного ребенка в руках у Сюзи.

– Правильно, сынок! – одобрил тот. – Вода им понадобится! Возьми из наших запасов, у нас осталось немного излишков, а завтра я покажу Дэйву, где брать воду.

Мальчишка кивнул и выскочил из землянки.

– И простынь захвати! – крикнул ему вслед отец. – Новую! Ту, что привозил дядя Клайв перед рождеством!

Он посмотрел на Сюзи, по-прежнему не обращавшую внимания ни на что, кроме ребенка, и вернулся к разговору.

– Топлива у нас практически не осталось, – док недовольно покачал головой, – скоро нам нечем будет заправлять электрогенератор. А без него поселок останется без чистой воды. Раз в день мы запускаем генератор на два часа, чтобы отфильтровать талый снег. Если топливо закончится, дело станет совсем дрянью.

Док замолчал. Дэйв ошарашенно присел на матрас, пытаясь справиться с мыслями. В голове был сумбур, возникали сотни вопросов, на которые у него не было ответов. Инстинкты требовали от него решительных действий, но что именно делать, он не знал. Тем временем землянка начала прогреваться, и в зимней одежде стало жарко.

– Ну, что я говорил, а?! – весело подмигнул Хэйни, расстегивая полушубок. – Это теплое местечко! – Он улыбнулся и пророчески заявил: – Это еще что! Вот подождите, она прогреется как следует и здесь будет настоящая Африка! А вот и вода!

Мальчишка вернулся с кастрюлей воды и полиэтиленовым пакетом под мышкой. Он бросил пакет на стол и принялся устанавливать кастрюлю на

печи. Печь оказалась намного меньше кастрюли. Парнишка замер, обдумывая ситуацию. Хэйни с любопытством следил за ним.

– Нужна еще одна кастрюля! – догадался мальчишка. – Только поменьше!

– Правильно, сынок! – восторженно похвалил его док. – Смышсленый парень!

Джей Ти, радостно улыбаясь своей сообразительности, выскочил наружу.

– Он у меня молодец, – с любовью сказал Хэйни, – делает успехи. Очень сообразительный ребенок для лига.

– Ваш сын? – ляпнул Дэйв, запоздало осознавая бестактность вопроса.

– Да, – просто ответил Хэйни, – он родился задолго до вспышки мутаций, ему уже почти десять лет. С тех пор я активно участвую в движении «заботливых». Люди не должны закрывать глаза на таких, как мы, и на наших детей. Дети не виноваты в том, что они такие. В этом виноваты мы, наши отцы, деды, но не дети. Они всего лишь родились на свет и любят нас, несмотря на свои страдания. Мы не должны отворачиваться от них!

– Я очень люблю свою крошку! – вдруг подала голос Сюзи, не отрывая взгляда от дочки. – Она у меня самый полноценный ребенок на свете! Очень спокойная девочка, никогда не капризничает, потому что любит свою маму! – Она вновь засюсюкала с младенцем.

– Вашему сыну только десять? – Дэйв поспешил перевести разговор на другую тему. – Я думал, ему лет пятнадцать.

– Многие лиги, лишённые чего-то одного, ускоренно развиваются в другом, – ответил Хэйни, – умственно неполноценные часто бывают крупнее своих сверстников...

Он вновь замолчал, задумавшись о чем-то своем, но на этот раз ненадолго. Док решительно тряхнул головой и ободряющим тоном заявил:

– А вообще все не так уж плохо! Поживете у нас недельку-другую. За это время сюда приедет кто-нибудь из родственников наших жителей. Время от времени кто-то навещает нас здесь. В крайнем случае, в конце месяца здесь будет мой кузен Клайв, он подвезет мне медикаментов, а то у меня уже последние крохи заканчиваются... Он отвезет вас в город, хоть в сам Нью-Йорк!

Док встал и принялся застегиваться.

– Вы давайте, обживайтесь тут, в пакете на столе чистая простынь, ее можно использовать на пеленки для малыша, а я пока схожу, принесу вам что-нибудь перекусить! – Он улыбнулся Дэйву и вышел из землянки.

К исходу следующего дня стало ясно, что состояние младенца не в порядке, даже учитывая степень его инвалидности. У ребенка начался насморк, весь день малышка обильно отрыгивала после еды, а вечером и вовсе отказалась от груди. Сюзи не на шутку разволновалась, и Дэйв побежал за доком. Срочно явившийся Хэйни обнаружил у младенца хрипы в легких и нездоровое изменение дыхания.

– Почему вы сразу не вызвали меня, как только ребенок стал испытывать дискомфорт? – накинулся на Дэйва док.

– А как определить... – перепуганный Дэйв беспомощно развел руками, – она все время молчит, ни звука не издает...

– Моя девочка очень спокойная! – невпопад заявила Сюзи. – Она никогда не жалуется и не хнычет, очень уравновешенный ребенок. Только от насморка у нее заложен носик, она постоянно морщится и гримасничает, когда дышит ротиком...

Она бережно прижала к себе ребенка:

– Ничего, милая, все будет хорошо, мама тебя вылечит!

Хэйни достал пакет с небольшой спринцовкой.

– Вот, возьмите, – он протянул ее Дэйву, – хорошо прокипятите и откачивайте слизь из носа и рта, как только будет появляться. Держите девочку в немного приподнятом состоянии, чтобы голова была выше тела. Чаще проветривайте помещение...

Доктор дал еще несколько советов и убежал к себе в трейлер за препаратами. Он вернулся с набором для инъекций и парой ампул.

– Нет! – неожиданно заявила Сюзи. – Моей малышке нельзя делать прививки! Она еще слишком маленькая! Ей будет больно, вы напугаете ее! Вы можете занести инфекцию!

Убедить ее удалось с трудом. Дэйв вместе с доком долго уговаривали Сюзи, ссылаясь на медицинскую необходимость, большой медицинский стаж Хэйни и одноразовые шприцы, гарантирующие стерильность. В конечном итоге Сюзи сдалась, и док сделал ребенку пару инъекций.

– Это должно помочь на первых порах, – Хэйни с тревогой смотрел на ребенка, – я не педиатр, но... – Он помолчал, снова взявшись за стетоскоп. – Будем надеяться, что это простой бронхит.

Док осторожно запеленал ребенка.

– Лучше не закутывать ее слишком плотно, – посоветовал он, – и если увидите, что малышка хватается ртом воздух, сразу же зовите меня! Понятно? И больше не затягивайте!

Хэйни дал еще несколько указаний, после чего кинул на Дэйва

многозначительный взгляд и, посетовав на хромоту, попросил его проводить себя до дома.

– Док, что с ребенком? – спросил он, едва они вышли на улицу.

– Я опасюсь, что это пневмония! – тревожно ответил Хэйни. – А у меня практически не осталось антибиотиков. Я даже не могу организовать для малышки стационар, у вас в землянке, пожалуй, самое чистое место во всем поселке!

– Что же делать, док? – Дэйв снова почувствовал себя совершенно бесполезным. В сложившейся ситуации он был бессилен.

– Девочке срочно надо в больницу! – хмуро заявил Хэйни. – На руках вам ее до города не донести. Мобильные телефоны тут не работают, но у полицейских на кордоне есть рация. Возможно, вам удастся убедить их вызвать скорую помощь...

– Я понял, док! – Дэйв метнулся к выходу из поселка.

– Осторожнее там, сынок! – донеслось ему в спину.

Но договориться с кордоном Дэйву так и не удалось. Едва он приблизился к запретной зоне, как его осветили прожектором и через мегафон приказали немедленно повернуть назад во избежание открытия огня. Дэйв пытался кричать, просить о помощи, хотя бы только вызвать неотложку, но его никто не слушал. Стоило ему переступить границу, как со стороны кордона раздалась автоматная очередь, и пули ударили в снег перед его ногами, выбивая грязные фонтанчики из замерзшей земли. Довольный голос в мегафоне заявил, что это было последнее предупреждение, и Дэйв понял, что никакой помощи от кордона он не добьется. Пришлось возвращаться ни с чем.

На следующий день малышке стало значительно хуже. Токсикоз усилился, во рту и в носу практически непрерывно накапливалась слюнь, глазки гноились. Сюзи уже не пыталась препятствовать доку ставить уколы, но самочувствие ребенка все ухудшалось. Малышка перестала есть, заметно осунулась, ее кожа посерела. Она почти непрерывно плакала, болезненно сморщившись, беззвучно открывая и закрывая ротик, словно выброшенная из аквариума рыбка. Вместо детского плача были слышны лишь клочущие хрипы, вырывающиеся из легких.

К полудню Хэйни сделал ей последний укол.

– Это все, – беспомощно развел руками док, – больше у меня ничего нет. Нужны антибиотики и иммуноглобулины. – Он горестно вздохнул.

– Лекарства есть в любой аптеке центра, – вдруг подала голос Сюзи. Она была вполне спокойна, – и стоят совсем недорого. У нас ведь есть деньги, надо просто сходить в центр и купить. Да, милый?

– Так-то оно так! – ответил за него Хэйни. – Да только кто ж туда пустит... За забором частная собственность. Полиция стреляет без предупреждения. В прошлом месяце в миле от лагеря грибок сожрал довольно крупное дерево. Оно рухнуло прямо на забор, да так и осталось там лежать, словно мост на ту сторону. Охрана специально не убирает его, чтобы иметь возможность пострелять... Из нашего поселка двое уже пытались пробраться в центр, так и не вернулись назад.

Док обреченно махнул рукой и заявил:

– Пойду на кордон, попытаюсь с ними поговорить. Может, мне повезет.

Он ушел, оставив их одних. Дэйв нагрел воды и помог жене помыть и перепеленать ребенка. Малышка вновь отказалась от еды, долго беззвучно плакала, издавая болезненные хрипы. Наконец ребенок все-таки уснул. Сюзи еще немного побаякала дочь и передала ее Дэйву.

– Милый, посмотри за малышкой, мне надо в туалет, – попросила она.

Дэйв взял ребенка на руки и осторожно сел на матрас, специально постеленный им посреди землянки. Доктор сказал не перегревать и не переохлаждать малышку, и Дэйв пытался одновременно избегать и жара печки и холода, тянувшегося с выхода. Пока он устраивался на матрасе, Сюзи повозилась с кучей их одежды, выбирая свою куртку, оделась и вышла из землянки, улыбнувшись мужу.

Беспокоиться Дэйв начал спустя некоторое время, когда понял, что жены нет слишком долго. Он сидел с ребенком на руках, чувствуя, как нарастает тревога и ощущение приближающейся беды. Дэйв хотел было выйти на улицу и поискать Сюзи, но выносить малышку на мороз он побоялся, как не решился и оставить в землянке одну. Наконец входной полог откинулся, впуская входящего, и Дэйв взволнованно воскликнул:

– Сюзи! Где ты была! Я места себе не нахожу!

– Что случилось, сынок? – Это оказался Хэйни. – А где Сюзи? Мой малец не у вас? Не могу его найти! Эти подлецы на кордоне чуть не пристрелили меня!

– Док! Сюзи вышла ненадолго, но ее нет уже давно! – Дэйв осторожно поднялся на ноги, стараясь не разбудить ребенка. – А я не могу оставить малышку одну. Вы не присмотрите за ней, пока я поищу жену?

– Конечно! – Хэйни скинул полушубок. – Давай-ка ее мне. Давно ушла Сюзи?

– Не знаю, у меня нет часов, – Дэйв передал доку ребенка и пошел к куче вещей за курткой, – думаю, уже полчаса прошло.

– Будешь искать ее, заодно глянь моего мальчонку, – попросил

Хэйни, – говорят, их видели вместе совсем недавно. Собственно, я потому к вам и зашел, думал, он у вас...

– Да, конечно, док, – Дэйв надел куртку и засунул руки в карманы, доставая перчатки, – я обязательно... – Он замер, обшаривая руками карманы куртки. – Деньги! Денег нет!

– Что? – недоуменно посмотрел на него док.

– Она взяла деньги! – В этот момент Дэйв все понял. – Она возилась с одеждой перед выходом! Она хочет проникнуть в центр и купить лекарства!

– Господи Иисусе! – Хэйни замер от ужаса. – Так вот почему Джей Ти видели вместе с ней! Она попросила его показать дорогу!

– Он мог согласиться?! – гневно воскликнул Дэйв.

– Он же еще доверчивей, чем обычный десятилетний ребенок. – Док смертельно побледнел. – Дэйв, беги, ты должен их остановить! Они наверняка пошли на восток от поселка, вдоль забора, к поваленному дереву! Быстрее!

Дэйв рванулся к выходу и буквально вылетел из землянки. Он кинулся на восток, сшибая попадающуюся на пути утварь и расталкивая людей. Кто-то что-то возмущенно кричал ему вслед, но он уже ничего не слышал. От поселка вдоль забора вдаль уходила цепочка следов, хорошо заметная на сыром весеннем снегу. Дэйв что есть сил помчался по отпечаткам ног, перемежающимся с глубокой вмятиной от протеза, но мокрый вязкий снег сильно затруднял бег.

Он уже мог разглядеть далеко впереди рухнувшее на ограждение дерево, когда где-то слева от него, в глубине охраняемой зоны, послышался характерный рев двигателей полицейских снегоходов. Ветер донес невнятные обрывки фраз, усиленных мегафонами, и Дэйв пробовал увеличить скорость, но бежать еще быстрее он уже не мог. Внезапно в лесу раздался выстрел, затем еще один, послышались крики загонщиков, и вдруг тишину разорвал беспорядочный треск автоматных очередей. Дэйв почувствовал, как у него мутнеет в глазах. Он зарычал, словно раненый зверь, и рванулся к поваленному дереву. Шум выстрелов стих, спустя несколько секунд раздались звуки удаляющихся двигателей. Дэйв добежал до дерева и с размаху перемахнул через забор. На той стороне он не удержался на ногах и упал. Подняться сразу ему не удалось, глаза отказывались видеть мир четко, во рту ощущался соленый привкус крови. Дэйв перевернулся на спину, судорожно дыша, непослушными руками схватил пригоршни снега и размазал их по лицу.

Спустя четверть минуты ему удалось встать на ноги. Легкие все еще

ходили ходуном, и сердце пыталось выпрыгнуть из груди, но Дэйв уже не обращал на это внимания. Он огляделся вокруг и увидел следы, по которым шел все это время. Перейдя через забор, Сюзи и Джей Ти отправились напрямик в центр. Дэйв смахнул со лба растаявший снег и побежал по следам.

Далеко бежать не пришлось. Он нашел их через двести ярдов. Два маленьких тела, лежащих рядом в залитом кровью снегу. Заснеженное пространство вокруг тел было густо исполосовано следами от полозьев, но к самим лежащим никаких следов не вело, видимо, никто из стрелявших даже не слез со снегохода. Сюзи лежала лицом вниз, придавленная телом мальчишки. Судя по всему, Джей Ти в последнее мгновение пытался защитить ее, закрывая собой. Его тело было буквально изрешечено пулями. Дэйв отодвинул труп ребенка в сторону и перевернул Сюзи на спину. Ее глаза были открыты и забиты снегом. Дэйв осторожно сдул с них снежинки и вытер кровь с лица жены. Стекланный взгляд Сюзи глядел в никуда, на губах застыла приветливая улыбка. Дэйв несколько мгновений смотрел на нее, потом бережно закрыл ей глаза и уткнулся лицом в грудь Сюзи.

Он сидел так, пока не услышал звук приближающихся снегоходов. Дэйв запоздало вспомнил, что вся территория запретной зоны напичкана датчиками и камерами слежения. Он поднялся на ноги. Снегоходы быстро приближались. На мгновение мелькнула мысль о том, что надо бежать, пока еще не поздно, но в следующий миг Дэйв понял, что это именно те, кто едет сейчас за ним, убили его жену. Вспышка ярости была столь сильна, что дальше Дэйв уже не раздумывал, только действовал. Он огляделся, выбрал заросли погуще, дважды обежал вокруг них, путая следы, запрыгнул внутрь и затаился.

Тройка снегоходов появилась через несколько секунд. На каждой машине за водителем сидел стрелок со штурмовой винтовкой в руках. Снегоходы подъехали к мертвым телам и сбросили скорость. Полицейские на медленном ходу осматривали окрестности. Один из них держал в руках небольшой мобильный монитор системы слежения. Он внимательно посмотрел на прибор и что-то сказал в гарнитуру рации.

– Один нарушитель, – донеслось до Дэйва, – он где-то здесь, рядом. Прячется, ублюдок!

Полицейский подал рукой знак остальным, и тройка снегоходов разошлась полукругом, охватывая пространство вокруг Дэйва. Стрелки изготовились к ведению огня. Снегоходы начали медленно ходить концентрическими кругами, постепенно сужая зону поисков. Максимум через пять минут они неизбежно его найдут. Дэйв вжался в снег, выжидая

удобной минуты. Когда один из снегоходов поравнялся с ним, он вскочил на ноги и рванулся вперед, ломая кусты, как когда-то давно рвался с мячом к воротам соперника, раскидывая его защитников, словно кегли. Стрелок услышал хруст ветвей и обернулся на звук, вскидывая винтовку. Но было уже поздно. Дэйв, словно живой таран, врезался в него, сшибая со снегохода. Их тела пролетели несколько метров и рухнули на землю. Дэйв приземлился прямо на грудь полицейскому, и тот захрипел от удара.

– Нападение! У нас здесь нападение! – донесся из-за спины испуганный вопль водителя.

Дэйв вскочил, схватил корчащееся тело и, подняв его над головой, метнул в сидящего на снегоходе водителя, уже срывающего с плеча винтовку. Метательный снаряд из полицейского врезался в водителя, вышвыривая того со снегохода. Падая, водитель зацепился ногой за машину, и снегоход повалился на бок. Дэйв одним прыжком оказался около барахтающихся в снегу полицейских, схватил за ствол валяющуюся рядом винтовку и словно дубиной из всех сил принялся бить лежащих, издавая звериное рычание и не помня себя от ярости. Головы полицейских уже превратились в кровавое месиво, когда рядом раздался рев снегохода, и Дэйв увидел направленный в его сторону ствол винтовки. Он метнулся за поваленный снегоход. Затрещала очередь, затем еще одна, несколько пуль ударило в лежащий на боку снегоход, остальные прошли выше. Машина со стрелками промчалась мимо, закладывая пологий разворот, стремясь обойти разделяющий их и Дэйва кустарник.

Где-то недалеко вновь загрели выстрелы, и пуля выбила сноп искр, ударив в металлическую оснастку лежащей машины. Дэйв затравленно обернулся. Третий снегоход быстро приближался к нему с другой стороны. Высокая скорость мешала стрелку взять точный прицел, но и так было ясно, что долго мазать он не будет. Тогда Дэйв перехватил винтовку, неловко скользя руками по скользкому от крови прикладу, и, неуклюже прицелившись в водителя, бегом бросился навстречу снегоходу. Он бежал, исступленно рыча и стреляя на ходу, винтовка в его руках беспорядочно дергалась, бестолково посылая пули куда-то в сторону цели. Одна из них случайно задела стрелка, тот закричал, дергаясь от боли, и, не удержавшись на снегоходе, вылетел из седла. Водитель попытался взять Дэйва на таран, но Дэйв просто прыгнул ему навстречу, сгруппировавшись для удара. Раздался хруст ломающихся костей, и они оба рухнули на снег, оставив снегоход катиться без седоков. Дэйв вскочил на ноги, готовясь к бою, но водитель не шевелился. Тогда он резко развернулся назад и бросился на стрелка, достающего из кобуры пистолет. Дэйв навалился на него и успел в

последнюю секунду схватить врага за руку с оружием. Они вцепились друг другу в горло свободными руками, и Дэйв, взревев от ярости, буквально вырвал стрелку кусок горла. Он выхватил у обмякшего полицейского пистолет и принялся стрелять по оставшемуся снегоходу, уже идущему прямо на него. Нервы у полицейского сдали, он круто отвернул в сторону, и снегоход скрылся в лесу.

Дэйв поймал себя на мысли, что все еще нажимает на спусковой крючок давно разряженного пистолета. Он отбросил оружие и тяжело опустился на снег, обводя взглядом усеянную трупами поляну. Способность трезво мыслить тяжело возвращалась к нему, инстинкт самосохранения истошно вопил в каждой клетке спинного мозга, требуя как можно скорее скрыться с места преступления. Дэйв с трудом поднялся, ощущая дикую боль в каждом квадратном дюйме тела, и попытался глубоко вдохнуть, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце. Глубокий вдох принес острую боль, и он задохнулся, хватая ртом воздух. Видимо, сломаны ребра. Но это его сейчас совсем не интересовало. Дэйв устало подошел к телу Сюзи. Надо уходить, скоро здесь будет не один десяток полицейских. Он еще несколько мгновений смотрел на улыбающееся лицо жены, затем подобрал одну из полицейских винтовок и побрел к поваленному дереву.

Тяжелые мокрые снежинки медленно плюхались вниз, покрывая землю ровным белым покрывалом, ослепительно отражавшим яркое майское солнце. Дэйв снял затемненные лыжные очки, и солнце больно ударило по глазам. Он прищурился, поспешно стряхивая с затертых стекол налипший снег, и поспешил надеть очки вновь. Пожалуй, это последний снег в этом сезоне, и без того достаточно поздний для этого времени года.

Дэйв оглянулся. Дюжина людей в убогой одежде, наскоро обмотанной сверху рваным серым тряпьем для маскировки, шла за ним, стараясь наступать след в след. Он удовлетворенно отметил, что снегопад на их стороне. Спустя буквально четверть часа, фигурально выражаясь, от следов не останется и следа. Ищейки «СК», проверяющие дорогу перед проходом колонны, ничего не заметят. На то и расчет. Он многообещающе скривился, поправил висящую за спиной винтовку и пошел дальше, в который раз вспоминая тот день, когда стал опасным разыскиваемым преступником. День гибели его семьи.

Он так и не помнил, как добрал тогда до поселка «заботливых». Кто-то из жителей увидел его, лежащего на снегу возле своей землянки. Его подобрали и занесли внутрь. Док, увидев залитое кровью бессознательное

тело Дэйва, сжимающего в руках винтовку, понял все сразу. Потом Дэйву рассказывали, что Хэйни оказывал ему медицинскую помощь практически машинально, двигаясь словно зомби. Док зашил Дэйву бедро, вспоротое пулей, прошедшей вскользь, и еще одну извлек из межреберного пространства, где она застряла, поломав два ребра. К счастью, серьезных ранений Дэйву удалось избежать. Заштопав его, Хэйни ушел к себе в трейлер и впал в прострацию, совершенно не реагируя на все попытки людей вернуть его в реальный мир. Сам Дэйв очнулся ближе к полуночи, когда кто-то из поселчан менял ему холодный компресс. Он взял на руки безмолвную дочь и так и сидел, прижав ее к груди, не сходя с места. Малышка умерла во сне, и Дэйв до сих пор надеялся, что в последние мгновения своей жизни она не испытывала мучений. Он сам вырыл для нее крохотную могилку, ожесточенно вгрызаясь в замерзшую землю старой тупой лопатой, после чего еще долго стоял рядом с маленьким серым холмиком...

Наутро в поселок нагрянула полиция. Искали Дэйва. За ночь полицейские изучили трупы Сюзи и Джей Ти, сняли информацию с системы охраны Периметра и определили возможный круг подозреваемых. Поселок перевернули вверх дном, срывая палатки и выбивая еще оставшиеся немного-численные двери. Дэйву в последнюю секунду удалось спрятаться в выгребной яме старого разломанного биотуалета, среди заледенелых фекалий. Там его искать никому в голову не пришло. Старый Хэйни, просидевший всю ночь в своем трейлере, словно истукан, прятаться не стал, его арестовали по подозрению в соучастии в убийстве полицейских и увезли.

Еще через день «СК» получило разрешение на ликвидацию поселка «заботливых», и к ним нагрянул целый караван полиции и работников социальных служб. Людей принялись отлавливать и запикивать в автобусы. Кто-то из поселчан воспринял это как спасение, кто-то бросился бежать. Их ловили и силой тащили к автобусам. Потом кто-то из неразумных лигов попытался защитить своих родителей и вцепился зубами в полицейского. Тот выстрелил не то от боли, не то от испуга, не то пользуясь удачной возможностью, кто разберет... Ребенок-лиг умер на месте. Тут же вспыхнула буря возмущения, мгновенно превратившаяся в драку. Несколько полицейских повалили наземь и принялись бить чем попало. Тогда загремели выстрелы, полилась кровь, и многие бросились в разные стороны, стремясь спастись бегством. Половина жителей тогда разбрелась по лесу, пытаясь спрятать себя и своих детей-инвалидов. Кого-то нашли полицейские, остальным удалось скрыться. Дэйв схоронился в

заснеженных кустах, присыпав себя снегом с головой, и видел, как пара бульдозеров превращают лагерь в поле из обломков и мусора. Полицейские еще час объявляли через громкоговорители требование всем немедленно выйти из леса и сдать социальные службы, в противном случае всем грозит гибель от голода и холода, а также судебное преследование, так как с сегодняшнего дня прилегающие к кордону территории объявлены запрещенными для проживания и посещения. На их требования так никто и не вышел. Потом колонна ушла.

Оставшиеся поселчане собрались вместе, пара человек была ранена, и с ними пришлось повозиться. Почти у всех оставшихся были дети-лиги, кто-то, подобно Дэйву, потерял своих близких. Сдаваться «СК» никто не захотел. «Заботливые» ушли подальше от кордона и попытались восстановить поселок, оборудуя шалаши среди поваленных мутациями деревьев. Но на следующий день служба безопасности «СК» вернулась за ними уже без социальных служб и полицейских. Людей травили собаками, и в тот день Дэйву снова пришлось стрелять. В результате оружия у «заботливых» стало больше. С тех пор их постоянно искали, в лесах рыскали поисковые отряды концерна, над открытыми участками местности патрулировали вертолеты. Обезумевшие от голода, больные, затравленные люди держались за свою жизнь, словно загнанные в угол звери. Их небольшой лагерь кочевал по сгнившим лесам, ежедневно меняя место ночлега, чтобы не быть обнаруженным. Еще через несколько дней они совершили нападение на автокараван «СК», доставляющий товары в ЦСГР. Впервые за много дней они смогли нормально поесть и накормить детей. С тех пор их стали искать еще настойчивей.

Кусты впереди стали редеть, и Дэйв жестом остановил свой небольшой отряд. Дорога была рядом, и именно в этом месте она делала поворот. Тут автоколонна будет вынуждена сбросить скорость, да и обзор у нее будет невелик. Хорошее место для нападения. Заговорщики немногословно уточнили детали и принялись устраивать засаду.

Подрубить изъеденные трансгенным грибом деревья было совсем не трудно, сложнее оказалось удержать их от падения раньше времени. Когда с этой задачей удалось справиться при помощи таких же хрупких и ненадежных подпорок, мятежный отряд занял позиции, укрывшись в густом кустарнике. Вскоре снегопад скрыл все следы их активности.

Вертолет «СК» появился только через три часа, когда Дэйв уже практически не чувствовал задубевших от холода ног. Пилот сделал несколько кругов над дорогой, проверяя путь, после чего снизился и отдельно прошел непосредственно над поворотом. Не найдя ничего

подозрительного, вертолет отправился дальше. Сама колонна появилась спустя четверть часа. Впереди шел полицейский джип, за ним микроавтобус службы безопасности «СК» и пара десятков автофургонов. Замыкал колонну еще один микроавтобус. Дэйв заволновался. Концерн усилил охрану, на такое «заботливые» не рассчитывали. Но это ничего не меняло, если сейчас не добыть хотя бы немного еды, в лагере начнется голод. Люди не могут вечно питаться вареной древесной корой...

Согласно задуманному плану, нападать решили на предпоследнюю машину каравана. Атаковать самую последнюю было бы безопасней, но Дэйв опасался, что если что-то в плане не сработает, то они рискуют остаться ни с чем. А так оставался шанс воспользоваться заварухой и переключиться на последнюю. Более грамотного плана составить они не смогли, никто из «заботливых» не был знаком с армейской наукой. Теперь уже поздно размышлять, колонна проходит поворот, пора действовать.

Дэйв поднял руку над головой и несколько раз отрывисто взмахнул, подавая сигнал. Кто-то выбил подпорки из-под подрубленных деревьев, и десяток заснеженных стволов, треща ветвями, начал падать на дорогу, отрезая от колонны пару грузовиков. Несколько деревьев упали мимо, несколько оказались настолько гнилыми, что просто развалились на куски от удара о кабины автофургонов. Однако пара стволов все же перегородила дорогу двум грузовикам. Водители ударили по тормозам, останавливаясь, а остальная колонна прибавила скорости, быстро скрываясь за поворотом. Из замыкающего колонну микроавтобуса посыпались охранники с оружием наперевес. У кого-то из «заботливых» не выдержали нервы, раздался выстрел, и вспыхнула перестрелка. Засада принялась палить в охрану, посылая десятки пуль по большей части просто в сторону противника. Натасканные охранники залегли и ответили прицельным огнем. Кто-то из «заботливых» закричал от боли. Дэйв попытался целиться, как учил его отец когда-то в детстве, когда они заходили на ярмарке в тир, но поразить противника так и не смог, наверное, было слишком далеко. Рядом с ним коротко вскрикнул и обмяк еще один из членов мятежного отряда. Ситуация становилась угрожающей, если так дело пойдет, их просто перестреляют, как куропаток. Дэйв прицелился и дал очередь. Что-то сильно обожгло ему ногу, он зарычал от боли и, выронив винтовку, схватился рукой за пылающее болью место. Ладонь окрасилась кровью, штанина быстро набухла, а под ногой в снегу растекалось красное пятно. Дэйв яростно взревел и схватился за винтовку.

Внезапно один из грузовиков вспыхнул, наверное, в топливный бак попала случайная пуля. Залегший за его колесами водитель что-то закричал

и бросился прочь от машины. Грянул взрыв. Пару охранников расшвыряло в разные стороны, горящее горючее брызнуло на второй грузовик. Кто-то из охраны, видимо старший, прокричал какую-то команду, и охранники, прикрывая друг друга огнем, схватили раненых и полезли в микроавтобус. Один из них бросился ко второму грузовику и вскочил в кабину. Грузовик взревел мотором и рванулся вперед, объезжая горящую машину. Человек в кабине утопил педаль газа в пол и взял завал на таран. Гнилые деревья не выдержали удара многотонной машины и лопнули, разлетаясь на куски. Грузовик ринулся в образовавшуюся брешь, вслед за ним туда же рванул микроавтобус с охраной, и оба автомобиля скрылись из вида, уходя за поворот под восторженные крики «заботливых».

Отряд бросился к горящему фургону спасать добычу. Дэйв подполз к лежащему рядом товарищу. Тот был мертв. Тогда он оторвал от одежды убитого полосу ткани и постарался потуже перетянуть кровоточащую ногу. Опираясь на ствол винтовки, словно на костыль, Дэйв с трудом встал и поковылял к остальным. Оказалось, что их отряд потерял двоих убитыми, ранен был только Дэйв. Зато с добычей на этот раз им повезло. Сгоревший грузовик был гружен продуктами, и кое-что «заботливым» удалось спасти от огня. Люди принялись набивать самодельные выюки, стараясь унести как можно больше.

– Что с ногой? – спросил у него кто-то, увидев окровавленную штанину.

– Зацепило, – скривился Дэйв, – ерунда, идти смогу.

Он ухватился за коробку с продуктами и попробовал поднять ее. Ногу прострелила острая боль, и Дэйв рухнул на снег.

– Брось, Дэйв, мы справимся! – у него отобрали коробку. – Проверь пока кабину, может, там есть что-нибудь...

Дэйв перевел дыхание, дожидаясь, пока утихнет боль, оперся о винтовку и встал на ноги. Он заковылял к кабине и заглянул в распахнутую дверь. Кабина изнутри почти не пострадала от огня, но ничего интересного, кроме пары свежих газет, он там не нашел. Немного подумав, Дэйв сунул газеты за пазуху и похрамал к остальным. По пути пришло ощущение опасности. Он понял, что их небольшой отряд возится с добычей уже слишком долго.

– Надо спешить! – Дэйв поморщился от боли, нога сильно саднила. – Скоро здесь будет полиция! Не берите слишком много, иначе не уйти! Все! Уходим, уходим!

Он буквально силой направлял людей в лес, не позволяя жадности взять верх над здравым смыслом.

– Если нас переловят по пути, все это было зря! – Дэйв сбрасывал с чрезмерно перегруженных людей часть поклажи. – В лес! Живо! Пошел, пошел!

Навьюченный отряд, тяжело ступая, уже втянулся в заросли, когда в небе раздался звук приближающегося вертолета. Дэйв с тоской посмотрел на яркое солнце. Было ясно, что с таким грузом их отряд быстро заметят с воздуха, не поможет даже падающий снег. Он оглянулся на тянувшийся за ним кровавый след и на несколько мгновений закрыл глаза, вспоминая семью. Потом он развернулся и похромал к разбитому грузовику, стараясь двигаться как можно быстрее.

Дэйв добрался до кабины раньше вертолета. Он примостился за разбитыми дверьми, уложил винтовку на искореженное железо, чтобы легче было целиться, и замер, стараясь сливаться с машиной. Вертолет шел над дорогой, стараясь держаться на безопасной высоте. Пройдя над местом засады, пилот развернулся и снизился, чтобы лучше рассмотреть местность. Дэйв подумал, что если сейчас вертолетчик не найдет для себя ничего интересного, он примется кружить над лесом и обязательно обнаружит уходящий отряд. Он поймал вертолет в прорезь прицела и нажал на спуск, стараясь прижимать винтовку к машине как можно сильнее. Загрохотала очередь, и пули защелкали по кабине вертолета, выбивая искры. Пилот бросил машину в сторону и стал стремительно набирать высоту, удаляясь на безопасное расстояние. Дэйв еще пару раз выстрелил ему вслед на всякий случай, но не попал. Дело сделано. Теперь, пока полиция спохватится, отряд будет уже далеко, а снегопад скроет все следы...

Он попробовал было уйти в лес, в противоположную сторону, но понял, что нога уже не повинуется ему. Тогда Дэйв, корчась от боли, влез в кабину. Немного отдохнув, он начал обустраиваться. Закрыл двери, занавесил тряпками окна. Потом он вспомнил, что в таких случаях в кино вместе с полицейской группой захвата приезжают снайперы, и, собрав силы в кулак, вырвал соседнее сидение. Его частями он, как мог, закрыл лобовое стекло. Под выломанным сидением обнаружилась канистра с бензином, которую он не заметил раньше. Видимо, водитель держал про запас на всякий случай. А может, просто сливал казенный бензин, пока никто не видит. Дэйву сейчас уже было все равно, но канистра могла пригодиться.

Полиция приехала быстро. Уже потухший грузовик окружили, стараясь держаться подальше. Включили громкоговорители, долго убеждали сдаться. Дэйв не отвечал. Полицейские даже пытались выслать

переговорщика, но Дэйв высунул винтовку в окно и несколько раз подряд выстрелил в воздух. После этого его больше не беспокоили. Он достал из-за пазухи газеты и принялся изучать передовицы. Заголовки огромным шрифтом подавали сенсации: в Нидерландах продолжает бушевать суперинфекция сифилиса, по своим свойствам практически идентичная печально известной «тусонской» бактерии. Она точно так же стремительно распространяется среди населения и легко сопротивляется известным антибиотикам. Врачи фиксируют уже больше тысячи случаев летального исхода, и прогнозы с каждым днем становятся все мрачнее.

Вторая газета привлекла его внимание еще больше. Международная Ассоциация Генетической Безопасности объявлена вне закона! Он вчитался в передовицу. Концерн «Сёрвайвинг Корпорэйшн» предоставил неопровержимые данные о связи МАГБ и доктора-убийцы Уэйна. Именно МАГБ инициировала создание трансгенной конструкции, вызывавшей «желтый» грипп у китайцев. Подстрекаемый МАГБ, доктор-убийца Уэйн внедрил эту конструкцию в технологию производства риса, выпускаемого «СК» для Китая. Это было сделано специально, чтобы очернить «СК» и лишить его лидирующих позиций на аграрном рынке. Концерн срочно отзывает весь свой рис. На совести МАГБ не только огромные убытки «СК», но в первую очередь гибель более 33 миллионов человек по всему миру. Кроме того, доказана подрывная деятельность МАГБ в отношении программы ЦСГР, и так далее, и тому подобное...

Дэйв отложил газету и посмотрел в щель забаррикадированного окна. А вот и полицейский спецназ. Сейчас пойдут на штурм. Интересно, они смешно побегут к нему гуськом со всех сторон, как в кино? Начнут стрелять гранатами со слезоточивым газом? Дэйв положил на колени винтовку и проверил магазин. У него оставалось три патрона. В общем-то, вполне достаточно, все равно в перестрелке ему не победить. Он попробовал пошевелить раненой ногой, но понял, что совсем не чувствует ее ниже середины бедра. Тогда Дэйв здоровой ногой поправил канистру с бензином, заранее поставленную около двери, и вновь посмотрел в окно.

Выстрела снайпера он не услышал. Что-то больно ударило его в грудь, выбивая воздух из легких и мешая дышать. Второй удар швырнул его на боковую стену кабины. Дэйв попытался вдохнуть, но это ему не удалось. Тупая боль в груди словно давила на легкие, не давая им расширяться. Сползая по стене на пол, он бросил взгляд в боковое зеркало и успел увидеть, как вдоль кузова к нему уже спешит группа захвата. Наверное, с другой стороны то же самое, как-то совершенно спокойно мелькнула мысль. Дэйв с трудом одной рукой дотянулся до лежащей у ног винтовки,

неуклюже развернул ее в сторону канистры и нажал на спуск. Короткая очередь совпала с открытием двери в кабину. Канистра гулко лопнула, обдавая все вокруг пылающим бензином. Где-то совсем рядом раздался душераздирающий вопль. Дэйв почувствовал, как печет все тело, и вдруг понял, что впервые за много дней мытарств и страданий не чувствует холода. Он улыбнулся, и его взгляд упал на горящую газету, лежащую совсем рядом с ним. Языки пламени лизали строки передовицы, посвященной запрещению МАГБ:

...в том числе запрещена любая политическая, коммерческая и общественная деятельность. Все активы и пассивы ассоциации переданы в распоряжение «Сёрвайвинг Корпорэйшн» в счет погашения убытков, понесенных концерном в результате подрывной деятельности МАГБ. Финансировавшиеся ассоциацией лагеря протеста «заботливых», бойкотирующих ЦСГР, признаны незаконными и подлежат немедленному роспуску и ликвидации. Мисс Алена Шаройкина выслана в Москву и находится под домашним арестом до выяснения степени личной причастности к злодеяниям доктора-убийцы Уэйна. Также задержано более тридцати лидеров ассоциации по всему миру. Концерн «СК» объявляет награду в десять миллионов долларов за любую полезную информацию о местонахождении доктора Сэмюэля Уэйна, задержать которого до настоящего времени так и не удалось. Интерпол...

Газетный лист потемнел и смялся, пожираемый огнем. Он почувствовал, что слишком сильно устал, и мировые проблемы ему не интересны, как миру никогда не были интересны его беды и заботы. Дэйв решил, что пора отдохнуть, и закрыл глаза.

В оборудованном по последнему слову техники кабинете, за широким столом из натурального дерева дорогих сортов, в автоматическом инвалидном кресле, заменявшем офисный стул, сидела старая женщина в строгом костюме. Несмотря на преклонный возраст, глаза ее светились кипучей энергией, а решительный взгляд не оставлял сомнений в степени силы воли хозяйки. Женщина отложила в сторону деловую бумагу, напечатанную на официальном бланке ООН, и нажала кнопку селектора.

– Да, Алена Викторовна? – немедленно отозвался помощник.
– Соедините меня с Ханем по закрытой линии.
– Одну минуту. – Аппарат связи замигал индикаторами, сообщая о том, что максимальный режим шифрования активирован, и голос помощника сообщил: – Настоятель Цзы на связи. Алена Викторовна, у вас есть не более тридцати секунд! Иначе они обнаружат сеанс связи, вы же под

домашним арестом, это запрещено!

– Я поняла, – коротко ответила женщина.

– Рад слышать вас, Алена, и док также передает вам привет, – словно издали из трубки донесся голос. Китайская речь немного «плыла», сопровождаемая эхом криптопомех. – Я уже в курсе последних новостей. Чем могу помочь?

Ее губы тронула улыбка, было видно, что она рада слышать давнего друга. К сожалению, времени на разговор у них практически не было.

– Долгих вам дней, настоятель! – старая женщина без труда перешла на китайский язык. – Хань, переводите все наши средства из особых резервов на проект «Наследие». Время пришло.

Часть третья

Окрестности развалин Лос-Анджелеса,
3 июня 2268 года, три часа сорок минут утра
по времени Колорадского Альянса

Надрывно хрипящий человек в измазанном кровью изодранном скафандре из последних сил пытался уйти от неумолимо настигающей его погони. Человек был крайне изможден долгим преследованием и едва мог переставлять ноги, ему самому было ясно, что едва он остановит свой судорожный бег, как скудные осколки помутневшего от интоксикации сознания покинут его. Покрытый трещинами гермошлем уже не мог обеспечить герметичность кислородного цикла, и забитые прорвавшимися извне токсинами легкие пылали жуткой болью, а опухшие воспаленные глаза, давно уже выжавшие из себя последнюю слезу, стегала жестокая резь.

Человек запнулся о заросли и вылетел из трехметровых сорняков в развалины одного из затерявшихся в буйной мутировавшей растительности домов. Он с размаху упал лицом вниз, уже не имея сил сгруппировать тело, мешковато рухнув на покрытые ядовитым мхом камни. Гермошлем гулко ударился о потемневший от многолетней эрозии обломок бетонного перекрытия, штурмовая винтовка выскочила из рук и с кляцаньем упала на камни. Человек захрипел, сплевывая кровь внутрь скафандра, и перевернулся на спину, на шаривая рукой винтовку. Он попытался встать, но это ему не удалось. В глазах было темно, сердце рвало на части, конечности отказывались повиноваться. Тогда он не глядя нащупал механизм управления аварийным кислородным баллоном и выкрутил регулятор до упора на максимум. Прохладный газ заполнил гермошлем, с легким шипением стравливаясь через многочисленные трещины. В таком режиме баллона не хватит и на полчаса, но человека это уже не волновало. Он чувствовал, что если не сможет добраться до помощи за ближайшие пятнадцать минут, то ему уже не понадобятся ни кислород, ни новые фильтры, ни сама помощь. Человек сделал несколько судорожных вдохов, хватая ртом живительный газ. Резкий приток чистого кислорода сделал свое дело, в голове прояснилось, дышать стало немного легче. Человек перевернулся на живот и попытался было предпринять еще одну попытку

подняться, но тут же замер, вжимаясь обратно в обломки стены.

В кустах, через которые он только что ввалился в развалины дома, улавливалось слабое движение. Неужели погоня уже так близко?! Человек осторожно потянул к себе винтовку, стараясь не задеть ею о камни и не выдать своей позиции. Чертовы лиги, они все-таки добрались до него! Неужели ему не дойти? Ведь до дороги осталось меньше километра! Он трясущимися от избытка кислорода руками снял винтовку с предохранителя и бросил взгляд по сторонам, пытаясь оценить ситуацию на флангах. Принимать бой в развалинах было равносильно самоубийству. И дело даже не в том, что у него осталось всего два магазина патронов. Гораздо больше человека волновал сам факт того, что он находится в развалинах дома. Кто знает, какие существа избрали их своим логовом и кто прибежит, прилетит или приползет на выстрелы. Хорошо уже то, что никто не появился на его запах, а ведь отталкивающая запахи пропитка изодранного скафандра наверняка едва функционирует. Хотя... возможно, кто-то уже и явился.

Шевеление в кустах повторилось, на этот раз уже более явственно. Теперь сомнений не оставалось, прямо перед ним, в нескольких метрах за стеной зарослей, кто-то есть. Человек взял на прицел место, где ожидал выхода врага из кустов. В этот момент заросли зашевелились немного левее. Значит, на него выходят сразу двое. Он прикинул расстояние и понял, что не может быть уверен, что успеет расстрелять обоих. Передовые отряды-загонщики лигов состоят из очень подвижных тварей, они бросаются в атаку не хуже кенгуру, если нападут одновременно, ему не успеть. Человек попытался, не поднимая шума, отползти назад, рискуя потревожить покой неизвестных хозяев дома. Жгучая боль обожгла колено, и он судорожно рванулся в сторону всем телом, разворачивая назад винтовку. Сзади было пусто. Он выругался про себя, стараясь как можно быстрее стряхнуть с разорванного на колене скафандра налипший ядовитый мох. Человек даже не попытался открыть аптечный карман снаряжения, он и без того знал, что там пусто. Последний укол антибиотической сыворотки и последний пласт гермопластыря он израсходовал час назад. Без аптечки эта дрянь разъест кожу минут за десять-пятнадцать, после чего примется за мышечные ткани и быстро вызовет судорогу ноги. Тогда точно не дойти. Теперь выбора не оставалось, надо бежать.

Человек, стараясь шуметь как можно меньше, поднялся на ноги и, не сводя глаз с кустов, стал осторожно пятиться назад, пытаясь сливаться с развалинами. Если его еще не заметили, то есть шанс скрыться между

обломков, затем выйти с другой стороны и попытаться убежать. Если же его заметили, то дом уже окружен, и выйти ему не дадут. Тогда он попробует последнее средство. Человек перехватил винтовку одной рукой и вычленил из поясного армированного подсумка единственную оставшуюся гранату. Если он сможет заметить их раньше, то взрыв посеет среди врагов на короткое время неразбериху. Если, конечно, «нюхачи» не учуют гранату в его руке...

Внезапно кусты расступились, произошло это совершенно неожиданно и без предварительного шевеления. Застигнутый врасплох, человек замер, лихорадочно размышляя, бросать ли гранату или же хвататься за винтовку. В слабом свете ночного неба вышедшее из ядовитых сорняков существо полностью разглядеть не удавалось, но уже было ясно, что перед ним не лиг. Уродливое, покрытое гнойниками и опухолевыми наростами костлявое тело было слишком мало и нелепо даже для лига. Скорее всего, это собака, сержант говорил, что в этих местах их много. Отвратительная тварь с искореженным мутацией телом тащила на себе помимо основных четырех лап еще две пары бесполезных дистрофичных конечностей, отросших прямо из хребта. Кусты рядом с ней бесшумно расступились, и из них появилась вторая уродливая животина, чем-то похожая на первую. На двоих у мутатварей было всего три глаза, и они, светясь в темноте грязно-желтым светом, не сводили взглядов с человека. Из пастей, усеянных кривыми клыками и не закрывающихся вследствие инвалидной мутации челюстей, к земле медленно тянулись зеленоватые капли густой слюны. Ближайшая тварь сделала шаг вперед и в нерешительности остановилась.

Человек осторожно вернул гранату на место и подобрал камень. Раз не лиги, значит, еще можно выжить. Раз не бросились и выжидают, значит, не уверены в своих силах. Либо оценивают «степень сложности» добычи, либо поджидают стаю. В любом случае, лучше не тратить время на выяснения. Человек швырнул камень в ближайшую тварь. Та лениво отшагнула в сторону, уходя от удара и не спуская взгляда с потенциальной добычи. Тогда он схватил двумя руками винтовку и затряс ее у себя над головой, угрожающе размахивая, словно дубиной. Тварь втянула воздух единственной ноздрей и резко присела на лапах. Дошедший до атрофированных рецепторов запах пороха мгновенно вызвал в мозгу вспышку воспоминаний о страшных неведомых звуках, рвущих в клочья плоть соплеменников. Спустя мгновение обе твари растворились в кустах практически незаметно, так же быстро, как и появились. Человек облегченно вздохнул. Стрелять не пришлось, значит, лиги еще не знают его

точного местоположения. И твари оказались стреляные, значит, дорога, по которой за ним придет помощь, где-то недалеко. Надо бежать.

Человек поправил укрепленную на теле толстую перевязь с гермоконтейнером и поднес к лицу руку. Он стер грязь с рукава скафандра, в который был встроен компас, и попытался уяснить направление на дорогу. Больше медлить было нельзя, он усилием воли заставил двигаться отказывающиеся повиноваться ноги и неуклюже побежал, морщась от боли при каждом шаге, спиной ощущая приближающуюся погоню. Он уже не пытался избегать открытых мест и держаться в зарослях, сил продираться через растительность не осталось. Если он не выйдет к дороге сейчас, то уже никогда никуда не выйдет. Голова дико кружилась, путая ориентацию на местности, легкие нестерпимо жгло, то и дело отхаркивалось кровью, а высохшие, словно пески Аризоны, глаза пылали болью и отказывались видеть. Он уже не бежал, не было сил, просто ковылял среди затянутых ядовитым мхом развалин, утопающих в трехметровых зарослях токсичных сорняков. Сознание все глубже погружалось в безликую мутную пелену, не имеющую ни времени, ни пространства, ни боли.

Лиги возникли перед ним из ниоткуда, буквально вылетев навстречу из ночной темноты. Двое безобразных уродов бросились ему в ноги, еще кто-то, скрюченный и горбатый, прыгнул, словно лягушка, целя ногами в грудь, чьи-то руки вцепились сзади в шею. Человек мгновенно оказался облеплен визжащими от ярости мутантами и рухнул, сбитый с ног. Практически потерявшая чувствительность нервная система вспыхнула резкой болью от вонзавшихся в тело клыков и когтей, человек дико закричал и чудовищным усилием стряхнул с себя нескольких врагов. Лежа на спине, он отшвыривал лигов ногами, руками пытаясь добраться до штурмовой винтовки. Сразу несколько мутантов подоспели на помощь своим и с разбегу бросились на человека. Не рассчитав совместных усилий, лиги почти одновременно врезались сначала ему в грудь, а затем друг в друга, разбрасывая облепивших человека соратников. Человек услышал хруст в собственной грудной клетке, и нестерпимая боль внезапно придала ему сил. Воспользовавшись возникшим среди лигов замешательством, он вскочил на ноги и сумел перехватить штурмовую винтовку в положение для ведения огня. Дико захрипев, чтобы выдавить из горла кровь, мешающую дышать, человек нажал на спуск. Грохот автоматной очереди вспорол ночную тишину, топя в себе визг, рычание и вопли. Навалившись всем телом на винтовку, человек водил изрыгающим огонь стволом из стороны в сторону, словно пытаясь исхлестать свинцовой струей беснующуюся ватагу лигов. Он бил в упор, и разорванные пулями мутанты валялись прямо к его ногам,

густо покрывая кровью изодранный материал скафандра.

Не попавшие под очередь лиги бросились в разные стороны, пытаясь укрыться за развалинами домов, и человек на какое-то мгновение остался один. Боек штурмовой винтовки негромко клацнул, сообщая об опустевшем магазине, и человек, словно раненый зверь, бросился бежать, на ходу перезаряжая оружие. Поправившиеся в развалинах мутанты какое-то время не решались высунуться на открытое место, и это дало ему небольшую фору. Но уже спустя полминуты погоня возобновилась. Израненный человек, едва переставляющий ноги, слышал за спиной приближающийся топот и оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть натянутый лук. Беглец резко свернул в гигантские кусты, и кривая стрела коротко просвистела мимо. Вслед за ним в заросли ударил поток камней и дротиков. Что-то больно вонзилось человеку в ногу, он закричал и упал, путаясь в сочащихся токсичным соком стеблях, пытаясь вырвать из ноги зазубренную ржавую железку. Услышав его крик, лиги со всех сторон бросились к месту, где человек скрылся в кустах. Раненый, хрипя от боли, наконец смог вытащить из бедра вражеское оружие и отшвырнул его в сторону. Он потянулся к под сумку, доставая свою последнюю гранату. Измазанные в крови перчатки скользили по резинопластику скафандра, никак не попадая в под сумок, лиги были все ближе, и подстегиваемые адреналином руки ходили ходуном все быстрее с каждой секундой. Человек все же вырвал из под сумка ребристый металлический шар, с надсадным хрипом выдрал чеку и швырнул гранату навстречу толпе лигов. Гулкий взрыв разорвал ночной воздух, разбрасывая вокруг куски плоти и крови, перемешанные с землей и травой. Истошно заверещали раненые, выжившие бросились назад в поисках укрытия.

Человек безумно оскалился в звериной улыбке и на четвереньках пополз прочь, оставляя за собой кровавый след. Оружие и гермоконтейнер стали нестерпимо тяжелыми, но человек упорно двигался вперед, словно робот. Ему удалось преодолеть почти полсотни метров по токсичным зарослям, когда впереди раздалось рычание лигов, и сразу с десятков фигур возникли в кустах перед ним, отрезая дорогу. Ползущий на четвереньках человек оттолкнулся от земли руками, поднимаясь на колени, и вдавил себе в живот приклад штурмовой винтовки, пытаясь из последних сил придать оружию устойчивое положение. Он неуклюже обнял винтовку и открыл огонь, направляя поток свинца в заросли прямо перед собой. Впереди раздался крик, один из лигов упал и забился в агонии, остальные исчезли среди гигантских листьев. Человек продолжал стрелять до тех пор, пока не выпустил последний патрон. Тогда он отбросил ставшую бесполезной

штурмовую винтовку и пополз сквозь повисший в ядовитом воздухе пороховой дым по выкошенной свинцовым потоком просеке, скользя и спотыкаясь на залитом токсичным соком травяном фарше.

На дорогу он выполз, сделав девятнадцатый шаг. Заросли неожиданно расступились, и в лунном свете человек увидел потрескавшуюся ленту дорожного полотна с полуистлевшим остовом автобуса на обочине, до которого оставалось каких-нибудь тридцать-сорок шагов. Человек собрал остатки сил и пополз к дороге. Сзади коротко хлопнул одиночный выстрел, и человека швырнуло лицом в пыль. Кричать он уже не мог, поэтому лишь захрипел от боли, чувствуя, как правую лопатку буквально раздирает на куски. Он попытался было перевернуться на спину, чтобы встретить противника лицом к лицу, но не смог и только развернул голову к зарослям. Из кустов вышли четверо уродливых лигов в маскировочном снаряжении под цвет травы с армейским оружием в руках. За ними высыпало штук тридцать обычных лигов.

«Вояки, – выползла из кровавого тумана мысль, – теперь не уйти. Выследили все-таки... Неужели все зря?!» Бессильно лежащий на земле человек смотрел на приближающихся уродцев и уже не чувствовал ни страха, ни боли, лишь обидную до глубины души несправедливость. Он хотел было навалиться своим телом на гермоконтейнер, ради которого полегло почти тридцать человек, весь его взвод, но сил не было даже пошевелиться. Лиги приблизились к лежащему человеку и остановились. Один из них, низкорослый широченный горбун с ногами разной длины, неуклюже переваливаясь, подошел к раненому и носком ботинка перевернул его на спину. Увидев, что человек еще жив, он промычал что-то своим товарищам.

– Добей его! – приказал горбуну тощий лиг с атрофированной левой рукой, к культе которой за цевье был привязан пистолет-пулемет. – И заberi сумку.

Горбун довольно промычал в ответ и направил в голову лежащему человеку ствол винтовки.

Слаженный залп автоматных очередей распорол предрассветную тьму. Череп горбуна буквально разорвался на куски, и его тело отшвырнуло в сторону. Тройка вооруженных лигов умерла мгновенно, изрешеченная десятками пуль, остальные в панике заметались, пытаясь скрыться в зарослях. Надрывно взревели турбины двигателей, и из-за сгнившего автобуса выскочила пара БМП, заливая заросли светом прожекторов. Короткими очередями громынули автоматические пушки, посылая снаряды вдогонку убегающему противнику, залегшие на дальней обочине

дороги солдаты, прикрывая друг друга огнем, принялись устанавливать контроль над местностью.

Над раненым человеком склонились двое бойцов со знаками санинструкторов на скафандрах. Один быстро вкалывал ему содержимое сразу нескольких шприц-тюбиков подряд, другой медленно водил вдоль тела сканером какого-то прибора, внимательно изучая показания датчиков. Вскоре к ним подошло несколько солдат.

– Как он? – уточнил у медиков один из них.

– Плохо, сэр! – доложил санитар. – Едва жив. Сейчас накачаем его препаратами, и вы сможете с ним поговорить. Нам требуется минут тридцать-сорок, сэр.

– Капитан, сэр... – захрипел раненый, увидев офицера, – капрал Купер... третий разведывательный взвод... седьмая пехотная... – Он подавился кровью и закашлялся, забрызгивая кровью изнутри лицевой щиток гермошлема.

Офицер движением руки прервал его доклад:

– Я знаю, кто вы, капрал. Молчите, сейчас вам окажут помощь, все будет хорошо. Вы добрались.

Он поднял голову и кивнул одному из солдат:

– Осмотрите заросли, возможно, есть еще раненые.

– Никак нет, сэр... – прохрипел Купер, – никого больше не осталось... я один...

Он слабо пошевелил рукой, указывая на перевязь с гермоконтейнером:

– Это здесь, сэр... путь к «Наследию» Великой Шаро, сэр... – он удовлетворенно закрыл глаза, и его покрытое кровью лицо тронула слабая улыбка, – я донес... я все-таки это сделал... – его речь потонула в бессвязном бреде.

– Значит, это не было помехами в радиосвязи... – негромко произнес капитан.

Он наклонился к медику, соприкоснувшись с ним гермошлемами, и приказал:

– Делайте, что хотите, но этот человек должен прожить как минимум до тех пор, пока не расскажет все, что знает.

С этими словами офицер поднялся на ноги и отдал команду в эфир ближней связи:

– Закончить операцию! Возвращаемся на базу!

Колонна из двух БМП и нескольких армейских джипов, оснащенных крупнокалиберными пулеметами, миновала открытые ворота базы и вошла

в узкий лабиринт бетонных заграждений, опоясывавших человеческий опорный пункт. База имела двое ворот на противоположных друг другу сторонах, но даже если врагу удастся миновать их или преодолеть забор, это еще не даст ему никаких гарантий. Узкие железобетонные лабиринты, напичканные огневыми позициями, скорее всего, выпьют из наступающих крови больше, чем у них есть. Единственное, что могло бы представлять серьезную угрозу для базы, это артиллерийский либо авиационный удар. Но лиги не способны использовать самолеты, это выше их интеллектуальных возможностей. Они и с тяжелой техникой-то управляют с большим трудом, обычно предпочитая легкобронированные автомобили и стрелковое оружие. Однако заполучить себе серьезную боевую технику с заброшенных армейских баз они могли в любой момент, и недооценивать такую возможность не стоило. Именно поэтому пустынная на много километров местность вокруг базы активно и регулярно патрулировалась хорошо вооруженными маневренными группами. И редкая неделя обходилась без стычек.

Колонна наконец-то прошла лабиринт и вышла к погрузочной площадке, с трех сторон обрамленной жилыми бараками и ангарами для техники. С четвертой стороны к площадке примыкала зона нефтедобычи: стоящие почти правильным квадратом маятники нефтяных вышек.

Головная БМП остановилась, и капитан спрыгнул с брони на землю. К нему тут же подкатил джип без крыши и дверей.

– Полковник ждет вас, сэр! – доложил водитель прямо через гермошлем, не включая рацию.

Капитан молча кивнул и обернулся к одному из своих бойцов:

– Лейтенант, примите командование. Раненого в лазарет срочно, личный состав накормить, боезапас пополнить. Технику на дозаправку и обслуживание. Приступить немедленно! – Лейтенант коротко козырнул, и капитан буркнул себе под нос: – Сдается мне, мы сюда ненадолго...

Он подхватил заляпанную кровью и засохшим травяным соком перевязь с гермоконтейнером и залез в джип. Водитель переключил рычаг на кулисе, и автомобиль покатился мимо нефtezоны.

– Починили? – капитан кивнул на тройку работающих нефтедобывающих маятников.

– Только один, сэр! – поморщился водитель. – Парни из подразделения старика Кинли возились почти неделю и в конце концов собрали из двух один. У меня там служит приятель, сэр, он говорит, что эту прогнившую рухлядь уже не реанимировать.

Капитан хмуро проводил взглядом проплывающую мимо площадку

нефтедобычи. Из девяти вышек в рабочем состоянии осталось только три, да и те регулярно вставали из-за поломок. Это ветхое старье не проработает оставшиеся сто лет, это как к гадалке не ходи. На их век ресурса, может, и хватит, но последующим поколениям остается уповать лишь на милость Шаро Предрекшей. Или собирать археологический рейд в мертвые территории, все ближайшие окрестности за прошедшие двести лет обобрали до малого винтика, и тут запчастей не найдешь. А из мертвых земель возвращается далеко не каждая поисковая команда. Лично он не завидует тем парням, на чью долю рано или поздно выпадет такое задание. И тем не менее, это последняя функционирующая база нефтедобычи. Если она встанет, альянс лишится топлива, а значит, и выгодной валюты, и авиационных сообщений с другими центрами, и тяжелой техники, единственного, что сдерживает натиск сотен тысяч лигов.

– Сэр! Разрешите обратиться, сэр! – Вопрос водителя вывел капитана из раздумий.

– Обращайтесь, рядовой. – Офицер смотрел на приближающееся здание штаба базы.

Обычный типовой барак снаружи ничем не отличался от остальных зданий, но именно внутри этого сооружения капитан не любил бывать больше всего. И у него на то имелись веские причины.

– Капитан, сэр! – Водитель немного замялся, но затем взял себя в руки и четко изложил вопрос: – Правда ли, что третий разведвзвод обнаружил экспедицию русских, которые привезли координаты места, где спрятано «Наследие»? – Он покосился на вымазанный в крови гермоконтейнер, лежащий у капитана на коленях. – База вторые сутки гудит от слухов, словно колония термитов, причем тех, что любят жрать пластик! – Солдат коротко усмехнулся. – Штаб Альянса каждые два часа выходит на связь и требует подтверждения или опровержения доклада капитана Пауэрса. Ему придется туго, когда командование до него доберется!

– Капитану Пауэрсу уже глубоко наплевать на командование, – сухо отрезал капитан, – как и всему третьему взводу. Они все погибли ради того, чтобы мы смогли получить содержимое вот этого контейнера! – он кивнул себе на колени. – Что именно там находится, нам еще предстоит разобраться. Будем надеяться, что парни из третьего взвода легли не зря.

Джип остановился перед входом, и капитан выпрыгнул из машины. Однако заходить внутрь ему не пришлось. Едва он приблизился к шлюзовой двери, как штурвал кремальерного запора провернулся и массивная створка отошла в сторону.

– Полковник, сэр! – козырнул капитан, вытягиваясь перед выходящим

на улицу старшим офицером.

– Вольно, капитан! – коротко ответил полковник и сразу же указал на гермоконтейнер. – Это оно?

– Так точно, сэр! – подтвердил капитан.

– Что внутри?

– Координаты, сэр, как и докладывал капитан Пауэрс, – доложил капитан, – только одна половина, сэр, а именно широта. И еще карта, сделанная русскими, сэр! На ней отмечено место в окрестностях Лос-Анджелеса. Километров сто пятьдесят отсюда. Там кишмя кишит дикими лигами, сэр, это самое их логово!

– Что рассказывает выживший капрал Купер? – Полковник взял из рук капитана гермоконтейнер и рассматривал его содержимое.

– Ничего, сэр! Им занимаются медики, пытаются задержать его на этом свете подольше. Помимо множественных ранений у него тяжелая степень инвазии, не совместимая с медицинскими допусками Центра! – При этих словах капитан саркастически поморщился.

– Едемте к нему! – полковник сделал вид, что не заметил сарказма. – Нам необходимо знать все то, что знает он! – Он решительно направился к джипу.

Капитан без энтузиазма последовал за ним. Госпиталь он не любил по тем же причинам, что и штаб.

Оба офицера залезли в авто, привычно следя за безопасностью выступающих частей скафандров, и машина тронулась с места, вырываясь в направлении медицинского блока.

Во входном шлюзе их уже ждали несколько санитаров, вооруженных щетками и моечными машинами. Скафандры офицеров тщательно вымыли несколько раз, после каждого подхода проверяя приборами уровень загрязнения, после чего высушили под кварцевым излучением. После этого офицеров развели в разные раздевалки, где они сменили боевые скафандры на тонкие медицинские.

Капитан закрыл шкафчик на дактилоскопический замок и, криво ухмыльнувшись, привычным движением надел «намордник». Что ж, людям второго сорта положено носить индивидуальный респиратор вне их личных помещений, то есть практически везде, кроме, разумеется, тех секторов, куда их вообще не пускают. Чтобы, упаси Шаро, не выдохнуть чего-нибудь не того и не повредить здоровью «чистых». Вот и он носит, подчиняясь всеобщим законам выживания. Но это не значит, что он обязан обожать эту ненавистную гадость, которой общество отблагодарило его за верную службу. Поэтому капитан не любил не только сам «намордник», но и все те

места, нахождение в которых требовало его ношения, предпочитая боевой скафандр и спартанский уют казармы далекой базы спокойствию и комфорту Центров.

Он вышел из раздевалки и прошел в реанимационную палату. Полковник был уже там и наблюдал за тем, как несколько медиков приводят в сознание Купера. Спустя пять минут опутанный многочисленными трубками и дренажами человек открыл глаза.

– Капрал Купер? – Полковник слегка наклонился над лежащим. – Вы меня слышите?

– Сэр, да, сэр... – слабо ответил раненый, обводя взглядом вокруг, – я вас слышу... только не очень хорошо... у меня в ушах полно ваты? – он поискал глазами медиков, – скажите доктору, сэр, пусть вытащит, я плохо разбираю ваши слова...

Полковник посмотрел на главного врача медицинской бригады, но тот только покачал головой.

– Это побочные эффекты транквилизаторов, сэр. Он полностью на искусственном жизнеобеспечении. Вам придется говорить громче.

– Все хорошо, сынок! – Полковник, бодро улыбнувшись раненому, повысил голос. – Как ты себя чувствуешь? Можешь рассказать нам, что произошло?

– Я себя вообще не чувствую! – невпопад хохотнул Купер. – Но рассказать смогу. Вы нашли мой контейнер, сэр? Капитан Мэрфи, чьи парни подобрали меня, он был... – Его взгляд наткнулся на капитана, и раненый поправился: – Прошу прощения, сэр, не узнал вас в «наморднике»! – Он снова хихикнул: – В скафандре вы смотрите более внушительно! – Его глаза вдруг начали закатываться, и голос перешел на шепот: – Теперь и на меня наденут «намордник»...

Один из врачей быстро наклонился над раненым и выкрутил верньер регулятора одной из многочисленных трубок, воткнутых в его тело. Подача медицинской смеси увеличилась, и взгляд Купера прояснился. Медик повернулся к офицерам и произнес:

– Прошу прощения, джентльмены. Он немного не в себе, но соображать может. Это сказывается действие морфина. Иначе его мозг не выдержит болевого шока, ему крепко досталось. Вам лучше быть настойчивее, долго держать его в таком состоянии мы не сможем.

– Контейнер у нас, капрал! – обратился к раненому полковник. – Ты справился, хорошая работа, сынок! Там часть координат и карта на русском языке. Расскажи, откуда она у тебя, что ты знаешь о ней и что произошло с твоим взводом? Не торопись, излагай по порядку, медики позаботились о

тебе, теперь ты в безопасности!

Полковник не заметил, как при этих словах капитан Мэрфи презрительно прищурился. Что-то похожее говорили и ему, вспомнил капитан, когда он валялся на операционном столе. Мол, ты настоящий герой, сынок, твои самоотверженные действия спасли не только жизни десятков людей, но и целостность гермопокрытия пенициллиновой грибницы, что имеет неизмеримо важное значение для медицины Альянса! И Альянс не забывает своих героев! Общество позаботится о тебе!

И оно позаботилось. Заштопало раны, выдало медаль, «намордник» и статус «инвазивного». Подвиг подвигом, лиги лигами, а разгерметизация имела место, и твой организм теперь носитель некоей доли заразы. Посему теперь ты, герой Альянса, не имеешь права снимать респиратор, находиться в запрещенных для «инвазивных» секторах Центров, ну и конечно же ты исключен из программы обмена генофондом и размножения. Теперь от тебя всю твою жизнь будут инстинктивно шарахаться люди, ради которых ты истекал кровью, отбивая атаку лигов.

И вот теперь он слышит нечто подобное от полковника, увещающего Купера, которому осталось жить не больше часа, что все отлично, радужно и вообще, грядет вселенское счастье. Впрочем, к полковнику Мэрфи относился более или менее хорошо, так как это был, пожалуй, единственный из его начальства, кто хотя бы делал вид, что его совершенно не волнует «инвазивность» капитана. Хотя тут дело, скорее всего, не столько в толерантности, сколько в суровой необходимости. Полковник командовал дальней базой, отстоящей от ближайшего центра почти на триста километров, и в случае чего мог рассчитывать только на тех людей, кто был у него в распоряжении. И в его интересах было всеми способами поддерживать на базе максимально сплоченную атмосферу. Тем более, что полковник сейчас чувствовал себя не лучшим образом. Он потерял целый взвод в операции, с самого начала выглядевшей полнейшей аферой, отказаться от которой он не имел ни шанса.

Все началось сутки назад, когда с одного из последних, еще действующих спутников, в тот момент проходящих в зоне радиовидимости, неожиданно пришел сигнал. Автоматика перехватила переговоры лигов, преследующих каких-то «чистых», не говорящих по-английски. В штабе Альянса начали срочно разбираться в ситуации, попутно пытаясь определить, что и, самое главное, где именно происходит. Вскоре выяснилось, что перехвачены ни много ни мало переговоры экипажей кораблей лигов, ловящих рыбу вдоль побережья между Сан-Франциско и Сан-Диего. Где-то в прибрежных водах они наткнулись на корабль русских.

Как он там оказался, было уму непостижимо, но, похоже, в ходе боя русские утопили лигам оба встреченных корабля, и теперь лиги, выгнав в море с обеих своих баз все, что может держаться на плаву, преследуют русских, не давая им возможности приблизиться к берегу. Русские, судя по всему, шли курсом на Лос-Анджелес. Начальство пыталось связаться с русским кораблем, но так и не стало понятно, услышали ли их русские. Потом спутник ушел, и все стихло. Тогда из штаба связались с нефтедобывающей базой и приказали выслать в лос-анджелесский порт разведвзвод, чтобы выяснить ситуацию и по возможности помочь русским высадиться. Сказать, что мероприятие это было больше сродни акту суицида, значило еще сгладить краски.

Отправить три десятка людей за почти двести километров от базы, в глубь развороченного пожарами и эпидемиями города, напичканного дикими лигами, куда регулярно наведываются «вояки» – военизированные лиги из Сан-Франциско, фактически означало подписать им смертный приговор. Даже если люди не попадут под обвал обветшалых строений, не угодят в многочисленные оползни постоянно оседающих в пустоты подземных коммуникаций улиц, сумеют избежать атак тысяч безумных лигов, то еще останется самый страшный риск – вероятность встретиться с вооруженными отрядами «вояк». С тех пор как у лигов Сан-Франциско появился сильный лидер, их военная активность многократно возросла. Они рыскают по всей Калифорнии в поисках старых военных баз, пытаются осваивать найденную технику и даже превратили кустарную добычу и перегонку нефти чуть ли не в промышленную. Теперь их разрозненные калифорнийские анклавы объединились и превратились в крайне серьезную угрозу. Про морское побережье можно было вообще не вспоминать – от Сан-Франциско до Сан-Диего в прибрежных водах лиги хозяйничали безраздельно. Хотя им и не хватало знаний для эксплуатации высоко сложной техники, но умения завести бронетранспортер, танк, катер и стрельнуть на глаз из орудия вкупе с огромным численным превосходством более чем хватало для ведения боевых действий. Последние два года базе приходилось особенно нелегко, потери превысили все прежние показатели, и ситуация ухудшалась с каждым месяцем.

Поэтому было малореальным даже то, что разведчикам вообще удастся добраться до порта без серьезной огневой поддержки. После нападения «вояк» в прошлом месяце база потеряла три единицы техники и испытывала серьезную нехватку сил, и полковник, выполняя приказ командования, был вынужден крутиться, словно змея на раскаленной сковороде. Он выслал с разведчиками небольшую бронегруппу под

командованием Мэрфи. Она сопровождала их до тех пор, пока расстояние до базы не стало критическим. Дальше разведывод на легких автомобилях пошел сам. Двенадцать часов от них не было никаких известий, пока вдруг радисты не выцарапали из вороха помех голос капитана Пауэрса. Командир разведчиков сообщил, что нашел выжившего из русской экспедиции и получил от него координаты местонахождения ни много ни мало – «Наследия» Шаро Предрекшей. И теперь взвод, по пятам преследуемый лигами, пытается вернуться. Пауэрс запросил поддержку, и в этот момент связь прервалась. Больше никаких известий от них не поступало. Тем временем поднялся грандиозный шум. Штаб требовал подтверждения радиограммы, база требовала связи с разведчиками, Мэрфи одновременно пытался организовать радиопереговоры с Пауэрсом и при этом не выдать противнику своего местоположения. Но связаться с разведчиками так и не удалось, и тогда Мэрфи, на свой страх и риск, повел бронегруппу навстречу Пауэрсу, где и нашел Купера.

В гермоконтейнере, найденном у капрала, была обнаружена небольшая карта местности, сильно устаревшая, явно сделанная с образца, выпущенного задолго до наступления хаоса, и несколько бумаг с данными. Все на русском языке. Это ровным счетом ничего не объясняло. Во всем Калифорнийском Альянсе русский знало, быть может, три-четыре человека, да и то лишь потому, что устав «Сёрвайвинг Корпорэйшн» предписывал всегда иметь в штате специалистов, говорящих на всех основных языках участников некогда всемирного концерна. Сам Мэрфи сильно сомневался, что в действительности кто-то из этих «специалистов» смог бы наладить серьезный диалог с русскими, заявись они в Альянс неким чудесным образом. Поэтому объяснения находящегося при смерти капрала могли бы не только пролить свет на произошедшее, но и серьезно упростить всю сложившуюся ситуацию. Тем более, что никто толком не понимал, в чем же именно эта самая ситуация заключается. Штаб Альянса уже выдавил из полковника все соки, и, учитывая это, тот еще неплохо держал себя в руках.

– Так что произошло, сынок? – повторил свой вопрос полковник, видя, как взгляд Купера становится все более осмысленным.

Капрал мгновение молчал, собираясь с мыслями, потом судорожно выдохнул, выталкивая из горла сгусток крови, и негромко заговорил, часто прерываясь, чтобы сделать неровный вдох:

– Поначалу все шло хорошо, сэр. Нам удалось доехать почти до самого центра. Дальше завалы стали непреодолимыми, и капитан отдал приказ идти пешком. Нам практически не попадались лиги, если не считать

одинок, старавшихся убежать едва завидев отряд. Несколько часов мы пробирались к порту и наконец вышли к нему. Там и стало ясно, почему нам никто не мешал. Было похоже, что все лиги Калифорнии собрались на берегу, чтобы посмотреть на разыгравшееся в прибрежных водах шоу. Они были так увлечены зрелищем, что нам удалось незамеченными занять позиции в развалинах портовых сооружений.

Купер замолчал, с хрипом втягивая в себя воздух, выкашлял еще одну порцию полусвернувшейся крови и продолжил:

– Все смотрели на море, сэр. Там лиги зажали корабль русских. Им не хватило до порта каких-нибудь десяти миль, сэр, но они упорно двигались к берегу. Похоже, лиги стянули к ним весь свой флот, там было больше двух десятков разношерстных посудин, и все вели огонь по русским...

Внезапно Купер злорадно осклабился:

– Однако русские оказались парни не промах... Сразу видно, что у них там – не чета нам, лиги в море не хозяйничают. Их старое ржавое корыто очень хорошо держалось на плаву, а экипаж отлично с ним управлялся. Они имели работоспособным все свое вооружение, даже ракетные комплексы, сэр. Мы два часа сидели в развалинах и наблюдали за боем, все равно помочь им мы ничем не могли. Прежде чем корабль русских превратился в плавающий факел, они утопили добрую дюжину лиговых лоханок. Потом их капитан взял курс прямо на берег. Последнюю милю они уже не вели огонь, видимо, было уже некому. Корабль врезался в развалины дока почти прямо перед нами, метрах в двухстах. Лиги, облепившие берег, бросились к нему, и тогда капитан Пауэрс отдал приказ атаковать. Мы открыли плотный огонь и отрезали лигов от дока, затем ударили реактивными гранатами. У лигов началась паника, и они разбежались. Пока корабли лигов соображали, что к чему, наш взвод закрепился около дока и мы попытались проникнуть на корабль русских. Нам удалось найти только одного выжившего моряка, сэр, полагаю, это был их капитан, и он был очень плох. Даже хуже, чем я теперь, сэр! – Купер нездорово засмеялся.

Его надтреснутый смех быстро перешел в кашель, и на белую ткань больничной пижамы изо рта вновь брызнули красные капли. Кто-то из медиков принялся быстро колдовать над аппаратурой жизнеобеспечения.

– Но прежде чем отправиться на званый обед к Шаро Великой, он все-таки успел нам передать тот гермоконтейнер, – наконец продолжил Купер. – Моряк немного говорил по-английски и смог нам рассказать самое главное. Русские где-то там у себя в России разгадали тайну местоположения «Наследия», сэр! Они нашли в Москве могилу Шаро Предрекшей, у которой, как известно, могилы никогда не было. Там, под

плитой, был пенал с координатами. Это широта, сэр. Долгота лежит под такой же могилой, принадлежащей доктору Уэйну, у которого тоже могилы нет. И эта могила здесь, в окрестностях Лос-Анджелеса. Русские даже сделали карту. У них есть текст мемориальной таблички, так что это место можно найти. Они уверены, что оно существует, так как то, что было в Москве, лиги считали своей святыней. Наверняка они берегут и это место, сэр!

Внезапно Купер приподнялся на кровати и схватил полковника за руку:

– Мы должны найти его, сэр! Отправьте туда отряд! Танки, технику, людей! К дьяволу эту базу! Она уже никому не нужна, у нас есть «Наследие»! Теперь мы изменим этот гнойный мир калек и инвалидов! Мы дожили до этого дня! Я дожил! К черту скафандры...

Речь капрала стала бессвязной, он рухнул на койку и забился в горячем бреду, корчась от боли.

– Боюсь, что это все, – мрачно констатировал врач, – вряд ли нам удастся привести его в здравый рассудок еще раз.

– Этого достаточно, док, – ответил полковник, с трудом отдирая от себя вцепившуюся мертвой хваткой руку капрала, – вколите ему дозу морфина. Самую роскошную дозу, какая только может помочь ему обрести вечное счастье и покой. Он не заслужил провести свои последние минуты в страданиях.

– Да, сэр! – отрапортовал доктор и кивнул одному из медиков.

Тот достал ампулу, загнал ее в инъектор и с сухим щелчком сделал умирающему капралу укол. Конвульсии Купера стали замедляться, мышцы расслабились, наконец он замер, и на его губах появилась блаженная улыбка. Капрал остановил взгляд на полковнике и затих.

Полковник посмотрел на Мэрфи:

– Идемте, капитан. Пора разобраться с бумагами русских. Все это очень... неожиданно. И штаб требует доклада, они уже проели мне всю плешь прямо через гермошлем!

Танк, лязгая гусеницами, развернулся вокруг своей оси и двинулся обратно, вдвое расширяя только что пробитую брешь в трехметровых зарослях токсичной растительности. Метрах в двадцати от него второй танк проделывал такую же операцию. Пара БМП и несколько джипов, оцетинившихся крупнокалиберными пулеметами, заняв круговую оборону, прикрывали отряд с тыла и флангов.

– «Браво-1», это «Танго-1», проход готов! – раздался в наушниках доклад танкиста.

Капитан Мэрфи отдал команду, отправляя солдат в образовавшиеся проходы, и еще раз сверился с картой. Сомнений нет, это где-то здесь, совсем рядом, сразу за стеной растительности. Если, конечно, русские не ошиблись, составляя карту. По крайней мере, штаб Альянса был в этом уверен. Они так опасались, что лигам стало известна цель экспедиции русских, что отдали приказ добыть вторую часть координат как можно скорее, используя все доступные ресурсы. Мэрфи усмехнулся, представив, как себя сейчас чувствует полковник, оставшийся на базе фактически без техники и самых боеспособных солдат. Тот факт, что штаб выслал к нему подкрепление, которое достигнет базы через каких-то восемь-десять часов, являлся слабым утешением. Ничего, полковнику небольшая нервная встряска пойдет на пользу. Все равно всю грязную работу, как всегда, делать ему, Мэрфи.

В общем-то, дорога сюда оказалась не такой уж и сложной. Занесенные землей и песком дороги и ямы, в которые дважды проваливалась техника, которую приходилось долго и мучительно вытаскивать. Повсеместно встречающиеся поросшие гигантскими ядовитыми зарослями развалины, покрытые мхом, к которому лучше не подходить без особой нужды. Столь непривычные для жителей Центров Колорадского Альянса и столь обыденные для Калифорнии деревья, как и везде, искореженные мутациями и облепленные канцерогенным грибом. Ну и давно уже ставшая частью его жизни смерть, незримо витающая в каждом миллилитре под завязку напичканного всякой ядовитой дрянью воздуха. В общем, в этом походе не было ничего такого, чего бы он не встречал раньше. Наоборот, почти прогулка. Ни облаков смертельно опасных насекомых, мгновенно забивающих дыхательные фильтры, ни бешеных стай представителей вечно голодной мутафауны, ни колоний термитов, пожирающих резинопластик скафандра, словно бумагу. Эти места были относительно спокойными, и именно этот факт больше всего тревожил капитана.

Раз природа здесь настолько дружелюбна, значит, тут живут лиги. Это закон, который он надежно усвоил за пять лет службы на базе, единственной во всей Калифорнии, волею Шаро Предрекшей еще не размазанной лигами тонким слоем по сухой глине давно погибшей почвы. Мэрфи был уверен, что секрет стойкости базы заключается в ее удаленности от еще живых почв и в нескольких десятках километров пустошей, лежащих вокруг. А вовсе не в огневой мощи десятка единиц тяжелой техники и пары минометных батарей. Две с половиной сотни солдат не смогли бы сдержать натиск нескольких тысяч вооруженных

лигов, возмись они за базу всерьез. Просто лигам есть откуда черпать нефть и без их вышек. А самое главное – на базе нет воды. Лиги не будут возить воду автоцистернами за три сотни километров, как это делают люди. Зачем им это, если они могут просто жить рядом с водой? В отличие от людей, для этих уродов смертельная окружающая среда – дом родной. Они не носят скафандры и не фильтруют сырую воду, от одного только глотка которой «чистый» человек если вдруг даже и не погибнет, то уж точно заработает себе статус «инвазивного». Вот поэтому их база жива до сих пор, только поэтому и никак иначе. И лично Мэрфи не питал на этот счет наивных иллюзий.

Однако сейчас его отряд был совсем не рядом с мощными и надежными укреплениями базы. Сотня вооруженных до зубов людей находилась в самом центре ареала диких лигов. Конечно, когти, клыки и дубинки мало чего стоили в бою против танковых орудий, автоматов и крупнокалиберных пулеметов. Атака безмозглых существ могла представлять угрозу, только если мутанты застигнут их врасплох, да еще с огромным численным перевесом. Но как раз в условиях, когда вокруг тебя стеной стоит многометровый сорняк и видимость с трудом превышает пару-другую метров, стоило быть максимально внимательным и предельно осторожным.

Его отряд преодолел заросли и оказался на сравнительно ровном месте. Видимо, когда-то здесь был или парк, или поле, или еще что-то более или менее облагороженное. Чахлые кривые деревья редко покрывали обширную поляну, со всех сторон окруженную токсичной растительностью.

– Сэр, похоже, тут ежедневно бывает не одна сотня лигов! – раздался в эфире голос одного из разведчиков. – Все вокруг вытоптано. Полагаю, последние лиги ушли отсюда совсем недавно.

– Их спугнул шум двигателей техники, – ответил Мэрфи, разглядывая следы, в изобилии рассыпанные вокруг, – наверняка поганые уродцы попрятались где-то неподалеку! Готов поклясться, что заросли вокруг кишат ими!

Он окинул взглядом окрестности и скомандовал:

– Занять круговую оборону! «Фокстрот-2» и «Фокстрот-3», работать по карте! Ищите эту чертову плиту! – И остановившийся отряд вновь пришел в движение, меняя боевой порядок.

Плиту нашли быстро. Надпись на ней совпадала с имеющимся образцом. Русские не ошиблись – она действительно была для уродов чем-то значимым. Все вытоптанные тысячами уродливых стоп широкие тропы

вели именно к ней. Трава вокруг потемневшей от времени и погоды каменной таблички, скромно выпиравшей из земли на пару сантиметров, была заботливо выщипана и подстрижена, судя по рваным краям, делали это не то зубами, не то когтями.

– Не поднимается! – Один из разведчиков попытался поддеть плиту лопатой. – Толстая. Надо взрывать, а то провозимся долго!

– Так сделай это, сержант! – недовольно поморщился Мэрфи.

Пока солдаты возились с установкой заряда, он отошел от них и вновь осмотрел окружающие небольшое поле заросли. Капитан махнул рукой танкисту, с любопытством наблюдающему из танкового люка за возней разведчиков у загадочной плиты:

– «Браво-1», разворачивайте огнемёт! – и добавил, подозрительно покосившись вокруг: – Не нравится мне все это дерьмо!

Танкист козырнул и разочарованно полез расчехлять укрепленный на танковой башне стационарный огнемёт.

– Капитан, сэр! – подошел к нему разведчик. – Заряды заложены!

– Взрывай.

В эфире раздалось предупреждение о подрыве, и сквозь гермошлем скафандра пришел глухой звук взрыва. На месте мемориальной плиты повисло небольшое облако пыли. Несколько солдат немедленно принялись отбрасывать в сторону куски разбитого гранита, кто-то начал орудовать лопатой.

– Ну что там, сержант? – Мэрфи направился к месту раскопок.

– Тут что-то есть! – Сержант отбросил лопату и ухватился руками за какой-то продолговатый предмет. – Сэр, похоже, это гранитный...

Истощенный крик боли в эфире заглушил его слова. Мэрфи мгновенно, повинаясь отработанному рефлексу, бросился на землю, изготавливаясь к стрельбе. Лиги появились бесшумно и абсолютно неожиданно, огромным потоком выплескиваясь из зарослей. Ближайших к многометровой стене растительности солдат охранения буквально смело толпой.

– Беглый огонь! – заорал в эфир Мэрфи, вертясь волчком и пытаясь оценить сложившуюся вокруг обстановку. – Огнемету работать по ближайшим кустам!

Стоящая вокруг тишина мгновенно взорвалась грохотом боя. Автоматные очереди потонули в оглушительном уханье танковых орудий и дробном перестуке крупнокалиберных пулеметов. Первую волну лигов практически сразу перепахало взрывами, свинцовый ураган в считанные секунды безжалостно вырезал толпу, неуклюже, но упорно бегущую на искалеченных мутациями конечностях, стремясь во что бы то ни стало

добраться до людей. Лиги не останавливались и не поворачивали назад, казалось, что инстинкт самосохранения им просто не знаком. Еще полминуты назад ровная и аккуратная поляна быстро покрывалась рваными ранами воронок и истекающими кровью телами. Тупорылый раструб огнемета лениво выплюнул длинную струю напалма, по широкой дуге заливая заросли пылающей смесью, и воздух быстро затянуло клубами ядовито-зеленого дыма.

Спустя десять минут на землю, усыпанную залитыми кровью трупами, упал последний лиг. Отряд еще некоторое время ожидал появления врагов, но вокруг было пусто, заросли больше не подавали признаков жизни, и только треск горящего напалма нарушал неожиданно наступившую звенящую тишину. Мэрфи поднялся на ноги и огляделся. Бой был окончен. Похоже, им пришлось перебить всех лигов в округе, чтобы добраться до этой плиты. Он отдал команду зачистить территорию и доложить о потерях и поспешил к разведчикам, которые держали оборону возле обломков плиты, где застала их атака лигов.

Из проводивших раскопки солдат в живых осталось лишь двое. Нескольких человек сейчас доставали из-под горы трупов, рядом с куском плиты лежал сержант, напичканный стрелами и дротиками, словно подушка для иголок. Мэрфи наклонился к нему и забрал из мертвых рук цилиндр из темного гранита. Значит, здесь действительно что-то есть. Будем надеяться, что русские не зря отдали богу душу перед самой целью своего путешествия, пройдя через всю свою дикую страну и преодолев океан, а взвод Пауэрса, Купер и его люди не просто так погибли в этой гнойной дыре. А ведь правительство наверняка попытается избежать шумихи и по-тихому наложить лапу на эту информацию, это более чем в их духе. Как бы то ни было, но лично он держать все это в тайне не собирается. Капитан положил цилиндр в гермоконтейнер русских, к которому он уже начал привыкать, и отдал команду:

– Операция закончена, срочная эвакуация! Уходим немедленно, шевелитесь!

Он подошел к танку и посмотрел вверх, на поднимающиеся высоко в небо клубы густого дыма. Если вдруг кто-то особенно тугой на ухо не слышал звуки боя, то лучшего способа его об этом оповестить не найдешь. Надо уносить отсюда ноги, и побыстрее. Если где-то неподалеку рыскают «вояки», то следующий бой запросто может оказаться далеко не таким успешным. А то и вовсе последним. Мэрфи еще раз окинул взглядом усеянную сотнями трупов поляну и полез на броню.

– Эй, там! Картрайт! Ты еще не свалилась оттуда, малышка? – зашипел помехами эфир. – Прием!

Дик оторвал взгляд от созерцания аризонской пустыни, бескрайним океаном раскинувшейся на многие сотни миль вокруг, медленно покачал головой влево – вправо, разминая затекшую в гермошлеме шею, и ответил на вызов:

– Не дожدهшься, Кэллуэй!

Ехидный Кэллуэй, рыжий детина, которого природа снабдила интеллектом более чем скудно, редко упускал возможность поиздеваться над Диком. А так как оба они числились в одном взводе, то в обществе Кэллуэя ему приходилось бывать намного чаще, чем хотелось бы. Вот и на этот раз рыжий придурок, обязанный сменить Дика на посту через четыре минуты, похоже, не очень-то торопился это сделать.

– Придется тебе пожариться там еще часок, Картрайт! – довольным голосом сообщил Кэллуэй. – Приближается поезд!

Дик посмотрел вниз, ища глазами Кэллуэя, но сделать это с высоты двухсот тридцати шести метров было не просто. Наконец он заметил маленький силуэт джипа, притаившегося в тени огромной трубы. Пара людей в скафандрах с такой высоты больше походили на прямоходящих муравьев.

– От силы полчаса! – поправил сменщика Картрайт. – Поезд уже недалеко, я отлично его вижу.

– Не-е-ет, – нарочито скептически протянул Кэллуэй, – час, час, никак не меньше! Я уже чувствую, как медленно движется поезд! Да и потом, надо же все проверить, мало ли что! Вдруг в вагон забрался какой-нибудь особо шустрый лиг? Ничего не могу для тебя поделать, Дикки, друг мой! Приказ лейтенанта, все на проверку состава!

– Там и без тебя есть кому проверить! – скривился Дик. – Ты бы лучше думал о своих обязанностях.

На мгновение ему даже показалось, что он прямо отсюда видит довольную рожу Кэллуэя, уверенного в своем неотразимом остроумии.

– Приказ начальника – закон для подчиненного! Не смею ослушаться! – Голос Кэллуэя не скрывал злорадства. – Да ты не беспокойся за меня, Дикки! Не то еще свалишься оттуда от волнения! А ведь тебе еще нести службу целый час! Увидимся, девочка моя! – заржал он. – А пока развлекайся! Можешь почитать мне вслух какую-нибудь древнюю китайскую поэму! Люблю, знаете ли, поэзию после обеда! Особенно на китайском!

К смеху Кэллуэя присоединилось несколько голосов, изнывающая от

скуки дежурная смена охраны завода не могла пропустить это шоу очередной издевки над Картрайтом. Все-таки, какое-никакое, а развлечение среди унылой службы, погруженной в душную июньскую жару. Дик промолчал и обреченно проводил взглядом крошечный силуэт джипа, покотившего к заводским укреплениям. Теперь придется проторчать на этой чертовой трубе на час больше. Кэллуэй наизнанку вывернется, но найдет способ протянуть резину, в этом можно было не сомневаться. Прибытие поезда – хоро-ший предлог.

Дик поднес к гермошлему бинокль и принялся наблюдать за приближающимся составом. Тепловоз, тащивший тройку груженных углем вагонов и пару оружейных платформ, издавдала напоминал Дику игрушечную железную дорогу, которую дядя Хо подарил ему на восьмой день рождения. За двести лет игрушка прошла через руки не одного десятка мальчишек и в итоге представляла собой кучу мусора, но трудолюбивый Хо умудрился придать ей былой вид. Он кропотливо, часами, порой засиживаясь до глубокой ночи, возился с клеем, паяльником и краской, реставрируя изломанные затертые вагончики, смятые рельсы и разбитые семафоры. В конце концов в комнате у Дика появилась почти точная копия железной дороги от завода до угольного разреза Черной Мессы. Даже прицепных вагончиков было три, прямо как на самом деле. И две боевые платформы, одна впереди локомотива, другая замыкающая состав, точно как взаправду оцетинились пулеметами и сверкали стальными клепками бронеплит пассажирских блоков. Вот только восстановить у игрушки электропитание было уже невозможно, и маленькому Дику приходилось двигать поезд вручную. Но это занятие никак не смущало ребенка, наоборот, оно приводило его в восторг, и даже было время, когда Дик хотел стать машинистом, после того как вырастет...

Тем временем состав приблизился к проверочной отметке, и Дик приложил к гермошлему руку, нащупывая затянутой в перчатку скафандра рукой переключатель дальней радиосвязи.

– «Состав-1», это «Наблюдатель-1», вы приближаетесь к поясу безопасности, вижу вас хорошо, подтвердите прием! – Картрайт огласил стандартную формулировку радиопереговоров согласно действующей инструкции.

– «Состав-1», это «Наблюдатель-2», вижу вас хорошо, прием! – продублировал его запрос наблюдатель с поста на второй трубе. – Как дела, Сэм?

– Это «Состав-1», прием уверенный! – послышался в эфире голос начальника поезда. – У нас все в порядке, рады вернуться домой! Я успел

соскучиться по вашим уродливым физиономиям, и даже по твоей, Уолт! Хотя жаль, что ты так и не свалился с этой чертовой трубы!

– С возвращением, Сэм! – откликнулся наблюдатель со второй трубы. – Я тоже тебя очень люблю! Мои чувства постоянно разрываются между тобой и моей Дороти!

В эфире снова раздался смех. Уолт, дежуривший сегодня на второй трубе, и начальник поезда были давними приятелями, и их шутливые перебранки давно стали чем-то вроде ритуала в дни возвращения шахтерской экспедиции.

– Иди к черту, Уолт! – сварливо отшутился начальник поезда. – Я люблю только свою жену! Ну, и еще немного твою!

Эфир вновь загоготал.

– А не пальнуть ли мне в чье-то толстое пузо? – театрально-задумчиво произнес Уолт, перекрывая смех.

– Отставить разговоры! – прозвучал голос заводского управляющего, и смех мгновенно стих. – Как прошла экспедиция, мистер Райс?

– Спасибо Шаро Предрекшей, очень хорошо, сэр! – немедленно откликнулся начальник поезда. – Возвращаемся груженные под завязку!

– Превосходно! – ответил управляющий. – Добро пожаловать домой!

Железнодорожные ворота в укреплениях завода открылись, пропуская состав, и тотчас же захлопнулись вновь. Спустя несколько минут началась разгрузка угля и выгрузка экспедиции, эфир заполнился рабочей суетой, и Дик снова принялся разглядывать окрестности, стараясь держаться в спасительной тени небольшого навеса. В почти сорокаградусную жару маленький тент, сооруженный кем-то когда-то очень давно из куска фанеры, был единственной защитой наблюдателя, засевшего на вершине огромной трубы, от палящих солнечных лучей. Система терморегуляции скафандра едва справлялась с тем, чтобы запечатанный в армированный резинопластик человек не превратился в жаркое.

Дик оглянулся назад и посмотрел на раскинувшийся внизу желтый квадрат Центра Сохранения Генетических Ресурсов «Пэйдж». Хотя это и третий по численности из четырех Центров, некогда объединившихся в Колорадский Альянс, но значение его производственного комплекса по изготовлению угольных фильтров было сложно переоценить. Сам Дик считал свой Центр наиболее важным из всех, а недостаток населения он списывал на удаленность местонахождения и стычки с лигами. Да и как можно не оценить Центр, снабжающий Альянс первейшим средством выживания – фильт–рами? В «Пэйдже» делали все виды фильтров, от небольших сменных картриджей для индивидуальных скафандров до

огромных многокаскадников, использующихся в фильтровентиляционных установках Периметров. И уголь, основу основ фильтропроизводства, Центр «Пэйдж» добывал сам, не только удерживая единственное на весь Альянс месторождение угля, но и содержа в эксплуатируемом состоянии целую железную дорогу к нему. Пожалуй, с таким бесспорным героизмом мог сравниться только ЦСГР «Гувер», удерживающий нефтедобывающую базу в Калифорнии – самом логове лигов. Но «Гувер» – это столица, штаб Альянса. У них и возможности другие, и людей в три раза больше... Хотя служить на той базе Дик бы не хотел. Шутка ли сказать – Калифорния! Жуткое место, пострашнее набитых лигами гнилых лесов Флагстаффа.

Дик посмотрел на встроенные в скафандр часы. Его смена закончилась пятьдесят минут назад, а этот поддон Кэллуэй все еще не появился. Впрочем, Уолта с соседней трубы тоже не сменили. Видимо, Кэллуэй заступал на смену с одним из своих таких же дебильных дружков, и оба они решили использовать прибытие шахтерской экспедиции как возможность заступить на пост хотя бы на час позже. Надо признать, что торчать шесть часов на двухсоттридцатиметровой трубе в малоподвижной сидячей позе было занятием не самым приятным. За год службы Дик так и не избавился полностью от боязни высоты, хотя и стал воспринимать ее гораздо спокойнее.

Дядя Хо говорил, что еще до наступления хаоса, больше двухсот лет назад, на месте их ЦСГР «Пэйдж» лежал небольшой уютный городок с одноименным названием. Их центр даже вошел в историю «Сёрвайвинг Корпорэйшн» как единственный, построенный на месте города. Насколько можно понять из исторических документов, городок был настолько мал, а местность у плотины ГЭС настолько удобна, что концерн попросту выкупил у государства небольшой город в полном составе. К тому же это позволило избежать проблем со строительством на территории индейских резерваций. Центр «Пэйдж» обещал быть тихим и спокойным местом, где сотрудники «СК» могли бы без особых хлопот переждать свои триста лет, срок, предначертанный Великой Шаро, по истечении которого на планете наконец вымрут последние лиги. Кто бы мог подумать, что после наступления ха-оса, когда система ирригации Аризоны рухнула и штат превратился в мертвую, раскаленную солнцем пустыню, лиги смогут не только скопиться в ядовитых лесах Флагстаффа, но и успешно выживать в них. В результате Центр неожиданно оказался в опасной близости от самого крупного ареала обитания лигов в Аризоне.

Как следует из истории, полторы сотни лет назад лиги, собравшись в огромном количестве, совершили нападение на Центр. Сражение было

тяжелым, победа стоила Центру больших потерь и разгерметизации фильтропроизводственного комбината, в котором с тех самых пор все работы велись только в скафандрах. То нападение отразили. Благо в те времена в ЦСГР жило гораздо больше людей, чем сейчас. По документации Центр вообще рассчитан на миллион человек, но представить себе такое количество народа у Дика никогда не получалось. Население всего Калифорнийского Аль-янса не дотягивало до восьмиста тысяч, а тут миллион в одном Центре! Неужели когда-то в каждом центре жило столько людей! Вспомнишь тут предречения Шаро Великой...

В общем, после того жуткого нападения система обнаружения противника была серьезно пересмотрена. Производящий фильтры комбинат располагался на базе мощной теплоэлектростанции, некогда снабжавшей энергией добрую часть Аризоны и заброшенной с наступлением хаоса. Три огромные трубы ТЭС, возвышавшиеся над пустыней, до этого бесхозные, быстро приспособили под наблюдательные пункты, установив на их верхушках смотровые площадки, оснащенные прожекторами и приборами ночного видения. По стенам труб проложили механические лебедочные подъемники. Как видно из документов, эта мера не оказалась лишней, с тех пор наблюдательные пункты, установленные на трубах, многократно спасали Центр от внезапного нападения лигов. Дик и сам один раз видел на горизонте отряд лигов и, согласно инструкции, подал сигнал тревоги. К счастью, лиги в тот день к Центру приближаться не стали. Так что служба в отряде наблюдателей была хоть и рутинной, но весьма почетной.

Правда, к настоящему времени из трех наблюдательных постов функционировали только два, третья труба, наиболее подверженная воздействию ветров, стала слишком ненадежной, даже несмотря на все попытки ремонтников содержать ее в порядке. Положа руку на сердце, больше всего Дик было страшно не в те часы, когда он должен был смотреть вниз с огромной высоты, а в те минуты, когда он спускался или поднимался на трубу в тесной корзине подъемника. Воображение постоянно рисовало ему картины падения одна страшнее другой...

– Эй, Картрайт, ты там еще не спишь? – противно загнусавил в эфире голос Кэллуэя. – А то смотри, если тебе понравилось там сидеть, я могу прийти позже!

Дик собрался было что-нибудь ответить, но его опередил Уолт:

– Эй, вы, придурки, а ну быстро тащите свои задницы наверх! Не то, клянусь Шаро Предрекшей, в следующий раз я сменю вас на шесть часов позже!

Спорить с убеленным сединами ветераном никто не решился, и спустя десять минут Дик уже болтался в спускающейся вниз корзине подъемника. Вздрагивающая при каждом порыве ветра металлическая клеть, медленно ползущая вдоль отвесной стены гигантской трубы, уже не вселяла в Картрайта панический ужас, но на всякий случай он привычно закрыл глаза и прочел молитву Великой Шаро.

– Я так погляжу, мне стоит заранее готовить вторую порцию, сынок! – Старый Том, добродушный повар секторальной столовой, одобрительно смотрел, как Дик бодро уплетает тарелку пищевого компаунда. – Эвон как ты проголодался-то, сидючи на трубе! Того и гляди, съешь мое варево вместе с тарелкой! Хочешь добавки?

Дик виновато улыбнулся, расправляясь с последними остатками мутной белесой кашицы, и отодвинул тарелку.

– Ну... Если только позволяют лимиты... – неловко пробормотал он.

Хоть рота наблюдателей и имела усиленный продовольственный паек, но на полноценную вторую порцию его не хватило бы никогда. Странно, что старый повар так уверен в своих словах. Не иначе, начальство объявило праздничные надбавки к питанию по случаю успешного возвращения шахтерской экспедиции.

– Лимитов хоть отбавляй, сынок! – покровительственно заявил Том, направляясь к пищевому аппарату с новой тарелкой. – Какой подсластитель желаешь на добавку? Шоколад? Земляника? Ванильный ты уже ел.

– Если позволите, шоколад, сэр! – ответил Дик.

После смены, проведенной на трубе, он всегда испытывал жуткий голод, а в этот раз наверху пришлось провести лишний час, и Дик чувствовал себя так, словно не ел неделю.

– Позволю! – важно заявил повар. – А что? Тут, в столовой, я самый главный! Я и Президент, и командующий. Как скажу, так и будет!

Они с Диком негромко рассмеялись, и старый Том поставил перед юношей тарелку с добавкой:

– Вот, сынок, ешь на здоровье! Молодому организму нужно хорошо питаться, чтобы вырасти крепким в этом богом забытом мире. Эх, прав старина Хо – не та сейчас молодежь, не та! – Он покачал головой, глядя куда-то мимо Дика, словно всматриваясь в собственное прошлое. – Слабовата, хиловата, и все на одно лицо... Дай нам силы, Великая Шаро, пережить эти сто лет, не позволь свершиться своему самому страшному предречению...

Он печально замолчал, погружившись в свои мысли.

– Но почему же все на одно лицо, сэр! – тактично возразил повару Дик, пытаясь не дать старику грустить. В такие минуты старый Том превращался в немощного старца, раздавленного судьбой, на которого было больно смотреть, и Картрайту становилось очень жаль одинокого старика. – Правительство успешно борется с проблемой инбридинга, программа обмена генетическим фондом между Центрами дает отличные результаты!

– Эх, дети, дети! – грустно улыбнулся старик. – Все вам нипочем! Завидую даже. «Правительство успешно борется», «программа обмена», «отличные результаты»... – Он снисходительно посмотрел на Дика. – Любишь читать официальные сводки?

– Сэр, я долгое время серьезно занимался историей и хорошо осведомлен о динамике демографического показателя Альянса! – возразил Дик. – Программа Обмена позволила существенно замедлить темпы вырождения населения!

– Знаю, знаю! – скептически махнул рукой повар. – Президент все уши прожужжал за тридцать-то лет. Уникальная возможность остановить вырождение и все такое. – Он кивнул Дику. – Ты ведь и сам родился по этой программе. Потому и не похож так сильно на наши рожи. Только вот что я тебе скажу, сынок, вся эта программа-тоненькая соломинка, за которую мы вынуждены хвататься от безысходности. Я не видел твоего личного дела, но и так могу сказать, что донорский материал для зачатия был взят в Центре «Дэвис». И ты у нас тут не один такой!

– Как вы догадались, сэр? – удивился Картрайт. – Это вам дядя Хо рассказал?

– Ничего мне твой старик не рассказывал! – ворчливо отмахнулся повар. – Ты хоть раз был где-нибудь за пределами нашего Центра? Кроме своей трубы?

– Нет, сэр, – признался Дик.

– Вот то-то же! – наставительно поднял палец вверх Том. – А так бы ты мог запросто определить, где родился тот или иной гражданин Альянса, по чертам его лица. Вот я по твоему лбу и надбровным дугам прекрасно вижу, откуда был твой биологический папаша. И все остальные, кто хоть раз бывал в «Дэвисе», тоже это видят!

Повар грустно покачал головой и вздохнул:

– Вот во времена моего детства, шестьдесят лет назад, люди были не так сильно похожи друг на друга. И детей было побольше, и население погуще. – Он окинул невеселым взглядом огромное помещение столовой, явно предназначенное для гораздо большего количества едоков, чем можно

было увидеть тут даже по всеобщим праздникам, и вновь погрузился в свои печальные воспоминания.

– Большое спасибо, сэр! – Дик отодвинул пустую тарелку и взял в руки пластиковый стакан с водой. – Было очень вкусно! Вы самый искусный повар из всех, кто здесь работает!

– Нравится стряпня старого Тома, да? – довольно встрепенулся старик, мгновенно переключаясь на свою любимую тему. – Это все подсластители! Я синтезирую их по-своему, совсем не так, как другие! У меня есть свой личный секрет! Молодежи этого так просто не достичь, тут нужен опыт!

Он победно посмотрел на Дика:

– Напомни мне, когда у тебя гражданское совершеннолетие, сынок! Старина Том приготовит тебе особенную кашу, пальчики оближешь!

– Оно было год назад, сэр! – улыбнулся Дик. – Вы каждый раз меня об этом спрашиваете! Через неделю мне будет двадцать два, и мы с Хо с удовольствием попробуем вашу волшебную кашу на мой день рождения!

– Ах, да, да! – спохватился старик. – Ну, конечно! Припоминаю! – Он виновато развел сморщенными руками. – Ты уж прости старика. Возраст, возраст... – Том обернулся, увидев входящих в пустую столовую людей, и оживился: – Ладно, сынок, мне пора за работу. Увидимся позже, и передавай привет Хо!

– Конечно, сэр! Обязательно передам! – отрапортовал Дик, и старый Том засеменял навстречу пришедшим.

Дик отхлебнул воды и с удовлетворением отметил, что не чувствует привкуса обеззараживающих примесей. Видимо, пока он был на смене, на очистных блоках сменили фильтры и обновили картриджи с реагентами. В ближайшие пару недель вода будет особенно вкусной. Это было приятно уже само по себе, а учитывая стоящую в это время года внутри Периметра жару, так и просто божественно. Он вспомнил, как Хо рассказывал, что в других Центрах системы очистки воды обновляются далеко не так часто, как в «Пэйдже», ведь они не имеют своего фильтропроизводства и вынуждены экономить.

Картрайт вышел на улицу и направился домой по пустынным улицам Центра. В эти часы прохожих можно было встретить нечасто. Основная масса жителей была на своих рабочих местах, в основном располагающихся в подземных ярусах, у тех же, кто в это время дня не работал, нещадно палящее июньское солнце отбивало всякое желание выходить из жилых корпусов. Вот спустя пару часов после заката кое-кто выберется прогуляться, в основном молодежь. Завтра правительство Центра готовит автокараван в «Гувер», и помимо крупной партии фильтров

ожидается отправка группы мужчин по Программе Обмена генофондом. По сложившейся традиции, фамилии выбранных оглашались непосредственно за сутки перед отправлением, и народ любил поразвлечься, угадывая личности доноров. На этой почве в Центре несколько ушлых граждан даже организовали небольшой подпольный тотализатор, на существование которого правительство «Пэйджа» смотрело сквозь пальцы. Поговаривали, что Президент Центра негласно имеет с доходов букмекеров солидный процент.

Правда, ставки на определение личностей доноров были невысоки. Гораздо больший интерес вызвала возможность угадать фамилии женщин Центра, отобранных из множества поданных заявок для искусственного оплодотворения. Но ближайшее прибытие в «Пэйдж» доноров из других Центров ожидалось еще очень не скоро, и потому основной темой обсуждений был предстоящий караван. Говорят, в этот раз штаб Альянса запросил особо крупную партию фильтров самого широкого ассортимента. Не иначе ожидается прибытие самолета откуда-то с Севера или Востока страны. Всех живо интересовал вопрос, откуда именно прилетит самолет и какой ассортимент товаров будет выставлен на обмен. Вот на это и делались сейчас самые крупные ставки.

Сам Дик был уверен, что самолет должен прибыть с Севера. Ведь на Востоке страны, там, за безжизненной Центральной пустыней, образовавшейся на месте сожженных трансгенами штатов, когда-то обильно выращивавших ГМО, выжившие ЦСГР имели свою угольную шахту где-то в Западной Вирджинии. Точнее в том, что от нее осталось. А на обмен с востока привезут медикаменты, там эта отрасль развита получше нашего. Ну, а наши, кроме фильтров, скорее всего, выставят теленка. Недаром же четыре месяца назад штаб Альянса сообщал о выдающемся достижении биологов «Гувера», им второй раз за три года удалось получить полноценное потомство в секторе скота. На этот раз родилось сразу два теленка, небывалый успех. Наверняка один из них пойдет в обмен на натуральные семена или на антибиотики. Эта мысль представлялась Дику настолько очевидной, что он даже решил посоветоваться с Хо, а не сделать ли ему небольшую ставку.

Хо оказался дома. Старый китаец, опираясь на пластиковую трость, стоял у окна и созерцал внутренний свод Периметра.

– Здравствуй, Хо! Как твое здоровье? – приветствовал старика Дик. Хо выглядел неважно. – Ты так и не вышел на работу сегодня?

– Доктор дал мне больничный. Последнее время ноги плохо слушаются меня, – пожаловался китаец и, тяжело опираясь на трость,

развернулся лицом к Дику, – годы берут свое. Как прошла смена, сынок? Ты сегодня позже обычного. Ты поел?

– Спасибо, дядя, все хорошо. – Дик перешел на китайский. – Пришлось немного задержаться на службе, встречали шахтеров. Потом ходил на обед. Кстати, тебе привет от твоего приятеля Тома! Он сегодня дежурит в столовой, мы с ним разговорились немного, вот я и задержался!

– Я знаю, Дик, я разговаривал с ним по телефонной связи сегодня утром, перед сменой. В наши годы часто не спится, вот и надоедаем друг другу...

– Постой! Так ты и в столовой сегодня не был? – воскликнул Дик. – Значит, это твою порцию мне отдал старый Том? – запоздало догадался он. – Ты заранее с ним договорился! Зачем ты это сделал, Хо? Ты же болен, тебе необходимо регулярное питание!

– У меня нет аппетита! – отмахнулся старик. – Я стар и не нуждаюсь в таком количестве еды. А тебе надо хорошо кушать, ты молод, и твой организм должен получать обильное питание для полноценного роста. Я схожу на ужин вечером, когда спадет эта ужасная жара.

– Но как же... – возразил было Дик, однако Хо перебил его, недовольно нахмурившись:

– Оставим эту тему, сынок! Лучше расскажи, как вернулась экспедиция? С ними все в порядке?

Дик покачал головой, подумав, что впредь надо будет заранее уточнять в столовой, был ли старик на приеме пищи, но спорить не стал.

– Шахтеры вернулись без происшествий, – ответил он. – Я думаю, летняя жара подавляет активность лигов.

– Вряд ли дело только в этом, сынок! – Хо проковылял к затертому креслу и, кряхтя, уселся в него, зябко поджав ноги. – Их предки веками жили в этих местах, и жара для них вполне естественна. Просто их, как и нас, становится все меньше. Во времена моей юности стычки с лигами происходили гораздо чаще, а во времена молодости моего деда и вовсе ни одна шахтерская экспедиция не проводилась без боя.

– Предречение сбывается, – кивнул Дик, подбирая с дивана старый выцветший плед, – человечеству осталось пережить последние сто лет, и планета станет свободной от лигов.

Он подошел к старику и заботливо укутал ему ноги пледом. Старый Хо заменял ему отца с самого рождения, с тех самых пор, когда матери Дика одобрили заявку на участие в Программе Обмена генофондом. Рэйчел с Хо и сошлись во времена предварительных медицинских тестов на стадии отбора участников. Для обоих эта программа была последним шансом

завести ребенка. В предыдущем браке у Рэйчел роды были неудачными, на свет появился лиг, которого немедленно подвергли эвтаназии, согласно Уставу «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Тогда ее брак распался. У Хо дела обстояли еще хуже – лиги у него рождались дважды, и оба раза в различных брачных союзах. Как часто говаривал потом Хо, сама судьба свела его с матерью Дика в медицинском блоке в тот день. В результате тестов Хо к участию в Программе Обмена не допустили, его генетические пробы не отвечали необходимым требованиям, а Рэйчел все-таки получила донорскую инъекцию. Зато в отделе кадров Центра «Пэйдж» был зарегистрирован новый брачный договор. С тех пор Хо и Рэйчел не расставались до самой ее трагической смерти.

Собственно, именно гибель матери и повлияла на выбор карьеры Диком. До этого момента Дик твердо хотел стать историком-археологом, как Хо. Он окончил колледж, получив историческую специализацию, и бредил археологическими рейдами, раскопками и поисками технологических артефактов в полных опасности развалинах погибшей цивилизации. Он знал назубок все учебники и инструкции по технологии проведения археологических рейдов и помнил наизусть все рассказы Хо. От Хо ему досталось и знание китайского языка. Рэйчел никогда не препятствовала обучению сына, наоборот, даже приветствовала это, повторяя слова какого-то мудреца прошлого, сказавшего: «Знающий несколько языков имеет несколько ключей от одного замка». Друзья семьи только пожимали плечами, справедливо удивляясь столь своеобразной трате времени, – ведь разговаривать на этом мертвом для Альянса языке было не с кем. Хо был последним китайцем во всем «Пэйдже», если не во всем Колорадском Альянсе. Но самому Дикуну говорить на китайском даже нравилось. Это давало ему ощущение тайны, романтику их с Хо совместного знания, недоступного окружающим. Они даже Рэйчел, имевшую слабые способности к наукам, обучили довольно сносно говорить на китайском.

Все изменилось два года назад, когда погибла Рэйчел. Она была оператором подачи кислорода на добывающей уголь шахте в Черной Мессе. В то утро шахтерская экспедиция, в состав которой она входила, как обычно прибыла на месторождение и приступила к добыче угля. Ночью шахту атаковали лиги. Это было не простое нападение безмозглых диких мутантов. Ими руководили разумные лиги из ядовитых лесов Флагстаффа, многочисленные и вооруженные. Нападение удалось отбить, но экспедиция понесла серьезные потери. Почти половина людей не вернулась в Центр, среди них была и Рэйчел. В тот день Дик решил, что станет военным и

будет уничтожать лигов везде, где только увидит. Он подал заявку на военное обучение и год учился в армейском секторе. После окончания подготовки его распределили в роту наблюдателей, и с тех пор он вот уже год каждые двое суток нес шестичасовую вахту на одной из трех высоченных труб завода. Не совсем то, чего он ожидал, но новичков не брали в батальон охраны железной дороги. Надо было прослужить в армии минимум год. Этот срок истек совсем недавно, и Дик, неоднократно подававший прошения на перевод, надеялся на скорую смену места службы. Он с нетерпением ждал того дня, когда встанет за пулемет оружейной платформы шахтерского поезда. Часто во сне ему снилось, как он отражает бесконечные атаки кровожадных лигов, бросающихся на поезд. После таких снов он просыпался в твердой уверенности, что лиги, убившие его мать два года назад, все еще там, рыскают где-то в окрестностях шахты. Они выжидают удобный случай, чтобы снова напасть на экспедицию. Но час возмездия приближается, и очень скоро Дик заставит их заплатить за все.

– Спасибо, сынок! – поблагодарил его Хо, зарываясь ногами в плед. – Вот вроде жара стоит, а ноги зябнут, – пожаловался он, блаженно замирая в кресле, – так-то лучше! А предречение, оно, конечно, сбывается. Но ведь Шаро Великая предрекла не только вымирание лигов. Разве ты забыл, чему я учил тебя?

– Я все отлично помню! – возразил Дик. – Великая предрекла вырождение и гибель человечества еще до исчезновения лигов. Но ведь именно ради выживания людей «Сёрвайвинг Корпорэйшн» создало ЦСГР! Остатки человечества, укрывшиеся в Центрах, переживут трехсотлетнее господство лигов и выйдут в мир после смерти последнего из них, чтобы возродить планету! Разве не в этом заключается сам смысл программы ЦСГР? Я считаю, что предречение Шаро о гибели человечества было признано ошибочным вполне правильно!

– А вот это уже как посмотреть! – философски заметил Хо. – Если уж быть совсем точным, то Шаро не ошиблась. Ведь она сделала свои предречения еще во времена запуска в эксплуатацию Центров первого поколения. Они были выстроены в национальных парках, заповедниках и прочих экологически чистых зонах тех времен и не имели ни герметичного Периметра, ни автономного энергообеспечения. Ну, и где все они теперь? На их местах сейчас рассадники лигов! Самые их логова! Генетическое заражение добралось до них, как и было предсказано! Так что по большому счету, ЦСГР второго поколения – это не убежища для выжившей части человечества, это убежища для выжившей части сотрудников «Сёрвайвинг

Корпорэйшн». Так что предречение вполне можно считать свершившимся, по крайней мере, отчасти.

– Но ведь «Сёрвайвинг Корпорэйшн» – это тоже люди! – возразил Дик. – Разве мы с тобой, их потомки, чем-то отличаемся от тех, кто жил до наступления хаоса? Мы и есть то самое Человечество, которое дождется вымирания лигов и выйдет за стены Периметров, чтобы возродить мир!

– Мне бы очень хотелось, чтоб так оно и случилось, Дик! – Хо устало закрыл глаза и потер их руками. – Только реальность не очень-то обнадеживает. – Старик посмотрел на Дика грустным взглядом. – Человечеству, а точнее его остаткам, осталось выждать взаперти еще сто лет, и лиги вымрут. Это большой срок, сынок! Успеем ли? Да, численность лигов падает в разы с каждым новым поколением. На момент наступления хаоса в мире насчитывалось восемь миллиардов людей, как лигов, так и чистых. Сколько их осталось сейчас, мы можем только гадать, основываясь на прогнозах и теоретических расчетах. Считается, что сейчас на оставшихся на планете пригодных для жизни землях, затерянных среди мертвых пустошей, проживает около ста миллионов лигов. И что спустя пятьдесят лет их будет не более десяти миллионов, а к исходу Трехсотлетия – не более ста тысяч на всей Земле. Да и те уже не дадут потомства и будут доживать свои последние годы. Вот тогда люди смогут покинуть Центры.

Старик пожевал губами, болезненно скривившись, и продолжил, иронично глядя на Дика:

– Все это так, я нисколько не сомневаюсь в истинности предречения. Но вот увещания и пропаганда нашего Правительства вселяют в меня гораздо меньше уверенности. Посмотри вокруг, Дик! Тебе не кажется, что наш Центр великоват для нас? Ведь в день его запуска сюда поселили миллион человек, сынок! Миллион! А сейчас тут живет едва сто тысяч! В основном взрослые люди и старики вроде нас с Томом, молодежи совсем мало! И при этом мы вынуждены строго расписывать продовольственные нормы, потому что выращиваемой в продовольственных секторах органики едва хватает для синтеза пищевого компаунда! Чистые животные и семена – это самая сильная составляющая из трех мировых валют наряду с топливом и медикаментами! Даже технологические секреты еще можно попытаться добыть из развалин городов, уж я, как историк, это знаю хорошо! Не один десяток археологических рейдов лопатой отмахал! А вот с чистым генофондом так не получается, Дик! Его не выкачаешь нефтяным насосом и не выдолбишь из угольной шахты! Подумай, сколько людей останется внутри Периметров Центров к исходу Трехсотлетия? Мы вырождаемся так же, как та горстка коров и клочок пшеничного поля, над

которыми дрожат наши биологи в подземных лабораториях! Но даже если, волею Шаро Предрекшей, какая-то часть из нас и доживет до великого дня Возвращения, чем именно они будут восстанавливать мир? Ведь в нем не станет только лигов! Но почвы по-прежнему будут бесплодными, вода – отравленной, растительность – ядовитой, а населяющие биосферу микроорганизмы – смертельно опасными. Как именно человечество собирается восстановить погубленную глупостью наших предков природу? Почему-то правительство об этом говорить не спешит.

– Потому что сейчас для нас главное – выжить! – решительно возразил Дик. – Человечество вот уже двести лет борется за свое право существовать, и ни враждебная биосфера, ни полчища лигов не смогли нас сломить! И мы продержимся последнюю сотню лет, назло всем! И выйдем за Периметры! И природу возродим!

– Чем именно? – Хо снисходительно улыбнулся. – Теми крохами, которые еще остались в наших биологических секторах? Этого не хватит, Дик, чтобы воссоздать целую планету. Боюсь, что мы съедим их еще до исхода Трехсотлетия. А то, что не успеем съесть, распродадим в обмен на бензин и патроны. Власть будет нуждаться в патронах и топливе для танков. Надо же чем-то держать в кулаке вышедших на волю граждан, когда Периметры станут бесполезны.

– Нет! – горячо возразил Дик. – Этого не может быть! Людей объединяет не власть, а борьба за выживание! И после Возвращения люди будут объединены идеей возрождения планеты! И правительство подготовится к этому! Недаром же действует Программа Обмена генофондом! Пусть сейчас это немного, но Программа действует всего тридцать лет! К исходу Трехсотлетия Центры обязательно накопят запасы чистого генофонда и восстановят биосферу!

– Ах, молодость, молодость! – улыбнулся Хо. – Неистребимый оптимизм и святая наивность! Хотел бы я, чтобы твои слова были столь же вещими, как предречения Шаро Великой. – Он потянул плед и укрыл себе плечи. – Что-то мне зябко, сынок. Ты не согреешь мне кипятку?

– Конечно! – ответил Дик. – Тебе какой подсластитель, малина, тмин или, может быть, мяту?

– Мяту, – прокряхтел Хо, плотнее закутываясь в плед, – и принеси мне еще один плед, если тебе не трудно.

Дик почувствовал, что давно уже покрылся испариной от стоявшей в квартире духоты, и понял, что заслонки системы центрального кондиционирования плотно заперты. Видимо, Хо стало холодно, и он закрыл их.

– Ты не болен? – Дик положил ладонь старику на лоб, но повышенной температуры тела не почувствовал. – Как можно замерзнуть в такой духоте?

– Я здоров, сынок, – вяло улыбнулся Хо, – настолько, насколько это вообще возможно в мои годы. Это старость берет свое. Никудышная она штука, скажу я тебе...

– Перестань, дядя! – возмутился Дик. – Ты еще совсем не старый! И будешь чувствовать себя намного лучше, если перестанешь отказываться от еды! А твоему дружку Тому...

Громкий зуммер вызова оборвал Дика на полуслове.

– Дик Картрайт, для вас есть одно новое сообщение! – приятным женским голосом возвестила система оповещения.

– Сходи, погляди! – посоветовал Хо. – Может, что-то серьезное.

– Не раньше, чем напою тебя чаем! – заявил Дик и отправился к установке подачи питьевой воды.

Он вскипятил воду, налил старику большую кружку, добавил туда мятный подсластитель и отнес Хо. Потом он сходил в кладовую и достал второй плед. Он оказался еще древнее первого, и Дик с огорчением заметил, что одна из крупных потертостей провисла лохмотьями, фактически превратившись в дырку. Надо будет сдать в ремонт, возможно, там найдут чем залатать дыру. Он заботливо укутал сидящего в кресле старика и только потом подошел к компьютеру.

– Ого! – удивился Дик. – Сообщение из канцелярии Президента Центра!

Он развернул на мониторе текст и прочел вслух:

– «Уважаемый мистер Дик Картрайт! Канцелярия Президента Центра Сохранения Генетических Ресурсов „Пэйдж“ данным посланием уведомляет вас о том, что вы выбраны в качестве донора в Программе Обмена генетическим фондом Колорадского Альянса. Вы должны доложить о прибытии главному врачу медицинского сектора ЦСГР „Паркер“ не позднее трех суток со дня получения данного уведомления, согласно положениям Договора о Программе Обмена Альянса. Ваша фамилия включена в состав ближайшего автокаравана, следующего в ЦСГР „Гувер“. Вам надлежит быть на центральной погрузочной площадке завтра в шесть часов тридцать минут до полудня. Для совершения всех необходимых мероприятий по настоящему уведомлению вам оформлен восьмидневный отпуск от службы. Ваше начальство проинформировано. Для получения необходимых допусков и командировочного предписания вставьте вашу персональную идентификационную чип-карту в карт-

приемник и нажмите кнопку „ОК“... Не может быть! – изумился Дик, обращаясь к старику. – Я побываю за пределами „Пэйджа“!

– Поздравляю, сынок! – обрадовался Хо. – Это великолепно! Путь в «Паркер» лежит через весь Альянс, это отличный шанс увидеть мир! Кроме того, участникам Программы Обмена полагается двойная пищевая норма в течение пяти дней!

Дик обалдело перечитал уведомление еще раз. Вот это да! О таком приключении он не мог даже мечтать. Он сможет побывать во всех Центрах Альянса! Возможно даже, ему посчастливится увидеть прибытие самолета с Севера страны и посмотреть на его экипаж! Говорят, люди оттуда совсем не похожи на граждан Альянса. Он снял с шеи цепочку с персональной чип-картой и воткнул маленькую пластину в приемное гнездо компьютера. Спустя несколько мгновений на мониторе уже светилась заветная надпись: «Загрузка данных успешно завершена».

Очередной порыв ветра швырнул в колонну новую порцию песка, обдавая сидящих в открытом джипе людей с головы до ног. Дик привычным движением потряс головой и одновременно легонько постучал по гермошлему рукой, стряхивая песок с лицевого щитка. Пулеметный джип, на переднем сидении которого находился Дик, шел метрах в двухстах впереди колонны, проверяя местность. Когда рано утром Картрайт минута в минуту, точно в назначенный срок, явился на погрузочную площадку, где уже стоял готовый к выходу караван, он ожидал увлекательной поездки в комфортабельном грузовике или даже автобусе. Но полковник Браун, командовавший караваном, только хмыкнул, глядя на его командировочное предписание:

– Еще один из Программы Обмена? Хорошо. На время пути вы все поступаете под мою команду и включаетесь в состав роты охраны в качестве усиления. В караване каждое место на счету, и дармоедов мы не возим. Рядовой Картрайт, поедете в головном автомобиле. Доложите старшему машины. Выполнять!

Пусть это было и не совсем то, что представлял себе Дик, но одна только мысль о предстоящем путешествии приводила его в детский восторг. В джипе – так в джипе! Какая разница! Главное — это приключение, возможность увидеть мир.

– Первый раз в караване, рядовой? – Немолодой сержант, старший машины, скептически оглядел вытянувшегося по струнке для доклада Дика. – Взгляд у тебя до идиотизма счастливый.

– Так точно, сэр! – отрапортовал Картрайт. – Впервые, сэр! Буду

счастлив быть полезным Альянсу, сэр!

– Это хорошо, – безразличным тоном ответил сержант, – залезай в машину и слушай сюда. Протяженность дороги около восьмисот километров, точнее – семьсот семьдесят. Поедем через Юту, затем через Неваду. Так, может, и дольше, зато спокойнее, меньше шансов рухнуть на дно какого-нибудь каньона вместе с прогнившим мостом. Время в пути двенадцать часов, если, конечно, Шаро Великая сжалится над нами и ни одна из этих ржавых развалюх не сломается на трассе. Будем молиться, чтобы добраться в «Гувер» до наступления ночи. Основная часть маршрута проходит через пески и мертвые скалы, там вполне безопасно, лигов нет, мутафауна обнаружена только в двух местах, карта есть, изучишь по дороге. Так что график дежурств такой: два часа сплю я, ты наблюдаешь, потом два часа спишь ты, я наблюдаю. Водители меняются через шесть часов. За пятьдесят километров до Лас-Вегаса уже не спит никто. Вопросы?

– Никаких, сэр! – счастливо гаркнул Дик.

– Пулеметом пользоваться умеешь? – Сержант слегка поморщился от такого выплеска энтузиазма.

– Так точно, сэр! – снова заорал Картрайт. – Проходил подготовку в рамках необходимого минимума по применению...

– Достаточно, рядовой! – прервал его сержант. – Герметизируй гермошлем, пять минут до начала шлюзования. – С этими словами он отвернулся от Дика, потеряв к нему всякий интерес.

Первую половину пути Дик так и не сомкнул глаз, к вящему удовольствию сержанта, добросовестно проспавшему все это время. Впервые в жизни совершить путешествие длиной почти в восемьсот километров и все это проспать было, как минимум, святотатством. И Картрайт с неиссякающим любопытством разглядывал засыпанные песком окрестности, чей унылый и однообразный вид давно опостылел любому солдату из роты охраны каравана. Что очень хорошо подтверждал насмешливый взгляд водителя, время от времени скользящий по светящейся от восторга физиономии Картрайта.

Новичку здесь действительно было на что посмотреть. Эти места все еще хранили остатки былого великолепия, и Дик беспрестанно вертел головой, восхищаясь выступающими из песка резными скалами и огромными валунами самых причудливых форм. Когда-то давно, когда трансгенная зараза еще не сожрала здешнюю и без того немногочисленную плодородную почву, в здешних краях росли огромные разлапистые кактусы, а изрезанные мозаикой тысячелетних ветров скалы обрамлял

короткий ежик зеленой травы. Занимаясь в исторических архивах, Дик как-то нашел несколько старинных фотоснимков мест, подобных этим. И сейчас, глядя на бесконечное царства песка, его воображение дорисовывало картины давно канувших в лету пейзажей. Он вспомнил, как перед отъездом Хо настоятельно рекомендовал ему посетить центральный архив Штаба Альянса. Там хранятся исторические данные о столетиях, предшествующих хаосу. Вот где наверняка можно найти интересные фотоснимки и легендарного города Пэйдж, и даже этих самых мест, по которым сейчас идет караван.

Время от времени вдоль дороги попадались закопченные от давнишних пожаров развалины, почти скрытые под толщей песчаных дюн, и Дик пытался представить себе небольшие города, состоящие из утопающих в зелени небольших и уютных домов, аккуратных и почти кукольных. Один такой игрушечный домик он видел в детстве у девчонки из соседнего сектора. Двухэтажный, бежевого цвета с темно-коричневой узорчатой отделкой и ярко-зеленой двускатной черепичной крышей. Наверняка когда-то здесь стояли такие же. По вечерам в стрельчатых окнах загорался свет, и солидный отец семейства, загнав домой заигравшихся ребятишек, степенно задраивал кремальеру входного шлюза.

К сожалению, по едва видневшимся из песка развалинам было невозможно понять, что за здания стояли тут раньше, а движение колонны не оставляло времени на их изучение. Поэтому Дика больше интересовали причудливые формы каменных гряд и скалистых выступов, свысока взиравшие на движущуюся через пески колонну, словно огромные молчаливые часовые. «Вот для кого время практически не имеет значения, – подумал Картрайт, – они стояли здесь задолго до наступления хаоса, стоят сейчас и будут стоять тогда, когда истечет Трехсотлетие и придет день Возвращения. Для них, наверное, это секунды, которых они могут и не заметить, как не замечают сейчас Дика Картрайта, гордо мчащегося мимо в головном джипе самого настоящего каравана». С этими мыслями Дик воззрился на очередное витиеватое нагромождение камней.

Однако трястись шесть часов, запакованным в тяжелый боевой скафандр, в старом расхлябанном джипе под палящим солнцем оказалось намного труднее, чем спокойно сидеть это же время под навесом на наблюдательном посту заводской трубы. Утомительная дорога брала свое, тело внутри скафандра взмокло и чесалось, глаза слезились, а шея гудела от усталости. Дика все сильнее клонило в сон, но он стойко держался, стараясь не подать виду, чтобы не прослыть слабаком в глазах опытных ветеранов. В конце концов, над ним сжалился сидящий за рулем солдат.

Когда караван остановился для смены водителей и короткой передышки, он тихо хлопнул сержанта по руке и молча кивнул на Дика. Сержант бросил на него взгляд и только покачал головой.

– Рядовой Картрайт! Три часа сна. Я беру дежурство на себя. Лезь на заднее сидение.

– Сэр! Я не устал, сэр! – начал было оправдываться Дик. – Я могу вести наблюдение...

– Отставить разговоры! – оборвал его сержант. – К заходу солнца мне нужен свежий наблюдатель, а не размазанный по тарелке пищевой компаунд! Спать, рядовой! Это приказ! Выполнять!

– Сэр, слушаюсь, сэр! – откозырял Дик и плюхнулся на заднее сиденье.

Он уснул раньше, чем его гермошлем уперся в обтянутый рваным брезентом гнутый металлический каркас, заменявший подголовник истертому за многие годы сидению.

Проснулся он от неожиданно сильного толчка. Дик подскочил, нащупывая оружие, в первое мгновение не понимая, что происходит и где он находится.

– Расслабься, рядовой, – все тем же безразличным тоном произнес сержант, – лиги доберутся до тебя в другой раз. А сейчас сядь и не мельтеши.

Дик понял, что именно послужило причиной его беспокойству, – джип пошел задним ходом, и водитель, обернувшись, наблюдал за дорогой, глядя между задних кресел.

– Сэр, что произошло? – Дик усиленно заморгал, пытаясь разлепить слипшиеся во сне ресницы на левом глазу. – Мы возвращаемся?

– Ага, задним ходом! – хохотнул водитель. – Так и поедем до самого «Пэйджа»!

– Сдадим немного назад, чтобы не увеличивать дистанцию, – объяснил сержант, – один из грузовиков встал, будем ждать, пока механики устранят поломку.

Дик сконфузился, поняв, что сморозил глупость, и вжался в сидение, стараясь не закрывать обзор водителю. Джип приблизился к каравану на расстояние прямой видимости и остановился. Экипаж автомобиля выбрался из машины, воспользовавшись возможностью размяться. Дик прислушался к радиоэффиру.

– «Чарли-8», что там у вас? – раздался голос полковника Брауна. – Сколько можно возиться с определением поломки?!

– Сэр, похоже, от старости лопнула промежуточная ось, сэр! –

ответили ему. – Спасибо Шаро Предрекшей, что это была не ведущая пара! Так бы грузовик уже лежал на боку!

– Дьявол побери эту гнилую рухлядь! – выругался полковник. – Сколько времени займет устранение поломки?

– Постараемся успеть за три часа, сэр! Ремонтная группа уже приступила к работе.

– Слишком долго, Митчелл, слишком долго! – недовольно заявил Браун. – Успейте за два! У нас нет никаких гарантий, что это единственная поломка, а до «Гувера» еще триста километров! Если из-за вас мы встретим ночь на дороге, я лишу вас одного приема пищи!

– Слушаюсь, сэр! – прозвучал обреченный ответ. – Сделаем все возможное, сэр!

Механики устранили поломку за полтора часа, и колонна продолжила путь. Вскоре сержант объявил о приближении к зоне повышенной опасности, и караван прибавил ход. Дик спешно приготовил штурмовую винтовку и принялся во все глаза смотреть по сторонам. Из-за поворота показались низкорослые заросли токсичной растительности, и он с тревогой посмотрел на сержанта, недоумевая, почему тот не становится за укрепленный на джипе пулемет.

– Убери винтовку, рядовой, и держись крепче! – словно отвечая на его немой вопрос, произнес сержант. – Этих тварей ты из нее не убьешь. По моей команде закроешь заслонку воздушных фильтров и перейдешь на резервный кислородный баллон. И не мешкай, а то Программа Обмена не дожидется своего героя!

Джип приближался к кустам, и вскоре Дик уже мог различить огромные полупрозрачные облака, висящие над растительностью. Буквально за считанные метры до облака сержант рявкнул:

– Закройте фильтры! Газу!

Дик торопливо защелкнул заслонку воздушного фильтра и принялся спешно регулировать подачу резервного кислородного запаса. В этот момент джип взревел изношенным двигателем и рванул вперед настолько быстро, насколько хватало его истрепанных многими годами эксплуатации мощностей. Картрайт не удержался и опрокинулся назад, размахивая руками в надежде ухватиться хоть за что-нибудь. Он свалился в багажное отделение и уцепился за стальную дугу, служащую автомобилю ребром жесткости.

– Я же сказал, держись крепче! – обернулся к нему сержант. – Ты в порядке, рядовой?

– Да, сэр! – ответил Дик, которого швыряло по багажному отделению

из стороны в сторону. – Держусь крепко, сэр!

Только сейчас он понял, почему водитель взял разгон прямо перед облаком, а не заранее. Буквально через десять метров дорога делала поворот, практически незаметный среди растительности. Видимо, водитель водил караваны далеко не в первый раз и хорошо знал маршрут. Дик пытался по-смотреть по сторонам, но отчаянно петляющий среди кустов джип не дал ему такой возможности. Пару раз крепко приложившись гермошлемом о борта автомобиля, Картрайт решил не рисковать целостностью скафандра и, упершись в стенки багажного отделения ногами, словно распорками, изо всех сил старался сохранять неподвижное положение.

Облако закончилось неожиданно. Дик, у которого свело от напряжения ногу, не сразу понял, что джип остановился.

– Вылазь оттуда, рядовой! – Картрайт увидел нависшего над собой сержанта, стоящего за бортом джипа. – Наша колымага выдержала гонку, и опасность миновала. Повертись пару минут на ветру на всякий случай, затем можешь открывать фильтры. И не забудь перекрыть резервный баллон, новички постоянно об этом забывают.

Дик неуклюже слез на землю, стараясь растянуть сведенную судорогой ногу. Наконец это ему удалось, и он облегченно вздохнул, в который уже раз привычно жалея о том, что в скафандре нельзя вытереть пот со лба. После этого он послушно потоптался вокруг своей оси, подставляя разные участки скафандра под порывы ветра, искоса бросая неуверенные взгляды на разглядывающего его в упор сержанта.

– Достаточно, сэр? – наконец отважился спросить Дик, почувствовав, что от вращения у него уже голова идет кругом.

– Баллон, рядовой! – недовольно напомнил сержант.

– Черт! – тихо ругнулся Дик. Пока он возился с ногой, успел забыть о баллоне. – Виноват, сэр! – Он торопливо перекрыл подачу кислорода и открыл заслонку воздушных фильтров. – Перекрыто, сэр! Разрешите вопрос, сэр?

– Спрашивай.

– Что это было, сэр?

– Кусты, рядовой, – буднично ответил сержант, – это были кусты. Только это не обычные ядовитые кусты. Мы называем их «очаровашками». Эта веселенькая травка в период цветения выделяет пыльцу, которая проходит сквозь фильтры максимум за двадцать секунд и очень быстро разъедает изнутри сначала твои легкие, а потом и все остальное, рядовой!

– А сколько длится этот период цветения, сэр? – Дик поежился,

представив, что было бы, не успей он закрыть воздушные фильтры.

– Не долго, – ответил сержант, – с марта по ноябрь.

– А не безопаснее ли тогда основные перевозки проводить в зимнее время, когда «очаровашки» спят? – не унимался Дик.

– В зимнее время караваны в «Гувер» не ходят, – уклончиво ответил сержант.

– Но почему, сэр? – удивился Дик.

– В любой момент из пустыни может прийти Серая Мгла, – суеверно поежился сержант, – говорят, она исходит из «Зоны 51». Мгла в считанные секунды накрывает Лас-Вегас целиком. И не только город, но и многие километры, прилегающие к нему. Если кто попал в Серую Мглу, то его уже никогда не найти. Она не оставляет после себя ни трупов, ни костей, ни пятен крови, ни машин или оборудования. Только голый песок и мертвые развалины... – Он прислушался к радиоэфиру и добавил: – А теперь в машину, рядовой, колонна прошла облако.

Дик подумал, что в езде в закрытых кабинах грузовиков и автобусов есть свои прелести, и полез в машину. Следующее поле «очаровашек» лежало на их пути через сто километров, но эту дистанцию караван проходил более четырех часов. Дважды колонна останавливалась из-за поломок, теряя драгоценное время, и полковник рвал и метал в эфире, подгоняя механиков. Его обещания лишить их приемов пищи суммарно уже превысили размер недельного продпайка, и ремонтная группа сбилась с ног, устраняя неполадки. В результате, когда головной джип вновь приблизился к зарослям «очаровашек» и сержант на полном серьезе предупредил, что в случае поломки автомобиля внутри облака всем необходимо немедленно покинуть джип и двигаться через поле бегом, попутно пытаясь взобраться на любую из мимо проходящих машин колонны, Дик испугался не на шутку. Он меньше чем за секунду захлопнул заслонку воздушных фильтров, открыл подачу кислорода из резервного баллона и намертво вцепился в поручни авто. Джип принялся метаться по ядовитому полю, отыскивая наименее разворочанные корнями участки дороги, и Картрайт каждую минуту ожидал какой-нибудь фатальной поломки. Несколько километров поля растянулись для него в добрую сотню миль.

Их джип прошел смертельно опасное облако без сюрпризов, однако на этот раз без трагедии не обошлось. В замыкающем колонну автомобиле погиб новичок, такой же участник Программы Обмена, как и Картрайт. Оказалось, что в момент входа машины в облако он закрыл заслонку воздушных фильтров, но с перепуга забыл открыть резервную подачу

кислорода. Когда в гермошлеме закончился воздух, рядовой стал задыхаться и, видимо машинально, по неопытности, вместо того чтобы активировать резервный баллон, открыл заслонку фильтров. «Очаровашки» разъели его изнутри за считанные секунды. Он даже не успел ничего сказать, и его жуткий душераздирающий вопль совсем недолго звенел в эфире. Кто-то из экипажа пытался ему помочь, рядовому закрыли фильтры и врубили подачу кислорода на максимум, но было уже слишком поздно. Новичок не прожил и тридцати секунд. Полковник принял решение произвести кремацию трупа прямо в скафандре, во избежание неоправданных рисков. Пока огонь разгорался, облизывая желтыми языками неподвижную человеческую фигуру, Дик пытался всмотреться в медленно плавящийся гермошлем. Но узнать погибшего ему так и не удалось, лицевой щиток изнутри был густо заляпан сгустками крови, в свои последние секунды солдат буквально выплевывал разъедаемые отравой легкие. После того как караван двинулся дальше, Картрайт еще долго оглядывался на чадающий грязно-черный столб дыма, поднимающийся из-за горизонта.

К Лас-Вегасу колонна подошла уже в полной темноте, ошестинившись стволами и лучами прожекторов. Практически полностью занесенный песком город в свете фонарей и прожекторов являл глазам Дика мрачное и зловещее зрелище. Зияющие разорванными глазницами оконных проемов разбитые остовы зданий все еще несли на себе следы огромных пожаров, бушевавших здесь пару сотен лет назад, когда погружившийся в хаос город остался один на один с жестоким невадским пеклом. Лишившийся воды и электричества, он быстро превратился в пожираемый нескончаемыми пожарами призрак. С тех пор здесь безраздельно властвовали пески, и это было главной опасностью пролегающего через город маршрута. В любую минуту могло произойти мгновенное оседание песочной массы в одну из многочисленных пустот разрушенной городской инфраструктуры, окажись в такой момент в этом месте автомобиль, или даже колонна, никто ничего не успел бы сделать. По словам сержанта, бывало, что целые участки пути, в добрую сотню квадратных метров размером, мгновенно уходили глубоко вниз, в один миг унося с собой огромные грузовики. Люди погибали мучительной смертью, погребенные заживо.

Но мертвый город таил в себе еще одну опасность, не менее угрожающую. С некоторых пор сюда повадились приходить «вояки». Они пытались вести раскопки на окраинах Лас-Вегаса, стремясь добраться до складов и ангаров крупной военной базы, существовавшей в том месте до наступления хаоса. В те годы нехватка работоспособного населения

достигла своего пика, и многие военные объекты по всей стране было попросту некому эвакуировать. Их старались законсервировать по мере сил и возможностей, что зачастую делалось наспех и недостаточными силами. В результате на заброшенных базах можно было найти много чего весьма ценного. ЦСГР «Гувер», располагающийся в шестидесяти километрах от развалин Лас-Вегаса, долгое время не рисковал посылать в опасный город археологические рейды, с одним только движением через город автокараванов хватало проблем. После того как развалины всех населенных пунктов в радиусе двухсот километров от «Гувера» были буквально выпотрошены и вылизаны на предмет поиска технологических артефактов, штаб Альянса решился отправить в Лас-Вегас поисковую партию. Первые же отряды, прибывшие к предполагаемому месту нахождения старой армейской базы, столкнулись с «вояками» и отступили, понеся потери. С тех пор Альянс предпочитал не соваться в город без крайней необходимости, высылая усиленные патрули только для прохождения торговых караванов, идущих в «Пэйдж».

Один из таких патрулей встретил их колонну на въезде в руины города. Дик почувствовал себя намного уверенней, глядя, как оборудованные крупнокалиберными пулеметами джипы патруля встраиваются в состав колонны. С такой огневой мощью их шансы на успех в случае столкновения с лигами значительно увеличивались.

Внезапно один из идущих в боковом охранении джипов надрывно взревел мотором, и в эфире раздался вопль:

– Оседание!!!

Дик оглянулся, пытаясь понять, в чем дело, и успел увидеть, как задние колеса джипа провалились в песок, словно в воду. Экипаж вставшего на дыбы автомобиля, пытаясь спастись, выпрыгивал из стремительно погружающейся в песок машины, стараясь оказаться как можно дальше от оседающей поверхности. Солдаты падали плашмя и пытались откатиться в сторону, не вставая на ноги. Замешкавшийся за рулем водитель не успел покинуть джип и спустя мгновение вместе с машиной исчез в глубине песчаной толщи. В образовавшуюся воронку со всех сторон хлынул песок, заживо погребая несчастного, и через несколько секунд на месте оседания осталось лишь небольшое углубление. Спасшиеся солдаты, откатившись подальше, осторожно вставали на ноги, опасливо ощупывая винтовочными прикладами песок вокруг себя. Один из джипов охранения остановился и по-добрал выживших, спеша нагнать уходящую вперед колонну. Только теперь, наблюдая за тем, как осторожно движется караван среди занесенных песком развалин, он понял, почему в

составе колонны не было ни танков, ни даже БМП. Командование опасалось, что городские пески не выдержат веса многотонных боевых машин. Даже тяжелогруженные грузовики шли через город с открытыми дверьми, втрое увеличив дистанцию между собой. В эфире соблюдался режим радиомолчания, люди, сжимая в руках оружие, не отрывали глаз от торчащих из дюн развалин.

К счастью, в дальнейшем обошлось без трагедий. Едва город остался позади, патруль умчался вперед, и караван увеличил скорость. Спустя час колонна достигла первых укреплений, преграждающих путь к Плотине Гувера. Глядя на грозно замершие в бетонных капонирах танки, Дик наконец-то вздохнул спокойно. Теперь караван был в безопасности.

К сожалению, разглядеть могучую платину ГЭС во всей красе Картрайт так и не смог. Ночь была безлунная, а на самой плотине тщательно соблюдался режим светомаскировки. До Калифорнии было рукой подать, и нападение лигов, а то и широкомасштабное наступление «вояк» могло последовать в любой момент. Поэтому, если подступы к плотине обильно освещались, пресекая малейшие шансы противника приблизиться незамеченным к передовым позициям пояса безопасности, то сама плотина была погружена во мрак. Освещение появилось лишь у самого Периметра Центра «Гувер», и Дик немного разочарованно разглядывал приближающийся приплюснутый купол из затертого песчаными бурями бронепластика, некогда прозрачного, но с годами приобретшего мутный желтоватый оттенок. После завершения шлюзования и процедуры обеззараживания, когда автомобили каравана парковались на главной погрузочной площадке, чувство разочарования еще более усилилось. Нет, Дик, конечно, знал, что все проекты Центров типовые, но чтобы настолько...

В ночное время суток мелкие различия не бросались в глаза, и создавалось ощущение, что он вместо того, чтобы прибыть в «Гувер», вернулся обратно в «Пэйдж». Даже духота остывающего под куполом воздуха была похожей на домашнюю. Те же гермокорпуса, те же улицы, такие же дистанции и расстояния. Из углубленного курса истории Дик помнил, что «Сёрвайвинг Корпорэйшн» строила для себя Центры в режиме острого цейтнота, и внутреннее обустройство последних из введенных в эксплуатацию сооружений закончилось буквально за год-полтора до наступления хаоса. Предков вполне можно понять, им было не до архитектурных изысков. Хотя о существовании по крайней мере одного кардинального отличия в учебных файлах упоминалось. Дик хорошо помнил, что конструкция верхней части Периметра была куполообразной в

жарких широтах и плоской двускатной в широтах снежных. Вроде бы эти формы лучше отвечали климатическим особенностям своих географических зон. С куполообразного Периметра песчаные наносы сметались порывами ветра, а плоский двускатный Периметр было легче очищать от снега уборочным командам. М-да, в снежных краях у служб, отвечающих за Периметр, хлопот не в пример больше, отметил Дик, хорошо, что волею Шаро Предрекшей ему повезло родиться в Аризоне.

Он поймал себя на мысли, что, погружившись в размышления, машинально идет к себе домой. Картрайт остановился и улыбнулся, представив себе, как удивились бы местные хозяева аналога их с Хо квартиры, если бы он заявился в ночи «к себе домой». Дик развернулся и направился в армейский сектор. Там он доложил дежурному офицеру и получил направление в столовую, а также ключ-карту от кубрика в казарме. В столовой он заметил первую разницу между столичным «Гувером» и отдаленным «Пэйджем». Во-первых, это выразалось в количестве людей, принимающих пищу. Несмотря на неурочное время, в столовой было много народа, раза в три больше, чем в столовой их сектора в самые людные часы. Присмотревшись, он узнал нескольких человек из состава их каравана, большая же часть присутствующих была ему незнакома, и даже черты их лиц были какими-то другими, отличающимися от привычных ему лиц людей родного Центра. Сразу ощущалось, что он находится в крупном Центре, располагающем огромным населением. «Гувер» вел круглосуточную активность в своем районе, и армейские подразделения прибывали и убывали к местам несения службы вне зависимости от времени суток. Вторым, менее приятным отличием, был вкус воды. Хо оказался прав, вода тут ни к черту не годилась. Слишком явный привкус химических реагентов, сразу видно, что фильтры меняют гораздо реже. Однако после утомительного путешествия в караване Дик был рад любой воде, и химический вкус местной гидросистемы не помешал ему напиться до отвала. Остановился он лишь тогда, когда почувствовал, что раздувшийся от воды желудок мешает ему дышать. Хорошо еще, что с водообеспечением в Альянсе нет проблем и не введено никаких лимитов, подумал Картрайт и отправился в свой кубрик.

Там на дисплее системы связи его уже ждало сообщение. В восемь утра он должен был быть у главного входного шлюза Центра, у пункта формирования речных транспортов. Это известие вернуло Дик у ощущение романтики путешествия. Он поедет на настоящем корабле! Дик совсем забыл, что между Центром «Гувер» и Центром «Дэвис» существует регулярное судоходство! Между ними даже проложена линия

оптоволоконной связи! Семьдесят два километра по дну Колорадо! Эти два Центра, являющиеся ядром Альянса, живут в едином информационном пространстве и активно поддерживают и дополняют друг друга во многих жизненно важных проектах. Например, «Гувер» добывает нефть и изготавливает топливо, а «Дэвис» удерживает аэропорт, принимающий огромные грузовые самолеты с Севера и Востока страны! Дик пожалел, что позднее прибытие каравана не дало ему возможности более серьезно познакомиться с жизнью столицы, наверняка днем тут можно увидеть массу интересного. Но до отправления речного транспорта оставалось чуть более семи часов, и Дик, чувствуя огромную усталость после множества крайне нервных и весьма опасных ситуаций прошедшего дня, буквально рухнул на кровать, чувствуя, как после двойного ужина глаза закрываются прямо на ходу. Засыпая, он клятвенно пообещал себе, что на обратном пути найдет время и возможность побродить по столице.

Шлюзование завершилось, и входные ворота, громко скрипя изношенными узлами запираения, распахнулись, выпуская старый облезлый автобус наружу, навстречу дневному свету. Яркие солнечные лучи ударили в глаза, и Дик зажмурился, отпрянув от покрытого трещинами окна. Чтобы хоть как-то продлить оконному стеклу срок службы, ремонтники заливали трещины прозрачным полимером, отчего стекло начинало причудливо преломлять солнечный свет, еще более усиливая нагрузку на зрение. Картрайт привычно дождался, когда глаза адаптируются к яркому солнцу после пребывания под мутными сводами Периметра, и вновь прильнул к окну, не желая упустить ни малейшей детали из открывающейся перспективы.

Теперь, при свете дня, он смог рассмотреть окружающую местность во всех подробностях. ЦСГР «Гувер», как и все остальные Центры Колорадского Альянса, был вырублен в скальных породах на левом берегу реки Колорадо. Дорога от главных ворот Центра вела к плотине ГЭС, продолжалась по гребню дамбы и уходила далее, упираясь в железобетонные укрепления пояса безопасности. Дик отметил, что за дорогой следили, на старом потрескавшемся асфальтовом покрытии не было ни песка, ни ветровых наносов из земли и грязи. Автобус неторопливо прополз между скалистыми гребнями, сделал пару широких петель по извивающейся по горному склону дороге и въехал на плотину. Дик зачарованно смотрел по сторонам. По сравнению с плотиной у родного «Пэйджа», плотина Гувера была шире более чем вдвое и выглядела гораздо солиднее. Хотя... их высоты, как показалось Дику, были схожи, по крайней

мере слева, где стена плотины уходила к нижнему течению реки, пропасть тоже была метров в двести, не меньше. А в длину наша, пожалуй, и вовсе попростраженнее будет, подумал он, но в целом, конечно, не такая громадина. Он посмотрел направо, на бурое зеркало водохранилища, и вспомнил, как Хо рассказывал ему, что в очень давние времена, когда до наступления хаоса оставалось чуть ли не полвека, в яркие солнечные дни, подобные этому, водная гладь этих искусственных озер была изумрудно зеленой. До такой степени чистой была здесь вода в те времена. Дик только покачал головой. Сейчас такое представить непросто. Речная мутафлора выделяла настолько густые и вязкие токсины, что первичные каскады водоочистных фильтров начисто выедало меньше чем за месяц эксплуатации. Дик помнил, как их сосед по гермокорпусу, который работал в отделе обслуживания турбогенераторов ГЭС, постоянно сетовал на агрессивность водной среды, доставлявшей персоналу гидроэлектростанции массу хлопот. Сам Картрайт был на ГЭС всего лишь однажды, в рамках обязательной школьной программы. С тех пор он видел станцию и плотину только с высоты своего наблюдательного пункта, ведь завод по производству фильтров располагался с прямо противоположной от ГЭС стороны Центра.

Тем временем автобус пересек плотину и вышел на дорогу. Он миновал распахнутые ворота пояса укреплений и продолжил путь. Дик представил, как автобус с каждой минутой все дальше и дальше удаляется от армейских позиций, и ему стало неуютно. В этот момент что-то на мгновение закрыло солнце, легкой тенью скользнув по лицевому щитку гермошлема, и Дик посмотрел вверх. Вертолет! Вот это да!!! Он, затаив дыхание, провожал взглядом маленький пузатый летательный аппарат, описывающий в небе широкие круги. Такого чуда в Пэйдже не было. Последний четырехместный поршневой самолет, по словам лейтенанта, командующего его взводом, из-за ветхости сломался прямо в воздухе и разбился где-то в пустыне лет тридцать назад. А тут настоящий вертолет! Дик следил за винтокрылой машиной до тех пор, пока от яркого солнца в глазах не появилась резь и потекли слезы. Его настроение мгновенно поднялось. С такой техникой «Гувер» мог чувствовать себя в безопасности, недаром входные ворота военизированного пояса днем даже не закрывались.

Дорога сделала поворот, огибая гору, и вышла к небольшой развилке, сразу после которой стоял армейский блокпост. Его ворота были заперты, и пара укрытых в капонирах танков хищно протянула свои орудия в сторону пустошей. Дик узнал это место, именно через него их караван вчера ночью

входил в охраняемую зону «Гувера». Не доезжая до блокпоста, автобус свернул на развилку и покатился в обратном направлении. Дорога шла вдоль скалистого склона, все более понижаясь, и Дик понял, что в конце концов они должны будут выйти к нижнему течению реки. Мутную воду бурого цвета и речной причал он увидел спустя несколько минут. Снизу, от речного побережья, плотина Гувера выглядела фантастически колоссальной. Огромный белый полукруг дамбы, созданный из миллионов кубометров бетона, более походил на грандиозную волшебную морскую раковину из старой сказки, которую любила рассказывать Рэйчел, укладывая маленького Дика спать. Картрайт в очередной раз поразился величию погибшей цивилизации, способной запросто создавать таких исполинов.

На причале его и других пассажиров встретил речной чиновник и монотонным голосом прочел обязательный инструктаж. В целом ничего такого, чего бы Дик не слышал ранее: без необходимости не перемещаться, ничего не трогать, выполнять команды экипажа, никакой самостоятельности. Любопытство вызвал лишь последний пункт – в течение всего перехода не отходить от индивидуального спасательного средства. В случае падения в реку, первым делом, опираясь на спасательное средство, принять безопасное положение тела, чтобы воздушные фильтры находились над водой, затем, совершая гребковые движения конечностями, попытаться достичь берега и ожидать помощи. Оружие при себе иметь обязательно, по мере удаления от «Гувера» возможны обстрелы судна отрядами речных лигов, иногда совершающих вылазки в этом районе. В процессе инструктажа чиновник продемонстрировал образец спасательного средства – большой пробковый круг, перетянутый подгнившими веревками в местах многочисленных трещин и изломов. Дик с сомнением поглядел на это устройство последнего шанса. Навряд ли после падения в ядовитую воду оно кому-то потребуется. Он хотел было спросить, спасала ли эта штукавина жизнь хоть кому-нибудь, но решил, что умнее будет не задавать лишних вопросов. Тут, в «Гувере», люди регулярно занимаются судоходством, им виднее. Дома, в «Пэйдже», плыть некуда, а более рисковать, имея дело со смертельно опасной водой, было незачем.

Дик с любопытством разглядывал стоящие у причала суда, гадая, на каком из них ему доведется добираться до Центра «Дэвис». Старые проржавевшие плоскодонные катера со свисающими с бортов дырявыми шлангами помп, постоянно откачивающих воду из протекающих трюмов, представлялись ему величественными кораблями, способными покорить любое водное пространство. Наконец инструктаж был окончен, и чиновник

зачитал списки пассажиров, распределяя прибывших на автобусе людей по двум судам. Дикуну досталось то, что должно было отплыть первым. Он ловко прошел по качающемуся трапу и оказался на узкой палубе. Там пассажиров встречал один из моряков.

– Проходи на бак, не загромождай проход! – Он ткнул большим пальцем куда-то себе за спину и осторожно, но настойчиво подтолкнул Дика за локоть. – Твоя банка четвертая по правому борту.

– Куда идти? – растерялся Дик, непонимающе озираясь. – Я не брал с собой банки...

Моряк закатил глаза и сделал недовольную мину:

– Ступай в переднюю часть судна, рядовой, и садись на четвертое справа сидение. И держи оружие наготове. Шевелись! – гаркнул он и развернулся к следующему пассажиру.

Дик торопливо зашагал по узкому проходу, выполняя команду. Проход неожиданно закончился широкой носовой частью корабля. Ржавые борта были выложены мешками с песком, защищавшие пассажиров от пуль, сразу за мешками были установлены пластиковые лавки, намертво привинченные к палубе, под каждым посадочным местом лежал индивидуальный спасательный круг. Дик нашел намалеванную прямо на лавке цифру четыре и уселся на свое место. Судно быстро заполнилось пассажирами, и капитан через громкоговоритель возвестил об отправлении, еще раз предупредив, что пассажирам запрещается без особой команды заходить внутрь служебных надстроек катера. Ржавая посуда надрывно закашлялась, запуская дизельные двигатели, отошла от причала и начала движение, резко забирая к середине реки. Вслед за их катером метрах в двухстах пристроился второй, и путешествие началось.

Солнце, поднимаясь все ближе к зениту, светило безжалостно, и Дик выкрутил на максимум регулятор охлаждения системы климатического контроля скафандра.

– Побереги энергию, сынок! – услышал он чей-то голос, глухо пробивавшийся через стенки гермошлема.

Дик оглянулся. Рядом с ним сидел немолодой мужчина в скафандре техника. Он что-то говорил ему, но Картрайт не мог разобрать слов.

– Что вы сказали, сэр? – повысил голос Дик, нащупывая рукой тумблер включения ближней связи.

Техник отрицательно покачал головой, указывая ему на разъем общей сети катера.

– Черт! – вырвалось у Дика. Как он мог забыть о единой энергосистеме! Это же как в грузовике, поезде или в военной технике,

езде проложена сеть, для экономии ресурса скафандров. Он запоздало понял, что и в автобусе ехал на автономном ресурсе. – Секунду, сэр! Я сейчас...

Он торопливо вскрыл встроенный в поясной отдел скафандра блок коммутации и вытянул оттуда универсальный штекер.

– Подключился? – услышал он в наушниках голос соседа.

– Да, сэр! – сконфуженно ответил Дик. – Совсем забыл о единой сети. Мне редко приходится ею пользоваться.

– Новенький? – пригляделся к нему техник. – Из «Пэйджа»?

– Да, сэр, – удивился Дик, – как вы узнали, сэр?

– По твоему лицу, разумеется, как же еще! – пожал плечами сосед. – Ты ведь родился по Программе Обмена. Либо в «Дэвисе», либо в «Пэйдже». Но житель «Дэвиса» даже в твоём возрасте уже хорошо знает, что такое речной катер. Значит, ты из «Пэйджа». Там по реке не ходят, насколько я помню. Но транспорт-то вроде у вас есть?

– Совершенно верно, сэр, – улыбнулся Дик, – оба раза! И по реке мы не ходим, и транспорт у нас есть. Плавать нам некуда, а из транспорта я больше привык к открытым джипам, а в них нет единой сети.

– Ого! Штурмовая рота? – Техник с уважением посмотрел на Картрайта. – Да будет Шаро Предрекшая всегда благосклонна к тебе, сынок!

– Нет, сэр! – смутился Дик. – Для штурмовой роты я еще молод. Я служу в роте наблюдателей.

– А! Это те парни, что сутками сидят на дьявольски высоченных трубах и стерегут производство фильтров? – Сосед наморщил лоб. – Верно?

– Именно так, сэр! – обрадовался Дик. Что ни говори, а было приятно, что про их героическую службу знают даже в столице. – Двести тридцать шесть метров, выше, чем плотина Гувера!

– Отчаянные вы парни, – покачал головой техник, – а что, на такую высоту не стали тянуть общую сеть?

– Нет, сэр, – ответил Дик, – там, наверху, кольцевая платформа, на которой укреплено сидение наблюдателя. Ты должен периодически тянуть за поручни, перемещая себя по платформе вокруг трубы, чтобы осуществлять обзор в широком секторе. Такая конструкция слишком сложна для подключения сети, да и тянуть сложно, высота большая, и прочность трубы уже не та.

– Да, отчаянные вы ребята, – повторил техник, – настоящие храбрецы. Я бы на такое ни за что не решился, висеть на чертовой трубе сумасшедшей

высоты. Не дай бог, какая железка не выдержит – костей не соберешь!

– Там предусмотрена двойная страховка, – улыбнулся Дик, – хотя да, поначалу страшно. Зато там есть тент, и солнце не пытается зажарить тебя заживо, как здесь! – Он кивнул в сторону раскаленного солнечного пятна.

– Это не от безделья, сынок! – качнул головой техник. – Стены каньона очень высоки, погляди, мы плетемся по самому дну. Если над головой натянуть тент, как ты заметишь засаду лигов где-нибудь на верхушке гребня?

– Как-то я не подумал об этом, – признался Дик, – а часто такое бывает?

– Здесь нет, – техник вытащил из-под лавки спасательный круг и приспособил его сзади, соорудив нечто вроде спинки кресла, – местные лиги в основном орудуют за хребтами, потому мы и ходим по реке. Так безопаснее и дешевле – катера идут вниз по течению на малом ходу, экономят топ-ливо. Медленно, но верно, как говорится. А чтобы прорваться к «Дэвису» по дорогам, нужна хотя бы пара танков или БМП, а гонять туда-сюда тяжелую технику несколько раз в день – это никакого топлива не напасешься. Хотя иногда лиги, бывает, постреливают с высоты по проходящим судам.

Он облокотился спиной на спасательный круг и блаженно вздохнул:

– Вот так-то лучше! – Техник сложил ладони тыльной стороной на гермошлеме, закрываясь от солнца, и продолжил: – Вот от «Дэвиса» до «Паркера» речной путь не подарок, там атаки на катера не редкость. В прошлом году уродцы даже утопили головной катер, второе судно едва успело подобрать людей, да и то не всех. Потому катера и ходят парами.

– В тех местах настолько опасно? – задумался Дик, прикидывая, что проблемы на его пути в «Паркер», похоже, еще не закончились.

– Там река проходит через Мохав – ареал обитания речных лигов, – ответил техник, – «Паркеру» вообще не позавидуешь, вокруг него что выше, что ниже по течению, все облеплено этими вонючими уродами. У них даже есть весельные лодки, снуют между берегами и вниз по реке, к Юме, у них там что-то вроде столицы. В вечном окружении, сам понимаешь, «Паркеру» живется не сладко. Если бы не основное производство медикаментов, возможно, стоило вообще бросить этот Центр.

– Как это бросить?! – изумился Дик, – там же люди, генофонд, фермы!

– Да нет там толком ничего уже давно, – отмахнулся техник, – все съели, кроме этих чудо-грибниц. Населения и пятидесяти тысяч не наберется. Запросто можно было бы расселить в любом из Центров. Альянс

только и держится за него ради фармакологии.

– Но зачем тогда добираться туда по реке, если это так опасно? – удивился Дик.

– По дорогам бывает еще опаснее, – хмыкнул техник. – Там до Калифорнии рукой подать.

– А что Калифорния? – не понял Дик. – Ниже «Паркера» по реке идет граница с югом Калифорнии, там же сплошные пески. Это даже в школе проходят. Спустя пятьдесят лет после наступления хаоса заброшенные гидрологические объекты Общеамериканского канала, оставшиеся без обслуживания, рухнули один за другим, и канал высох. Весь юг Калифорнии – пустыня Мохав, Риверсайд, Империял, что-то там еще было, я уже не помню, – все это давным-давно мертвые пустоши, в которых нет ничего, кроме песка. До самого порта Сан-Диего так, разве нет?

– Так-то оно так, – согласился техник. – Только дороги никуда не делись. И по ним при желании можно добраться до Сан-Диего. И наоборот. А Сан-Диего – это, сам знаешь, вторая половина Сан-Франциско. «Вояки» лихо вдоль побережья по морю ходят... – Старый техник грустно покачал головой. – С тех пор как у «вояк» появился этот Круул, они совсем обнаглели. Говорят, разведчики видели их в районе Юмы. Если Круул подомнет под себя колорадских лигов, для Альянса наступят тяжелые времена!

Он печально вздохнул и, секунду помолчав, неожиданно улыбнулся:

– Но теперь, спасибо Шаро Предрекшей, все изменится! Благо русские, спаси господь их несчастные души, крепко наступили на хвост уродцам, возомнившим себя хозяевами морей. Пока они залижут раны, мы отыщем «Наследие» и очистим этот мир от них и их гноя. Теперь уже не долго осталось ждать.

Эта фраза разочаровала Дика. Он решил, что перед ним один из тех наивных простаков, что верят в старую легенду о «Наследии» Шаро Великой. Дома, в «Пэйдже», приверженцы этого направления даже организовали своего рода сообщество поклонников идеи «Наследия». Говорят, в последнее время это течение становится все более популярным в Альянсе. Как несостоявшийся историк, Дик хорошо знал, что эта легенда – не более чем вымысел лигов, прижившийся в веках благодаря своей идеологии. Шаро Великая спрятала где-то свое «Наследие», таинственное нечто, что излечит планету и избавит лигов от страданий. Причем легенда имела свой вариант в изложении «чистых»: «Наследие» очистит планету и уничтожит всех лигов. Ну как с такой благодатной почвой для работы фантазии особо впечатлительных индивидуумов не стать самой

популярной притчей пораженного мутациями мира? Подобное творение народного фольклора просто обречено на успех. Даже официальная наука, давно уже доказавшая, что никакого «Наследия» нет и никогда не существовало, особо не настаивала на правде. В наши суровые времена людям надо во что-то верить, и вера в «Наследие» была далеко не самым худшим вариантом, по крайней мере, она давала людям надежду. Одно только расстраивало: люди, верящие в «Наследие», были просто помешаны на нем. Они готовы часами отстаивать достоверность существования этой своей мифической панацеи. Во избежание долгой и нудной головной боли, спор на тему «А есть ли „Наследие“?» лучше не начинать. Дик тихонько вздохнул. Жаль, что его сосед оказался одним из фанатиков, до этого момента он казался весьма адекватным человеком и полезным попутчиком.

– Простите, сэр, что вы имеете в виду, говоря о русских? – Дик, не желая терять собеседника, попытался увести разговор от темы «Наследия».

– Я говорю о русском корабле, что привез координаты «Наследия»! – Техник посмотрел на Дика так, будто тот только что свалился с Луны.

– О корабле? – недоуменно переспросил Дик. Похоже, этой темы теперь не избежать. – Боюсь, что я не понимаю...

– Постой, да ты прибыл в «Гувер» вчерашним караваном! – запоздало догадался техник. – Ночью?!

– Именно так, сэр, – подтвердил Дик.

– Так ты ничего не знаешь?! – изумился сосед. – Да весь Альянс вот уже два дня только и говорит об этом!

– О чем, сэр? – терпеливо уточнил Дик. – К нам приплыл русский корабль? Но это же невозможно. Побережье заполнено лигами, их корабли постоянно курсируют между Сан-Франциско и Сан-Диего. Опаснее прибрежных вод только разве что сама Калифорния...

– Слушай! – перебил его техник. – К дьяволу лигов, их море и Калифорнию! Три дня назад штаб Альянса через спутник засек русский военный корабль, приближающийся к Лос-Анджелесу. За ним по пятам шла армада лигов. Штаб выслал с нефтедобывающей базы взвод разведчиков прямо в порт, встретить русских. Разведчикам удалось пробраться к порту, но помочь русским они не смогли. Русский корабль зажала армада лигов, говорят, уроды собрали сто кораблей! Русские дали бой, а разведчики поддерживали их огнем с берега. Благодаря нашей помощи было потоплено восемьдесят кораблей лигов! Русский корабль сгорел дотла, и его выбросило на берег. Разведчики проникли в него и отыскивали карту, на которой было отмечено место, в котором спрятана часть координат «Наследия»! Оно находилось в развалинах Лос-Анджелеса!

Другую часть координат русские нашли у себя в Москве и привезли с собой! Разведчиков преследовала тысяча «вояк», но одному из парней все-таки удалось дойти до нефтебазы. База выслала танки и технику, они прорвались через лигов, нашли отмеченное на карте место и получили недостающую часть координат! – Глаза техника пылали огнем даже через лицевой щиток скафандра, на лице отражалась целая буря эмоций. – Ты понимаешь, сынок? «Наследие» существует, и у нас есть его координаты!

В первую секунду Дик не поверил своим ушам. Он растерянно огляделся по сторонам и вдруг обнаружил, что все пассажиры катера смотрят на него. Его разговор с техником, идущий в общей сети, привлек всеобщее внимание.

– Не может быть! – выдохнул Дик. – Это... это потрясающе!

– Может, сынок! – воскликнул техник. – И это не просто потрясающе, это дар божий! Скоро все изменится, все вокруг! Мы будем дышать чистым воздухом, есть настоящую еду и навсегда забудем о скафандрах и Периметрах!

– А где оно находится, сэр? – спросил Дик. – Где это место, как выглядит? Что это вообще такое?

– Данные были зашифрованы! – Техник важно поднял вверх палец. – Сейчас штаб Альянса обрабатывает их. Как только местоположение «Наследия» будет определено, Президент выступит с обращением к гражданам Альянса. Наверняка правительство объявит набор добровольцев в рейд к «Наследию». Говорят, оно находится где-то в Канаде...

– Нет, оно в Мексике! – вмешался в разговор кто-то из пассажиров.

– Не в Мексике, а в Австралии! – поправил его другой.

– Все это ерунда! – К разговору подключился немолодой женский голос. – Мой кузен служит в секторе радиосвязи, он слышал от дежурного радиста, который принимал доклад нефтебазы штабу. «Наследие» в Индии!

Моментально вспыхнул спор, в который включились все пассажиры и даже члены экипажа. Одни утверждали, что «Наследие» находится где-то совсем рядом, другие наоборот, что очень далеко, кто-то даже заявлял, что совершенно точно знает, что спрятано оно в африканской пустыне. В конце концов Дик сделал вывод, что истинного местоположения «Наследия» не знает никто, по крайней мере, из присутствующих на корабле. Надо ждать президентского обращения, оно даст ответы на все вопросы. Вот будет здорово, если ему удастся вернуться в «Гувер» к этому моменту! Было бы чертовски обидно пропустить самое важное событие последних двухсот лет. До стоящего на отшибе «Пэйджа» новости доходят слишком долго!

Периферийное зрение уловило какое-то движение на скамейке рядом с

ним, и Дик посмотрел вниз. Из расколовшейся пластмассы торчал ржавый железный штырь.

– Что за... – недоуменно начал Дик, но его сосед уже сорвался с лавки, прижимаясь к наполненным песком мешкам.

– Лиги!!! – раздалось в наушниках, и спор мгновенно затих.

Людей буквально сорвало с лавок, они вжались в палубу, прячась за мешками, и оцетинились стволами. Дик, стараясь не высовываться слишком сильно, обшаривал взглядом нависшие над катером стены Гранд Каньона, но заметить стрелка так и не смог. Что-то промелькнуло совсем рядом с его гермошлемом, и он услышал глухой удар. Дик поспешно убрал голову за укрытие и оглянулся. Недалеко от него из палубы торчал второй штырь, похожий на первый.

– Мощный арбалет, – тихо произнес техник, буквально растекшийся за укрытием, – прицельно бьет с такого расстояния, погань уродливая, заранее пристрелялся!

Словно в подтверждение его слов в борт корабельной рубки одна за другой вонзились несколько арбалетных болтов. Спустя секунду на катер обрушился добрый десяток болтов из ржавого зазубренного железа.

– Черт! – воскликнул кто-то. – Откуда стреляют? Я ничего не вижу!

В этот момент с идущего позади катера дали пулеметную очередь, и его пассажиры открыли огонь по скалам. Кто-то из соседей Картрайта высунулся из-за укрытия и принялся стрелять куда-то вверх, остальные последовали его примеру. Дик вскинул штурмовую винтовку и дал пару коротких очередей, целясь в вершину гребня каньона, из которой сейчас множество пуль выбивало скальную крошку. На мгновение где-то там мелькнула пара неуклюжих горбатых силуэтов, ковыляющей походкой спешно отступавших от края обрыва, и стрелять стало не в кого. Дик растерянно повертел головой, пытаясь обнаружить врага, но так и не нашел ничего, кроме голых скал каньона.

– Прекратить огонь! – раздался в наушниках голос капитана катера. – Поберегите патроны, джентльмены!

Стрельба стихла, но люди еще долго не поднимались из-за укрытий, пристально вглядываясь в гребень обрывистых стен. Дик не сводил глаз с берегов до тех пор, пока катер не вошел в водохранилище Мохаве и достать его выстрелом с побережья стало невозможно. Только тогда Картрайт развернулся к лавке и с усилием выдернул из нее арбалетный болт. Неуклюже заточенный кусок проржавевшей арматуры вошел в пластик лавки на пару десятков сантиметров. Дик смотрел на лежащую в ладони железку и старался не думать, что бы было, если бы в тот момент он сидел

на пол–корпуса правее.

В ЦСГР «Дэвис» они прибыли далеко за полдень. Центр, как и положено, расположенный на левом берегу Колорадо, находился выше ГЭС по течению, и саму плотину Дик толком не рассмотрел. Зато внутри Центра к нему немедленно вернулось стойкое ощущение deja vu. Он зарегистрировался в армейском секторе и первым делом отправился на обед, где получил положенную ему по Программе Обмена двойную порцию. К хорошему привыкаешь быстро, отметил Дик, заканчивая возиться со второй тарелкой, вот будет невесело, когда это обжорство закончится. Он отодвинул тарелку и отхлебнул из стакана с водой. Меньше химикатов после «Гувера» в ней не стало. Что ж, издержки большого города, хмыкнул Дик и принялся неторопливо потягивать из стакана, разглядывая окружающих.

В столовой былолюдно. Не «Гувер», конечно, но сразу чувствуется, что население в Центре более чем вдвое превышает численность жителей «Пэйджа». Дик стал замечать, что иногда у него уже получается по чертам лица определять, откуда родом принимающие пищу люди. Он даже устроил своеобразную игру: угадывал, где родился тот или иной человек, сравнивая уже известные ему типы лиц и методом исключения пытаясь вычислить, как должны выглядеть граждане «Паркера», в котором он еще не был. За этим занятием его и застал посыльный.

– Рядовой Картрайт? – уточнил седовласый солдат, сверяясь с надписью на форменной нашивке Дика. – Вы должны немедленно явиться к дежурному офицеру сектора.

Дежурный офицер, невысокий полный майор лет пятидесяти, выслушал доклад Дика и воткнул его чип-карту в гнездо компьютерного терминала. Компьютер звякнул, майор, глядя на монитор, неторопливо произнес:

– Согласно сводке Программы Обмена, завтра вы должны быть в Центре «Паркер».

– Так точно, сэр! – вытянулся Дик.

– Вам повезло, рядовой! – заявил майор, поворачиваясь к нему. – Из участников программы вы один направляетесь в «Паркер».

Дик не очень понял, в чем же именно заключается везение, и ироничная ухмылка майора еще сильнее подстегнула зашевелившиеся в душе подозрения.

– Ты, наверное, сейчас гадаешь, что за везение свалилось на твою голову, сынок? – Майор вдруг стал нарочито серьезным. – Тебе когда-

нибудь доводилось летать на самолете?

– Нет, сэр... – растерялся Дик, никак не ожидая такого вопроса.

– Тебе предоставляется редкий шанс! – загоготал майор. – Полетишь в «Паркер» на самолете! Да убережет тебя Шаро Предрекшая!

– Сэр... – Обалдевший Дик не сразу собрался с мыслями.

– Ты, наверное, хотел сказать «Да, сэр!», рядовой? – перестал ржать майор.

– Сэр, да, сэр! – отрапортовал Дик, снова вытягиваясь по струнке. Он понял, что ничего не понял, однако нездоровое веселье старого майора явно не добавляло этой новости радужных перспектив.

– Вот и отлично! – подытожил майор. – Из-за одного человека собирать караван никто не будет, а кормить тебя, дармоеда, лишних три дня я не собираюсь. К тому же, это противоречит положениям Программы Обмена. Так что полетишь в «Паркер» на их самолете, он сегодня как раз отправляется назад. Иди, собирайся, сынок. Через час чтобы был здесь. Тебя отвезут на аэродром. Шевелись!

Весь скудный багаж Дика легко уместился в ранцевом отделении скафандра, и долго собираться не пришлось. Он вернулся в казарму, надел снаряжение и покинул гермокорпус, отправившись обратно к дежурному офицеру. Дик неторопливо брел по армейскому сектору и, пытаясь скоротать время, думал о том, что же это такое – полет на самолете. Ему одновременно было очень страшно и очень интересно. С одной стороны, донельзя обветшалые и изношенные самолеты почти все уже либо разбились, либо пришли в негодность. Поэтому известие о предстоящем полете рисовало в воображении Дика картины катастроф в самых жутких красках. С другой стороны, несколько самых прогрессивных Центров на континенте еще имели действующие самолеты и осуществляли авиаперевозки. Изредка, после долгих согласований и торгов посредством спутниковой радиосвязи, между такими Центрами заключались бартерные сделки, и аэропорт «Дэвиса» принимал у себя грузовой самолет с Севера или Востока континента. Во всем Альянсе только этот Центр имел полноценный аэропорт. Поэтому совершить полет на настоящем самолете – это было чем-то сродни абсолютной фантастике. Не то что в «Пэйдже», во всем Альянсе едва ли найдется больше десятка-другого человек, кто мог бы похвастать воздушными перелетами. И отказаться от такого приключения Дик ни за что бы не решился даже под страхом очень даже мрачных вариантов развития полета.

К дежурному офицеру он так и не попал. У входного шлюза в штабной гермокорпус Дика уже ждал чистенький пулеметный джип. Водитель,

молодой парень, на пару лет старше Дика, увидев одетого в боевой скафандр солдата, коротко спросил:

– Картрайт? – и, получив утвердительный кивок, потянулся за лежащим на переднем сиденье гермошлемом. – Садись!

Джип покатился к входным воротам Периметра.

– У вас по территории ходят боевые автомобили? – поинтересовался Дик, кивком указывая на укрепленный над головой пулемет.

– Нет, конечно! – засмеялся водитель. – И рядовых у нас каждый день на авто не возят, словно полковников! – Он свернул на перекрестке, выезжая на другую дорогу, и продолжил: – Просто тебе повезло. Я только что забрал его из ремонта, электрики колдовали над солнечной батареей. Теперь возвращаюсь к постоянному месту службы, и нам с тобой по пути.

Водитель снова свернул, выходя на новую улицу. Дик прикинул географию Центра и заподозрил, что водитель специально выбирает маршрут подлиннее. Видимо, ему очень не хотелось возвращаться к этому самому месту службы.

– Ты служишь на аэродроме? – предположил Дик.

– Батальон охраны зоны полетов! – важно сообщил водитель. – Это тебе, брат, не шутки. Лиги повсюду, надо держать ухо востро. От нас зависит весь экспорт Альянса, а теперь еще и возрождение всего мира!

– Это еще как? – иронично улыбнулся Дик. Каждый солдат Альянса не упускал случая побахвалиться своими подвигами, и водитель исключением явно не был. – Собираетесь на днях перебить всех лигов?

Однако водителя издевка совершенно не смутила.

– Сразу видно, что ты из провинции, – снисходительно ответил он, – вот и не понимаешь таких вещей! Мы нашли «Наследие», и оно спрятано за тысячи миль отсюда. Как ты думаешь, на чем к нему отправится рейд? На своих двоих?

– А разве Президент уже выступал с Обращением? – Дик испугался, что пропустил это знаковое событие, пока был в дороге. – Он сказал, где именно находится «Наследие»?!

– Нет, найденный текст еще расшифровывают, – водитель отрицательно мотнул головой, – но я тебе точно говорю, оно на Аляске.

– Это еще почему? – недоверчиво поинтересовался Дик.

– Механики сказали. У них самая точная информация, они же обслуживают авто начальства!

Джип подкатил к главным воротам Периметра, водитель ткнул пластинкой пропуска в считыватель системы запираения, и они заехали в шлюзовой сектор.

Снаружи Периметра их ждали еще три джипа, полностью укомплектованные людьми. Дик с удивлением смотрел, как из переполненной машины вылезают двое солдат и пересаживаются к ним на борт. Один из вновь прибывших тут же встал за пулемет. Второй, оказавшийся сержантом, устроился на сидении и махнул рукой кому-то из сидящих в другой машине.

– Выдвигаемся! – прозвучала команда в эфире ближней связи.

Небольшая колонна зарычала двигателями и тронулась в путь. Водитель в присутствии начальства мгновенно присмирел и больше не проронил ни слова. Судя по настороженным лицам солдат, путь предстоял хоть и короткий, но непростой, и Дик старался глядеть в оба. Что было не так просто: нещадно палящее солнце слепило глаза, а жестокая жара практически сводила на нет усилия системы климатического контроля скафандра. Дорога, едва выйдя из ворот Центра, практически сразу пошла в гору. Справа и слева от дорожного полотна, на скалистых вершинах Дик замечал небольшие укрепления, предназначенные для наблюдения за местностью и контроля дороги. Колонна прошла по горному пути несколько километров, и дорога спустилась к развилке, с которой хорошо просматривалось побережье. Отсюда Дик смог разглядеть ГЭС «Дэвиса». После грандиозного «Гувера» и высоченной плотины «Пэйджа», дамба «Дэвиса» совсем не выглядела огромной. Однако долго разглядывать плотину ему не пришлось.

– По сторонам лучше смотри, рядовой, не то шею свернешь! – одернул его сержант, едва они миновали стоящие на перекрестке укрепления и Дик обернулся, чтобы поглазеть на остающуюся позади плотину. – О ГЭС есть кому позаботиться. Лучше подумай о собственной заднице!

– Сэр, есть, сэр! – автоматически ответил Дик и тут же переспросил: – В этих местах высокая активность лигов, сэр?

– Когда как, – туманно ответил сержант, – но в такие дни, как сейчас, их хватает.

Дик хотел было уточнить, что означает «в такие дни» и почему они наступили именно сейчас, но не решился и принялся наблюдать за окрестностями. Дорога спустилась с гор и пошла по плоскогорью вдоль реки к развалинам города. В нескольких сотнях метров от дороги во все стороны уходили занесенные песком и закопченные руины городских кварталов. Далеко впереди, на левом берегу реки, виднелись обожженные остовы огромных небоскребов. Дик прикинул, выше или ниже они своих собратьев из Лас-Вегаса. Если смотреть отсюда, то вроде выше, но ведь там город погребен под десятками метров песка... В этот момент их колонна

достигла перекрестка и свернула к видневшейся впереди огромной взлетно-посадочной полосе, обнесенной целым поясом собранных из чего попало укреплений. Дик оглянулся, удивленно глядя вдоль той части дороги, что оказалась у них за спиной. Она упиралась в мощный мост, когда-то соединявший берега реки. Вся средняя часть моста, не менее ста метров длиной, была взорвана, и самые крупные из ее обломков, торчащие из воды, можно было увидеть даже отсюда.

– Это сделали лиги, сэр? – не удержался Дик, указывая на взорванный мост.

– Это сделал Альянс, – ответил старый сержант, не сводя глаз с ближайших развалин, – еще лет сто назад. По мосту постоянно перли лиги, отрезая аэропорт от Центра. Стратегическая необходимость. Уроды все равно частенько перебираются через реку, но засечь их в момент водной переправы значительно проще. Не дает им покоя аэродром, дьявол их всех заberi!

Сержант зло поморщился и достал бинокль. Он тщательно осмотрел приближающиеся развалины, но не обнаружил ничего подозрительного.

– Сэр, это город Лафлин? – спросил Дик, дождавшись, когда сержант опустит бинокль.

– Это Буллхед-сити. – Сержант махнул рукой кому-то из охраны въездных ворот, оборудованных в укреплениях аэродрома, и ржавые створы с протяжным скрипом неторопливо распахнулись перед их маленькой колонной. – Лафлин на том берегу. А вообще никакой разницы нет вот уже лет двести! – Он коротко хохотнул.

Было хорошо заметно, как напряжение покинуло людей, едва ворота укрепрайона захлопнулись за отрядом. Солдаты расслабились, их лица посветлели.

– Лерой, отвезешь рядового к самолету! – приказал сержант водителю, вылезая из джипа. – И сразу назад! И чтобы на этот раз без всяких задержек, ты меня понял? – Он грозно посмотрел на водителя.

– Да, сэр! – испуганно выпалил водитель. – Я понял, сэр!

Стоявший за пулеметом солдат тоже покинул автомобиль, и джип тронулся с места. Дик, затаив дыхание, смотрел на приближающуюся махину самолета, стоящего на широкой просторной площадке. Вокруг крылатой машины стояли грузовики и бензовозы, копошились люди, из чрева самолета по опущенной аппарели выгружали какой-то груз.

– Что, впечатляет? – подал голос Лерой. Оставшись без начальства, он мгновенно осмелел. – Но ты на нем не полетишь! – заржал водитель. – Тебя ждут вон там! – Он указал рукой вдаль.

Дик посмотрел в указанном направлении и увидел маленький самолетик. В первую секунду он не поверил своим глазам. Самолет был крошечный, жутко старый, весь клепаный-переклепанный, буквально собранный из металлических и пластиковых лоскутов разных размеров, и с пропеллером!

– Не может быть! – вырвалось у Дика.

– Еще как может! – еще сильнее загоготал Лерой. – Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, приятель! Если тебе станет от этого легче, скажу, что эта штука действительно летает! И довольно часто! Так что у тебя есть все шансы приземлиться в «Паркере», так сказать, одним куском! – Веселью во-дителя, глядящего на изумленное лицо Дика, не было предела.

Дик, не желая служить объектом насмешек, взял себя в руки и флегматично пожал плечами.

– Лететь так лететь, – философски заметил он, – не скажу, что мне доводилось летать раньше, но у нас в «Пэйдже» был поршневого самолет. Он отлично справлялся со своей работой.

Рассказывать про то, чем закончился его последний полет, Дик считал излишним.

– Да? – Лерой разочарованно успокоился. – Ну, тогда тебе проще. А вот меня туда силой не затащишь! Я лучше за баранкой посижу. Пусть уж старая колымага, которой я управляю, рассыплется на ходу, чем на лету!

Дик, все сильнее чувствуя неподдельный страх по мере приближения к допотопному летательному средству, собранному из вторсырья, поспешил сменить тему.

– Давно прилетел? – спросил он, указывая на разгружающийся грузовой самолет.

– Утром, – вздохнул водитель, – и с тех пор лиги уже дважды лезли на аэродром. А ему еще три дня тут стоять. Притягивают уродов самолеты... – он заметно сник, – а нам расхлебывать.

– Откуда он? – Дику захотелось показать, что он прекрасно разбирается в положении дел. – Центр «Бонневиль» или «Гранд Кули»?

– Из «Мак Нэви», – продолжал грустить Лерой, – и почему наши не расширят ангар всего на одно место? Это не так уж и сложно! Спрятали бы его от лигов, с их уродливых глаз долой! Так ведь нет же, надо обязательно подразнить уродов, а как же без этого! – недовольно брюзжал водитель.

– А у нас есть свои такие? – поинтересовался Дик.

– Ха! Конечно! – хмыкнул Лерой. – И даже получше! Вон, в ангарах. – Он ткнул рукой в служебные постройки. – Шесть штук стоят. Правда, на ходу всего один, да и тот еле дышит.

– А что остальные?

– Известно, что! – Водитель поднял брови. – Запчастей нет.

Джип подрулил к ржавому конструктору, который кто-то по ошибке назвал самолетом, и остановился.

– Вылезай, приехали! – заявил Лерой.

Дик вылез из джипа, озираясь по сторонам.

– А где пилот? – растерянно спросил он.

– Почему я знаю! – пожал плечами водитель. – Мне было приказано доставить тебя к самолету, я доставил. Подожди, может, придет когда-нибудь! – снова захихикал Лерой, довольный своей остроумностью. – Мне пора, иначе сержант живьем сожрет!

Он развернулся и укатил восвояси. Дик остался один и некоторое время бродил вокруг самолета, разглядывая его выдавшую виды конструкцию. Вблизи слепленная из непонятно каких отходов машина вызвала еще меньше доверия. Спустя полчаса одинокого созерцания Картрайт всерьез стал задумываться, уж не сыграл ли с ним Лерой эдакую шутку. Привез к давно заржавевшему экспонату и бросил, теперь смеются всем взводом, наблюдая откуда-нибудь в бинокли... Дик оглянулся вокруг, пытаясь разобраться, есть ли где-то на посадочной полосе еще самолеты, более похожие на действующие, и увидел бредущую в своем направлении сутулую человеческую фигуру. Человек был облачен в такой же скафандр, как у тех, кто обслуживал сейчас грузовой аэробус, и толкал перед собой тележку, груженную небольшими транспортными контейнерами. Наверное, это и есть пи-лот, подумал Дик. Человек с тележкой приблизился к самолету, оставил телегу и подошел к дверному люку. Он вставил в замок допотопный ключ, распахнул створку и обернулся к Дику.

– Чего стоишь? Давай, помогай! – заявил он вместо приветствия, снимая с тележки один из контейнеров.

– Да, сэр, конечно! – спохватился Дик, хватаясь за контейнер. – Меня зовут Картрайт, сэр, рядовой Картрайт.

– Да знаю я, что ты Картрайт, – буркнул летчик, залезая внутрь самолета, – будешь подавать мне груз! Тащи сюда ящики по одному. Начинай с тех, что побольше, они такие, зеленоватые.

Дик отложил в сторону контейнер, снял с тележки нужный ящик и понес его к раскрытому люку. Пилот подхватил груз и принялся размещать его в утлом грузовом отделении маленького самолетика.

– Сколько ты вешишь, Картрайт? – донеслось изнутри.

– Шестьдесят восемь килограмм, сэр! – ответил Дик.

– Итого грубо шестьдесят пять, с учетом скафандра и оружия, –

оценил пилот, – пойдет. Я думал, будет хуже, но не думал, что все так печально.

– Что вы имеете в виду, сэр? – не понял Дик.

– Я говорю, что уж больно ты худенький, – гермошлем пилота высунулся из дверного люка, – но для нас это хорошо, так как не будет перегруза. Еще ящики есть?

– Никак нет, сэр! – Дик указал на пустую тележку.

– Хорошо, – кивнул пилот, – тогда складывай ее и тащи сюда. Я пока раскреплю груз. Справишься?

– Приходилось, – ответил Дик.

Он немного повозился с тележкой, отпирая замки крепежных шарниров, и сложил ее в походное состояние.

– Готово, сэр. – Он вложил тележку в открытый люк.

– Молодец, Картрайт! – похвалил его пилот. – Залезай и садись вот в это кресло.

Дик послушно уселся на указанное место и осмотрелся, разглядывая приборную панель древнего самолета. Множество тумблеров, кнопок и всевозможных индикаторов немного заглушили страх перед предстоящим полетом. Высокотехнологичное устройство, как-никак...

– Страшно? – Появившийся из грузового отсека летчик плюхнулся в пилотское кресло. – Небось думаешь, эта старая рухлядь не пролетит и десяти метров?

На вид пилоту было лет сорок–сорок пять, таких черт лица Дику видеть еще не доводилось, и он решил, что летчик коренной уроженец «Паркера».

– Нет, сэр! – замотал головой Дик. – У вас очень приятный самолет...

– Брось! – весело оборвал его пилот. – Так думают все, кто видит эту развалюху! Даже я иногда так думаю, хоть летаю на ней уже двадцать лет!

– Двадцать лет? – не сдержал удивления Дик. – Правда?

– А то! – ответил летчик. – И, как видишь, еще жив. А все потому, что мы со старушкой Мэрилин понимаем друг друга с полуслова. Кстати, можешь звать меня капитан Индиана Джонс! Ну, или просто мистер Индиана.

Он подключил скафандр к внутренней сети самолета и указал Дику на свободный разъем. Картрайт завозился с коммутирующим штекером, вспоминая, где он мог слышать это имя. Почему-то оно казалось ему смутно знакомым, хотя он был совершенно уверен, что никогда не видел капитана Джонса раньше.

– Повезло тебе, парень, через пару часов уже будешь сидеть в столовой

и уплетать свою двойную порцию компаунда, – заявил пилот, – так что радуйся. Если бы не мы с Мэрилин, до «Паркера» ты б добрался еще очень не скоро. И, возможно, не без неприятностей.

Он щелкнул тумблером, и в наушниках зашипели помехи эфира.

– Диспетчерская, это борт Пи-4, прошу разрешения на взлет.

Эфир какое-то время шипел, не принося ответа, и капитан Джонс повторил запрос.

– Борт Пи-4, взлет разрешаю, – раздался сонный голос.

– Понятно, – пилот обернулся к Дику и ослабился, показывая неровные желтые зубы, – спят, бездельники. Делать им, видите ли, нечего! Лучше бы за окрестностями следили, вон, лиги так и шастают! Последние дни покоя от них нет!

Маленький самолетик вырулил на огромную взлетно-посадочную полосу, взял короткий разбег, и, отчаянно дребезжа, оторвался от земли. За эти несколько секунд Дику трижды казалось, что гремящий, словно ящик со стреляными гильзами, самолет разваливается на части. Когда самолет взмыл в воздух, дребезжание утихло ненадолго. Но Дик уже не замечал этого. Он, словно зачарованный, смотрел сквозь прозрачный пластик двери на проносящуюся внизу землю.

– Что, совсем не страшно? – удивился Джонс, перехватывая его взгляд. – На такой-то высоте?

– Нет, сэр! – улыбнулся Дик. – Я служу в роте наблюдателей «Пэйджа», мне не привыкать!

– Это которые на трубах сидят? – уточнил пилот. – Пятьсот метров высотой?

– Двести тридцать шесть, – поправил его Дик, – скажите, капитан Джонс, это нормально, что все так дребезжит?

– Все-таки страшно, да? – осклабился мистер Индиана. – Старушка Мэрилин прожила свой век, наверное, добрый десяток раз, и для нее это — в пределах допустимых отклонений. Я собственными руками перебираю ее каждую неделю и знаю, на что она способна. Половину запчастей сам изготовил, сработал из разного технологического хлама, что привозят археологические рейды. А что? Поршневой двигатель – штука несложная, легко ремонтируется, не требователен к топливу, мало жрет...

Дик вполуха слушал рассказ Джонса, глядя на проплывающий под крылом самолета Большой Каньон, тонкую змейку Колорадо, скалистые хребты и смутно угадывающиеся в бескрайних песках развалины некогда существовавших здесь человеческих поселений. Ему вдруг стало ужасно обидно, что такая великая цивилизация вдребезги разбилась за считанные

десятки лет из-за собственной беспечности и глупости. Вот если бы у предков было бы больше благоразумия, он сейчас наверняка был бы пилотом! И водил огромные лайнеры-аэробусы через океан, на другой конец Земли, в какие-нибудь райские места, например, в Антарктиду. Хо говорил, что раньше там была настолько прекрасная жизнь, что даже королевские фамилии имели там собственные земли. Один курорт вроде бы даже носил имя своей владелицы – Земля королевы Мод, или что-то в этом роде.

Дик представил себя сидящим за штурвалом огромной крылатой машины, стремительно рассекающей небесный океан. Вот он сверяется с радаром, уверенным движением слегка поворачивает штурвал, и могучий лайнер легко огибает висящую в небе белоснежную гору облаков...

– Капитан Джонс, а где у вас радар? – Дик пошарил глазами по приборной доске.

– Да вот же он! – хохотнул пилот, тыкая рукой в зияющую круглую дыру, из которой торчал пучок грязных проводов, придавленный пластиковой бутылкой с какой-то мутной жидкостью.

– Это?! – недоумевающее переспросил Дик. – Боюсь, сэр, что я не совсем понимаю...

– А что тут понимать! – продолжал веселиться мистер Индиана. – Этой машине лет больше, чем моему деду! Все хоть сколь-нибудь сложное оборудование давно вышло из строя. Из навигации остался только компас, да и тот мне привезли из археологической экспедиции! Два дня пытался приладить его к приборной доске.

– Как же вы летаете? – удивился Дик. – Как ориентируетесь на местности?

– На глаз, как же еще! – ответил пилот. – Встал вдоль реки и пошел себе спокойненько. Она, родимая, сама тебя к Центру и выведет.

– А если вдруг пыльная буря? И ничего не видно? – не унимался Дик. – Как тогда? Так можно и заблудиться!

– Вот чудак! – Капитан Джонс с иронией поглядел на Дика. – Кто ж летает в бурю? В такое время надо сидеть внутри Периметра и попивать кипятка с малиновым подсластителем!

Дик промолчал, задумавшись о том, что на настоящем аэробусе, капитаном которого он обязательно станет, все должно быть по-другому. Не может быть, чтобы летчики вели самолет на глазок через океаны и континенты. Разве можно точно запомнить маршрут, глядя из кабины самолета на ползущие внизу тысячи однообразных миль? Он принялся смотреть вокруг, разыскивая ориентиры и пытаясь понять, смог бы он

провести здесь самолет, не будь внизу Большого Каньона.

– Никогда не видел такого крупного рейда! – Дик указал рукой вдаль. – У нас в «Пэйдже» не такое большое население, как в «Дэвисе», и армия значительно меньше. Нам такую экспедицию не собрать!

Далеко внизу, на правом берегу реки, по дороге в направлении «Дэвиса» двигалась колонна из грузовиков и военной техники общей численностью единиц в двадцать.

– Интересно, куда они ходили? – задумался Дик. – Ясно, что в Калифорнию, раз по правой стороне возвращаются. Неужели в Лос-Анджелес?

– Ого! – оценил капитан Джонс, глядя в указанном Диком направлении, – действительно большой рейд! Я не слышал, чтобы «Дэвис» высылал рейд куда-либо...

Он присмотрелся к колонне и добавил:

– Кажется, там даже есть танки! Не думал, что у «Дэвиса» столько ресурсов. – Мистер Индиана обернулся к Дику и вальяжно произнес: – Если хочешь, сынок, я могу сделать круг над колонной. Посмотришь на них с высоты птичьего полета.

– Конечно хочу, сэр! – воскликнул Дик. – Если это не запрещено.

– Кто может запретить что-либо самому Индиане Джонсу, когда он находится в небе?! – воскликнул пилот и увел самолет в резкий вираж.

Старая машина задрезжала так, что Дик тут же усомнился в здравомыслии своей просьбы. В довершение всего мистер Индиана с диким боевым кличем ввел самолет в горизонтальное вращение, и мир закружился перед глазами Дика.

– Хватит, сэр, не то самолет развалится! – взмолился Дик, всем телом ощущая жуткое дребезжание и грохот плохо подогнанных друг к другу частей.

– Не реви, сынок! – залихватски заявил пилот. – Моя Мэрилин еще способна потряхнуть стариной!

Он вернул самолет в обычный полет, и Дик перевел дух. В эти секунды он натерпелся страха не меньше, чем на полях «очаровашек», и твердо решил, что капитан Джонс явно не от мира сего, и лучше не провоцировать его на новые эксперименты. Иначе есть все шансы не добраться до «Паркера» никогда.

– Колонна прямо по курсу! – объявил мистер Индиана. – Снижаюсь! Сейчас мы пройдем над ними на бреющем! Смотри внимательно, сынок!

– У меня от ваших переворотов в глазах искры! – пожаловался Дик, глядя на поблескивающие искорки, то тут, то там вспыхивающие в

колонне, – машины сверкают...

Неожиданно лобовое стекло кокпита расцвело небольшой розочкой из трещин. Дик недоуменно разглядывал маленькую дырочку в ее центре.

– Господи Иисусе! – завопил мистер Индиана. – Да это же лиги!!!

Он рванул штурвал на себя, и самолет, надрывно взревев двигателем, задрал нос вверх, набирая высоту. Старенькая машина жутко задрожала, словно ветхий домишко, попавший в сильное землетрясение, и Дику оставалось только гадать, что произойдет раньше: их расстреляют лиги или допотопный самолет просто развалится в воздухе, не выдержав нагрузок. Разномастные куски обшивки, из которых был собран корпус, тряслись и вибрировали, словно готовясь рассыпаться, будто карточный домик.

– Диспетчерская! «Дэвис»! К вам движется танковая колонна лигов! Это борт Пи-4! – орал в эфир капитан Джонс, бросая машину в отчаянные маневры в попытке уйти от обстрела. – Кто меня слышит! Я атакован лигами! Я под огнем! Повторяю! Это борт...

Он непрерывно вызывал землю, но ответом ему был лишь шорох помех. Дик вцепился в поручни, стараясь хоть как-то противостоять ужасной болтанке, и в ужасе глядел на пробоину в лобовом стекле кокпита. Ему казалось, что даже сквозь грохот дребезжащего самолета он слышит, как множество вражеских пуль пробивают хрупкую обшивку, стремясь добраться до сидящего в пилотской кабине Дика.

– Черт! Меня никто не слышит! – Капитан Джонс прекратил орать в эфире. – Я не могу ни с кем связаться! Надо срочно возвращаться и предупредить «Дэвис»! Они даже не представляют, что происходит!

– Откуда у лигов танки?! – изумился Дик. – Они же не используют сложную технику, у них недостаточно интеллекта для ее освоения!

– Как видишь, уже используют! – огрызнулся пилот. – Это все этот ублюдок Круул, дьявол его заberi! Откуда только он взялся! С тех пор, как он возглавил Сан-Франциско, лиги совсем обнаглели! Я даже думать не хочу о том, какую активность он там развил! Штаб Альянса должен что-то с этим делать, иначе это добром не закончится, последний раз лиги устраивали такое наступление лет сто пятьдесят назад!

Он оглянулся, глядя в окно.

– Все, ушли! – Пилот облегченно вздохнул. – Спасибо Шаро Предрекшей, что не оставила нас в эту тяжелую минуту! – Он перевел дух и воскликнул: – Чертовы уроды! Чуть не разодрали на части старушку Мэрилин! Но ничего, сейчас мы вернемся в «Дэвис», и армия встретит это гнойное отродье. Их перестреляют, как диких зверей, еще на переправе!

Он заложил вираж, и самолет немедленно зачихал мотором. Звук

двигателя стал неровным, и Дик со страхом заметил, что вращение лопастей пропеллера стало замедляться.

– Что за чертовщина?! – Капитан Джонс защелкал тумблерами, но это явно не помогло.

Тогда он с силой постучал затянутым в перчатку скафандра пальцем по мутному стеклу прибора, в котором едва просматривались поблекшие от времени деления и цифры.

– Похоже, маслопровод задело! – Пилот коротко выругался. – Надо срочно садиться, пока еще можем!

При этих словах внутри у Дика все похолодело, и он вжался в сидение, стиснув зубы, стараясь не показать охватившую его панику. Однако пилоту сейчас было не до него. Он лихорадочно терзал элементы управления, пытаясь не дать кашляющему двигателю заглухнуть.

– Под нами Лэйк Хавасу, – прокричал пилот, – тут, на левом берегу, когда-то был город, вроде так же и назывался. Километрах в десяти от него есть заброшенный аэродром, можем дотянуть! – Он сосредоточился на управлении самолетом.

Двигатель в очередной раз чихнул и неожиданно затих. Дик с ужасом смотрел на останавливающееся вращение пропеллера.

– Черт! – снова ругнулся мистер Индиана. – Но ничего, спланируем! – Он мельком бросил взгляд на бледного как полотно Дика. – Не бойся, сынок, старушка Мэрилин умеет планировать, мы дотянем, обязательно дотянем! Куда ж мы денемся...

Пилот еще что-то бурчал себе под нос, дергая за какие-то шнуры, щелкая тумблерами и нажимая на кнопки, но Дик его уже не слышал. Он никак не мог оторвать взгляда от замерших лопастей пропеллера, неподвижно торчащих перед глазами, на фоне которых увеличивалась в размерах приближающаяся с каждой секундой пустыня, засеянная бурокоричневыми зубьями невысоких скал.

Неожиданно мотор чихнул и завелся. Неподвижные лопасти завращались, набирая скорость, и быстро растворились в бешеной круговерти.

– Ага! – воскликнул капитан Джонс. – Так-то лучше! Давай, Мэрилин, работай, старушка, работай! Мне надо три минуты, всего три!

Пилот выровнял самолет, заходя над левым берегом параллельно реке, и начал снижение. Внизу не было ничего, кроме песка, упирающегося вдали в целое поле невысоких руин, и Дик с опаской поглядел на летчика, надеясь, что тот знает, что делает. Старую взлетную полосу он смог разглядеть лишь тогда, когда до нее оставалось не больше десятка метров.

Она не столько была видна, сколько угадывалась по слишком ровной правильной полосе песка, из которой кое-где виднелись куски бетона, очищенные порывами ветра. За мгновение до посадки мотор снова заглох, и мистер Ин-диана, вцепившийся в штурвал, не оборачиваясь, крикнул:

– Держись!

Ржавый дребезжащий самолет, поднимая облака песка и пыли, ткнулся колесами в посадочную полосу и, подпрыгивая, побежал по земле. Несколько секунд Дика трясло, словно в камнедробилке, затем машина остановилась, и все стихло. Пару мгновений Дик сидел, не шевелясь и не веря в то, что все закончилось, после чего полубезумный дикий визг мистера Индианы едва не заставил его подпрыгнуть на месте.

– И-и-и-ха-а-а! – возопил пилот. – Я сделал это! Мы благополучно приземлились, и гнойным уродцам осталось только утереть слюни! – С этими словами пилот вырвался из кабины на землю и немедленно исполнил короткий, но весьма энергичный танец.

Дик подумал, что, наверное, именно так шаманы доисторических индейцев, накурившись галлюциногенной травы, отмечали жертвоприношения или какие-нибудь другие, не менее кровавые ритуалы.

– Ладно, теперь надо заняться моей старушкой! – Наплясавшись, капитан Джонс распахнул дверной люк в грузовой отсек. – Посмотрим, что эти ублюдки с ней сделали!

Он вытащил ржавый ящик с каким-то заляпанным толстым слоем масел и грязи инструментом и полез в моторный отсек. Дик, чувствуя, как трясутся руки и дрожат поджилки, тоже вылез из кабины, пытаясь успокоить взвинченную до предела нервную систему.

– Хвала Шаро Великой, я смогу это исправить! – раздался в наушниках голос пилота. – Парень, ты пока посмотри по сторонам, а то мало ли что! Мне тут придется повозиться... – Он снова углубился в работу.

– Да, сэр! Конечно! – Дик, радуясь возможности за работой снять нервное напряжение, достал из самолета свою винтовку и принялся ходить вокруг машины, бдительно наблюдая за окрестностями.

На испещренный свежими пробоинами корпус самолета он старался не смотреть.

Капитан Джонс закончил ремонт через два часа, когда солнце уже клонилось к горизонту.

– Готово! – сообщил летчик, победно потрясая каким-то неизвестным Дику инструментом. – Не капитальный ремонт, конечно, но до дома долететь сможем. А там я приведу старушку Мэрилин в порядок!

Он погладил рукой ржавый борт самолета, сложил инструменты в ящик и забросил его в люк багажного отсека. Закрыв люк, мистер Индиана обернулся к Дику и неожиданно заявил торжественным тоном:

– Объявляется посадка на борт номер Пи-4, следующий рейсом чертова пустыня – Центр «Паркер»!

Дик оставил свою позицию и поспешил к крылатой машине, терзаемый тревожными сомнениями, а не стала ли сегодняшняя аварийная посадка последней каплей, нарушившей, судя по всему, и без того хрупкое психическое равновесие капитана Джонса. Впрочем, в кабине летчик вел себя спокойно.

– Разве мы не возвращаемся в «Дэвис»? – спросил его Дик. – Надо же предупредить их!

– Думаю, что они уже в курсе, – покачал головой пилот, – пока я возился с этим чертовым маслопроводом, лиги наверняка дошли до передовых постов. Да и до дома лететь ближе. Там мощный радиоузел, и вообще, я же говорю, это не капитальный ремонт, не стоит рисковать и испытывать на прочность судьбу и старушку Мэрилин!

Дик прикинул скорость колонны лигов, сопоставил ее с потраченным на починку самолета временем и постарался не думать о ржавом, громыхающем запчастями самолете. В результате он пришел к выводу, что согласен с мистером Индианой. Пожалуй, чем быстрее они доберутся до «Паркера», тем лучше.

– Чего нам ожидать при взлете? – спросил капитан Джонс, кивая на виднеющиеся впереди руины.

– Несколько раз я видел движение в развалинах, – ответил Дик, – там совершенно точно кто-то есть. Но они не показывались на открытых местах. Думаю, наблюдают за нами из развалин.

– Значит, дикие, – определил мистер Индиана, – и их мало, а так бы уже наведались в гости. Лигов к самолетам тянет, что железку к магниту. Надо взлетать поскорее, пока они не собрались толпой и не осмелели.

Он запустил двигатель и начал руление.

– Откуда они здесь в таком количестве? – Дик тревожно вглядывался вдаль, сожалея, что у него нет бинокля.

– Здесь есть почва, вдоль побережья, – ответил мистер Индиана, – воды Колорадо несут большое количество наносов, а берега в этом месте не везде такие скалистые. Так сказать, заливные луга! Вот лиги на них и кормятся.

Самолет взял разбег, таща за собой след из песчаных облаков, и оторвался от земли.

– Вот так-то лучше! – осклабился капитан Джонс, вытягивая штурвал на себя, – скоро будем дома, как раз к закату!

Громящая расхлябанными сочленениями крылатая машина, надрывно кряхтя двигателем, пошла над руинами города. Дик посмотрел вниз. Даже несмотря на безраздельное царство песка, было видно, что стоявший когда-то на этом месте город был довольно большим. На несколько секунд внизу промелькнул какой-то засохший и засыпанный песком канал, и Дику показалось, что через него тянется мост. Но мост этот не был выстроен из железобетонных платформ и монолитных быков. Внизу был самый настоящий старинный мост, сложенный из камня. Будто он внезапно по-пал в мертвые руины, погребенные в песках хищной пустыни, из сказки про древние замки, в которых жили закованные в латы воинственные рыцари. Дик попытался было разглядеть диковинный мост получше, но дребезжащий самолет набирал высоту, и вскоре он уже перестал различать плывущую под крылом местность, погружающуюся в вечерние сумерки. Некоторое время Дик еще всматривался вниз, в мрачные руины, представляя себе, как в засыпанных песками развалинах собираются лиги, сползаясь отовсюду, словно термиты. Вот их было несколько, теперь десятки, потом сотни... Впервые он подумал, что его родной «Пэйдж» не такое уж и опасное место.

– А правда, что за «Паркером», ниже по течению, лигов еще больше? – Дик покосился на пилота, бубнившего себе под нос какую-то нелепую песенку.

– Угу, – кивнул тот и ткнул рукой куда-то вниз: – Это еще что! Так себе, жалкая кучка уродцев! Вот ниже нашего Центра вдоль берегов есть растительность, так там такое творится! Почти до самой Юмы лигов, словно песка!

– Не повезло вам с местоположением, – покачал головой Дик, – хорошо еще, что Центр не построили где-нибудь прямо возле Юмы!

– Смеешься?! – Пилот бросил на него удивленный взгляд. – Кто бы стал строить Центр рядом с Юмой?! Там же в Колорадо впадает Гила. Ниже устья жизни нет. Там не то что лиги, мутафауна не живет! Это мы для удобства называем столицу лигов Юмой. На самом деле она немного севернее развалин настоящей Юмы, выше по течению.

– Гила? – переспросил Дик. – Та самая «Река Смерти»? Которая идет из Тусонской мертвой зоны?

– Она самая, – подтвердил капитан Джонс, – ее бассейн – это одно большое кладбище. Никто толком не знает, что там творится.

– Да, я помню, я изучал в колледже! – ответил Дик. – Ни один из

посланных в Тусон археологических рейдов не вернулся, и туда больше не посылают экспедиций вот уже лет сто, кажется.

– Это точно, – вздохнул мистер Индиана, – туда никого не затащишь и под страхом смерти! – Он покачал головой. – А жаль! Город стоит нетронутый с незапамятных времен, задолго до наступления хаоса! Сколько всего полезного там можно было бы отыскать для моей старушки Мэрилин!

Дик замолчал, представляя, какие богатства хранит мертвый Тусон. Из исторических документов следовало, что это было высокотехнологическое место. Вот только лично он бы не хотел пытаться счастья в поисках тусонских сокровищ. Никто еще не выжил в том районе, а мертвому, как известно, богатство ни к чему. Зато теперь, если удастся расшифровать координаты «Наследия», планета будет очищена. Вот тогда технологические сокровища Тусона будут весьма кстати. Вышедшее на свободу из обветшалых Центров человечество начнет восстанавливать науку и промышленность, и эти находки очень помогут людям. И он, Дик, будет в первых рядах тех, кто начнет на планете новую эру...

– Мы почти дома! – Голос мистера Индианы отвлек его от мыслей о возрождении человечества. – Вот он, «Паркер»! Скоро начнем снижение!

– Борт Пи-4 вызывает диспетчерскую «Паркера»! – передал в эфир пилот. – «Паркер», ответьте!

– Пи-4, это «Паркер»! – немедленно ожила рация. – Слышим вас хорошо! С возвращением, мистер Цукерман, мы уже думали, что атака лигов не позволила вам вылететь сегодня.

Мистер Индиана недовольно поморщился и ответил:

– Мы наткнулись на этих уродливых ублюдков возле Лэйк Хавасу и попали в заварушку. Пришлось совершать вынужденную посадку.

– Мы рады, что у вас все в порядке, мистер Цукерман! – передатчик в «Паркере» был действительно неплох, голос диспетчера звучал громко и чисто, словно тот сидел рядом с ними, – ваш пассажир не пострадал?

– В отличие от старушки Мэрилин мы оба целы и невредимы, – ответил капитан Джонс.

– Отлично. Приземляйтесь, мистер Цукерман, машина уже вышла за вами. Добро пожаловать домой! – Диспетчер отключился.

– Почему он назвал вас мистером Цукерманом? – удивленно спросил Дик.

– Ну... – Пилот замялся, стараясь не смотреть на Дика, и неохотно ответил: – Это мое второе имя. Дополнительное. Но я им редко пользуюсь! – Он закивал головой, словно подтверждая свои слова. – Да,

именно! Очень редко! Все знают меня под именем капитан Индиана Джонс, понял, парень?

– Понял, – пожал плечами Дик. Джонс так Джонс, подумал он, так и не вспомнив, что же именно напоминает ему это имя.

Самолет начал снижаться, и Дик прильнул к окну, разглядывая желтый квадрат Центра, врезанный в невысокое скалистое плато по левому берегу реки. И хоть типовая конструкция ЦСГР «Паркер» ничем не отличалась от других Центров, в этом случае различие все-таки было. Центр не был прямо связан с плотиной. Ниже его по течению в Колорадо впадал какой-то приток, и вот именно по мосту через него и шла дорога, соединяющая Центр с ГЭС. Сама плотина была просто крохотной по сравнению с привычными ему гигантами.

– Какая маленькая дамба! – разочарованно протянул Дик, глядя на небольшую подкову плотины, возвышающуюся над нижним течением реки от силы метров на двадцать – двадцать пять.

– Ты не смотри, что она невысока! – заступился за родную ГЭС мистер Индиана. – Зато под ложем реки она углубляется на семьдесят два метра! Это самая глубокая плотина в мире, парень!

– Семьдесят два метра под землей? – изумился Дик, в который раз поражаясь уровню развития погибшей цивилизации. – Как можно было построить такое? Каким образом они контролировали реку, пока рыли такой глубокий котлован?

– Почему я знаю? – поднял брови пилот. – Да и вряд ли теперь кто-нибудь знает... Держись, сейчас будем садиться.

К удивлению Дика, маленький аэродром, к которому приближался отчаянно дребезжащий самолет, оказался на противоположном от Центра берегу Колорадо, прямо напротив истертого песчаными бурями и пожелтевшего от времени Периметра. Небольшое болотистое озерцо, в котором одним концом тонула узкая взлетно-посадочная полоса, отделяло крохотный аэродром от небольшой группы низких построек, плотно прижавшихся друг к другу. Постройки, болото и аэродром были обнесены небольшим поясом укреплений. Лет двести назад это была серьезная стена с огневыми точками и орудийными капонирами, теперь же многочисленные проломы и разрушения в ней были заполнены самыми разнообразными материалами. Видимо, жители «Паркера» дорожили этими сооружениями и любыми способами старались обеспечить их безопасность.

– Что это за сооружения, капитан Джонс? – Дик указал на обнесенный укреплениями район, когда старый самолет уже навис над посадочной полосой.

– Это? – насмешливо хмыкнул пилот. – Ну ты, парень, даешь! Ты точно из жуткой глуши! Это же пенициллиновая грибница «Паркера»! Сердце медицины Альянса!

Дик промолчал. Конечно, о знаменитой пенициллиновой грибнице, в которой выращивается сырье для фармакологии всего Альянса, знает каждый. Но он представлял ее себе как нечто грандиозное, сложенное из белоснежных бетонных блоков, подобно плотинам ГЭС, бликующее бронестеклом и сверкающее хромом и никелем хитроумных медицинских приспособлений... И никак не ожидал вместо этого увидеть скопище разномастных, грязных покосившихся строений, неуклюже слипшихся друг с другом под ржавой крышей. Такое же старье, как и все, выстроенное Альянсом...

Грохочущий плохо подогнанными кусками обшивки самолет коснулся колесами посадочной полосы, и дребезжание стало еще сильнее. Казалось, что в конце пути древняя машина все-таки развалится на части. Но самолет выдержал и, почти по-человечески кряхтя старым двигателем, замедлил бег.

– Молодец, Мэрилин! Хороша, старушка! – Мистер Индиана вновь издал нездоровый визг и направил самолет к покосившемуся ангару. – Завтра я займусь тобой как следует!

Дик молча поблагодарил Шаро Предрекшую за то, что этот полет наконец-то закончился, и с восторгом глядел в окно на приближающийся к ним старый проржавевший джип. Он вылезал из непонятно каким чудом до сих пор не развалившегося самолета и думал, что уже не может пожаловаться на недостаток приключений и что служба наблюдателя на высотной трубе завода не такая уж и тяжелая, а также что совсем не уверен в том, что мечтает стать летчиком.

Пока выдавший виды джип, урча изношенным двигателем, вез их от ангара к воротам укрепрайона, Дик, которому ощущение твердой почвы под колесами вернуло былую уверенность, разглядывал знаменитую грибницу. Вблизи оказалось, что скопление невысоких сооружений было объединено общей кровлей, поверх которой была растянута полусгнившая сеть противогранатной защиты.

– Почему вы не перенесете все это внутрь Периметра? – поинтересовался Дик у капитана Джонса.

Мистер Индиана и сидящий за рулем джипа старый солдат одновременно засмеялись.

– Ты всерьез думаешь, что кроме тебя об этом за двести лет никто не догадался? – насмешливо заявил пилот. – Не ты один такой умный! – Джип

сделал поворот, и ему пришлось ухватиться за верхний обрез двери. – Давно бы перенесли, да только не растет оно нигде, только тут. Сколько раз уже пробовали!

– Разве пенициллиновый грибок такой привередливый? – удивился Дик.

– Вот чудак! – Водитель и пилот вновь улыбнулись. – Тут же не только грибок пеницилл растет. Просто грибница так называется. А вообще у нас тут много чего есть. Я не особо разбираюсь во всей этой плесени, я не фармацевт! Спроси лучше чего полегче.

Они проехали мимо небольшой вереницы вымазанных в грязи лигов, бредущих под конвоем пары солдат от грязевого болота к одному из барачных.

– Много здесь пленных? – спросил Дик у пилота.

– Нет, – мотнул головой тот, – штук десять. Хотелось бы вообще обойтись без рабов, да уж больно едкая это гадость, болотная жижа. Со временем портит любой скафандр. А без нее никак, единственное удобрение для грибницы. Вот и приходится каждый месяц отлавливать новых уродцев.

– Не бунтуют? – Дик с отвращением смотрел на ковыляющих к барачку лигов.

Перекошенные тела, кривые руки с ложными суставами, ноги разной длины, изуродованные мутациями лица, покрытая гнойными язвами и струпьями кожа – день, когда «Наследие» очистит планету от этих тварей, воистину будет самым счастливым в истории Земли...

– Куда им! – махнул рукой мистер Индиана. – Они плотно сидят на обезболивающем. Оно для них и бог, и вождь, и мать родная! Кто ж поднимет руку на святое место, где оно производится? – Он ухмыльнулся. – Нет, они у нас смиренные. Тихо работают, тиходохнут. Только успевай новых ловить.

Джип покинул укрепленный район и встал на дорогу, ведущую к плотине. Водитель прибавил скорости, стремясь успеть попасть в Центр до наступления темноты. Оставшуюся часть пути все ехали молча, внимательно осматривая погружающиеся в вечерние сумерки окрестности.

В Центре Дик первым делом явился в армейский сектор и, согласно Уставу, зарегистрировался у дежурного офицера. Ему, как обычно, выдали кубрик и направление на приемы пищи. Ужинал он один, в большой столовой, кроме повара, больше не было никого, и звук от постукивания ложкой о тарелку негромким эхом разносился по пустому помещению. Дик

вспомнил слова техника, с которым он добирался на катере в Центр «Дэвис». Похоже, и действительно в «Паркере» народа живет совсем не много.

К главному врачу медицинского сектора надо было явиться только завтра, и Дик решил перед сном прогуляться по Центру. После целого дня, почти полностью прошедшего во враждебном внешнем мире в тесном скафандре под палящими лучами солнца, дважды под обстрелом и один раз в аварии, произошедшей в паре километров над землей, было приятно налегке и не торопясь побродить по безопасным и спокойным улицам Центра. Дик вышел из корпусного шлюза и быстро убедился, что в «Паркере» спокойствия даже через край. Внутри Периметра стоял полумрак, и он удивился, почему уличные фонари включают только вдоль главных улиц. Он подумал, что, наверное, здесь, в «Паркере», действовал свой, какой-то особенный график работы освещения. Однако вскоре выяснилось, что все намного проще. Освещение всегда давали только вдоль центральных улиц. В периферийных гермокорпусах просто никто не жил. Вдали от центра царили безлюдность и запустение. Дороги и тротуары были занесены толстым слоем сухой грязной пыли, несколько раз Дик замечал в прилегающих к Периметру окнах разбитые, а то и вовсе отсутствующие стекла. Что являлось грубым нарушением Инструкции по жизнеобеспечению внутри герметичных корпусов. Видимо, эти корпуса не использовались уже довольно давно, и в будущем их эксплуатация не планировалась, раз здания содержатся в таком состоянии, и никому нет до этого никакого дела. Побродив по давно заброшенным улицам Центра пару часов, Дик вернулся в кубрик и лег спать.

С утра Дик явился на доклад в медицинский сектор. Главный врач, старый лысый полковник, ткнул пальцем в клавиатуру компьютера и несколько секунд изучал его файл.

– Понятно, – буркнул он себе под нос и снова ткнул пальцем, на этот раз в кнопку селектора: – Майор Кертис, зайдите ко мне!

Спустя пару минут в кабинет вошла высокая дородная женщина лет сорока в белом халате с нашивками майора медицинской службы.

– Ваш клиент, майор! – Полковник, не глядя на Дика, небрежно ткнул в него пальцем, словно тот был каким-то малоценным предметом типа восковой куклы.

– Рядовой Картрайт? – зычным голосом осведомилась майор.

– Так точно, мэм! – отрапортовал Дик. – Рядовой Картрайт, второй взвод, рота наблюдателей, Центр «Пэйдж», прибыл согласно предписанию по Программе Обмена генофондом, мэм!

– Прибыл, значит! – Майор пренебрежительно посмотрела на него сверху вниз, отчего Дик почувствовал себя маленьким ребенком, которого очень скоро накажут за совершенную шалость. – Следуй за мной, рядовой!

Она покинула кабинет полковника и, грузно ступая, направилась вглубь медицинского сектора. Дику пришлось прибавить шаг, чтобы не отстать. Через пять минут замысловатых поворотов по всевозможным коридорам, проходящим мимо множества дверей, обозначенных табличками с медицинскими названиями, зачастую Дику совершенно непонятными, они вошли в двери с надписью «Лаборатория ПОГФ». Находящееся за ними помещение оказалось довольно большим, заставленным различным медицинским оборудованием, вдоль стен от пола до потолка тянулись огромные блестящие медицинским металлом шкафы. За оборудованием возилось человек пять немолодых женщин в форме медицинской службы.

– Чип-карту! – грозно приказала майор Кертис, требовательно протягивая руку.

– Да, мэ... – Дик торопливо снял с шеи цепочку, впервые задумавшись о том, что его ждет.

– Посмотрим! – все так же грозно провозгласила майор, вставляя пластиковый квадратик в порт компьютера, – так... так... понятно... не важно... это еще что за чушь? Что за идиот составлял эту сводку! Не важно... не важно... понятно...

– Раздевайтесь, рядовой! – вдруг рявкнула она, вонзив в Дика взгляд, словно болт из арбалета лигов. – Полностью! Живо! Обмундирование – на вешалку за спиной!

Дик залился краской от смущения и принялся неуклюже снимать форму, стараясь не смотреть на окруживших его женщин.

– Живее, рядовой! – гаркнула майор. – У меня нет времени возиться с каждым ребенком, краснеющим при виде собственного голого зада!

Дик снял белье и замер, стыдливо закрывая пах руками.

– Чего сжался, рядовой?! – грозно протрубила майор. – Тут тебе не женская баня! Ты на осмотре у врача! Смир-р-рно! Руки в стороны! Налево! Руки по швам! Смирно! – Она разглядывала его со всех сторон, презрительно скривившись. – М-да! Совсем обмельчали нынче мужики! Напра-во! Руки в стороны! Кру-гом! Руки по швам! Кру-гом!

Дик обалдело вертелся, выполняя команды майора. Наконец, Кертис вернулась к компьютеру, оставив его стоять посреди лаборатории голышом по стойке «смирно». Поцелкав кнопками, она повернулась к нему и рявкнула:

– Вход в душевой отсек слева от тебя, рядовой! Там найдешь полотенце! Даю три минуты на принятие душа! – Она, поморщившись, ткнула рукой в направлении его паха: – И недоразумение свое вымой тщательно! Затем с полотенцем сюда! Выполнять!

Дик, красный словно рак, опрометью умчался в душ. Спустя три минуты, завернутый в полотенце, он вновь предстал перед майором Кертис. При виде его майор молча закатила глаза к потолку и указала на стоящее посреди лаборатории кресло с зажимами для рук, ног и корпуса, опутанное пучком проводов и контактов.

– Садись на кресло, рядовой! – загремела майор. – Полотенце снять и подстелить под свой тощий зад!

Дик выполнил команду, со страхом наблюдая, как медики фиксируют его зажимами на кресле.

– Что это, мэ? – выдавил он из себя вопрос.

– Как это – «что»?! – грозно рявкнула майор, словно башня, нависая над съежившимся Диком. – Аппарат для получения донорского эякулянта! А ты что, рядовой, ожидал поучить здесь грудастую блондинку в одних чулках?! Электрическая стимуляция вызывает необходимое состояние, после этого второй электрический разряд инициирует эякуляцию! Процедура занимает двадцать секунд! Через сутки проводится контрольная процедура! А теперь, рядовой, заткнись и не мешай моим людям работать!

Из медицинского отсека Дик вышел, еле перебирая ногами, с ощущением, будто ему между ног ударили огромной металлической кувалдой. Он с превеликими мучениями добрался до кубрика и рухнул на кровать, словно подкошенный. Боль стихла только к обеду, и Дик, уже не один десяток раз пожалевший, что пропустил завтрак, побрел в столовую. По дороге он хмуро смотрел себе под ноги, представляя, что завтра утром его ждет повторение этой жуткой пытки. В результате, выходя в центральный коридор, Дик врезался в чью-то мощную грудную клетку с капитанскими эмблемами на униформе.

– Смотреть надо перед собой, рядовой, а не пытаться на ходу засунуть свою голову самому себе в задницу! – услышал он приглушенное рычание, словно дикому зверю связали пасть.

– Виноват, сэр! – Дик вытянулся по струнке, устремляя взгляд в глаза офицеру, и тут же похолодел от страха, увидев закрывающий его лицо «намордник».

Мало того, что он умудрился разозлить аж целого капитана, так тот еще оказался инвазивным. Дик никогда не сталкивался с инвазивными близко, но, как и любой гражданин Альянса, наслушался о них вдоволь.

Говорят, подвергшиеся частичному заражению люди становятся кровожадными, словно лиги, и уходят из Центров служить на самые отдаленные базы. Их будто тянет к зараженной местности, они начинают ненавидеть чистых, а в ярости запросто могут перегрызть человеку горло. Поговаривают даже, что инвазивные специально отдаляются от людей, чтобы никто не мог помешать им пить кровь, взятую у пленных лигов! Если капитан разозлится на него, да не позволит такому случиться, Шаро Великая, Дик может нажить себе таких бед, что и врагу не пожелаешь.

– Вам что, рядовой, нечем заняться?– Зловещее хрипение голосовой мембраны «намордника» заставило Дика мгновенно покрыться гусиной кожей. – Почему не на боевом посту? Мне казалось, что в Альянсе объявлено чрезвычайное положение!

– Сэр, я не имею боевого поста в этом Центре. Нахожусь здесь согласно командировочному предписанию, сэр! – Дик замер перед капитаном, вытянувшись по стойке «смирно». Он изо всех сил старался не разозлить инвазивного еще сильнее.

– Вот как? Откуда? – донеслось из-под «намордника».

– Рядовой Картрайт, сэр! Второй взвод, рота наблюдателей, ЦСГР «Пэйдж», сэр! – выпалил Дик, удивляясь тому, что впервые кто-то не определил, откуда он родом.

Капитан разглядывал его с энтузиазмом патологоанатома, только что получившего на свой любимый операционный стол свеженький труп.

– Да... вижу, что ты не отсюда, – неожиданно совершенно спокойно произнес капитан, – небось по Программе Обмена?

– Сэр, так точно, сэр! – гаркнул Дик.

– Не ори, в ушах звенит, – поморщился капитан, – вольно! Свободен, надежда человеческого генофонда! – Он издал короткий смешок, под «намордником» более похожий на рык, и пошел дальше, пробормотав себе под нос: – Давно я не был дома. И еще б не был столько же...

Дик, поняв, что капитан оставил его в покое, облегченно вздохнул и поспешил удалиться подальше, пока инвазивный, упаси Шаро Великая, не заинтересовался им снова. Когда он приблизился к повороту, ведущему к столовой, то увидел группу солдат во главе с пожилым капралом, стоящую за углом. Капрал осторожно выглядывал из-за угла в центральный коридор, провожая взглядом удаляющегося инвазивного капитана. Дик понял, что перед ним, очевидно, сменившийся расчет одного из боевых постов. Капрал привел своих людей на прием пищи и теперь ждал, когда капитан уйдет, не желая рисковать понапрасну, попадаясь на глаза инвазивному офицеру.

– Уходит? – спросил Дика кто-то из солдат.

– Да, – подтвердил Дик.

– Повезло тебе, – капрал не сводил взгляда с коридора.

– Это точно, – поежился Дик, – в первую секунду мне показалось, что он сожрет меня живьем!

– Этот может! – подтвердил капрал, оборачиваясь к своим людям. – Все, ушел. Пошли!

– А кто это был, сэр? – спросил его Дик.

– Это капитан Мэрфи, настоящий зверь и законченный маньяк!

– Капитан Мэрфи?! Герой битвы за Пенициллиновую грибницу? Кавалер Серебряной Звезды Альянса? Не думал, что он инвазивный! – опешил Дик, оглядываясь на пустой коридор, – командир Штурмовой роты калифорнийской базы нефтедобычи?

– Угу, – угрюмо буркнул капрал, – он самый. Только близко к нему лучше не подходить, он тут уже сутки без лиговской крови, кто знает этих инвазивных... Как бы не выпил чью-нибудь еще.

– Но почему он здесь? – удивился Дик. – Разве он не должен быть на базе, там же происходят такие события! Найдены координаты «Наследия»!

– Вот он их и нашел, – поморщился капрал, – за это его наградили отпуском домой. И заодно порекомендовали поделиться боевым опытом, дьявол их побери! И теперь у нас тут две недели будет похлеще, чем сейчас у «Дэвиса»... Чертовы инвазивные, кто придумал держать их вместе с людьми?!

– Как там ситуация? Есть новости? – Дик вспомнил, как инвазивный капитан упомянул про чрезвычайное положение.

– Лиги остановили огнем тяжелой техники в тот момент, когда они собирались переправляться через реку. Пришлось даже взорвать мост через Колорадо в том месте. Лиги закрепились на правом берегу, и сейчас там идут вялотекущие боевые действия, в основном палат друг в друга через реку. Штаб Альянса объявил чрезвычайное положение и выслал войска к «Дэвису». Мы тоже отправили бронегруппу, все свободные люди и техника туда ушли. – Капрал зло сплюнул на пол, грубо нарушая с полдюжины инструкций и предписаний по технике биологической безопасности. – И теперь мы вынуждены тащить службу по две смены подряд! А еще этот псих слоняется тут по боевым постам и проверяет нас! Чертов маньяк! Ему за каждым камнем мерещится лиг! А в каждом часовом – тунейдец! Мы, видите ли, недостаточно бдительно ведем наблюдение, что служит благоприятным обстоятельством для неожиданного нападения лигов! Уже всю душу из людей вынул своими вводными, тревогами и тренировками.

Всего двое суток здесь, а уже всех достал, куда только не залез! И наши офицеры не торопятся ему мешать, боятся связываться с инвазивным, и я их понимаю, провалился он в ад! Похоже, до этого психа так и не дошло, что находится не у себя в Калифорнии! И почему его не отправили вместе с бронегруппой к «Дэвису»?! Ему там самое место, подумать только, сколько кровищи можно выпить у своих любимых лигов!

Капрал, выговорившись, замолчал и перевел дух. Было видно, что за время капитанской активности лично у него на душе накопилось совсем не мало. Дик молча слушал, только сейчас осознавая, как легко он отделался, столкнувшись с Мэрфи.

– Ладно, мне пора идти, – сказал капрал, – давай, сынок, береги себя. И мой тебе совет, если можешь, ходи на обед раньше. Или позже. Потому что в это время здесь можно запросто встретиться с этим лигом в офицерской форме!

Капрал ушел догонять своих людей, и Дик направился в столовую. Обедая в полном одиночестве, привычно слушая, как в большом пустом помещении эхо перегоняет из края в край звуки работы пищевого синтезатора. Пообедав, Дик вернулся в кубрик и задумался, чем заняться дальше. Выходить из кондиционируемого гермокорпуса в душную дневную парилку Периметра не хотелось. К тому же прогулка по пустынному «Паркеру» особого интереса не вызывала, да и одна только мысль о предстоящем наутро визите к майору Кертис отбивала у него всякую охоту шевелить ногами. Тогда он засел за терминал компьютерной сети, решив изучить исторические документы «Паркера». Ему удалось найти довольно интересный архив, где хранилась статистика по пятому поколению археологических рейдов Центра, и он до самого вечера ковырялся в файлах. Некоторые данные по технологическим находкам того времени Дик копировал на внешний носитель. Он отвезет их домой и покажет Хо, это заинтересует старика, как историка. Через несколько часов возни с архивами его глаза стали слипаться, и он улегся на кровать прямо в одежде, решив немного поспать.

Оглушительный вой сирены боевой тревоги сорвал Дик с кровати, заставив подпрыгнуть в воздухе. В кубрике стояла кромешная тьма, и он, не понимая, что происходит, врезался в вытяжной шкаф для хранения скафандра. Ветхий шкаф давно уже не имел дверей, и скафандр вывалился прямо на Дика, путаясь в ногах, и Картрайт упал, ударившись головой о незаметный в темноте стул, и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, в кубрике было тихо, лишь из-под потолка

раздавалось негромкое жужжание. Где-то далеко продолжала надрываться сирена. В воздухе ощущался слабый запах горелой изоляции. Дик пошарил вокруг себя руками, нащупывая опору, и встал. Он на ощупь добрался до выключателей и попытался включить свет. Света не было. Тогда он нашарил тумблер аварийного освещения и с трудом сдвинул прикипевший ржавчиной старый рычажок в положение «включено». В кубрике загорелась красная аварийная лампа. Вероятно, напряжения в аварийной сети не хватало, потому что лампа горела неровным светом, то ярче, то тусклее, временами моргая и отключаясь на короткий миг, после чего вспыхивала вновь.

Дик посмотрел вверх, туда, откуда доносилось странное жужжание, и понял, почему не работает сирена. Старый ревун вышел из строя, не выдержав активации. Вместо громкого сигнала из его корпуса шел сизый дымок и доносился тот самый жужжащий звук. От сильного удара голову словно разламывало на части, картинка перед глазами выглядела нечетко и медленно кружилась, плавно уплывая куда-то вбок. Дик оперся спиной о стену и сжал ладонями голову, пытаясь остановить эту ленивую круговерть, и тут же висок прострелило острой болью. Над височной костью огнем пылала крупная шишка. Дик сполз по стене на пол и некоторое время неподвижно сидел, стараясь не шевелиться, проклиная того, кто решил устроить тревогу в три с половиной часа ночи. Сразу же вспомнился разговор у столовой и жалобы капрала на совершенно безумные вводные капитана Мэрфи. Видимо, злой на весь мир инвазивный герой Альянса добрался и до всеобщих проверок Центра...

Спустя пару минут головокружение прошло, боль заметно утихла, и ему стало легче. Он встал и подошел к кранам подачи воды, собираясь смочить ушибленное место, но гидросистема не работала. Тогда Дик взял со стола недопитую с вечера кружку и опрокинул ее себе на голову. Сознание прояснилось, и Дик принялся надевать скафандр. По Уставу, в случае объявления боевой тревоги все жители должны надеть скафандры, а находящиеся на отдыхе военнослужащие прибыть в армейский сектор и вооружиться. Так как казарма и без того находилась в армейском секторе, дело оставалось за малым: прибыть к дежурному офицеру, получить оружие и дальнейшие указания. Надев скафандр, Дик взял в руки гермошлем и мгновение размышлял, надевать его или нести в руках. Лучше надеть, решил он, все еще чувствуя боль в виске, в коридорах казармы наверняка сейчас стоит суeta и беготня, и случайно получить в висок еще раз не хотелось. Он надел гермошлем и открыл входную дверь.

В кубрик ворвался рев тревожной сирены и густой дым. Дик отпрянул,

вжимаясь в стену, и торопливыми движениями загерметизировал гермошлем. Дым в казарме? Это уже не похоже на проверочную тревогу! Он почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок страха. Кубрик быстро заполнялся дымом, и Дик, включив нашлемный фонарь, вышел в задымленный коридор. В казарме было пусто, работало только аварийное освещение, и в неровном красном свете нестабильно горящих ламп создавалось ощущение, что он пробирается через парообразную кровь. Дик, ориентируясь больше по памяти, чем по зрению, направился к центральному коридору. Там дыма было еще больше, и по мере приближения к служебному крылу температура воздуха росла. Дик подумал, что, возможно, произошло возгорание и тревога была пожарная. Наверное, он слишком долго пролежал без сознания, и за это время все покинули гермокорпус. А система пожаротушения не работает, потому что перегорела электропроводка. Хотя автономное питание еще подается. Странно, подумал Дик, поворачивая в коридор, ведущий к отсеку дежурных смен.

В конце коридора бушевало пламя. Дик остановился, глядя на пожирающий коридор пожар. Эта чертова система пожаротушения, наверное, не работает просто от старости, как ревун сирены в кубрике! Дик тихо выругался и повернул назад. Не известно, насколько сильно распространился огонь, а зажариться заживо перспектива не из приятных. Он вернулся в центральный коридор и решил попробовать дойти до запасного выхода. Двигаться становилось все сложнее, в красном полумраке заполненных дымом коридоров он едва мог разглядеть пальцы вытянутой руки. Наконец ему удалось добраться до лестницы. Оставалось спуститься на первый этаж, шлюзовая камера запасного выхода была расположена недалеко, главное, в дыму не сбиться со счета и не спуститься на минус первый.

Когда Дик спустился на четыре пролета вниз, видимость упала практически до нуля. Он нащупал руками стену, по идее ведущую от лестницы к шлюзу, и включил тумблер ближней связи.

– Это рядовой Картрайт, прием! – произнес он в эфир. – Вызываю пожарную службу и всех, кто меня слышит! Прошу помощи! Прием!

Некоторое время эфир молчал, изредка тихо потрескивая помехами, и Дик решил, что пожар и сильное задымление, наверное, как-то препятствуют распространению сигнала или стены гермокорпуса мешают связи. Он имел весьма смутное представление о технической стороне радиосвязи, к тому же никогда не слышал о том, чтобы кому-то взбрело в голову использовать личную рацию внутри Центра. Он повторил свой

запрос и уже собирался переключиться на дальнюю связь, как в эфире раздался голос:

– Рядовой! Мы слышим вас! Где вы находитесь?

– Нахожусь в армейском секторе, внутри гермокорпуса номер один, казарменное крыло! – обрадовался Дик, услышав ответ, одинокое брожение в задымленных коридорах уже начало навевать на него легкий страх. – Тут все заполнено дымом, видимость ноль. Через центральный шлюз не выйти, там огонь перерезал дорогу. Пытаюсь выйти через запасной шлюз.

– Почему так долго выходите, рядовой? – весело спросил голос, – мы уже думали, что там никого не осталось!

– Я был без сознания, – признался Дик, – ударился головой в темноте. Я могу выйти через запасной шлюз? Там нет пожара? А то тут не видно ни черта!

– Выходите через запасной, там огня нет! – сообщил голос и все так же весело добавил: – Мы сейчас вернемся за вами!

Дик прошел вдоль стены с десятков метров и заметил, что заполняющий коридор дым движется в сторону, где находится шлюз. Где-то очень далеко раздавались какие-то глухие шумы, слабо пробивавшиеся через гермошлем. Значит, его двери открыты и герметизация отключена. Но почему пожарные не заходят в гермокорпус и не тушат огонь? Или он разминутся с ними в дыму? Дик продвинулся еще на несколько метров и оказался перед распахнутым шлюзом. Дым густым потоком валил через шлюз наружу, не давая разглядеть то, что происходит на улице. Дик показалось, что он увидел, как перед входом мелькнуло несколько фигур, видимо, это за ним вернулись пожарные, и он заторопился к выходу. Внутри распахнутой настежь шлюзовой камеры, перед самым выходом, он споткнулся обо что-то в густом дыму и рухнул, неуклюже пытаясь схватиться руками за воздух. Дик сжался, готовясь удариться о пол, но вопреки ожиданиям упал на что-то мягкое.

– Рядовой! Где вы? – раздался в эфире все тот же голос. – Выходите, вы на верном пути, мы только что видели ваш фонарь!

Дик пошарил руками, ощупывая то, на что свалился, и неожиданно наткнулся на что-то круглое, очень знакомое на ощупь. Он быстро наклонился и понял, что споткнулся о лежащего на полу солдата в скафандре. Похоже, тот был без сознания.

– Тут раненый! – закричал он в эфир. – Лежит прямо в шлюзе! Нужна помощь!

– Так тащите его сюда! – радостно посоветовали ему в ответ. – Мы поможем вам обоим!

Дик, путаясь в густом дыму, поднялся на ноги и попытался взвалить солдата на плечи. Пострадавший оказался довольно тяжелым, и некоторое время Дику никак не удавалось его поднять, руки то и дело соскальзывали с непослушного тела. Наконец он смог подтащить пострадавшего к стене, опер его на нее и подлез под бездыханное тело, укладывая солдата себе на плечи. Едва Дик выпрямился и сделал шаг, как тут же наступил на еще одного лежащего человека. Этот был без скафандра, и Дик ужаснулся, подумав о том, сколько времени человек пролежал в густом едком дыму. Его надо срочно вытащить на воздух, иначе он погибнет!

– Здесь еще один! – крикнул Дик в эфир и, сгибаясь под тяжелой ношей, побрел к выходу.

До выхода из шлюзовой камеры оставалось шагов десять, и за это время он натолкнулся еще на нескольких пострадавших. Он собрался с силами, прибавил шаг и буквально вырвался из дымящего жирным смогом входа.

– Там несколько человек не дошли до входа! Им нужна помощь! – воскликнул он на ходу и остановился, как вкопанный, не веря своим глазам.

Все пространство перед входом было усеяно беспорядочно лежащими людьми. Кто-то был облачен в скафандры, кто-то нет, но никто из лежащих не шевелился. Гермокорпуса армейского сектора были объаты пламенем, освещение не работало, лишь блики и отсветы пожаров дикими тенями метались по усыпанной людьми земле, тускло сверкая в лужах крови. Внезапно он понял, что за шумы доносятся из разных частей Центра. Так слышатся удаленные выстрелы, если на тебе надет гермошлем.

Прямо перед ним стояли четыре фигуры с оружием в руках. На них не было скафандров, и в прыгающем свете горящего Центра уродливые перекошенные фигуры казались еще более жуткими и нереальными. Они были одеты в рваные изношенные лохмотья, когда-то бывшие военной формой песочной раскраски, а на грязных обезображенных лицах играли зловещие улыбки, словно существа эти попали сюда прямиком из детских кошмаров Дика.

Лиги! От внезапного приступа панического ужаса Дик остолбенел, замерев на месте с телом на плечах. Огненные блики неровно осветили свисающее с плеч тело пострадавшего, и Дик понял, почему так скользили руки, когда он пытался его поднять. Скафандр солдата был густо измазан кровью.

– Ну почему же не дошли! Дошли! – хохотнул один из лигов. Правое плечо у него было намного выше левого, а левая нога, имеющая два коленных сустава, была зажата в самодельный протез. В одной руке он

держал пистолет-пулемет, в другой – старую армейскую рацию. – Это они уже обратно возвращались!

Лиги дружно засмеялись.

– Сейчас мы тебе поможем, – сообщил тот, что с рацией, – обещания надо выполнять! – Лиги вновь заржали. – Вообще мы тут всем помогаем. Избавляем от мучений. Так что можешь не благодарить!

Лиг ухмыльнулся и вскинул оружие. Дик, словно получив разряд электротока, развернулся и опрометью бросился обратно в чадающий густым дымом шлюз. От полученного шока он забыл, что тащит на плечах мертвое тело, и изо всех сил старался скрыться в дыму, панически не понимая, почему бежать так тяжело. Позади продолжали гоготать лиги, веселясь над надрывающимся от напряжения Диком. Он не успел сделать и пяти шагов, как вслед ему раздалась короткая очередь. Пули вошли в висящее на плечах мертвое тело, Дик не удержался от сильного толчка и полетел на землю. Труп солдата больно упал на него сверху, придавливая к земле. Дик в ужасе, извиваясь, пытался вырваться из-под мертвого тела, глядя на приближающегося к нему высокого тощего лига с мачете в руке. Его нижняя челюсть была значительно короче верхней, вытянутой вперед и словно вывернутой наизнанку, с черных прогнивших зубов свисала желтая слюна.

– Расслабься, чистенький! – выплевывая сгустки слюны, невнятно прошепелявил лиг, поигрывая мачете, – долго мучиться не будешь. Я отрублю тебе твою правильную башку, и мы с парнями сыграем ею в футбол! – Он посмотрел Дику в глаза. – Знаешь, что такое футбол?

Дик понял, что убежать невозможно, и в отчаянной попытке сбросил с себя мертвеца. Но было уже поздно. Лиг захрипел от ярости и занес мачете для удара. Длинная пулеметная очередь глухо разорвала тишину где-то совсем рядом. Лиг судорожно затрясся и неуклюже рухнул прямо на Дика, заливая кровью лицевой щиток гермошлема. Дик закричал от захлестнувшего его страха, вырвался из-под уродливого тела и бросился бежать, не разбирая дороги. Тут же что-то подсекло ему ногу, и он полетел на землю. Едва Дик упал, как на спину ему больно опустилось нечто тяжелое, придавливая его так, что стало трудно дышать.

– Куда? Лежать! – глухо прозвучал незнакомый голос прямо над головой. – Заткнись, рядовой, и не смей раскрывать рот без моего приказа! Отвечай жестами! Понял?

Дик послушно кивнул.

– Поднимайся! – донеслась следующая команда. – Быстро!

Тяжесть со спины исчезла, и Дик торопливо поднялся с земли,

озираясь по сторонам. Лиги лежали в луже крови, не успев сделать и шага, стрелявший застал их врасплох. Позади Дика стоял человек в боевом скафандре с пулеметом в руках. Тяжелый пулемет в мощных руках выглядел, словно обычная винтовка.

– Рядовой, ты умеешь переключать рацию на запасную частоту? – Незнакомец говорил, не пользуясь радиосвязью, просто повысив голос.

Дик уже открыл рот, чтобы ответить привычное «Да, сэр!», но, увидев направленный себе в голову пулеметный ствол, поперхнулся и энергично закивал головой.

– Вот так-то лучше, рядовой, – оценил незнакомец, – жестами, жестами. За мной, и делай как я!

Они, крадучись, побежали вдоль стены подальше от входа. Выбрав наименее освещенный пожарами участок гермокорпуса, они засели в полумраке, стараясь слиться со стеной. Незнакомец уперся гермошлемом в гермошлем Дика и произнес:

– Теперь переходи на запасную частоту и слушай меня!

Дик кивнул. Он нащупал переключатель каналов рации, снял фиксатор и несколько раз провернул верньер, выщелкивая запасную частоту.

– Слышишь меня в эфире? – спросил незнакомец. Сейчас, когда они находились практически лицом к лицу, его глаза показались Дикю знакомыми.

Дик отрицательно мотнул головой. Эфир был пуст.

– Давай следующую! – скомандовал незнакомец.

Дик послушно щелкнул верньером.

– Слышишь? – глухо прозвучал вопрос.

Эфир молчал, и Дик вновь отрицательно кивнул.

– Дальше! – коротко приказал незнакомец.

Дик снова щелкнул каналом.

– А теперь? – ударил по ушам голос в эфире.

От неожиданности Дик чуть не подпрыгнул и быстро закивал головой.

– Отлично. – констатировал незнакомец. – Фиксируй частоту. Теперь можешь говорить. Вряд ли у лигов хватит навыков отсканировать резервные частоты. Где твоё оружие, рядовой?

– У меня его нет, сэр... – ответил Дик.

– Что? – Незнакомец приподнялся и посмотрел на Дика, как на придурка.

В неровном свете разгорающихся пожаров Дик разглядел на скафандре незнакомца капитанские эмблемы и надпись «Мэрфи». Дик мгновенно похолодел от страха. В гермошлеме, без «намордника», он

совсем не узнал инвазивного капитана. Даже голос был другой.

– То есть оно в арсенале, сэр! – торопливо оправдывался Дик. – Я не смог туда добраться, там был пожар, сэр...

– Хреново, – заключил капитан, – ладно, потом разберемся. Сейчас нужно покинуть армейский сектор, тут все кишит лигами. За мной!

Они долго крались вдоль стен пылающих гермокорпусов, стараясь держаться в тени, пригнувшись, пересекали заполненные мертвыми телами улицы, подолгу лежали, вжавшись в землю, когда рядом проходили отряды вооруженных лигов. Центральные улицы были буквально усеяны трупами, повсюду сновали небольшие группы уродов, прочесывающие местность в поисках выживших. При их приближении Дик с капитаном падали на землю и замирали в неестественных позах, изображая убитых. Эта уловка не сработала только раз, на самой границе сектора. Двое уродливых лигов подошли к лежащему Дику и остановились, что-то заподозрив. Один из них поддел его ногой, переворачивая лицом вверх, и в этот момент Мэрфи, оказавшийся у них за спинами, бесшумно поднялся и одним прыжком оказался рядом с уродами. Дик только и успел удивиться, как это ему удается так тихо двигаться в тяжелом неуклюжем скафандре. Капитан сорвал с пояса одного из лигов его же мачете и мгновенно нанес два мощных рубящих удара. Огромный ржавый нож оказался не таким уж тупым, и два обезглавленных тела тихо рухнули на землю, быстро образуя огромную лужу крови. Мэрфи обшарил трупы и хмыкнул:

– Боекомплекта штук по триста патронов у каждого. Гранаты, рации, мачете. Патроны новенькие, недавно из цинка. Даже лохмотья свои подобрали под цвет пустыни. Уродцы серьезно готовились к этому нападению, наверняка операцию разрабатывали не один месяц. Значит, была разведка, многодневное наблюдение, сто процентов – шпионы среди рабов. Десятитысячная армия не приходит просто так! – Он распахивал гранаты по подсумкам. – И наши толстозадые ленивцы умудрились ничего этого не заметить. Служба была поставлена ни к черту!

Капитан приладил лиговскую рацию себе на скафандр и прислушался к вражескому эфиру. Где-то вне Центра шел бой, и лиги вели активные переговоры, преследуя оставшихся людей.

– Надо выбираться из Центра, пока еще остается шанс. – Мэрфи поднял с земли винтовку лига и коротким движением бросил ее Дику. – Пользоваться умеешь?

– Так точно, сэр! – отрапортовал Дик. – Проходил подготовку в рамках необходимого...

– Понятно – не умеешь, – оборвал его капитан. – Альянс превратился в

стадо непуганых идиотов. Не удивительно, что стало возможным такое! – Он окинул взглядом пылающий Центр и, поморщившись, посмотрел на Дика: – Подбирай боезапас и пошли. Второй ствол тоже возьми.

Дик торопливо забрал у убитых патроны, стараясь не смотреть на тела, забросил за спину вторую винтовку и побежал за капитаном, скрывшимся в предрассветном полумраке. Они долго крались вдоль Периметра, прячась от лигов, пока не вышли к большому пролому. В этом месте по стене били снарядами, а потом ее взяли на таран танками. Метров пятьдесят стены превратилось в руины, часть купола Периметра, лишившаяся опор, лопнула и обрушилась на землю. Внутри разбитой стены стояло несколько танков с заглушенными двигателями и лениво суеилось штук тридцать лигов.

– Вот здесь и будем выходить! – Мэрфи опустил ночной бинокль. – Да поможет нам Шаро Великая!

– Сэр, но там же полно лигов! – воскликнул Дик.

– Думаешь, в другом месте их меньше? – усмехнулся капитан. – Например, у центральных ворот?

– Я... я не знаю, сэр, – ответил Дик, – просто их там так много! Как мы сможем пройти незамеченными?

– На нашей стороне фактор внезапности, рядовой, – Мэрфи вновь поднял бинокль, осматривая возящихся у пролома лигов, – вряд ли они ждут, что кто-то попытается выйти через их собственный пролом. Все, кто успел покинуть Центр, уходили через запасные ворота, и наверняка лиги и сейчас держат их открытыми. Как приманку. Вроде того, как они подожгли центральный шлюз в нашем гермокорпусе и встречали всех у запасного. Так и здесь. Намного проще дать людям выйти из Центра и перестрелять их на открытой местности, чем выковыривать из лабиринтов гермокорпусов. Так что идти к воротам – не самое удачное решение. А здесь нас не ждут.

Капитан убрал бинокль и положил пулемет на землю. Затем он повернулся к Дику и забрал у него одну из винтовок.

– Сиди здесь, рядовой, и наблюдай за противником. В эфир выходить только в крайнем случае. Если к ним прибудет подкрепление, сообщишь. Вопросы?

– Никак нет, сэр! – ответил Дик, с ужасом глядя, как Мэрфи растворяется во мраке, оставляя его один на один с кишасей лигами темнотой.

Оставшись в одиночестве, Дик затаился и принялся наблюдать за проломом. Первую минуту он лежал неподвижно, стараясь не шевелиться, но очень скоро натянутые до предела нервы начали играть с ним злые

шутки. Отовсюду ему слышались шорохи подкрадывающихся лигов, словно враги окружили его со всех сторон и теперь медленно приближаются, крадучись во тьме, чтобы застать его врасплох. Дик торопливо отполз вплотную к Периметру и, прижавшись спиной к стене, вертелся из стороны в сторону, стараясь взять на мушку темноту, из которой вот-вот появится враг.

– Замри, рядовой! – Капитан возник рядом, словно из ниоткуда, винтовки у него уже не было. – Ты дергаешься так, что тебя видно в «Дэвисе», а слышно в «Гувере»! Возьми себя в руки и перестань быть тряпкой, иначе мы точно отсюда не выйдем!

– Виноват, сэр! – пристыженно ответил Дик, – я... просто... это... мне казалось...

– Заткнись! – посоветовал Мэрфи.

– Да, сэр!

– А теперь за мной, – скомандовал капитан. – Медленно и без идиотизма, вызванного ударившей в голову от страха мочой! И без команды не стрелять. Ты хорошо понял меня, рядовой?!

– Сэр, да, сэр! – решительно ответил Дик. Сейчас, когда капитан вернулся, окружающая темнота уже не казалась ему такой угрожающей. – Я вас не подведу, сэр!

Мэрфи молча развернулся и, пригнувшись, медленно двинулся вдоль стены к пролому. Дик последовал за ним, стараясь повторять за капитаном его движения. Они приблизились к освещенному кострами пролому с левой стороны, и у самой границы освещенного пространства капитан остановился. Дик замер у него за спиной, совершенно не понимая, как же они будут проходить через всю эту огромную толпу лигов. Тем временем Мэрфи аккуратно положил пулемет на землю и достал несколько гранат. Он выдернул чеку, размахнулся и с силой метнул гранату куда-то в темноту Центра, совсем в другую от лигов сторону. Дик, недоумевая, молча следил за действиями капитана. В темноте, справа от пролома, сверкнула вспышка и раздался звук взрыва. Лиги, охранявшие проход, мгновенно залегли, развернувшись в сторону взрыва. Мэрфи выдернул чеку из второй гранаты и отправил ее вслед за первой. Грянул второй взрыв, и торчащий из башенного люка лиг-танкист начал шарить по темноте лучом прожектора. Капитан прислонил к гермошлему трофейную рацию лигов и, грубо шепелявя, заорал:

– Мы под огнем! Нужна помощь! Это засада!

Он метнул туда же третью гранату и вновь закричал в эфир:

– Они здесь! Дом справа от пролома, двести метров, восточная... – Он

оборвал фразу на полуслове в момент третьего взрыва.

Залегшие у входа лиги вскочили и бросились в темноту, громко галдя, а возившиеся с прожекторами танкисты нырнули вглубь башен и закрыли люки. В эфире сразу несколько голосов, мешая друг другу, наперебой задавали вопросы, пытаясь уточнить, кто звал на помощь и куда конкретно бежать. Внезапно в темноте, где скрылись лиги, раздалась долгая автоматная очередь. Похоже, кто-то за раз разрядил весь магазин. Мэрфи, словно ждавший этого, метнул в темноту еще одну гранату. В эфире раздался крик боли, и тут же началась беспорядочная стрельба. Раздался четвертый взрыв, кто-то истошно заорал так сильно, что Дик вздрогнул. Темнота вдали расцветилась десятками вспышек, лиги палили во все стороны, стараясь достать невидимого противника. Эфир надрывался всевозможными криками и воплями попавших под огонь лигов, которым никак не удавалось обнаружить противника. Где-то вдали бабахнуло сразу дважды, какой-то лиговский командир что-то заорал, и один из охранявших пролом танков, взревев двигателем, рванул на помощь. Остальные прошли в сторону разгоравшегося боя метров десять и остановились, водя лучами прожекторов в поисках врагов.

– Ого! – тихо прокомментировал Мэрфи, глядя на опустевший пролом. – Такого эффекта я не ожидал. – Он быстро поднял с земли пулемет. – Рядовой! За мной, бегом марш! Уходим очень быстро!

Они, пригнувшись как можно ниже, быстро побежали вдоль стены к краю пролома. За стеной было пусто, вдали пылали огневые точки пояса укреплений, освещая отряды лигов, обыскивающих развалины дотов и капониров. Капитан рванул к окутанным предрассветными сумерками холмам так быстро, что Дик чуть было не потерял его из виду. Он выбился из сил, пытаясь успеть за ним, и, поднимаясь по скалистому склону, еле переставлял ноги, тяжело хватая ртом воздух. Взобравшись на один из холмов, Мэрфи залег и достал бинокль. Дик в изнеможении рухнул рядом с ним на спину, пытаясь отдышаться. Ему казалось, что еще немного, и бешено бьющееся сердце просто выпрыгнет из груди.

– Понятно, – неторопливо произнес капитан, осматривая окрестности горящего Центра, – похоже, наши доблестные защитнички просто проспали начало штурма. Судя по тому, что я вижу, лиги захватили ГЭС непосредственно перед атакой. Вот почему не было электричества... Не думал, что бетон так хорошо горит...

Он некоторое время смотрел в бинокль через реку, на зарево, стоящее над постройками около плотины, затем вернулся к пылающему «Паркеру».

– Половина укреплений военизированного пояса не повреждена, –

сообщил он, продолжая осмотр, – значит, лиги подавили сопротивление очень быстро. – Он хмыкнул. – Если учитывать, как здесь несли службу в те сутки, что прошли при мне, это не удивительно. К тому же основные силы Центра ушли к «Дэвису» вместе с тяжелой техникой. Чертовы уродцы, они все спланировали заранее! Атака на «Дэвис» была отвлекающим маневром! Да... Этот Круул молодец, нечего сказать...

Восстановивший дыхание Дик перевернулся на живот и с ужасом глядел на распростершуюся внизу картину. Периметр Центра был разрушен во многих местах, из десятков дыр, покрывавших купол, шел густой дым и вырывалось пламя. Было ясно, что через несколько часов «Паркер» превратится в один большой пожар. На другом берегу реки, за плотиной, пылала ГЭС, а местность вокруг дамбы была заполнена лигами и их боевыми машинами. Со своей позиции Дику были хорошо видны центральные ворота «Паркера», взорванные и развороченные, окруженные техникой и многочисленными отрядами лигов. Пролом, через который им с Мэрфи удалось бежать, был вновь перекрыт бойцами противника. На какое-то мгновение Дику даже показалось, что все это ему видится в страшном кошмаре, вызванном сильным ударом головой. Центр умирал на глазах. А лиги, они были повсюду и в таком количестве, словно вся Калифорния явилась сюда насладиться гибелью десятков тысяч людей. Сейчас Дику его спасение показалось редчайшим и чудесным стечением обстоятельств. Сама Шаро Предрекшая захотела, чтобы он остался жив.

– Сэр, – отважился задать вопрос Дик, – как вы меня нашли, сэр? Там, около гермокорпуса?

– Услышал твои вопли в эфире, – усмехнулся Мэрфи, – и мне стало любопытно, кто еще проспал войну.

– Я не проспал, сэр! – начал оправдываться Дик. – Когда сработал сигнал тревоги, электричества уже не было, я запнулся, упал и ударился головой... – он замялся, – я не знаю, сколько был без сознания, сэр!

– Вот как? – хмыкнул капитан. – Хорошо что у тебя нет мозгов, рядовой, иначе мог заработать сотрясение! – Он сделал короткую паузу и добавил: – А вот я проспал. У меня в кубрике чертова сирена просто не заработала. Проснулся по будильнику, хотел проверить ночные смены... – Он замолчал, прильнув к биноклю.

– Сэр, а откуда вы знали, там, у пролома, что лиги все уйдут и даже танки уберут? – спросил Дик.

– Я не знал, – пожал плечами Мэрфи, – я был уверен, что они клонут на взрывы и крики о помощи и умчатся в темноту срывать растяжки и палить незнамо куда. Я их хорошо знаю, не первый год, так сказать, близко

общаемся. Большинство из уродцев не очень умны. Но с танками они меня удивили... Я бы сказал, повезло нам. А вот ему, похоже, нет! – капитан посмотрел в небо.

Дик проследил его взгляд и увидел летящий над рекой силуэт маленького самолета. С обоих берегов реки, сразу с нескольких сторон, к нему густо тянулись пунктиры пулеметных очередей. Самолет вспыхнул, пламя осветило корпус, и Дик узнал старушку Мэрилин, машину капитана Индианы Джонса Цукермана. Пилот отчаянно пытался удержать контроль над самолетом и даже успел пересечь реку, но в этот момент хвостовую часть самолета разнесло взрывом.

– Топливные баки рванули, – флегматично прокомментировал Мэрфи, – высокогато падать...

Охваченная огнем передняя часть самолета камнем рухнула вниз, врезаясь в землю, и на месте крушения полыхнул второй взрыв. Дик закрыл глаза и прочел короткую молитву Шаро Предрекшей о спасении души капитана Джонса.

– Рядовой, хватит медитировать! – прервал его моления капитан. – Вставай, пора идти.

– Куда мы пойдем, сэр? – Дик недоуменно посмотрел на него.

– Подальше отсюда, – ответил Мэрфи, – скоро будет совсем светло, и лиги могут прочесать окрестности, после того как закончат с катерами.

– С катерами, сэр? – не понял Дик.

Капитан сделал жест в сторону реки:

– Там, на причале, все, кто успел покинуть Центр, грузятся на корабли. Хотят уйти по реке к «Дэвису». Думаю, лиги специально не стали перекрывать запасные ворота, чтобы дать им влезть в эту ловушку.

Дик посмотрел на слабо виднеющийся причал, облепленный разномастными кораблями. На причале царила давка, толпы людей, давя друг друга, стремились подняться на борт. От запасных ворот к причалу бежали крохотные фигурки в скафандрах, спотыкаясь о трупы сотен жителей Центра, что в панике не надели скафандры и погибли в ядовитой атмосфере. Их тела густо устилали землю перед распахнутыми воротами.

– Тогда надо спешить! – вскочил Дик. – Возможно, мы еще можем успеть!

– Куда, рядовой? – поднял брови капитан.

– На корабли! – не унимался Дик. – Мы можем связаться с ними по рации! Они дождутся нас!

– Давно уже не видел так близко придурка, которому настолько сильно хочется умереть! – философски произнес Мэрфи, насмешливо глядя на

Дика.

– Прошу прощения, сэр, но я не понимаю...

– Сотрясение? – участливо уточнил капитан. – Мне очень жаль, сынок...

– Но, сэр... – Дик растерянно замер, глядя то на капитана, то на едва заметные силуэты катеров, медленно отползающих от причала.

– Это ловушка, рядовой, – вздохнул Мэрфи. – Что бы ты сделал, если бы хотел уничтожить ЦСГР противника и заранее к этому подготовился? Вот ты захватил ГЭС, плотину, раздолбал Центр. Ты окружил Периметр и, стремясь избежать лишних потерь в ходе уличных боев и зачистки гермокорпусов, оставил врагу единственный выход, ведущий к причалу с кораблями, которые могут уйти по верхнему течению реки. Но твоя цель – полное уничтожение ненавистного врага. Каковы твои дальнейшие действия?

Дик, не ожидая такого вопроса, немного подумал и заявил:

– Я бы попытался атаковать причал, когда все на нем соберутся! А уже отчалившие корабли обстреливал сверху, с берегов Большого Каньона, там, где он узкий!

– Да? – было видно, что капитан искренне удивлен такой непроходимой глупостью собеседника, – то есть ты выпустил бы противника из Центра, чтобы потом бегать за ним вдоль всей Колорадо? Гениально!

Он с жалостью посмотрел на стушевавшегося Дика, отвернулся и вновь приник к биноклю, разглядывая причал.

– А я бы дождался, когда противник погрузится на плавсредства и выйдет на воду, – задумчиво произнес капитан, не отрываясь от наблюдения, – а потом взорвал бы плотину, вызвав обвал уровня воды в водохранилище. И все эти ржавые лоханки просто разобьет течением. А все, что не разобьет, вынесет к остаткам плотины, под огонь моих подразделений. И думается мне, что раз лиги не торопятся атаковать причал, то так оно и будет.

Дик, шокированный услышанным, беспомощно смотрел на ползущие по реке одна за другой фигурки катеров. Он отчетливо понял, что ничем не может помочь спасавшимся на них людям, обреченным на гибель. Очень скоро их ждет смерть, и он не в силах помешать этому. Дик опустил на землю и молча не сводил глаз с мутной коричневой глади ядовитой воды.

Лиги взорвали плотину через пятнадцать минут, когда последний из катеров вышел к центру реки. Мэрфи оказался прав, они подготовили операцию заранее и не испытывали недостатка во взрывчатке. Взрыв был

такой силы, что издалека казалось, будто дамбу разнесло в клочья целиком. Водохранилище, оставшееся без железобетонных оков, ринулось вниз, еще больше разрушая остатки плотины. Схваченные мощным течением, старые суда потеряли управление и оказались во власти бушующего потока. Бешено рвущаяся к разрушенной дамбе вода подхватила ветхие катера, безуспешно пытающиеся справиться с течением, и потащила в обратном направлении. Некоторые суда попытались повернуть к берегу, и это только ухудшило их положение. Оказавшись боком к мощному течению, они потеряли управление и получили осевое вращение. Несколько судов столкнулось, самые ветхие из них не выдержали удара и начали разваливаться на части. С их палуб в ядовитую воду посыпались люди. Под давлением приходящих в движение все больших водных масс течение набирало силу с огромной скоростью. Шесть или семь катеров вынесло к скалистому берегу и швырнуло на огромные камни, смятая ржавые корпуса, словно пластилиновые, и прибрежное течение быстро заполнилось человеческими телами. Остальные суда в считанные мгновения вынесло к разрушенной плотине и потащило к разлому. Расположенные по обеим сторонам развороченной дамбы подразделения лигов открыли огонь, и бурлящая грязными бурунами ядовитая вода наполнилась тонущими людьми и человеческой кровью. Одни катера тонули, получив серьезные повреждения, другие разбивались о разрушенную плотину. Несколько самых крепких судов, все еще держащихся на плаву, течением вытащило к разлому в дамбе, где они сгрудились, упершись в подводные обломки, нависая над двадцатисемиметровым обрывом плотины. Какое-то время это скопище катеров упиралось в разрушенную дамбу, словно пытаясь удержаться от смертельного падения, но ревущий поток оказался сильнее, обломки плотины не выдержали, и пробка из сбившихся в кучу беспомощных судов, заполненных мечущимися в ужасе людьми, полетела вниз.

– Пошли, рядовой, – негромко сказал капитан, опуская бинокль, – у нас есть немного времени, пока лиги будут развлекаться отлавливанием тех, кто не отдал богу душу, попав в воду. – Он поднялся на ноги и взял в руки пулемет. – А мы пока попробуем спасти выживших. – Капитан отправился куда-то на северо-запад.

– Разве кому-то удастся там выжить? – глухо спросил Дик, пораженный увиденным зрелищем. Его мозг до сих пор не желал смириться со всем, что произошло с Центром, кораблями и десятками тысяч людей. Непробиваемое спокойствие капитана для Дика вообще было за гранью доступного.

– Там – нет. – Мэрфи отрицательно кивнул головой. – Думаю, лиги об этом позаботятся. – Он повесил пулемет на плечо и, придерживая его одной рукой, второй то и дело подносил к гермошлему бинокль, часто останавливаясь.

– Тогда кого мы будем спасать, сэр? – Дик обреченно брел за ним, бросая взгляды на пылающий Центр.

За прошедшее время огонь охватил Периметр целиком, и «Паркер» представлял собой один гигантский костер. Подразделения лигов покинули горящий Центр и заняли позиции у края военизированного пояса. С высоты холма армия лигов напоминала Дику огромное грязно-серое болото, готовящееся затянуть собой пылающий «Паркер».

– Люди – эгоистичные и жалкие существа, рядовой, – философски заметил капитан, – живут по принципу «после нас – хоть потоп» и даже за свои жизни борются по формулам «спасайся, кто может» и «каждый сам за себя». Не всем хватило места на кораблях, да никто особо и не собирался ждать всех. Севернее запасных ворот «Паркера» я заметил разрозненных людей, пытающихся убраться от Центра подальше. Довольно бестолково бегает по пустыне... – Мэрфи снова поднес к глазам бинокль и пару мгновений рассматривал пустыню, – с таким подходом лиги их всех рано или поздно переловят.

– За что они так ненавидят нас?! – прошептал Дик, потрясенный жестокостью произошедших событий.

– Рядовой, ты как, просто туповат или действительно так сильно ударился головой? – Капитан опустил бинокль и обернулся, глядя на Дика как на некое редкостное недоразумение. – Лиги – это обезображенные генетическими мутациями инвалиды, которым даже сам процесс жизни дается с трудом. Девяносто девять процентов из них постоянно испытывают различные боли, причем у половины эти самые боли довольно острые. Ты знаешь, какой товар у них самый ходовой? Наркотики. Самодельный отвар из какого-то мутировавшего гриба, на некоторое время снимающий боль. И это мы сделали их такими. Точнее, наши предки, и лиги хорошо помнят об этом. Они – потомки обычных людей прошлого, употреблявших в пищу ГМО, которое привело к мутациям детей, мы – потомки личного состава концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн», этим самым ГМО десятки лет их кормившего. А потом еще и бросившего и лигов, и их родителей подыхать в зараженной трансгенами биосфере, укрывшись в безопасности Периметров. Ты думаешь, жалкая пара сотен лет способна стереть из человеческой памяти такое? Эта ненависть передается из поколения в поколение от родителей к детям, и умрет она только вместе с

последним лигом! Или вместе с последним человеком, тут уж кому как повезет.

Мэрфи поправил пулемет и пошел дальше, зло бросив через плечо:

– Так что перестань ныть, рядовой. Лучше пойдем, попробуем спасти десяток-другой человек.

Собрать удалось полторы сотни выживших, в основном женщин с детьми и стариков, тех, кто не мог двигаться быстро и потому не успел добраться до причала с кораблями, и с десятков солдат, добровольно оставшихся прикрывать отход судов. Мэрфи собирал людей часа два, после чего заявил, что поиски окончены.

– Дольше возиться нельзя, – сказал он Дику, – иначе не успеем уйти, уже совсем светло, и лиги скоро начнут прочесывать окрестности Центра. Так что, рядовой, бегом марш в хвост колонны, и чтобы никто не отстал и не потерялся. Радиомолчание без причины не нарушать!

Капитан увел выживших в холмы, петляя и запутывая следы, стараясь забраться как можно дальше. Он спрятал людей среди нависающих валунов, дающих хоть какую-то защиту от палящего солнца, и весь день не позволял покидать укрытия. До самого вечера ветер приносил со стороны погибшего Центра звуки выстрелов, а по проходящей неподалеку от холмов дороге ездили машины лигов, заполненные вооруженными бойцами. С наступлением темноты лиги свернули активность, и все стихло. Мэрфи вывел людей на дорогу и выстроил в колонну.

– Это шоссе не выведет нас к «Дэвису», – сказал капитан, собрав всех оставшихся в строю солдат на короткое совещание, – слишком далеко. К тому же оно идет через земли лигов. Но гражданские об этом знать не должны, не стоит пугать детей и женщин. Нам надо уйти от Центра как можно дальше. Поэтому пойдем тут и попробуем пройти по нему, сколько сможем. Если силы Альянса выдвинулись на сигнал SOS «Паркера», то идти они будут по этой дороге.

Колонна шла тяжело, часто останавливаясь на привалы. Голодные дети, не привыкшие к скафандрам, выбились из сил, многих приходилось нести на руках. Несколько человек, имевшие в своих скафандрах давно не менявшиеся картриджи фильтров, погибли от отравления плохо очищенным воздухом. Их тела бросали на обочине, Мэрфи запретил тратить на погребение силы и время, а сжечь трупы означало тут же выдать врагу свое местоположение. За ночь прошли едва двадцать километров, и капитан приказал сойти с дороги, чтобы отыскать место для дневки. У шоссе выставили наблюдателей, и еще через час часовые доложили о приближающемся с северо-востока шуме двигателей. Люди попрятались

среди камней, пытаясь укрыться от опасности, и окрестности дороги опустели. Спустя несколько минут из-за огибающего холм поворота появилась колонна бронетехники с эмблемами Колорадского Альянса на бортах.

– Мистер Картрайт! Я счастлив пожать вам руку! – Президент Рокфеллер сжал Дику кисть и торжественно замер перед объективами камер, давая журналистам возможность запечатлеть сей важный момент. – И вручить вам заслуженную награду – «Пурпурное сердце»! Я рад, что среди молодых американцев Альянса по-прежнему есть доблестные герои, готовые в тяжелый для всех час самоотверженно выполнять свой долг, рискуя собственной жизнью во имя спасения людей!

Дик, моргая от частых вспышек камер, затаив дыхание смотрел, как сам Президент лично прикрепляет награду ему на мундир. Президент ловким отработанным движением прицепил орден и развернулся к журналистам и камерам.

– Теперь, когда память погибших увековечена, а подвиги героев отмечены по заслугам, я хочу обратиться к гражданам Альянса! – заявил он, и кабинет вновь потонул в блеске вспышек.

– Садитесь, капрал, – раздался шепот президентского референта по вопросам протокола. Специально для управления церемониями Дику выдали небольшой наушник, незаметно вставляющийся в ухо, – проходите слева от Президента и занимайте свое место.

Дик повиновался, стараясь двигаться степенно и торжественно, согласно инструкциям, полученным накануне во время репетиции награждения. Он отошел от Президента, выходя из поля зрения камер, и занял свое кресло среди приглашенных на церемонию персон. Странно, но капитана Мэрфи в зале не было. Его почему-то наградили за день до церемонии, тихо и без особого шума. Дик даже узнал об этом случайно, прочитав в сети в новостях, в скромной заметке из трех строк.

В тот день, когда выживших подобрала армейская колонна, двигавшаяся на помощь «Паркеру», командовавший колонной генерал, получив от спасенных сведения об истинном положении дел, остановил продвижение войск к Центру. Узнав о том, что «Паркер» уничтожен, плотина разрушена, пенициллиновая грибница захвачена и, скорее всего, разорена и помогать особо некому, генерал решил не торопиться. А выяснив, что вооружение лигов вряд ли сильно уступает его подразделениям, а численность многократно превосходит имеющиеся у него силы, решил не рисковать и выйти к «Паркеру» одновременно со

второй войсковой колонной, движущейся по шоссе вдоль правого берега Колорадо. Генерал вышел на связь с ее командиром для согласования действий, и оказалось, что второй отряд опаздывает почти на четыре часа. В ожидании его прибытия войска заняли оборону, закрепившись на шоссе и прилегающих к нему высотах.

К «Паркеру» вышли к полудню, атаковав сразу с двух направлений, стремясь зажать противника в тиски. Но воевать было не с кем. Лиги ушли, оставив все еще пылающий Центр. Войти внутрь горящего «Паркера» так никто и не решился, командиры не стали рисковать людьми. К вечеру разбитый купол Периметра обрушился прямо на глазах людей, разламывая высотные гермокорпуса, и Дик долго не мог отвести взгляд от горящих развалин, рваные силуэты которых на фоне вечернего неба напоминали ему торчащие из плоти острые обломки костей.

– Войска надо отводить подальше от этого кладбища, – Мэрфи поморщился, глядя на проезжающий мимо генеральский БТР, – пока ночь не настала. А не сидеть без дела на своих отожранных генеральских задницах, в ожидании, когда штаб решит все за тебя.

– Может, командование ожидает атаки лигов, – предположил Дик.

– Сдались мы им, – усмехнулся капитан, – Круул не дурак, и только последний идиот этого еще не понял. Ну и наш штаб, разумеется. Он не будет попусту губить войска. Он прекрасно знает, что мы превосходим его армию в техническом оснащении и, самое главное, в квалификации применения сложной техники. Зачем ему Пиррова победа? Тем более сейчас, когда он уже близок к своей цели.

– Разве он ее уже не добился? – Дик обвел рукой пожары, бушующие над развалинами Центра и сооружений ГЭС. – «Паркер» уничтожен, почти пятьдесят тысяч людей убиты. Разве не это была его цель?

– Нет, конечно, – покачал головой Мэрфи, – это лишь часть плана. Он хочет стереть с лица земли всех людей, именно эта идея и сделала его лидером лигов в Калифорнии, сделает и в Аризоне. Он стал всеобщим кумиром двадцать лет назад, после уничтожения ЦСГР «Монтичелло». Их ГЭС, кстати, Круул разрушать не стал, лиги до сих пор используют ее, там, кажется, один турбогенератор все еще функционирует. Но для уничтожения всех человеческих анклавов ему нужны гораздо большие силы и средства. Разгром Центра «Паркер» сделает его лидером и в Аризоне. Я готов спорить с кем угодно на свой месячный пищевой рацион, что Круул не уйдет обратно в Калифорнию, а закрепится в Юме и быстро подомнет под себя местных уродцев. А главное, с падением «Паркера» ему открывается прямая дорога на Финикс, где можно откопать много чего полезного. И на

Флагштафф, в лесах которого живет еще тысяч четыреста лигов.

Капитан зло скривился, глядя на усыпанные трупами окрестности развороченного Периметра:

– Круул потратит пару лет на раскопки и оснащение армии, наберет и обучит еще солдат. Вот после этого он и примется за нас всерьез. А до тех пор в крупное сражение он не полезет и на нас нападать не станет. Чего не скажешь о местном зверье. Ночью многие пожалеют о том, что лагерь разбит так близко к «Паркеру».

– Сэр, вы могли бы доложить об этом командованию! – воскликнул Дик.

– Уже докладывал, – Мэрфи иронично усмехнулся, – мне было предложено не лезть не в свое дело и думать о своих обязанностях. – Капитан презрительно хмыкнул. – Бой, нарисованный на карте, выглядит совсем по-другому...

С наступлением темноты на запах трупов из пустыни стала стягиваться мутафауна. Мелкие мутанты, несмотря на пожары, меньше чем за час заполонили мертвый Центр. А не рискнувшие лезть к огню тысячи уродливых тварей всевозможных размеров сновали вокруг пылающих руин Периметра, устраивая между собой драки за найденную добычу. Поначалу их отгоняли выстрелами, но ночью зверье осмелело, и ближайшие к руинам Центра подразделения подверглись нападению. Кишащее море уродливых тварей ринулось на людей, и ближайшие к Центру солдаты были разорваны на части в считанные мгновения. Поток мутантов захлестнул позиции на окраинах лагеря, стремительно растекаясь вокруг, и командование приказало применить огнеметы. Струи горящего напалма, не знающие разницы между своими и чужими, превратили захваченную мутафауной часть лагеря в один большой костер, и полчища тварей повернули назад.

Стремясь избежать дальнейших потерь, командование запоздало отвело войска подальше. Через час к новому лагерю подошли диверсанты лигов и, не вступая в бой, несколько раз обстреливали солдат. До утра никто не сомкнул глаз. Утром из «Дэвиса» прислали небольшой поршневой самолет для воздушной разведки. Пилот не обнаружил противника в непосредственной близости от продолжающихся на руинах «Паркера» пожаров, зато обнаружил крупные силы лигов севернее Юмы. Штаб Альянса решил не рисковать, и армия отправилась домой. За все время операции, кроме спасенных Мэрфи людей, найти кого-то еще так и не удалось.

После возвращения в «Дэвис» Дик больше не видел капитана. Зато его самого в тот же день отправили в «Гувер», где Начальник штаба Альянса

лично вручил ему капральские нашивки за проявленный героизм и спасение гражданского населения. За прошедшие с тех пор четверо суток Дик оставался один только ночью. Все остальное время он либо отвечал на вопросы штабных экспертов, либо давал интервью многочисленным журналистам, либо в сопровождении чиновников из президентской администрации посещал с выступлениями основные объекты Центра: школу, ГЭС, подземную ферму, пищеблок, отдел обслуживания Периметра и многие другие. Он побывал во всех секторах и на всех хоть сколь-нибудь значимых участках Центра. И везде люди ужасались происшедшей трагедией и высказывали недовольство работой правительства. На одной из встреч, происходившей в блоке воздухоочистителей, кто-то даже задал ему вопрос, действительно ли охрана «Паркера» осуществлялась настолько халатно, что в момент нападения лигов половина укреплений военизированного пояса не имела личного состава. И это было нормой, потому что правительство экономит на численности вооруженных сил, стремясь снизить расходы пищевого компаунда. Ведь армия получает повышенные пищевые рационы, а дела на фермах по выращиванию органики идут все хуже, вопреки заявлениям администрации Альянса, всячески стремящейся скрыть это обстоятельство. Эта тема усиленно муссировалась в сети оппозицией, наряду с обсуждениями донельзя ветхой системы подачи всеобщего сигнала тревоги, неполадки в работе которой кто-то уже успел выявить в самом «Гувере». На тот вопрос Дик, следуя полученным от президентских советников инструкциям, ответил, что ничего подобного ему не известно.

Все выступления Дика строго контролировались, чиновники чутко следили, чтобы он даже случайно не сказал чего-нибудь лишнего. К микротелефону в ухе, дающему инструкции после каждого второго вопроса, он уже успел привыкнуть. Собственно говоря, Дик и опомниться не успел, как стал героем Альянса, которого каждый гражданин узнавал в лицо. Почему этот статус достался именно ему, он и сам не очень понимал. Все события той ночи пронеслись перед ним сумбурно и эмоционально, он мало что запомнил, кроме звериных лиговских оскалов и чувства ледящего кровь ужаса. Он лишь следовал за капитаном Мэрфи и выполнял его приказы. Но этот вариант рассказа советники Президента отменили сразу. Поэтому Дик выступал перед гражданами Альянса по заранее написанным текстам, содержание которых, как догадывался Дик, было взято в основном из рапорта капитана и дополнено президентскими советниками. На его вопросы о том, почему на всех этих мероприятиях вместе с ним не присутствует сам Мэрфи, чиновники лаконично отвечали,

что капитан выполняет сверхважное правительственное задание в рамках подготовки к рейду за «Наследием» и отвлекать его сейчас решительно неразумно. И советовали во время встреч не упоминать о нем слишком часто.

– Человечество, Америка, Альянс и каждый из нас понесли тяжелую утрату! – начал Обращение Президент. – Мы потеряли ЦСГР «Паркер», один из последних оплотов чистой и разумной жизни на этой страдающей от двухвековой болезни планете! Сорок семь тысяч американцев пали от рук безжалостного и кровожадного врага, мечтающего о полном уничтожении людей! Да, это огромная трагедия. Да, это невосполнимая потеря. Но мы должны быть едиными, если хотим выжить, и сильными, если не хотим повторения этой жуткой и кровавой трагедии!

Президент выдержал паузу, обводя глазами камеры репортеров. Он решительным взглядом просверлил каждый телеобъектив и продолжил:

– Последние несколько дней стали для Альянса моментом истины! Разыгравшаяся трагедия обнажила наши самые острые проблемы и наиболее серьезные недостатки, с которыми мы обязаны справиться в кратчайшие сроки! Многие сейчас упрекают администрацию Альянса в случившемся, утверждая, что гибель Центра «Паркер» стала возможна вследствие неграмотной и недальновидной политики руководства Альянса. Некоторые даже пытаются добиться смены правительства, в своих корыстных целях сея панику разговорами о том, что с потерей пенициллиновой грибницы наша фармакология придет в упадок и мы не сможем эффективно противостоять болезням. Кто-то даже прочит нам унижительную зависимость от поставок медикаментов из других Центров, которым мы якобы не можем предложить на обмен ничего существенного и потому отныне обречены быть ресурсным придатком! Мне доложили о и вовсе неслыханных по своему абсурду заявлениях! Лидер оппозиции, академик Райли, пытается утверждать, будто найденные нами координаты «Наследия» утаиваются моей администрацией, причем цели этого якобы сокрытия информации называются совсем безумные!

Тут Президент вновь взял театральную паузу и эффектно вонзил в репортерские камеры мужественный взгляд:

– Я хочу сказать вам, друзья мои: не верьте малодушным трусам, стремящимся запугать ваши сердца! Не верьте подлым интриганам, старающимся смутить ваши умы! Они делают это лишь потому, что хотят добиться власти, и забота о гражданах Альянса в их исполнении – не более чем удобная платформа для достижения своих личных интересов! Эти люди пойдут на все, чтобы дискредитировать меня в ваших глазах! Они

даже готовы посеять панику и раздор между гражданами Альянса, и это в тот момент, когда мы должны быть особенно монолитными! Не надо думать, что в других Центрах дела обстоят лучше нашего только потому, что находятся они где-то очень далеко и мы не знаем их истинного положения дел! На самом деле в других Центрах дела обстоят далеко не лучшим образом! Самолеты оттуда приходят все реже, и бартерные заявки на пищевую органику с каждым разом возрастают, составляя все большую часть торговли! И в этой связи я хочу заявить: Колорадский Альянс, без всякого сомнения, является самым прогрессивным и стабильным оплотом чистого человечества не только в Америке, но и во всем мире! И пусть мы понесли тяжелые потери, это не остановит нас, не ослабит, не раздавит морально и физически! Наоборот, это сделает нас еще сильнее! Ведь мы не просто одинокий Центр, мы – объединение Центров, и в этом единстве наша сила!

Президент сделал паузу, и зал взорвался аплодисментами. Телекамеры мгновенно развернулись, охватывая рукоплещущую панораму, и вспышки фотоаппаратов вновь заставили Дика болезненно заморгать.

– Капрал Картрайт, – немедленно зашептал телефон в ухе, – прекратите моргать, вы портите качество изображения!

Дик сделал над собой усилие и стоически выдерживал резь в глазах до тех пор, пока объективы не вернулись к президентской трибуне. Сам Президент Рокфеллер в свете камер и блеске фотовспышек чувствовал себя словно рыба в воде. Он жестом призвал аудиторию к тишине и тожественно продолжил:

– И сейчас я хочу сказать вам, граждане Альянса, мои дорогие друзья и соотечественники, что мы не будем сидеть сложа руки! Мы будем действовать, и именно наши действия полностью и навсегда изменят этот мир! – Он окинул сидящих в зале людей многообещающим взглядом и, придав голосу эпохальный тон, заявил: – Как всем вам хорошо известно, благодаря таланту наших ученых была разгадана тайна местоположения зашифрованных данных о местонахождении «Наследия» Великой Шаро, а наша героическая армия успешно разыскала и доставила эти данные в штаб Альянса! И сегодня я официально заявляю: координаты «Наследия» полностью расшифрованы, и его точное местонахождение установлено! – Президент победно воззрился в зал.

Присутствующие вновь разразились бурными аплодисментами. Президент дождал секунд десять, после чего снова призвал зал к тишине.

– Друзья мои! – предельно серьезным тоном произнес он. – Я обязан вам сообщить, что «Наследие» находится в Китае, практически в самом

центре этой страны. Нас отделяют от него тысячи километров враждебной земли и ядовитого океана! – Президент выдержал паузу. На этот раз зал не проронил ни звука. – Но я решительно заявляю: это нас не остановит! Мы организуем экспедицию и на край света, если потребуется! Мы отыщем «Наследие» и очистим наш мир! Мы, американцы, спасем планету, как это всегда делали наши великие предки!

Зал грянул овациями, почти все вскочили со своих мест и аплодировали стоя. Президент, скромно улыбаясь в камеры, дождался окончания оваций и продолжил:

– Но для того, чтобы эта экспедиция стала возможной, друзья мои, необходима серьезная подготовка. И в первую очередь мы должны позаботиться о нашем авиационном парке и снаряжении для участников экспедиции. Как вы знаете, Альянс имеет шесть отличных большегрузных самолетов, но они не могут подняться в воздух в связи с износом множества запчастей. У нас также есть множество бесстрашных героев, таких, как капрал Картрайт! – Президент указал на Дика, и камеры вновь дернулись, разворачиваясь к нему. – Готовых в любой момент стать грудью на защиту любого гражданина Альянса, но они не могут выйти в опасный и долгий поход в обветшалом от времени снаряжении!

Он многозначительно поднял вверх руку, усиливая эффект от предстоящего заявления, и дождался, когда в зале повиснет почти звенящая тишина. На какой-то момент даже репортеры перестали щелкать своими нескончаемыми вспышками.

– Друзья мои, судьба планеты сейчас зависит только от нас! И мы не имеем права бездействовать! Мы должны спасти этот мир, и мы сделаем это! Час назад я подписал указ об организации и подготовке археологического рейда в Тусон!

Казалось, что присутствующие в зале люди разом перестали дышать.

– Да, в Тусон! – подтвердил Рокфеллер, глядя в камеры требовательным взглядом. – За прошедшие двести лет наши предшественники выжали все возможные технологические находки из всех населенных пунктов, до которых только можно добраться! Мы даже пытались отправлять рейды в Финикс, несмотря на тяжелые бои с флагстаффскими лигами, регулярно мародерствующими в этом городе! Но все это жалкие крохи, не способные помочь в организации такой глобальной экспедиции, как поход за «Наследием». Поэтому мы отправляем рейд в Тусон. Этот город, четверть тысячелетия назад погибший от жуткой эпидемии, до сих пор является смертельно опасным местом, откуда еще никто не возвращался. Более того, путь к нему лежит

через территории, контролируемые лигами. Но, тем не менее, мы туда направляемся! Тусон с момента своей гибели стоит нетронутым. Там сосредоточено небывалое количество технологических артефактов. Авиационная база с огромным парком самолетов, объекты промышленности высоких технологий: ракетной, электронной и оптоэлектронной! Только там мы сможем добыть все то, что позволит нам добраться до «Наследия»!

Президент мгновение молчал, после чего добавил, победно глядя на застывшую от неожиданности публику:

– Но мы не собираемся отправлять археологов на верную гибель! Нас и так осталось мало, каждый человек представляет собой огромную ценность. Мы организовываем этот рейд потому, что это стало возможным благодаря выдающемуся достижению нашей медицины! Нашим медикам удалось найти противоядие от поразившей Тусон болезни, и перед отправлением в рейд всем участникам будет сделана прививка антитоксина, гарантирующая защиту! Кроме того, этот рейд будет грозной силой, столкнуться с которой лиги не пожелают! Его состав будет насчитывать две тысячи человек сотрудников, более пятисот бойцов охраны и тридцать единиц боевой техники! Мы дойдем до Тусона, возьмем все, что нам необходимо, а затем пересечем океан и добудем «Наследие»! И никто не сможет помешать нам! В заключение хочу сказать, что археологические службы Альянса слишком малы, чтобы обеспечить личным составом столь грандиозный рейд. Поэтому сегодня, в шесть часов пополудни, на сайте президентской администрации объявляется набор добровольцев! Все истинные патриоты Америки могут войти в состав рейда и с божьей помощью своими усилиями сделать экспедицию к «Наследию» реальностью! И пусть ничто не остановит героев!

Последние слова Президента потонули в буре оваций. Зал вскочил на ноги, рукоплещая, отовсюду раздавались победные возгласы, звучали патриотические лозунги. Обращение Президента было окончено.

Автобус дернулся, останавливаясь, и Дик открыл глаза.

– В чем дело? – спросил он сидящего рядом немолодого уже солдата с сединою, видневшейся через лицевой щиток гермошлема.

– Еще одна поломка, сэр, – ответил рядовой, – автобус, что идет прямо перед нами, потерял колесо. Если мы таким образом добираться туда, то я даже думать не хочу, что будет на обратном пути! – добавил он.

Дик посмотрел в покрытое многочисленными царапинами мутное окно на бесконечную пустыню, расстилающуюся вокруг занесенной песком дороги, и подумал, что рядовой прав. От ЦСГР «Гувер» до Тусона

по проложенному штабом маршруту было около шестисот километров, пролегающих по старым шоссе. Небольшой рейд вполне мог бы попытаться преодолеть это расстояние часов за двенадцать, а если бы, волею Шаро Предрекшей, обошлось без поломок, то и за десять. Но сейчас случай был совсем не тот.

Понимая, что предпринимать археологические рейды в смертельно опасный Тусон часто не получится, а возможно, более не получится и вовсе, руководство Альянса сделало все, чтобы выжать из этой экспедиции максимум возможного. Чтобы обеспечить рейд транспортом, на колеса была поставлена вся грузопассажирская техника Альянса, больше половины из которой пришлось отремонтировать за счет последних резервов. Из «Пэйджа» пришло восемнадцать автомашин, груженных только что изготовленными фильтрами для скафандров, и весь караван было решено включить в состав рейда. Усиленные военными археологические команды еще раз перетряхнули руины близлежащих городов и населенных пунктов, в строй ставили все, что только могло самостоятельно вращать колесами. Правительство объявило для добровольцев такие пищевые нормы, что за одни лишь первые сутки записи было укомплектовано больше половины каравана. Недостаток квалифицированного персонала скомпенсировали желающими помахать лопатой, и спустя две недели подготовки грандиозный археологический рейд покинул запасные ворота ЦСГР «Гувер». Произнося напутственную речь, Президент назвал их миссию «самым важным событием Трехсотлетия, открывающим дорогу к „Наследию“ и, вне всякого сомнения, на многие века знаменующим историю».

Состоящая из ста трех единиц техники колонна двинулась в путь, растянувшись на три километра. «Гувер» даже отдал в состав рейда свой вертолет. Его поставили на платформу и везли в составе колонны, периодически поднимая в воздух для осмотра местности и разведки дороги. Очень скоро Дик понял, что ему крупно повезло стать знаменитым героем. Это гарантировало ему почетное место в автобусе. Парням, находящимся сейчас в открытых пулеметных джипах, он не завидовал. Провести в дергающейся неудобной машине одной только Шаро Великой известное количество ча-сов, да еще под безжалостно палящим аризонским солнцем, не имея возможности без центральной энергосети выставить охлаждение скафандра на максимум, – это было испытание не из легких. Огромная колонна, собранная из рассыпающихся на ходу от старости развалюх, шла медленно, часто останавливаясь из-за многочисленных поломок. Сотню километров по неплохо, в общем-то, сохранившемуся

девятью третьему шоссе они проходили четыре часа. Затем еще два часа ждали небольшой отряд из «Дэвиса», который присоединился к колонне на перекрестке с шестидесятым восьмым шоссе, неподалеку от развалин Кингмана. Парни из «Дэвиса» привезли дополнительный запас кислорода для автономных баллонов скафандров.

Через Кингман прошли без приключений. Маленький городок почти полностью выгорел много лет назад и с тех пор был десятки раз обшарен археологическими рейдами до последнего обломка. Зато сразу за Кингманом практически одновременно сломались три грузовика, и в ожидании окончания ремонта рейд простоял еще пять часов. Когда движение продолжилось, солнце уже касалось горизонта. Колонна двинулась по девяносто третьей трассе дальше, минуя пустынные развалины какого-то маленького городка, практически полностью утонувшие в песке. Пройдя без происшествий километров сто, рейд вновь остановился. Дик подумал, что произошла очередная поломка, но оказалось, что головная машина уперлась в рухнувший мост. Командующий рейдом не рискнул предпринимать ночью какие-либо действия, и была объявлена ночевка. С рассветом в воздух подняли вертолет, который нашел объезд, находящийся совсем неподалеку. Однако воспользоваться им сразу не удалось. Простояв ночь, многие машины не завелись, и рейд потерял еще часа полтора, реанимируя дряхлые моторы. Потом еще три с лишним часа проходили менее ста километров до руин Викенбурга, то и дело останавливаясь для устранения поломок.

Перед Викенбургом сделали остановку. Старые археологи, бывавшие в этих местах раньше, предлагали обойти город, представляющий собой целую сеть колоний мутировавших термитов. Командующий даже поднял в небо вертолет, но это ничем не помогло: с воздуха термитники оказались не видны. В конце концов решили не рисковать с объездом, так как надежной дороги никто не знал, а попасть под удар термитов на бездорожье, где и без того невысокая скорость движения угрожающе мала, было чревато большими потерями. Боевая техника расчихлила огнеметы, и колонна пошла через город, стараясь держать повышенную скорость.

Термиты атаковали неожиданно, шуршащими потоками брызнув прямо из-под колес. Видимо, один из термитников имел плоскую форму и располагался прямо на засыпанном песком шоссе. Такого не ожидал никто. В эфире прогремел приказ не останавливаться и не сбрасывать скорость, что-бы ни случилось. Техника шла по шевелящемуся живому коврику, размазывая насекомых колесами и гусеницами, и сидевшие внутри люди, затаив дыхание, не сводили глаз с полов, каждую секунду ожидая

появления насекомых. Почувяв добычу, ожили ближайшие к трассе термитники. Желто-коричневые волны термитов хлынули к дороге. Огнемечики открыли огонь, пылающими струями отсекая насекомых от трассы, и воздух вокруг дороги быстро затянулся чадающим копотью дымом. Что произошло дальше, Дик предпочел бы не видеть.

Автобус, идущий на пару машин впереди, вдруг потерял ход, и его стало выносить к обочине. Скорее всего, несмотря на скорость, термитам удалось попасть на подвеску автобуса. Насекомые-мутанты сожрали все, что не было сделано из металла, за считанные секунды, выводя из строя детали и механизмы. Автобус сошел с трассы, зарываясь в песок, врезался в развалины и остановился. Спустя мгновение он был полностью облеплен термитами. Пожираемые насекомыми заживо люди выпрыгивали из окон и дверей, тщетно пытаясь спастись, эфир был забит криками о помощи, заглушаемыми воплями боли и предсмертными хрипами. Волны термитов сбивали с ног оказавшихся на земле людей, и рухнувшие тела мгновенно скрывались под кишачными толщами насекомых. Спасти не удалось никому. Однако погибший автобус отвлек на себя орды голодных тварей, и колонне, прожигающей дорогу огнемечами, удалось выйти из города. Позже выяснилось, что в хвосте колонны погибло еще двенадцать человек. Их грузовик на ходу потерял колесо, вылетел на обочину и остановился, привлекая к себе волны термитов. Очевидцы говорили, что хлынувшая к нему река из насекомых преодолела десяток метров секунд за семь-восемь. Огнемечики пытались прикрыть огнем выскакивающих из грузовика пассажиров, но спасти удалось далеко не всех.

Отойдя от Викенбурга, рейд сделал привал. Основная часть колонны прорывалась через находящийся во власти насекомых город по залитой пылающим напалмом трассе, на многих автомобилях покрышки выгорели почти полностью, и чудом пережившие такую езду машины нуждались в немедленном ремонте. Было решено потратить на стоянку столько времени, сколько потребуется, но все недостатки устранить. До окраин Финикса оставалось менее сорока километров, и чем ближе к городу, тем выше шанс встретить лигов. Под нещадно жарящим солнцем работа шла медленно. Нарукавный термометр скафандра в тени показывал сорокаградусную жару, и, глядя на задыхающиеся от жары и обливающиеся потом ремонтные команды, Дик в который раз поблагодарил Шаро Предрекшую за то, что в свое время он не пошел на факультет механиков. Климатические системы скафандров слабо справлялись со стоящим пеклом, и Дику не хотелось думать, каково придется людям, когда рейд достигнет Тусона и начнутся раскопки.

Колонна продолжила движение лишь к четырем часам пополудни. Еще через час головная бронегруппа вошла в Финикс. С первого взгляда город мало отличался от остальных. Все те же бесконечные руины со следами жестоких пожаров, бушевавших здесь десятки лет назад, когда тут еще было чему гореть. Полное отсутствие жизни, пересохшие каналы, занесенные песками, и редкие остовы автомобилей, давно превратившихся в железный мусор. И песок, песок, песок. Дик вспомнил свое путешествие по реке из «Гувера» в «Дэвис». Даже по берегам реки почва была редкостью. Вызвавшее повсеместную эрозию почвы трансгенное заражение сожрало землю давным-давно, и он плохо представлял себе, как должна выглядеть Калифорния, заполненная мутафлорой. Хо говорил, что обилие плодородных почв и благоприятный климат отсрочили гибель почвообразующих бактерий, но мутации безжалостны, и в конце концов и там все превратится в песок. Так предрекла Великая Шаро, это было подтверждено расчетами специалистов «Сёрвайвинг Корпорэйшн», и так, скорее всего, наверное, и случилось бы. Но теперь, когда путь к «Наследию» открыт, все изменится! Две тысячи граждан Альянса, страдающие от невыносимой жары в насквозь проржавевших грузовиках и автобусах, полны решимости вырвать из лап заполненного смертью Тусона все необходимое для организации величайшей в истории Человечества экспедиции!

От этих мыслей Дик преисполнился гордостью и окинул взглядом проплывающие в окне автобуса засыпанные песком развалины, представляя, как все здесь зацветет и зазеленеет, когда «Наследие» будет найдено. Разглядывая руины Финикса, Дик понял, что разница с другими городами здесь все-таки есть. То тут, то там он замечал следы раскопок. Где-то давних, а где-то довольно свежих. И чем ближе к центру продвигалась колонна, тем больше становилось таких следов. По коряво насыпанным песчаным отвалам, вываленным прямо у мест раскопок и зачастую заново осыпавшимся в них, было ясно, что все это дело рук лигов. Дик попытался представить себе карту Аризоны. До Флагстаффа километров двести–двести пятьдесят, это ближайший ареал, где сохранилась жизнь. Стало быть, лиги бывают здесь значительно чаще, чем считалось, раз город почти полностью охвачен раскопками. Странно, что уродцы так стремятся получить технологические артефакты. Дик всегда считал, что их низкий интеллект не должен вызывать жажды познания. Ну, разве только они видят в находках что-то мистическое или религиозное...

Где-то в голове колонны ухнул танковый выстрел, и сразу же громыхнул взрыв.

– Колонне продолжать движение! – раздался в эфире голос командующего рейдом. – Первому батальону охраны – в ружье! Второму батальону занять места согласно боевому расписанию!

Автобус замедлил ход, и солдаты принялись выскакивать из него прямо на ходу, тут же дополняя собой экипажи джипов и десанты боевых машин. Дик запрыгнул в закрепленный за ним согласно расписанию джип и оглянулся. По всей колонне солдаты занимали боевые посты. Вскоре первый батальон укатил вперед, и Дик, прислушиваясь к звучащим в эфире командам и грохоту доносящихся из развалин выстрелов, пожалел, что приписан ко второму батальону. Парни сейчас сражаются с лигами, а он вынужден нарезать круги вокруг колонны, охраняя гражданских.

Через пять минут джип достиг места первого контакта колонны с противником. Возле перекрестка валялся на боку горящий развороченный грузовик. Видимо, это по нему танкисты произвели выстрел, а после столкнули на обочину. Дик разглядывал охваченные огнем обломки нереально древнего автомобиля и заметил в кабине догорающий труп водителя. От неожиданности он вздрогнул и отвел взгляд в сторону, тут же натолкнувшись на еще один труп. Дик вспомнил пылающий «Паркер», усеянный трупами людей, и пожалел, что сейчас видит так мало мертвых лигов. Убитых уродцев должно быть больше, гораздо больше! В десятки, нет, в тысячи раз больше! Он взял оружие наизготовку и стал тщательно обшаривать взглядом развалины.

– Капрал, сэр! – обратился к нему пулеметчик. – Первый батальон сообщает, что противник там! – Он указал в противоположную сторону, вызывая улыбки экипажа.

– Лиги могут быть где угодно, они глупы, но не такие тупые, как принято считать, – повторил Дик слова капитана Мэрфи и остался упрямо смотреть в свою сторону.

Остальные солдаты десанта, чуть ли не вдвое взрослее Дика, не стали спорить с начальством и лишь обменивались многозначительными ухмылками и подмигиванием.

Лиг выскочил из развалин прямо на Дика. Он появился настолько неожиданно, что Дик не сразу понял, что происходит. Скрюченный уродец взмахнул короткой кривой рукой, посылая в сторону джипа небольшой круглый предмет, и рванул обратно в развалины. Дик нажал на спуск, посылая ему вслед длинную очередь, но пули прошли мимо, выбивая из развороченных кирпичей фонтанчики осколков.

– Граната! – заорал Дик, падая на пол машины.

Десант последовал его примеру. Рядом с джипом раздался взрыв, и

вверх взметнулся столб песка. Сзади застучали пулеметы идущих следом машин.

– Лиги! – раздалось в эфире.

– Уродец справа! Уходит вглубь развалин! – прозвучал следом чей-то возбужденный голос.

– Вижу еще двоих! – присоединился третий.

– Где?!! Где они?!! С какой стороны? – кричал кто-то.

– Где противник?! Я ничего не вижу! Координаты? – Эфир мгновенно заполнился суетой.

Дик выпрямился и оглядел попутчиков:

– Кто-нибудь пострадал?

– Нет, сэр, – ответил за всех один из солдат, – борт продырявило, но господь миловал, никого не зацепило.

Дик кивнул и обернулся к водителю:

– Порядковый номер машины в колонне Два-Семь?

– Так точно, сэр!

– Внимание! – передал Дик в эфир. – Я капрал Картрайт, джип Два-Семь, правая нитка охранения! Был атакован лигами справа. Противник скрылся в развалинах. Предположительно в количестве трех бойцов. Потерь нет, продолжаю движение.

– Вас понял, капрал! – немедленно ответил командир батальона и злобно зарычал: – Это «Чарли-1», всем продолжать движение, противника не преследовать, повторяю, противника не преследовать, оставаться рядом с колонной. В случае контакта с уродцами не загрязнять эфир воплями страха за свои задницы, вашу мать! Докладывать четко с указанием места контакта! Еще раз услышу такой бардак, ваши задницы пожалеют, что появились на свет! – Он сделал небольшую паузу и добавил: – Два-Семь, хорошая работа, сынок!

Дик подумал, что за двое суток, прошедших рядом с капитаном Мэрфи, он стал понимать в службе больше, чем за последние два года. Жаль только, что капитанские уроки прошли среди заполненного тысячами трупов пылающего «Паркера». Он вернулся к наблюдению за развалинами, но больше ничего особенного не произошло. Дик еще дважды видел одиночных лигов, но уродцы находились слишком далеко от дороги и мгновенно прятались в руинах.

Перед самым выездом из города колонна встала, в очередной раз сломалась одна из машин. Охранение рассредоточилось, закрепившись в ближайших к дороге развалинах, ожидая атаки лигов. Казалось, если весь состав колонны разом замолкнет, то можно будет услышать, как звенят

натянутые нервы. Впервые механиков никто не подгонял, ремонтные бригады, выбиваясь из сил, показывали рекордную скорость работы. Через час вернулся первый батальон, и нервное напряжение спало. Командующий рейдом объявил, что встреченный боевой отряд лигов полностью уничтожен и никакой опасности для колонны больше нет. Однако среди солдат быстро распространился слух, что никакого боевого отряда не было. Возле аэропорта рейд наткнулся на пару ржавых грузовиков и десятка три почти не вооруженных уродцев. Лиги рылись в поисках артефактов и никак не ожидали увидеть в городе целую армию людей. В результате грузовики сожгли, с десятков уродцев перебили, остальные рассеялись в развалинах. И это хуже всего, так как теперь во Флагстаффе узнают о рейде, и на обратном пути жди беды.

Финикс покинули на закате. Через два часа колонна достигла наполовину занесенной песком стены, преграждающей дальнейший путь. Потрескавшееся бетонное заграждение, опоясывающее запретную зону Тусона, уходило за горизонт в обе стороны от дороги. Даже сейчас, спустя двести пятьдесят лет, все еще можно было отчетливо разобрать нанесенные на стену знаки, предупреждающие о биологической угрозе высшего уровня. Рейд остановился. Люди со страхом рассматривали зловещую стену, из-за которой никто не возвращался вот уже более четверти тысячелетия. Командование решило начать взлом стены с утра, и колонна заночевала у границы запретной зоны. Всю ночь Дику снились потоки смертельных бактерий, выплескивающихся через стену под покровом ночи и бесшумно пожиравших людей, словно Викенбургские термиты.

Утром с платформ сняли бульдозеры, выстрелами из танковых орудий проббили в стене брешь и расчистили дорогу. После этого в небо поднялся вертолет и ушел к Тусону на воздушную разведку местности. Пилот вернулся спустя два часа со снимками городской агломерации, на их основе была составлена карта Тусона, после чего научное руководство рейда определило места раскопок и приоритетность находок. Первый батальон, составленный из побывавших в боях с лигами ветеранов, остался охранять пробитый в заграждении проход и расчищенные под складирование артефактов места, второй батальон получил приказ на сопровождение и охрану археологических партий. Старшие групп и подразделений получили указания, и в полдень колонна пересекла границы запретной зоны.

Взвод, в котором числился Дик, был прикреплен к одной из главных поисковых партий, направляющейся на военную базу в центре Тусона. Научное руководство возлагало на нее большие надежды, именно там, по

расчетам историков, стояли нетронутыми сотни самолетов и тонны боеприпасов. До черты города археологические партии должны были двигаться в общей колонне, потом, по мере приближения к своим местам раскопок, отряды будут отделяться от основной части рейда, следуя согласно полученным картам. Дик, сидя на переднем сидении Два-Семь, разглядывал окраины мертвого города, чувствуя, как бежит по спине ледяной холод страха. В Тусоне все было совсем не так, как в других местах. Хотя город, находящийся в одном из наиболее жарких мест Аризоны, изрядно выгорел за эти сотни лет, но даже теперь повсюду были видны свидетельства уничтожившей Тусон чудовищной эпидемии. Везде висели предупреждающие знаки, попадались огороженные зоны особой опасности, колонна то и дело пересекала остатки ограждений, которыми когда-то давно спасатели делили город на сектора, еще надеясь спасти хотя бы часть людей и даже не догадываясь, что им самим не суждено выбраться из зараженного Тусона. Вокруг в хаотичном беспорядке стояли десятки автомобилей, иногда столкнувшиеся и перевернутые, но чаще в нетронutom состоянии, лишь занесенные песком и пылью, словно хозяева, отлучившись на минуту, просто забыли о них. Но самым тяжелым зрелищем были человеческие кости. Тысячи покрытых истлевшими остатками одежды скелетов устилали улицы Тусона, и Дик мог только догадываться, сколько их еще лежит погребенными под развалинами рухнувших зданий и толщами нанесенного ветрами песка.

Рейд достиг очередного перекрестка, и археологическая партия Дика отделилась от основной колонны, свернув в сторону военной базы. Головной джип, в котором находился сержант с картой, вышел в голову колонны, и Два-Семь последовал за ним, согласно боевому расписанию. Согласно аэрофотосъемке эта улица должна привести их партию прямо к авиабазе. Дик вспомнил, что в исторических документах тусонская авиабаза упоминалась как эпицентр вспышки эпидемии, и порадовался заранее сделанной прививке-антидоту. Мысль о том, что ты защищен от самой страшной болезни в истории человечества, превратившей в кладбище сотни тысяч квадратных километров планеты и унесшей миллионы жизней, серьезно ободряла борющееся со страхом сознание. И не только его. В глазах остальных людей тени страха были видны невооруженным взглядом, никто не чувствовал себя спокойно с того момента, как колонна вошла внутрь запретной зоны Тусона. Дик подумал, что даже несмотря на защитные прививки, их тревогу можно было понять. Тусон стал первым городом, сожженным бактерией, а к началу хаоса таких городов по всей планете насчитывались десятки. И каждый раз население

погибало полностью, ни одного случая иммунитета к эпидемии так и не было зарегистрировано. Это просто чудо, что ученые Альянса сумели получить противоядие, да еще так вовремя, когда для снаряжения экспедиции к «Наследию» потребовалось огромное количество технологических артефактов. Это еще раз доказывает, что Хо не прав, утверждая, что мы вырождаемся и наши умственные способности уже не те, что были у прадедов. Наши ученые по-прежнему гениальны. Иначе как они смогли создать противоядие? Или расшифровать координаты «Наследия», хотя русские сделать этого не смогли!

– Леди и джентльмены, прошу внимания! – Голос научного руководителя рейда, зазвучавший в эфире, вывел Дика из раздумий. – Хочу обратить ваше внимание на следующую меру предосторожности. В случае возникновения в зоне видимости поднимающихся с поверхности песка или висящих над нею песчаных облаков, гражданскому персоналу надлежит прекратить движение и в целях дополнительной меры предосторожности загерметизировать заслонки воздушных фильтров, перейдя на автономное кислородное обеспечение. После того как подразделения охраны проверят облака на безопасность, вы сможете продолжить путь. Спасибо.

Едва научный руководитель умолк, как на армейской частоте раздался голос командира второго батальона:

– Внимание! Это «Капитолий-2»! Всем подразделениям! В зоне действия обнаружены колонии песчанки! Всем соблюдать предельную осторожность! Гражданские группы держать позади себя на удалении не менее пятидесяти метров! Огнеметы – в боевую готовность!

Песчанка! Все прежние мысли мгновенно вылетели у Дика из головы. Он еще только открывал рот, чтобы отдать приказ, а его бойцы уже вскочили на ноги, подготавливая огнемёт к бою. Что такое песчанка, никому объяснять было не нужно, этому учат еще в школе. Маленькое, практически не видимое глазу летающее насекомое. Живет в поверхностных слоях песка в особо жарких районах пустыни. Считает добычей все, что движется. Атакует сразу всей колонией. Миллиарды особей покидают песок, поднимаясь над землей огромным облаком, и облепляют добычу толстым слоем, буквально заменяя собой воздух. Эта гадость забивает воздушные фильтры в считанные секунды и невероятно плотно заполняет собой все впадины, выемки, движущиеся части, сочленения, поверхностные трещины и складки скафандра. Скафандр быстро становится негнущимся, словно залитый цементом, и обездвиженный человек падает на землю, не в силах пошевелиться. Со временем песчанка прогрызает фильтр и попадает внутрь, но попавший в

облако человек умирает намного раньше, мучительной смертью от удушья. От одной мысли о песчанке Дика передернуло. Откуда она здесь? Разве это не давно опустевшая мертвая зона? Хотя, если у насекомых нет крови, то тусонская бактерия им не страшна? С другой стороны, если бактерия...

Дик даже не сразу понял, что произошло. Только что он смотрел через ветровое стекло на идущий впереди сержантский джип, и вот уже вокруг был сплошной туман песочного цвета. Через толстые стенки гермошлема слышалось тихое монотонное гудение миллиардов маленьких крыльев.

– Песчанка!!! – истошно заорал водитель, ударяя по тормозам.

– Это Два-Шесть!!! – раздался в эфире панический вопль сержанта. – Машина попала в облако песчанки, я ничего не вижу!!!

– Назад!!! – завопил Дик. – Это Два-Семь, я тоже внутри облака, пытаюсь вернуться!

Эфир заполнился криками, сквозь которые пытался пробиться командир роты Дика:

– Два-Шесть, полный ход!!! Попробуй вырваться вперед, облако сзади слишком большое! Два-Семь, двигайся задним ходом!!!

Но было уже поздно. Водитель, пытаясь развернуться в желтом тумане, потерял ориентацию и вдавил в пол педаль газа, пытаясь наугад вырваться из облака. Джип натужно взревел и, пробуксовывая на песке, неуклюже рванулся куда-то сквозь желтую муть.

– Это Два-Шесть! – Голос сержанта сорвался на крик. – Мы теряем ход!!! Машина не едет!!! Нам нужна помощь!!! Я ничего не вижу!!!

В этот момент их джип со всего размаху врезался в невидимую преграду, и Дика резко швырнуло вперед, вдребезги разнося лобовое стекло. Он вылетел из машины, рухнул на песок, прокатившись несколько метров, и уперся в стену сгоревшего дома. В ушах звенело от вибрирующих в эфире панических воплей.

– Я не могу двигаться!!! Помогите!!! – орал кто-то из экипажа Два-Шесть.

– Не могу пошевелиться!!! – хрипел сержант. – Нужна помощь!!!

– Ради бога, помогите!!! – умолял кто-то еще, похоже уже из его экипажа. – Я ничего не вижу! Вытащите меня отсюда!

Дик понял, что если он промедлит еще мгновение, то песчанка обездвижит и его. Он вскочил и рванулся через желтый вибрирующий туман, взяв направление наугад и зовя на помощь. С каждым шагом шевелить ногами становилось все труднее, словно ему приходилось бежать сквозь липкую кашу пищевого компаунда, твердеющую с каждой секундой все сильнее.

– Два-Шесть, Два-Семь, кто может двигаться, выходите на вспышки огня! – кричал командир роты, пытаясь перекрыть своим голосом забитый криками о помощи эфир.

– Я не могу двигаться!!! – орал кто-то в ответ.

– Вытащите меня отсюда!!! Я задыхаюсь!!! Ради бога! – Безумный голос издал душераздирающий вопль.

Дик с разбегу запнулся обо что-то твердое и полетел вниз, крича от страха. Он упал с высоты метров трех, и острая боль обожгла ногу. Дик закричал, инстинктивно хватаясь за больное место, и покатился по песку, не в силах понять, где в окружающем его желтом киселе верх, а где низ. Слева от него песчаная муть озарилась длинной оранжевой вспышкой. Дик попытался встать и что есть силы заковылял в ее сторону. После падения двигаться стало заметно легче, но уже через десяток шагов песчанка облепила скафандр настолько плотно, что он едва переставлял ноги. Желтый туман впереди снова озарился оранжевым, и Дик понял, что не успевает дойти до огня каких-то несколько метров. Он отчаянно закричал, прося о помощи, но его крик потонул в панических воплях остальных. Внезапно из желтой мглы выскочил человек в скафандре и столкнулся с Диком. Оба рухнули, соударяясь гермошлемами, и Дик узнал одного из солдат своего джипа. Солдат с трудом поднялся на ноги, Картрайт попытался последовать его примеру, но ему удалось встать только на колени, скафандр почти уже не гнулся.

– Помогите! – Дик огромным усилием протянул руку и схватил за локоть встающего солдата. – Я не могу подняться!!!

Оранжевая вспышка сверкнула совсем рядом. Солдат с силой оттолкнул Дика и повернулся к месту вспышки.

– Я здесь!!! Я здесь!!! Сюда!!! Помогите!!! – заорал он, медленно размахивая руками, и рванул на свет, исчезая в желтом тумане.

Дик упал на бок, глядя, как песчаное месиво скрывает от него силуэт удаляющегося солдата, и понял, что больше двигаться он уже не может. Он отчаянно закричал, зовя на помощь, но в следующую секунду желтый туман окрасился вспышкой прямо перед ним, и его крики заглушил душераздирающий вопль. Песочное облако резко отхлынуло куда-то назад, возвращая дневной свет, и Дик увидел, что лежит в полуметре от огромной полосы горящего напалма. Прямо в ее центре хаотично метался живой факел из попавшего под струю огнемета солдата. Охваченный пламенем человек упал и несколько мгновений катался по залитому напалмом песку, истошно вопя от боли и ужаса, после чего затих.

– Сэр! Там человек, сэр! – раздался крик где-то совсем рядом. – Я

вижу еще одного!

– Огнеметчик! Еще одну струю левее! – прозвучала команда. – Отрежьте его от облака! Будем вытаскивать, кажется, он еще жив.

Дик услышал, как где-то за спиной зашипела, падая на песок, струя напалма, и вскоре над ним склонились люди в боевых скафандрах. Его подняли на руки и потащили к стоящим неподалеку джипам, вспарывающим огненными струями бурлящее в десятке метров желтое облако размером с небольшое море. Дика подтащили к грузовику под шланг компрессора и обдали мощной воздушной струей, выбивая засевших насекомых.

– Картридж надо менять, – сказал орудующий компрессором капрал, – идти можешь?

– С ногой что-то, – Дик попытался наступить на ушибленную конечность и чуть не упал от пронзившей ногу боли, – сам, наверное, не дойду.

– Шейни, проводи капрала к ремонтникам и в лазарет. – Сержант кивнул одному из солдат и снова посмотрел на Дика: – Повезло тебе, парень! Только тебя оттуда и вытащили.

Облако песчанки удалось выжечь спустя полтора часа, за это время Дик прошел дезинфекцию и оказался в медицинском автобусе. Медики осмотрели ногу и пришли к выводу, что Картрайт получил растяжение ахиллового сухожилия. Врач пообещал, что через неделю-другую это пройдет, а пока придется похромать, и вообще, капрал должен избегать много двигаться в первые дни. Пока Дик делали перевязку, ремонтники почистили его скафандр и установили в воздушные фильтры новый картридж. Получив медицинскую помощь и надев снаряжение, Дик покинул автобус медиков и обнаружил, что археологическая партия ушла к авиабазе без него. Пока он растерянно смотрел на пустую улицу, соображая, с кем именно надо выйти на связь, чтобы за ним вернулись, рядом остановился джип с бортовым номером Шесть-Одиннадцать.

– Капрал Картрайт? – уточнил сидящий рядом с водителем сержант. – Второй батальон, третья рота охраны, джип Два-Семь?

– Да, сэр! – ответил Дик, опираясь на винтовочный приклад, как на костыль. – Только джипа Два-Семь больше нет. Как и Два-Шесть.

– Тоже попали в песчанку? – понимающе кивнул сержант.

– Еще как, – хмуро кивнул Дик, – кому-то еще досталось?

– Мы двоих потеряли, – болезненно поморщился сержант, – и в первой роте, вроде, тоже кто-то влип. – Он протянул Дику руку: – Садись, капрал, мы за тобой.

Дик влез в машину, устраиваясь поудобнее, и спросил:

– Вы с нами на авиабазу? В усиление?

– Мы – да, – ответил сержант, – а ты — нет.

– Не понял, сэр? – удивился Дик.

– Приказ командующего рейдом, – сержант пожал плечами, – доставить тебя к въезду в запретную зону, в распоряжение первого батальона. Тебя там ждут.

– Меня? Кто? – изумился Дик.

– Не знаю, капрал, – хохотнул сержант, – командующий впопыхах забыл мне доложить!

Экипаж джипа засмеялся, и Дик присоединился к общему веселью. После того, что ему пришлось пережить в мутной желтой мгле, облепляющей скафандр песчанки, обычный смех немного успокоил до боли взвинченные нервы.

В лагере первого батальона Дика уже ждали. Едва джип высадил Дика у наскоро оборудованного на дороге блокпоста, как из-за набитых песком мешков, составлявших его укрепления, вышел солдат и остановился неподалеку. Дик попрощался с экипажем джипа, и Шесть-Одиннадцать укатил обратно в зловещий город.

– Капрал Картрайт, сэр, – солдат, старше Дика лет на пятнадцать, обратился к нему напрямую, не используя радиосвязь, – приказом командующего рейдом вы переведены в состав первого батальона. Сэр, перейдите на нашу частоту.

Дик щелкнул верньером рации, активируя рабочую частоту второго батальона, и вышел в эфир ближней связи.

– А в чем дело? – спросил он.

– Мне не известно, сэр, – меланхолично пожал плечами рядовой, – вы должны доложить о прибытии командиру первой штурмовой роты капитану Мэрфи. Это все, что я знаю.

– Капитан Мэрфи здесь? – удивился Дик.

– Да, сэр. Вы найдете его в расположении роты, это вон те грузовики! – Солдат указал рукой на группу техники, стоявшей вдоль бетонной стены, ограждающей тусонскую запретную зону. Рядом с автомашинами были установлены сборные пластиковые дома-палатки. Дик вспомнил, как во время обучения их небольшой группе показывали одну такую. Легко устанавливающаяся конструкция предназначалась для временного размещения личного состава вне Периметра и была оборудована кварцевой лампой и датчиком биологической угрозы. Теоретически дом-палатка был герметичен, и после часа работы кварца в

нем можно было находиться без скафандра, но на практике никто рисковать не хотел. Люди не торопились проверять на себе надежность герметизации и обеззараживания хилого домика. Все спали в скафандрах, и только самые смелые и самые глупые позволяли себе снять гермошлем.

Капитана он нашел не сразу, пришлось порасспрашивать солдат. В конце концов его отправили за забор, вроде бы полчаса назад Мэрфи уводил туда один из взводов. Дик, сильно хромая на травмированную ногу, перехватил винтовку, словно костыль, и направился туда.

Мэрфи стоял на небольшом песчаном бархане в двухстах метрах снаружи истертых песчаными бурями бетонных заграждений и нещадно гонял своих солдат. Взвод то ползком приближался к условному противнику, то отступал в составе отделений, прикрывающих друг друга условным огнем, то вытаскивал из-под условного обстрела раненых. Судя по изрядно запотевшим лицевым щиткам скафандров, люди пахали в поте лица, но, несмотря на это, капитан был недоволен.

– Всем стоп! – рявкнул он в эфир. – На исходные позиции бегом марш! – Мэрфи злобно сверкал глазами, метая многообещающие взгляды в бегущих мимо него солдат. – Вы что, спать сюда пришли?! С такой скоростью пулеметчики лигов сделают из ваших зажавшихся задниц решето! Или кто-то здесь считает, что уродцы не умеют стрелять?!

Взвод занял исходную позицию, и капитан отправил людей заново отрабатывать учебно-боевую задачу.

– Сэр, разрешите обратиться! – Дик попытался принять стойку «смирно», но больная нога не позволила ему этого. Снова пришлось использовать винтовку в качестве костыля.

– Что с ногой, рядовой? – капитан бросил взгляд на Дика. – Хотя ты же у нас теперь капрал, герой-спаситель жителей «Паркера»! – Он ехидно усмехнулся.

– Моя машина попала в песчанку, сэр! – доложил Дик, непроизвольно краснея от стыда за свои бестолковые действия в «Паркере». – Я повредил ногу, сэр, врачи говорят, что через неделю буду в порядке!

– Раз ты стоишь передо мной, значит, выбрался из песчанки. – оценил Мэрфи. – Неплохо. Поздравляю тебя с первым НАСТОЯЩИМ боевым крещением.

– Мне просто повезло больше, чем остальным, сэр, – ответил Дик, – меня уже обездвигило, когда огнеметчик дал струю рядом со мной. Меня заметили и спасли.

– У тебя определенно развито везение, капрал, – усмехнулся капитан, – как только ты собираешься по собственной глупости отдать богу душу, как

кто-нибудь обязательно тебя спасает! В следующий раз попробуй подпрыгивать повыше и падать на спину плашмя. Помогает пройти несколько метров.

– Но так можно повредить системы жизнеобеспечения! – воскликнул Дик.

– Можно, – согласился капитан, – такое тоже бывает. Только зачем сдохшему в песчанке мертвецу системы жизнеобеспечения?

Дик окончательно смутился и замолчал, понимая, что в его положении это лучшее решение.

– Всем стоп! – зарычал в эфир Мэрфи, окидывая взглядом взвод, ползком выполняющий обходной маневр. – Время истекло. Незачет! На исходную! Бегом марш!

Он проводил возвращающихся солдат, уже полуживых от непривычных нагрузок, и снова посмотрел на Дика. – Такие же мешки как ты, капрал! – И печально вздохнул: – Рота моих парней с нефтедобывающей базы стоит обоих батальонов этого, вашу мать, чудорейда!

Мэрфи рывкнул в эфир, отдавая команду в очередной раз начать маневр, и недовольно посмотрел на Дика:

– Жаль, что у тебя проблемы с ногой, капрал, а так бы хоть научился чему-нибудь! – Капитан кивнул на изо всех сил ползущий взвод и презрительно хмыкнул: – Я не горю желанием сдохнуть от лап лигов только потому, что у меня среди бойцов такое бесполезное существо, как ты.

– Сэр, я обязательно встану в строй, как только смогу наступить на ногу! – воскликнул Дик. – Я счастлив служить под началом такого опытного офицера, как вы, сэр! Я вас не подведу, сэр! Спасибо, что взяли меня к себе, сэр!

– Я?! – Мэрфи удивленно поднял брови. – Тебя? К себе? – Он издал короткий смешок. – Я не мазохист, капрал! Вы что, разве не в курсе приказа командующего рейдом?

– Нет, сэр... – ничего не понимая, ответил Дик. – То есть, да, сэр! Только мне ничего не сказали толком. Просто привезли сюда и велели доложить вам. Я думал, что вы...

– Ты думал, как всегда, неправильно! – отрезал капитан. – Объяснить?

– Да, сэр! – скрывая обиду, гаркнул Дик.

– Ты, кажется, знаешь китайский? – спросил Мэрфи.

– Да, сэр! Говорю свободно на двух диалектах! – отрапортовал Дик.

– Ну, вот тебе и ответ, – пожал плечами капитан, – во всем Альянсе,

наверное, ты один такой, единственный и неповторимый.

– Сэр, прошу прощения, сэр! – Дик вновь попытался выпрямиться, и вновь ногу пронзило болью. – Я ничего не понимаю, сэр! – От острой вспышки боли он чуть было не упал, вовремя навалившись на винтовку.

– Капрал, ты включен в состав экспедиции за «Наследием» в должности переводчика, – терпеливо вздохнул Мэрфи, – ты же писал рапорт на сайте добровольцев? Я назначен на должность командира группы охраны. Хотя я ничего не писал. Поэтому теперь ты под моим командованием, и я отвечаю за тебя головой перед штабом Альянса. – Он иронично покачал головой. – Хотя я не понимаю, с кем они собрались разговаривать там, в Китае. Если с лигами, то этот язык я знаю лучше тебя. – Капитан хлопнул затянутой в перчатку скафандра ладонью по висящей на груди штурмовой винтовке.

– Я полечу за «Наследием»! – Дик, не веря своим ушам, задохнулся от восторга, на мгновение забыв, что находится на армейской службе.

– Только не начинай прыгать от счастья прямо сейчас, капрал! – попросил Мэрфи. – А то, боюсь, парни тебя неправильно поймут. Им тут долго ползать, солнце еще высоко... Иди, располагайся на новом месте, и поблагодари Шаро Предреکشую, тебе снова повезло. Не придется сдохнуть в Тусоне, как другим, менее везучим гражданам.

– Сэр, при чем тут везение? – не сдержался Дик. – Всему рейду сделали прививку антидота, нам ничего не угрожает! Необязательно было отзывать меня с раскопок прямо сейчас, там ведь каждый человек на счету!

Капитан внимательно посмотрел на Дика и философски произнес:

– Какая неумная молодежь пошла. В особенности ты, капрал. Хотя, может, в этом все дело? – риторически спросил он. – Дуракам везет... – Мэрфи окинул Дика насмешливым взглядом и торжественно заявил: – Капрал Картрайт, от имени командования и от себя лично поздравляю вас! До этого момента вы были героем-спасителем пары сотен человек, а теперь вы даже не супергерой, вы, как минимум, эпический герой, которому предстоит спасти мир! – Он закончил фразу и тут же зарычал: – А теперь ты свободен, капрал, отправляйся в распоряжение роты и не мешай мне работать! Пошел вон!

Дик поспешил обратиться от капитана подальше подобра-поздорову, совершенно не желая выяснять, правду ли говорят всевозможные байки, рассказывающие о злобе и кровожадности инвазивных. Опираясь на оружие, он постарался двигаться как можно быстрее, удаляясь от импровизированной тренировочной площадки. А в ближнем эфире уже злобно гремел жуткими интонациями голос Мэрфи:

– Всем стоп! Незачет! На исходную бегом марш!!!

На четвертый день с ногой стало лучше, и Дик уже ходил, не опираясь на винтовку. Однако сильная хромота делала его непригодным для сколь-нибудь серьезного несения службы, и он большей частью занимался канцелярскими делами. Площадка в центре лагеря первого батальона, предназначенная для формирования обратного каравана, все сильнее заполнялась груженым транспортом. Ежедневно, к заходу солнца, из города приходили новые грузовики с артефактами. Дика временно определили в хозяйственный отдел штаба батальона, где сводились учетные ведомости по результатам раскопок.

Хотя город сильно выгорел за два с половиной века, надежды ученых оправдались полностью, раскопки дали ошеломляющие результаты. В ведомостях числились авиационные турбины, запчасти для техники, различные приборы, ящики с боеприпасами, до которых не добрались пожары, оружие и масса других наименований, значения которых Дик даже не знал. С авиабазы даже прикатили несколько боевых вертолетов и БМП, поставив их на трейлеры. Они были частично тронуты огнем, но специалисты рассчитывали реанимировать их по прибытии в «Гувер». Отдельный грузовик заполняли найденными медикаментами, которые собрали, планируя извлечь хотя бы какую-то пользу от давно потерявших сроки годности препаратов. Учетчики работали всю ночь, заканчивая с рассветом, и весь день Дик отсыпался, готовясь к следующей вечерней доставке.

На седьмые сутки груз из Тусона не пришел. Зато пришла шифрограмма командующего рейдом, и рота капитана Мэрфи в срочном порядке убыла в город. Вместе с ними ушли оба грузовика со сжиженным кислородом. На следующий день пришла еще одна шифрограмма, и в город убыла вторая рота. К вечеру первая рота вернулась без машин с кислородом, привезя с собой целый караван загруженного артефактами транспорта, и приказ третьей роте готовиться сменить вторую. Капитан Мэрфи, и без того не отличавшийся добротой, был настолько зол и мрачен, что все без исключения в лагере старались держаться от него подальше. Голодные и усталые солдаты, вернувшиеся из Тусона, отнекивались, не желая отвечать на вопросы, и о том, что же произошло, удалось узнать только на следующий день, когда вернулась вторая рота.

По версии медиков, широко распространенная в городе песчанка под воздействием тусонской бактерии получила неизвестную ранее мутацию. Если попавшее в воздушные фильтры скафандра насекомое погибает, теряя

свою целостность, то внутрь скафандра попадает опасный токсин, содержащийся во внутренностях песчанки. И человек оказывается под угрозой неизвестного биологического заражения, вызывающего острое расстройство психики. Проблема в том, что если облако песчанки можно выжечь огнеметами, то отдельные особи практически незаметны, и отследить их невозможно. В составе каждой археологической партии и группах охраны из второго батальона уже имеется по несколько подвергшихся заражению людей. Их преследуют галлюцинации, в результате чего они ведут себя крайне агрессивно. Чтобы защитить других людей, солдатам пришлось несколько раз применять оружие на поражение. К счастью, эта болезнь оказалась не столь безжалостной, как тусонская бактерия. Многие люди оказались к ней невосприимчивы, но в целях предосторожности все работы теперь ведутся в режиме полной герметизации, на автономном кислородном питании.

На всякий случай Дика направили к медикам на сдачу крови. Те полдня мурыжили его различными медицинскими тестами, после чего заявили, что к болезни у него иммунитет, и отпустили восвояси.

Ночью он проснулся от грохота выстрелов и спросонья решил, что снова находится в атакованном лигами «Паркере». Он торопливо надел снаряжение, схватил винтовку и, спрятавшись за дверным косяком, пинком распахнул входную дверь. Дик, вспоминая действия Мэрфи, присел на корточки и выпрыгнул наружу, стремясь пройти дверной проем как можно быстрее и при этом не быть легкой мишенью. Он упал на землю, тут же откатился в сторону, укрываясь за колесами стоящих рядом грузовиков, и изготовился к бою. Однако вокруг ничего не происходило. Лагерь спокойно спал, никто не бил тревогу и не бежал отражать нападение. До Дика начало доходить, что он принял ночной кошмар за реальность, и он вылез из-под машины. Надо же было так облажаться, с досадой думал он, зло отряхивая песок со скафандра. Если кто-то заметил это нелепое представление, то уже завтра над ним будет смеяться весь лагерь. Хорошо еще, что в эту ночь все его товарищи по дому-палатке находились в карауле и внутри он был один.

Закончив со скафандром, Дик огляделся по сторонам и понял, что стрельба раздается со стороны блокпоста на дороге. Спать уже не хотелось, и он решил, что раз уж оказался на улице, то не помешает выяснить, в чем дело. Он вернулся в палатку, включил режим кварцевания и вышел, загерметизировав дверь. Затем, стараясь сильно не загружать еще побаливавшую ногу, поковылял в сторону блокпоста. В темноте было хорошо видно, как установленный на блокпосту прожектор бьет в сторону Тусона и пулеметчики посылают короткие частые очереди вслед за лучом

света.

– Помощь нужна? – Дик, пригибаясь, нырнул за мешки с песком, устраиваясь рядом с одним из пулеметных расчетов.

– Нет, все под контролем, – ответил пулеметчик, посылая за лучом прожектора еще одну очередь.

– А что случилось-то? – Дик взял у солдата бинокль и осторожно посмотрел в бойницу.

Метрах в трехстах от блокпоста поперек дороги стоял развороченный пулями джип. Шарящий вокруг него луч прожектора выхватывал из темноты лежащие на песке неподвижные тела. Круг света уперся в испещренную пробойнами дверь, и Дик увидел простреленный в нескольких местах бортовой номер Шесть-Одиннадцать.

– Из города передали, что у троих из второго батальона от местной песчанки съехала крыша. Они уселись в джип, окатили из огнемета нескольких гражданских и собрались к нам. – Пулеметчик еще раз взгляделся в цель и удовлетворенно отстранился от пулемета. – Вот мы их и встретили! – Он вышел в ближний эфир и довольным голосом гордо доложил: – Цели уничтожены, сэр!

– Хорошая работа, рядовой! – ответил ему кто-то из начальства. – Уничтоженного противника наблюдаю отчетливо. Отбой тревоги! Санитарной группе приступить к очистке дороги!

Где-то рядом затарахтел двигатель, из-за блокпоста выехал джип с санитарами в автономных скафандрах биологической защиты и направился к расстрелянной машине. Трупы погрузили в раздолбанный джип, на буксире оттащили его подальше в пустыню и подожгли.

Дик возвращался обратно в дом-палатку, вспоминая смеющиеся лица сержанта и солдат из Шесть-Одиннадцать и не понимая, когда же свои боевые товарищи успели стать для них противником, уничтожение которого производится с профессиональным азартом. Остаток ночи ему вновь снились кошмары. Первый батальон в полном составе вел огонь по одинокому джипу, и эфир гремел криками «Вижу противника!», но вместо лигов или потерявших разум археологов, за рулем мечущейся под градом пуль в смертельной ловушке машины сидел сам Дик.

Еще через два дня запасы кислорода подошли к концу, и командование приняло решение закончить раскопки. Первую роту вновь вызвали в Тусон, остальные получили приказ готовиться к отъезду, составляя машины в караван. С наступлением темноты стали возвращаться археологические партии. Автомобили приходили по две-три единицы, иногда поодиночке,

всегда в сопровождении охраны, и сразу же встраивались в колонну. В результате продовольственная служба сбилась с ног, оббегая машины и разнося людям пищу.

К рассвету было объявлено, что рейд полностью собран, и вторая рота ушла в сторону Финикса на проверку дороги. Дика вызвал Мэрфи и определил ему место в своем джипе, на заднем сиденье рядом с пулеметчиком, сразу предупредив, что Картрайт без команды не имеет права не только трогать хоть что-то руками, но даже дышать. Как только небо просветлело, колонна отправилась в путь. На обратной дороге поломки транспорта посыпались, как из рога изобилия. Остановки на вынужденный ремонт следовали одна за другой, и окраин Финикса удалось достичь лишь далеко за полдень. Здесь колонну встретила вторая рота, рейд встал, и в воздух подняли вертолет. Он вернулся меньше чем через час, и командование в срочном порядке собрало совещание, на которое был вызван и Мэрфи.

Вернулся капитан хмурым и мрачным, словно предвещающая пылевую бурю туча. Он объявил, что в городе замечены вооруженные подразделения лигов, и приказал готовить оборонительные позиции. Командование приняло решение заночевать прямо здесь, заняв круговую оборону, а с наступлением утра силой оружия пробить дорогу через Финикс. Караван сгрудился в огромную кучу, окруженную кольцом из военной техники, которую в спешном порядке обкладывали мешками с песком, которые наполняли прямо на месте. Дику было приказано не отходить от Мэрфи, и он молча таскался за капитаном, проверяющим личный состав, занятый на возведении обороны.

– Сэр, но почему мы должны идти через город? – Не выдержав, Дик задал капитану вопрос, мучивший его уже больше двух часов. – Ведь лиги знают, что мы будем возвращаться! Они же наверняка подготовили нам засаду! Мы должны найти обходной путь!

– Это не так просто сделать, как сказать, – ответил Мэрфи, – с востока Финикс не обойти, не сможем перейти реку. Когда-то тут все водные артерии были перекрыты кучей плотин, но все они давно разрушились, оставшись без обслуживания. Мосты снесло или размыло, вертолетчик говорит, что техника может пройти только тем путем, как мы шли сюда, – через центр Финикса. Там мосты и перекрытия еще держатся каким-то чудом, не иначе волею Шаро Великой, потому что другой причины я даже не представляю, – хмыкнул капитан.

– Сэр, но можно обойти город с запада! – не унимался Дик.

– Чем дальше на Запад, тем ближе к Юме, там прямая дорога, –

усмехнулся Мэрфи, – командование не хочет рисковать и попасть в лапы к Круулу. Ведь никто не знает, где его войска сейчас. Мы играем с ним в кошки-мышки, или в догонялки, – капитан презрительно скривился, – штаб Альянса прямо-таки превзошел сам себя в скорости подготовки этого рейда. Понимают, что, как только Круул подомнет под себя Флагстафф, путь через Финикс будет закрыт навсегда.

– А если вдоль города, сэр? – предположил Дик. – Если пройти недалеко от западной окраины? Ведь есть же карты дорог!

– Для капрала ты слишком много треплешься, Картрайт! – осадил его капитан. – Не рано ли вошел в роль эпического героя-спасителя мира? – Он иронично хихикнул.

– Сэр, виноват, сэр... – Раздосадованный Дик не знал, что ответить.

– Я тоже предложил этот вариант, – неожиданно продолжил Мэрфи, – и мне ответили, что картам дорог лет двести, многие из них давно засыпало, и караван рискует заблудиться в пустыне. – Капитан хохотнул. – Давно не слышал такой чуши! Заблудиться в пустыне, имея карты, компас, радиосвязь и вертолет! Я даже не сразу понял, что это лишь формальный повод, и заявил, что готов взять свою роту и произвести разведку обходного маршрута. И вот тогда выяснилась интересная деталь. Оказывается, в начале четвертого десятилетия хаоса, когда лигов было в десятки раз больше, чем теперь, и их нападения на Центры случались регулярно, кто-то из политических гениев типа прапрадедушек нашего любимого Президента, провел, мать его, гениальную операцию, дьявол его забери! Через отпущенных на свободу пленных лигам сразу с нескольких разных сторон была заброшена дезинформация. Якобы возле Уинтерсберга, что в восьмидесяти километрах западнее Финикса, правительство законсервировало огромные запасы еды, спрятав ее в железобетонных емкостях.

– Простите, сэр, – не понял Дик, – Уинтерсберг... где-то там до хаоса, кажется, была ядерная электростанция, если я не ошибаюсь, она называлась Пало-Верде, или как-то очень похоже... Она была остановлена и законсервирована в соответствии с решением ООН о ликвидации ядерной угрозы...

– Откуда ты это знаешь, Картрайт? – удивился Мэрфи.

– До армии я хотел стать историком, сэр! – ответил Дик. – И получил углубленное образование.

– Лучше бы ты им и стал, – с иронией заявил капитан. – Короче, гениальный план этих идиотов был прост: толпы лигов со всей Аризоны, спотыкаясь и падая, наперегонки бегут к АЭС, вскрывают хранилища

ядерных отходов, которые считают пищевыми складами, идохнут от смертельных доз радиации. Так как они уже ничего никому не могут рассказать, туда приходят все новые и новые лиги, и так до бесконечности. Таким образом, поголовье лигов в регионе сокращается. На этот план возлагались большие надежды, к станции даже умудрились втайне доставить пару-другую бульдозеров, чтобы лигам было чем ломать хранилища. Только, разумеется, все пошло не так. Поначалу лиги действительно бросились к АЭС чуть ли не со всего штата, сказка о волшебном месте, которое просто кусочек рая на земле, была очень популярна. Только оказалось, что лигов нельзя просчитывать, как людей. Во-первых, они не такие шкурники, как мы. Вместо того, чтобы поодиночке или мелкими группами добраться до жратвы и стараться перегрызть глотку каждому новому претенденту, уродцы собрались толпой тысяч в десять-пятнадцать и сообща отправились искать счастья. Поэтому, прежде чем подохнуть, они умудрились разнести все хранилища, которые только были на территории станции. А во-вторых, лиги оказались более живучи. Штук двести их сдохло не сразу. Во всяком случае, им хватило времени добраться до своих и рассказать, что сказки не существуют. Вечного паломничества к АЭС не получилось, и уродцы стали нападать на Центры с удвоенной энергией. Зато ураганы и бури разнесли отработанное ядерное топливо на десятки километров вокруг электростанции, и теперь только Шаро Предрекшая знает, что творится в этом районе. – Мэрфи закатил глаза, демонстрируя явное презрение к командованию, за всю свою жизнь не удалявшемуся от Периметров дальше военизированного пояса. – Но самое забавное заключается в том, что во всем рейде аж целых два счетчика Гейгера, и оба они не работают! И не факт, что в самом Финиксе радиационный фон в норме.

Капитан вздохнул, тихо пробурчав что-то о трудностях работы с идиотами и бездарями, мнящими себя гениальными полководцами, и закончил разговор:

– Так что было принято еще одно гениальное решение. Рейд следует через Финикс, тем же путем. И мы пойдем первыми, расчищать путь.

Ночь прошла неожиданно спокойно. С утра войска, оставив с колонной охранение, вошли в руины города. Только сейчас, глядя на заполненную по боевому расписанию технику, Дик понял, что численность второго батальона сократилась более чем вдвое. Не могло же отравление песчанкой принести такие жертвы, недоумевал он, ведь руководство рейда сообщало о гораздо меньших потерях и иммунитете к токсину... Он

подумал, что недостающая часть личного состава осталась охранять колонну, ведь опытные ветераны первого батальона, имеющие танки и БМП, это грозная сила, способная растереть в порошок любых лигов. Сразу вспомнился горящий «Паркер», окруженный целым морем уродцев, и Дик поежился, успокаивая себя, что в Финиксе никак не может оказаться армии Круула, ведь такое количество лигов вертолетчик бы сразу заметил.

Лиги появились неожиданно, выпрыгивая из песка, словно песчанка. Пустые развалины вокруг вдруг в мгновение ока оказались заполнены уродливыми существами, открывшими беспорядочный огонь. Раздались крики, несколько солдат упало на землю. Из ближайшего полуразрушенного дома гроыхнул орудийный выстрел, и одна из БМП окуталась облаком взрыва. Лигам редко удавалось освоить сложную технику и приборы, но то ли за этим лиговским орудием стоял чересчур сообразительный наводчик, то ли ему просто повезло с произведенным на глаз выстрелом, но попадание оказалось слишком удачным. Через долю секунды в БМП сдетонировал боекомплект, и боевая машина взорвалась с оглушительным грохотом. Оторванную орудийную башню и сидевших на броне солдат десанта расшвыряло вокруг на десятки метров. При виде этого зрелища развалины охватил победный рев, уродцы издавали победные вопли, потрясая оружием, и вновь поливали свинцом застигнутых врасплох людей.

Но неразбериха продолжалась недолго. Спустя несколько секунд после начала атаки в эфире зазвучали команды, и укрывшиеся за броней тяжелой техники солдаты открыли ответный огонь, четко согласовывая свои действия. Танковые орудия ударили по развалинам, перемешивая в кашу орудие лигов вместе с расчетом, и автоматические пушки БМП дробно застучали, посылая снаряды в заполненные лигами руины. Обочины дороги расцвелись взрывами, взметающими в воздух столбы из песка, обломков зданий и частей лиговских тел, и в занятые уродами развалины густо потянулись пунктиры пулеметных очередей.

– Держись за танком, не высовывайся! – бросил Мэрфи водителю и оглянулся на Дика: – Картрайт, за пулемет! Остальные – за мной!

Он спрыгнул на землю, быстро перегруппировал роту и, оставив пулеметчиков вести огонь по лигам, увел людей в развалины, заходя уродцам в тыл. Дик стрелял из пулемета по огрызающимся вспышками выстрелов руинам домов, надеясь, что все делает правильно. Сотен лигов, сраженных его пулеметной очередью, он так и не увидел, но добросовестно расстрелял в развалины всю патронную ленту. Пулемет затих, сообщая об окончании боезапаса, и Дик полез за новой лентой. Тем временем медленно

идуший впереди танк ударил по дому напротив, пробивая в стене огромную дыру, и Дик, зарядив вторую ленту, подумал, что, наверное, лучше будет вести огонь туда же. Он взял на прицел образовавшуюся дыру, и в этот момент танковое орудие громынуло снова. Взрывом в доме разметало остатки потолочного перекрытия, и потолок рухнул вниз. Дик нажал на спуск, давая очередь в зияющий пролом, как вдруг оттуда, спасаясь от обрушающегося потолка, хлынули лиги. От неожиданности Дик замер, зажав спусковой крючок пулемета, и свинцовый ливень ударил в неуклюже выбегающих навстречу смерти грязных ободранных инвалидов. Пулеметная очередь за секунду срезала с десятков лигов, бесформенной кучей повалившихся на кучи битого кирпича, и продолжала выгрызать из мертвых тел куски кровавой плоти.

– Капрал! Хватит! – Окрик водителя вывел Дика из оцепенения. – Ствол перегрелся! Прекрати огонь, они все мертвы!

Дик отпустил спусковой крючок, не в силах оторвать взгляда от истекающей кровью горы трупов. Впервые ему довелось убивать лигов. И хотя со дня гибели матери он мечтал об этой минуте, действительность оказалась совсем не такой, как он ожидал. Дик поймал себя на мысли, что пытается доказать сам себе, что ни в чем не виноват, что так вышло случайно, он просто стрелял в пролом в стене и не знал, что оттуда кто-то появится. Он встряхнул головой и взял себя в руки. Что за чушь! Это вонючие, злобные и уродливые лиги, мечтающие утопить в крови последние остатки человечества. Такие, как они, напали на угольную шахту и убили Рэйчел. Такие, как они, уничтожили «Паркер» и вырезали почти пятьдесят тысяч его жителей. И если бы не он, никто не знает, сколько бы людей они убили бы еще! Он не просто все сделал правильно, он обязан убивать их везде, где только увидит, без капли сомнений. С этой мыслью Дик направил пулемет на очередные руины и нажал на спуск. Он упрямо расстреливал развалины за развалинами, но из его головы никак не уходила картина наполненных безысходностью и страхом глаз лигов, отчаянно пытающихся спастись, выскакивая из рушащегося дома прямо на изрыгающий смерть пулеметный ствол.

Бой закончился через полчаса. Танки и БМП превратили в песочно-каменную труху занятые лигами развалины, а рота Мэрфи, ударившая в тыл засаде на правой стороне дороги, отрезала уродам путь к отступлению. Десятка три уродцев оказались зажаты в тиски и были перебиты в считанные секунды. Находящиеся на другой стороне дороги лиги, осознав, что напали не просто на рейд людей, а на две сотни солдат с танками и техникой, прекратили огонь и бросились вглубь городских руин, стремясь

рассеяться среди развалин и тем самым спасти свои жизни. Преследовать их не стали. Сгоревшую БМП танком сдвинули на обочину, вдоль дороги расставили огневые точки и пошли дальше, вновь подняв в небо вертолет. Больше засад в городе не было, лишь изредка из глубины руин одинокие лиги пытались вести огонь по идущей колонне. Их быстро подавляли плотным огнем, и рейд двигался дальше.

Финикс покинули уже на закате, но из-за частых поломок так и не успели отойти от него до наступления темноты на безопасное расстояние. Командование, опасаясь нападения лигов во время ночевки, приняло решение двигаться ночью столько, сколько позволит техническое состояние транспорта. Это не сильно помогло, сразу два грузовика встали, едва рейд прошел километров двадцать. Пришлось снова сгруппировывать колонну и занимать вокруг нее круговую оборону. Были объявлены режимы радиомолчания и полной светомаскировки, и лагерь погрузился во тьму.

Ночь прошла беспокойно. Первая штурмовая рота держала позиции первую половину ночи, потом была смена, и Дик смог немного поспать. Но даже в эти немногие часы нормально отдохнуть не получилось. С оборонительных позиций часто звучали выстрелы, и каждый раз он просыпался, ожидая вражеской атаки. За ночь лиги до колонны так и не добрались, зато из пустыни к спящему лагерю постоянно лезло голодное уродливое зверье. Какие-то твари даже умудрились прокрасться к северным позициям и набросились на одного из часовых. Парня разорвали в клочья буквально за десять секунд, и визжащая стая устроила между собой драку, деля добычу. Беснующуюся кучу мутантов накрыли густой струей напалма, и до самого утра часовые открывали огонь на любой шорох в ночной темноте.

Утром произвели ремонт и двинулись дальше. За двадцать километров до Викенбурга колонна остановилась, и командование рейда собралось на совещание. Было ясно, что второго такого прорыва через заполненный термитами город тяжелогруженная колонна не переживет. Начальство долго решало, что предпринять, в конце концов, второй батальон получил команду выделить десять джипов для разведки обходных дорог. По замыслу командования, экипажи этих машин при поддержке вертолета должны были отыскать объезд, руководствуясь старыми картами дорог. Предполагалось, что во взаимодействии с воздушным наблюдением это будет безопасно.

Первый джип термиты сожрали спустя полчаса после отбытия разведывательной команды. Душераздирающие крики поедаемых заживо людей звучали в эфире дальней связи, заставляя Дика вздрагивать и

инстинктивно бросать взгляд себе под ноги. Остальные машины команды вышли из зоны действия передатчиков скафандров, и командование связывалось с ними через вертолет, поспешно перейдя на закрытую линию.

Назад разведывательная команда вернулась через шесть часов. Мэрфи проводил взглядом два джипа, все, что осталось от десятка машин, и витиевато выругался, тихо посылая грязные проклятия в адрес командования. Дик, подавленный таким «безопасным» методом разведки, хотел было задать ему вопрос, но, видя, как в глазах капитана ярким огнем горит дикая злоба, предпочел не привлекать к себе внимания.

Викенбург обошли за шесть часов. Колонна долго пробиралась по пустыне, машины часто застревали в глубоком песке, их вытаскивали тяжелой техникой, взяв на буксир. Дважды песок оседал под колесами грузовиков, опрокидывая их на бок. Приходилось собирать рассыпавшийся груз и размещать его по другим машинам. Один из грузовиков удалось поднять и вернуть в строй, другой оказался настолько старым, что не выдержал падения. Механики сняли с него все, что могло представлять ценность, и лежащую на боку машину бросили в пустыне. На шоссе вышли к самому закату. Почти четверть грузового транспорта колонны вышло из песков на буксире, и остаток дня прошел в ремонтных работах. Измученные механики тихо матерились, ковыряясь в разваливающейся на глазах технике, и призывали в помощь бога, Шаро Предрекшую и вообще всех, кого только знали.

До «Гувера» колонна добиралась еще двое суток.

– Скажи, Дик, это правда, что в Тусоне от мутировавшей песчанки погибло больше тысячи добровольцев? – Хо сидел в кресле с кружкой ароматизированного кипятка в руках.

– Дядя, тебе надо меньше бывать на сайте оппозиции, – нахмурился Дик, – академик Райли в своей погоне за властью ведет себя слишком непорядочно! Правительство сделало все, чтобы экспедиция к «Наследию» стала возможной, а он продолжает разжигать смуту. Лучше бы помог, ведь он же один из ведущих ученых!

– Ты не прав, Дик, – Хо покачал головой, – академик Райли и его институт принимают самое непосредственное участие в организации экспедиции. Именно им предстоит выделить специалистов, способных разобраться в «Наследии». Ведь никто не знает, что оно такое. Но сам факт экспедиции не мешает людям знать правду.

Хо гостил у Дика вторую неделю. После возвращения в «Гувер» Дика указом Президента официально назначили переводчиком в экспедицию за

«Наследием». Из «Пэйджа» был выслан внеочередной караван, которым в «Гувер» доставили Хо, чтобы Дик имел возможность практиковаться в языке перед отъездом. Поэтому на время подготовки к экспедиции им выделили отдельную жилую площадь в секторе президентской администрации и вдвое повысили пищевые нормы. Состав экспедиции еще не был полностью утвержден, в списках пока значились только шесть человек: Дик, капитан Мэрфи, трое военных и пилот, которому досталась великая честь перенести людей через океан. Поэтому все уже названные участники мгновенно стали национальными героями, и Дик скромно купался в лучах славы. Президентские советники взяли его в оборот на следующий же день после прибытия рейда. В прессе вышла обширная статья о тусонских подвигах героя «Паркера», в одиночку вышедшего из облака песчанки и уничтожившего в бою десять кровожадных лигов. Дик получил полдюжины листов текста, который он должен был выучить уже к утру и на основании этого отвечать на вопросы, задаваемые как на официальных встречах, так и единичными гражданами. Впрочем, «единичных граждан» в секторе президентской администрации было очень немного. Сам Президент перед камерами вручил Дику вторую награду за бой в Финиксе и, пожимая руку, сказал, что такие молодые американцы, как капрал Картрайт, это будущее Альянса и надежда всего человечества. После встречи Президент в тридцатисекундной личной беседе выразил надежду, что Дик и дальше будет честно служить Альянсу в эти трудные для всех людей времена. И Дик изо всех сил старался оправдать возложенную на него ответственность.

— И чем же академику Райли не нравится правда, опубликованная правительством? — поинтересовался Дик. — Оно честно выложило далеко не лицеприятные данные. Во время раскопок в Тусоне погибло двести семь человек. Огромные потери!

— В том-то и дело, что у оппозиции есть основания считать, что потери были больше, намного больше!

— Да знаю я эти «основания»! — отмахнулся Дик. — Хотят победить на предстоящих выборах, вот и все основания. Нынешняя администрация сделала все, чтобы найти «Наследие», а они хотят прийти на готовенькое!

— Дик, вряд ли это что-то изменит на выборах, — покачал головой Хо, — наш Президент избирается уже в четвертый раз, будет избираться и в пятый, как это делали до него его отец, дед и прадед. — В уголках губ старика мелькнула едва заметная саркастическая улыбка, — популярность семьи Рокфеллеров в народе очень высока.

— Только не говори мне, что оппозиция радеет за правду и ничего,

кроме правды! – усмехнулся Дик. – Я в это никогда не поверю, глядя, как они пытаются загребать жар чужими руками.

– Они ли? – Старик сделал глоток кипятка и продолжил: – Если Президент кристально чист, зачем скрывать истинное положение дел с погибшими в Тусоне? – Он медленно покачал головой. – Правительству не нужны возмущенные граждане. Гораздо спокойнее, когда люди сидят тихо и с удовольствием выполняют указания.

– Да с чего ты взял, что потери занижены? – всплеснул руками Дик. – Двести человек – разве это мало? Я там был, Хо, и видел все своими глазами. Второй батальон поредел наполовину, а Райли со своими коллегами пытается сделать политическую карьеру на их гибели! Это возмутительно!

– В том и дело, Дик, что никто не хочет делать на этом карьеры, – терпеливо ответил Хо, – просто каждый отдел считает, что именно они понесли наибольшие потери. Военные говорят, что погибли в основном солдаты, археологи – что ученые, землеройные команды считают, что больше всего пострадали сами. Рейд изначально был сборной солянкой, и по прибытии всех людей сразу же отправили восвояси. Никто не имел возможности проверить правительственные данные. Но контролировать можно СМИ, каждого человека не проконтролируешь. Люди, потерявшие друзей и близких, делятся информацией. Слухи ходят...

– Слухи ходят всегда! – отмахнулся Дик. – Вчера в «Гувере» разбилось стекло, а через неделю в «Пэйдже» скажут, что рухнул гермокорпус. Глупо верить одним только слухам и не обращать внимания на факты. – Он подошел к компьютеру, показывавшему десятка полтора новых сообщений. – Давай закроем эту тему, дядя. Мне надо подготовиться к завтрашнему дню. В полдень Президент объявит полный состав экспедиции и дату вылета.

Хо лишь пожал плечами, мол, дело твое, и ничего не ответил. Дик облегченно вздохнул. Спорить со стариком ему не хотелось, но это постоянное старческое недовольство правительством успело изрядно надоесть. Понятно, конечно, что Хо стар и одинок, а с тех пор, как возраст и состояние здоровья отобрали у него возможность работать, он все реже имеет возможность бывать на людях. По сути, Дик и есть все его общество, вот старик таким образом и пытается добиться большего внимания к себе, капризничая, словно ребенок. Но все-таки тему для дискуссий он выбрал явно неудачно, легко обвинять во всех тяжких Президента, когда сидишь в уютном кресле и на твоих плечах лежит теплый плед, а не ответственность за судьбы полумиллиона человеческих жизней. Дик подумал, что частично

в том есть и его вина, с этими официальными мероприятиями он стал уделять Хо совсем мало времени. Он решил, что после завтрашнего торжественного обращения Президента к гражданам обязательно посвятит старику весь оставшийся день. Дик украдкой посмотрел на Хо. Тот задремал в кресле. Дик улыбнулся и вернулся к компьютеру, изучая присланные президентской канцелярией приглашения и инструкции.

Торжественное собрание, посвященное старту экспедиции «Наследие», организовали на площади Центра. В самом ее центре была собрана праздничная президентская трибуна, окруженная репортерскими камерами и местами для журналистов, все остальное пространство площади было заполнено людьми. Дику, стоящему по левую руку от Президента, казалось, что все население Центра собралось перед трибуной. Президент долго и красочно описывал, сколько сил и труда было вложено Альянсом в подготовку экспедиции, после чего вознес господу короткую молитву во спасение душ всех тех самоотверженных американцев, кто отдал свою жизнь ради того, чтобы она стала возможной. Их память почтили молчанием, и торжественная речь продолжилась.

Наконец кульминационный момент обращения настал. Президент приступил к оглашению списка личного состава экспедиции. Тысячи людей затаили дыхание, вслушиваясь в его слова. В ее состав вошли пятнадцать человек охраны под командованием капитана Мэрфи, пилот, три инженера-механика, восемь научных специалистов и переводчик, коим, собственно, Дик и являлся. Каждую фамилию толпа встречала бурными овациями. Всех членов экспедиции заранее собрали на заднем ряду президентской трибуны, и теперь, услышав свое имя, они по одному выходили к рукоплещущему народу и занимали места рядом с Президентом. Наконец двадцать восемь участников величайшей в истории Человечества экспедиции замерли в неровном строю перед захлестнувшим площадь многотысячным человеческим морем.

– И в завершение я должен назвать имя руководителя экспедиции! – с торжественной серьезностью заявил Президент. – Все мы понимаем, что эту должность должен занять не просто сильный лидер и умелый руководитель. Это выдающаяся миссия! И руководить ею может только опытный специалист, лучший из лучших в своем деле! Тот, на чью компетенцию мы можем смело положиться. И я думаю, что каждый из вас согласится со мной сейчас! Я хочу попросить принять руководство экспедицией «Наследие» одному из самых талантливых ученых, светилу нашей науки, главе Научно-Технической Академии Центра «Гувер» академику Райли! – Он ткнул рукой в стоящего в толпе седого старика. –

Профессор! Прошу вас подняться на трибуну и получить официальные документы руководителя экспедиции!

Многотысячная толпа взорвалась овациями, академика подхватили на руки и внесли на трибуну. Дик в очередной раз поразился величию президента Рокфеллера. Этот человек был достоин своей должности как никто другой, ничем не уступая великим президентам прошлого. Он был выше грязных политических интриг и мелочных разногласий, ставя заботу о своем народе превыше всего. Доверить самую важную в истории человечества экспедицию, от которой зависит судьба мира, своему политическому противнику! Не каждый способен на такое! Но Президент в первую очередь думал о людях, а не о собственном благополучии. Дик восхищенно смотрел на Президента, энергично аплодируя вместе со всеми.

Академик Райли, оказавшись на трибуне, обреченно вздохнул и подошел к микрофонам. Он скупно поблагодарил всех собравшихся за оказанное ему доверие и заверил, что сделает все возможное, чтобы оправдать его. Дик подумал, что все-таки в их с Хо споре победителем вышел он, и сегодняшний день это убедительно доказал. Президент Рокфеллер кристально честный человек и выдающийся руководитель!

Странному выражению глаз академика Райли, получающего из рук Президента документы руководителя экспедиции, Дик не придал значения.

Самолет вошел в очередную воздушную яму, и к горлу снова подкатила тошнота. Позеленевший Дик стер со лба липкий пот и вяло поерзал в продавленном кресле. Он старался дышать глубоко и равномерно, но это едва помогало переносить многочасовой перелет.

Поначалу полет привел его в восторг. После взлета, когда старый грузовой «Боинг» только набирал высоту, Дик не мог оторваться от иллюминатора. Это было совсем не то, что сидеть в разваливающейся дребезжащей старушке Мэрилин, едва плетущейся в километре над землей. От одного только сознания грандиозной мощи «Боинга» у Дика захватывало дух. Земля, видневшаяся далеко внизу, огромные горы облаков, целыми морями распростершиеся под сверкающим на солнце серебряным крылом, величественно скользящая по их белоснежному покрывалу тень могучего и грациозного самолета... Именно так Дик и представлял себе настоящий полет. И самое главное, «Боинг», хоть и был стар донельзя, не дребезжал, словно гермобидон с гвоздями, который пинает рота солдат. То есть, он, конечно, дребезжал, но только при перегрузках, да и по сравнению со старушкой Мэрилин это был суший пустяк. Жаль только, что Дика не пустили в пилотскую кабину. Он очень

хотел посидеть рядом с пилотом и посмотреть на приборную доску настоящего самолета, но капитан Мэрфи велел ему убираться на свое место, пока ему не придумали какую-нибудь работу, вроде отшлифовывания ржавчины с полов в грузовом отсеке.

Однако вскоре ему стало не до пилотской кабины. Самолет летел нестабильно, постоянно меняя скорость и высоту, двигатели то тихо гудели, то надрывно визжали, отдаваясь в голове болезненным зудом, а от частой смены высоты пренеприятно закладывало уши. Спустя час полета Дика начало подташнивать, и он лег на пол, стараясь не допустить рвоты. Но легче от этого не стало, скорее, наоборот. Дика прошиб пот, у горла стоял противный желчный комок, и все попытки принять хоть сколько-нибудь комфортное положение тела не давали результата. Он и лежал, и стоял, сидел прямо и полулежа, истекая потом в душном резинопластике скафандра. Радовало хотя бы то, что пассажирский отсек специально для экспедиции загерметизировали и провели процедуру обеззараживания, благодаря чему теперь в нем можно было находиться без гермошлема. Дик сейчас с огромным удовольствием снял бы и скафандр, но техника безопасности авиаперелетов категорически запрещала такое, и теперь ему приходилось терпеть двойные мучения. Кто-то из ученых даже дал ему какой-то плоский кусок пластика, оторванный здесь же, и Дик использовал его в качестве веера. Говорят, когда-то в самолетах была система вентиляции, но спустя столько лет от нее остались лишь рассказы специалистов. Сказочный полет превратился в пытку, и при виде того, что не он один страдает от частых воздушных ям, становилось еще хуже.

– Держись, сынок, – посочувствовал ему седой старик из ученых, сидящий в соседнем кресле, – остался всего час, и мы на месте. Потерпи немного.

– Целый час? – От этого известия Дику стало совсем нехорошо. – Мне так плохо еще никогда не бывало. – Он отер пот со лба. – Я не представляю, как до хаоса люди постоянно летали на самолетах и терпели такие мучения...

– Они их не терпели, сынок, – улыбнулся ученый, – они спокойно летали и занимались своими делами: спали, читали, работали.

– Но почему? – Дик сглотнул, пытаясь избавиться от болезненного давления в ушах. – Мы теряем адаптацию к воздушным полетам? Из-за того, что не летаем, да?

– Конечно нет, – грустно покачал головой седой старик, – просто в те годы это был современный комфортабельный аэробус, оборудованный по последнему слову техники. Здесь было все, что только может себе

представить сегодняшний инженер, и еще много такого, что уже и не представишь. Автопилот, первоклассное оборудование, лучшие в мире двигатели, системы стабилизации полета, навигация, – много чего. К услугам пассажиров были кондиционеры, ионизаторы воздуха, персональные телевизоры и компьютеры... Я даже не знаю всего, чем был оборудован этот самолет. Он летел ровно, мягко и практически бесшумно. – Ученый коротко махнул рукой. – А сейчас это просто насквозь проржавевшая развалина, поднятая в воздух после отчаянной попытки реанимировать хотя бы то, без чего полет вообще невозможен. Вот мы и летим, ведомые рукою господа да интуицией пилота...

Старик умолк, словно задумавшись о чем-то, и помрачнел. Затем он бросил взгляд на Дика, к страданиям которого прибавился еще и страх от осознания всех перспектив такого полета, и с улыбкой добавил:

– Не волнуйся, сынок, все будет хорошо. В свои лучшие годы этот самолет пересекал океан за три часа, сейчас мы летим почти пять и ничего, как видишь, справляемся. Сядь поудобнее, закрой глаза, расслабься и попытайся немного отвлечься.

Дик постарался последовать его совету, но отвлечься от стоящей поперек горла тошноты удавалось плохо. Чтобы занять мысли, он принялся вспоминать детали предстоящей операции. Сама по себе экспедиция не выглядела сложной. Главное – долететь до ближайшего к месту расположения «Наследия» городу, в котором когда-то имелся аэродром. Если Шаро Великая будет к ним благосклонна, то его посадочная полоса не будет захламлена, и они смогут совершить посадку. На всякий случай руководство продумало запасной вариант аэродрома, находящийся в соседнем городе. Это несколько дальше, но аэродром там тоже когда-то был. По расчетам, топлива им хватит в любом случае. После приземления экспедиция должна выдвинуться к «Наследию», местонахождение которого, по расчетам, находилось в восьмидесяти километрах от города, шестьдесят из которых можно было преодолеть по дороге. По крайней мере, на старых картах дорога была. Для этих целей в грузовом отсеке самолета экспедиция везла с собой джип и грузовик. Час-полтора езды, затем двадцать километров пешком. Это будет самая сложная часть пути. Двигаться надо будет по горно-лесистой местности, и усталые седины ученые не смогут идти быстро, часов пять-шесть займет, не меньше. К тому же никто не знает, что сейчас творится в тех местах, остался ли вообще лес, есть ли там мутафауна или лиги. Но их военная группа отлично вооружена и состоит из закаленных в боях ветеранов, поэтому тут переживать не о чем. Дик вспомнил, как восторженно ликовала толпа,

приветствуя выходящих одного за другим солдат, которым досталась великая честь отыскать «Наследие». Наверное, впервые люди так тепло встречали инвазивных. Впрочем, он и сам чувствовал себя гораздо спокойнее, зная, что экспедицию охраняют такие злобные и безжалостные бойцы. Этих лигами точно не испугаешь. Еще вопрос, кого кем стоит пугать. Такие пройдут сквозь лигов, как ложка через пищевой компаунд. Да и самого тяжелого времени суток – ночи – удастся избежать. Так как посадка должна быть совершена рано утром, то у экспедиции были все шансы достичь «Наследия» до наступления темноты. Ну, а дальше уже дело ученых. Только они смогут понять, что такое «Наследие» и как оно работает. Этот вопрос вызывал самые жаркие споры с того самого момента, когда стало ясно, что «Наследие» действительно существует. Дик с гордостью подумал, что он сможет увидеть все собственными глазами, ведь его ученые возьмут с собой обязательно. Пока солдаты будут охранять подступы к «Наследию», или вход, или что там вообще будет, Дик пойдет внутрь вместе с научной группой. Все-таки «Наследие» спрятано в Китае, и велика вероятность того, что без переводчика ученым не обойтись.

– Внимание пассажиров, мы начинаем снижение! – В жутко хрипящих динамиках салона зашипел усталый голос пилота. – Всем застегнуть страховочные системы, и да поможет нам Шаро Предрекшая!

Дик, радуясь тому, что его мучения наконец-то скоро закончатся, принялся торопливо застегивать многочисленные крепления страховочных ремней. Эту систему, отличающуюся повышенной надежностью, сконструировали специально для их экспедиции лучшие инженеры Альянса. Сидящий рядом седой ученый подслеповато щурился, никак не попадая карабинами в крепежи, и Дик сам пристегнул старика к креслу.

– Спасибо, сынок, – поблагодарил ученый, – вот мы и почти у цели, – он посмотрел на едва сдерживающего тошноту Дика и указал ему на иллюминатор, – здесь все совсем по-другому. Не так, как дома.

Картина, открывавшаяся внизу, и вправду выглядела непривычно. Огромные куски пустыни, знакомо желтевшие песком, перемежались с небольшими зелеными клочками поверхности, где еще сохранилась почва. Прямо по курсу самолета можно было разобрать невысокие горы, словно по-крытые серо-зеленой грязью.

– На мозаику похоже, – произнес Дик, усилием воли пытаясь думать о чем-то, кроме тошноты.

– Трансгены сожрали почву, на которой росли, – старый ученый тоже смотрел в иллюминатор, – теперь внизу пустыня, как и везде в мире в таких местах. А вот на склонах этих гор их не было. Так что теперь там

хозяйничает мутафлора. И если она достаточно обильна, чтобы поддерживать жизнь мутафауны, то в этих местах наверняка живут лиги.

– Скажите, сэр, это правда, что в Китае лигов больше всего? – спросил Дик, невесело обозревая приближающуюся грязную зелень горных склонов. Сейчас бы он предпочел голые камни и скалы Аризоны.

– До наступления хаоса здесь жило больше всего людей, – ответил старик, – так что не удивительно, если это окажется правдой.

Тем временем самолет снижался все сильнее, и внизу уже можно было разглядеть засыпанные песками городские развалины. Внизу показался аэродром, и Дик вздохнул спокойно – занесенная песком посадочная полоса была свободна. Значит, его мучениям скоро придет конец.

«Боинг» выпустил шасси и начал заходить на посадку. В хрипящих динамиках раздался голос пилота:

– Всем надеть гермошлемы, мы садимся.

Дик загерметизировал скафандр и уставился в иллюминатор, глядя на приближающийся песок посадочной полосы. Передняя стойка шасси коснулась земли и в ту же секунду с громким треском лопнула. Бешено несущийся самолет мордой вспахал посадочную полосу, поднимая огромные клубы песка. Жуткий хруст перекрыл вопли пилота. Самолет разломился пополам, и Дик с ужасом увидел, как прямо перед ним часть самолета отрывается, стремительно уходя куда-то в сторону, и исчезает в песочном облаке. В следующий миг задние стойки шасси ударили в землю, страшным ударом отрывая хвостовую часть, и притянутого к креслу Дика кубарем закрутило вместе с остатками фюзеляжа в песчаной круговерти, мгновенно заполнившей все вокруг. Истошные крики людей, звенящие в телефонах гермошлема, потонули в грохоте серии слитных взрывов, мощная вспышка которых осветила песчаную муть. Первобытный животный страх захлестнул сознание, выдавливая из головы всякую мысль, кроме острого желания выжить. Дик, болтающийся словно в центрифуге, изо всех сил вцепился в подлокотники, словно это могло остановить бешеное вращение. На короткое мгновение кувыркающийся обломок фюзеляжа вылетел из песчаного облака, и Дик успел заметить стремительно приближающееся серое пятно. Спустя долю секунды последовал мощный удар, и наступила темнота.

В ушах стоял громкий гул, словно где-то очень близко мимо проходила танковая колонна. Дик с трудом разлепил веки и увидел над собой затянутое паутиной небо, обрамленное обломками разрушенных стен. Он попытался поднять голову, и гул в ушах тут же превратился в ломающую

боль в висках. Дик застонал и уронил голову на песок, вызывая целую феерию болезненных ощущений.

– Не делайте резких движений, мистер Картрайт. – В головных телефонах гермошлема зазвучал старческий голос. – Вам сейчас надо восстановить силы. Вы меня слышите?

– Да, – выдавил Дик, с трудом ворочая опухшим языком. Каждая клетка его тела отзывалась болью, больно было даже говорить.

– Значит, рация целая, – удовлетворенно констатировал голос, и над Диком склонился человек в затянутом паутиной скафандре.

– Посмотрите на меня, Картрайт, и постарайтесь не моргать. – Он посветил ему в глаз маленьким фонариком. – Хорошо. А теперь пошевелите ногами... теперь руками... сожмите и разожмите кисть... хорошо. Как вы себя чувствуете?

– Все болит, даже язык, – прошамкал Дик, сглатывая соленую от крови слюну. – Где мы? Почему все в паутине?

– В паутине? – удивился старик. – Тут нет никакой... Ах, это! – Он осторожно смахнул песок с гермошлема Дика. – У вас сильно поврежден лицевой щиток.

Дик сфокусировал взгляд на паутине и понял, что это густая сеть трещин, покрывающая прозрачный пластик гермошлема. Саднящий болью туман в голове стал рассеиваться, и он вспомнил произошедшую катастрофу.

– Что случилось? – спросил он у старика. – Самолет упал?

– Развалился при посадке. – Теперь, когда Дику удалось отделить паутину трещин от реального мира, он узнал в собеседнике академика Райли. – На несколько частей. Вам повезло, вы отделались лишь ушибами. Многие погибли... – Райли удрученно замолчал.

Дик прислушался к своему телу. Боль отступала, и к нему постепенно возвращались двигательные способности. Он почувствовал себя лучше, оперся руками о песок и сел, осматриваясь вокруг. Они находились в развалинах какого-то здания, судя по всему, когда-то здесь были технические по-стройки аэропорта. Стены давно обвалились, потолочные перекрытия рухнули, все вокруг покрывала застарелая копоть давнишних пожаров и вездесущий песок. Неподалеку у стены лежал еще один из членов экспедиции, и двое других пытались соорудить ему на ногу медицинскую шину из подручных средств. Раненый громко стонал от боли, отзываясь на каждое движение своих санитаров.

Вдали догорали обломки «Боинга», разбросанные по всему перепаханному аэродрому. Между ними бродило несколько человек в

боевых скафандрах.

– Кто там, господин академик? – Дик с опаской указал рукой в сторону солдат.

– Это мистер Мэрфи и его люди, – ответил старик, – те, кто выжил. Пытаются найти хоть что-нибудь полезное, без воды и пищи мы обречены.

– Капитан Мэрфи жив? – Это известие Дика порадовало. Если с Мэрфи все в порядке, то они обязательно выберутся из этой беды. Дик был совершенно уверен, что для капитана не существует безвыходных ситуаций.

– Да, спасибо Шаро Предрекшей! – подтвердил академик. – Это он отыскал вас в обломках. Мы было сочли вас погибшим, но мистер Мэрфи определил, что это не так. Просто кардио датчик вашего скафандра вышел из строя. Признаться, я так и не понял, как именно он это сделал.

– У капитана большой опыт. – Дик попытался встать на ноги. – Он много лет командовал Штурмовой ротой на калифорнийской базе нефтедобычи. Я никогда раньше не видел такого знающего специалиста. Он в одиночку спас полторы сотни граждан в ночь гибели Центра «Паркер».

Голова изрядно кружилась, но на ногах стоять было можно. Дик подумал, что летчиком он не хочет быть никогда. Он сталкивался с авиацией дважды, и оба раза оказывались такими передрыгами, что только волею Шаро Великой все закончилось благополучно. Как вообще ему в голову могла прийти такая мысль – добровольно войти в самолет...

– В пресс-релизах президентской администрации сказано, что это вы спасли тех людей, – произнес Райли, – разве не так?

– Ну... нас было двое, но командовал всем капитан Мэрфи, а я ему помогал, – ответил Дик, – честно говоря, я и сам не понимаю, почему про него так мало упоминали.

– Меня это не удивляет, – академик хмуро ухмыльнулся. – Прошу меня простить, мистер Картрайт, я должен помочь мистеру Оренту, у него весьма тяжелые травмы. Вы справитесь самостоятельно?

– Да, конечно, – спохватился Дик, вновь глядя на стонущего инженера, – я в порядке, мне уже гораздо лучше. Я пойду, помогу остальным.

Райли ушел возиться с раненым, и Дик, немного пошатываясь, побрел к месту крушения. Он ускорил шаг и прислушался к ощущениям. Вроде руки и ноги были целы, все жутко болело, но, похоже, серьезных травм не было, одни ушибы. Дик запоздало вспомнил, что инструкция по жизнеобеспечению в таких случаях требовала проведения диагностики

скафандра. Он попытался открыть крышку диагностического блока, встроенного в левый поясной отдел, но деформированный от удара замок долгое время не хотел поддаваться. Пришлось разжимать замятую пластину ножом. Наконец ему это удалось, и Дик оторопело замер, глядя на тусклый красный огонек индикатора потери герметичности.

– Что, капрал, прикидываешь, какого цвета «намордник» тебе подойдет больше всего? – заговорила армейская частота.

Дик вздрогнул. Рядом с ним стоял Мэрфи и насмешливо глядел на его в один миг побледневшее лицо.

– Вероятно, это ошибка, сэр! – Дик отказывался верить своим глазам. – Наверное, датчик вышел из строя от удара! Звукового оповещения не было! Я чувствую себя в полном порядке! Может быть, это всего лишь...

– Датчик герметичности не ломается, он практически вечен, – спокойно оборвал его капитан, – а вот система звукового оповещения, наоборот, запросто отдает душу господу. – Он коротко кивнул в сторону красного огонька. – Давно горит?

– Не знаю, сэр, – мертвенным голосом ответил Дик, – я только сейчас смог открыть блок диагностики...

– То есть с самой катастрофы, – невозмутимо констатировал Мэрфи, – таким образом, капрал, в твои легкие вот уже четвертый час поступает воздух, зараженный биологически опасными компонентами. Ты подвергся инвазии, Картрайт. Прими мои соболезнования, сынок. – В голосе капитана если чего-то и не было вовсе, так это как раз соболезнования.

– Что же теперь делать... – прошептал Дик. Он все еще не мог поверить, что его жизнь рухнула со всеми перспективами, блестящими и не очень. Теперь ему присвоят клеймо инвазивного, наденут «намордник», и до конца дней своих он будет ловить на себе испуганные взгляды людей, желающих лишь одного — поскорее убраться от него подальше.

– Первым делом сменить гермошлем, – усмехнулся Мэрфи, – пока из инвазивного ты не превратился в мертвого, даже не успев насладиться своим новым статусом. Раз ты чувствуешь себя в норме, стало быть, разгерметизация невелика и от души нахвататься всякого дерьма ты еще не успел. Но со временем степень инвазии будет расти, и ты имеешь все шансы лично увидеть Шаро Предрекшую прежде, чем ее «Наследие».

Он развернулся и направился к обломкам «Боинга», коротко бросив через плечо:

– За мной, капрал.

Дик обреченно побрел следом. Капитан завел его за крупный обломок фюзеляжа. Возле него лежало несколько солдатских трупов.

– Сейчас подберем тебе подходящий размерчик, – ехидно заявил Мэрфи, бросая взгляд то на Дика, то на трупы.

При мысли о том, что он должен надеть гермошлем мертвого солдата, Дик испытал такой шок, что на мгновение забыл даже о своей инвазивности.

– Сэр, это же мертвецы... – в ужасе промямлил он, инстинктивно делая шаг назад.

– Заткнись, debil, – коротко посоветовал капитан, – собрался подохнуть медленно и со вкусом? – Он вонзил в Дика злобный взгляд и надвинулся на него, словно танк, давящий лига в лепешку. – Ты видел когда-нибудь смерть от инвазии?

– Только от «очаровашек», сэр... – При виде нависшего над ним Мэрфи Дик сжался в комок.

– Ну и как, понравилось? – рявкнул капитан.

– Нет, сэр... – Дик был полумертв от страха.

– Отлично! – усмехнулся Мэрфи. – А теперь представь все то же самое, только медленнее. ГОРАЗДО медленнее. Представил? Ну, как? Все еще хочешь попробовать?

– Нет, сэр! – Дик вспомнил караван из «Пэйджа» в «Гувер», поля «очаровашек» и заляпанный сгустками кровавой плоти изнутри лицевой щиток гермошлема, в котором нельзя было даже узнать погибшего. Такой смерти он себе не хотел. Он вдруг отчетливо понял, что вообще не хочет умирать, пусть даже всю оставшуюся жизнь ему придется прожить инвазивным.

– Тогда слушай меня, капрал, – спокойно произнес капитан, – по моей команде включаешь аварийную подачу кислорода на полную мощность. Кислородный поток из баллона частично понизит степень биологической угрозы. Потом делаешь глубокий вдох, задерживаешь дыхание, плотно закрываешь глаза и поджимаешь губы так, чтобы слизистая оболочка была полностью скрыта. Затем очень быстро снимаешь с себя гермошлем и резво опускаешь руки по швам. И стоишь молча, ждешь дальнейших указаний. Ты все понял, Картрайт?

– Сэр, да, сэр! – ответил Дик, бледный, как полотно.

– Кому еще ты рассказал про герметизацию? – Мэрфи бросил по сторонам настороженный взгляд.

– Никому, сэр, – доложил Дик, – я узнал об этом перед самым вашим появлением.

– Вот как? – прищурился капитан. – Хорошо. Становись сюда. – Он завел Дика внутрь обломков. – Тут нас не видно.

Мэрфи подошел к одному из трупов и усадил его перед собой, прислонив спиной к развороченному железу.

– Готов? – спросил он не оборачиваясь.

– Да, сэр! – дрожащим голосом ответил Дик.

– Кислород!

– Готово! – Дик торопливо выкрутил вентиль аварийной подачи на максимум.

– Задержка дыхания! – скомандовал капитан, щелкая прижимными гермозамками на шее трупа.

– Готово! – Дик, глубоко вдохнув, замер, изо всех сил зажмуривая глаза и поджимая губы.

– Гермошлем снять! – рявкнул Мэрфи, сдергивая гермошлем с погибшего солдата.

Дик, похолодев от страха, сорвал с себя гермошлем и тут же почувствовал, как на его шее принимающие зажимы скафандра сомкнулись с пазами нового гермошлема. Он даже не успел ничего понять, а капитан уже завершал герметизацию.

– Не дышать! – Дик услышал грозный голос капитана. – Терпи сколько можешь, капрал. Чем больше зараженного этой дрянью воздуха выйдет наружу до твоего первого вдоха, тем лучше.

Дик смог продержаться секунд сорок, после чего выдохнул и судорожно вдохнул, подстегиваемый мучительным удушьем. Он хватал воздух ртом, словно после часового марафона, пытаясь отдышаться. Стоящий рядом Мэрфи спокойно наблюдал за ним, поглядывая по сторонам.

– Как ощущение, капрал? – спросил он спустя минуту.

– Все в порядке, сэр, – ответил Дик.

– Вот видишь, а ты не хотел брать такую полезную вещь! – Мэрфи коротко хихикнул.

Дик посмотрел на сидящий труп солдата, лишенный гермошлема, и на мгновение ему стало дурно.

– Привыкнешь, – капитан заметил судорогу, скользнувшую по лицу Дика, – ему он все равно уже не нужен, а тебе пригодится. А теперь, капрал, бери свой старый гермошлем и надень его на труп. И когда ты отсюда уйдешь, чтобы все выглядело естественно, понял?

– Да, сэр! – вытянулся Дик.

– Дуракам везет, – Мэрфи с усмешкой посмотрел на Дика, – а ты, Картрайт, прямо-таки особенный дурак. Тебе, соответственно, и везет особенно. Так что если повезет и на этот раз, то никто не узнает о

разгерметизации.

– Спасибо, сэр, – Дик почувствовал, как внутри толстых перчаток дрожат пальцы, – я вам очень обязан, сэр, я...

– Заткнись, капрал, – капитан вздохнул с видом психиатра, разговаривающего с безнадежным пациентом, – даю тебе пять минут на все про все, и после этого вижу тебя сверкающего этой твоей идиотской улыбкой вон у той кучи спасенного барахла. Тебя там ждет поклажа, Картрайт, теперь нам придется все тащить на себе, если мы хотим добраться до «Наследия».

– Да, сэр! – засиял Дик. – Я понял, сэр! Я все сделаю, сэр! Я вас не подведу!

Мэрфи в ужасе закатил глаза к небу и молча пошел к своим людям.

– Сэр! – испуганно воскликнул Дик, внезапно поняв, что все это время их слышали на армейской частоте. – Разрешите обратиться, сэр!

– Что еще? – недовольно обернулся капитан.

Дик подбежал к нему, отключая связь, и, повысив голос, закричал напрямую:

– Сэр, но нас же слышала группа охраны! И академик Райли видел меня в разбитом гермошлеме!

– С этим я разберусь, капрал, – ответил Мэрфи, – еще что-нибудь?

– Нет, сэр, – замотал головой Дик, – спасибо, сэр! Я ваш должник на всю жизнь, сэр! Я никогда этого не забуду!

Капитан только махнул рукой и пошел прочь.

Дик остановился, согнулся, уперев руки в колени, и попытался отдышаться. Идти в гору, навьюченным тяжелым грузом, было трудно, голова еще кружилась после катастрофы, то ли от сильного удара, то ли это давала о себе знать частичная инвазия. Но он старался не подавать виду, чтобы лишний раз не разочаровывать Мэрфи. В конце концов, капитан прав. Как боец Дик не представляет собой никакой ценности, зато вполне может тащить на себе больше поклажи, тем самым разгрузив кого-то более полезного. Да и другим приходилось несладко. Двое выживших ученых тащили на себе Орента, единственного оставшегося в экспедиции инженера-механика, и старый академик пытался помогать им как мог. Четверо солдат были нагружены под завязку, и Дик подозревал, что на самом деле именно он несет поклажи меньше всех, ибо в физической силе он изрядно уступал любому из группы охраны. Капитан назначил его замыкающим их небольшой колонны, поначалу это несколько обидело Дика, но сейчас он был даже рад идти последним. По-крайней мере, никто

не видел его тяжелого дыхания и взмокшего лица, и можно было вот так вот, на пару-другую секунд, остановиться и перевести дух. Дик сделал еще один глубокий вдох-выдох и выпрямился, отталкиваясь от коленей руками. Спина впереди идущего скрылась в зарослях, надо было догонять отряд.

– Капрал, ты собрался остаться здесь на пикничок? – Если Дик и не подпрыгнул от неожиданности, то только потому, что ему на плечи давил тяжелый груз.

Он оглянулся на стоящего прямо за спиной Мэрфи и неловко промямлил:

– Нет, сэр! Я только на секунду, отдышаться! Я сейчас же догоню отряд, сэр!

Капитан устало поморщился, было видно, что ему изрядно надоело работать с дилетантами.

– Картрайт, болван, ты каким именно местом слушал инструктаж? – поинтересовался он, изображая на лице живой интерес. – Или твой неоднократно ушибленный мозг уже не в состоянии постичь смысл фразы «не терять визуального контакта»? Ждешь, когда тебя сцапают лиги? Они любят побаловаться отставшими ротозеями. Или ты всерьез надеешься, что тебе будет везти вечно?

– Нет, сэр! – Дик совсем сконфузился. – Виноват, сэр! Больше такого не повторится, сэр...

– Вперед! – Мэрфи легонько хлопнул его ладонью по укрепленному на плечах выюку, отчего Дика чуть не сбило с ног. – Двигайся, хватит трепать языком.

От капитанского хлопка Дик по инерции пролетел пару метров, суетливо перебирая ногами в попытке не потерять равновесие, и торопливо поковылял догонять отряд. На мгновение в кустах сбоку мелькнул силуэт капитана, быстро уходящего вперед. В отличие от остальных, Мэрфи шел налегке, весь его груз составлял ранцевый огнемет на спине и неизменный пулемет на шее. Капитан двигался первым и пробивал дорогу через токсичные заросли, но при этом умудрялся быть сразу везде. Он то уходил вперед, намного опережая отряд и оценивая безопасность пути, то, наоборот, отставал, проверяя, не преследуют ли их враги.

Дик ускорил шаг, с силой переставляя гудящие ноги, путающиеся в грязно-серых стеблях зарослей и хитросплетениях тощих корней чахлах уродливых деревьев. Он старался не сходить с проложенной отрядом тропы и удивлялся, как вообще Мэрфи удается идти первым. Их путь пролегал по склону невысокой горы, густо заросшему токсичной мутафлорой, граница владений которой начиналась в километре от занесенного песком

аэродрома, без какого-либо перехода. Вот тут еще лежит песок, а сделав еще пару шагов, ты оказываешься в ядовитых четырехметровых джунглях, цепляющихся за любые выступающие части тела и снаряжения. Поначалу Дик пытался рубить их при помощи мачете, но после того, как капитан сказал, что, например, в Калифорнии травяной сок некоторых растений способен со временем разъесть резинопластик скафандра либо проникать через изношенные воздушные фильтры, желание облегчить себе путь сразу же пропало.

Наконец ему удалось догнать впереди идущего солдата. Дик сбавил скорость и потряс головой, стараясь стряхнуть заливающий глаза пот. К счастью, Мэрфи приказал отряду замедлить ход, и можно было немного восстановить дыхание. Жаль, что это не надолго, подумал Дик. Капитан гнал людей вперед, заставляя двигаться быстро, почти бегом, каждые пять минут переходя на медленный шаг. Вот только в таком темпе он не давал идти больше минуты. Люди совершенно выбились из сил, особенно туго приходилось ученым, тащавшим затянутого в самодельную шину Орента. Но Мэрфи был неумолим. Взрыв и пламя, последовавшие за катастрофой самолета, хорошо видны издали и наверняка привлекли внимание лигов, если они в этом районе есть. Проверять это никому не хотелось, поэтому как только отряд закончил собирать уцелевшее снаряжение, разбросанное среди обломков самолета, капитан увел всех в джунгли, не теряя времени. Дик вспомнил, что лиги никогда не бросаются к интересующему их месту сразу. Сначала они собираются в группу, желательно побольше, а уже потом выдвигаются к цели. В общем-то, с их стороны это вполне логично. Они ведь инвалиды, и по отдельности мало кто из лигов является грозным врагом чистому человеку. Их сила растет с количеством, она в толпе и в питающей эту толпу ненависти.

Наконец Мэрфи объявил привал. Дик, в изнеможении падая на жесткую траву, испытывал серьезное подозрение, что капитан с удовольствием бы прошел еще часов, эдак, пять-шесть, если бы не окончательно обессилевшие ученые, буквально валившиеся с ног. Услышав команду на привал, люди буквально рухнули на землю прямо там, где находились в этот момент. Дик почувствовал, как мир плывет перед глазами, и зажмурился, тяжело дыша. Сердце бешено колотилось, легкие будто пытались взорваться на вдохе. Он хотел было открыть кислородный баллон, хотя бы на полминуты, но вспомнил поля «очаровашек» и передумал. Если сейчас бездумно потратить аварийный запас, то что делать тогда, когда он действительно потребуется? Перезарядить баллон в джунглях негде.

– Картрайт! Ко мне! – Радиоэфир ожил, принося голос Мэрфи.

– Да, сэр! – автоматически ответил Дик, с трудом поднимаясь на четвереньки.

Он позволил себе подышать еще несколько секунд и встал на ноги, балансируя под тяжестью вьюка.

Мэрфи обнаружился в голове колонны. Он полулежал в траве, сливаясь с местностью, и Дик чуть было не прошел мимо.

– Стой, капрал, – окликнул его капитан, – сюда!

Вокруг Мэрфи уже собрались остальные солдаты, и Дик, следуя общему примеру, залег рядом с ними.

– Ночевать придется здесь, – произнес капитан, окидывая бойцов взглядом, – двигаемся мы медленно и потому ушли недалеко. Нам не удалось выйти из зоны риска, это при условии, что лиги пришли к месту крушения, изъявили желание нас найти и приступили к поискам. Но продолжать движение мы не будем, дальше растительность становится более редкой и гораздо ниже, я проверял. Вероятность быть обнаруженными резко возрастает. Скоро стемнеет, и лучше заночевать тут, в зарослях, где нас хотя бы не видно издалека. Среди лигов есть особи, которые лучше людей ориентируются в темноте, к тому же с нами гражданские, которые днем-то еле ногами шевелят, так что заполучить хвост ночью для нас равносильно уничтожению. Поэтому выставляем часовых и остаемся здесь. Всем снять груз, приступить к приему пищи, через пятнадцать минут сбор на этом месте для получения дальнейших инструкций. Свободны!

Освободиться от тяжелой ноши оказалось прямо-таки безграничным счастьем. В первую секунду Дик показалось, что, если подпрыгнуть, он запросто взлетит над грязными ядовитыми зарослями. Он лег на спину и с наслаждением вытянул гудящие от напряжения конечности. Через просветы в гигантских сорняках виднелось предзакатное небо, подернутое редкими облаками. Только сейчас Дик смог подробно рассмотреть окружающий его мир, во время изнурительного перехода ему было не до диковинных пейзажей. Здешняя местность была совершенно не похожа на привычные кар-тины родной Аризоны. То есть, занесенные песком тысячи квадратных километров пустыни, в которые превратились засеянные трансгенами плодородные земли, что он видел из иллюминатора снижающегося «Боинга», как раз мало чем отличались от дома. Зато джунгли являлись для Дика абсолютной новизной. Мэрфи говорил, что они ничем не отличаются от Калифорнии, если это так, то неудивительно, что там хозяйничают лиги. Дик совершенно не представлял, как можно выжить

в этих спутанных ядовитых зарослях гигантских сорняков, верхушки которых окружены роями насекомых, разносчиков губительных инфекций. Мало того, что каждый прогнивший цветок, лист и стебель тут испускает в воздух миллиарды ядовитых токсинов и смертельно опасную пыльцу, так еще за каждым кустом может сидеть стая кровожадных лигов, только и мечтающих о том, как наброситься на тебя и разорвать на части. А что будет ночью, когда активизируется мутафауна? Какая она вообще в этих краях? Остается надеяться, что не такая, как та, что хлынула из пустыни в горящий «Паркер» на запах смерти.

Закончив изучение джунглей, Картрайт пришел к выводу, что они отвратительны и уродливы. Особенно Дику не понравилось обилие грязно-зеленой растительности, густо покрытой узлами язвенных деформаций. А тонкие изувеченные стволы деревьев, облепленные гниющими наростами каких-то грибков-мутантов, ничем не напоминали те настоящие деревья, что еще сохранились в некоторых биоточках Центров. Кроме того, в каждом шуршании ветра, шевелящего уродливую мутафлору, Дику чудились звуки шагов подкрадывающихся к отряду лигов. Наверняка до хаоса природа выглядела по-другому, решил Дик. Ничего, завтра они доберутся до «Наследия», и все изменится. Не будет больше всей этой мерзости, и планета зацветет, как прежде.

Он уселся, ослабил стопорные замки размещенных под шеей рычажков пищевых манипуляторов и приступил к ужину. Дик шевелил рычажком, пододвигая внутри гермошлема ко рту трубку пневматической подачи пищи, высасывал порцию компаунда, пережевывал пищу и повторял процедуру заново. Затем он проделал то же самое с трубкой подачи воды. Дик сам не заметил, как полностью опорожнил пищевой картридж. Он даже не думал, что настолько голоден. Надо хотя бы с водой быть поэкономнее, когда еще Мэрфи решит произвести перезарядку водных емкостей скафандров...

— Картрайт, ты уснул или подох? — Голос капитана стегнул Дика, словно бичом.

Дик бросил взгляд на нарукавный хронометр. Он опаздывал к Мэрфи уже на три минуты. Дик подскочил, будто ужаленный, и помчался к месту сбора. На этот раз капитан не стал тратить на него время и сразу же приступил к делу.

— Дежурить будем по двое, в три смены по три часа, — объявил Мэрфи. — Гражданские не участвуют, рисковать не хочу. Один часовой находится на северной границе лагеря, другой — на южной, позиции я укажу. Каждые полчаса короткий радиообмен. Кенделл и Норманн — первая

смена, Райнер и Тэйлор – вторая. Картрайт, дежуришь со мной в третью. Сейчас первая смена – за мной, остальным – спать.

Чахлый куст возле ноги Дика шевельнулся, и из него стремительно выпрыгнула какая-то маленькая тварь с огромным гнойником на искривленной спине. Узкие челюсти ударили в ботинок скафандра, глухо лязгая о прорезиненный металл, что-то хрустнуло, и тварь, скуля, быстро скрылась в темноте. Дик так и не успел как следует рассмотреть эту гадость. На всякий случай он пошевелил ногами близлежащую растительность, стремясь распугать все то, что могло там засесть. Дежурство выдалось хлопотным, противная тварь доставала его всю смену, заходя с разных сторон в попытке выгрызть из него кусок чего-нибудь повкуснее. Сначала он думал, что их несколько и он подвергся нападению стаи мутантов. Эта мысль здорово напугала Дика, однако позже он понял, что голодная тварь была одна. К рассвету он уже научился узнавать ее по мерзкому гнойнику на уродливой спине. Упрямая животина никак не желала оставить его в покое, и всю смену Дик провертелся, держа от нее круговую оборону. Заработать еще одну разгерметизацию не было никакого желания.

Как только рассвело, Мэрфи поднял отряд. Впереди лежало открытое место, и капитан намеревался пересечь его в самое «сонные» утренние часы, чтобы до минимума снизить вероятность быть обнаруженными. Едва отряд вышел на каменистый участок горного склона, как капитан погнал людей чуть ли не бегом. Дик, снова сгибающийся под тяжестью вьюков, поймал тревожный взгляд Мэрфи, обращенный куда-то назад, и оглянулся. С покрытого редкой растительностью места хорошо просматривались развалины города, лежащие у подножия горы, и вспаханный катастрофой песок аэродрома. Разбросанные по нему обломки фюзеляжа самолета и фрагменты закопченных плоскостей холодными останками темнели на желтом фоне песка. Дик перевел взгляд на развалины и понял, что так насторожило капитана. Над несколькими из прилегающих к аэродрому руин курились тоненькие струйки дыма. Значит, лиги все-таки пришли к месту падения «Боинга». Не известно, пойдут ли они по следам их отряда, но лучше бы поторопиться.

Отряд, увидев дымы от костров, инстинктивно увеличил скорость, не дожидаясь особой команды. Люди старались как можно быстрее покинуть лысый участок горы и скрыться в зарослях. Даже Оренд, висящий на плечах ученых, изо всех сил перебирал неповрежденной ногой. Перед тем как свернули лагерь, Мэрфи вколол ему морфий, теперь покалеченный

инженер не чувствовал боли при тряске. Это позволило увеличить общую скорость отряда.

Через открытую местность удалось проскочить незамеченными. Отряд углубился в заросли, и скорость движения снизилась. Ближе к вершине горный склон стал более крутым, и продираться через густую токсичную растительность стало гораздо труднее. Рывок вверх по склону измотал непривычных к нагрузкам гражданских, и, как только отряд вышел к вершине, Мэрфи объявил короткий привал. Он собрал солдат и объявил:

– Вершина горы плоская и почти лысая, поэтому из зарослей выходить не будем, остановимся здесь. Стоянка десять минут. Сержант Тэйлор, пойдешь со мной, надо разведать противоположный склон. Наши карты слишком стары и ни к черту не годятся, а ждать прохода спутника слишком долго. Остальным занять круговую оборону.

Дику достался восточный рубеж лагеря. Капитан лично расставил посты и исчез в джунглях вместе с сержантом. Картрайт залег в указанном месте и бдительно осмотрелся, ожидая найти под ближайшим кустом какую-нибудь мелкую и очень вредную тварь, например с гнойником на спине. Тут же выяснилось, что кусты, по которым небольших размеров мутант мог подкрасться к нему вплотную, окружают Дика со всех сторон. Пару минут он вертел головой на каждый шелест ветра, после чего поймал себя на мысли, что занимается ерундой вместо того, чтобы нести дозорную службу. Так дело не пойдет, подумал Дик, надо сменить позицию и найти более удобное место. Он прополз вперед на несколько метров, стараясь двигаться, как Мэрфи, и не создавать шума. Выходило не столь эффектно, как у капитана, но все же лучше, чем с хрустом ломиться через джунгли, словно танк. Дик выполз из густых кустов на место посвободнее и удовлетворенно вздохнул, устраиваясь между тощих корней уродливого узловатого дерева. Здесь мелкая мутафауна его врасплох не застанет, да и обзор куда лучше будет.

Однако вскоре в голову пришла мысль, что если он стал видеть гораздо дальше, то и его самого стало видно гораздо лучше. А ведь лиги живут в этих джунглях, значит, способны увидеть его издалека. Так вот почему Мэрфи расположил посты в зарослях, пожертвовав дальностью обзора! Придя к этому выводу, Дик осмотрелся в поисках более подходящей позиции. Метрах в десяти прямо перед ним токсичная растительность уплотнялась, образуя почти что стену, и он пополз туда. Однако его ждало разочарование: сразу за густыми сплетениями покрытых червоточинами стеблей и листьев начиналась практически лысая вершина горы. Дик печально вздохнул, понимая, что Мэрфи выбрал для него самую

лучшую позицию и соперничать с капитаном он сможет еще не скоро.

Надо было возвращаться на свое место, а то так можно проползаты весь привал и не отдохнуть вовсе. Дик медленно, стараясь двигаться очень плавно, начал разворачиваться назад. Внезапно ему показалось, что он услышал какой-то звук. Дик затаил дыхание и замер, прислушиваясь. Звук повторился. Через гермошлем было трудно понять, что же он слышит, но больше всего это напоминало жалобный крик. И кричали где-то на другом склоне горы, наверное, сразу за лежащей перед ним вершиной. Это должно быть не очень далеко, иначе он просто не услышал бы криков, будучи в гермошлеме. В первую секунду Дик хотел выйти в эфир и доложить капитану, но тут же передумал. Он вспомнил, как попал в ловушку лигов в заполненном дымом казарменном гермокорпусе «Паркера». А вдруг лиги и здесь сканируют радиоэфир? Тогда они запросто могут обнаружить лагерь! Дик решил, что не может рисковать, и не стал пользоваться рацией. Тут же созрел план действий. Он незаметно подберется к источнику шума и, не привлекая к себе внимания, выяснит в чем дело. А потом вернется в лагерь и обо всем доложит Мэрфи. Капитан оценит его грамотные действия и перестанет считать обузой.

Крик раздался вновь, и на этот раз к нему присоединились еще какие-то звуки. Дик предпочел не терять больше времени и вышел из зарослей на плоскую горную вершину. Подражая Мэрфи, он низко пригнулся, неуклюже пытаясь держать при этом спину ровно, и побежал к противоположной стене растительности, стараясь плавно опускать ноги на землю и не шуметь. Он пересек метров сто открытого пространства и достиг зарослей. Снова зазвучал жалобный крик, на сей раз гораздо ближе, и Дик явственно различил следовавший за криком хохот. Похоже, где-то рядом собралась целая группа. Он осторожно двинулся на звук, приготовив штурмовую винтовку. Дик прошел еще немного, ориентируясь на уже хорошо слышимый шум, и спустя метров двадцать вышел к маленькой поляне, в центре которой слабой мутной струйкой бил родник.

На противоположном краю поляны несколько вывороченных ветром деревьев уперлись друг в друга, образуя нечто вроде конуса, и в их основании из жердей и крупных листьев была выстроена небольшая хижина. Ее дверь была выломана и валялась в стороне, внутри хижины обезьяны прыгали несколько лигов, переворачивая все вверх дном. Перед хижинкой, образуя круг, стояло штук десять лигов, вооруженных самодельными топорами, копьями и дубинами. Они с разных сторон с дебиловатым хохотом тыкали копьями старого низкорослого горбуна с

дубиной в руке. Ноги у горбатого лига были вдвое короче рук, и двигался он медленно, неуклюже семеня короткими шагами, пытаясь от всех сразу заслонить спиной хрупкую девушку лет шестнадцати-семнадцати на вид. От неожиданности Дик замер. Девушка ничем не напоминала лига. Стройная фигурка, почти не прикрытая одеждой, не имела никаких уродств, лишь ее глаза были закрыты черной повязкой. Увидеть человека, да еще и юную девушку, за много километров от ближайшего Центра, в ядовитых зарослях, без скафандра, окруженную толпой кровожадных лигов, он никак не ожидал.

Лиги, подвывая, тянули к ней руки, хватая за тело, и девушка испуганно вскрикивала, отдергиваясь, и на ощупь старалась прижаться к старику. Горбун, размахивая дубиной, бросался было на обидчика, но в этот момент кто-нибудь из круга колот его в спину копьем. Старик ревел от боли и разворачивался в его сторону, но едва он делал шаг, как следующий лиг тыкал копьем старику в спину. Стоящие в круге лиги гоняли его между собой, как собачку, громко веселясь. Стало ясно, что они все, или почти все, были недееспособными лигами. Насколько Дик помнил учебный курс, разумные лиги всегда отличались высокоразвитой взаимовыручкой, и только дебиловатые уродцы могли напасть на кого угодно, в том числе друг на друга. Правда, уверенно лиги себя чувствовали только в большом количестве. Здесь же перевес был налицо. Один старый лиг с человеческой девчонкой против десятка противников.

Тем временем старик получил очередной укол копьем и попытался достать врага дубиной. Ему в спину немедленно ткнули копьем с другой стороны. Он подпрыгнул, зарывав от боли, и развернулся, вызвав новый взрыв хохота. Лохмотья на спине горбуна покрылись бурыми пятнами, на бедре кровоточила глубокая рана. Старик двигался все хуже и озверело хрипел, но не сдавался.

– Не надо! – жалобно плакала девушка, слепо оглядываясь по сторонам. – Пожалуйста, не надо! Пожалуйста...

Один из уродцев, улучив момент, когда горбун окажется к нему спиной, присел на кривых ногах и прыгнул к девушке, хватая ее за ягодицу покрытой гнойными струпьями рукой. Девушка испуганно закричала, пытаясь вырваться.

– Ы-ы-ы-гы-ы! – Лиг осклабился похотливой улыбкой и облапил ее второй рукой.

Девушка забилась в его хватке, не в силах освободиться. Лиги победно завывали, подбадривая товарища. Старый горбун оглянулся и бросился на выручку, заноса для удара узловатую дубину. Ему в спину ткнули копьем,

он взревел от боли, но, вопреки ожиданиям толпы, не развернулся. Горбун в два шага добежал до схватившего девчонку лига и с размаху огрел его по голове дубиной. Раздался громкий хруст, и обмякший уродец, выпуская из рук девушку, рухнул на траву с разможенным черепом. Девчонка, жалобно плача, прижалась к старику, и горбун потряс дубиной, издавая победный рев. В первую секунду окружившие его лиги опешили, и старик решил воспользоваться этим. Он дико зарычал, занося дубину для следующего удара, и бросился сразу на всех. Нервы у стоящих перед ним уродцев не выдержали, и они бросились бежать. Но в следующий миг к горбуну сзади прыгнули остальные, и сразу два копья пронзили старика насквозь. Он захрипел, выплевывая струи крови, и упал лицом вниз.

– Отец! – испуганно закричала девушка, хватая руками пустоту вокруг себя. – Где ты? Мне страшно! Где ты?

Она сделала пару шагов, запнулась о труп горбуна и упала на колени рядом с ним.

– Что с тобой? – Она попыталась нащупать его лицо. – Почему ты лежишь? – В это мгновение ее руки наткнулись на торчащие из спины старика копья, и она жалобно закричала, пытаясь поднять мертвого горбуна.

– Нет! Отец! Вставай, прошу тебя! – Она попробовала извлечь копьё из тела, но не смогла и упала на труп, ощупывая ему лицо. – Нет... нет... отец... – Девушка забилась в рыданиях.

Осмелевшие лиги бросились к девчонке. Один из них схватил ее за длинные волосы и рывком сбросил с трупа старика. Он швырнул ее на землю, взвыл, сдирая с себя лохмотья, и прыгнул на нее сверху. В этот момент Дик не выдержал и рванул из кустов к лигам.

– Пошли прочь, грязные выродки! – заорал он, запоздало понимая, что говорит по-английски.

Лиги, увидев человека, опешили. Дик закричал на китайском угрозы расправы, направляя на них винтовку. Уродцы оправились от неожиданности и разом бросились на него всем скопом, истошно вопя. Дик нажал на спусковой крючок, собираясь перебить всех ублюдков, как тогда, в Финиксе. Однако оказалось, что вести огонь длинными очередями из жестко закрепленного пулемета и удерживаемой в руках штурмовой винтовки – далеко не одно и то же. Ствол резко увело вправо вверх, очередь срезала двоих лигов и ушла в пустоту. Ближайшие уродцы отхлынули назад, обращаясь в бегство, остальные забежали ему за спину, окружая, и накнулись сзади. Дик развернулся, пытаясь достать их второй очередью, и даже успел пристрелить еще одного лига, но тут магазин опустел, и

винтовка замолкла. Он попятился, пытаясь сменить магазин, споткнулся о труп и упал. Разбежавшиеся были лиги, увидев, что человек более не опасен, снова ринулись в атаку. Дик отчаянно пытался перезарядить винтовку, но было уже поздно.

Несколько коротких очередей практически слились в одну. Пули мгновенно выкосили лигов, за несколько секунд превратив поляну в усыпанное трупами кладбище.

– Картрайт! Живой? – Нависший над Диком Мэрфи схватил его за руку и одним движением поставил на ноги.

– Да, сэр, – тяжело дыша ответил Дик. Кровь тяжелыми ударами била в затылок, гулким шумом отражаясь в ушах. Руки тряслись, словно верхушки мутафлоры на сильном ветру.

– Уходим, быстро! – Капитан подал знак засевшему в кустах Тэйлору и, уже направляясь к зарослям, бросил на Дика быстрый взгляд. – Бегом марш! Шевелись! – И тут же остановился.

– А, черт! – Мэрфи недовольно поморщился, коротким движением достал мачете и двинулся к сидящей над трупом горбуна девчонке.

Та тихо рыдала, съежившись в комок, прижимаясь к лицу мертвого старика. До Дика дошло, что капитан собрался убрать свидетеля, и он бросился вслед за ним.

– Сэр, не надо, сэр! – Дик догнал Мэрфи у самой девчонки.

– Картрайт, ты что, идиот? – Капитан вопросительно поднял брови, глядя на Дика.

– Но, сэр, она же человек! Мы должны ей помочь! – воскликнул тот.

– Ты точно дебил, Картрайт! – сделал вывод Мэрфи. – Она живет с лигами и недохнет без скафандра. Она лиг, капрал, и если оставить ее в живых, она наведет на наш след маленькую армию своих сородичей.

Капитан дернул девчонку за волосы, закидывая ей голову назад, и протянул лезвие к горлу.

– Сэр! Не делайте этого, сэр!!! – Дик повис у него на руке. – Пожалуйста! Не убивайте ее, сэр! Она совсем не опасна, она слепа и не сможет сделать нам ничего дурного. Она ничего не видит, даже рассказать про нас ей будет нечего! Прошу вас, сэр, мы же не должны убивать все, что движется, как делают это они!

Мэрфи посмотрел на него странным взглядом и неожиданно отпустил девчонку.

– Все-таки ты законченный придурок, Картрайт, – изрек он, быстро поднимаясь на ноги. – Бегом марш!

– Да, сэр! – просиял Дик. – Так точно, сэр! Вы совершенно правы,

сэр! – Он побежал догонять капитана. – Большое спасибо, сэр!

– Заткнись, капрал, – коротко бросил Мэрфи.

– Слушаюсь, сэр!

Дик молча бежал за капитаном, стараясь не отставать, и думал о спасенной им девушке. Впервые он видел лига, на вид ничем не отличающегося от чистого человека. Раньше он даже не думал, что такое вообще возможно. Такая хорошенькая, словно выточенная на станке высококласным специалистом. Совсем не похожа на угловатых жителей Центров. Жаль, что под повязкой нельзя увидеть глаза. Впрочем, если она лиг, то, возможно, это и к лучшему. Кто знает, что там у нее под повязкой... Лучше не портить впечатления. Дик прибавил ходу и задумался о том, что ему еще предстоит объяснить капитану свой уход с позиции и появление на той поляне...

– Еще раз сделаешь что-то без команды, и я лично тебя пристрелю, пока ты всех не угробил, – подытожил Мэрфи рассказ Дика. – Ты меня хорошо понял, Картрайт?

– Сэр, да, сэр! – Дик вытянулся по стойке «смирно», – я...

– Что ты? – прожег его взглядом капитан.

– Сэр, я не думал, что все так... – начал было Дик.

– Это потому, что тебе нечем, Картрайт! – отрезал Мэрфи. – Хватай вьюки и бегом на свое место, привал окончен.

До темноты оставалось не более трех часов, и капитан хотел успеть пройти хотя бы километр. Их отряд двигался медленно, за день удалось преодолеть порядка двадцати пяти километров, и это было все, что могли выжать из себя выбившиеся из сил ученые. Оренту становилось все хуже, и капитан, посоветовавшись с Райли, постоянно держал его на морфии. Нелегко приходилось и самому Райли. Постоянные подъемы в гору сквозь толщи ядовитых зарослей тяжело давались старому академику, к вечеру он заметно сдал и еле передвигал ноги. Переходы между привалами становились все короче, а время отдыха все длиннее. На одном из привалов, расставляя посты, Мэрфи хмуро буркнул, что с такой скоростью до «Наследия» им идти еще не меньше трех дней. Можно было, конечно, попытаться ускорить передвижение, отыскав какую-нибудь старую дорогу, но после боя у хижины было ясно, что места здесь обжитые, и на открытом месте лиги обнаружат их небольшой отряд в два счета. И так огромным везением было то, что никто не стал организовывать за ними погоню. Дик был уверен: это потому, что спасенная ими девушка ничего не рассказала своим сородичам.

– Или просто никто еще не хватился пропавших уродцев, и ей некому было рассказывать, – остудил его пыл Мэрфи, когда Дик поделился с ним своей мыслью. – Не переживай, Картрайт, если уродцы решат организовать погоню, то с нашей скоростью они успеют нас догнать, даже если начнут преследование завтра.

– Сэр, я уверен, что она не станет... – Дик было попробовал заступиться за девушку, но Мэрфи резким жестом оборвал его.

– Тсс! – Капитан замер и вдруг резким движением рванул пулемет вверх, к верхушкам чахлых деревьев, густо опутанных токсичными сорняками.

Но было уже поздно. В ветвях раздался треск, и из сплетения листьев прямо на голову одного из солдат с глухим рычанием кинулась крупная пятнистая тварь, сбивая его с ног. Солдат упал, и тварь принялась рвать его зубами и когтями, надрывно визжа. В эфире ближней связи раздался отчаянный крик боли. Отряд пришел в замешательство, люди быстро сбросили с себя поклажу и засели в кустах, приготовив оружие и шаря по сторонам взглядами, пытаясь обнаружить врага. Дик оторопело смотрел на беснующегося мутанта, сжимая в руках винтовку, и не знал, что предпринять. Вроде бы надо стрелять, но в катающемся в траве клубке отличить человека от зверя было невозможно, и он боялся попасть в своего.

Мгновенно среагировал только Мэрфи. Едва тварь сшибла солдата с ног, как он огромными прыжками помчался к месту борьбы, на ходу снимая с плеч ремень пулемета. Капитан подбежал к вцепившемуся в человека мутанту и, широко размахнувшись, ударил тварь пулеметным прикладом. Мутант отлетел в сторону, пронзительно визжа, и упал на лапы, вывернувшись в воздухе. Мэрфи вскинул пулемет, и в этот момент тварь атаковала. Короткая очередь встретила ее уже в воздухе, в какой-то паре метров от головы капитана. Удар свинца швырнул тварь на землю, отбрасывая назад, мутант коротко взвизгнул, конвульсивно дернулся и затих. К стонущему в луже крови солдату уже бежал сержант Тэйлор, а капитан, направив на неподвижную тварь пулеметный ствол, стал быстро и осторожно приближаться к месту ее падения.

Дик вышел из оцепенения и запоздало кинулся к месту схватки, стремясь помочь хоть чем-нибудь. Когда он добежал до капитана, тот уже перевернул неподвижную тварь ударом ноги и убедился, что та окончательно издохла.

– Что это? – Дик глядел на уродливое существо, мертво скалящее перекошенную пасть, усеянную острыми кривыми зубами.

Ее метровое туловище с болезненно искривленным позвоночником

было покрыто лоскутами пятнистой шерсти, перемежающимися с гнойными струпьями язв и разводами лишаев. Задние лапы были частично атрофированы или недоразвиты, гораздо меньшего размера относительно передних, между узловатых подушечек которых торчали почти десятисантиметровые когти. На их крючковатых кончиках повисли обрывки резинопластика скафандра, покрытые кровью и частицами плоти. Узкие желтые зрачки остекленело смотрели на людей взглядом, полным застывшей злобы.

– Шаро ее знает. – Мэрфи еще раз пнул тварь ногой. – Какая-то хищная кошка, наверное. Мало ли что за мерзость тут водится. Кто из нас специалист по Китаю?

– Я только язык знаю... – оправдался Дик.

– Сэр! – К капитану подошел сержант Тэйлор. – Норманн мертв, сэр. Эта тварь расплосовала скафандр, словно он был сделан из бумаги. У парня вместо груди сплошное месиво.

– Дерьмо! – выругался Мэрфи. – Еще не хватало, чтобы нас тут сожрали по одному!

Он зло поморщился, забросил на шею пулеметный ремень и скомандовал:

– Картрайт! Заберешь у Норманна боекомплект и медикаменты. Сержант, распределите между остальными груз погибшего, и уходим. Быстро! Надо убраться отсюда поскорее, скоро сюда потекут стервятники.

Дик склонился над трупом и, стараясь не смотреть на развороченную грудную клетку, торопливо опорожнял его под сумки. Он сгреб все необходимое в охапку и поспешно отошел к своему выюку. От вида обезображенного трупа ему стало дурно, в глазах потемнело, и голова пошла кругом. Дик почувствовал, что теряет равновесие, и схватился за дерево, чтобы не упасть.

– Я думал, что ты насмотрелся на трупы еще в «Паркере», Картрайт.

Дик открыл глаза и увидел стоящего рядом Мэрфи.

– Никак не могу привыкнуть сэр, – виновато ответил Дик, – но я в порядке! Готов продолжать движение!

– Ну так продолжай! – Капитан пренебрежительно скривился. – Тебя ждем!

Дик оглянулся и увидел стоящий отряд. Все смотрели на него, ожидая команды продолжить путь. Дик вскочил, словно ужаленный, и принялся лихорадочно распахивать вещи Норманна по под сумкам.

– Выдвигаемся! – скомандовал Мэрфи, сделав знак рукой.

Он еще раз бросил взгляд на Дика, обреченно вздохнул и быстрым

шагом направился в голову колонны. Дик закончил сборы, взвалил на себя выюк с оборудованием и, кряхтя, неуклюже побежал догонять отряд, сгибаясь под тяжестью груза.

Отряд не прошел и двадцати минут, как капитан подал команду остановиться. Он торопливо затолкал всех в самую гущу растительности и сделал знак молчать. В наступившей тишине стал отчетливо слышен доносящийся издали булькающий звук. Мэрфи щелкнул выключателем радиации и сказал напрямую, повысив голос:

– Вы слышите?

– Что это за звук? – спросил Райли.

– Сэр, – сержант Тэйлор напряженно вглядывался в небо, – похоже, это вертолет. Только как он здесь оказался?!

– Вот и я так думаю, – кивнул Мэрфи. – Ближайший к нам ЦСГР находится на Хайнанае, а до него более двухсот километров. С чего это вдруг они решили полетать в обжитых лигами местах именно тогда, когда здесь высадились мы? Я не верю в совпадения.

– Мистер Мэрфи, что вы такое говорите? – удивился академик. – Что бы они тут ни делали, мы должны как можно скорее связаться с ними! Они окажут нам помощь в поисках «Наследия»!

– Окажут ли? – хмуро спросил капитан. – А не получится, что нас всех перестреляют, едва узнав о «Наследии»? Мало кто не захочет наложить лапу на такое...

– Перестаньте, Мэрфи! – возмутился Райли. – Это уже паранойя! «Наследия» хватит на всех, если оно действительно работоспособно. В конце концов, все мы есть представители «Сёрвайвинг Корпорэйшн», неважно, в какой части света стоит твой Центр. Мы все – люди!

– Вот это меня и пугает, – упрямо заявил капитан.

Дик ошалело смотрел на Мэрфи и не верил своим ушам. Он что, и вправду хочет упустить шанс получить помощь и гарантированно добраться до «Наследия»? Видимо, капитан слишком долго носит статус инвазивного, раз готов в угоду своей ненависти к людям и дальше рисковать отрядом. От них и так мало что осталось, и кто знает, какие еще опасности подстерегают их на пути!

К счастью, академик Райли оказался человеком волевым и решительным не только в безопасных кабинетах оппозиционной Академии. Он быстро взял ситуацию под контроль, показав Мэрфи, кто тут главный.

– Мистер Мэрфи, наша экспедиция понесла тяжелые потери и близка к провалу, – ответил Райли, – наш единственный инженер-механик в ужасном состоянии, ему необходима медицинская помощь, а из моих

помощников в живых осталось только двое. Даже если мы сможем отыскать «Наследие» самостоятельно, нам может попросту не хватить квалифицированных специалистов для его запуска. Ведь никто не знает, что это такое! Вот вы, капитан, сможете в случае необходимости заменить специалиста по алгоритмам компьютерных программ, которого у нас нет? Поэтому как руководитель экспедиции я принимаю решение выйти на связь с вертолетом и попросить помощи!

Мэрфи несколько мгновений молчал, задумчиво глядя на академика, после чего произнес:

– Хорошо, мистер Райли, вы – ученый, и вам виднее. – Дик с облегчением выдохнул, услышав эти слова. – Кендел, Лайнел, в пятидесяти метрах прямо по курсу я видел открытый участок местности, выводите отряд туда и расставляйте сигнальные дымы. Картрайт, вызывай вертолет, общение с китайцами по твоей части. Наконец-то у тебя появился шанс первый раз в жизни принести пользу! Сержант Тэйлор, ко мне! Будем прикрывать посадку вертолета от возможного нападения из джунглей. Всем выполнять!

Отряд, воспрянув духом, двинулся вперед, и Дик мельком посмотрел на идущих позади всех Мэрфи и Тэйлора. Они о чем-то тихо переговаривались между собой и выглядели вполне спокойно. Дик подумал, что даже инвазивные должны понимать глас разума и не могут провалить величайшую в истории человечества экспедицию из-за застарелых обид на весь мир. Дик защелкал верньером рации, настраиваясь на аварийную частоту, и заговорил по-китайски:

– Всем, кто меня слышит! Это экспедиция Колорадского Альянса! Вызываю вертолет! Ответьте, прием! – Он несколько раз повторил фразу, но ответа не последовало.

Отряд тем временем вышел на широкую поляну, и кто-то из солдат зажег сигнальный дым. Дик переключил рацию на стандартный диапазон концерна и принялся перебирать частоты, повторяя слова вызова:

– Всем, кто меня слышит! Это экспедиция Колорадского Альянса! Вызываю вертолет!

Столб оранжевого дыма поднялся в воздух, и спустя минуту в небе показалась зеленая стрекоза вертолета. Похоже, с воздуха заметили дым. Дик запрыгал, размахивая руками, и вновь запросил по рации помощь.

– Экспедиция, слышу вас! – вдруг ожил эфир. – Я – вертолет, Центр «Хайнань»! Прием!

– Мы здесь!!! – Дик подобрал один из сигнальных огней и замахал им над головой. – Нам нужна помощь! У нас раненый! Вы видите наш

дымовой сигнал?

– Вижу вас хорошо, – ответили с вертолета, – заходим на посадку. Соберите экспедицию в центре поляны для эвакуации!

– Уже собираемся, «Хайнань»! – ликовал Дик. – Вы даже не представляете, какое счастье слышать вас!

Дик переключился на частоту экспедиции и восторженно воскликнул, обращаясь к остальным:

– Они нас заметили! Сейчас будут садиться! Надо собраться в центре поляны!

– Спасибо тебе, господи! – устало произнес академик Райли и поднял свой выюк. – Вы слышали, джентльмены? Всем в центр поляны!

Вертолет приблизился к сигнальным дымам и начал снижаться. Только сейчас Дик обратил внимание, что среди собравшихся на поляне людей отсутствуют капитан с сержантом. Он завертел головой, пытаясь их отыскать, но ни того, ни другого нигде не было видно. Ладно, подумал Дик, вертолет все равно слишком мал и за один раз всех на борт не возьмет. В первую очередь надо погрузить Орента и ученых, а все остальные дождутся следующего рейса. К тому моменту капитан и сержант найдутся.

Он развернулся к снижающемуся вертолету как раз вовремя, чтобы увидеть, как укрепленный под пилотской кабиной шестиствольный пулемет начал вращать блоком стволов. Понять, что происходит, он так и не успел. Визгливый вой вращательного механизма перешел в стремительную дробь пулеметной очереди, и что-то с огромной силой ударило его в грудь, мгновенно вышибая из легких весь воздух. Последнее, что почувствовал Дик, погружаясь в звенящую темноту, была стремительно уходящая из-под ног земля. Его, будто тряпичную куклу, швырнуло куда-то назад, и все вокруг перестало существовать.

Очнулся он от острой боли, вгрызающейся в грудь. Дик открыл глаза и не увидел ничего, кроме мутной зеленой пелены перед глазами. Пелена подрагивала, и с каждой такой встряской в груди вновь вспыхивала боль, не позволяя сделать вдох. Следующий толчок оказался особенно сильным, и Дик громко застонал.

– Очнулся, Картрайт? – раздался в наушниках голос Мэрфи.

– Грудь... раскалывается... – прохрипел Дик, – не могу дышать...

Тряска прекратилась, и зеленая пелена вдруг закрутилась перед глазами, резко уплывая куда-то вбок. Зелень перед глазами сменилась вертящимися зарослями, Дик почувствовал, что падает вниз, и тут же оказался на земле. Дышать сразу же стало намного легче, и кружение перед

глазами прекратилось. Над ним возникла голова Мэрфи, венчающая знакомую зеленую пелену.

– Больно? – поинтересовался капитан, протягивая пелену к груди Дика.

Грудную клетку тут же пронзила острая боль.

– Хррр... – закричал Дик, не в силах вдохнуть, – да!

– Понятно, – констатировал Мэрфи, убирая руки, – сломана пара ребер.

Болевая вспышка прояснила сознание, и Дик понял, что лежит на земле в зарослях токсичных сорняков, глядя в сумеречное небо, а зеленая муть с головой капитана оказалась скафандром. Значит, все это время Мэрфи тащил его на себе.

– Дыши неглубоко и равномерно, – сказал капитан, – и все будет нормально. За пару недель заживет, если доживешь.

– Что произошло, сэр? – Дик попытался оглядеться вокруг. – Где мы? Я помню только снижающийся вертолет...

– Твои друзья-китайцы открыли по экспедиции огонь в упор, – ответил Мэрфи, – видать, они так сильно рады были тебя слышать. Ты уверен, что не сказал им ничего обидного или не пожелал хорошего дня, а, Картрайт? – Он зло ухмыльнулся. – Идти сможешь?

– Думаю, да. – Дик ухватился за протянутую руку Мэрфи и встал. Голова немного кружилась, грудь отзывалась резкой болью на глубокий вдох, но в целом он был в гораздо лучшем виде, чем могло бы быть. – Сэр, боюсь, бежать я не смогу...

– Все быстрее, чем мне тащить тебя на себе, – пожал плечами капитан, – пойдем! – Он развернулся и скрылся за широкими листьями двухметрового сорняка, испещренными червоточинами язв.

Дик поспешил за ним. За кустом он увидел Тэйлора, склонившегося над лежащим без сознания академиком Райли. Правая нога старого ученого была полностью оторвана чуть выше колена, и сержант перенакладывал на культю резиновый жгут. Мэрфи опустился на колени рядом с ним и принялся помогать.

– Картрайт, возьми на себя все, что сможешь утащить, – бросил он Дик, не оборачиваясь, – а мы потащим Райли.

– Да, сэр! – спохватился Дик, бросаясь собирать вещи.

Видимо, все выюки с научным оборудованием и прочим снаряжением остались на той поляне. Армейский ранец, винтовка Тэйлора и пулемет Мэрфи – это все, что Дик обнаружил вокруг.

– С пулеметом я разберусь! – сказал Мэрфи, завязывая узел, пока

сержант удерживал натянутый жгут, – бери остальное.

– Здесь больше ничего нет, сэр! – ответил Дик и стыдливо добавил: – Я потерял свою винтовку, сэр... Виноват, сэр!

– Можешь про нее забыть. В тебя попало шесть пуль, и все они застряли в ней, – сообщил капитан, поднимаясь на ноги, – повезло, что она в тот момент висела у тебя на груди. – Мэрфи бросил на него насмешливый взгляд, и Дик сразу же вспомнил его фразу «дуракам везет».

– Дуракам везет, – тотчас подтвердил его догадку капитан, – а вот остальным посчастливилось меньше, чем тебе. – Он помог Тэйлору взвалить на спину бездыханного академика. – Больше никто не уцелел. Да и Райли совсем плох.

Мэрфи взял пулемет и посмотрел на Дика:

– Готов?

– Да, сэр.

– Я иду первым, за мной Тэйлор, ты – замыкающий, – скомандовал капитан, – не отставать! Марш!

Мэрфи тут же умчался вперед, и Дик пристроился за сержантом, стараясь сохранять ровное дыхание. Сломанные ребра ныли и не давали глубоко вдохнуть, быстро идти было тяжело, каждый шаг отдавался нудной болью в груди. Уже через три минуты ходьбы Дик начал отставать от Тэйлора. Как сержанту удавалось нести на себе профессора и при этом держать темп, Дик решительно не понимал.

– Сэр! Мне надо отдышаться! – прохрипел он, чувствуя, как пылает грудная клетка. В нее словно воткнули полдюжины раскаленных железных прутьев. – Я задыхаюсь...

Он упал на колени, упираясь руками в землю, но это только усилило боль. Дик со стоном опрокинулся на спину.

– Давай сюда! – Выросший словно из-под земли Мэрфи стянул с него ранец и винтовку Тэйлора.

Капитан быстро закинул ношу Дика себе за спину и схватил его за локоть:

– Вставай, капрал, нам нельзя останавливаться! Надо уходить, пока живы!

– Сэр... позвольте мне отдохнуть хотя бы минуту... – просипел Дик, хватая ртом воздух. – Мне больно дышать...

Мэрфи быстрым движением открыл ему подачу кислорода из аварийного баллона.

– Через тридцать секунд выключишь! Не позже! – Он с силой потянул Дика за локоть, поднимая на ноги. – Давай, Картрайт, двигайся! Вертолет

пришел не один, у горы было три грузовика, не меньше роты солдат. Мы едва успели вытащить тебя и Райли! Солдаты наверняка уже были на поляне и сейчас идут за нами! Давай, капрал, возьми себя в руки и вперед!

Дик с трудом встал. Голова кружилась, в глазах густо расплывались черные круги, ноги подгибались, отказываясь повиноваться. Капитан забросил его руку себе за шею и потащил вперед.

– Куда мы идем, сэр? – Задышающийся Дик едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть.

– Подальше отсюда! – Мэрфи прибавил ход, догоняя ушедшего вперед Тэйлора.

– Но мы же возвращаемся... – хрипел Дик, пытаясь отвлечься от нестерпимой боли в груди.

– Эту дорогу мы хотя бы знаем, – огрызнулся капитан, – постараемся оторваться, а потом свернем, как будет удачное место.

Словно ему в ответ в воздухе раздался стрекот вертолета, и радиоэфир ожил:

– Капрал Картрайт, это полковник Лун, ЦСГР «Хайнань», – голос говорил на китайском. – Я знаю, что вы меня понимаете. Я даю вам шанс сдаться. Вы окружены, бежать некуда. Предлагаю вам убедить мистера Мэрфи и мистера Райли не оказывать сопротивления! Это будет учитываться, как обстоятельство, смягчающее вашу вину!

– Дьявол! – выругался Мэрфи, – они отсканировали нашу частоту! Переходим на запасную!

Дик, пораженный услышанным, торопливо переключал каналы.

– Картрайт! – услышал он голос капитана. – Что сказал наш новый приятель?

– Я... сэр... я не понимаю, что происходит, сэр... – ошарашенно произнес Дик. – Он знает мое имя! И ваше тоже! Он сказал, что мы окружены и бежать некуда, и предложил сдаться! И тогда это будет смягчающим обстоятельством!

– Даже так, – злобно ощерился Мэрфи. Похоже, эта новость его не сильно удивила. – Значит, дальше идти нельзя, там нас уже ждут. Сержант! Сворачиваем!

Капитан изменил маршрут на девяносто градусов, продираясь через стену токсичных растений.

– Что все это значит, сэр? – Дик, преодолевая боль, старался двигаться быстрее. – Что он хотел этим сказать?

– Именно то, что сказал, – отрезал Мэрфи, – заткнись, Картрайт, и экономь силы. Трепаться потом будешь, если выживешь!

– Капрал Картрайт! – вновь ожил эфир. – Это последнее предупреждение! Советую вам хорошо подумать и не принимать бессмысленных решений!

– Быстро работают, ублюдки! – оскалился Мэрфи. – Всем выключить рации! Тэйлор, сюда!

Капитан остановился, выключая рацию, и сказал напрямую, повышая голос:

– Радиосвязью больше не пользуемся, иначе вычислят, – он посмотрел на тяжело дышащего сержанта, – с ранеными мы далеко не уйдем. Поэтому попробуем затаиться в зарослях. Быть может, Шаро Предрекшая будет к нам благосклонна и в темноте нас не найдут. Если они отложат поиски до утра, есть шанс за ночь уйти подальше и запутать следы.

Мэрфи оттащил Дика в стоящие стеной кусты, стараясь не ломать стеблей и не оставлять следов. Он уложил его в траву и бросил сверху несколько крупных листьев. Изъеденная язвами болезней структура листа больше напоминала тряпку и накрыла Дика почти целиком. Он замер, пытаясь не шевелиться, и капитан побежал к Тэйлору, маскировавшему неподалеку бесчувственного Райли. С неба отчетливо доносился звук приближающегося вертолета. Мэрфи с сержантом, забросав академика травой и листьями, торопливо маскировались сами.

Через считанные секунды после того, как их маленький отряд застыл, сливаясь с зарослями, с ночного неба ярко ударил луч мощного прожектора. Вертолет медленно шел над джунглями, тщательно освещая заросли. Еще через пять минут Дик слышал хруст ломающихся ветвей и хлюпающий шум сминаемых стеблей. Он осторожно посмотрел в узкую щель в траве, пытаясь увидеть, что происходит. В темноте джунглей Дик увидел приближающиеся огни ручных фонарей. В свою импровизированную бойницу он мог наблюдать лишь узкий сектор пространства, но и в нем Дик насчитал не менее двадцати огней. Хайнаньцы приближались, свет фонарей и прожекторов двигался в его сторону, и Дик понял, что если охотники не изменят направление движения, они неизбежно его найдут. Неужели хайнаньцы такие искусные следопыты, что смогли без труда отыскать их отряд в глухих зарослях, где сам дьявол способен заблудиться?! В это время ближайшие к нему огни остановились и сгруппировались, словно совещаясь. Затем они снова двинулись вперед, выходя прямо на него. Дик похолодел от страха. Он потянулся было за винтовкой Тэйлора, но вспомнил, что она осталась у Мэрфи. Дик беспомощно смотрел на приближающихся охотников, понимая, что меньше чем через пару минут будет обнаружен.

Кто-то осторожно потрогал его за плечо сзади. Острая вспышка страха пронзила Дика. Он вскрикнул, судорожно дергаясь, и рывком развернулся назад, забыв о сломанных ребрах. Мгновенно воображение нарисовало ему леденящую картину стоящих за спиной хайнаньских солдат с оружием наперевес. Но то, что он увидел, заставило его замереть от неожиданности. Прямо перед ним, присев на одно колено, стояла девушка-лиг с родниковой поляны. Только на этот раз ее глаза не скрывала черная повязка. Большие миндалевидные глаза пристально смотрели на него темно-желтыми зрачками неправильной формы, чем-то напоминающей кляксы. На девушке по-прежнему был минимум одежды, но, похоже, это совершенно не мешало ей двигаться через хитросплетения токсичных зарослей. Она приложила палец к губам, призывая к молчанию, и поманила его за собой.

– Пойдем со мной! – тихо прошептала она. – Это плохое убежище, нюхачи найдут тебя!

Ее тоненький мелодичный голосок, несмотря на шепот, хорошо пробивался через толстые стенки гермошлема.

– Куда?! – опешил Дик.

– В хорошее убежище! – решительно повторила девушка. – Здесь нельзя оставаться, жестокие уже близко! Пойдем!

Она с опаской взяла его за руку, словно опасаясь обжечься о скафандр, и осторожно потянула Дика за собой, увлекая глубже в чащу зарослей.

– Подожди! – Дик остановился, сопротивляясь девушке. – Я должен взять с собой моих друзей!

– Они злые, – отрицательно мотнула головой она, – они хотели меня убить. Не надо им помогать! Пойдем! – Девушка вновь потянула его за руку.

– Нет! – решительно воспротивился Дик. – Они спасли меня так же, как я спас тебя! Я не могу их бросить! Они же мои друзья! Ты бы бросила своего отца, который защищал тебя?

Девушка мгновение размышляла, после чего с явным неудовольствием согласилась.

– Хорошо. Только я не буду с ними дружить, – заявила она и, немного подумав, добавила: – И разговаривать тоже.

– Договорились, – торопливо закивал Дик, – к тому же они все равно не знают твоего языка.

– Зови их, я буду ждать здесь. – Она юркнула в кусты и тут же окликнула возвращающегося за остальными Дика: – Не туда! Твои друзья левее, за червивыми деревьями!

Дик последовал ее совету и взял левее, спеша по густой чаще.

Бесчисленные ветви, стебли и листья били в лицевой щиток гермошлема, цеплялись за снаряжение и путались в ногах, выводя из равновесия. Дик запнулся о какой-то корень и с хрустом упал.

– Картрайт, придурок, ты нас обнаружишь! – В полуметре от себя Дик увидел Мэрфи с пулеметом наизготовку. – Какого дьявола ты тут делаешь? Они идут прямо на нас!

– Сэр, на мою позицию они выйдут еще раньше, – ответил Дик, поднимаясь.

– Ложись! С ума сошел?! – Капитан схватил его за ногу.

– Надо уходить, сэр! – Дик пытался сообразить, как убедить Мэрфи послушаться, не теряя времени. – Тут нас неизбежно найдут! Там, дальше, есть убежище!

Надо отдать должное капитану, соображал он быстро.

– Какое убежище? – Мэрфи уже стоял на ногах и вместе с Тэйлором вытаскивал из кустов бессознательного академика. – Как ты его нашел?

– Мне показали! – ответил Дик, хватая с земли ранец. Тяжелая ноша сдавила ремнями грудь, и резкая боль вновь вернулась.

Дик слабо вскрикнул, инстинктивно хватаясь за лямки ранца, и осел на землю.

– Кто показал? – Капитан взвалил Райли сержанту на плечи и одной рукой сорвал с Дика ранец, закидывая себе за спину.

– Долго объяснять! – Дик сделал вдох и поднялся на ноги. – Нам помогут, сэр! Надо бежать! – Он, пошатываясь, побежал к кустам, в которых пряталась девушка.

– Я вернулся! – сказал Дик по-китайски, заглядывая в кусты. – Мы готовы уходить!

Однако в кустах никого не было.

– Девушка! Где вы? – Он осторожно повысил голос.

– Замри, Картрайт! – вдруг прошептал Мэрфи. – Справа десять – движение! – Капитан продолжал смотреть в одну точку, однако ствол его пулемета тихонько поплыл в сторону цели.

– Стойте, сэр! – воскликнул Дик. – Это не враг! Она нам поможет! – Он развернулся туда, куда указал Мэрфи, и увидел выглядывающую из-за сплетенных деревьев девчонку. Она явно не была уверена, что вооруженные люди в скафандрах не причинят ей вреда.

– Все хорошо, уважаемый друг. – Дик побежал к ней, на всякий случай держа руки на виду, чтобы показать девчонке, что он не вооружен. – Они не сделают тебе ничего плохого, это друзья!

– Жестокие не могут быть друзьями, – отрицательно мотнула головой

девчонка и, развернувшись, быстро направилась в чащу. – Идите за мной, – бросила она через плечо, – скажи своим друзьям, чтобы не подходили ко мне близко! Поторопись!

Дик обернулся к Мэрфи, держащему пулемет на изготовку:

– Сэр, надо идти за ней! Она нам поможет! – Он оглянулся на удаляющуюся девушку, опасаясь потерять ее в густых зарослях. – Скорее, сэр!

Мэрфи ничего не ответил. Он оглянулся назад, на быстро приближающиеся огни фонарей, кивнул Тэйлору и побежал к Дику. Сержант с академиком на плечах последовал за ним.

– Сэр, а если она заведет нас в ловушку? – услышал Дик тихий шепот Тэйлора.

– Какая разница? – флегматично ответил капитан. – Китайцы все равно нашли бы нас через минуту. А это, по крайней мере, попытка. Там видно будет.

Девчонка вела их через гущу растительности, быстро и уверенно двигаясь в кромешной тьме. Дику стоило больших трудов не выпустить из поля зрения хрупкую тоненькую фигурку. Спустя пару минут борьбы с непролазными зарослями, он все-таки потерял ее. Дик сделал еще десяток шагов и остановился, растерянно озираясь вокруг. Где-то впереди в зарослях показались огни фонарей, и в небе вновь раздался стрекот вертолета.

– Нас взяли в кольцо. – Дик оглянулся и увидел стоящего рядом Мэрфи. – Дьявол их всех заberi, они будто точно знают, где мы!

Дик почувствовал, как его осторожно тянут за руку.

– Сюда! – Там, где секунду назад была окутанная мраком пустота, стояла желтоглазая девчонка. – Быстрее! – Она опасливо скосилась на Мэрфи и Тэйлора и юркнула в кусты.

Отряд продрался вслед за ней сквозь плотную стену изъеденных гнилью кустов и оказался перед ссохшейся парой скрюченных деревьев, сплетенных друг с другом. Девчонка наклонилась к их подножию, ухватила за один из корней и с силой потянула на себя. Неожиданно легко деревья поддались и плавно опустились на землю, открывая спрятанный под корнями лаз.

– Вниз! – Желтоглазая указала пальцем в зияющую чернотой нору. – Быстрее!

Дик замешкался, нерешительно глядя на пугающую неизвестностью черноту.

– Я иду первый. – Мэрфи отодвинул его в сторону. – Тэйлор, подашь

мне Райли! Картрайт, будь рядом с... ней.

Капитан ухватился за края норы, опустил в лаз ноги и исчез внутри. Спустя несколько мгновений оттуда раздался его голос:

– Тэйлор! Давай сюда Райли!

Сержант опустил в лаз академика и спрыгнул сам. Дик, ободренный примером остальных, заставил себя подойти к краю норы, зловеще чернеющей в ночной тьме.

– Вниз! – поторопила его девушка. – Быстрее! Жестокие скоро будут здесь!

Он собрался с духом и спрыгнул в лаз.

Дик ожидал падения с большой высоты, но пол обнаружился всего лишь в полутора метрах ниже уровня поверхности. Он приземлился на ноги и недоуменно уставился на колени желтоглазой, оказавшиеся прямо перед глазами. Его голова все еще торчала снаружи норы. Девчонка тихонько захихикала, смеясь над его нерешительностью. Дик покраснел, радуясь темноте, скрывающей его стыд, и поспешно пригнулся, скрываясь в лазе. Подземный ход, неровно пролегающий между чахлах древесных корней, был довольно просторным, не меньше метра в ширину. В шести шагах дальше нора делала поворот, за которым прыгал свет фонаря. Дик, согнувшись, двинулся туда.

– Помогите! – позвала его желтоглазая. – Надо поднять деревья и закрыть вход!

Он обернулся и поспешил к девчонке. Та уже спрыгнула в нору и тянула на себя крупный корень, нависающий над лазом. Она поджала ноги, повисая на нем всем весом, но корень не поддавался. Дик ухватился рядом и тоже повис на корневище. Сломанные ребра тут же напомнили о себе, отзываясь острой болью в груди. Дик сжал зубы, стараясь не стонать, и снова повис на корне. На этот раз лежащие деревья поддались, поднимаясь, и переплетение корней запечатало лаз, захлопнувшись над ним, словно крышка люка. Дик устало сполз на землю, пытаясь унять боль в ребрах.

– Ты ранен? – Желтоглазая опустилась рядом с ним на колено. – Я не вижу крови. Она течет под твоей резиновой одеждой?

– Нет, – качнул головой Дик, – со мной все в порядке. Так, сломал пару ребер. Это не страшно и скоро заживет...

– У тебя есть нож? – спросила девушка.

– Нож?! – удивился Дик, не ожидая подобного вопроса. – Есть. Зачем тебе?

– Надо обезопасить убежище от жестоких. – Она кивком указала

наверх.

– Ты не справишься с ними ножом. – Дик прислушался, пытаясь понять, что происходит на поверхности. – Разве мы здесь не в безопасности? Нас могут найти?

– Жестокие не смогут, – ответила желтоглазая, – но с ними идут нюхачи. Они чувят ваш запах. Сейчас ваша одежда сильно испачкана, и в убежище ее не учуют. Оно выкопано среди корней червивых деревьев, а они очень сильно пахнут. Если бы ты мог снять свою прозрачную шапку, ты бы понял.

– Тогда в чем проблема? – удивился Дик. – Зачем понадобился нож?

– Один из твоих друзей истекает кровью, – вздохнула девушка, – и нюхачи почувствуют ее запах даже здесь. Надо перебить запах, – она протянула к нему предплечье, – разрежь мне руку.

– Что? – опешил Дик. – Я не могу!

– Надо спешить, – настойчиво заявила желтоглазая, – жестокие уже близко! Нас всех найдут и убьют!

Дик торопливо нашарил на поясе ножны. Они оказались пусты. Видимо, нож каким-то образом вылетел из них во время всех этих продирааний сквозь непослушные заросли, когда Мэрфи запретил рубить растительность, чтобы оставлять как можно меньше следов.

– Кажется, я потерял нож, – недовольно поморщился Дик, – но у моих друзей он точно есть! Я сейчас!

Он быстро поднялся и, пригнувшись, поспешил вглубь норы. За поворотом нора уходила вниз, делала еще один поворот и далее образовывала небольшой зал овальной формы. Пара узких ходов уходили из него куда-то дальше. В центре зала был воткнут в землю ручной фонарь Мэрфи, направленный в потолок, возле дальней стены лежал Райли, над которым склонились капитан с сержантом.

– Сэр, нам срочно необходим нож! – Дик торопливо подошел к Мэрфи.

– Решил-таки прирезать свою новую подружку? – поинтересовался капитан. – А свой нож ты конечно же потерял?

– Сэр! – сконфузился Дик. – Так точно, сэр...

– А! Ну тогда прирежь моим! – Мэрфи с насмешливой улыбкой протянул Дику нож.

– Никак нет, сэр! – опешил Дик. – То есть, я потерял свой нож, сэр, но ее нельзя убивать, сэр!

– Тогда зачем тебе нож, Картрайт? – продолжал иронизировать капитан.

– Надо порезать ей руку, чтобы пошла кровь, сэр! – доложил Дик.

– Картрайт, так ты еще и садист? – Мэрфи явно веселился над ним.

– Сэр, – Дик твердо решил не обращать внимания на издевки капитана, – она говорит, что с хайнаньскими солдатами идут какие-то «нюхачи», сэр! Они чуют кровь академика Райли, и надо поскорее перебить ее запах, пока нас не обнаружили!

– И ты собираешься пустить ей кровь в знак благодарности за спасение? – обрадовался Мэрфи. – Ты далеко пойдешь, Картрайт! Если, конечно, она не съест тебя за такое.

– Это была ее идея, сэр! – обиделся Дик.

– Быстрее, или будет слишком поздно! – вдруг подала голос желтоглазая.

Дик оглянулся и увидел, что она стоит в проеме лаза, закрыв глаза рукой. Капитан все понял без перевода. Он коротко кивнул Дику:

– Действуй, время на исходе.

Однако заставить себя нанести девушке порез у Дика никак не получалось. Он подошел к ней вплотную и даже поднес клинок к руке, но вот вонзить в хрупкую руку острую сталь, вымазанную в ядовитом соке токсичной растительности, так и не смог.

– Чего ты ждешь? – сердито воскликнула желтоглазая и, выхватив у него нож, решительно полоснула себе по руке.

Она жалобно вскрикнула и выронила клинок, потом опустила кровоточащую руку в ладонь и скрылась в направлении входа.

– Учись, Картрайт! – изрек Мэрфи. – Иначе из тебя так и не выйдет ничего путного. – Он осуждающе покачал головой, подбирая нож. – Раз не можешь по-другому, иди, помоги ей хотя бы морально. Девчонка все-таки!

Дик, ругая себя за нерешительность, побежал следом за желтоглазой. Та сбрызгивала своей кровью образующие крышку лаза корневища. Увидев его, она быстро моргнула, пряча слезы, и твердым голосом сообщила:

– Этого достаточно. Теперь надо пролить кровь еще в одном месте.

С этими словами желтоглазая направилась в зал. Перед тем как выйти к свету, она вновь закрыла глаза рукой и пошла вдоль стены, скользя по ней ладонью, чтобы нащупать дорогу. Дик поспешил за ней. Девушка зашла в один из ходов и, согнувшись, двинулась в темноту. Ход шел с небольшим уклоном вверх и через несколько метров расширялся, позволяя двоим двигаться рядом. Желтоглазая остановилась и потянула за торчащий из стены корень. Тот легко вышел, открывая небольшое отверстие. Девчонка стерла с руки кровь и размазала ее по его стенкам. Затем она наклонилась к отверстию и пристально вгляделась в него. Но буквально через секунду

вздрагнула и отлетела к дальней стене, словно ошпаренная. Она осела на пол, изо всех сил закрыв лицо руками, и жалобно заскулила.

– Что с тобой?! – Дик бросился к ней. – Что случилось?

– Больно, – всхлипнула девушка, – там... слишком много света... посмотри ты. Скажи, когда нюхачи уйдут.

Дик подошел к отверстию и осторожно посмотрел внутрь. По всей видимости, они сейчас находились внутри небольшого холма или выше по склону горы, потому что через отверстие хорошо был виден кусок местности вокруг зарослей, закрывавших место входа в лаз. Там было светло, как днем. Цепь хайнаньских солдат как раз проходила это место, освещая фонарями все вокруг. Сверху, разгоняя остатки темноты, бил яркий луч вертолетного прожектора. Дик присмотрелся. Несколько солдат несли оружие на ремнях, вместо него в руках они держали самосворачивающиеся катушки с прочными веревками. Другим концом веревки крепились к ошейникам, надетым на уродливых лигов. Их было четверо, разных размеров и деформаций, совершенно не похожих друг на друга. Но всех их объединяло одно общее уродство: чудовищно гипертрофированный нос во все лицо, с вывернутыми наизнанку ноздрями. Носатые лиги то и дело принюхивались, замирая, и с шумом, резкими рывками втягивали носом воздух, после чего двигались дальше. Дик замер, следя за тем, как носатые уродцы обнюхивают те самые деревья, что служили люком для их убежища. Лиги повозились немного возле них и прошли мимо. Внезапно что-то загородило Дику обзор, и прямо перед собой он увидел огромную безобразную ноздрю, втягивающую в себя мелкие частицы покрытой капельками крови земли. Раздался недовольный рык, нос чихнул, выталкивая из себя густой комок из слизи и земли, и носатый лиг пошел дальше, удаляясь от окаменевшего от страха Дика.

– Ушли? – спросила девчонка, потирая заплаканные глаза.

– Уходят, – шепотом ответил Дик.

– Теперь можешь идти спать, – сказала желтоглазая. – Жестокие еще долго будут искать вас в этих местах, отсюда нельзя выходить до завтрашней ночи. Я останусь здесь, у вас там ручной свет, и мне очень больно. – Она приняласьлизывать порез на руке.

– Давай я помогу тебе, – Дик подсел рядом, вынимая аптечку, – тебе нужно сделать инъекцию антибиотиков, здесь кругом жуткая грязь, может начаться заражение! – Он достал одноразовый шприц-тюбик.

– Это ласковое жало? – Желтоглазая, затаив дыхание, во все глаза смотрела на шприц.

– Что? – не понял Дик.

– Жало, которое есть у вас, у жестоких! – возбужденно ответила она, не отводя взгляда от открытой аптечки, заполненной шприцами. – Его укус дарует блаженство и изгоняет любую боль, даже самую нестерпимую!

Девушка осторожно коснулась кончиком пальца пластиковой капсулы шприц-тюбика.

– Оно может избавить от любых страданий... – шептала желтоглазая, благоговейно глядя шприц, словно божественную реликвию, – и взамен заберет твою душу быстрее, чем отвар из пятнистых грибов...

– Картрайт, если она просит морфий, не давай! – Дик вздрогнул от неожиданности. Мерфи возник рядом, как всегда, неожиданно, словно из ниоткуда. – Уродцы подсаживаются на него с первого же укола. Если, конечно, ты не задумал сделать из нее личную ручную обезьянку.

– Я хотел вколоть ей противостолбнячную сыворотку, сэр! – ответил Дик. – В рану могла попасть инфекция!

– Она лиг, капрал, живет здесь всю жизнь, и местные инфекции ей нипочем! – Капитан присел рядом, щурясь в темноте. – А вот наши антибиотики запросто могут отправить ее на встречу к Шаро Предрекшей. Просто перебинтуй ей руку и все. Кто знает, что у нее за биохимия... Вон, видишь, как бодренько она шастает почти голышом по токсичным зарослям. И заметь, сок растений на ее коже не засыхает. Она не пачкается, в отличие от нас. Ты картридж давно проверял?

При появлении капитана желтоглазая отдернула руку от шприца и теперь вслушивалась в их разговор, переводя желтые кляксы зрачков с Дика на Мэрфи. Картрайт поспешил убрать шприц в аптечку и вернуть ее в подсумок. Он открыл диагностическую панель и посмотрел на фосфоресцирующий в темноте датчик состояния воздушного фильтра.

– Износ картриджа пятьдесят процентов! – воскликнул Дик. – Как же так, сэр, мы же ставили свежие фильтры перед самым вылетом! Их должно хватить еще минимум на неделю!

– Мы третьи сутки не вылазим из токсичных джунглей, – покачал головой Мэрфи, – едкая пыльца, грязь, пыль, насекомые, споры ядовитых грибков и прочее дерьмо – все это витает тут в воздухе тоннами. Картриджи изнашиваются намного быстрее. А запасной комплект у меня всего на один скафандр, остальное осталось там, на поляне, вместе с экспедицией. Так что у нас есть трое суток, максимум – четверо, чтобы добраться до «Наследия».

– Сэр, она говорит, что «жестокие» не уйдут из района до завтрашней ночи, и уходить отсюда нельзя, – сказал Дик.

– Кто не уйдет? – заинтересовался Мэрфи с легкой улыбкой.

– «Жестокие», сэр! – ответил Дик. – Так они здесь называют хайнаньцев.

– Картрайт, – капитан иронично усмехнулся, – «Жестокими» лиги называют чистых людей. Всех. Не только хайнаньцев. Или ты думаешь, что сами себя они называют лигами? – Он насмешливо хмыкнул. – Это тебе для общего развития. Но раз она так сказала, то зря рисковать не будем. Да и Райли надо отлежаться, если старик не придет в себя, дело дрянь. Других ученых у нас не осталось. Так что теперь у тебя есть время вдоволь поспать. Ты, кажется, хотел? – Мэрфи поднялся на ноги и исчез в темноте.

– Твой друг не хочет, чтобы ты дал мне ласковое жало? – спросила желтоглазая, когда капитан ушел.

– Он сказал, что оно может вызвать... что оно может причинить тебе вред, и его лучше использовать только в крайнем случае, – Дик попытался сгладить ситуацию. – Давай я тебя перевяжу. Это не больно, это просто ткань, она поможет остановить кровь. – Он принялся накладывать ей на рану стерильную самоклеющуюся повязку.

– Дядя Цзянь тоже так говорил, – задумчиво произнесла девушка, послушно протянув ему руку, – ласковое жало дарует блаженство и избавляет от страданий, взамен забирая душу... – Она тряхнула головой, словно снимая с себя наваждение. – Однажды ему удалось добыть его. На это можно было выменять годовой запас еды, но... Дядю с рождения терзали сильные боли, и почти всю свою добычу он обменивал на отвар из пятнистых грибов. Он позволил ласковому жалу ужалить себя, и оно даровало ему избавление. Дядя говорил, что впервые в жизни он не чувствовал ни боли, ни тревоги, только умиротворение и блаженство. Но взамен оно отобрало у него душу, и вскоре он ушел. Сказал, что ласковое жало обещает ему новое успокоение, и ему необходимо идти к Грохочущей Реке, в Санься, прозрачный пузырь жестоких.

– Центр «Санься»? – удивился Дик, собирая аптечку. – Это же очень далеко отсюда!

Девушка грустно склонила голову, и желтые кляксы зрачков стали не видны. Дик, воспользовавшись случаем, оглядел ее повнимательнее. Ее ровная кожа, на ощупь напоминавшая резину, на вид ничем не отличалась от человеческой, и если не брать в расчет жутковатые глаза, она была милой и привлекательной девушкой даже по меркам чистого человека.

– Он считал, что сможет работать для жестоких, – печально вздохнула желтоглазая, – а они за это дадут ему еще одно ласковое жало. Отец пытался отговорить его, у дяди были очень короткие руки, много чего он делать не мог. Жестокие не захватывают таких людей, они их сразу

убивают. Но дядя все равно ушел, с тех пор мы с отцом остались вдвоем.

– Вы жили вдвоем? – Дик убрал аптечку в подсумок. – Мне казалось, что ли... люди, подобные вам, стараются держаться вместе.

– Сначала мы жили вместе с общиной, у подножия горы, – ответила девушка, – но когда я стала старше, отец с дядей сказали, что внешне я слишком похожа на жестоких, и нам лучше жить отдельно от всех, чтобы зря не волновать людей. Они построили жилище на вершине, и мы переселились туда.

– Те люди, которые напали на вас, они это сделали потому, что ты похожа на нас? – предположил Дик. – Неужели из-за этого община прониклась такой ненавистью?

– В нашей общине живут хорошие и добрые люди, – покачала головой она, – это были другие, с третьей северной горы. Когда у развалин города с неба упала ваша железная птица, со всей округи многие захотели посмотреть на это великое чудо. Ведь в легенде сказано, что Шаро Великая оставила несчастным детям своим чудодейственное «Наследие», которое избавит всех от страданий. И прилетит оно в мир на огромной железной птице.

Желтоглазая замолчала, и Дик заметил, как с ее ресниц сорвалась крохотная слеза.

– Обычно отец прятал меня в хижине, если по нашей тропе шел кто-то из чужих. Но в этот раз пришли слабоумные. Отец всегда говорил, что на них нельзя обижаться, потому что они, как дети, не ведают, что творят... Они влезли в дом в поисках еды, и он не успел уследить за всеми, их было слишком много. Я попыталась спрятаться за корзинами, но днем я ничего не вижу, свет жжет мои глаза, словно раскаленные угли. Меня заметили и вытащили наружу. Отец пытался защитить меня...

Девушка замолчала, роняя слезы. Она не рыдала и не всхлипывала, ее лицо было спокойным, и только катящиеся по щекам слезинки тускло поблескивали в слабом свете, проникающем в нору через наблюдательное отверстие. Дик подумал, что ее самообладанию можно позавидовать, и решил оставить болезненную тему.

– Почему ты помогла нам? – спросил он.

– Ты дважды спас меня, – ответила желтоглазая, – сначала от слабоумных, потом от своих жестоких друзей. Ты ведь прилетел на той железной птице?

– Да, – подтвердил Дик, – это был наш самолет. Только он разбился при посадке, многие наши друзья погибли.

– Я знаю. К вечеру в пески прилетели стрекозы жестоких из

прозрачного пузыря на Хайнана. Они рассматривали останки твоей железной птицы.

– Хайнаньцы нашли самолет еще вчера? – удивился Дик.

– Жестокие устроили облаву, убили и схватили многих из нашей общины, – кивнула девушка. – Они заставили их двигать и ломать останки твоей птицы и собирать твоих погибших друзей. Ночью я похоронила отца и спустилась в общину. Но люди не захотели принять меня. Они были слишком напуганы жестокими, а я так похожа на них и... мне пришлось уйти.

– Но почему ты пошла за нами? – не унимался Дик. Он уже представлял, какой допрос устроит ему Мэрфи.

– Некоторым людям, которых схватили жестокие, удалось бежать. – Девушка вытерла слезы, и желтые кляксы ее зрачков немигающим взглядом смотрели Дик в глаза. – Они рассказывали, что слышали, как жестокие переговариваются между собой. Жестокие искали взрывчатку. Они знают, что вы взорвали прозрачный пузырь у себя дома и теперь прилетели сюда, чтобы уничтожить их пузырь.

– Что? – опешил Дик. – Ты уверена, что ничего не перепутала? – Он решил, что тут явно какая-то ошибка. Какое еще уничтожение?! Да и потом, девчонка могла напутать, слышать от нее о взрывчатке после того, как она назвала самолет железной птицей... – Ты хоть знаешь, что такое взрывчатка?

– Это то, что с огнем и грохотом превращает людей и дома в трупы и обломки, – спокойно ответила желтоглазая. – Оно есть у жестоких и у наших воинов, что живут за горами. Жестокие ничего не нашли и поняли, что вы унесли ее с собой, чтобы взорвать их пузырь. Поэтому они захотели вас убить. Я хотела предупредить тебя и боялась не успеть, ведь я могу идти только ночью.

– Мне надо рассказать об этом друзьям, – решительно заявил Дик. – Это какое-то жуткое недоразумение!

– Расскажи, если надо. – Она потрогала повязку и посмотрела на Дика. – Спасибо. Как тебя зовут?

– Дик Картрайт, – ответил он, – можно просто Дик. А тебя?

– Мое имя Лу. А теперь иди к своим друзьям, Дик, а я останусь здесь, – она улеглась на бок прямо на земле, – и скажи им, чтобы не приближались ко мне!

– Хорошо, Лу, тебя никто не тронет, обещаю! – заявил Дик, поднимаясь с колен.

Он улыбнулся Лу, постаравшись сделать самую ободряющую улыбку,

и, положив руки на стены, на ощупь отправился в зал.

Добравшись до освещенного фонарем зала, он увидел, что академик Райли пришел в себя. Мэрфи и Тэйлор возились с обрубком его ноги, и старый ученый громко стонал, когда боль становилась особенно мучительной.

– Картрайт! Ты вовремя! – оглянулся капитан. – У тебя есть сыворотка для переливания? Наша закончилась.

– Да, сэр! – Дик поспешил к Мэрфи, доставая аптечку.

В обычных аптечках таких излишеств не полагалось, но экспедицию снаряжали по максимуму, из расчета на все случаи жизни. Медкомплекты участников имели специальную комплектацию. Кроме того, экспедиция взяла с собой запас медикаментов. К сожалению, все это погибло при катастрофе, а то немного, что удалось спасти, осталось на поляне. Личные аптечки – это все, чем они могли сейчас помочь Райли.

Капитан забрал у Дика пакет с плазмой и поставил академику капельницу, воткнув иглу в вену на руке. Специально для этого старику сделали прорезь в рукаве скафандра. Дик в первую секунду ужаснулся, но потом быстро понял, что после потери ноги такая мелочь, как частичная разгерметизация рукава, для Райли уже ничего не значит.

– Порядок! – Мэрфи коротким движением вогнал нож в земляную стену и повесил на его рукоять пакет с кровавой плазмой. – Как самочувствие, Лайнел?

Академик медленно обвел глазами пещеру и неторопливо ответил:

– Боль сменилась легкой эйфорией. Мне тепло, и я чувствую себя несколько... отстраненно. – Он остановил взгляд на капитане: – Вы вкололи мне морфий?

– Пришлось, – кивнул Мэрфи, – я не был уверен, что ваше сердце выдержит все это. – Он посмотрел на перетянутый кровавой повязкой обрубок ноги.

– Все верно, – лениво одобрил академик, – где мы? Что произошло?

– Китайцы открыли по нам огонь, – нахмурился капитан, – вы видите всех, кому удалось выжить. Пока что мы в безопасности, но нас ищут, поэтому придется провести здесь некоторое время. Поэтому мы не пользуемся рациями. Эти парни ловко сканируют наши частоты.

Академик понимающе кивнул головой и все так же медленно ответил:

– Выходит, вы были правы, Стивен. – При этих словах Дик вдруг подумал, что у инвазивного нелюдимого Мэрфи тоже может быть вполне человеческое имя. – Я зря считал ваши опасения паранойей. В результате

погибло столько людей... Это моя вина.

– Никто не ожидал, что китайцы начнут расстреливать экспедицию, едва только увидят, – покачал головой Мэрфи, – даже я не мог предположить такого, хоть и опасался ареста. Интересно, что же такое наш дорогой Джон рассказал хайнаньскому Центру?

Дик понял, что капитан имел в виду Президента Колорадского Альянса Джона Рокфеллера. Видимо, Райли и Мэрфи знали что-то, Дику не известное. Он вспомнил вечное ворчание Хо, рассказ Лу и впервые засомневался в президентской непогрешимости.

– Сэр, – подал голос Дик, воспользовавшись паузой, – разрешите обратиться, сэр?

– Валяй.

– Я только что говорил с Лу, сэр. – Он уселся на землю. – Она рассказала странные вещи. Я подумал, вы должны об этом узнать...

– Она попросила тебя исполнить стриптиз, Картрайт? – хмыкнул капитан. – Не соглашайся. Если она увидит твое тщедушное тельце без скафандра, то немедленно уйдет от тебя к Тэйлору.

– Сэр! – возмутился Дик. – Это действительно важно, сэр! Она утверждает, что хайнаньцы считают, что мы у себя на родине взорвали Центр! Более того, они уверены, что мы прилетели с запасом взрывчатки, чтобы уничтожить ЦСГР «Хайнань»!

– Ого! – присвистнул Мэрфи. – И они в это поверили?! На этот раз наш хранитель демократии и остатков человечества превзошел сам себя! Надо было постараться, чтобы убедить китайцев в такой угрозе.

– Вы считаете, это Президент дезинформировал их? – опешил Дик. – Но это же невозможно!

– А кто ж еще? – криво усмехнулся капитан. – Разумеется, он действует не один. У него целая команда, так ведь, кажется, это принято называть. Не думаю, что хайнаньцы поверили бы в такое, сообщи им об этом кто-то рангом пониже.

– Но зачем?! – Дик решительно отказывался верить в услышанное. – Ведь наша экспедиция идет к «Наследию»! Еще несколько дней, и мы могли бы изменить мир! Мы все еще можем это сделать! С какой стати Президенту срывать поиски «Наследия»?!

– В хвост ему не уперлось это «Наследие», – просто ответил Мэрфи. – Вся эта экспедиция с самого начала была фикцией. Как и вся шумиха вокруг нее.

– Сэр, при всем уважении, – возмущенно заявил Дик, – но я не могу в это поверить!

– Твои проблемы, – капитан флегматично пожал плечами, – иди тогда, пристрели свою подружку, чтобы не распространяла крамолу.

– Молодой человек, – вмешался Райли, – как это ни печально, но капитан Мэрфи прав. – Академик сонно поморщился.

– Но как же так... – совсем растерялся Дик.

– Я могу внести ясность, если хотите, – продолжил Райли. – Рокфеллер стал Президентом, фактически унаследовав эту должность. Их семья выигрывает выборы уже более сотни лет, но и до этого именно они являлись фактическим руководством Альянса, манипулируя марионеточными правительствами. Эта их традиция – управлять политическими лидерами, оставаясь в тени, – берет свое начало со времен, задолго предшествующих наступлению хаоса. К тому же они являются одними из совладельцев «Сёрвайвинг Корпорэйшн», и подобные действия не составляют для них большого труда.

До недавнего времени это положение дел всех устраивало, люди стремились пережить Трехсотлетие больше, чем разбираться в политических хитросплетениях. Но в последние десять лет ситуация начала меняться, жить стало все хуже, появились многочисленные граждане, недовольные правительством, и президентское кресло зашаталось. Судите сами. Численность населения катастрофически падает. Процент рождаемости лигов у жителей Центров по-прежнему запредельный, и здоровые дети рождаются лишь у немногих фамильных линий. В результате новые поколения жителей Центров имеют угрожающий уровень инбридинга. Мы вырождаемся, в разы теряя численность с каждым десятилетием. Вы, без сомнения, знаете, что процент молодежи ничтожен в сравнении с процентом взрослых и, тем более, пожилых людей. Но вряд ли вы знаете, что, с точки зрения эволюции, это недопустимый показатель, напрямую указывающий на то, что данная популяция стремится к вымиранию. Об этом говорить не принято.

То же самое происходит на фермах. Зерно и скот давно превратились в величайшую ценность, их пытаются сохранять любыми способами, но приток органики в пищевые синтезаторы падает с каждым годом. И это несмотря на то, что численность населения тоже падает. Мы рискуем попросту вымереть еще до исхода Трехсотлетия, и сразу даже не поймешь от чего: не то от старости, не то от голода.

Кроме того, огромной проблемой является поистине угрожающий износ оборудования, механизмов и систем жизнеобеспечения. Наши материальные ресурсы настолько ветхие, что рассыпаются буквально на

глазах. Вы участвовали в археологическом рейде в Тусон, молодой человек, вспомните, в каком плачевном состоянии была техника! А гибель Центра «Паркер»? Системы охраны и сигнализации во многих местах попросту сгнили от старости и не сработали вовремя!

– В «Паркере» было недостаточно солдат! – возразил было Дик, но академик спокойно опроверг его заявление.

– А почему, как вы считаете?

– Потому что все силы ушли на помощь Центру «Дэвис»! – не сдавался Дик. – Лиги устроили на него нападение, это был отвлекающий маневр! – Он обернулся к Мэрфи: – Ведь так, сэр? Вы же сами объясняли мне это!

– Капрал, когда ты проходил свой ускоренный курс подготовки, ты хоть чего-нибудь слушал? – пренебрежительно усмехнулся капитан. – Инструкция по Борьбе за Живучесть четко предписывает минимальное количество личного состава, должного находиться на охранных рубежах военизированного пояса. Только штаб Альянса может дать распоряжение ослабить эти позиции.

– Но в ту ночь на позициях была едва половина от штатного расписания! – воскликнул Дик. – Вы хотите сказать, что штаб специально вывел войска из Центра? Они хотели отдать «Паркер» лигам?!

– Все намного проще, мистер Картрайт, – сонно пояснил Райли, – никто не собирался отдавать «Паркер». Но военизированный пояс действительно был ослаблен по приказу Президента. И причина тривиальна: у Центра «Паркер» недостаточно войск. Они физически не могли выслать помощь и полноценно занимать военизированный пояс одновременно. Надо было чем-то жертвовать. А так как никто не думал, что нападение на Центр «Дэвис» есть отвлекающий маневр, то выбор пал на ослабление обороны.

– Но почему? – Дик все еще пытался найти оправдание действиям Президента, в непогрешимость решений которого он привык верить с самого детства.

– Потому что в «Дэвисе» такой же некомплект в войсках, капрал, – хмыкнул Мэрфи, – они попросту испугались.

– Точно так! – Академик облокотил голову на стену, гермошлем был ему непривычен. – Согласно Положению о ЦСГР Устава «СК», личный состав армейских подразделений обеспечивается повышенными пищевыми рационами. А с органикой повсеместно все хуже и хуже. Вот правительство негласно и сократило численность войск, стремясь сэкономить на питании. В действительности же ста процентов личного состава давно уже не имеет

ни один Центр. В «Гувере» восемьдесят, в «Пэйдже» и «Дэвисе» по пятьдесят, а в «Паркере» не было и пятой части.

Разумеется, все это обставлялось с позиций самых что ни на есть благих и разумных действий. Официально это называлось сокращением потерявших актуальность должностей. Мол, количество лигов сокращается, да и боевая техника выходит из строя от старости, незачем держать в строю так много людей попусту. Мы давно пытаемся обратить на это внимание граждан Альянса, но большинство людей озабочены нормами своего пищевого рациона и не горят желанием попадать в опалу, связываясь с теми, кого правительство называет «беспринципными карьеристами, дестабилизирующими единство Альянса ради достижения личных корыстных целей».

Райли замолчал, бесцельно глядя в одну точку. Сказывалось действие морфия. Дик, пораженный услышанным, некоторое время обдумывал слова академика, после чего спросил:

– Но почему Президент оклеветал нас перед Центром «Хайнань»? Все это ужасно, но никак не объясняет его нежелание отыскать «Наследие»!

Старый ученый пожевал губами, пытаясь сосредоточиться, и лениво ответил:

– Одно тянет за собой другое, молодой человек. Правительство озабочено лишь одним – удержать власть в своих руках. Для этого население нужно исправно кормить. Комизм ситуации заключается в том, что потеря «Паркера» даже выгодна Президенту. Не стало огромной инфраструктуры и пятидесяти тысяч ртов, живущих на дотациях, и можно увеличить рационы остальным. За такое правительству простят все. Именно поэтому Альянс многие годы упорно распродал в обмен на пищевую органику в другие Центры все, что только пользовалось спросом. Запчасти, электронику, технологические артефакты, с риском для жизни, а зачастую и с людскими потерями, собранные археологическими рейдами. Вместо того чтобы немного затянуть пояса и бросить силы и средства на развитие или хотя бы поддержание производства органики, правительство пыталось вдоволь кормить граждан, чтобы едой заткнуть им рты. Ведь если власть уплывет из рук – кто знает, что потом? В Центре не спрячешься, тут все на виду. Тут не подергаешь за ниточки инкогнито, как когда-то до хаоса. Вот и остается быть самым комфортным правительством, обеспечивающим людям сытную жизнь. Надо признать, что долгое время им это успешно удавалось. Но ничто не длится вечно.

– А как же Программа Обмена генофондом?! – возразил Дик. – Разве она не нацелена на увеличение рождаемости? Вы же не будете отрицать,

что это дает результаты?

– Эта Программа должна была быть введена в действие лет сто–сто пятьдесят назад, когда численность населения Альянса сократилась вдвое. А не тридцать лет назад, как на самом деле, – поморщился Райли. – Сейчас это не более чем средство успокоить граждан. По этой Программе рождаемость возросла в среднем на одиннадцать младенцев в год. Это не решит проблемы, и даже отсрочит ее не надолго. Но даже сейчас они не хотят попытаться предпринять хоть какие-то шаги во имя спасения следующих поколений. Ведь это неизбежно означает отток средств в науку и падение закупок органики, что в свою очередь приведет к понижению пищевых норм. В народе начнутся волнения, появятся недовольные, так можно нажать серьезных политических конкурентов или, чего хуже, вообще потерять власть. А власть для нашего дорогого Джона не только личный интерес, но и семейная традиция с глубокими корнями. Они уже не могут по-другому. Так что ради ее сохранения он пойдет на все, в том числе и на похороны «Наследия».

– И все же я не понимаю, – Дик предпринял последнюю попытку оправдать Президента хотя бы в собственных глазах, – каким образом «Наследие» мешает ему?

– Самым непосредственным! – ответил академик. – Если оно заработает и мир очистится, то люди выйдут во внешнюю среду и расселятся по огромной территории. Начнут строить новую жизнь, им уже не нужны будут Периметры, воздухоочистители и пищевой компаунд Центров. Появятся градостроители, новые лидеры, и Президент рискует попросту потерять власть, если не окажется лучшим из лучших. А вне Центров никаких рычагов у него нет. Армия ведь тоже состоит из живых людей, имеющих мозги. Они тоже захотят жить на чистой земле. Да и с кем воевать? Лигов нет, а против внешнего врага людей может объединить сильный лидер и, опять же, не факт, что им окажется именно Президент. Так что «Наследие» представляет прямую угрозу его власти. Его роду и внутри Периметра неплохо живется, все блага к их услугам. Впрочем, как и во все времена. Вот по-этому правительство так долго тянуло с реакцией по «Наследию». Они думали, что с этим делать.

– Но ведь экспедиция все же была отправлена! Вы сами себе противоречите, господин академик! – Дик обрадовался появившемуся шансу защитить Президента. – Экспедицию не могли собрать, потому что координаты «Наследия» были зашифрованы. И специально ради нее организовали рейд в Тусон! На его оснащение были брошены последние резервы! Ученые специально для рейда изобрели антидот против тусонской

бактерии! Множество добровольцев отдали свои жизни, чтобы рейд увенчался успехом! Они погибли не напрасно, наша экспедиция была отправлена, и в ее снаряжение были вложены огромные средства! И после этого вы говорите, что Президент чуть ли не преступник! Как вы это объясните?!

– Очень просто, – насмешливо ответил за академика Мэрфи, – ты, Картрайт, просто редкостный debil. Я начинаю думать, что удары головой, которые с тобой приключились, не являлись причиной твоей непроходимой тупости. Она у тебя от рождения.

– Но, сэр... – Дик боязливо покосился на капитана, – я... я, правда, не понимаю, сэр...

– А это у тебя впервые? – ехидно поддел его Мэрфи.

– Не третируй мальчика, Стивен, он еще совсем ребенок, – неторопливо попросил Райли, – я объясню ему, все равно мне надо разговаривать, иначе я усну.

– Вот и спи, Лайнел, – пожал плечами капитан, – тебе надо набраться сил. Нам еще добрых трое суток тебя тащить.

– Не думаю, что протяну так долго, – сонно улыбнулся Райли, – а мальчик должен знать.

Академик перевел взгляд на Дика и терпеливо продолжил:

– Все, что вы знаете, есть официальная версия правительства. И все это ложь. Начнем с того, что координаты «Наследия» никогда не были зашифрованы и никакие ученые не бились над решением этой якобы трудноразрешимой проблемы.

– Как?! – изумленно воскликнул Дик.

– Ползком! – передразнил его Мэрфи. – Мои люди нашли разведчика, единственного выжившего из того взвода, что отправили навстречу русским и которые побывали на их погибшем корабле. Я лично взял из рук умирающего Купера русский гермоконтейнер. Его вскрывали при мне. Не было никакого шифра, Картрайт. Были вполне открытые цифры первой части координат, что русские нашли где-то у себя. И была их карта, на которой стояла отметка места в окрестностях Лос-Анджелеса, где спрятана вторая часть. Я сам вел роту на поиски, я сам доставал из земли контейнер, и я сам его вскрывал. Там были четкие координаты и две строки текста на чистом английском языке. Зато в тот же день я получил приказ о неразглашении государственной тайны под страхом смертной казни. Вот и весь шифр, капрал.

– К счастью, капитан Мэрфи весьма храбрый человек, которому не занимать мужества, – сонно продолжил Райли, – он связался с нами и

рассказал все, что знал. Мы начали действовать и постарались максимально подогреть среди населения ажиотаж. Нам это удалось, и все ждали от Президента решительных действий. Правительство тянуло резину, прикрываясь дешифровкой, но рано или поздно им бы пришлось что-то предпринять.

И тут грянуло нападение на «Паркер». Для властей оно оказалось как нельзя кстати. Гибель Центра тяжело отразилась на гражданах Альянса, люди были напуганы, никто не чувствовал себя в безопасности. Каждый день мог для любого из оставшихся Центров закончиться появлением из пустыни армий Круула и гибелью. Именно в этот самый момент координаты «Наследия» оказались «расшифрованы». Президент дал своим гражданам надежду, за которую ухватился каждый. И правительство грамотно извлекло из этого выгоду. Была проведена простейшая, но эффективная манипуляция сознанием масс: кто хочет найти «Наследие», чтобы очистить планету? Все хотят. Кто не хочет уже через несколько месяцев или даже недель жить в новом мире, без лигов, мутантов, скафандров и Периметров?! Но экспедиция через океан – мероприятие наисложнейшее и очень, очень дорогостоящее. А у нас таких средств нет. Что же делать? Выход, безусловно, один: нам помогут сокровища мертвого Тусона. Но для того, чтобы их получить, мало одних лишь президентских указов. Люди не захотят идти на верную смерть. Зато под знаменем экспедиции за «Наследием» можно найти добровольцев. А для пущей убедительности была наскоро сфабрикована история с изобретением антидота.

– Вы хотите сказать, что никакого противоядия не было? – поразился Дик. – Но всем делали прививки! Мне самому делали дважды...

– Это часть обмана, мистер Картрайт, – печально подтвердил Райли, – вакцины против тусонской бактерии нет. Ее не смогли создать до хаоса, обладая немыслимыми для нас, сегодняшних, технологиями. Где уж нам ее разработать! Мы даже не имеем лабораторных образцов этого штамма. Людям кололи плацебо, чтобы они думали, что им ничего не угрожает, и охотнее вступали в ряды добровольцев рейда. В результате из Тусона не вернулось больше тысячи человек, и правительство скрыло от населения истинные цифры.

– Но это же невозможно! – не поверил Дик. – Как можно скрыть потерю половины рейда?! Я, конечно, видел, что второй батальон сильно поредел из-за мутировавшей песчанки, но это же не тысяча человек!

– Не было никакой мутировавшей песчанки, капрал, – негромко произнес капитан, – тусонская бактерия начала поражать людей, и это надо

было как-то объяснить остальным, ведь они получили антидот и должны были добывать технологические ценности, а не броситься бежать в ужасе. Правительство ожидало вспышку заражения и заранее подготовило версию.

– Но ведь не все заразились! – упорствовал Дик. – Все ученые, инженеры, археологи, все остались живы! Даже командование, наконец! Оно не выезжало из Тусона! И я был там, хотя и совсем чуть-чуть.

– Все, от кого зависела добыча ценностей, были снаряжены скафандрами с закрытым кислородным обеспечением, – ухмыльнулся Мэрфи, – особенно командование. Они дышали автономным кислородом, а не фильтрованным воздухом. Собственно, раскопки завершили только тогда, когда запасы кислорода подошли к концу. Но автономных скафандров не хватило бы на две тысячи человек, да и кислорода было далеко не океан. Так что простыми людьми, добровольцами с лопатами в руках, просто пренебрегли. Воздушные фильтры частично препятствовали проникновению бактерии, поэтому кому-то повезло, а кому-то нет. В основном не заразились те, кто пробыл в городе непродолжительное время. Как ты, Картрайт. В правительстве решили, что для пущего правдоподобия экспедиции в Китай потребуется переводчик, и ты был переведен в мое распоряжение. А так бы имел все шансы сдохнуть в Тусоне, как это произошло с половиной второго батальона. Помнишь, как формировали караван в обратный путь? Ночью, по частям, когда многие спят. Чтобы никто не смог толком понять, сколько же людей вышло из Тусона живыми. Если тебе станет легче, могу добавить, что у всех, кого вывозили из города, предварительно брали кровь на анализ. Зараженных с собой не брали. Их размещали в полевом госпитале и вкалывали хорошую дозу снотворного. Когда последняя пара машин уходила из Тусона, госпитальные палатки были забиты спящими людьми. Лежачих мест не хватало, так что многих уложили на пол. Таким образом правительство обезопасило Альянс от заражения.

– Но откуда вы все это знаете, сэр? – Глаза Дика были расширены от ужаса. Он никак не мог поверить в услышанное. – И почему об этом больше никто не знает?

– Очень просто, – невозмутимо ответил Мэрфи, – я командовал первой ротой, которая обеспечивала отход из Тусона и «работала» с госпиталем и зараженными. Весь личный состав, задействованный в этой операции, был набран из числа наиболее преданных правительству людей. А для пущей верности им пожизненно были обещаны тройные рационы и двойные – для членов семей. Не так уж сложно купить молчание, если есть чем платить.

– Но почему вы согласились на это?!

– А ты считаешь, я должен был отказаться? – поинтересовался Мэрфи, с любопытством глядя на Дика. – И привезти тусонскую бактерию в Альянс? И превратить его в кладбище, так?

– Нет, сэр... – опешил Дик.

– К тому же обо всем этом я узнал уже в Тусоне, в первый день вспышки заражения, когда меня и мою роту срочно вызвали из лагеря в город. Было поздно возмущаться и требовать справедливости. Гораздо важнее было предотвратить заражение и не допустить паники. Впрочем, о том, что антидот – это полная лажа, я догадывался с самого начала. Мозгов сейчас таких нет, чтобы создать такое.

– Сэр, но вы могли рассказать об этом людям! – воскликнул Дик. – По приезде в «Гувер»!

– Я и рассказал, – согласился капитан, – академику Райли. Хотя еще на входных воротах в Центр меня вызвали в штаб и сообщили, что вся информация, связанная с рейдом, является государственной тайной и не подлежит разглашению. На следующее утро я уже ехал к постоянному месту службы, на базу нефтедобычи в Калифорнию. И вернули меня обратно за день перед торжественным собранием. Вот так, Картрайт.

– Но... быть может... «Наследие»... – промямлил Дик, – возможно... эти действия оправданы... надо же было снарядить экспедицию к «Наследию»... Спасти мир – первоочередная задача...

– Это ты сейчас красиво сказал! – Мэрфи поднял вверх палец и процитировал: – «Спасти мир – первоочередная задача!» Увидишь Президента, поделись с ним этим изречением, он оценит. До такого лозунга его референты еще не додумались.

– Но ведь наша экспедиция все-таки была отправлена к «Наследию»... – слабо возразил Дик. Он уже не был ни в чем уверен, мысли в голове сбились в противоречивую кашу.

– К дьяволу в задницу она была отправлена! – зло усмехнулся Мэрфи. – Готов спорить на свою правую руку, они даже не рассчитывали, что наш самолет пересечет океан. Вон какую рухлядь нам выдали, последний час летели на одном двигателе, остальные сгорели еще раньше. И это после тусонских богатств и капитального ремонта!

– Стивен прав, мистер Картрайт, – устало добавил академик, – экспедиция была логичным завершением цепочки по укреплению власти. Надо было успокоить народ, поэтому снарядить ее было просто необходимо. Ей выдали самый трухлявый самолет, а в ее состав включили всех самых серьезных активистов оппозиции вместе с лидером. А заодно избавились от всех инвазивных военных, нагонявших жуть на обывателей

уже только одним своим существованием. Для верности оставалось только сообщить в Центр «Хайнань» некую страшную историю, например, о сумасшедших психах, уничтоживших «Паркер», угнавших напичканный взрывчаткой самолет и направившихся взрывать ЦСГР «Хайнань». И пулеметные очереди вместо приветствия нам обеспечены!

Райли закрыл глаза и с грустью произнес:

– Я жалею лишь о том, что не придавал подозрениям капитана Мэрфи должного значения. Это позволило бы сохранить несколько жизней. – Он вновь открыл глаза и посмотрел на Дика: – Таким образом, молодой человек, правительство убило всех зайцев сразу. Потеря «Паркера» уже потускнела в памяти граждан, попутно избавив власти от дотационного бремени, все опасные оппоненты отправились в путешествие в один конец, население умиротворенно ожидает результатов экспедиции, и его можно кормить сказками еще очень долго. И не только сказками. Технологические сокровища, добытые в Тусоне ценой многих сотен жизней, обеспечат правительству еще десяток-другой лет безбедного существования. Скорее всего их, как обычно, выставят на продажу. Северные, западные и канадские ЦСГР охотно заплатят за них десятки тонн органики. Это позволит поднять пи-щевые рационы, и люди вновь уверуют в непогрешимость действующей власти. Ну, а там можно объявить, что «Наследия» не существует. Например, сказать, что русские ошиблись. Или что все это изначально было дезинформацией, подброшенной нам из Зоны 51. Вариантов много.

Академик с трудом повернул голову к Мэрфи и сказал:

– Стивен, будьте любезны, помогите мне лечь полностью. Я очень устал и, с вашего разрешения, хочу немного поспать...

Капитан бережно уложил академика, и старик уснул. Мэрфи вытащил из земляного пола фонарь и принялся устраиваться в углу на ночлег. Тэйлор молча последовал его примеру.

– Картрайт, все ложатся спать, и я тебе советую сделать то же самое, – буркнул из своего угла капитан, скользнув взглядом по задумавшемуся Дику.

– Да, сэр, – поспешно согласился он, отрываясь от мыслей, – я так и поступлю, сэр.

Он пошарил глазами по небольшому залу, прикидывая, где бы прилечь, и в конце концов улегся возле норы, ведущей к Лу.

– Сэр! – осторожно позвал капитана Дик. – Разрешите обратиться, сэр?

– Ты еще жив, Картрайт? – недовольно ответил Мэрфи. – Чего тебе?

– А что там, в Зоне 51? – спросил Дик.

– Все то же, что и раньше! – буркнул капитан и выключил фонарь, давая понять, что разговор закончен.

Дик проснулся от неясного ощущения, будто что-то осторожно касается его скафандра. Он открыл глаза и посмотрел по сторонам, вглядываясь во мрак подземелья, но так и не смог ничего увидеть.

– Пожалуйста, не зажигай ручной свет, – голос желтоглазой звучал совсем близко, – мне будет очень больно.

Дик немного подумал и достал электронный навигатор. Старенькая панель из жидких кристаллов, из которых давно уже вышло из строя процентов двадцать, тускло вспыхнула в темноте земляного мешка. Дик осмотрелся.

Рядом с ним сидела Лу и увлеченно разглядывала укрепленное на скафандре снаряжение.

– Не бойся, я ничего не возьму, – сказала она. – Никогда раньше не видела резиновую одежду жестоких так близко... – Лу осторожно провела пальцем по скафандру. – Скажи, Дик, это правда, что ты под ней такой же, как я?

– Что ты имеешь в виду? – озадаченно переспросил он. – Биохимический состав человеческого тела...

– Мне с детства говорили, что я похожа на жестоких больше, чем на обычных людей, – задумчиво произнесла девушка. – За это меня не любили тогда, и еще сильнее ненавидят теперь. Отец говорил, что мне надо было родиться в прозрачном пузыре, а не в человеческой хижине. Я знаю, что у меня другие глаза, и я не выношу яркий свет, и жестокие никогда бы не приняли меня. Скажи мне честно, Дик, я могла бы жить среди вас? – Она внимательно посмотрела на него немигающим взглядом желтых глаз.

– Ну... – замялся Дик, лихорадочно соображая, как лучше ответить, чтобы не оскорбить и не обидеть девушку, – понимаешь... Тут не все так просто. Жители Центров, то есть прозрачных пузырей, они... очень подозрительны и недоверчивы. Потребовалось бы очень много времени, чтобы завоевать их доверие...

– Ты отвечаешь так, как рассказывал отец, – разочарованно вздохнула Лу, – он предупреждал, что жестокие двуличны и никогда не говорят правды. Они легко могут обмануть и предать, и даже погубить ради наживы, и даже сделать это с себе подобными! – Она с грустью покачала головой. – Наверное, плохо, что я родилась не похожей на человека...

– Не все люди такие! – запротестовал Дик. – То есть, не все из нас такие, как ты говоришь. Вот увидишь, среди нас нет ни одного такого! И

ты, кстати, очень удачно родилась, ты очень красивая девушка.

– Ты говоришь так, потому что действительно так думаешь или потому что боишься, что я не стану больше вам помогать? – грустно улыбнулась Лу. – Не бойся. Я помогу вам, если твои друзья не будут больше хотеть меня убить.

– И вовсе нет, – обиделся Дик, – я и правда нахожу тебя очень привлекательной. Глаза у тебя немного... эээ... непривычно выглядят, а в остальном все так и есть. И мои друзья такого же мнения. Никто не хочет тебя убить! – Он поднялся и сел рядом с Лу. – И ты не обязана рисковать жизнью, помогая нам. Ты и так много сделала для нас!

– В джунглях в одиночку не выжить, – она печально вздохнула, – а у меня больше никого не осталось. И идти, как оказалось, мне некуда. Если от меня отвернулась наша община, то в любой другой меня захотят убить только за то, что я слишком похожа на вас.

– Неужели они будут столь жестоки с тобой из-за одного лишь внешнего сходства? – удивился Дик.

– Может, да, может, нет, – пожала плечиками Лу, – проверять мне не хочется. Тем более сейчас, когда прилетели жестокие на железных стрекозах и убили много людей. Все слишком рассержены на них и могут выместить злобу на мне.

– Что же ты планируешь делать дальше? – Дик подумал, что девушке сейчас не позавидуешь. Даже инвазивным в Альянсе живется лучше, хотя их боятся и ненавидят так же.

– Я останусь с вами и буду вам помогать, – просто ответила Лу, – ты же меня спас. Значит, сможешь защищать и дальше. Не бойся, я не буду обузой, я хорошо знаю эти горы и много таких убежищ.

– Но... – опешил Дик, никак не ожидая такого поворота, – ты не можешь...

– Ты не хочешь взять меня с собой? – На лице девушки отразился почти детский страх.

– Нет-нет! Ты неправильно меня поняла! – поспешно вскинул руки Дик. Он ведь и сам уже инвазивный, хотя благодаря Мэрфи об этом никто не знает, но как бы он себя чувствовал, на всю жизнь оказавшись в «наморднике»? А ведь ее положение гораздо хуже... – Я хотел сказать, что ты не можешь быть уверена, что тебя спас именно я. Ты же тогда была с повязкой на глазах!

– Ну это очень просто! – Лу сразу же успокоилась. – Я очень хорошо слышу. Лучше, чем обычные люди. Половину жизни я провела вслепую, вот и научилась различать самые слабые звуки. Я твой голос запомнила и

сразу узнала, когда услышала в лесу. Вы очень громко разговариваете друг с другом. Из прозрачной шапки ваши голоса так смешно звучат! – Она мелодично хихикнула.

– Это точно! – вместе с ней засмеялся Дик. – Как будто тебя заперли в бочке!

Они расхохотались.

– Картрайт! – из угла Мэрфи раздался недовольный голос. – Умнее ты ничего не придумал, кроме как поржать, пока другие спят?!

– Виноват, сэр! – Дик, сам того не понимая, съежился, представив себе разгневанного Мэрфи, – мы просто разговаривали...

– Хорошо хоть, что не песни пели! – огрызнулся капитан. – Если тебе нечем заняться, расспроси ее про дорогу к «Наследию». Лишнего только не болтай, а то еще перегрызет нам глотки, пока спим!

– Да, сэр! – Дик с досадой спохватился, что должен был и сам догадаться задать ей этот вопрос. – Конечно, сэр!

– И залезьте куда-нибудь подальше отсюда! Весельчаки, дьявол вас заберет...

Дик посмотрел на Лу и приложил ладонь к лицевому щитку гермошлема, закрывая рот, призывая ее сохранять молчание. Она понимающе кивнула, и он поманил ее за собой, жестом указывая на нору, ведущую к наблюдательному отверстию.

– Лу, ты разбираешься в карте? – спросил Дик, когда они отошли от зала на достаточное расстояние. – Можешь сказать, где мы? – Он протянул ей навигатор.

– Мне больно смотреть на эту вещь, – отпрянула девушка, – пожалуйста, не направляй свой ручной свет на меня!

Дик, как мог, попытался объяснить ей азы географии и работы с картой, но вскоре стало ясно, что это бесполезно. Девушка не могла понять, чего он от нее добивается. Тогда Дик прислонил навигатор к стене так, чтобы он освещал земляной пол, и принялся делать карту местности прямо на нем. Сверяясь с показаниями навигатора, он насыпал несколько земляных кучек, имитируя горы, разровнял ладонью окружающую землю, обозначая прилегающие к ним пески, и даже постарался пальцем выдавить русло ручья, берущего начало на родниковой поляне.

– Смотри, – он указал Лу на свое неуклюжее творение, – это местность, где мы находимся, если бы ты смотрела на нее с самолета, ну, с железной птицы, понимаешь? Вот это – гора, на которой стоит твоя хижина, а это – ручей. Вот тут упал наш самолет. А вот здесь – мы, прячемся в убежище. Это называется «карта». Понимаешь?

Лу несколько мгновений молча смотрела на сделанный им макет местности. Дик с огорчением подумал, что вряд ли сможет объяснить ей понятнее, а значит, таким способом выяснить дальнейший путь к «Наследию» не удастся.

– Твой самалё умер вот тут? – вдруг заговорила она, указывая пальчиком в сделанную Диком отметку. – А моя хижина здесь?

– Самолет?! Да, верно, – кивнул Дик.

Лу немного пододвинула одну из «гор», сгребла в ладошки немного земли и насыпала рядом еще одну, после чего аккуратно ткнула в нее пальцем, оставляя небольшую вмятину.

– Тогда мы здесь! – удовлетворенно объявила она.

– Ого! – вырвалось у Дика от удивления. – Здорово! А можешь показать место, где на нас напал вертолет? Ну, железная стрекоза.

– Здесь, – Лу протянула пальчик к соседней «горе», – а вот тут стоит моя община. То есть, община, которая раньше была моей... А вот за этими горами живут воины. Нам туда лучше не ходить, их много, и у них есть миномет и другое оружие жестоких.

– А ты можешь рассказать мне... Подожди! – Дик, сверяясь с навигатором, принялся насыпать продолжение карты, изо всех сил стараясь соблюдать сходство. – Можешь рассказать, как пройти к этой горе? Нам надо вот сюда!

– Ты не ошибся, Дик? – Лу с тревогой посмотрела сначала на «карту», потом на него. – Может, вам надо на эту гору, рядом?

– Нет, на этот раз все точно, – уверенно ответил Дик, – тут недалеко, я все правильно указал. Нам туда.

– Не надо туда ходить! – покачала головой Лу. – Это запретное место.

– Как так? – нахмурился он. – Ты хочешь сказать, что тебе что-то про него известно?

– Про него все знают, – важно ответила она, – это монастырь Мертвых. Живым туда нельзя.

– Почему? – не унимался Дик. – Лу, пожалуйста, расскажи подробнее! Нам очень нужно туда попасть. Ты могла бы отвести нас!

– Этот монастырь очень старый. Отец говорил, что ему тысяча лет или даже больше. В пещерах под ним начинается царство мертвых. Когда человек умирает, его душа улетает в эти пещеры и присоединяется к душам остальных умерших. Из этих пещер нет дороги назад. Любая душа, попавшая туда, остается там навсегда. Мертвые не прощают нарушителей своего покоя. Никто и никогда не возвращался из этих пещер. И в монастырь над ними приходят только те, кто хочет попросить мертвых

принять его душу в свое царство. Человек, уставший терпеть вечную боль, может прийти в монастырь и оставить мертвым подношение. Фигурку себя, изготовленную из дерева, глины или кости. По ней мертвые узнают его в царстве живых, когда придут за его душой. Они забирают такого человека к себе на второй день после возвращения из монастыря. Иногда на третий, когда у них слишком много забот. Так что туда идти нельзя. Я вас туда не поведу, и не проси.

Дик потратил не меньше часа, пытаясь переубедить Лу, но так и не преуспел. Девушка категорически отказывалась говорить о проклятом месте, и в конце концов вообще перестала отвечать на его вопросы и демонстративно улеглась спать. Дик, скрывая досаду, побрел в общий зал.

– Интересная история, – оценил Райли, выслушав рассказ Дика, – с научной точки зрения, очень показательна картина деградации цивилизации. Глухие суеверия плотно перемешаны с остатками технологий. Знать, что такое взрывчатка и миномет, и при этом назвать самолет железной птицей. Они сохраняют знания фрагментарно, интересуясь лишь тем, чем пользуются. – Старый ученый поморщился, поглаживая покалеченную ногу. – Однако вернемся к цели нашей экспедиции. Так вот как, значит, Великая Шаро спрятала «Наследие» от всего мира. Суеверия и предрассудки охраняют его лучше любых военизированных поясов.

– А лиги, которые ходят туда за столбить себе местечко на том свете, от самовнушения дохнут? – хмыкнул Мэрфи. – Нет, тут не все так просто. – Он покачал головой. – Какая-то защита там должна быть. Что-то, что может функционировать лет триста без всякого обслуживания. Например, жесткое излучение.

– Возможно, Стивен, возможно, – согласился академик, – лиги, несмотря на сильнейшие степени инвалидности, весьма живучи. Нам стоит быть осторожными, когда окажемся в монастыре. И все же, полагаю, наше снаряжение способно обеспечить нам приемлемую защиту. То, чем охраняется «Наследие», не может быть слишком смертоносным. Ведь «Наследие» создавалось и пряталось еще до наступления хаоса, и место, в котором люди мрут, как мухи, привлекло бы внимание. А целью Шаро и ее соратников было как раз обратное.

– А как же смерть всех тех лигов, что умирали на второй день после возвращения из монастыря? – спросил Дик. – Если это радиация, то полученная доза должна быть очень большой!

– Думаю, что те, кто ходил туда, и без того были слабы или и вовсе

находились на грани смерти, – предположил Райли, – поэтому радиация лишь ускоряла процесс разрушения организма. Заметьте, в монастырь приходили лишь отчаявшиеся лиги. То есть, очень больные особи.

– У меня есть встроенный счетчик Гейгера, – Тэйлор поднял вверх левую руку, – в рабочем состоянии. Я проверял перед вылетом из любопытства. Мне раньше не доводилось видеть такую модификацию скафандра.

– Вот и отлично, – подытожил Райли, – в крайнем случае, мы сможем заранее узнать о критическом нарастании радиационного фона.

– До монастыря надо еще добраться, – заметил Мэрфи, – и сами мы будем делать это слишком долго. К тому же рискуя нарваться на хайнаньцев. Нам нужен проводник. – Он посмотрел на Дика. – Ты слышал, Картрайт?

– Но, сэр, Лу категорически отказывается вести нас в монастырь! – воскликнул Дик. – Она напугана и считает, что мы все погибнем!

– Ну так иди и категорически убеди ее в обратном, – усмехнулся капитан. – Расскажи о чудесах высоких технологий и все такое.

– Сэр! – растерялся Дик. – Я целый час пробовал это сделать, она не соглашается ни в какую! Я не знаю, как еще ее убедить!

– Пообещай на ней жениться! – хмыкнул Мэрфи. – Обычно это помогает.

– Я серьезно, сэр!

– А если серьезно, Картрайт, – жестко отрезал капитан, – то это ты переводчик. И это твоя проблема, как убедить девчонку. Иначе я решу этот вопрос сам. Вколю ей морфий, и уже завтра она будет готова на себе тащить нас в пещеры.

– Стивен! – Райли укоризненно посмотрел на Мэрфи. – Не будь столь жесток к ним, они же еще дети! – Старик перевел взгляд на Дика. – Мистер Картрайт, я уверен, вы сможете убедить ее. Расскажите ей правду. Это поможет.

– Стоит ли, Лайнел? – нахмурился капитан.

– Думаю, да, Стивен, – кивнул академик, – нам сейчас пригодится любая помощь. Да и терять нам, в общем-то, уже нечего. Стараниями нашего дорогого Президента для своих мы мертвы, для чужих – террористы, для лигов – были и останемся извечными врагами. Наш единственный шанс – это отыскать «Наследие» и запустить его, что бы оно ни было. Идите, молодой человек, я верю, что мы сможем все решить миром.

Дик уговаривал Лу три часа. Он в деталях рассказал ей все, что знал. О

«Наследии», о проблемах Центров и неуклонном вырождении и людей, и лигов по всему миру. Ситуацию облегчило то, что Лу хорошо знала легенду о «Наследии», правда, Дикун пришлось умолчать о ее главных различиях с версией чистых. В конце концов, Лу сдалась.

– Ты думаешь, что «Наследие» Шаро Милосердной спрятано в монастыре Мертвых? – недоверчиво переспросила она.

– Я в этом абсолютно уверен! – воскликнул Дик. – Самые умные ученые раскрыли тайну этого места! Оно там, в пещерах под монастырем! И мы сможем туда пройти. Наши скафандры защитят нас!

– Это похоже на правду, – задумчиво сказала девушка, – легенда говорит, что «Наследие» придет в мир на крыльях большой железной птицы, и вот появляешься ты. И отец рассказывал, что жестокие не могут дышать чистым воздухом, он немедленно убивает их. Но они защищены резиновой кожей... Но почему мертвые охраняют «Наследие» и не отпускают никого, кто спускается в пещеры?

– Это не мертвые не пускают, Лу – Дик, памятуя о прежних неудачных объяснениях, решил подойти к вопросу с другой стороны. – Это само «Наследие» не пускает к себе никого. Так Шаро Предрекая защитила его от злых людей.

– Почему же ты думаешь, что оно пропустит тебя? – нахмурилась она. – Ты, конечно, добрый, но туда приходили люди ничуть не хуже!

– «Наследие» пропустит того, у кого есть ключ, – терпеливо объяснял Дик, – и мы знаем, где он! Он спрятан в самом монастыре, надо лишь взять его, и путь свободен! Помоги нам, Лу, и очень скоро весь мир изменится! Не будет больше ни вражды, ни страданий!

– И я смогу видеть днем? – Желтые кляксы глаз Лу буквально вспыхнули надеждой. – Мне не будет больно?

– Эээ... – замешкался Дик. – Не знаю, честно. Но все может быть. В#конце концов, ученые смогут разработать специально для тебя очки со светофильтрами... чтобы можно было видеть днем... Это надо спросить у академика Райли, он самый мудрый из них.

– Хорошо! – решительно тряхнула головой Лу. – Я помогу вам. Я отведу тебя и твоих друзей в монастырь Мертвых.

– Спасибо, Лу! – Дик готов был прыгать от счастья. – Ты просто сокровище!

– Но у меня есть два условия! – Она погрозила ему пальцем.

– Да-да, конечно! – торопливо согласился он. – Все, что в наших силах!

– Первое. Я доведу вас до монастыря, но внутрь не пойду. Я останусь

ждать вас снаружи! – заявила девушка.

– Разумеется! – подтвердил Дик. – Мы бы и сами не взяли тебя внутрь, у тебя же нет скафандра, там может быть опасно! А второе?

– Пообещай мне, что вы не бросите меня потом! И заберете с собой жить в вашем городе под прозрачным пузырем!

Дика словно окатили напалмом из огнемета. Он растерялся настолько, что в первое мгновение даже не знал, что и ответить. Глядя на лицо Лу, с каждой секундой становящееся все более мрачным, он понял, что рискует испортить все то, чего добился за эти три часа.

– Понимаешь, Лу... – начал было он.

– Я знала, что ты хочешь меня обмануть! – в сердцах воскликнула девушка. – Отец предупреждал меня, что жестоким нельзя верить!

– Нет! – решительно заявил Дик. – Просто я не могу дать тебе такое обещание! Ты же знаешь, что нам самим теперь некуда идти! Наш Центр за океаном, а самолет разбился!

– Ладно, – успокоилась она, – тогда пообещай, что вы не бросите меня и заберете с собой, куда бы вы ни отправились жить! Может, вы уйдете в другой пузырь!

– Хорошо, – сдался Дик, – обещаю. Я тебя не брошу и возьму с собой.

– Договорились! – Лу просияла, как ребенок, чуть не подпрыгивая от радости, – тогда выходим, как только стемнеет!

– О! Картрайт, да ты делаешь успехи! – язвительно хохотнул Мэрфи, поправляя лежащие на плечах жерди носилок. – Так цинично обвести вокруг пальца девчонку! Если мы вернемся домой, я бы посоветовал тебе задуматься о политической карьере. Немного практики, и ты станешь достойным Президентом! Тут ведь что главное? – риторически спросил капитан. – Правильно! Грамотно пообещать!

Дик удрученно молчал. Спорить с Мэрфи было опасно для здоровья, да и не в этом дело. Капитан был прав, и это больно ранило Дика. С того самого момента, как он дал Лу обещание, все его естество разрывалось надвое, терзаемое противоречиями. С одной стороны, он не мог поступить иначе, ведь на карту поставлена судьба планеты и человечества. С другой – он подло обманул человека, полностью доверившегося ему и продолжавшего рисковать для него своей жизнью. Чем дольше он размышлял обо всем этом, тем сильнее его охватывала депрессия.

– Ладно, капрал, разговор окончен, – произнес Мэрфи, – иди, займи свое место, а то твоя китайская Джульетта будет волноваться. И еще одно, – он взял за локоть уже уходящего Дика, – ты сделал все правильно. У тебя

не было другого выбора, слишком неравные грузы лежали на разных чашах этих весов. – Он секунду помолчал и закончил уже совсем другим, далеким и задумчивым тоном: – Кто знает, что с нами будет потом, капрал, после того, как мы отыщем «Наследие»... Куда мы пойдем? Может статься, что ты ее совсем не обманул... – Он посмотрел куда-то вдаль и неожиданно резко хлестнул командой: – Свободен!

Дик поспешно перешел на бег, выходя в голову отряда. Они шли через джунгли второй час, пробираясь сквозь токсичные заросли практически в кромешной тьме, и при этом скорость их движения значительно возросла. Первой шла Лу, легко выискивая во тьме затерянные в густой растительности тропы. За ней двигался Дик, замыкали их нехитрую колонну Мэрфи и Тэйлор, тащившие самодельные носилки с академиком. К вечеру Райли стало хуже, и капитану пришлось вколоть ему еще одну дозу морфия. Старик забылся наркотическим сном, что было к лучшему. Многочасовую тряску ночного перехода, отдававшуюся болью при каждом движении, сердце старого академика могло не выдержать.

За время, проведенное в земляном убежище, ранец Дика существенно опустел. Пищевых и водных картриджей поубавилось, лямки уже не давили на поломанные ребра с такой силой, как раньше, и он довольно сносно держал скорость. Но иногда, запутавшись в темноте в липких от гнили стеблях, Дик спотыкался, и травма немедленно давала о себе знать. Несколько раз из-за этого он терял из виду стройную фигурку Лу, и тогда ему приходилось окликивать ее и просить сбавить темп. Лу останавливалась, ждала, когда их небольшой отряд догонит ее, и снова бесшумно скользила в ночную тьму. Вид полуобнаженной девушки, запросто шагающей через ядовитые джунгли, был зрелищем не из обыденных. Дик подумал, что, скажи кто ему об этом еще три месяца назад, когда он сидел на трубе у «Пэйджа», считая свою службу самой опасной и значимой во всем Альянсе, он никогда не поверил бы, что такое вообще возможно.

За ночь прошли чуть больше двадцати километров. Лу выбрала место для дневного лагеря, отыскав небольшой завал из нескольких рухнувших деревьев, сильно подточенных грибком. Опутавшие их скрюченные стволы заросли сорняков образовывали нечто вроде укрытия, которое Мэрфи немедленно превратил в неплохое убежище, тщательно замаскировав нарубленной растительностью. Лу от пищевого картриджа отказалась, съев пару каких-то совершенно жутких на вид плодов, надела на глаза черную повязку и уснула, забившись в самый дальний угол их укрытия.

Мэрфи объявил, что, по его расчетам, до «Наследия» осталось топтать

чистыми еще километров тридцать–тридцать пять, и если все пойдет нормально, то через два ночных перехода они будут в монастыре. Он распределил часы дежурства и улегся спать. Дику выпала первая смена, и быстро оказалось, что его опасения заснуть на посту от усталости были напрасными. Несколько раз он слышал далекое рычание моторов на дороге под горным склоном, дважды с неба доносилось стрекотание вертолета. Непреодолимое поначалу желание поспать сразу же сменилось тревожным ожиданием увидеть идущую через заросли шеренгу хайнаньских солдат. Даже после того, как его сменил неизменно молчаливый Тэйлор, Дику не сразу удалось уснуть.

С наступлением сумерек отряд продолжил путь. Через час Лу остановилась и позвала Дика.

– Дальше тропа проходит недалеко от общины Сыджоу. Нас могут заметить, поэтому вам лучше подождать здесь, пока я схожу вперед и посмотрю, что там.

– А нельзя обойти это место? – спросил Дик.

– Лучше не надо, – Лу отрицательно покачала головой, – слева будет большой крюк, и выйдем на дорогу, по которой днем ездили жестокие. Справа опасные джунгли, там живут хищные пятнистые кошки, они могут напасть на нас с деревьев.

– Тогда иди, мы подождем. – Дик вспомнил когтистую тварь, за несколько секунд распоровшую грудь Норманну.

Лу растворилась в ночи. Через несколько секунд к Дику подошли капитан и сержант с носилками на плечах.

– Почему остановились, капрал? – Мэрфи подозрительным взглядом окинул окрестности. – А где девчонка?

Дик объяснил.

– И ты отпустил ее одну? – удивился капитан, но тут же махнул рукой: – Ладно, не важно. Захотела бы сбежать, уже давно бы ушла. – Он оглянулся на сержанта. – Ставим!

Они сняли с плеч носилки и поставили их в траву, выбирая место поглубже, чтобы лежащего без сознания Райли не было видно.

– Но на всякий случай круговую оборону мы все же займем, – добавил Мэрфи, снимая висящий на груди пулемет.

Капитан с Тэйлором засели в зарослях по обе стороны от едва заметной тропы, и Дик остался один. Стоять без оружия посреди погруженных в крошечную тьму токсичных джунглей было крайне неудобно, и он, немного поколебавшись, спрятался за разлапистый сорняк. Лу наверняка заметит его и так. В крайнем случае, он ее окликнет...

Спустя несколько минут его присутствие заинтересовало местную мутафауну. Густая растительность у самой земли шевелилась то справа, то слева, скрывая шныряющее вокруг Дика зверье. Он старательно пытался не обращать на это внимания, но воображение предательски рисовало самые жуткие картины, смысл которых сводился к одному: его съедает заживо.

Лу вернулась через час. Выяснилось, что вчера община Сыджоу подверглась нападению жестоких, понесла большие потери и теперь находится на военном положении. Жители, опасаясь попасть в рабство, попрятались в лесных норах, охотники рассыпались в зарослях, окружающих засеянные клочки земли, пытаясь охранять оставшиеся без присмотра посевы от диких зверей. Старейшина выслал посольство с подношениями за горы, к воинам, с просьбой о помощи. Кроме того, жестокие продолжают искать чужаков и разбили лагерь у подножия Третьей горы. Поэтому на лесных тропах охотники установили множество ловушек.

– Мы сможем пройти, мешать нам не будут, – закончила рассказ Лу, – помогать тоже. – Она погрустнела. – Они считают вас виноватыми в их бедах, и... меня тоже. Все, чего они хотят, это чтобы мы поскорее ушли подальше от их общины. Охотники очистят для нас одну тропу, снимут ловушки и не будут нам мешать. Мы можем идти.

– Они не ударят нам в спину? – насторожился Мэрфи.

Дик перевел вопрос.

– Нет, – твердо ответила Лу, – на жестоких нападают только воины. У простых охотников нет ни желания, ни надежного оружия, чтобы сражаться с жестокими. И все понимают, что грохот ваших пулеметов привлечет сюда жестоких из лагеря у подножия Третьей горы. Если они нагрянут сюда, община погибнет. Нет, нам не будут препятствовать. Надо идти, пока темно. Утром нас вновь начнут искать.

Отряд двинулся дальше. Монотонное движение через джунгли слилось для Дика в бесконечную цепочку шагов, пролегающую сквозь однообразную гниль токсичных зарослей. Покрытые язвами грибков и гниющих наростов чахлые скрюченные деревья и густо осыпанные мутной болезненной сыпью гигантские сорняки были для него все «на одно лицо», и постепенно возникло обманчивое ощущение движения по кругу. Дик поймал себя на мысли, что вот уже несколько часов смотрит только на мелькающие в темноте стройные бедра Лу, идущей впереди, совершенно забыв об осторожности. Зато Мэрфи постоянно вертел головой и прислушивался к ночным звукам.

– За нами следят, – сказал он Дику на очередном привале, – как

минимум трое уродцев идут следом.

Дик спросил у Лу.

– Это охотники общины Сыджоу, – ответила девушка. – Наверное, старейшина послал их за нами, чтобы убедиться, что мы покинем их земли. Жестокие вчера убили у них семь человек, и он боится, что они придут снова, если мы не уйдем. Поэтому охотники идут вокруг нас, отгоняют диких зверей и снимают ловушки, чтобы мы не задерживались.

Земли Сыджоу покинули за полночь, и невидимые охотники лигов пропали. До самого утра отряд двигался без происшествий, только старому академику пришлось сделать еще одну инъекцию морфия. Мэрфи ободряюще поболтал со стариком, пообещав, что цель их путешествия совсем рядом. Он вколол ему шприц-тюбик, и после того, как Райли забылся наркотическим сном, хмуро сообщил:

– У него началась гангрена. Без медицинской помощи старик долго не протянет. Мы не можем бесконечно держать его на наркотиках, морфий заканчивается. Картрайт, сколько у тебя шприцов?

– Три, сэр! – Дик проверил аптечку. – Может, отдать их вам?

– Нет, пока рано, – покачал головой капитан, – у меня один, и у Тэйлора есть небольшой запас. Я возьму у него. Свои оставь при себе... – Мэрфи бросил на Лу мимолетный взгляд. – Мало ли что...

– Сэр, я уверен, что до этого не дойдет! – горячо воскликнул Дик. – Она искренне помогает нам! Она не подведет!

– Дурак ты, Картрайт, – устало ответил капитан. – А если завтра хайнаньцы продырявят ей ногу, ты ее чем будешь успокаивать? Споешь колыбельную?

– Виноват, сэр! – сконфузился Дик. – Не подумал...

– Это твое любимое занятие, Картрайт, – махнул рукой Мэрфи, – не думать... Спроси у нее, сколько еще до монастыря? Картам этого чертового навигатора я даже не знаю, сколько лет. Ни черта не поймешь!

Лу ответила, что они должны достигнуть монастырской ограды завтра к полуночи, если сегодня до рассвета успеют миновать перевал. Услышав ответ, капитан свернул привал, и отряд отправился в дальнейший путь.

К перевалу вышли уже в предрассветной мгле. Перевал был начисто лишен растительности, его поверхность была покрыта заскорузлой глиной, густо испещренной паутиной сухих трещин. До противоположной кромки джунглей было не меньше трех километров, и Лу беспокоилась, поглядывая на быстро светлеющий горизонт.

– Скажи ей, пусть наденет свою повязку, – сказал Мэрфи, перехватив ее взгляд. – Поведешь ее за руку. До леса мы дойдем и сами. В зарослях

будет еще не так светло, она успеет найти укрытие для привала.

Дик перевел Лу слова капитана, и девушка согласилась. Отряд вышел на открытую местность и двинулся почти бегом. Дик, таща практически опустевший ранец, едва успевал за сержантом и капитаном, нагруженными тяжелыми носилками. Он не переставал удивляться выносливости Мэрфи, а могучий Тэйлор, казалось, и вовсе был сделан из железа, и такое понятие, как усталость, было ему незнакомо. Дику то и дело приходилось переходить на бег, чтобы не отстать. Лу держалась спокойно, молча двигаясь рядом с Диком, и лишь судорожная хватка пальцев, сжимающих его ладонь, выдавала ее волнение.

Когда отряд достиг джунглей, было уже довольно светло. Стоящий в густых зарослях полумрак медленно таял, и Лу приходилось закрывать слезящиеся глаза от света, прикладывая к бровям ладошку, словно козырек. К тому времени, когда укрытие удалось найти, она уже беззвучно плакала от острой боли.

Лу присмотрела в качестве убежища глубокую яму, которую Мэрфи с Тэйлором перекрыли несколькими рухнувшими деревьями, набросав сверху листья и растительности. В результате получилась довольно глухая землянка, почти не пропускающая свет. Оказавшись в темноте, Лу успокоилась и уснула, прижавшись к Дику. К удивлению Дика, капитан решил ее не тревожить и первое дежурство отдал сержанту. Дик подумал, что на самом деле Мэрфи не до такой степени злобен, как о нем думают. Наверное, это инвазивность сделала его таким. Точнее, отношение людей, с которым инвазивные сталкиваются каждую минуту своей жизни. За этими мыслями он сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

– Картрайт! – Тихий настойчивый шепот пробился сквозь пелену сна. – Просыпайся, капрал! – Кто-то тряс его за плечо. – Проснись, дьявол тебя побери!

Дик открыл глаза и увидел склонившегося над ним Мэрфи с пулеметом в руках.

– Сэр, я... – спросонья Дик решил, что проспал свою смену.

– Заткнись! – оборвал его капитан. – Буди свою подружку, живо! Уходим!

Лу, почувствовав возню, уже подняла голову.

– Что случилось, Дик? – Она осторожно приподняла повязку, открывая глаз. – Уже вечер?

– Тихо! – оборвал их капитан, приложив ладонь ко рту в знак молчания. – Слышишь?

В наступившей тишине сверху отчетливо слышался стрекот летящего вертолета.

– Я только что с опушки, – сообщил Мэрфи, – на той стороне перевала полно хайнаныцев. Похоже, они идут по нашему следу. Через час они будут здесь, а до темноты еще не меньше четырех часов. Надо немедленно уходить. Шевелись!

Дик вскочил и потянулся за своей поклажей, на ходу объясняя Лу, в чем дело.

– Но я не смогу видеть! – в отчаянии воскликнула она.

– Я поведу тебя за руку, – успокоил ее Дик, – а как стемнеет, ты отведешь нас к монастырю. Не бойся, все будет хорошо, капитан Мэрфи не даст им нас отыскать.

– Скажи ему, чтобы не шел к монастырю напрямик, там обрыв! – посоветовала Лу. – Если смотреть на вершину, то можно заметить у нее два горба. Пусть идет к левому.

Дик перевел ее слова капитану.

– Вовремя, – одобрил Мэрфи, – Картрайт, что у тебя в ранце?

– Уже почти ничего, сэр, – Дик распахнул рюкзак, – четыре водных картриджа и два пищевых...

– Понесешь в руках, – решил капитан, – сорвешь по дороге лист покрупнее и завернешь. Давай сюда ранец!

Дик поспешно вытряхнул из рюкзака содержимое и протянул пустой ранец капитану. Тот принялся быстро набивать его землей, травой и смятым пластиком использованных картриджей.

– Наружу, быстро! – коротко бросил он. – Там Тэйлор. Уходите к вершине, я догоню!

Дик подсадил Лу, помогая ей выбраться наверх, и вылез сам, бросив взгляд на Мэрфи. Капитан закрыл набитый ранец и достал из подсумка гранату.

– Куда идем, капрал? – Дик не сразу заметил засевшего в зарослях сержанта.

– Вон на тот горб!

Дик поискал глазами горную вершину в разрывах густой растительности.

– Тот, что левее!

– Тогда вперед! – Тэйлор присел и вытащил из травы академика. Старик был без сознания.

Сержант взвалил Райли на плечи и направился в указанную сторону.

Дик, таща за собой Лу, поспешил вперед сержанта, стараясь выбрать

путь полегче, отыскивая самые редкие заросли. Вскоре их догнал Мэрфи, с пулеметом на груди и носилками в руках. Райли переложили на них, и маленький отряд пошел быстрее.

Двигались молча, стараясь держать максимальный темп. Дик надеялся, что с наступлением темноты хайнаньцы отложат погоню до утра, или хотя бы их скорость уменьшится. А главное, Лу начнет видеть и проведет их самым коротким путем. Главное — это добраться до монастыря, а там уже им никто не сможет помешать! Он убеждал себя, что Райли и Мэрфи точно знают, где именно в монастыре искать «Наследие», и никаких проблем с этим не возникнет.

Через час до них глухо донесся звук взрыва. Капитан коротко выругался.

— Нашли ранец. Значит, идут точно по нашему следу. Они не случайно тут оказались! — Он, словно хищник, поводящий носом по ветру, медленно осмотрелся вокруг. — Что-то не так... Всем стоп!

Мэрфи остановил отряд и приказал залечь в густых кустах.

— Я схожу осмотрюсь, — сообщил он. — Тэйлор, на тебе тыл. Картрайт, следи за девчонкой и Райли.

Капитан растворился в джунглях. Дик замер, стараясь прислушиваться к окружающим его звукам.

— Дик! — тихо прошептала Лу. — Тут кто-то есть! Я слышу крадущихся людей! — Она в страхе сжалась в комок, вжимаясь в густую траву.

— Тише, Лу, — попытался ободрить ее Дик, — все будет хорошо, я с тобой...

В этот момент академик Райли открыл глаза и, не увидев вокруг себя ничего, кроме травы, попытался сесть, тяжело опираясь на руки.

— Стивен? Мистер Тэйлор? — позвал он. — Джентльмены, где вы?

Со стороны кустов что-то коротко свистнуло несколько раз подряд, почти сливаясь в трель, и Райли слабо вскрикнул. Дик обернулся и увидел с полдюжины стрел, торчащих из груди академика. Райли обмяк и рухнул на землю.

— Мистер Райли! — закричал Дик и бросился к академику.

— Куда?! — раздался окрик Тэйлора. — Картрайт, ложись!!!

Но пока Дик понял, что к чему, было уже поздно. Из кустов хлынули лиги, кто-то прыгнул ему на спину, и Дик покатился по траве. Сразу несколько уродцев навалились на него сверху, размахивая дубинами. Он оттолкнул кого-то ногами и безуспешно пытался сбросить с себя остальных, вытягивая руки навстречу занесенным дубинам. Краем глаза он увидел, как убегающую в джунгли Лу сбили с ног и потащили в кусты.

Отрывисто загрохотала винтовка Тэйлора, раздались вопли. Последнее, что увидел Дик, была опускающаяся на голову дубинка, зажатая в покрытой гнойниками руке.

– Живой? – Вымазанный в крови Мэрфи всмотрелся в лицо Дика. – Посмотри вверх! Теперь влево... вправо... сколько пальцев? – Он поднес к его лицевому щитку руку, оттопырив пару пальцев буквой «V».

– Два... – Дик поморщился от головной боли.

Он сидел, прислоненный спиной к скрюченному дереву. Рядом с ним сидела всхлипывающая Лу и стирала с себя пятна крови листом какого-то куста. В паре шагов от них Тэйлор склонился над телом академика, снимая с его скафандра какое-то снаряжение.

– Значит, жить будешь, – резюмировал капитан, – ты очень вовремя очнулся, Картрайт. Нужна твоя помощь, сам я ни черта не могу понять!

Мэрфи легонько ткнул окровавленным мачете куда-то вниз. Дик скосил глаза и увидел лига, придавленного к земле капитанской ногой.

– Дик! – восторженно вскрикнула Лу, услышав его голос. – С тобой все в порядке?

– Нормально, – ответил он, ощупывая гермошлем на голове, – шишка будет, и всего-то! – Он посмотрел на Мэрфи и добавил по-английски: – Кажется, мой гермошлем поврежден, сэр.

– Каркас раздроблен, но герметичность не нарушена, – ответил капитан, – я проверял. А теперь, капрал, быстро выясни, что тут произошло. На нас напали эти вонючие уродцы, а твоя подружка, помнится, обещала, что им такое не свойственно. Они и ее чуть не уволокли. Эта мерзость, – он надавил ногой на жалобно пищущего лига, – что-то там бубнит на своем языке, но мне не понять!

– Лу, ты не пострадала? – Дик с тревогой посмотрел на девушку. – Капитан говорит, что тебя хотели убить! Что происходит? – Он попытался встать.

– Меня спас твой друг, – всхлипнула Лу, – со мной все хорошо. Только очень страшно... Я думала, что будет, как тогда, около дома... – Она вновь всхлипнула, роняя слезы из-под повязки.

– Все будет хорошо. – Дик осторожно погладил ее по руке.

– Побыстрее, Картрайт, – недовольно одернул его капитан, – хайнаньцы наверняка слышали выстрелы и идут сюда. У меня нет времени вытирать сопли вам обоим. Надо уходить, и я хочу знать, есть ли еще засады впереди!

Дик опустился на колени перед пленным лигом и спросил:

– Почему вы напали на нас? Кто еще подстерегает нас и где? Говори или умрешь мучительной смертью!

Лиг, оскалив уродливую, по-волчьи вытянутую пасть, засмеялся, задрыгав кривыми руками.

– Ты пугаешь меня мучениями, жестокий? – шепеляво выдохнул он. – Что ты знаешь об этом?

Судя по всему, Мэрфи понял насмешку без перевода, потому что мачете с размаху опустилось на ногу лигу, в одно мгновение выхватывая из покрытого опухольями бедра кусок гниющей плоти. Лиг заорал от боли.

– Я — ничего, – ответил Дик, – но вот мой друг в этом большой специалист. Так ты будешь говорить или ему продолжать? – Он изо всех сил старался сохранять спокойствие, убеждая себя, что присутствует не на пытке беспомощного инвалида, но на допросе, от которого зависит судьба «Наследия», а значит, и всего мира.

– Продолжайте! – оскалил гнилые зубы лиг, отхаркивая перемешанную с гноем кровь. – Сколько бы страданий вы ни причинили мне, они все равно закончатся раньше, чем если бы я жил дальше! – Он рассмеялся безумным смехом.

– Ну? – Мэрфи вопросительно посмотрел на Дика.

– Бесполезно, – ответил тот, – он ничего не скажет.

– А вот это мы еще посмотрим! – философски протянул капитан, ударом ноги переворачивая лига на спину. – Раздробленные коленные чашечки дают очень неприятные ощущения, знаете ли, особенно если в них медленно поковырять ножом.

– Лучше ответь нам, – Дик побледнел от ужаса, поняв, что Мэрфи не пошутил, а всерьез собрался сделать это с пленным, – иначе я ничем не смогу помочь тебе!

– Помочь мне?! – Вымазанное гнойной кровью уродливое лицо лига вновь растянулось в безумном оскале. – Твой друг уже помогает мне, жестокий! – Харкающий смех продолжился.

– Подождите! – вдруг подала голос Лу. – Дик, проводи меня к этому человеку. Я поговорю с ним!

– Сэр, пленный не хочет говорить, но Лу считает, что у нее получится... – Дик посмотрел на Мэрфи.

– Быстрее, Картрайт, быстрее! – Капитан сердито поморщился. – У нас каждая секунда дорога!

Дик взял Лу за руку и подвел к лежащему лигу. Девушка на ощупь склонилась над его лицом и что-то тихо зашептала ему на ухо.

– Клянись душами предков! – Лиг дернулся, хватая ее за руку.

– Дик, – она обернулась к нему, – если ты дашь ему ласковое жало, он расскажет все. Сразу после того, как жало вонзится в него, но до того, как оно впрыснет свой яд.

– Ну, что он говорит? – поторопил его Мэрфи.

– Он хочет укол морфия в обмен на информацию, сэр! – озадаченно ответил Дик. – Лу считает, что он не врет...

– Дьявол, Картрайт! – Мэрфи посмотрел на него, как на идиота. – Ну так дай ему! Нам нужны сведения о противнике! Мертвым морфий не поможет!

Дик торопливо достал из подсумка аптечку и извлек шприц-тюбик с морфием. При виде шприца лиг и Лу, словно по команде, затаили дыхание и уже не сводили с него глаз. Дик снял защитный колпачок и вонзил иглу в бедро лига. Тот задрожал всем телом, не то от восторга, не то от ужаса.

– Говори! – потребовал Дик.

– Клянись душами предков, что он сожмет его! – Лиг вперил в Лу горящий взгляд. – Клянись!

Лу неуверенно посмотрела на Дика.

– Можешь поклясться, – кивнул ей Дик, – шприц одноразовый, даже если его не использовать, все равно придется выбросить.

– Клянусь душами предков, – произнесла Лу.

Уродливый инвалид глубоко вздохнул и на одном дыхании выпалил длинную фразу, не сводя глаз со шприца. Он замолчал, и Дик, тоскливо прищурившись, сжал пальцы, сдавливая мягкий пластик шприц-тюбика.

– Не обманул... – Перекошенное лицо лига начало постепенно расслабляться, злобная гримаса сменилась выражением умиротворения. – Не обманул... – повторил он, – да простит тебя Шаро Милосердная, жестокий...

– Что он сказал? – Мэрфи оторвал от лохмотьев лига клочок и стер с мачете кровь.

– Хайнаньцы пообещали любому лигу, кто принесет им наши головы, по дозе морфия за каждую, – ответил потрясенный полученной информацией Дик, – на нашем пути еще три засады, кроме того, по нашим следам хайнаньцев ведут местные охотники.

– Своевременная информация. А новости-то какие приятные! – произнес капитан. – А теперь идем, время не ждет!

Он взял в руки свой пулемет и первым исчез в зарослях. Дик, сжав руку Лу, последовал за ним. Последним шел Тэйлор, через каждый десяток метров оглядываясь назад.

Первую засаду удалось заметить прежде, чем лиги увидели их отряд.

Мэрфи сделал рукой пару жестов, отдавая сержанту молчаливую команду, и метнул в лигов гранату. Взрыв застал уродцев врасплох, среди них вспыхнула паника, и прицельный огонь двух стволов довершил дело. С десяток мертвых лигов осталось лежать в траве, остальные разбежались в разные стороны.

Минут десять двигались бегом, стремясь уйти от места боя как можно дальше. Вскоре в небе раздался шум приближающегося вертолета, и капитан приказал залечь в густых кустах. В надвигающихся сумерках вертолет хайнаньцев шел с включенным прожектором, скользя над самыми верхушками джунглей. Вертолетчик сделал несколько кругов над местом недавнего боя и ушел в сторону монастыря. Лу сняла повязку и повела отряд дальше, прикрывая режущие болью глаза. Вторую засаду она услышала через несколько минут. Ее скрытно обошли без боя, пройдя мимо расставленных в густой траве ловушек. Спустя полчаса стемнело, и Лу смогла двигаться увереннее.

К третьей засаде отряд вышел за два часа до полуночи. Идущая первой Лу вдруг замерла на месте, внимательно вслушиваясь в ночные звуки, и плавно отшагнула в сторону, осторожно скрываясь за листьями большого куста.

– В чем дело, Лу? – Дик, низко пригнувшись, приблизился к ней.

– Третья засада охотников там, – девушка указала рукой в ночную тьму, – но... – она нерешительно замялась, – они ведут себя как-то странно...

Позади Дика бесшумно возник Мэрфи и молча бросил на него вопросительный взгляд. Дик перевел ему слова Лу.

– Спроси, что именно ей кажется странным, – велел капитан.

– До охотников метров пятьдесят, – Дик перевел Мэрфи ее ответ, – но она их слышит. Это ее смущает, она не понимает, почему охотники так неосторожны, обычно на охоте так себя не ведут, ведь можно спугнуть добычу.

– Вот как... – нахмурился капитан, – действительно, так себя не ведут. Если только нет цели сознательно испугать эту самую добычу. – Он сделал знак Тэйлору, и сержант залег в зарослях, взяв на прицел тыл. – Спроси у нее, капрал, можно ли обойти засаду?

Дик спросил.

– Если обходить справа, то упрямся в отвесную стену, – Лу подкрепляла объяснения жестами, – там только одна тропа, она долго идет вдоль стены, затем разветвляется на две. Одна уходит вниз, к подножию, другая издали огибает вершину и выводит к перевалу. Если мы пойдем

туда, то ни-как не попадем к монастырю. Если обходить слева, то там несколько троп, все ведут вниз по склону, к обжитым местам. К самому монастырю тропы нет, туда никто не ходит, даже звери. Только страждущие, несущие подношения душам предков. Нам надо будет свернуть с тропы и идти напрямик, через джунгли. Еще через два часа пути начинается каменная монастырская дорога. Она очень старая и сильно заросла травой, но найти ее можно. Дорога ведет прямо к воротам монастыря Мертвых.

Мэрфи выслушал перевод и задумался.

– Засада впереди – это загонщики, – наконец заговорил он. – Их задача либо шумом, либо преследованием вывести нас на замаскированных ловцов. Это не подлежит сомнению, готов спорить на свой «намордник». Справа нас стопроцентно ждут, глупо не перекрыть единственную тропу. Вопрос, что именно задумали те, кто слева, и как они расположены... – Капитан снова задумался.

– На этом склоне горы есть убежище, совсем недалеко, – сказала Лу. – Не такое большое, как то, где мы прятались от жестоких, но вчетвером, наверное, поместимся. Только вот местные охотники про него знают...

– Не пойдет, – Мэрфи отрицательно качнул головой, услышав про земляную нору, – если нас не будет слишком долго, туда наверняка заглянут. Надо попытаться обойти засаду слева. Если уродцы каким-то образом не догадались, что нас интересует монастырь, возможно, мы сможем пройти мимо троп.

Дик объяснил Лу мысль капитана, и девушка согласилась:

– Мы можем попробовать. Только надо идти очень тихо. – Она посмотрела на Дика. – Ты можешь идти тихо, как твой друг?

Дик поклялся, что сделает все возможное, и их небольшой отряд медленно двинулся в обход засады. Картрайт изо всех сил старался не потревожить даже воздух, ему казалось, что по бесшумности передвижения он превзошел даже Мэрфи, однако по все более и более мрачным взглядам, которые бросала на него Лу, он понял, что ошибается.

Они удалились от засады метров на двести, и Лу ушла вперед, на разведку пути. Вернулась она через четверть часа, вид у нее был озадаченный.

– Ближайшие тропы пусты, – сказала девушка, – там нет охотников, и ловушек тоже нет. Не понимаю... Может, в этой общине не хватает охотников...

– Не нравится мне это, – в голосе Мэрфи звучало сильное подозрение, – пахнет серьезным дерьмом. Ладно, пошли. Надо

попытаться уйти как можно дальше, пока на наш след не вышла погоня.

Они вышли на тропу, и капитан приказал перейти на бег. Отряд бежал до тех пор, пока тропа не сделала поворот. На повороте Лу остановилась, и запыхавшийся Дик чуть было не налетел на нее.

– Здесь надо сходить с тропы, – заявила девушка, – дальше до самой монастырской дороги придется идти через заросли. Трава там очень сильно путается в ногах, старейшина говорил, что это души предков так испытывают тех, кто...

Легкий порыв ветра шевельнул кусты, и Лу замолкла на полуслове.

– Что такое? – переспросил Дик. – Что ты сказала...

– Тихо! – зашипел Мэрфи, замирая. – С тропы, быстро!

Они нырнули в заросли, и Лу испуганно зашептала:

– Я чувствую запах жестоких! Они там, впереди! – Она указала рукой в сторону монастыря.

Дик, крадучись, приблизился к капитану, собираясь передать слова Лу, но Мэрфи подал знак молчать и ткнул пальцем в ночное небо. Дик прислушался и уловил знакомый стрекот приближающегося вертолета.

– Сэр, Лу унюхала хайнаньцев! – зашептал он. – Они прямо у нас на пути!

– Дьявол! – выругался капитан. – Как они там оказались? Там ведь даже троп нет.

Лу выскользнула из своего укрытия и быстро подбежала к Дик.

– Они идут сюда! – тревожным шепотом воскликнула она, часто втягивая носом воздух. – Они ближе, чем раньше! Надо бежать!

– Уходим! – Мэрфи выскочил на тропу. – Скажи ей, пусть ведет бегом в чащу, а потом... а, черт!

Капитан задрал голову, разглядывая что-то, невидимое в ночных зарослях. Он поднял пулемет и ткнул стволом куда-то в темноту. Раздался негромкий стук, и из тощих ветвей в траву упал какой-то небольшой предмет. Мэрфи быстро подобрал маленькую пластиковую коробочку с грубо припаянным крючком.

– Датчик движения! – Капитан бросил коробочку на землю и ударом пулеметного приклада размозжил ее. – Вот почему на тропах никого не было! Они расставили вдоль них датчики, чтобы не засветить засаду! Теперь они точно знают, где мы! Бегом марш!!!

Отряд бросился бежать. Звук вертолета усилился, и в небе мелькнул луч прожектора.

– В кусты! – рявкнул Мэрфи, с разбега ныряя в заросли.

Но отсидеться не удалось. Едва вертолет прошел над ними, как пилот

остановил машину в воздухе. Вертолетные люки распахнулись, и из них к земле потянулись веревки. Спустя несколько мгновений по ним уже скользили вниз человеческие фигуры в боевых скафандрах.

– Нас окружают, – зло скривился Мэрфи, – с двух сторон хайнаныцы, на тропах датчики, и наверняка лиги уже спешат сюда с других направлений. Нам заранее подготовили этот мешок.

– Что нам делать, Дик? – Лу испуганно прижалась к покрытому толстым слоем ядовитых испарений скафандру Дика. – Мне страшно...

– Сэр... – Дик обернулся к Мэрфи.

– Слушай меня внимательно, Картрайт! – оборвал его капитан. – Мы окружены, и нам от них не уйти. Но один шанс у нас все-таки есть. Бери девчонку, и пусть она ведет нас к норе. Ты с ней спрячешься там, а мы с Тэйлором отвлечем погоню на себя и уведем их от того места. Как только они увяжутся за нами, вытаскивай свой тощий зад из укрытия и тащи его в монастырь. Ты получил хорошее образование и больше моего разбираешься во всем этом дерьме. Найди это чертово «Наследие» и включи его! Мне плевать, что ты с ним будешь делать, но оно должно сработать! Ты понял меня, капрал?!

– Но, сэр, – ужаснулся Дик, – я не брошу вас в...

– Заткнись, Картрайт! – отрезал Мэрфи. – Это приказ! И помни, если ты провалишь дело, я тебя с того света достану. А теперь – бегом марш!!!

Лу вывела Дика к земляной норе напрямик, продравшись через джунгли. Мэрфи и Тэйлор остались где-то позади, обмениваясь друг с другом скупыми фразами в радиоэфире. Теперь сохранять молчание уже не было смысла. Дик прислушивался к звукам боя, катящегося следом, и каждые несколько шагов оборачивался, сопротивляясь горячему желанию броситься на помощь.

– Помоги мне! – Лу уперлась руками в обломок пня, густо заросший ядовитым плющом.

Дик уперся в сочащуюся гноем кору, и пень накренился, открывая узкий лаз.

– Я полезу первой, мне не хватит сил закрыть вход! – Лу ужом скользнула в черное пятно норы. – Дик! Где ты? Залезай быстрее, прошу тебя! – донеслось оттуда.

Дик тоскливо обернулся, глядя на скачущие по зарослям многочисленные огни фонарей. Стрельба раздавалась уже совсем рядом, и казалось, что автоматные очереди гремят со всех сторон. Где-то ухнул разрыв гранаты, затем еще один. Дик услышал крик боли.

– Запомни, Картрайт, – зашипел в телефонах гермошлема голос

Мэрфи, – не выходи на тропы!

Голос оборвался, сменившись длинной пулеметной очередью и близким взрывом. Пули защелкали высоко над головой Дика, срезая листья и ветки.

– Дик! – голос Лу был полон отчаяния. – Прошу тебя, залезай!

В зарослях, метрах в двадцати левее Дика, раздался хруст ломающихся стеблей, и Картрайт торопливо упал в траву. Он залез в нору и задвинул за собой пень так быстро, словно занимался этим всю жизнь. Дик протиснулся вперед по узкой норе и оказался в небольшой тесной пещере. Лу протиснулась между ним и земляной стеной, и он почувствовал, как сильной болью в груди отзываются поломанные ребра, будто ошпаренные раскаленным железом.

Несколько минут они молча лежали, прижавшись друг к другу. Рация в норе брала плохо, эфир шипел и трещал, и напряженно вслушивающийся в треск помех Дик уже не мог разобрать отрывистых фраз боевого радиообмена. Вскоре грохот боя стало слышно даже через земляные стены норы. Автоматные очереди стучали у самого входа в укрытие, затем громыхнул взрыв, и треск эфира стих, сменившись тишиной. У Дика замерло сердце, едва он подумал о том, что может означать эта тишина. Лу осторожно вытянула из стены тонкий пучок корней, открывая маленькое смотровое отверстие, и прильнула к нему взглядом. Какое-то время она не шевелилась, и Дик подумал, что в кромешной тьме потерял счет времени, уже не понимая, лежат они так несколько минут или несколько часов. Наконец он почувствовал, как Лу шевельнулась.

– Жестокие ушли, – прошептала она, – наверху никого. Надо выбираться!

Дик протиснулся к выходу и уперся ногами в корневище пня. Несколько раз он отталкивался от него, ерзая по норе, не в силах открыть вход, но на четвертой попытке догадался упереться руками в стены, и пень поддался. Они вылезли наружу. Дик, пригибаясь, поднялся над травой и огляделся. В окружающих зарослях пулями были пробиты целые просеки, на земле чернели тела двоих погибших, возле самого пня зияла небольшая воронка. Дик торопливо склонился над трупами, боясь увидеть знакомое лицо, но цвет скафандров убитых солдат не принадлежал Колорадскому Аль-янсу.

– Пойдем, Дик, – Лу настойчиво потянула его за руку, – надо бежать! Жестокие вернутся сюда за своими убитыми и оружием!

В этот момент где-то далеко раздалась пулеметная очередь, и ночная тишина вновь забубнила стрельбой. Значит, Мэрфи еще жив, мелькнула

мысль. Дик поднял с земли китайский автомат и повернулся к Лу:

– Веди!

Лу скользнула в заросли, увлекая его за собой, и Дик побежал, запоздало подумав, что если хайнаньцы вернуться и не найдут автомат убитого, они все поймут. С другой стороны, рано или поздно они поймут и так, а идти через джунгли без оружия было глупо. Он продирался сквозь заросли, стараясь не отставать от Лу, и вслушивался в доносящуюся сзади стрельбу, пока мог различить ее звуки.

Где-то на втором часу изматывающего бега Дик запнулся обо что-то твердое и с размаху полетел в траву, громыхая скафандром и автоматом.

– Монастырская дорога. – Лу остановилась и указала тяжело дышащему Дику на заросшее высокой травой широкое каменное полотно, уходящее к вершине горы. – Она заканчивается прямо у ворот. Дальше я не пойду.

– Черт! – Дик пощелкал тумблером нашемного фонаря, – фонарь сломался! – Он ощупал рукой смятый каркас. Видимо, фонарь расплющило ударом лиговской дубинки.

– Лу, – Дик посмотрел на девушку, – ты можешь довести меня до этих ворот?

– Нет! Нет! – ужаснулась она. – Я ни за что не пойду туда! Мертвые заберут мою душу! Ты можешь дойти и сам! Не сходи с камней и через час увидишь монастырь!

– Что ж, тогда я пойду один, – согласился Дик, – спасибо тебе за все, Лу. Без тебя мы... я бы не справился.

– Дик, – жалобно ответила девушка, – а если ваша резиновая кожа не поможет и мертвые заберут и твою душу?! Разве ты не можешь остаться здесь? Мы можем спрятаться от жестоких, они не будут искать нас вечно...

– Нет, Лу, – он грустно улыбнулся, – я должен идти. Я должен найти «Наследие». Ради тех, кто погиб, делая эту экспедицию возможной. Ради тех, кто погиб, защищая меня. И ради всех тех, кто страдает от вечной боли в ядовитых джунглях, и тех, кто бесцветно существует, запертый в консервной банке Центра, живя надеждой на то, что все когда-нибудь изменится. Ради несчастной планеты, которую когда-то погубили мои предки. Я должен, Лу. – Он понял, что убеждает не только ее.

– Хорошо, – тихо ответила она, – тогда иди. – Лу отвернулась, скрывая маленькую жемчужину катящейся по щеке слезы. – Как ты пойдешь по пещерам? Твой ручной свет сломался.

– Дойду уж как-нибудь, – улыбнулся Дик, – раз Шаро Предрекшая была благосклонна ко мне до сих пор, неужели она бросит меня сейчас?

Все будет хорошо!

– Тогда иди, – произнесла Лу, не оборачиваясь, – время не ждет.

– Прощай, Лу, – сказал Дик, но она не ответила.

Он развернулся и направился вверх по старой дороге.

Все было так, как рассказывала Лу. Дорога уперлась в потемневшие от времени полусгнившие деревянные ворота полуразвалившейся монастырской стены. Нижняя часть створ давно уже превратилась в труху, образуя огромную дыру размером в человеческий рост. Дик, стараясь не зацепиться за гниющие доски, шагнул в ворота и оказался внутри монастырского двора.

Монастырь был небольшой, несколько покосившихся построек, прилипших к голому камню горной вершины, да обломки пагоды, некогда стоявшей в центре двора. Всякая растительность начисто отсутствовала на территории монастыря, и Дик усомнился в версии Райли насчет жесткого излучения. Насколько он помнил, радиация, наоборот, вызывала буйный рост растений. Хотя, кто его знает, вдруг это зависит от мощности излучения... По крайней мере, на голой земле будет легче искать мемориальную плиту, о которой говорил академик. Дик решил, что разобьет территорию монастыря на сектора и будет осматривать их один за другим, пока не отыщет плиту.

Однако долго искать не пришлось. Небольшая каменная дорожка, на которую он наткнулся в центральной части двора, привела его к скромной гранитной плите, едва выпирающей из земли. В лунном свете заботливо выбитые неизвестным мастером аккуратные иероглифы словно сами собой складывались в короткие строки:

«Здесь нет меня, нет праха, нет печали.

Хранит земля лишь след моей души,

В надежде на спасенье страждущего мира,

Слезы разбившейся хрустальную частицу».

Та самая надпись, найти которую собирался Райли. То, что она действительно обнаружилась, Дик счел само собой разумеющимся. Шаро Великая не может лгать: раз она оставила координаты «Наследия», значит, его не может не существовать. Осталось поднять плиту и найти его.

Рыл он долго. Автоматным стволом разрыхлял землю, вычерпывал ее руками и повторял всю процедуру заново. Перевернуть плиту, используя автомат в качестве рычага, Дик смог только через два часа. Под плитой

обнаружился гранитный цилиндр, который пришлось еще полчаса бить автоматом. В конце концов, когда автомат превратился в кусок искореженного металлолома, цилиндр все-таки раскололся, обнажив небольшое металлическое устройство. Дик недоуменно уставился на него, совершенно не понимая, что же дальше.

Устройство представляло собой нечто вроде электрического фонарика, совмещенного с кистевым эспандером. Только вместо излучателя света устройство имело три небольших индикатора, снабженных выгравированными пиктограммами. Первая изображала значок электрической молнии, вторая – излучающую радиоволны антенну, перечеркнутую крестом, возле третьей был нарисован ключ. Больше на загадочном устройстве не было ничего. Дик попробовал сжать в кисти рычаг эспандера. Рычаг нехотя поддался с легким жужжанием, индикатор со значком молнии коротко моргнул красным, и ничего не произошло. Тогда он подумал, что, вероятно, таким образом на устройство подается питание, и стал энергично сжимать и разжимать рычажок. Прибор зажужжал, индикатор с молнией загорелся красным и спустя несколько секунд сменил цвет на зеленый. Раздался короткий сигнал, и засветился индикатор перечеркнутой антенны. Он тускло горел несколько секунд, после чего погас. На этом все и закончилось.

Дик раз десять мучил рычажок подачи питания, и каждый раз все в точности повторялось. Тщательно все обдумав, он решил, что, видимо, индикатор с молнией обозначает уровень питания, необходимый для работы устройства, перечеркнутая излучающая антенна говорит об отсутствии некоего сигнала, а отметка ключа и означает ключ, скорее всего, это сигнал, инициирующий какую-то пусковую процедуру. Вряд ли этот прибор и есть само «Наследие». Больше похоже на то, что он открывает двери, ведущие к нему. И если академик Райли был прав, то располагаться они должны где-то в глубине пещер, что находятся под монастырем. Ведь именно туда боятся ходить местные лиги. Вот как в них попасть? Дик понял, что в спешке даже не подумал спросить Лу про пещеры. Он еще раз огляделся вокруг, но не увидел ничего такого, что могло бы явно указывать на них. Тогда он решил начать поиски с исследования монастырских построек.

Центральное здание монастыря было небольшим, сильно покосившимся строением, тем не менее выглядящим наиболее надежно из всех остальных местных сооружений. Дик толкнул закрытую дверь. Она оказалась не заперта и отворилась, негромко скрипнув петлями. В открывшийся дверной проем проник лунный свет, и Дик в изумлении

остановился, едва перешагнув порог. Все помещение было густо заставлено маленькими фигурками, изображавшими лигов. Вырезанные из дерева, вылепленные из глины и даже неуклюже склеенные из кусков пластика, они заполняли собою все – полы, полки, прогнившие подставки и этажерки и даже плоские части древних каменных статуй. Фигурок были сотни, а может, даже тысячи. Некоторые были настолько реальны, что, несомненно, являлись настоящим произведением искусства, другие были неуклюжи и едва напоминали своими очертаниями образы инвалидов, многие уже рассыпались в прах или были близки к этому. Но каждая из них была бережно установлена на ровное место и старательно направлена лицом в одно и то же место. Потрясенный Дик несколько минут рассматривал эти творения изуродованных мутациями рук, являющиеся немymi просьбами даровать быструю смерть изнуренным вечными страданиями людям.

Дик поймал себя на мысли, что впервые думал о лигах, как о людях. Он осторожно сделал шаг, стараясь случайно не задеть стоящие на полу фигурки, и аккуратно пошел по небольшой дорожке, уходящей в темноту. На выложенной желтым камнем дорожке, покрытой слоем пыли, не было ни единой фигурки. Она вела в ту самую часть здания, куда были направлены взгляды тысяч маленьких изваяний, проходя через них, словно узкая просека через густые джунгли. Дик медленно двигался вперед, с каждым шагом удаляясь от входных дверей и проникающего через них лунного света.

Зияющий чернотой провал, в который упиралась дорожка, он заметил в последнюю секунду, резко замерев на краю и судорожно дергая руками в стороны в попытке сохранить равновесие. Дик достал навигатор и решил использовать его в качестве фонаря. Конечно, в таком режиме аккумуляторов надолго не хватит, но о том, как он будет выбираться из джунглей и куда вообще пойдет, надо будет думать потом. А вот перспектива оказаться с переломанными ногами или шеей вполне конкретно стояла перед ним уже сейчас. Он включил навигатор, и тусклый свет изношенной жидко–кристаллической панели слабо озарил небольшой клочок окружающего его пространства.

Прямо перед собой Дик увидел огромную древнюю статую Будды. Каменный великан смотрел прямо на него и едва заметно улыбался, словно умудренный сединами старец, вззирающий на двадцатилетнего юношу, пребывающего в полной уверенности, что в этой жизни ему уже все известно. У подножия Будды желтая дорожка переходила в широкие каменные ступени, уходящие вниз, в чернильную темноту подземелья. Дик вытянул перед собой руку со светящимся навигатором и принялся

спускаться. Ступени привели его в целую сеть подземных комнат, пустых и пыльных. Их стены были украшены барельефами персонажей буддийской религии, время от времени тусклый свет навигатора выхватывал из темноты древние статуи, заставляя Дика испуганно шарахаться в сторону от неожиданности. Он петлял по лабиринту комнат минут двадцать, после чего вышел к ступеням, ведущим вверх. Радуюсь, что жутковатое путешествие по погруженным в вечную тьму комнатам закончилось быстро, он принялся торопливо взбираться по ступеням. Ступени вывели его к знакомой дорожке из желтого камня. Дик поводит по сторонам рукой с навигатором и увидел каменного Будду. Он понял, что в подземных комнатах блуждал по кругу и вышел туда, откуда начал свой путь. На какой-то миг ему даже показалось, что легкая улыбка разглядывающего его Будды стала немного шире...

Пришлось взять себя в руки и вновь спуститься в мрачную темноту подземелий. На этот раз Дик твердо решил абстрагироваться от нагоняющей ужас черноты, заполняющей все вокруг, и неуклонно двигаться только вперед. Он вспомнил, как Хо рассказывал ему давно забытые китайские легенды о храбрых искателях древних сокровищ, которым удавалось выбраться из любого лабиринта, пользуясь правилом правой руки. Дик приблизился к правой стене и двинулся вдоль нее, стараясь не выпускать из вида. Он подумал, что путешествие вдоль одной и той же стены гарантированно приведет его либо к цели, либо назад к выходу. Он двигался по правой стороне не меньше часа, делая повороты и ныряя во все новые и новые дверные проемы, пока его нога внезапно не шагнула в пустоту. Дик полетел вниз, истошно крича от ужаса.

– Дик! Очнись! – Что-то мокрое и теплое гладило его по лицу. – Пожалуйста... Услышь меня... – Знакомый тоненький голос всхлипнул и снова продолжил звать его по имени.

Дик открыл глаза, с трудом различив перед собой чернеющий в густом мраке хрупкий силуэт.

– Лу? Это ты? – Он попробовал коснуться ее рукой, но вместо движения руку пронзила острая боль.

Он вскрикнул, хватаясь за больное место здоровой рукой. Скафандр на левом локте был разодран, из разрыва торчали обрывки армирующих нитей, сам локоть превратился в одну большую опухоль размером с кулак.

– Рука... – застонал он. – Не могу пошевелить рукой...

– Ты упал с обрыва, – всхлипнула Лу, – я испугалась, что ты уже никогда не откроешь глаза...

Дик почувствовал, как ему на лицо падают горячие капельки слез, тут же оставляя после себя на коже холодные дорожки. Он поднял здоровую руку и попытался ощупать лицевой щиток гермошлема, но вместо этого изорванная резиновая перчатка уткнулась ему в лицо.

– Твоя стеклянная шапка разбилась! – вытирая слезы, сказала Лу. – Теперь ты не сможешь дышать и задохнешься... – Она снова заплакала.

– Если бы я не мог дышать, я бы уже задохнулся. – Дик попытался пошевелить ногами, но так и не понял, удалось ему это или нет, – все тело жутко болело. – Здесь... здесь чистый воздух, – с удивлением понял он, – немного сыро только... Лу! – он нащупал в темноте руку девушки, – как ты здесь оказалась? Ты же осталась там, на окраине джунглей!

– А куда мне было идти? – Девушка снова всхлипнула. – Я сидела и смотрела, как ты уходишь. Потом слушала лес... – она начала понемногу успокаиваться, – и не слышала ничего, кроме одиночества и пустоты... А потом я поняла, что тебе нужна моя помощь! У тебя же не работает твой ручной свет, ты можешь заблудиться в пещерах и погибнуть! Я так испугалась, когда услышала твой крик! Я думала, что опоздала... Но очень страшно было идти через Зал Подношений! Я долго не могла решиться, прости...

– Все хорошо, Лу, – он погладил ее по руке, – я рад, что ты здесь. Мне... действительно приятно видеть тебя снова. – Он оперся здоровой рукой о камень и сел. – Видишь, ты зря боялась пещер. Тут нет никаких ужасных духов, только темнота и пустота. Я даже скелетов не видел.

– Мертвые забирают их с собой, – неуверенно ответила Лу, – я видела лежащие на земле копья и топоры... Это все, что осталось от пришедших в пещеры!

– Это то, что пришедшие в пещеры потеряли в этой крошечной тьме прежде, чем удрать отсюда! – улыбнулся Дик. – Не все способны видеть в темноте, как ты! Так что бояться нечего, Лу. Теперь, когда ты здесь, мы точно найдем «Наследие», и весь этот кошмар закончится.

– Легенда гласит, что «Наследие» очистит мир, избавит нас от страданий и накажет жестоких смертью за их злодеяния! – горячо возразила ему Лу. – Ты очень добрый и хороший, Дик, но вдруг ты тоже умрешь?! Я не хочу, чтобы ты погиб!

– Глупости, Лу. – Дик принялся снимать с поясной подвески аптечку. – В варианте чистых легенда звучит наоборот: «Наследие» очистит планету и уничтожит лигов. Я думаю, все это суеверия, которыми легенда обросла за двести лет. Шаро Великая никогда не стала бы никого убивать. Я уверен, что «Наследие» призвано очистить Землю и возродить природу. Никто не

умрет, поверь мне!

– Ну... я не знаю... – задумалась она, – в твоих словах есть смысл. Но где же нам искать «Наследие»?

Дик достал устройство-ключ и, морщась от боли, поработал рычагом. Индикатор питания загорелся красным и через несколько секунд сменил цвет на зеленый. Индикатор ключа слабо вспыхнул красным огнем и спустя пару мгновений погас.

– Оно где-то здесь! – твердо заявил Дик. – Ключ чувствует его, но не может сработать. Видимо, двери еще далеко. – Он глазами поискал в темноте Лу. – Нам надо идти вглубь пещер. Ключ поможет нам отыскать «Наследие».

– Я... – Лу бережно погладила его по щеке ладонью. Кожа у нее оказалась твердая и эластичная, словно полимер, – я так рада, что ты не погиб, Дик... – она смутилась и отдернула ладошку, – ты очень сильно ударился, когда упал. Ты сможешь идти?

– Думаю, да, – Дик секунду подумал, – только надо снять скафандр, так будет гораздо легче. Да и толка от него теперь никакого.

Он ожидал, что освободиться от скафандра одной рукой будет неудобно и на это уйдет много времени. Однако затягивающие застежки и крепления системы герметизации поддались неожиданно легко. Видимо, от сильного удара при падении большинство из них пришло в негодность. Дик снял с себя скафандр, рассовал по карманам униформы медикаменты и полупустой водный картридж, после чего попытался подняться, опираясь на плечо Лу. Наступить на правую ногу оказалось очень болезненно, и, сделав пару шагов, он остановился, морщась от боли.

– С ногой что-то, – пожаловался он, – больно наступать. Давай немного отдохнем?

– Я видела недалеко копьё, давай я принесу его тебе, – предложила Лу, – будешь опираться на него, как на посох?

– Хорошая идея! – обрадовался Дик.

Лу скрылась в темноте, и он подумал, стоит ли вколоть себе антибиотик или морфий. Открытых ран не было, а боль хоть и сильна, но не нестерпима. Нет, наверное, пока с этим не стоит спешить. Он достал водный картридж и сделал глоток воды. В темноте раздались шаги Лу, сопровождаемые постукиванием чего-то твердого о каменный пол пещеры.

– Пить хочешь? – Он протянул ей картридж. – Не бойся, это обычная вода. Немного отдает фильтром, но пить можно.

– Спасибо! – Она взяла картридж у него из рук и растерянно спросила: – А где вода?

– Она внутри, – Дик улыбнулся, – вообще-то это сменный водный картридж, его в скафандр вставляют, чтобы можно было пить через специальную трубку в гермошлеме. Но можно и так. Там, сверху, что-то вроде горлышка с пазами для зажимов. Его закрывает клапан. Надави на него языком посильнее и наклони картридж. Вода польется.

В темноте послышалось слабое бульканье.

– Вода... не очень вкусная, – Лу протянула ему картридж, – отдает запахом резиновой кожи жестоких. Вот, я принесла тебе копьё.

Ему в руку лег тонкий длинный прут ржавой арматуры. Дик оперся на него и сделал пару шагов. Идти было значительно легче, только ладонь при опоре об землю немного скользила по влажной ржавчине прута.

– Так гораздо лучше, – сделал вывод Дик, – спасибо, Лу. А деревянного копья не было? Это скользит в ладони немного...

– Я тоже сначала хотела поискать деревянное, – немного озадаченно ответила девушка, – но почему-то здесь есть только железные вещи.

– Ладно, и так совсем даже неплохо! – успокоил ее Дик. – Теперь мы можем идти. Ты видишь дорогу?

– Да, – ответила Лу, – пещера уходит вглубь горы. Дорога одна, только вокруг обрывы и ямы. Но пройти можно.

– Тогда пошли.

Дик оперся на железный прут, Лу подлезла под его больную руку, поддерживая плечом, и они двинулись вглубь пещеры. Поначалу Лу весело болтала, рассказывая Дику о своем детстве, о том, как отец впервые взял ее с собой на охоту, где она увидела пятилапого тритона размером с ладонь. Тогда крошечная ящерица показалась ей ужасным монстром, и Лу от испуга залезла отцу на шею и полдня не слезала оттуда. Охота была безнадежно испорчена. Ее мелодичный смех гулко отдавался под низкими сводами пещеры, и Дик тоже смеялся, на какое-то время забыв о боли.

Но спустя полчаса Лу погрузилась, ее речь стала вялой, шаги нетвердыми. Она пожаловалась на усталость и попросила привал. Они уселись на камни, и Дик предложил ей воды. Лу сделала глоток и тяжело закашлялась, сплевывая кровью.

– Мне больно дышать... – она прижала руки к груди, – будто что-то царапает меня изнутри...

– Может, ты устала? – предположил Дик. – Или простыла? Здесь прохладно, а на тебе практически нет одежды. Вот, надень! – Он одной рукой принялся стягивать с себя форменную куртку и неожиданно оторвал рукав. Видимо, швы лопнули при падении, сообразил Дик.

– Нет, не снимай, – Лу остановила его слабым жестом, – мне не

холодно... Дышать только больно и... как-то все болит, словно после долгого перехода... Дик, можно я еще немного полежу?

– Конечно! – воскликнул Дик. – Тебе надо отдохнуть! Да и мне не помешает.

Сначала они планировали десятиминутный привал, но с каждой минутой Лу становилось все хуже. Она кашляла кровью и тихо плакала от быстро нарастающей боли. Дик взял ее ладонь в руки и пытался успокоить, в отчаянии не понимая, что же с ней происходит.

– Отпусти... – тихо попросила Лу, – больно... – воздух с хрипом вырывался у нее из груди.

Дик бережно положил ее ладонь и убрал руки. Он почувствовал, как что-то покалывает его между пальцев, словно заноза, и нащупал у себя в руке тонкую овальную пластину. Он поднес ее к глазам, пытаясь разглядеть, что это такое, и понял, что это был ноготь Лу.

– Я умираю, – прошептала она. Дик почувствовал на себе ее взгляд, – мертвые все-таки забирают меня к себе...

– Нет, ты не умираешь! – воскликнул он. – Что за глупости! Ты заболела, но это можно вылечить! Я вколю тебе антибиотик, станет легче! – Он завозился с аптечкой.

– Нет, Дик, – Лу вяло улыбнулась, – я чувствую, как предки зовут меня... Никто не возвращался из этих пещер, и теперь я поняла, почему... – Она захрипела, и ее тело изогнулось дугой от резкого приступа боли.

Дик нашел шприц-тюбик с антибиотиком и спешно вонзил иглу в бедро Лу, впрыскивая препарат. Девушка жутко закричала, схватившись за место укола, и выгнулась дугой от нестерпимой боли. Дик с отчаянием понял, что Мэрфи был прав, когда сомневался в безопасности человеческих антибиотиков для организмов лигов. Срывающийся крик Лу перешел в булькающий хрип, и у девушки начались судороги. Дик понял, что ничем не сможет ей помочь. Все, что сейчас было в его силах, это лишь смотреть, как она умирает в жестоких мучениях. Он на секунду замер, все еще не желая смириться с неизбежным, и решительно протянул руку к аптечке.

Чтобы сделать инъекцию морфия, ему пришлось придавить бьющуюся в конвульсиях девушку всем телом. Дик впрыснул наркотик и быстро спрятал пустой шприц-тюбик в карман. Лу успокоилась практически мгновенно.

– Как ты? – Дик бережно стер с ее лба капли липкого пота.

– Мне... лучше... – Лу еще тяжело дышала, но судороги уже прекратились, – ты... что произошло?

– Я вколол тебе антибиотик, – важно ответил Дик, – специальное

лекарство, которое лечит от всех болезней.

– Ты вылечил меня? – В голосе Лу удивление смешалось с детским восторгом. – Значит, предки не заберут себе мою душу? – Она поднялась и тут же закашлялась, сплевывая кровь.

– Никто не заберет твою душу! – покровительственно заявил Дик. – Это всего лишь болезнь. Скоро лекарство полностью вылечит ее, и все будет хорошо. Ты уже идешь на поправку!

– Да, я чувствую, – согласилась Лу, – мне больше не больно. Наоборот, мне очень хорошо. Только в груди немного щекотно. Но это даже забавно! – Она хихикнула. – Будто ты щекочешь меня травинкой!

Она обняла Дика и прижалась к нему всем телом.

– Спасибо, Дик! – застенчиво произнесла Лу, не отрывая головы от его плеча. – Ты снова спас меня. Я так испугалась, что предки заберут мою душу... – она вновь закашлялась, сплевывая на камни кровавый сгусток, – у меня еще идет кровь, но это ведь пройдет, да?

– Конечно, пройдет, – Дик почувствовал, как его сердце словно сжали в стальных тисках, – ты поправишься... обещаю... – Он гладил ее волосы радуясь, что не должен сейчас смотреть ей в глаза.

– Я уже поправилась! – воскликнула Лу, вскакивая на ноги.

Длинная прядь ее шелковистых волос осталась в руке у Дика, но девушка этого не заметила.

– Я чувствую себя такой легкой, как будто могу летать! – Она сделала несколько шагов. Движения получились нетвердыми, координация была нарушена. – Мне кажется, будто я пушинка! – Она засмеялась, окутанная наркотической эйфорией.

– Лу, тебе надо отдохнуть, – Дик осторожно сбросил с руки выпавшую прядь волос под камень, – ты еще не совсем здорова...

– Нет! – ласково перебила его девушка. – Я в полном порядке! Я могу идти хоть на край света! – Она вновь зашлась в кровавом кашле. – Скорее бы перестать кашлять, и тогда можно будет идти даже за край! – хихикнула Лу.

Она подбежала к Дику и потянула его за руку.

– Пойдем, Дик, мы должны найти Наследие! Разве ты забыл? – Лу качнулась, и Дик поддержал ее. Однако девушка не почувствовала потери равновесия. – Бери копье, пойдем скорее! – Она продолжала тянуть его за собой.

Следующий час они шли сквозь тьму пещеры, и Лу то рассказывала Дику о том, что окружающие их камни очень похожи на улыбающихся диких зверей или спящих жителей ее общины, то просила его рассказывать

о жизни в Центрах, удивляясь сказочным технологиям чистых. Дик говорил обо всем, стараясь отвлечь внимание Лу от кровавых сгустков, выходящих из ее груди с частым кашлем, и выпадающих крупными клоками волос. Где-то на середине пути у него отлетели подошвы ботинок, и дальше пришлось идти босиком. Наступать на шероховатый каменный пол пещеры с непривычки было очень некомфортно, и Дик захромал еще сильнее, всем телом налегая на свой ржавый посох.

– Впереди стена, – вдруг сообщила Лу, останавливаясь, – дальше идти некуда.

– Ты уверена? – озадачился Дик. – Может, рядом есть какой-нибудь мало заметный проход?

– Нет, – Лу снова зашла в кашле, – ничего нет. Пещера тут заканчивается... – Ее ноги подломились, она упала на Дика и сползла на пол. – Дик... я устала... можно мне отдохнуть?

– Конечно, можно, – Дик уселся рядом, ласково погладив ее по голове.

Волос у девушки уже не осталось, и он одной рукой стянул с себя куртку, свернул из нее подобие подушки и бережно подложил ее под голову Лу.

– Я схожу, осмотрю стену, – сказал он.

– Побудь со мной, Дик, – она слабо сжала его руку, – посиди немного возле меня, пожалуйста. Мне хочется спать, а я всегда боялась засыпать в одиночестве... я чуть-чуть посплю, и мы вместе поищем, куда еще можно пойти, хорошо? Только обещай, что ты не пойдешь без меня... ты же не видишь в темноте... можешь снова упасть... я боюсь за тебя. Обещаешь?

– Хорошо, Лу, – Дик положил ее руку в свои ладони. Лишившиеся ногтей пальцы девушки слабо кровоточили, – обещаю. Я подожду, пока ты проснешься. Никуда не пойду.

– Вот и хорошо, – еле слышно прошептала Лу, ее голос звучал нечетко, заглушаемый доносившимся из груди клочкотанием, – мне так спокойно, когда ты рядом... – Лу затихла, провалившись в беспамятство, и в наступившей тишине едва слышалось ее хриплое клокочущее дыхание.

Сердце Лу перестало биться через полчаса, но Дик еще долго сидел рядом, глядя в темноту, не в силах выпустить из рук холодную ладонь.

Сколько времени он просидел у тела Лу, Дик так и понял. Временами ему казалось, что прошли секунды, что он просто задумался и потому не слышит ее дыхания. Вот-вот Лу откроет глаза и улыбнется ему. Потом чувство реальности подсказывало, что он сидит возле трупа уже несколько часов, и надо продолжать поиски, пока у него еще остаются силы. Наконец,

Дик решился встать и на прощание в последний раз сжал ладонь Лу. От легкого давления ее кожа беззвучно лопнула и тихо расползлась в стороны. Дик испуганно вскочил, выпуская руку. Или в этой пещере что-то происходит, или его психика не выдержала частых ударов судьбы и теперь играет с ним злые шутки...

Дик решил, что стоит накрыть Лу, и осторожно достал у нее из-под головы свою форменную куртку. Он расправил одежду и взялся за ворот, чтобы осторожно постелить куртку поверх ее тела, но куртка упала на камни, оставив воротник у него в руках. Дик присел на корточки, стараясь нащупать ткань, и почувствовал, как рвутся на коленях штаны. Материал униформы разваливался без всякого напряжения. Из расползшихся карманов на землю вывалилось содержимое, глухо звякая о камень. Он подумал, что, наверное, начинает сходить с ума.

Неожиданно в памяти всплыли слова Мэрфи. Капитан как-то ответил на его очередной бестолковый вопрос колючей фразой: «Если в твоей пустой голове, Картрайт, от крылатых мыслей появляется ветер, пойди и займись делом. Это поможет». Дик решил, что сейчас самое время занять свой воспаленный мозг работой. Он торопливо пошарил вокруг себя руками, подбирая аптечку и устройство-ключ. Затем Дик встал и попытался по памяти сориентироваться в пространстве. Если он все правильно запомнил, то прямо перед ним должна быть пропасть, сзади стена, а справа тупик, которым заканчивалась пещера. Он осторожно побрел вправо, нащупывая дорогу железным копьём. На седьмом шаге кусок арматуры, вместо того чтобы упереться в каменный пол, нырнул в пустоту. Дик вскрикнул от неожиданности и выпустил из рук тянувшую его за собой железку. Ему едва удалось удержать равновесие. Он замер и тут же услышал где-то далеко внизу звук упавшего на камни металла.

С минуту Дик неподвижно стоял в крошечной тьме, понимая, что заблудился. Затем ему в голову пришла мысль, что свет индикаторов от устройства-ключа можно хоть как-то использовать для освещения дороги, ведь там механическое питание. По крайней мере, оно не закончится до тех пор, пока у него будут силы сжимать и разжимать рычаг. Дик выпрямил руку с устройством и заработал рычагом. Красный огонек индикатора питания сменился зеленым, и светодиод с пиктограммой ключа вдруг засветился ярким зеленым светом. Где-то совсем рядом вспыхнул яркий свет, мгновенно принося острую резь глазам, и Дик с криком упал на колени, закрывая лицо руками.

Боль прошла минуты через две, и он открыл глаза. То, что он в первую секунду принял за мощный прожектор, оказалось тусклым оранжевым

светом, льющим от куда-то справа. Дик огляделся. Он сидел на коленях в десяти сантиметрах от пропасти, мрачно чернеющей своей глубиной в темноте пещеры, справа от него пещера образовывала карман метров двадцати, заканчивающийся тупиком. Лу была права, дальше пути не было. Из ровной щели тупиковой стены и шел тот самый оранжевый свет.

Дик осторожно отодвинулся от обрыва и встал на ноги. Стараясь не оглядываться туда, где лежало тело Лу, он захромал к источнику освещения. Подойдя к стене вплотную, Дик понял, что загадочная лампа спрятана где-то внутри стены и освещает небольшую керамическую пластину, едва заметно выпирающую из камня. В центре пластины имелось углубление в форме большого пальца. Дик немного подумал и приложил к нему свой палец. Что-то больно укололо его, мгновенно проткнув кожу. Дик вскрикнул и поспешно отдернул руку, успев заметить, как маленькая игла со следами крови скрывается в углублении пластины.

Некоторое время ничего не происходило, и Дик молча стоял перед струящимся из камня светом, зализывая ранку в пальце. Наконец, кто-то невидимый посчитал его кровь отвечающей каким-то одному ему ведомым критериям, и в недрах камня раздался глухой шум. Прежде чем Дик успел удивиться, монолитный кусок стены в добрую тонну весом плавно ушел в пол, открывая темный проход. Дик решил, что медлить глупо, и решительно шагнул внутрь. Едва он оказался в коридоре, как скала поднялась, возвращаясь на свое место, и наглухо запечатала выход, вновь погружая Дика во тьму.

Но как только шум механизмов стих, вокруг Дика вспыхнуло освещение. Он стоял в небольшой квадратной комнате, пол, стены и потолок которой были густо испещрены крохотными отверстиями. На противоположной от него стене мягким светом загорелась большая сенсорная панель, и Дик непроизвольно затаил дыхание, узнавая смотревшую на него с экрана старую женщину. Губы Шаро Великой шевельнулись, и из невидимых динамиков прозвучала короткая фраза на незнакомом языке. Дик подошел к панели и растерянно остановился, глядя на непонятные символы. Фраза повторилась снова.

– Я... я не понимаю, – воскликнул Дик.

– Подойдите к интерфейсу управления и выберите язык. – Изображение Шаро Великой неожиданно заговорило на китайском, и непонятные символы на экране сменились иероглифами. – Основные языки: русский, китайский. Дополнительные языки вы можете выбрать, воспользовавшись интерфейсом.

Дик ткнул пальцем в группу иероглифов, выбирая вкладку

«дополнительные языки». На экране появилось небольшое меню, содержащее список из десятка других языков. Дик нашел среди них английский и коснулся надписи пальцем. Интерфейс уточнил, уверен ли он в выборе, и, получив подтверждение, неожиданно погасил панель.

– Выбранный язык не является основным, – произнес голос Шаро на английском, – поэтому вам доступна только обзорная часть базы данных. Встаньте на центр помещения и дождитесь окончания процедуры обеззараживания.

Дик повиновался, и из многочисленных отверстий мягко ударили струйки воздуха. Он почувствовал слабый пряный запах, никогда ранее ему не встречавшийся. Воздушные струи работали довольно долго, стоять без посоха с опорой на больную ногу было нелегко, и Дик облегченно вздохнул, когда процедура завершилась и часть стены с сенсорной панелью отъехала в сторону, открывая ярко освещенный проход.

– Процедура обеззараживания завершена, – сообщил голос Шаро, – вы можете пройти в центр управления.

Дик шагнул в открывшуюся дверь. Недлинный коридор привел его в небольшое круглое помещение, озарившееся ярким светом, едва он шагнул за порог. Дик в изумлении огляделся. Это место разительно отличалось от всего, что ему когда-либо довелось видеть в Центрах. Каждый квадратный сантиметр этого зала являлся воплощением высочайших технологий погибшей цивилизации, представить величие которой сейчас можно было разве только в сказочных историях Хо. Неизвестные Дику агрегаты, устройства и встроенные в стены интерфейсы плотно заполняли помещение, заставляя глаза разбегаться в разные стороны от удивления. В центре паутины множества индикаторов, цифр и бесчисленных пиктограмм во всю стену располагалась огромная электронная карта Земли, на которой тускло светилась россыпь красных огоньков, перемежаемая небольшими зелеными вкраплениями.

Дик внимательно огляделся. Похоже, все управление здесь было сенсорным, но на каждом интерфейсном экране скупо светилась одна и та же надпись: «Недоступно в режиме ограниченной функциональности». Дик пожалел, что не выбрал китайский язык, и подошел к единственному монитору, на котором было по-английски выведено: «Добро пожаловать». Он в нерешительности смотрел на надпись, пытаясь понять, что делать дальше.

– Что же делать-то? – вырвалось у него.

– Нерасчетный вопрос, – безразлично отозвался голос Шаро.

– Что это за место? Где я? – Дик машинально повертел головой,

пытаясь определить источник звука.

– Расчетный вопрос, – констатировал голос, – вы находитесь в центре управления проектом «Наследие», созданным под эгидой Международной Ассоциации Генетической Безопасности. Вы можете использовать базу данных, а также каналы связи. Голосовое управление в режиме ограниченной функциональности недоступно. Используйте интерактивный терминал.

Раздался щелчок, и динамики затихли. Надпись «добро пожаловать» на сенсорной панели сменилась интерактивным интерфейсом. Дик наскоро проглядел оглавление и выбрал вкладку «Состав и назначение проекта». Следующие три часа он не отрывал взгляда от экрана. Информация, которую он получил, настолько поразила Дика, что ему пришлось несколько раз перечитать предоставленные данные, прежде чем он смог поверить в открывшееся ему знание. Он понял, почему Шаро Великая не запустила «Наследие» при жизни, но, наоборот, тщательно спрятала его от всего мира.

Проект «Наследие» действительно существовал. Вся эта гора под старым монастырем была выдолблена изнутри и напичкана сложнейшей электроникой, огромными резервуарами и дюжиной небольших емкостей. В емкостях хранилось активное вещество, задачей которого являлась полная очистка планеты от заражения, в колоссальных резервуарах находился грандиозный генный банк, готовый к распылению по очищенной поверхности, автономные электронные системы имели многоуровневое дублирование исполнительных функций, что исключало всякую возможность сбоя. Легенды не ввали, «Наследие» действительно очистит Землю.

Вот только легенды не ввали во всем. У Дика замерло сердце, когда он смог, наконец, увидеть глобальную цель проекта. Планета, агонизирующая в безжалостной трясине генетического заражения, медленно умирала, доживая свои последние века. Все живое на ее поверхности давно мутировало и неуклонно вырождалось, принося бесплодное потомство. Математические выкладки расчетов безапелляционно били цифрами доказательств в самое сердце, демонстрируя Дику, какими будут последние десятилетия этой несчастной планеты.

Сначала на Земле умрет последний лиг. Затем – последний куст. Потом – последняя почвообразующая бактерия. Наступит эрозия, и планета превратится в мертвую песчаную пустыню, омываемую мертвыми океанами. На многие миллионы лет жизнь будет существовать лишь на бактериальном уровне. Центры Сохранения Генетических Ресурсов ничего

не изменят и никого не спасут.

Потрясенный Дик молча смотрел на покрытую красными точками карту Земли. Каждая красная точка обозначала погибший Центр. Зеленые точки обозначали еще действующие Центры. Ниже, в углу карты, была размещена небольшая информационная панель. Двести четыре Центра. Именно столько убежищ отстроила и запустила «Сёрвайвинг Корпорэйшн» незадолго до наступления хаоса. Дик медленно обводил взглядом россыпь красных точек, среди которых сиротливо затерялись двадцать семь зеленых огоньков. Он долго отказывался в это верить. Двадцать семь из двухсот четырех. На весь мир. Все это время «Наследие» безучастно следило за последними очагами вырождающегося человечества, отгородившегося от уничтоженной самим собой природы герметичными стенами Периметров. Двадцать семь Центров, погрязших в инбридинге, ветхости и научно-технической деградации, готовые отдать душу за последние крохи пищевой органики, наедине с последней сотней лет ожидания Возвращения. Вот и все, что осталось от некогда могучей цивилизации, еще двести лет назад гордо провозглашавшей себя венцом творения эволюции.

Расчеты, положенные в основу проекта «Наследие», утверждали, что через сто лет на планете не останется ни чистых, ни лигов. Лишь последние представители обезображенного мутациями животного мира будут доживать свой недолгий век в чахлах остатках больной растительности. Вот когда должна произойти активация проекта «Наследие».

Генетическое заражение невозможно вылечить. Его можно только уничтожить. В двенадцати небольших емкостях ждут своего часа двенадцать штаммов биологического агента. Вырвавшись на свободу, всеядные микроорганизмы начнут пожирать любые живые клетки, размножаясь в геометрической прогрессии тем быстрее, чем больше они будут получать пищи. «Зеленая слизь», способная с огромной скоростью переварить в себя всю биосферу, фантастическая страшилка древних ученых, стала реальностью благодаря гению доктора Сэмюэля Уэйна. Дюжина микроорганизмов была наделена поистине безграничными возможностями: способность улавливать солнечный свет, растворять и усваивать минералы, размножаться со скоростью, превосходящей кишечную палочку, заражать своими копиями, как вирусом, другие клетки и еще множество других функций. Разные штаммы микроорганизма имели свою «специализацию», отличаясь по объектам воздействия, но в целом активный агент имел одно-единственное назначение – уничтожение всего живого. Микроорганизм поглотит биосферу полностью, пожрав даже

песок.

Лишь после того, когда активный агент уничтожит последнюю искру жизни на планете и полностью лишится пищи, он быстро погибнет от голода, сконструированный иметь короткую, но кровожадную жизнь. Лишенный возможности питаться, агент погибнет в течение нескольких суток, и его останки образуют на поверхности планеты некую питательную среду. И тогда начнется вторая фаза проекта «Наследие». Автоматика приступит к распылению по поверхности планеты генного банка, сначала необходимые бактерии и микроорганизмы, затем семена, позже будут разморожены и выращены эмбрионы животных. Что-то удастся, что-то не сработает, выкладки «Наследия» давали расчетную цифру успешного приживания в новой биосфере элементов генного банка в 68%, и эта цифра была признана стоящей существования проекта. Земля будет спасена.

Вот только человеку на этой обновленной планете не будет места. Если кто-то и доживет до часа активации «Наследия», он неизбежно погибнет под действием активного реагента. Именно поэтому Шаро Предрекшая спрятала проект глубоко в недрах горы, затерянной в сердце Китая. Она не хотела смертей. Лиги или чистые – она не делала между ними разницы, для нее все они были людьми. И она до последней своей минуты надеялась, что они одумаются. Как после нее надеялся каждый из ее последователей, свято хранивший жестокую тайну «Наследия».

Дик сидел на полу, обхватив голову руками, и молча смотрел в пустоту. Он не знал, что делать. Он нашел «Наследие», но после всего, что узнал о нем, успел пожалеть об этом бесчисленное количество раз. Лучше б он его не находил. Что дальше? Этот вопрос неподъемным камнем давил на сознание. Оставить все как есть? И обречь всех тех, кто с надеждой доживет до исхода Трехсотлетия, на мучительную смерть? И потом, куда деваться самому? Остаться в центре управления до скончания века? А может, надо сообщить о находке в Альянс? Но если правительство сочтет «Наследие» опасным и попытается уничтожить его, не вырвется ли смертоносный агент наружу? Или, если проект продолжат держать в секрете, не просочатся ли сведения о нем к кому-нибудь неадекватному, пылающему неукротимой злобой на весь мир? Недаром Шаро Великая защитила дорогу к «Наследию». В пещерах под монастырем поддерживался искусственный микроклимат, в котором существовал специальный генетически сконструированный вирус, уничтожавший органику, в том числе и живые организмы. Только генетически чистый человек мог дойти до входа. Но если сумасшедшим маньяком окажется

чистый человек? Что тогда? Периметры бессильны перед атакой «зеленой слизи».

Когда эта мысль впервые пришла ему в голову, Дик первым делом попытался отключить «Наследие». Сделать это оказалось невозможным. Он оползал каждый миллиметр центра управления и ощупал каждую интерфейсную панель, но программа не предусматривала сам факт отключения проекта. Провозившись полдня, он нашел команду активации лифта, ведущего в генный банк. Спустившись в бескрайнее хранилище Дик долго бродил среди бесконечных рядов криогенных установок и микроклиматических термосов, десятками этажей уносящихся к теряющимся в темноте каменным сводам. Могучие механизмы и сверкающие гальванизированными поверхностями неизвестные устройства, замершие в ожидании своего часа, молчаливыми гигантами замерли в полумраке колоссального помещения. «Наследие» бесстрастно вело отсчет, и Дик, чувствовавший себя муравьем среди тысяч исполинов, не мог понять, как должно распорядиться полученным знанием.

Это чувство беспощадно жгло его изнутри. Мрачные картины последствий открытия «Наследия» в его воображении перемежались с радужными. Не может быть, чтобы люди не дожили до дня Возвращения. Человечество просто не может выродиться и исчезнуть. Мы выдержим, наши потомки выдержат. И когда «Наследие» начнет свою работу, они будут готовы. Они разработают средства защиты и в безопасности переживут удар активного агента. А потом, когда пройдет вторая фаза, выйдут в чистый мир и возродят великую цивилизацию! Вот, вот, как все будет на самом деле! Наука и здравый смысл будут во главе угла, кто будет заботиться о своих личных мелочных интересах перед лицом всеобщей опасности? Никто! Это же элементарно!

Эта мысль сразу расставила все на свои места и придала ему бодрости. Он должен обо всем рассказать Президенту Рокфеллеру. Политические дразги с оппозицией и борьба за власть сразу же отойдут на второй план. Альянс бросит все силы на создание способа противостоять активному агенту и таким образом сохранит остатки человечества. Тем более, что теперь, когда «Наследие» найдено, все узнают о том, что возрождение планеты возможно. Оставшиеся ЦСГР объединятся в работе над общей проблемой, и перед совместными усилиями ученых двадцати семи Центров не устоит никакая задача.

Дик принял решение и направился к лифту. С непривычки он запутался в бесконечных проходах между грандиозными стеллажами и вместо лифта вышел к стене. Он уже собирался повернуть обратно, как его

взгляд что-то привлекло. Дик подошел поближе. В самом углу колоссального помещения он увидел маленькую красную дверцу с надписью на незнакомом языке. Чуть ниже русские слова дублировались китайскими иероглифами. Надпись гласила: «Экстренное ручное управление». Дик потянул за ручку, дверца оказалась незаперта.

Прямо за ней в стену была вмурована небольшая стеклянная панель, за которой тускло светились какие-то цифры. Дик присмотрелся, пытаясь прочесть едва заметные иероглифы, нанесенные под русскими названиями у элементов управления. Элементов было всего два. Маленькое гнездо с торчащим ключом и крупный тумблер. Над тумблером стояла надпись «Грузовые ворота», два его положения были отмечены словами «открыты» и «закрыты». Рычажок тумблера был установлен в положение номер два. Надпись над гнездом с ключом гласила: «Проект „Наследие“, и имела три положения: „принудительная остановка“, „экстренная активация“ и „обратный отсчет“. Ключ находился в положении „обратный отсчет“. В самом верху приборной панели располагалось цифровое табло, отмеченное надписью „время до активации“. Электронная панель отсчитывала секунды в обратном направлении, и Дик не сразу понял, что видит обратный отсчет времени до запуска „Наследия“. Девяносто два года, три месяца, шестнадцать дней, четыре часа, двадцать три минуты и восемь секунд.

Дик некоторое время смотрел, как истекают секунды, неторопливо приближая роковой миг, после чего размахнулся и со всей силой ударил в стеклянную панель кулаком. Хруст кости слился с треском разбивающейся панели, и руку словно пронзило раскаленным ножом. Дик, поскуливая от боли, поднес ко рту пылающую огнем руку и слизнул выступившую из пореза кровь. Едва боль немного утихла, он протянулся к ключу и решительно повернул его в положение «принудительная остановка». Раздался щелчок, и цифры обратного отсчета застыли, словно нарисованные. Для надежности Дик потянул ключ на себя, но тот не поддался. Тогда он закрыл дверцу и поспешил к лифту.

В центре управления на всех экранах на трех языках тревожно мигала кроваво-красная надпись: «Внимание! Произведена принудительная остановка проекта!» Дик удовлетворенно окинул взглядом беззвучно вопящие мониторы и облегченно вздохнул. С его души словно упала многотонная глыба. Он подошел к карте расположения Центров и, вспоминая описание системы связи «Наследия», приведенное в базе данных, коснулся пальцем значка, обозначающего Центр «Гувер». На находящемся ниже карты пульте связи вспыхнула надпись «установление связи». Затем в динамиках раздался треск помех радиоэфира, и надпись

сменилась на «связь установлена».

– Центр «Гувер», это капрал Картрайт, прием! – неуверенно произнес Дик. – «Гувер», ответьте! Это капрал Картрайт, экспедиция «Наследие»! Вызываю Центр «Гувер»! Прием!

Спустя полминуты ему ответил изумленный голос:

– Это Центр «Гувер». – Слышно было плохо, голос радиста шипел и прерывался, и система связи «Наследия» автоматически подстроила частотные фильтры и увеличила звук. – Капрал Картрайт! Мы слышим вас! Где вы?

– Я нахожусь в центре управления проектом «Наследие», – ответил Дик, – мне необходимо срочно поговорить с Президентом. – Он мгновение помолчал и устало добавил: – Это очень важно.

Президент вышел в эфир через минуту. Дик подумал, что вряд ли он успел добраться до узла связи так быстро, скорее всего, его просто подключили к линии.

– Капрал Картрайт! – Голос Президента был полон оптимизма. – Я бесконечно рад вас слышать! Где вы находитесь? Где академик Райли?

– Я нахожусь в центре управления проектом «Наследие», – повторил Дик, – академик Райли погиб. Кроме меня, не выжил никто. Думаю, сэр, вам хорошо известно, почему.

– Боюсь, я не вполне понимаю вас, капрал, – недоуменно ответил Президент, – что случилось?

– Нас атаковали войска ЦСГР «Хайнань», – жестко произнес Дик, – кто-то сообщил им, будто мы – террористы, которые взорвали Центр у себя на родине и теперь прилетели в Китай, чтобы уничтожить «Хайнань».

– Это чудовищное недоразумение! – воскликнул Президент, буквально пылая возмущением. – Я не знаю, кто это сделал, но клянусь, виновные будут найдены и ответят перед законом! Я немедленно свяжусь с нашими китайскими коллегами и выясню у них все подробности! Картрайт, как вы вышли на этот спутник? Его нет в наших базах данных!

– Это собственный спутник программы «Наследие», – ответил Дик, – всего их было восемь, пять из них еще работают. «Наследие» следит за всеми Центрами планеты, анализируя тепло-, радио- и техногенную активность. Вы знали, что всего «Сёрвайвинг Корпорэйшн» возвело двести четыре Центра, господин Президент?

– Да, конечно! – важно ответил Рокфеллер. – Разумеется, я обязан знать подобные вещи!

– А о том, что на сегодняшний день жизнь сохранилась всего в двадцати семи из них, вы тоже знаете? – поинтересовался Дик.

– О! – Президент слегка замешкался. – Это очень, очень прискорбно! Капрал, я прошу вас не уходить с этой частоты и не прерывать связь! У нас проблемы с оборудованием, я свяжусь с вами через десять минут!

Эфир замолчал и ожил ровно спустя десять минут.

– Картрайт, вы на связи? – Голос Президента звучал более уверенно.

– Да, сэр.

– Введите меня в курс дела, капрал, что есть «Наследие» и можете ли вы обеспечить его работу? – Теперь Президент говорил спокойно, без обычной напыщенности.

Дик вспомнил, что он замечал такой тон у Президента, когда тот был уверен, что вокруг нет «лишних» ушей. Неужели Рокфеллер задумал утаить от общественности информацию по «Наследию» и ведет секретный сеанс радиосвязи? Дик помотал головой, отгоняя от себя эту крамольную мысль. Нет, Президент никогда бы так не поступил, ведь сотни тысяч граждан Альянса ждут...

– Картрайт, вы меня слышите? – повторил Президент и тут же добавил очень тихо, обращаясь к кому-то рядом: – Дьявол! Приведите сюда радиста, немедленно! Пусть наладят связь!

– Я в эфире, сэр, – ответил Дик, чувствуя, как противоречия накатывают на него снова, – мы говорим по секретной линии? Вы не хотите сообщить гражданам Альянса правду о «Наследии»?

– Это было бы преступлением! – возмущенно воскликнул Президент. – Мы ведем тщательную запись наших переговоров, капрал! Мы выпустим ее в эфир немедленно, но если информация имеет элементы важной государственной тайны, то эти элементы сперва необходимо... эээ... несколько смягчить. Вы понимаете меня, капрал? Вы же человек военный!

– Да, сэр, я вас понял, сэр! – успокоился Дик. – Вы совершенно правы!

– Отлично! – похвалил его Президент. – Так что такое «Наследие», и когда вы планируете его запуск?

– Мы не можем сейчас запустить «Наследие», сэр! – заявил Дик. – Оно выпустит в атмосферу активный агент, который в считанные недели поглотит всю биосферу. Все живое и вся органика погибнет, будет уничтожен даже песок! И только потом начнется возрождение планеты. «Наследие» заново засеет поверхность Земли!

– Капрал, повторите, я вас правильно понял? – уточнил Президент. – Оно заново засеет Землю? То есть у него есть семенной фонд?

– Тут миллионы тонн генетического фонда, сэр! – воскликнул Дик. – Бактерии, семена, эмбрионы! Этого, конечно, не хватит, чтобы засеять всю поверхность целиком, но самое главное – начало – будет положено!

– Картрайт, – перебил его Рокфеллер, – а что насчет смертельного реагента, о котором вы говорили? Он не вырвется на свободу самопроизвольно?

– Это называется активный агент, сэр, – поправил Президента Дик, – нет, он не вырвется, это исключено. Я отключил систему.

– Превосходно! – Президент вновь перешел на пафосный тон. – Отличная работа, капрал! Вы настоящий герой Альянса, истинный американец! Мы не зря верили в вас!

– Сэр, – Дик воспользовался паузой в словах Рокфеллера, – необходимо связаться с оставшимися Центрами! Мы должны объединить усилия наших ученых и найти способ защититься от активного агента! Тогда мы сможем пережить его удар и возродить планету! Возможно даже, нам не придется ждать исхода Трехсотлетия!

– Разумеется, капрал! – мгновенно отреагировал Президент. – Мы именно так и поступим! Но прежде нам надо обезопасить само «Наследие». Нельзя сообщать о нем другим, пока мы не убедимся, что оно в безопасности, Картрайт! Вы меня понимаете? Судьба планеты сейчас зависит только от вас!

– Да, сэр! – ответил Дик. – Я понимаю, но...

– Мы немедленно высылаем к вам самолеты. Они доставят наших лучших ученых. Скажите, капрал, если я правильно понимаю, «Наследие» может связаться с любым Центром?

– Да, сэр, именно так! – подтвердил Дик.

– Превосходно! – вновь воскликнул Президент. – Я лично возглавлю научную экспедицию и прилечу к вам, чтобы провести переговоры с другими Центрами!

– Вы прилетите сюда?! – Дик не поверил своим ушам. – Но ведь это же опасно, сэр!

– Перед великой целью спасения мира личная безопасность – ничто, капрал! – торжественно заявил Президент. – И вы своим примером это доказали! Я почту за честь присоединиться к вам! Мы планируем быть по известным координатам через... одиннадцать часов! А пока сохраняйте бдительность, капрал! Вся Америка надеется на вас! Вы слышите меня, Картрайт?

– Да сэр! – Дик понял, что зря сомневался в Президенте. – Я вас не подведу, сэр!

Подгорный комплекс «Наследия» был совершенно не предназначен для жизни. Единственным признаком его человеческого предназначения

оказался небольшой туалет, который Дик обнаружил недалеко от лифтовой площадки в хранилище. Из простенького крана в маленьком умывальнике, к удивлению Дика, вода потекла сразу, едва он поднял вверх рычажок смесителя. Дик постарался помыться, неуклюже шевеля опухшей правой рукой. Похоже, разбивая стекло, скрывающее пульт ручного управления, он заработал сильный перелом. Кисть опухла и посинела, став чем-то похожей на такой же опухший локоть левой руки. Когда умывание окончательно превратилось в пытку, Дик плюнул на водные процедуры и, приложившись к крану, пил до тех пор, пока не почувствовал, что его желудок готов лопнуть от переполнявшей его воды. Может, хоть так ему удастся заглушить острое чувство голода, нещадно терзающее его вот уже несколько часов.

Он поднялся в центр управления и улегся на пол прямо посреди небольшого помещения. Дик пытался заснуть, но подавить голод водой ему так и не удалось, из-за чего сон так и не приходил. Тогда он стал думать о том, какая непростая задача стоит перед выжившими Центрами. Изучить активный агент и создать средство защиты от него. Такое под силу только совместной работе ученых всех Центров, да и то сложность проблемы просто колоссальна. Зато успех в этом деле будет ознаменовывать начало новой эры для человечества и планеты Земля. Единственное, что омрачало радость, это судьба лигов. Жаль, что спасти их все-таки невозможно. Но, без сомнения, объединенное человечество проявит гуманизм и не станет обрекать на мучительную смерть всех несчастных. Уничтожены будут только непримиримые и кровожадные, остальные будут счастливо доживать свои последние дни на чистой планете. Жаль, что Лу не увидит этого! При мысли о девушке его сердце вновь защемило, и на глаза навернулись слезы. Нет, так нельзя. Дик взял в себя в руки. Лу погибла как настоящий герой. Именно благодаря ей человечество спасено. Она бы не одобрила его слезы...

Дик не заметил, как заснул. Секунду назад он просто лежал на холодном полу, пачкая его грязью, размазанной по телу во время неудачной попытки помыться, и вот уже он стоит среди токсичных джунглей. Странно, но ядовитая окружающая среда оказалась совсем безопасна для Дика, хотя вместо скафандра на нем были лишь рваные штаны. Где-то за спиной раздался мелодичный смех Лу, и Дик обернулся, ища глазами девушку. Ее стройное тело мелькало за покрытыми язвами листьями огромного лопуха, и Дик поспешил к ней. Разбитая при падении нога совершенно не болела, идти было легко и свободно, он словно скользил над липкой травой, даже не наступая на стебли.

Он проскользнул мимо куста и остановился. Лу играла с большой пятнистой кошкой, покрытой гнойниками и проплешинами лишаев. По уродливо маленьким задним лапам и кривым клыкам Дик узнал тварь, располозовавшую Норманна, которую застрелил Мэрфи. Он попытался предупредить Лу об опасности, но та словно не слышала его. Девушка махала перед носом у кровожадной твари веточкой, и кошка весело прыгала вокруг нее, гоняясь за свободным концом. Дик вдруг понял, что если он срочно не предпримет что-нибудь, то тварь неизбежно разорвет Лу. Он огляделся в поисках хоть какого-то оружия и увидел Мерфи. Капитан сидел на камне, положив пулемет на колени, и слегка улыбался, наблюдая, как Лу играет с кошкой.

Дик закричал, требуя, чтобы капитан немедленно открыл огонь и застрелил опасную тварь, но Мэрфи не обратил на него никакого внимания. Тогда Дик подбежал к нему и попытался схватить пулемет, чтобы пристрелить тварь самому. Но пулемет оказался настолько тяжел, что ему не удалось даже сдвинуть его с места. В отчаянии Дик рванулся к кошке и изо всех сил ударил ее ногой. Тварь подпрыгнула, скрючившись пополам, и жалобно заскулила от боли. Улыбка на лице Лу сменилась маской боли, она уронила ветку и бросилась к кошке. Девушка обняла тварь, заботливо гладя ее по липкой от гноя шерсти. Кошка прижалась к ней, глядя на Дика полными страданий глазами. Тогда Лу легко взяла хищную тварь на руки и, убаюкивая, словно ребенка, понесла вглубь джунглей.

Дик побежал было за ней, пытаясь остановить и образумить, но Лу не слышала его и словно растворилась в зарослях. Он попробовал идти следом, но стена растительности была настолько плотной, что ему не удалось сделать даже шага. Тогда Дик решил пойти в обход. Он развернулся и тут же наткнулся на Мэрфи. Капитан стоял прямо перед ним, в каких-нибудь трех шагах. Только теперь его скафандр был густо вымазан в липком яде джунглей, покрыт грязью и залит кровью, в некоторых местах резинопластик зиял рваными ранами, из которых торчали кровавые ошметки армирующих нитей. Лицевой щиток гермошлема Мэрфи был покрыт трещинами, раскаленный ствол пулемета в его руках густо дымился.

– Дурак ты, Картрайт, – капитан брезгливо смотрел на Дика, – я так ничему и не научил тебя.

– Но почему, сэр?! – обиженно воскликнул Дик. – Я не понимаю...

– Это потому, что тебе нечем, – последовал знакомый ответ. – Отправил влюбленную девчонку на смерть, вот молодец! А потом остановил «Наследие» и спас человечество, так? – Мэрфи смотрел на него,

как смотрел бы повар на только что найденного в кладовой червя. – Ты и впрямь эпический герой! Ну, как тебе быть властителем судеб? Нравится? Пора, Картрайт, пора тебе всерьез задуматься о политической карьере!

– Сэр... – Дик растерялся, – но... почему вы так... и Лу... я не виноват... я же оставил ее у дороги... она сама...

– Ага, ага, – капитан нарочито серьезно закивал головой, – она сама во всем виновата, ну разумеется! Как хорошо, что я не убил ее тогда, у хижины, да? Появилась такая прелестная возможность угрожать ее более утонченным способом. – Лицо Мэрфи вдруг приняло выражение, точь-в-точь как у Президента Рокфеллера, и капитан торжественно произнес, копируя президентские интонации: – Не бойся, Лу! Я вколол тебе супер-пупер лекарство! Ты выздоравливаешь, я спас тебя! – Он язвительно посмотрел на Дика и добавил: – Кстати, Картрайт, у тебя, часом, не завалялось дозы морфия? А то у меня закончились, а тут такое дело – очень надо, видишь ли! – капитан кивнул на покрытый кровоточащими дырами скафандр.

– Сэр... я... у меня... – Дик торопливо зашарил по карманам, ища аптечку, но карманы прохудились еще в пещере, и в них не было ничего, кроме дыр. – Нет, сэр, у меня ничего нет... – виновато ответил он, – простите, сэр...

Мэрфи ничего не ответил, лишь махнул рукой и криво усмехнулся, не сводя с Дика насмешливого взгляда.

– Сэр, разрешите вопрос? – вдруг спросил Дик, сам не зная почему.

– Валяй.

– Почему вы не убили Лу тогда? У хижины? – Дик внезапно почувствовал, что для него очень важно узнать ответ.

– Жалеешь? – поднял брови Мэрфи.

– Нет-нет! Что вы! Я имел в виду, почему вы... вняли моей просьбе сохранить ей жизнь? – поспешно поправился Дик.

Мэрфи снова посмотрел на Дика тем задумчивым взглядом, который был у него там, на поляне у хижины.

– Ты заявил тогда, что мы не должны уподобляться лигам, убивающим все, что движется. Так вот, Картрайт, лиги не убивают все подряд. Это делаем мы. Они всего лишь пытаются выжить. Даже на тех, кто настойчиво пытается стереть их с лица Земли, нападают далеко не все лиги, да и то не всегда, капрал. Это мы уничтожаем их везде, где только встретим, если у нас есть хоть капля такой возможности. А еще берем в рабство и сажаем на наркотики, чтобы уж наверняка. Лиги для нас – это уродливый мусор, капрал. Люди по-прежнему относятся к ним, как к безмозглому тупому

стаду, из которого можно извлечь немного прибыли, как когда-то наши предки, доблестные отцы «Сёрвайвинг Корпорэйшн», относились к их предкам, платившим за трансгенную пищу.

Капитан усмехнулся:

– Круула, уничтожившего несколько тысяч своих врагов, столетиями убивавших его соплеменников и живущих в предвкушении того часа, когда на планете умрет последний лиг, называют кровожадным палачом, Картрайт. А мудрым президентам и прочим вождям, ради собственной политической выгоды обречшим на смерть многие миллионы жизней, вручают нобелевские премии мира и чествуют в веках. Учись, капрал, и станешь генералом! А еще лучше – Президентом!

– Не слушайте его, мистер Картрайт! – Дик оглянулся и увидел рядом с собой Президента Рокфеллера. – Круул – кровавый тиран, а капитан Мэрфи – неадекватный человек, чья психика пострадала от боевых действий и инвазивности! Я все делаю ради Америки и демократии!

В ответ иронично зазвучал капитанский смех. Дик повернул голову к Мэрфи, но того уже не было на месте. Лишь трава, на которой он стоял, была густо покрыта каплями крови, и из глубины джунглей доносился его удаляющийся издевательский хохот.

– Не слушайте его, Картрайт, слушайте меня! – Президент приблизил свое лицо к лицу Дика так, что остались видны лишь глаза. – Вы слышите меня, Картрайт? Вы слышите меня? Прием!

Дик открыл глаза и не сразу понял, где находится.

– Капрал Картрайт, это Президент Рокфеллер, вы слышите меня? Прием! – доносилось из невидимых динамиков центра управления.

Дик, наконец, сообразил, что к чему, и поднялся на ноги. Вставать было тяжело. К боли в руках и ногах прибавились болезненные ощущения в почках, наверное, сказался сон на холодном полу. Он подошел к карте и ответил:

– Это капрал Картрайт, – его голос прозвучал хрипло и невнятно, и Дик прочистил горло, – я на связи, сэр!

– Мы вызываем вас уже три часа! – с неподдельной тревогой отозвался Президент. – Почему вы не отвечаете?

– Я... немного пострадал, пока добирался до «Наследия», сэр, – сказал Дик, – мне надо было отдохнуть.

– Держитесь, капрал! – воззвал Президент. – Мы верим в вас! Осталось совсем немного! Наши самолеты уже заходят на посадку! Мы выгружаемся и немедленно отправляемся к вам, Картрайт! Где расположен вход в «Наследие»? Под монастырем?

– Через него, пожалуй, лучше не идти, – задумался Дик, – там система защиты уничтожает всю органику. Пока дойдете, потеряете снаряжение, и выйти назад будет проблематично...

Тут он вспомнил про панель ручного управления.

– Здесь есть грузовые ворота, сэр! – воскликнул Дик. – К вашему приезду я попробую их открыть!

– Сделайте это, капрал! – важно одобрил Президент. – Америка надеется на вас!

Дик, пошатываясь, прошел к лифту и остановился. Если он спустится в хранилище, то не будет иметь связи с Президентом. А просто открыть ворота означало впустить внутрь микроклимата комплекса биологическое заражение. Пожалуй, стоит подождать момента, когда научная экспедиция доберется до горы. Стоять на пульсирующей болью ноге было тяжело, и Дик уселся на пол рядом с лифтом. Боль начала стихать, и Дик провалился в забытие.

Неприятно зудящий шум вывел его из дремоты.

– Капрал Картрайт! Ответьте! Картрайт! Мы поможем вам! – разрывались динамики голосом Президента. – Ответьте, капрал! Мы рядом!

– Это Картрайт, сэр! – Дик взял себя в руки и поднялся, морщась от боли, охватившей все тело.

– Мы все рады вас слышать, капрал! – облегченно вздохнул Президент. – Наша экспедиция достигла горы. Что нам делать дальше?

– Сейчас я открою ворота и сообщу, на какую сторону они выходят, – доложил Дик и поковылял к лифту.

– Мы ждем вашего сигнала! – донесся ему в спину ответ Президента.

До пульта ручного управления Дик добирался долго, дважды беря неверное направление и выходя не туда. Наконец, он все же увидел заветную красную дверцу. Дик протянул руку к тумблеру открытия ворот и решительно надавил на рычажок, переводя его в положение «включено». Где-то в недрах горы раздался тихий мерный гул, и под сводами хранилища зазвучал бесцветный голос. Он что-то произнес по-русски, затем по-китайски:

– Система открытия ворот активирована. Ожидайте окончания процедуры.

Метрах в ста от него в полумраке бесконечного хранилища вспыхнула и завращалась цепь оранжевых ламп, отбрасывая во все стороны лучи предупредительного света. В следующий миг под лампами часть стены, размером в добрых двести квадратных метров, выехала наружу и скрылась

где-то внизу, открывая ровный проем ворот. В возникшем створе тут же что-то зашипело, и до Дика донесся мощный шум воздушных струй. Механический голос вновь произнес что-то по-русски и сдублировал на китайском:

– Зафиксирована враждебность внешней среды. Воздушный барьер включен. Система обеззараживания включена. Доступ из хранилища в центр управления на время открытия ворот заблокирован.

Дик понял, что до тех пор, пока ворота открыты, назад ему не вернуться. Он поковылял к открывшемуся створу. Надо понять, куда выходят ворота, потом закрыть их, подняться в центр управления, сообщить Президенту, затем снова открыть...

Но все оказалось проще. Когда Дик подошел к открытым воротам, он увидел, как далеко внизу по старой дороге, ведущей почти к самому хранилищу, уже ползет изогнутая змейка колонны. Смотреть через бьющие в створе ворот мощные воздушные потоки, отсекающие внешний воздух от внутреннего пространства комплекса, было неудобно. Горячий воздух дрожал, и в образовавшемся мареве изображение расплывалось, приобретая нечеткие формы. Дик попытался осмотреть конструкцию ворот. Похоже, наружу выдвигалась огромная часть горы, которая опускалась вниз и создавала недостающую часть дороги, после чего открывались сами ворота. В закрытом состоянии комплекс был недоступен, ведущая к нему дорога упиралась в отвесный обрыв. Дик удивленно вздохнул, не уставая восхищаться возможностями предков.

По мере приближения колонны, он стал различать ее состав более отчетливо. В авангарде и арьергарде колонны шли несколько БМП охраны с десантом на броне, в середине двигалась пятерка грузовиков с учеными. Головная БМП остановилась метрах в двадцати от входа в комплекс, и с нее спрыгнуло несколько человек в боевых скафандрах с оружием наперевес. Они осторожно приблизились к перекрытым воздушным барьером воротам, и ближайший из подошедших направил на Дика раструб переносного динамика.

– Капрал Картрайт, это вы? – раздался хрипящий изношенными мембранами голос.

– Да, это я, – крикнул Дик и сразу же понял, что мощный шум воздушного барьера заглушает его голос.

Тогда он утвердительно кивнул, знаком показал, что вокруг слишком громко, и сделал приглашающий жест, зовя прибывших войти внутрь. Солдаты с опаской подошли вплотную к барьеру, и один из них поднес к воздушным струям анализатор биологической активности. Табло прибора

вспыхнуло обилием цифр, и люди поспешно отступили назад. Дик увидел, как шевелятся губы старшего команды, по-видимому, он что-то докладывал начальству. Через пару секунд колонна пришла в движение. Грузовики выстроились рядом друг с другом, и БМП встали за ними, расположившись полукольцом, беря на прицел окрестности комплекса. Двери грузовых кунгов распахнулись, и оттуда посыпались вооруженные люди в боевых скафандрах. Дик непонимающе обводил солдат взглядом, не находя ученых. Небольшая армия закончила выгрузку и заняла позиции вокруг входа в «Наследие», готовая дать отпор каждому, кто захочет приблизиться к комплексу.

К воротам подкатила командирская БМП, и из нее вышел Президент в автономном скафандре максимальной степени биологической защиты. В сопровождении нескольких вооруженных людей в таких же скафандрах, он подошел вплотную к воздушному барьеру и кивнул одному из сопровождающих. Тот с силой швырнул сквозь барьер переговорное устройство. Мощные воздушные струи барьера сшибли его на лету, впечатывая в пол. Брызнули осколки лопнувшего пластика, тут же сметенные воздушным потоком, и разбитый переговорник, извиваясь телефонным проводом, словно змеей, вылетел обратно на улицу.

Дик отрицательно покачал головой, давая понять, что таким образом ничего не выйдет, и снова сделал приглашающий жест, предлагая Президенту войти. Однако тот входить не спешил. По его приказу принесли длинный шест, к его концу прикрепили новый переговорник, и четверо солдат, упираясь друг в друга, все-таки продавили воздушный барьер. Дик вздохнул и снял плоский овал переговорника с уткнувшегося ему в грудь шеста. Он прикинул, долго ли натянувшийся, словно струна, телефонный провод выдержит воздействие воздушного барьера, и произнес в микрофон переговорника:

– Это капрал Картрайт, сэр. Вы можете войти внутрь, господин Президент. Здесь безопасно. В комплексе поддерживается свой микроклимат.

– Приборы обнаружили в воздушных потоках входа неизвестную биологическую активность, – осторожно ответил Президент, – которая оценивается как весьма агрессивная...

– Это система защиты «Наследия», – устало произнес Дик, – ее кратковременное воздействие неопасно. Но если вы будете подвергаться воздействию этих микроорганизмов долго, они сожрут всю органику, которая на вас надета. Посмотрите на меня, сэр. Это все, что осталось на мне после того, как я прошел систему защиты «Наследия».

Стоящие перед барьером разом отступили назад. Президент несколько секунд посовещался со спутниками и ответил Дику:

– Вы уверены, капрал, что через это можно пройти безопасно?

– Уверен, сэр, – подтвердил Дик, – только лучше всего это делать на четвереньках.

Президент отдал одному из сопровождающих переговорник и вновь подошел к барьеру. Он встал на четвереньки и пополз сквозь мощные струи. На середине барьера его чуть не опрокинуло воздушным потоком, Президент торопливо распластался по полу и преодолел остаток пути ползком. Оказавшись внутри, он встал и достал из подсумка анализатор биоактивности. Он долго сверялся с его показаниями, после чего убрал прибор и разгерметизировал лицевой щиток гермошлема.

– Невероятно, – удивленно произнес он, подходя к Дику, – но атмосфера здесь намного чище, чем внутри Периметров!

– Все биологические системы «Наследия» разработаны доктором Сэмюэлем Уэйном, – ответил Дик, – вам нужны еще какие-нибудь гарантии?

– Нет, этой достаточно с лихвой, – улыбнулся Президент, – итак, это и есть «Наследие»? – Он оглянулся вокруг. – Впечатляет. Поразительно, как Шаро Великой удалось сохранить в тайне от концерна такое масштабное строительство!

– Некому было предавать ее, сэр, – пожал плечами Дик, – «Наследие» строили лиги. Бесплатно. Только добровольцы. МАГБ, точнее, то, что от нее осталось в тот момент, финансировало проект из своих секретных фондов и через подставных лиц размещало производственные заказы на различных предприятиях. Строители, работающие здесь, подстригались в монахи и до конца жизни проживали в монастыре, что стоит на вершине этой горы, храня тайну «Наследия». Настоятелем монастыря был давний друг Великой Шаро, Хань Цзы. «СК» считала его давно отошедшим от дел. Он более пятидесяти лет не проявлял никакой враждебности к концерну.

– Да, неспособность концерна в прошлом расправиться со своими врагами сыграла на пользу его потомкам в будущем! – улыбнулся Президент. – Но теперь все изменится! Наш Альянс стал обладателем огромных сокровищ. Мы сможем диктовать свои условия всему миру.

– Простите, сэр, а где научная команда, которая должна изучать «Наследие»? – спросил Дик.

– Она прибудет позже, – отмахнулся Рокфеллер, – прежде всего надо удержать «Наследие» в своих руках. Едва весть о нем достигнет других Центров, здесь станет жарко. Мы уже начали срочную переброску войск, и

я надеюсь на ваше благоразумие и помощь, капрал. Откуда управляется «Наследие»?

– Здесь есть специальный центр управления, но доступ в него закрыт, пока открыты ворота, сэр, – ответил Дик.

– Меры предосторожности Шаро Великой, – усмехнулся Президент, – понимаю. Ладно, военные эксперты позже во всем разберутся. – Он ткнул рукой в ближайшую громаду микроклиматического термоса. – Я так понимаю, это и есть хранилища семенного фонда? Да, вы не ошиблись, Картрайт, здесь миллионы тонн пищевой органики!

Президент включил ближнюю связь и вызвал своего помощника:

– Морган, загоняйте сюда грузовики. Барьер проходить быстро, дальше опасности нет.

– Система «Наследия» поистине гениальна, сэр! – с восхищением произнес Дик. – Она способна в режиме полной автоматике очистить планету, а после возродить ее!

Они шли вдоль бесконечных рядов генного банка, и Дик увлеченно рассказывал Президенту принцип действия «Наследия». Об активном агенте, созданном поглотить биосферу, о его гибели, предназначенной стать питательной средой для почвообразующих бактерий, о многочисленных стадиях высевания микромира, флоры, а затем и фауны, о гениальном плане возрождения жизни в мировом океане...

Казалось, Рокфеллер внимательно его слушал. В комплексе раздался рев моторов, и Дик увидел грузовики, прошедшие через воздушный барьер. Вместе с ними в хранилище проник звук автоматных очередей. К Президенту подбежал военный со знаками различия полковника.

– Что за стрельба? – осведомился Рокфеллер.

– Лиги, сэр! – доложил полковник. – Ничего страшного, так, уродливые оборванцы. Валят толпами поглазеть на чудо света, ну как же, скала разверзлась. Мы их отстреливаем, сэр. С аэродрома передают, у них то же самое. Уроды устроили паломничество. Пулеметы перегреваются. – Он коротко усмехнулся.

– Понятно. Полковник, берите людей, оборудование и вскрывайте ближайшую емкость, – распорядился Президент, – грузите в транспорт и немедленно выдвигайтесь на аэродром. Передайте штабу Альянса мой приказ ускорить мобилизацию. Нам нужно больше сил. Следующим рейсом я хочу получить танки. Вы меня поняли?

– Да, сэр! – Полковник козырнул и умчался выполнять полученный приказ.

– Но, сэр! – недоуменно воскликнул Дик. – Нельзя разрушать генные

банки! Мы же разрушим систему «Наследия»! Оно может не сработать! Своими действиями мы ставим под угрозу будущую очистку планеты!!!

– Я не могу отправить самолеты в порожний рейс, – ответил Президент, – а на эти запасы мы приобретем горючее. – Рокфеллер обвел рукой теряющийся в сумраке комплекс. – Картрайт, да на это мы купим весь мир с потрохами! Очень скоро нам не нужно будет ни с кем воевать! Все сами придут к нам с предложениями сотрудничества, чтобы иметь возможность кормиться из наших рук!

– Но как же очистка планеты?! – Дик почувствовал, что представлял себе все совсем не так, глядя на разворачивающиеся кузовами к генному банку грузовики. Солдаты с резаками уже начали прожигать обшивку ближайшей емкости. – Разве мы не должны изучить активный агент и разработать способы защиты от него?

– Мистер Картрайт, – Президент недовольно поморщился, – изучение этого весьма опасного микроорганизма требует огромных усилий и опять-таки средств, которых у нас нет. И занять эти работы могут много лет. И никто не гарантирует, что они дадут положительный результат. А кормить людей мне надо сейчас.

– Но чем мы будем возрождать планету, если съедим генные банки «Наследия»? – Дик с ужасом увидел, как вырезанная часть кожуха термоса рухнула на пол, обнажая емкость из прозрачного биополимера, заполненную зерном.

– Картрайт, – Рокфеллер разочарованно вздохнул, – вы, кажется, чего-то не понимаете, да? Все это, – он кивнул на хранилище, – не только пища, но и ключ к установлению демократического доминирования Америки во всем мире. И я не намерен зарывать в землю столь колоссальные средства в угоду маниакальным прихотям сумасшедшей старухи, возомнившей себя спасительницей мира, и сопливному мальчишке, чья голова забита наивной чушью!

– Господин Президент! – К Рокфеллеру подбежал полковник в окружении нескольких солдат. – Зерно в этих емкостях находится россыпью! Если разбить их сейчас, оно просто высыплется на пол.

– Разбивайте! – махнул рукой Президент. – Здесь чистая атмосфера. Зерно собирать лопатами и упаковывать в гермоконтейнеры, которые пришли третьим самолетом. Вторым рейсом надо будет прислать сюда пневмопомпы!

– Слушаюсь, сэр! – Полковник принялся отдавать указания подчиненным.

– Так вы заранее планировали вскрывать генные банки?! – ужаснулся

Дик, не веря своим ушам. – И даже привезли с собой контейнеры!

– Полковник! – Президент устало скривился. – Капралу Картрайту нужна срочная медицинская помощь. Он сильно пострадал, пока пробивался к «Наследию» через враждебную природу. Отведите его в лазарет, и пусть медики сделают все, чтобы помочь герою Америки!

– Да, сэр! – вытянулся полковник. – Сию минуту, сэр! – Он сделал знак солдатам.

Дика подхватили под руки и потащили к выходу. Не в силах сопротивляться, он обмякшим мешком висел на несущих его руках и смотрел, как солдаты выставляют гермоконтейнеры возле емкости с зерном, готовясь вскрыть прозрачный корпус.

– Дурак ты, Картрайт, – отчетливо услышал он грустный голос Мэрфи. Дик завертел головой, пытаясь отыскать капитана.

– Полегче, капрал! – одернул его кто-то из конвоиров. – Сейчас тебе помогут, не дергайся!

Мэрфи стоял среди орудующих резаками солдат и разочарованно смотрел прямо ему в глаза сквозь забрызганный кровью лицевой щиток гермошлема, густо покрытый сетью трещин.

– Сэр! – в отчаянии воскликнул Дик. – Я не виноват, сэр!

Но капитан лишь махнул рукой и пошел вглубь хранилища, оставляя за собой кровавый след.

– Никто тебя не обвиняет, капрал! – ободрил его голос конвоира. – Мы просто несем тебя в лазарет. Там тебе помогут.

Дик провожал взглядом Мэрфи, но его фигура быстро растаяла в темноте.

– Давай! – Полковник взмахнул рукой, и синеющие пламенем жала резаков вонзились в прозрачную емкость.

В ту же секунду под сводами хранилища раздался оглушительный звуковой сигнал, и механический голос что-то произнес по-русски. Все замерли, озираясь вокруг. Автоматика повторила предупреждение на китайском:

– Внимание! Угроза разгерметизации микроклиматического термоса номер 77X – 5038С – 1695! Зафиксировано опасное повышение температуры корпуса! Бригаде монтажников срочно прибыть на место неполадки!

Дик понял, что система, никогда не предназначавшаяся для уничтожения, считает вторжение в хранилище чем-то вроде плановых ремонтных работ и не будет сопротивляться вандализму.

– Что за дерьмо?! – испуганно произнес один из конвоиров.

– Это сигнал тревоги! – заявил Дик. – Предупреждение об атаке! Немедленно отнесите меня к Президенту! Скорее, нам всем угрожает опасность!

Конвоиры бегом потащили Дика к Рокфеллеру. Вокруг него уже заняло оборону кольцо телохранителей.

– Что происходит, Картрайт? – Президент настороженно оглядывался вокруг. – Что это было?

– Грузовики занесли в хранилище заражение! – воскликнул Дик. – Через тридцать секунд сюда начнет подаваться агрессивный агент. Вся органика, включая живые организмы, будет уничтожена! Надо бежать! Немедленно! Пока не закрылись ворота!

– Уводите Президента! – рявкнул полковник. – Всем немедленная эвакуация!

Телохранители сгребли в охапку Рокфеллера и потащили его к грузовикам, на ходу герметизируя гермошлем. Солдаты рванулись к выходу, бросая оборудование. Конвоиры Дика заколебались, соображая, куда им бежать с висящим на руках Картрайтом, и он воспользовался секундной заминкой.

– Оставьте меня! – торжественно заявил он. – Я должен отключить биологическую атаку! Только у меня есть шанс это сделать!

Конвоиры ткнули Дика ногами в пол и бросились бежать. Поврежденную ногу словно пронзило копьем, он не удержался и упал, ударившись о каменный пол сломанным локтем. От жуткой вспышки боли Дик едва не потерял сознание. Несколько секунд он лежал на полу и смотрел, как грузовики с места берут разгон, визжа покрышками, и один за другим ныряют в воздушный барьер. От соударения скоростей мчащихся машин и мощных воздушных струй стекла кабин не выдерживали и лопались, покрываясь паутиной трещин или обдавая сидящих в кабине ворохом осколков. Некоторые солдаты не успели погрузиться в грузовики и теперь что есть силы бежали к выходу. Они с разбега падали на пол и, судорожно извиваясь, ползли сквозь барьер.

Дик медленно поднялся, с трудом хватаясь опухшей правой рукой за стоящие рядом стеллажи. Он встал и медленно побрел к пульту ручного управления. Шел он долго. Дик достиг пульта в тот самый момент, когда через воздушный барьер внутрь хранилища просунулся шест с укрепленным на конце биоанализатором. Прибор показал нулевую степень биологической опасности, и спустя несколько секунд через воздушный барьер внутрь комплекса поползла группа захвата. Дик безразлично пожал плечами и щелкнул тумблером открытия ворот, переводя его в положение

«закрыто». В хранилище немедленно зазвучало предупреждение на двух языках:

– Система закрытия ворот активирована. Ожидайте окончания процедуры.

В недрах горы загудели могучие механизмы, и ворота начали закрываться. Штурмовая группа в ужасе поползла обратно, и Дик порадовался, что не видит отсюда происходящее снаружи. Огромная скала пришла в движение, стряхивая с себя в пропасть людей и технику. Тысячи тонн камня плавно поднялись из пропасти и заперли своей монолитной громадой закрывшиеся ворота в комплекс.

Оранжевые лампы над створом ворот погасли, и механический голос сообщил:

– Ворота закрыты. Отклонений в микроклимате не обнаружено. Лифтовая кабина активирована.

Дик несколько мгновений смотрел на панель ручного управления, затем протянул опухшую руку к ключу и провернул его. Раздался щелчок. Секунду ничего не происходило, затем механический голос привычно сообщил на двух языках:

– Внимание! Начата экстренная активация проекта «Наследие»! Всему персоналу немедленно покинуть помещения хранилищ, работа технических систем может быть опасна для жизни!

Огромные механизмы загудели, просыпаясь и приходя в действие. Могучие корпуса устройств вспыхивали индикаторами, шипели насосы, жужжали сервоприводы, деловито сновали подвижные части. Дик посмотрел на громадину оживающего комплекса, затем протянул руку к ключу и, по-морщившись от боли в кисти, сломал его в замочной скважине под самый корень. Потом он аккуратно закрыл красную дверцу и, улыбаясь, похромал к лифту. Он зашел в прозрачную кабину и нажал на кнопку со значком центра управления. Лифт плавно пошел вверх. На мгновение Дику показалось, что там, внизу, в центре огромного комплекса, он видит стоящих рядом Лу и Мэрфи. Они смотрели ему вслед и улыбались. Капитан что-то сказал, но услышать его на таком расстоянии было невозможно. Но Дику и не надо было слышать. Он и так знал, что капитан одобряет его решение.